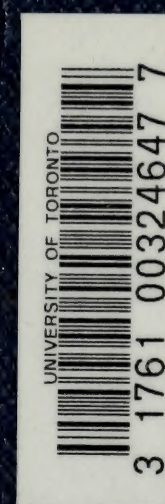
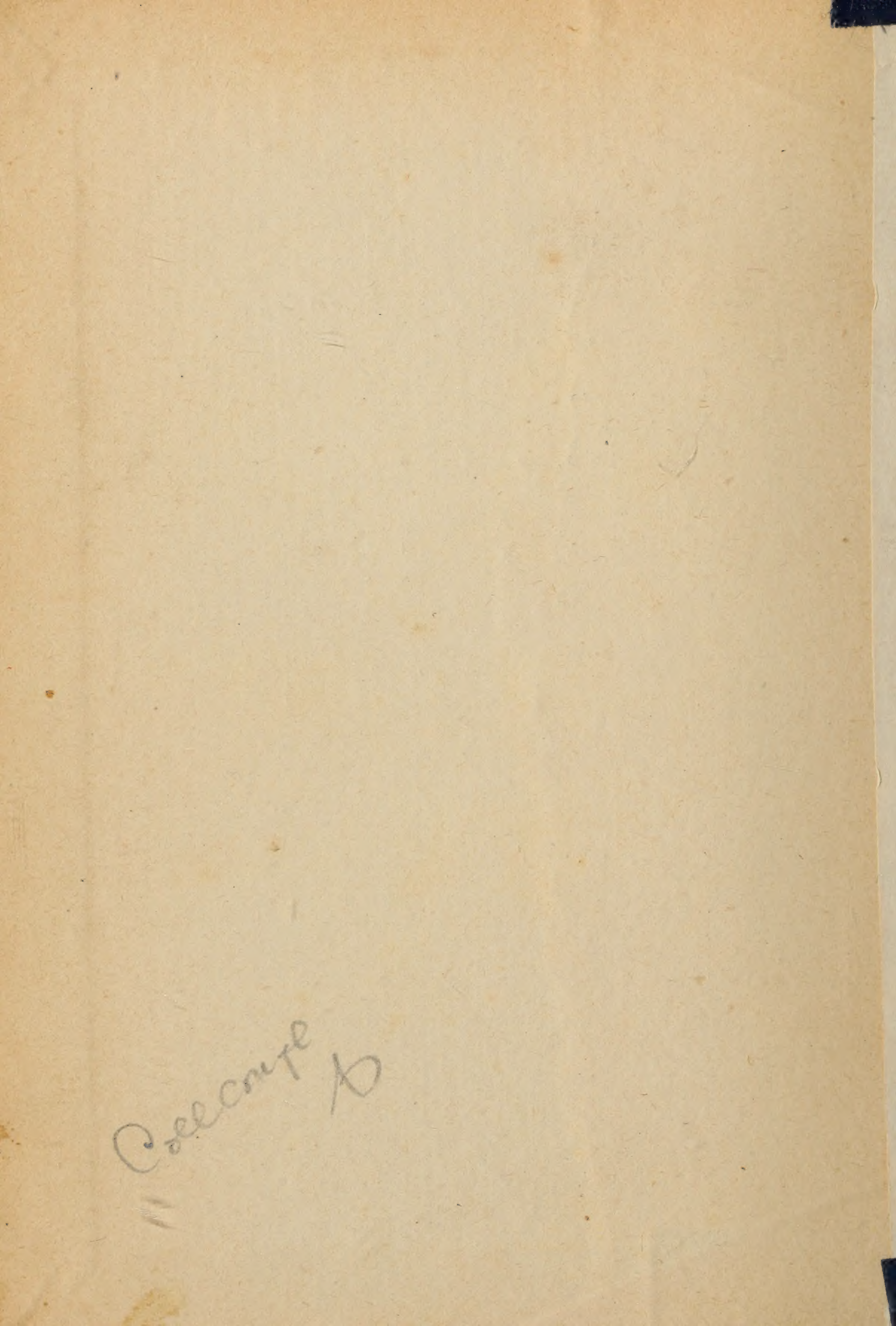
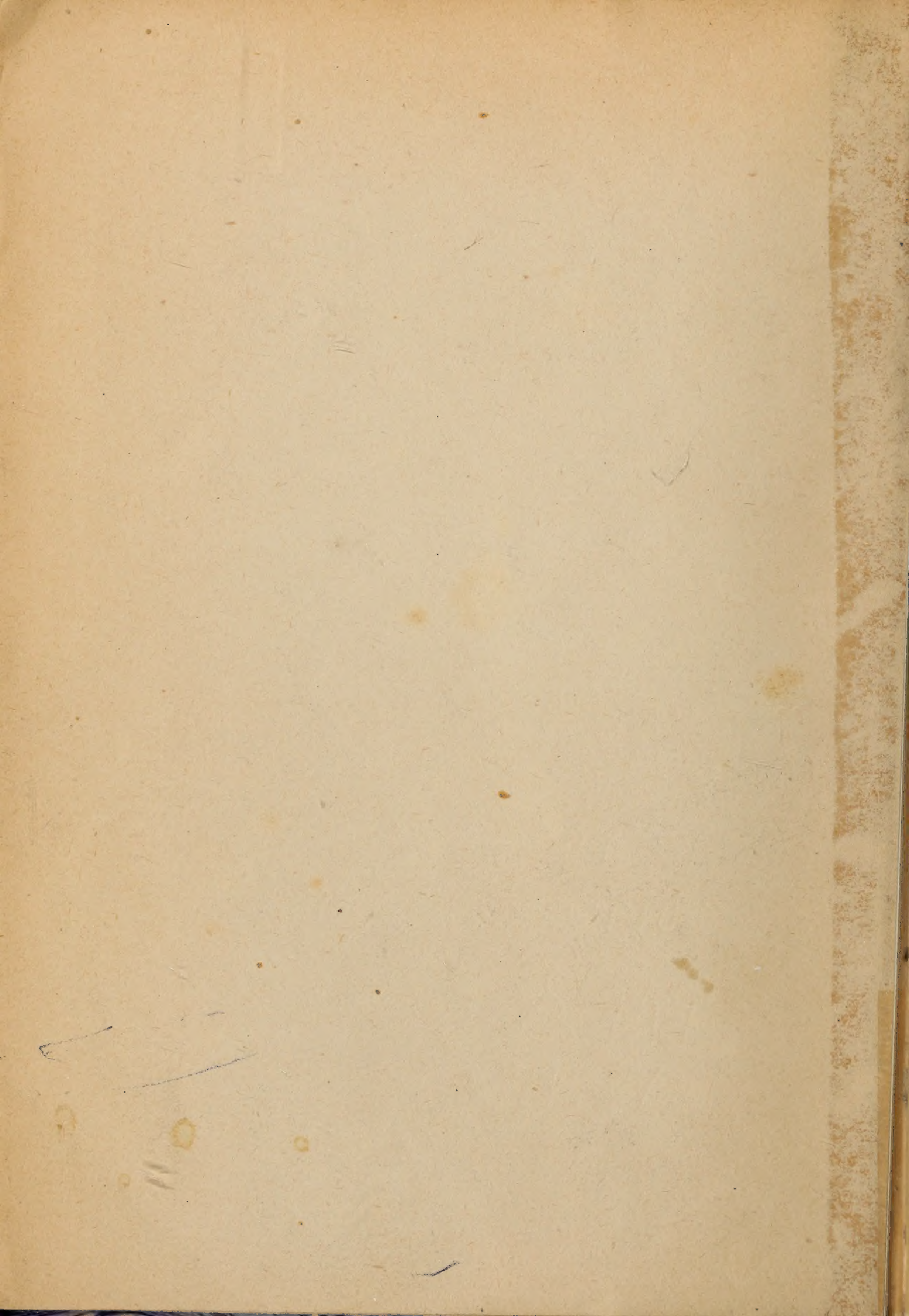

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324647 7





С. Т. Семеновъ.

Крестьянскіе разсказы.

Съ предисловіемъ

графа Льва Николаевича Толстого.

Изданіе второе, съ измѣненіями.

Типо-литографія Товарищества И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К. Пименовская ул., соб. д.

Москва—1904.

Декабрь 1922

ПОСЛѢДНІЯ

ВЪ СОВ.

АРЕСТЪ В. Г. ЧЕРТКОВА

Въ ночь съ 8 на 9 декабря арестованъ на своей квартирѣ В. Г. Чертковъ. Арестъ сопровождался обычнымъ обыскомъ по ордеру Г. П. У. («Дни»).

ЗА ЧТО УБИТЪ С. Т. СЕМЕНОВЪ

Мы уже сообщали о кошмарномъ убійствѣ въ деревнѣ близъ Москвы писателя изъ народа С. Т. Семенова. Какъ теперь выясняется, писатель палъ жертвой дикаго обвиненія въ... колдовствѣ. Вотъ что сообщаютъ изъ Москвы:

«Въ числѣ нѣсколькихъ крестьянъ, арестованныхъ по подозрѣнію въ убійствѣ, нашелся одинъ, который обвинялъ Семенова **въ колдовствѣ**... Односельчане обвиняли Семенова въ томъ, будто отъ него погибли лошади и коровы».

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОВЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я давно уже составилъ себѣ правило судить о всякомъ художественномъ произведеніи съ трехъ сторонъ: 1) со стороны содержанія: насколько важно и нужно для людей то, что съ новой стороны открывается художникомъ, потому что всякое произведеніе тогда только произведеніе искусства, когда оно открываетъ новую сторону жизни; 2) насколько хороша, красива, соотвѣтственна содержанію форма произведенія, и 3)насколько искренно отношеніе художника къ своему предмету, т.-е. насколько онъ вѣритъ въ то, что изображаетъ. Это послѣднее достоинство мнѣ кажется всегда самымъ важнымъ въ художественномъ произведеніи. Оно даетъ художественному произведенію его силу, дѣлаетъ художественное произведеніе заразительнымъ, т.-е. вызываетъ въ зрителѣ тѣ чувства, которыя испытываетъ художникъ.

И этимъ-то достоинствомъ въ высшей степени обладаетъ Семеновъ.

Есть извѣстный разсказъ Флобера, переведенный Тургеневымъ,—Юліанъ Милостивый. Послѣдній, долженствующій быть самымъ трогательнымъ эпизодъ

разсказа состоитъ въ томъ, что Юліанъ ложится на одну постель съ прокаженнымъ и согрѣваетъ его своимъ тѣломъ. Прокаженный этотъ Христосъ, Который уноситъ съ собой Юліана на небо. Все это описано съ большимъ мастерствомъ, но я всегда остаюсь совершенно холоденъ при чтеніи этого разсказа. Я чувствую, что авторъ самъ не сдѣлалъ бы и даже не желалъ бы сдѣлать того, что сдѣлалъ его герой, и потому и мнѣ не хочется этого сдѣлать, и я не испытывалъ никакого волненія при чтеніи этого удивительнаго подвига.

Но вотъ Семеновъ описываетъ самую простую исторію, и она всегда умиляетъ меня. Въ Москву приходитъ деревенскій парень искать мѣста и по протекціи земляка-кучера, живущаго у богатаго купца, получаетъ тутъ же мѣсто помощника дворника. Мѣсто это прежде занималъ старикъ. Купецъ, по совѣту своего кучера, отказалъ этому старику и на мѣсто его принялъ молодого парня. Парень приходитъ вечеромъ, чтобы стать на мѣсто, и со двора слышитъ въ дворницкой жалобы старика на то, что его безъ всякой вины съ его стороны разочли, только—чтобы дать его мѣсто молодому. Парню вдругъ становится жалко старика, совѣстно за то, что онъ вытѣснилъ его. Онъ задумывается, колеблется и наконецъ рѣшается отказаться отъ мѣста, которое ему такъ нужно и пріятно было.

Все это разсказано такъ, что всякій разъ, читая этотъ разсказъ, я чувствую, что авторъ не только желалъ бы, но и навѣрное поступилъ бы такъ же въ такомъ же случаѣ, и чувство его заражаетъ меня и мнѣ пріятно и кажется, что я сдѣлалъ или готовъ былъ сдѣлать что-то доброе.

Искренность — главное достоинство Семенова. Но кромѣ нея у него и содержаніе всегда значительно: значительно и потому, что оно касается самаго значительнаго сословія Россіи,— крестьянства, которое Семеновъ знаетъ, какъ можетъ знать его только крестьянинъ, живущій самъ деревенской тягловою жизнью. Значительно еще содержаніе его разсказовъ потому, что во всѣхъ главный интересъ ихъ не во внѣшнихъ событіяхъ, не въ особенностяхъ быта, а въ приближеніи или въ отдаленіи людей отъ идеала христіанской истины, который твердо и ясно стоитъ въ душѣ автора и служитъ ему вѣрнымъ мѣриломъ и оцѣнкой достоинства и значительности людскихъ поступковъ.

Форма разсказовъ совершенно соотвѣтствуетъ содержанію: она серьезна, проста, подробности всегда вѣрны: нѣтъ фальшивыхъ нотъ. Въ особенности же хорошъ, часто совершенно новый по выраженіямъ, но всегда безыскусственный и поразительно сильный и образный языкъ, которымъ говорятъ лица разсказовъ.

Левъ Толстой.

Хорошее житье.

I.

Алексѣй былъ старшій сынъ Петра Акимова. Второго сына Петра звали Степанъ. Тотъ былъ совсѣмъ не то, что Алексѣй. Молчаливый и необщительный, онъ любилъ больше уединеніе, на улицу въ праздники показывался мало, или дома сидѣлъ или уходилъ въ лѣсъ, на рѣку. Алексѣй же былъ совсѣмъ другимъ. Онъ былъ красивый, шустрый, разбитной, гдѣ на дѣлѣ не дойдетъ, на словахъ доскажетъ. Всегда и все у него выходило складно. Его и въ деревнѣ любили больше, чѣмъ Степана, и родительское сердце къ нему ближе лежало.

Когда Алексѣю исполнилось 19 лѣтъ, вышло засушливое лѣто. Мало собрали травы, еще меньше хлѣба. Круто приходилось всему селу, не легче было и Петру Акимову. Надѣла у него было на двѣ души, а ѣдоковъ четверо, и ѣдоки все хорошіе. Ребята за столъ сядутъ, хлѣба только подавай, а хлѣба собрали всего ничего, съ уборкой покончили въ этотъ годъ рано. Еще до Покрова и ленъ смяли и дровъ навозили. Разобрался Петръ съ скотиной: которую продалъ, которую зарѣзалъ, и осталось совсѣмъ нечего дѣлать

Одинъ разъ Петръ Акимовъ говоритъ женѣ:

— А дѣла-то, старуха, не хвали.

— А что?

— Работать-то все переработали, а къ веснѣ, пожалуй, придетъ, что въ обѣдъ въ лѣвую руку-то нечего будетъ брать.

— Что жъ теперь подѣлаешь, не отъ самихъ вѣдь?

— Знамо дѣло, я про это не говорю... Я все думаю, какъ лучше...

— Какъ же теперь лучше быть?

— Не сбыть ли намъ на зиму одного парня съ рукъ... Отошлемъ въ городъ, проживетъ до весны, добудетъ, что добудетъ, да дома хлѣба не ѣстъ, все выгода.

Старуха вздохнула.

— Много тамъ набито-то будетъ, не мы одни пошлемъ, чай, съ голодухи-то двинутся.

— У меня тамъ пріятель одинъ есть. Онъ постоянно живетъ—плотничаетъ... знакомство у него большое, попрошу его, авось куда-нибудь устроитъ.

— Что жъ, попытать не мѣшаетъ, только кого послать-то.

— Я думаю Степку.

Старуха удивилась.

— Отчего же Степку, а ежели Алешку?

— Боюсь я за Алешку, не скружился бы онъ тамъ: больно онъ до гульбы-то охотникъ, а Степка-то постепеннѣе.

— Въ чужихъ людяхъ не у себя дома, не разгуляешься... А онъ все-таки изъ себя повиднѣй, ему легче всякое дѣло дадутъ; опять пріостанови-ка его, люди говорить будутъ: что это старшаго не послалъ, аль онъ у нихъ подъ замѣткой! Выйдетъ покоръ, а намъ на него покора класть нечего... Онъ у насъ женихъ, не нонѣ, на новъ годъ невѣсту нужно будетъ сватать...

Петръ былъ мужикъ мягкій, податливый, онъ взялъ въ голову слова старухи и проговорилъ:

— Ну, что жъ Алешку, такъ Алешку, пошлемъ его.

И сталъ Петръ собирать сына: велѣлъ харчей да рубашекъ на дорогу готовить, а паспортъ выправилъ ему полугодовой, написалъ письмо пріятелю, чтобы онъ объ Алексѣѣ похлопоталъ. Собрали совсѣмъ Алексѣя, и говоритъ ему старикъ:

— Ну, сынокъ, иди съ Богомъ; поживи на чужой сторонѣ, попроси Кириллу Петрова: онъ тебя все куда-нибудь при-

строить. Да нанимайся куда поскорѣе, лишь бы на дѣло стать, и плохое дѣло лучше хорошаго бездѣлья. Проживешь до Миколы Вешняго, домой пріѣзжай. Ступай съ Богомъ!

Простился Алексѣй съ родителями и поѣхалъ.

II.

Пріѣхалъ Алексѣй въ городъ, разыскалъ, какъ отецъ сказалъ, Кириллу Петрова. Кириллъ былъ человѣкъ вдовый, пожилой. Жилъ онъ одинъ въ маленькой квартирѣ; работалъ по знакомымъ домамъ по плотницкой части. Купцы его уважали за честность, и работы у Кириллы было вдоволь.

Зашелъ къ нему Алексѣй, сказалъ, что онъ сынъ Петра Акимова. Обрадовался Кирилла, сталъ разспрашивать, какъ они живутъ дома и зачѣмъ Алексѣй въ городъ попалъ.

— Да вотъ, дядюшка, жить пришелъ,—сказалъ Алексѣй.— Вотъ кабы ты мнѣ мѣстечко поискалъ?

— Мѣстечко! Какое же тебѣ мѣстечко?—спросилъ Кирилла.

— Какое-нибудь, все равно? Мнѣ ужъ не до хорошаго.

— Ладно, похлопочу... Ты поживи пока у меня.

На другой день сходилъ Кирилла въ одинъ знакомый магазинъ и попросилъ насчетъ Алексѣя. Купецъ велѣлъ привести парня.

Вернулся Кирилла домой.

— Пойдемъ!—говоритъ Алексѣю.—Можетъ, придѣлишься!

Пришли. Осмотрѣлъ купецъ Алексѣя и спросилъ:

— Раньше-то ты гдѣ жилъ, молодецъ?

— Нигдѣ не жилъ, ваше степенство! — бойко отвѣтилъ купцу Алексѣй.

— Нуженъ мнѣ швейцаръ въ магазинъ. Не знаю, сможешь ли ты?

— Отчего же не сможетъ?—вступился Кирилла.—Парень разбитной, даромъ что изъ деревни.

— Ну, ладно, оставайся, — сказалъ купецъ. — Давай паспортъ.

Отдалъ Алексѣй паспортъ, а самъ пошелъ къ Кириллѣ за вещами.

— Вотъ тебѣ и мѣсто,—сказалъ Кирилла дорогой.—Живи. Только, смотри, меня не оконфузь: хозяинъ хорошій.

— Что ты, дядя Кирилла? Ужели жъ я не постараюсь?

— Ну, то-то!

Взялъ Алексѣй свои вещи, простился съ Кириллою, поблагодарилъ его за хлопоты и пошелъ на мѣсто.

Прожилъ Алексѣй на мѣстѣ недѣлю; сталъ привыкать и видитъ, что житье тутъ хорошее. Хоть жалованье неизвѣстно, за то работа небольшая: только и дѣла, что утромъ встать да магазинъ выместь; а потомъ, когда придутъ приказчики, у двери стоять, отворять да затворять, если кто идетъ. Случится еще иногда товаръ покупателю вынесть на извозчика; такъ это не даромъ—на чаї за это даютъ, кто гривенникъ, а кто и больше. И еще хорошо тѣмъ Алексѣю, что обувь и одежа у него хозяйскія. Какъ пришелъ онъ, такъ и одѣли его въ коротенькій казакинчикъ суконный, дали шаровары плисовые да сапоги опойковые. Одѣлся онъ такъ первый разъ и себя не узналъ: никогда ему не приходилось такой одежы носить. И харчи у нихъ велись хорошіе: утромъ чай съ булками, за обѣдомъ—щи съ говядиной, по праздникамъ—лапша, картошка жареная съ телятиной, въ ужинъ то же.

III.

Прожилъ мѣсяцъ Алексѣй, спросилъ жалованье у хозяина, выдалъ ему хозяинъ 15 рублей. Обрадовался несказанно Алексѣй, не ждалъ онъ этого; онъ думалъ—если бы положилъ пять рублей и то хорошо; а тутъ—15 рублей!..

Сталъ онъ стараться хозяину заслуживать. За его щедрость нѣтъ, нѣтъ, да и скажетъ что-нибудь про приказчика какого или рабочаго; а хозяину это нравилось, и сталъ онъ всячески отличать Алексѣя: то ласковое слово кинетъ, то на чай дастъ.

Началъ Алексѣй съ городской жизнью знакомиться, какъ тутъ живутъ разузнавать. Сталъ послѣ запора магазина въ трактиръ похаживать. Посидитъ часочекъ, машину послушаетъ, на народъ поглядитъ, да и спать пойдетъ.

Былъ у нихъ при магазинѣ рабочій, Антономъ звали. Парень бѣдовый. Подружился съ нимъ Алексѣй, и начали они вмѣстѣ по трактирамъ ходить. Какъ запрутъ магазинъ, они и пойдутъ вмѣстѣ. Сходятъ въ одинъ трактиръ, сходятъ въ другой, разгуляются. И потянуло Алексѣя къ разгулу. Сталъ онъ пивцо попивать и къ водочкѣ привыкать.

Одинъ разъ 1-го числа получили они жалованье и сговорились вспрыснуть его. Выбралъ Антонъ одинъ изъ трактировъ повеселѣе и повелъ туда Алексѣя. Пришли они въ заведенье, сѣли за столъ и начали людей разсматривать.

И видятъ они, что народу много въ трактирѣ, и шумъ стоитъ невообразимый: машина играетъ, пѣсни поютъ. Сидятъ посѣтители съ раскраснѣвшимися лицами, — навеселѣ видно. Между народомъ дѣвки какія-то ходятъ: разряженныя, лицомъ несвѣжія, набѣленныя, нарумяненныя. Ходятъ, папироски курятъ, съ гостями зубоскальничаютъ. Посмотрѣлъ на нихъ Алексѣй и спрашиваетъ у товарища:

— Что это, Антонъ, за барышни?

— Какія? Эти-то?—говоритъ Антонъ и самъ смѣется.— Это барышни хорошія. Хочешь познакомиться?

— Что ты!.. Я такъ спросилъ.

— Ну, не отлынивай. А самому, чай, страхъ какъ хочется?

— Нѣтъ, я такъ...—замялся Алексѣй.

— Будетъ притворяться-то. Вижу. Эй, ты, мамзель, подька сюда!—сказалъ Антонъ одной изъ дѣвокъ и схватилъ ее за платье.

— Что тебѣ?—спросила дѣвка.

— Садись съ нами за компанію.

— Отчего же, извольте! Только что же такъ-то, за пустымъ столомъ?

— Ну, вотъ! А ты садись! Тамъ увидимъ: деньги у насъ есть. За угощеніемъ не постоимъ.

Дѣвка сѣла. Сильно сконфузился Алексѣй: не знаетъ, куда глядѣть, что дѣлать.

— Что жъ, голова, полбутылочки, что ли?—спросилъ его Антонъ.

— Ну, что жъ, давай.

Антонъ заказалъ. Попросила дѣвка у Алексѣя папироску. Смутился Алексѣй, не знаетъ, что отвѣтить ей. Смѣется Антонъ:

— Ишь, у него спрашиваетъ: онъ у насъ монахомъ живетъ, не куритъ.

— А, вотъ какъ! Значитъ старовѣръ?

Покраснѣлъ Алексѣй.

— Нѣтъ, — говоритъ, — что вы? Какой я старовѣръ? Я такъ...

— Такъ почему же не курите?

— Да такъ, не прiучился.

— Ну, такъ поучиться надобно. Возьмите-ка десятокъ папиросъ и меня угостите.

Спросилъ Алексѣй пачку папиросъ, открылъ ее, предложилъ дѣвкѣ и самъ закурилъ.

— Вотъ такъ-то лучше,—сказала дѣвка и подмигнула Антону.—Мы васъ всему обучимъ.

Ободрился немного Алексѣй, сталъ посмѣлѣе. Вскорѣ подали водки, и начали они выпивать. Черезъ полчаса на столѣ стояло еще полбутылки водки и съ полдюжины пива. Антонъ пригласилъ еще одну дѣвку. А первая подсѣла ближе къ Алексѣю и стала подсмѣиваться надъ его стыдливостью, частенько приговаривая:

— Мы васъ отъ деревенщины отучимъ.

Захмелѣлъ Алексѣй, разошелся.

Немного спустя, Антонъ и говоритъ:

— Ну, будетъ, кончайте, да пора итти. А ты, Алеша, вотъ, знай, расплачивайся.

Расплатился Алексѣй и пошелъ за товарищемъ. И дѣвки пошли за ними.

И въ ту ночь дѣйствительно отучился Алексѣй отъ деревенщины.

IV.

На другой день утромъ пришли Алексѣй и Антонъ домой къ 7 часамъ. На это никто не обратилъ вниманія, и они оба занялись попрежнему своими дѣлами.

Съ удовольствіемъ вспоминалъ Алексѣй прошлую ночь, и съ этихъ поръ сталъ стараться почаще проводить такъ время. Денегъ на это у него доставало. Хозяинъ не обращалъ вниманія на поведеніе своихъ служащихъ, лишь бы они являлись на дѣло во-время. Времени тоже у Алексѣя свободнаго было много. Такъ пошли дни за днями. Алексѣй втягивался въ разгулъ. Забота о домѣ забылась, позабылась и честная деревенская жизнь.

Прошла зима, наступила Пасха. На праздникъ хозяинъ подарилъ Алексѣю три рубля. Приложилъ ихъ Алексѣй къ оставшемуся жалованью, что получилъ за зиму—оказалось всѣхъ денегъ 23 рубля. Домой онъ послалъ всего 10 рублей, остальные прогулялъ съ дѣвками.

Вспомнилъ Алексѣй, что черезъ мѣсяцъ домой ѣхать нужно, задумался. Привыкъ онъ уже къ легкой работѣ и веселой жизни и не особенно радовался отъѣзду на родину. Остался бы онъ тутъ еще пожить, да та бѣда — паспортъ выходитъ.

Прошелъ еще мѣсяцъ. Осталась одна недѣля до Миколы. Дѣлать нечего, нужно домой ѣхать. Взялъ расчетъ Алексѣй, простился съ хозяиномъ и съ рабочими, зашелъ къ Кириллѣ Петрову, поблагодарилъ его за всѣ одолженія и пошелъ на вокзалъ.

Антонъ пошелъ провожать его. Пріятели завернули на прощанье въ трактиръ, выпили водочки и разговорились.

— Другъ Антоша,—говоритъ Алексѣй,—очень ужъ мнѣ неохота въ деревню ѣхать.

— Что такъ?

— Да самъ, небось, знаешь, что тамъ за жизнь: работай какъ волъ, а погулять негдѣ. Опять во всемъ недостатки. Развѣ здѣсь-то такъ?

— Конечно, здѣсь не такъ. Куда противъ здѣшней жизни деревенская годится?

— Эхъ, кабы не отецъ, ни въ жизнь не разстался бы я съ городомъ! Кажись, весь вѣкъ прожилъ бы здѣсь.

— А что жъ отецъ-то?..

— Что отецъ? Развѣ онъ отпуститъ? Это теперь отпустилъ, потому хлѣба не уродилось. А коли урожай будетъ, то и живи вѣкъ въ деревнѣ, нёбо копти.

— Да, тутъ хорошаго мало.

— Какое хорошее! Горе одно.

— Ну, что жъ дѣлать? Судьба твоя, знать, такая.

— Знамо, судьба... Эхъ-ма!.. Давай-ка выпьемъ еще напослѣдяхъ, да и распрощаемся.

— Давай.

Выпили еще пріятели и разстались. Антонъ домой пошелъ, Алексѣй—на чугунку.

V.

Пріѣхалъ Алексѣй домой, привезъ родителямъ гостинцевъ: отцу денегъ 15 р., матери платокъ, а Степану жилетку. И началъ Алексѣй опять работать попрежнему. Только ужъ не съ такой охотой, какъ раньше: не лежало уже у него сердце къ мужицкой работѣ.

Видитъ старикъ, что сынъ много перемѣнился послѣ городской-то жизни: и не съ охотою за дѣло принимается, и на ѣду не такъ напираетъ, и изъ лица перемѣнился за двѣ недѣли, — такъ исхудалъ, что не узнаешь. И догадался, что тоскуетъ онъ по городѣ. Сталъ онъ говорить ему:

— Ты бы, Алешка, отвыкалъ отъ городского-то да старался бы работать, какъ прежде. А то что ты дѣлаешь-то. Глаза бы не глядѣли!

— Что жъ я сдѣлаю, когда не клеится?—отвѣтилъ угрюмо Алексѣй.

— Вотъ то-то и есть! — вздохнувъ сказалъ Петръ Аки-

мовъ.—Не даромъ не хотѣлось мнѣ тебя отпускать, чуяло мое сердце...

Отвернулся Алексѣй молча отъ отца. Ему и такъ было тошно, а тутъ еще онъ досаждаетъ. Стало ему еще тошнѣе.

Разъ, уже въ Петровки, пошелъ Алексѣй со Степаномъ во ржи пустовыя полосы косить. День былъ хорошій. Степанъ ловко принялся за дѣло, началъ косить и почти вдвое противъ Алексѣя выкосилъ. Докосили они полоску; съ сердцемъ бросилъ Алексѣй косу въ сторону, улегся на свѣжей травкѣ, началъ папироску дѣлать. Подсѣлъ къ нему Степанъ.

— Что, Степка, не хочется тебѣ въ городъ? — спросилъ Алексѣй брата.

— Зачѣмъ?

— Да жить!

— Нѣтъ, не хочется. Мнѣ и въ деревнѣ хорошо.

— Вотъ дуракъ! Что въ деревнѣ хорошаго-то?

— А что въ городѣ-то хорошаго?

— Сравнилъ тоже!.. Ты еще тамъ не живалъ, развѣ тамъ такую работу ломаешь? А харчи деревенскимъ чета, что ли? А веселье-то какое! Здѣсь во всю жизнь не увидишь такого. Къ примѣру, придешь въ праздникъ въ трактиръ, закажешь пива или водки, и сиди: гляди да слушай. Тутъ и пѣсни поютъ, и пляска, и машина играетъ, такъ за сердце и хватаетъ. А дѣвки-то какія? Не нашимъ чумичкамъ чета! Захошь, напримѣръ, съ ней поговорить или что другое, такъ пригласи ее къ себѣ, угости, отдай рубль-цѣлковый и что хошь съ ней то и дѣлай.

Степанъ былъ равнодушенъ. Несмотря на то, что Алексѣй говорилъ это съ большимъ жаромъ, онъ нехотя отвѣтилъ ему:

— Все это глупость одна. Пѣсни-то и у насъ поютъ и пляшутъ тоже. А дѣвки-то тамошнія—шлюхи, чай: отъ нихъ тоже хорошаго не жди. Влопаешься съ ними такъ, что и жизни не радъ будешь. Вонъ Ванька Арсентьевъ разсказывалъ; попалъ тоже съ кралями-то городскими, да и захва-

тилъ... Спасибо, товарищи надоумили къ доктору сходить поскорѣе. А то бы, говорятъ, заживо сгнилъ. И то двѣ красненькихъ стало вылѣчиться-то.

— Послушалъ тоже Ваньки Арсентьева. Онъ тебѣ наговоритъ четверговъ съ недѣлю,—съ неудовольствіемъ сказалъ Алексѣй, сплюнулъ сквозь зубы и, отвернувшись отъ брата, сталъ напѣвать разухабистую городскую пѣсню, что выучился въ веселыхъ мѣстахъ.

VI.

Пришла осень. Убрались мужики съ поля. Хлѣбъ уродился въ этомъ году хорошій. Послѣ молотьбы поѣхалъ Петръ Акимовъ со Степаномъ на мельницу. Алексѣй дома съ матерью остался.

Совсѣмъ измѣнился за лѣто парень: исхудалъ, постарѣлъ, словно невѣсть какое горе перенесъ. Стала старуха разспрашивать его:

— И отчего это, сынокъ, ты такъ перемѣнился? Словно лихая болѣзнь тебѣ приключилась. И изъ лица перемѣнился, и на словахъ не такой сталъ, и на дѣлѣ то же.

— Эхъ, матушка, кабы ты знала да вѣдала, что у меня въ душѣ-то дѣлается, такъ не спрашивала бы.

— Да что жъ, дитятко родимое, аль зазнобу какую въ городѣ оставилъ?

— Нѣтъ, не то. Ужъ очень мнѣ деревенская жизнь опостылѣла: просто глаза ни на что не глядѣли бы.

— Да отчего же такъ? Вѣдь жилъ же раньше, ничего.

— То было раньше, а то теперь. Раньше-то я думалъ, что всѣ люди живутъ такъ, какъ и мы. А потомъ, какъ поглядѣлъ, анъ дѣло-то совсѣмъ другое. Одни люди живутъ, работаютъ, какъ лошади ломаютъ, а ѣдятъ, какъ у хорошаго хозяина собаки, да и тѣ лучше. А другіе люди и работаютъ мало, и ѣдятъ хорошо, и деньги имѣютъ, и повеселиться могутъ во сто разъ лучше тѣхъ.

— Гдѣ же это живутъ-то такъ?

— Въ городѣ. Тамъ живутъ не какъ у насъ. Я вотъ всего малость пожилъ, и то словно въ раю побывалъ.

— И, родимый, пожилъ маленько, ну, и ладно! Теперь дома поживи. Не вѣкъ же въ городѣ жить.

— Нѣтъ, матушка, какъ хочешь, а я въ деревнѣ не стану жить, ей-Богу!

— Да отчего же, родимый?

— Оттого, что не могу.

— Да пуститъ ли тебя отецъ-то?

— Пуститъ. Коль не захочу жить, такъ, небось, силой не заставитъ.

— Что жъ это—брань съ отцомъ заведешь? А ты оставь лучше городъ-то свой да живи-ка, какъ прежде жилъ,—лучше будетъ. Вотъ женимъ, Богъ дастъ, къ Михайлову дню. Съ женой-то и городъ забудешь.

— Вотъ еще что придумали! Чтобы я жениться сталъ? Ни за что! Такъ и знайте.

— Отчего же, глупый? Не вѣкъ же холостымъ быть? Надо и жениться.

— Женюсь, когда время придетъ, а теперь не буду.

— Ну, какъ хочешь... А я бы тебѣ не совѣтовала такъ дѣлать, потому хорошаго тутъ мало.

— Ничего. А ты вотъ что матушка: когда я буду у отца въ городъ проситься, ты замолви за меня словечко. А то если и ты будешь держать, то худо надъ собою сдѣлаю.

Мать замолчала.

VII.

Кончились всѣ работы крестьянскія. Стали мужики пиво варить, годовой праздникъ справлять. Погуляли, и стали зимы ожидать.

Сталъ Алексѣй у отца въ городъ проситься.

— Батюшка, пусти меня въ городъ опять.

— На что?—спрашиваетъ старикъ.

— Жить. Все равно зиму-то нечего дома дѣлать.

— Ну, что жъ, нонче хлѣба хватитъ.

— Что жъ я его зря буду ѣсть? Въ городѣ все что-нибудь да выживу.

— Выживешь! Ты, эна, одну зиму пожилъ, и то на деревенскую работу-то сталъ волкомъ глядѣть. А ежели еще поживешь, такъ совсѣмъ собачьей шерстью обрастешь.

— Ничего со мной не сдѣлается.

— Нѣтъ, сдѣлается. Вотъ придетъ мясоѣдъ — женимъ, а тогда увидимъ, что выйдетъ.

— Я жениться не хочу.

— Ну, мало ли что ты хочешь, да слушать-то тебя не будутъ.

— Батюшка, родимый, пусти Христа-ради! — сталъ упрашивать Алексѣй и повалился отцу въ ноги.

— Что ты съ ума, что ль, спятилъ? А? Что тебѣ такъ приспичило?

— Да ужъ отпусти его, старикъ,—вступилась за сына старуха Марья.—Ишь парень самъ не свой. Отпусти, пусть поживетъ зиму-то. Набьетъ оскомину, ну, и не будетъ проситься.

Разсердился старикъ и замолчалъ; онъ долго что-то обдумывалъ, потомъ съ раздраженіемъ проговорилъ:

— Ну, да песъ съ вами,—отпущу! Только смотри, Алешка, если послѣ да что-нибудь выйдетъ, на себя пеняй.

— Батюшка родимый, ничего не выйдетъ. Проживу зиму и больше проситься не буду, ей-Богу!

— Ладно, увидимъ.

И стали опять Алексѣя въ городъ собирать. Приготовила ему мать бѣлья, лепешекъ напекла; а старикъ опять паспортъ выправилъ, денегъ на дорогу далъ. И отправился парень.

Вышелъ Алексѣй изъ дому—и души не чаялъ отъ радости. Ѣдетъ онъ на машинѣ, и кажется ему, что и машина-то тихо идетъ: такъ ему хотѣлось на старое мѣсто попасть.

Наконецъ, вотъ и городъ. Выскочилъ Алексѣй изъ вагона и спѣшитъ по улицамъ къ дому, гдѣ была квартира Кириллы Петрова. Взошелъ Алексѣй въ квартиру и видитъ,

что та же квартира, да не такъ обставлена; екнуло сердце отчего-то у парня. Спросилъ онъ, здѣсь ли Кирилла живетъ.

— Нѣту его,—сказали ему.

— Гдѣ жъ онъ теперь?

— Въ землянскъ переѣхалъ.

Алексѣй не понялъ сразу.

— Въ какой землянскъ?

— Умеръ лѣтомъ... Животъ разстроилъ, отъ этого и померъ...

Пріунылъ Алексѣй, потоптался немного и пошелъ въ магазинъ, гдѣ жилъ. Приходитъ туда, спрашиваетъ Антона. И тамъ его не порадовали: сказали, что Антонъ расчелся и уѣхалъ въ Москву. Еще больше опечалился Алексѣй. Надумалъ онъ къ хозяину подойти, попросить, не возьметъ ли опять. Подошелъ, сталъ просить. Не беретъ хозяинъ: говоритъ, что народъ есть и больше не нужно.

VIII.

Ворочается съ боку на бокъ Алексѣй на постояломъ дворѣ, а заснуть не можетъ: тревожатъ его разныя мысли—и худыя и хорошія—не даютъ ему покоя. Представляется ему, что живетъ онъ опять у прежняго хозяина, пьетъ и ѣстъ хорошо, и деньги у него имѣются, и на гулянья ходитъ, и все, какъ прежде было, и радостно бьется сердце у парня. А то бредится опять отцовская изба: приходитъ онъ, усталый и измученный работой, домой, проситъ ѣсть. Ему подаютъ чашку пустыхъ щей и кусокъ черстваго хлѣба. И не хочется ему ѣсть этого, а дѣлать нечего — большаго взять негдѣ. И вздрагиваетъ Алексѣй: противной кажется ему эта жизнь... Перевернулся онъ на другой бокъ и думаетъ: „Нѣтъ, не пойду въ деревню. За три рубля наймусь куда-нибудь, а не пойду“.

Пошелъ Алексѣй на другой день по городу мѣста искать. Да не берутъ нигдѣ: знакомства нѣтъ, а мастерства онъ

никакого не знаетъ. Куда дѣваться? Спрашивалъ онъ у многихъ насчетъ должности, но никто ему не помогъ.

Проходилъ онъ такъ недѣлю; деньги всѣ прожилъ, пришлось рубашки продавать, чтобы прокормиться. Даютъ дешево, а продавать надо. Продалъ онъ двѣ пары,—и рубля не выручилъ. Да этихъ денегъ не надолго хватило.

Прошла еще недѣля. Обносился совсѣмъ парень. Сапоги растопталъ. Изъ вещей, что было—продалъ. Осталась только одна пара рубахъ да двугривенный денегъ.

Зашелъ онъ разъ въ трактиръ чаю напиться. И видитъ: сидитъ за большимъ столомъ артель,—человѣкъ въ десять какихъ-то рабочихъ, оборванныхъ, грязныхъ. Сидятъ, чай пьютъ, и четверть водки на столѣ передъ ними стоитъ. Всѣ порядочно выпивши; шумятъ, между собой о чемъ-то спорятъ.

Спросилъ Алексѣй у человѣка:

— Что это за люди?

— Золоторотцы,—говоритъ половой.

— Какіе-такіе золоторотцы?

— А вотъ,—говоритъ,—какіе—видишь.

— Чѣмъ же они занимаются?

— Работаютъ на вокзалѣ: вагоны нагружаютъ да выгружаютъ. Деньги хорошія зарабатываютъ.

— Что же такіе рваные?

— Пьянствуютъ сильно: день работаютъ, два дня гуляютъ.

Посмотрѣлъ на нихъ еще Алексѣй и подумалъ:

„Вотъ бы къ нимъ поступить. Можетъ-быть, что и путное выйдетъ“. Подумалъ онъ, какъ бы попроситься, да не знаетъ. Такъ прямо — смѣлости не хватаетъ, а посовѣтоваться не съ кѣмъ. И сталъ онъ ждать, не подойдетъ ли случай заговорить съ ними. Прошло еще немного времени, и видитъ Алексѣй—вынимаетъ одинъ изъ золоторотцевъ кисетъ изъ кармана и начинаетъ папироску дѣлать. Подошелъ къ нему Алексѣй и говоритъ:

— Дай, дядюшка, табачку на папироску.

Взглянулъ тотъ на Алексѣя осовѣлыми глазами и говоритъ:

— Аль купить не на что?

— Не на что. Безъ мѣста хожу вотъ уже третья недѣля.

— Такъ... Изволь, покури... А по какой части-то?

— Кто? Я-то?

— Ну, знамо, а то кто жъ?

— Да куда придется, все равно. Я изъ деревни.

— Первый разъ.

— Нѣтъ, хотя не первый. Жилъ тутъ, да немного.

— Въ какихъ?

— Въ швейцарахъ.

— Хорошее дѣло. А теперь куда думаешь?

— Богъ знаетъ. Куда-нибудь бы радъ. Хоша бы и въ поденщики.

Подумалъ немного золоторотецъ, потомъ сказалъ:

— А хочешь къ намъ въ артель поступить?

— А что у васъ дѣлать-то?—спросилъ Алексѣй.

— Дѣло-то у насъ не хитрое, только ломовитое. Силы-то есть?

— Кажись, Богъ не обидѣлъ.

— Ладно... А водку пьешь?

— Потребляю.

— Ну, вотъ, садись да ставь вспрыски: работать съ нами будешь.

— Съ радостью бы поставилъ, да не на что.

— Э, братъ, дѣло дрянь! Ну, да обойдется! Ребята, нашего полка прибыло: новый товарищъ нашелся!—крикнулъ золоторотецъ своимъ.

— Ну, что жъ... Пущай его... Вспрыски надо бы.

— Вспрыски будутъ,—сказалъ первый золоторотецъ.—Видишь ли, молодецъ, я староста ихнiй. Такъ вотъ заложу за тебя полтора цѣлковыхъ на вспрыски. Смотри, чтобы послѣ отдать.

— Ладно, ладно, будь спокоенъ.

— То-то!

Скоро появилась на столѣ четвертная, и принялась вся компанiя усердно вспрыскивать новаго товарища.

IX.

Началась новая жизнь для Алексѣя. Сталъ онъ привыкать къ своимъ товарищамъ. Трудно ему было на первыхъ порахъ, работа была тяжелая—цѣлый день приходилось ворочать тюки съ товаромъ, либо мѣшки съ рожью, либо кирпичи выгружать. Зато заработки были хорошіе: рубля по полтора въ день зарабатывали.

Много зарабатывали, да и много пропивали они: все свободное время проводили въ трактирѣ или въ портерной и зачастую пропивали тамъ весь свой заработокъ.

Только Алексѣй былъ бережливѣе другихъ. Не больно-то нравилось ему такое житье. Понемногу сталъ онъ откладывать деньги, и за одинъ мѣсяцъ скопилъ рублей десять. Ободрился Алексѣй и сталъ откладывать побольше. „Съ деньгами,—думаетъ,—скорѣй можно найти мѣсто почище и работу полегче“.

Прошла зима, подходила весна. Алексѣеву паспорту оставалось сроку два мѣсяца, а онъ и думать не хотѣлъ опять въ деревню ѣхать. „Вотъ,—думаетъ, — пріищу мѣсто хорошее, а тамъ возьму отсрочку и проживу лѣто въ городѣ; а отцу деньжонокъ послать можно, пусть найметъ на мое мѣсто работника на лѣто; а на зиму-то отецъ легко паспортъ дастъ“.

Такъ разсуждалъ Алексѣй, да не выгорѣло его дѣло.

Пришла Пасха. Золоторотцы всю недѣлю гуляли по трактирамъ и скорехонько спустили свои заработки. Алексѣй хоть и ходилъ съ ними да пилъ меньше другихъ, и на свои не угощалъ. Разъ пристали къ нему товарищи:

— Ты что жъ это на халявщинку гуляешь, а на свои не хошь знать угощать? Ну-ко, заказывай!

Сталъ было Алексѣй отговариваться, но они пригрозили его вздуть, коли не выставитъ водки. Дѣлать было нечего. Поставилъ Алексѣй четверть, думалъ отдѣлаться; но товарищи, увидавъ у него десятирублевку, начали снова приставать. Алексѣй отказался. Тогда пьяные золоторотцы на-

кинулись на него съ кулаками и исколотили до полусмерти, деньги вытащили, а его самого, полуживого, выкинули изъ трактира.

Пролежалъ Алексѣй на улицѣ, пока городовой не свезъ его въ часть, а оттуда въ больницу. Пролежалъ онъ тамъ полтора мѣсяца. Выписался изъ больницы. Куда итти? Денегъ ни гроша. На себѣ лохмотья одни остались. Въ деревню итти пѣшкомъ—не дойти: ослабъ крѣпко послѣ болѣзни; а доѣхать не на что. Оставалось одно: просить милостыню. И пошелъ парень побираться по улицамъ и трактирамъ.

Насбиралъ Алексѣй въ первый день копеекъ семнадцать и нѣсколько ломтей хлѣба. По привычкѣ онъ завернулъ въ трактиръ посидѣть, да и выпилъ сорокоушку: думалъ горе свое залить. На другой день опять пошелъ побираться, и опять его въ кабакъ потянуло. Такъ день за днемъ парень побирался, и всѣ деньги на водку шли. И что дальше, то больше втягивался парень въ пьянство; а о томъ, чтобы работы искать, ужъ и думать забылъ. И не такъ ужъ стыдно ему стало нищенствовать, и руку онъ сталъ протягивать посмѣлѣй и выпрашивать поназойливѣе.

Ночевалъ онъ въ ночлежномъ домѣ, который наполняли такіе же, какъ и онъ самъ. Многіе изъ нихъ жили милостынею, другіе—воровствомъ: ихъ были цѣлыя шайки. Много онъ видѣлъ тамъ и женщинъ, проводившихъ время въ праздности и развратѣ.

Быстро втянулся Алексѣй во все то, что видѣлъ вокругъ, и зачерствѣла душа у него, и пересталъ онъ понимать, что онъ дѣлаетъ и какъ живетъ. Одна у него теперь была забота: какъ бы побольше насбирать грошей да напиться допьяна.

Прошли лѣто и зима, и еще лѣто. И забылъ онъ про деревню, забылъ отца съ матерью...

X.

Былъ какой-то праздникъ осенью. Петръ Акимовъ сидѣлъ въ своей избѣ за столомъ и разговаривалъ со старухою

Степана они недавно поженили, и онъ уѣхалъ съ женою къ тестю въ гости. Старики сидѣли одни.

Разговоръ зашелъ объ Алексѣѣ.

— Дивное дѣло,—сказалъ старикъ,—куда это только онъ дѣлся? Вотъ ужъ больше года, а отъ него ни слуху ни духу.

— Богъ его знаетъ... Ужъ не померъ ли?—вымолвила Марья и тяжело вздохнула.

— И не придумаешь, что случилось; пропалъ, какъ въ воду канулъ.

— И то, ровно въ воду... Вѣдь безъ паспорта и умретъ, не узнаешь.

— А ты тогда ладила: пусти да пусти, вотъ и пустилъ. А не послушай я васъ, може все было хорошо.

— Ахъ, чудной, да нешто знамо это! Думаешь, какъ лучше. Если бы это-то было вижено, его бы и первый разъ пускать было не нужно... Отдать бы гдѣ около себя изъ-за хлѣба и то покойнѣй было бъ.

Петръ Акимовъ задумался, оперся локтями о столъ и просидѣлъ такъ долго.

Къ вечеру пришелъ староста и сказалъ:

— Ну, Петръ Акимовъ, нашелся твой соколъ-то.

— Какой соколъ?

— Алешка.

— Что ты! Да гдѣ же онъ?

— Въ волости. Этапомъ пригнали. Иди завтра, получай.

— Ахъ, ты, батюшки! Да какъ же такъ этапомъ?

— Да такъ. Безъ паспорта, должно, попался. Ты того— захвати ему одежонку какую-нибудь да сапоги. А то у него своя рубашка одна, а то все казенное.

Какъ ножомъ рѣзало старика каждое слово старосты: „Безъ паспорта... Этапомъ... Своя рубашка одна...“ Старикъ не выдержалъ и залился горькими слезами.

На утро собрался Петръ и пошелъ за сыномъ. И когда онъ увидѣлъ парня, сердце его сжалось больно.

Алексѣй обросъ волосами и бородой. Лицо его сдѣлалось одутловатое, глаза мутные. Онъ сидѣлъ сгорбившись и былъ

похожъ на пѣтуха послѣ драки. Когда взошелъ отецъ, онъ поднялъ голову и взглянулъ на него довольно равнодушно.

— Здорово!—сказалъ Петръ Акимовъ.

— Здорово!—прохрипѣлъ Алексѣй.

— Прилетѣлъ соловушко на свою сторонушку?

— Прилетѣлъ.

— Эхъ, ты, горькая голова,—покачалъ головою отецъ,—поохотился ты на хорошее житье!.. Ну, что, каково оно сладко?..

Старикъ не находилъ больше словъ отъ волненія. Алексѣй же только еще больше нахохлился, но ничего не сказалъ.

Успокоился немного старикъ, подалъ сыну узелъ съ обувью и одеждою и проговорилъ:

— На, вотъ, оболокайся да пойдемъ. Тутъ что ни сиди, ничего не высидишь.

Алексѣй взялъ узелъ, переодѣлся. Старикъ заплатилъ за него прогонные, и они вышли изъ волостного правленія. Очутившись на улицѣ, Алексѣй остановился.

— Что жъ ты, аль дорогу забылъ?—спросилъ парня Петръ Акимовъ.

— Мнѣ выпить бы,—прохрипѣлъ Алексѣй.

— Рожна тебѣ, прости Господи! Будетъ, покуражился, пора и отвыкать...

— Не могу... ради Христа дай... батюшка...

У него захватывало дыханіе, по лицу видно было, какъ ему трудно. Петръ Акимовъ качнулъ головой и, вздохнувъ, полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ.

Алексѣй, схвативъ данный отцомъ двугривенный, быстро направился къ трактиру.

Петръ Акимовъ сѣлъ на мостенки крыльца и погрузился въ горькія думы.

Прошло четверть часа, полчаса,—Алексѣй не показывался изъ трактира. Старикъ встревожился и пошелъ самъ къ трактиру. Войдя въ трактиръ, Петръ Акимовъ увидалъ, что Алексѣя тамъ не было. Онъ спросилъ, былъ ли онъ тамъ;

ему сказали, что былъ, выпилъ стаканъ водки и сейчасъ же ушелъ.

Старикъ обезпокоился и вышелъ вонъ. Онъ подумалъ, не сидитъ ли онъ гдѣ на улицѣ, обошелъ весь трактирный дворъ, но Алексѣя не было. Тогда старикъ понялъ, что Алексѣй убѣжалъ.

У него затряслись руки и ноги, въ груди захватило дыханіе; глотая слезы, онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и, не зная, что ему больше дѣлать, направился домой.

Недѣлю спустя прошелъ слухъ, что за уѣзднымъ городомъ, по дорогѣ къ губернскому, въ деревнѣ, на большой дорогѣ ограбили какую-то бабу. Ограбилъ ее прохожій, отведенный на ночлегъ, который скрылся. Послѣ этого Алексѣя никто нигдѣ не встрѣчалъ, и никто ужъ не имѣлъ о немъ никакого слуха.

Не въ деньгахъ счастье.

I.

Не только село Закутино, но весь округъ считали Онисима Ильича Головачова первымъ богачомъ въ околоткѣ. И правда, былъ богатъ Головачовъ: домъ у него въ Закутинѣ былъ первый въ селѣ, земли собственной десятинъ пятьсотъ, скота разнаго и птицы домашней и счету не было; кромѣ того, у него были двѣ лавки: одна въ городѣ, другая въ Закутинѣ; въ городѣ приказчикъ на отчетѣ былъ, а въ Закутинѣ торговалъ сынъ Головачова, Леонтій.

Занимался Головачовъ своимъ дѣломъ лѣтъ двадцать. Смолоду жилъ онъ въ большой бѣдности съ матерью-старухой: на лѣто въ пастухи нанимался, а зиму дома сидѣлъ—чуняки бралъ плесть да валенки пенькой подковыривать; тѣмъ и кормились. Потомъ взялъ его закутинскій богачъ-кулакъ, человѣкъ одинокій, къ себѣ въ работники. Прожилъ у него Онисимъ года три, и умеръ кулакъ. Отошелъ отъ него Онисимъ, починилъ избушку, земли взялъ, женился и сталъ крестьянствовать. Лѣтомъ въ полѣ работалъ, зимою извозомъ занимался,—въ городъ овесъ возилъ, а оттуда кладь захватывалъ. Потомъ завелъ небольшую торговлишку,—на какія деньги—никто не зналъ; поговаривали только, что получилъ ихъ у стараго хозяина. И сталъ торговать Головачовъ мукой, солью, дегтемъ, сельдями и всякой деревенской мелочью. А тамъ и скотъ скупать сталъ. Дальше да больше — разбогатѣлъ Головачовъ, разлѣзся до

нельзя: всего у него стало вволю, развѣ только, какъ говорится, птичьяго молока не было.

Жена у Онисима Ильича умерла, и послѣ нея осталось у него двое дѣтей: сынъ и дочь.

Сынъ Леонтій былъ парень не глупый. Образовалъ его Головачовъ хорошо, и торговлю велъ парень исправно. Только былъ за нимъ порокъ одинъ: погулять любилъ съ товарищами... Не нравилось это Головачову шибко, и старался онъ всячески отучить его отъ этого: и добромъ урезонивалъ и бить принимался,—ничего не выходило. Махнулъ рукой старикъ.

„Ну, песъ съ нимъ! - думаетъ.—Въ года взойдетъ, женю. Авось поумнѣе будетъ“.

Дочь Головачова, Аннушка, была умница отмѣнная и собою красивая. Любилъ ее старикъ—просто души въ ней не чаялъ; думалъ выдать ее за купца или барина какого.

II.

Исполнилось Леонтію 19 лѣтъ, и надумалъ Головачовъ женить парня; началъ слухи собирать, невѣсту подходящую искать.

Была въ городѣ мѣщанка одна, сватовствомъ занималась; услыхала она, что Головачовъ сына женить собирается, пришла къ нему.

— Я, говоритъ, Онисимъ Ильичъ, твоему сынку невѣсту подыскала! Ужъ такая дѣвка — цѣны нѣтъ: что умна, что красива, да и приданое большое.

— Изъ какихъ она?—спрашиваетъ Головачовъ.

— Купецкая дочь, батюшка! Въ городу онъ торгуетъ. Може слыхалъ, Крышкинъ, Ефимъ Григорьевичъ?

— Знаю маленько.

— Ну, такъ вотъ! Дѣвка, говорю, хорошая—по всему городу на рѣдкость.

— Что же, попытай, посватай! Можетъ, дѣло и выйдетъ.

Принялась сваха за дѣло, и черезъ недѣлю на смотрины

поѣхали. Понравилась невѣста и Головачеву и Леонтію; не долго думая, и по рукамъ ударили.

На другой день сговора позвалъ Головачовъ сына и говоритъ ему:

— Ну, Левка, гляди! Вотъ забочусь о тебѣ, женить тебя хочу. Коли ежели ты теперь не бросишь глупостей своихъ, то смотри, парень, милости отъ меня не жди. Расчетъ съ тобою будетъ короткій: вотъ Богъ, а вотъ порогъ. Куда хошь, туда и убирайся.

— Нѣтъ, тятенька, будьте покойны! Я, чай, не ребенокъ малый, небось понимаю.

— То-то, смотри! Я своему слову вѣренъ буду.

Пошли дни за днями. Леонтій горячѣе прежняго принялся за дѣло, хлопочетъ въ лавкѣ до поту весь день,—такъ ходуномъ и ходитъ. Поѣдетъ куда,—живо вернется и исполнитъ все хорошо и аккуратно.

„Вотъ,—думаетъ старикъ,—коли бы всегда такой былъ, парню цѣны бы не было. Може, женатый и всегда такой будетъ“.

За недѣлю до свадьбы послалъ Головачовъ сына въ городъ къ приказчику за мѣсячной выручкой, да кстати и для свадьбы кой-чего захватить. Все это Леонтій аккуратно обдѣлалъ и только передъ отъѣздомъ зашелъ въ трактиръ чайку попить. Думалъ было на скорую руку повернуться, да... неожиданно застрялъ надолго.

Попался ему товарищъ его закадычный — Митя Ленточкинъ. Вмѣстѣ они въ училищѣ учились, вмѣстѣ и кутили не разъ. Ленточкинъ былъ парень веселый—въ одинъ годъ отцовскому наслѣдству глаза протеръ. Въ городѣ его не любили—на языкъ больно востеръ былъ: всѣхъ осмѣивалъ, а нѣкоторыхъ и обманывалъ; при встрѣчѣ обходили и звали шалопаемъ.

Встрѣтились пріятели, обрадовались.

— Ба, Лева! Какими судьбами? Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

— Здравствуй, Митя! Какъ поживаешь?

— Помаленьку, братъ. Живемъ, не мотаемъ: чужого не хватаемъ и своего не даемъ. Кое-какъ свожу концы съ концами. Что долго не видать тебя?

— Да все дѣла, братъ! Слышалъ, чай, женюсь я?

Удивился Ленточкинъ.

— Что ты? Вотъ такъ штука! Не слыхалъ. Когда свадьба?

— Черезъ недѣльку.

— А невѣсту гдѣ высваталъ?

— Здѣсь, городскую. Крышкина дочь.

— Знаю, знаю... Значитъ, отгулялъ молодчикъ! Жалко! Ну, стало, выпить нужно!

— Нѣтъ, Митя, не могу! Сейчасъ домой ѣхать.

— Вотъ пустяки! По единой только и пропустимъ.

— Нѣтъ, уволь! Лучше когда въ другой разъ.

— Когда тутъ въ другой разъ? Женишься — и не поймаешь тебя. Сейчасъ давай, благо попался!

Какъ ни отговаривался Леонтій, не смогъ отговориться: присталъ Ленточкинъ какъ съ ножомъ къ горлу — согласился Леонтій.

Выпили сперва по одной, потомъ—по другой. Сдѣлались навеселѣ; расхрабрился Леонтій.

— Пить, такъ пить!—говоритъ.

Потребовали еще вина, нашлись еще товарищи, и пошла кутежка на славу.

III.

Поздно вечеромъ поѣхали кататься пріятели. Объѣхали весь городъ и остановились передъ домомъ Крышкина. Пьянъ былъ Леонтій. Вылѣзъ изъ тарантаса, подошелъ къ воротамъ. Ворота заперты. Сталъ стучаться Леонтій, вышелъ сторожъ.

— Кто тамъ такой?—спрашиваетъ.

— Хозяинъ дома? Хозяина намъ надо! — говоритъ Леонтій, самъ покачивается.

— Спитъ хозяинъ. Завтра пріѣзжайте. Охмелитесь и пріѣзжайте. Сегодня поздно, да не въ своемъ вы видѣ.

Вскипятился Леонтій.

— Какъ ты смѣешь говорить такъ, дуракъ? Я тебѣ, знаешь, что сдѣлаю? Прогнать велю хозяину.

— Ну, ладно, завтра и скажите! А теперь садитесь-ка да поѣзжайте съ Богомъ, пока цѣлы.

Взвизгнулъ Леонтій—не понравились ему слова сторожа. Размахнулся и ударилъ его по лицу.

— Такъ ты драться? Ну, такъ вотъ же тебѣ!

И хватилъ сторожъ Леонтія по шеѣ.

Услыхалъ Ленточкинъ, какая каша заварилась, подошелъ на помощь къ товарищу, и схватились они вдвоемъ со сторожемъ. Поднялся шумъ, крикъ. Услыхалъ Крышкинъ, испугался: думалъ—пожаръ. Выскочилъ онъ къ воротамъ и узналъ нареченнаго зятька своего.

— Что ты тутъ, Леонтій Онисимычъ, никакъ скандалы заводишь? Стыдно, братъ! — сказалъ съ упрекомъ Крышкинъ.

— Ефимъ Григорьичъ... тестюшка нареченный... я... видишь ли... то-есть... хотѣлъ... вотъ тутъ товарищъ мой... ну, и хотѣлъ я познакомить... то-есть съ невѣстой-то моей. А онъ, скотина, не пускаетъ...

— Не время, братъ! — сказалъ Крышкинъ. — Да и не въ такомъ ты видѣ. А товарищъ-то твой кто? Никакъ Ленточкинъ?

— Онъ самый... прошу любить да жаловать.

— Ну, другъ, не ждалъ я, чтобы ты съ такими товарищами водился да въ полночь честныхъ людей тревожилъ, скандалы заводилъ. Спасибо, братъ, что показалъ себя! Не то я про тебя думалъ.

— Ефимъ Григорьичъ! а все-таки можно видѣть-то ее... невѣсту-то мою? А? Пусти, мы только одну минуточку.

— Нѣтъ, братъ, поѣзжай своей дорогой, а насъ не тревожь. Въ такомъ видѣ да въ полночь гостей не принимаемъ. Прощай!

И Крышкинъ отвернулся отъ Леонтія и хлопнулъ калиткой. Ушелъ и сторожъ.

— Вотъ тѣ клюква! — сказалъ Леонтій и развелъ руками.

— Ну, и чортъ съ нимъ!—пробормоталъ Ленточкинъ.— Поѣдемъ, братъ.

— Поѣдемъ.

IV.

Онисимъ Ильичъ поджидалъ парня съ нетерпѣніемъ, расхаживалъ по горницѣ и посматривалъ въ окна, выходилъ на крыльцо,—а его все не было.

„Что это онъ запропастился? — раздумывалъ старикъ.— Ужъ давно бы пора пріѣхать. Должно у тестя задержали, а то, кажись, и застрять-то больше негдѣ... Ужъ не закрутилъ ли парень?“

Сжалось сердце у старика и заныла душа. Шибче зашагалъ онъ по горницѣ, какъ пчелы зароились мысли въ головѣ. Не найдетъ себѣ покоя Головачовъ—то по горницѣ пройдется, то на дворъ выйдетъ. Сердитый сталъ: увидалъ что-то на дворѣ, придрался къ работнику, разругалъ его и опять ушелъ въ домъ.

Передъ обѣдомъ по дорогѣ изъ города показалась повозка. Не утерпѣлъ Головачовъ — выбѣжалъ на крыльцо. Однако, не Леонтій ѣхалъ, ѣхалъ Крышкинъ.

— Батюшка, Ефимъ Григорьичъ! Какими судьбами?

— Да дѣльце есть, Онисимъ Ильичъ, вотъ и пріѣхалъ.

— Добро жаловать, добро жаловать! Очень радъ. Ну, войди въ домъ-то; сейчасъ самоварчикъ велю схлопотать.

— Не трудись, Онисимъ Ильичъ! Я на минутку.

— Что такъ? Посиди. Аль торопишься куда?

— Торопиться-то не тороплюсь... Признаться, нарочно къ тебѣ пріѣхалъ. Поговорить надо.

— Изволь, другъ! Готовъ тебя послушать завсегда.

— Да видишь ли, Онисимъ Ильичъ, дѣло-то не очень ладное!

Встревожился Головачовъ и взглянулъ на Крышкина.

— Что такое?—говоритъ.

— Хотѣлъ я съ тобой породниться, да видно... тово... не придется.

— Что такъ?

— Да за такого молодца я свою дочку не отдамъ! Скандалистъ онъ и пьянчужка, съ разной сволочью знается. А вчера ночью пріѣхалъ ко мнѣ пьяный съ шалопаемъ Ленточкинымъ и ну ломиться въ домъ. Сторожъ не пускаетъ, а они избили его: теперь на судъ хочетъ подавать.

Вытянулось лицо у Головачова, поблѣднѣлъ онъ весь; ни слова не сказалъ, только голову опустилъ.

— Не обезсудь, почтенный!—сказалъ Крышкинъ.—Не я виноватъ, самъ видишь. Прощай пока, Онисимъ Ильичъ!

— Погоди маленько, Ефимъ Григорьичъ! Чайку вотъ попьемъ.

— Нѣтъ, Онисимъ Ильичъ, спасибо, много доволенъ, въ другой разъ когда!

Поднялся Крышкинъ съ мѣста и пошелъ къ повозкѣ. Головачовъ проводилъ его и вернулся въ горницу. Сталъ ходить по комнатѣ пасмурный какъ ночь.

„Такъ и есть,—думаетъ старикъ. — Опять на старую дорогу попалъ... Ну, погоди же ты, молодчикъ, доберусь я до тебя! Я тѣ покажу, какъ скандальничать да хорошихъ людей безчестить!“

Вышелъ изъ дому Головачовъ, велѣлъ лошадь запрягать: рѣшилъ ѣхать въ городъ за сыномъ.

V.

Пріѣхалъ онъ въ городъ и остановился на постояломъ, гдѣ всегда останавливался. Увидалъ на дворѣ лошадь свою, сталъ у дворника про Леонтія спрашивать.

— Сегодня не былъ,—говоритъ дворникъ. — Вчера катались они, такъ пріѣхали поздно; лошадь поставили, сами ушли и до сихъ поръ не бывали.

Пошелъ Головачовъ въ лавку свою и разспросилъ приказчика. Разсказалъ приказчикъ, какъ вчера Леонтій вы-

ручку забралъ, товара кой-какого взялъ, съ тѣхъ поръ не видалъ его приказчикъ.

Пошелъ Головачовъ сына по трактирамъ разыскивать. Ходилъ-ходилъ, нашелъ-таки: сидитъ въ трактирѣ съ компаніей за столомъ, винами разными наливаются.

Какъ ястребъ на курицу бросился Головачовъ на сына и вцѣпился ему въ волосы. Завопилъ Леонтій.

— Тятенька... родимый!..

— Ты опять пьянствовать, разбойникъ! Скандальничать, подлецъ, началъ! Вотъ я тебѣ покажу, какъ добрыхъ людей позорить! Вотъ тебѣ... вотъ... вотъ!

Принялся Головачовъ колотить сына и руками и ногами, по чемъ ни попало. Барахтался Леонтій, какъ у волка овца, а вырваться не могъ.

— Тятенька, простите!—умолялъ Леонтій.—Ради Христа, простите! Больше не буду, ей-Богу, не буду!

Не слышитъ старикъ, озлился какъ звѣрь. Билъ-билъ, изъ силъ выбился, бросилъ.

— Будь ты проклятъ, анаѳема! Что ты надѣлалъ-то! Зарѣзалъ меня, осрамилъ сѣдую мою голову. Съ глазъ моихъ уйди! Чтобы духа твоего въ моемъ домѣ не было. И не попадайся—убью. Право слово, убью!

— Батюшка, виноватъ! Простите, послѣдній разъ, видитъ Богъ, послѣдній разъ! Ради Христа, батюшка! Закаюсь и не буду больше!

— Знать ничего не хочу! Не сынъ ты мнѣ больше! Слышь, чтобъ не видалъ я тебя!

Обезумѣвшій отъ гнѣва старикъ толкнулъ въ грудь сына ногою и вышелъ вонъ. Повалился Леонтій на полъ, заплакалъ какъ дитя малое.

Подняли его товарищи, усадили, стали успокаивать, водой холодной напоили. Обошелся маленько парень и съ горя потребовалъ еще вина.

VI.

Возвратился Головачовъ домой уже къ вечеру и прошелъ прямо къ себѣ; ужинать не сталъ и пробылъ тамъ до утра.

На другой день онъ всталъ рано, вышелъ въ садъ, сѣлъ на скамейку и крѣпко задумался.

Послѣ вчерашняго онъ сталъ много тише, сердце его успокоилось, и онъ даже пожалѣлъ сына.

„Круто я поступилъ съ нимъ,—думалъ онъ.—Пожалуй, парень что и начудитъ. Вишь, какъ разошелся-то я: и на глаза не велѣлъ показываться. Напрасно. Ну, побилъ бы тамъ, потаскалъ, пригрозилъ бы прогнать на другой разъ, а сейчасъ бы не слѣдовало. Оно бѣда небольшая—обойдется, самъ придетъ прощенья просить. Можно еще поурезонить, а все-таки оставить надо“.

Подумалъ еще немного Головачовъ и рѣшился послать за Леонтіемъ.

„Небось, проспался теперь,—думалъ Онисимъ Ильичъ.— Кается, чай, что глупостей натворилъ! Эхъ, парень, парень! Въ кого онъ только уродился-то?.. Порезоню хорошенько, покрѣпче держать стану, ходу такого не дамъ, авось образумится. А тамъ женю—женатый-то все лучше будетъ, вѣтеръ-то изъ головы выйдетъ... А женить непремѣнно надо... Эхъ, упустили невѣсту хорошую, не подыскать теперь такой! Ну, не велика бѣда, — похуже возьмемъ, побѣднѣе; нынче невѣстъ много, куда ихъ дѣвать-то!“

Поднялся Онисимъ со скамейки и пошелъ во дворъ. Попался ему на дворѣ работникъ, и говоритъ ему Головачовъ:

— Ты, Никита, позавтракалъ, аль нѣтъ?

— Нѣтъ еще, Онисимъ Ильичъ. А что?

— Да вотъ что: позавтракай поскорѣе да поѣзжай въ городъ. Поищи тамъ Левку-то; чай, въ трактирѣ гдѣ-нибудь. Привези его домой.

— Ладно.

Поѣхалъ работникъ въ городъ и возвратился къ ночи одинъ.

— Ну, что?—спросилъ Головачовъ.

— Нѣтъ его тамъ, Онисимъ Ильичъ! Весь городъ обѣгалъ, у всѣхъ спрашивалъ—нѣту.

Встревожился Онисимъ Ильичъ: ужъ не сдѣлалъ ли надъ собою чего парень? И на другой день, чуть свѣтъ, поѣхалъ самъ въ городъ. Пробѣгалъ весь день, полиціи заявилъ—нѣтъ парня, словно въ воду канулъ.

Прошла недѣля, другая, а Леонтія все нѣтъ. Скоро и осень наступила, а о немъ ни слуху ни духу.

VII.

Сильно грустилъ старикъ о сынѣ и ругалъ себя:

„Я самъ, старый дуракъ, виноватъ во всемъ. Разошелся до чего, проклялъ даже и искостилъ всячески!.. О Господи!“

И онъ долго тужилъ и вздыхалъ о парнѣ и, наконецъ, убѣдился, что этимъ горю не поможешь,—видно, дѣлать нечего, чему быть, тому не миновать, а теперь надо о дочери думать.

Жениховъ у дочери было много: были и купчики небогатые и дворянчики прогорѣвшіе, офицеръ даже одинъ присватывался, да все женихи неподходящіе.

„Вѣтрогоны все, за приданымъ гонятся: отдай имъ дочь-то да деньги убей. А промотаются, и бери дочь назадъ; а то и хуже что выйдетъ“.

Сталъ Головачовъ жениха дочери подыскивать, да такого, чтобы сумѣлъ самъ копейку нажить, чтобы прибавить могъ къ приданому, а не то, чтобъ размотать: чтобы и хозяйство сберегъ и Аннушку счастливой сдѣлалъ. Не прочь бы и въ домъ принять зятя Онисимъ Ильичъ, лишь бы человѣкъ былъ подходящій.

Сидитъ разъ за чаемъ Головачовъ, и говоритъ ему кухарка, что приказчикъ изъ города пріѣхалъ. Велѣлъ позвать его Головачовъ.

Вошелъ приказчикъ, поздоровался съ хозяиномъ. Пригласилъ его Головачовъ чай пить.

Усѣлся приказчикъ, и сталъ его Головачовъ о дѣлахъ разспрашивать. Разсказалъ приказчикъ, выручку мѣсячную сдалъ и осмѣлился попросить себѣ прибавки жалованья.

— Я, — говоритъ,—у васъ, Онисимъ Ильичъ, пять лѣтъ живу честно, благородно, никакими худыми дѣлами не займаюсь,—такъ не грѣхъ бы!

— Ладно,—говоритъ Головачовъ.—Подожди на кухнѣ, я подумаю.

Остался Головачовъ одинъ и сталъ обдумывать. И вдругъ пришло ему въ голову такое, что и самъ удивился, какъ это онъ раньше не смекнулъ.

„Не взять ли въ зятья этого приказчика?“ подумалъ онъ.

Показался приказчикъ Головачову человѣкомъ подходящимъ: жилъ онъ у него пять лѣтъ, торговлю велъ хорошо, характеръ имѣлъ тихій, поведенія былъ трезваго, бережливый и скуповатый: за пять лѣтъ скопилъ себѣ нѣсколько деньжонокъ, хоть и изъ малаго жалованья; родныхъ у него, кромѣ матери, не было, знакомства не заводилъ,—просто, золото парень.

„За нимъ моя Аннушка проживетъ какъ у Христа за пазухой“, рѣшилъ Головачовъ.

Кликнулъ онъ приказчика.

— Вотъ,—говоритъ,—Петра, какую я тебѣ награду дамъ за твою службу! Хочешь ко мнѣ въ зятья итти?

Задрожалъ отъ радости приказчикъ; ни слова не говоря, повалился онъ въ ноги хозяину.

— Зачѣмъ, зачѣмъ? Богу кланяйся, не мнѣ. Встань, братъ, потолкуемъ хорошенько.

Поднялся приказчикъ, заморгалъ глазами, лицо радостное стало.

— Что жъ, согласенъ?

— Благодѣтель вы мой! Да я за васъ вѣкъ буду Бога молить—дѣтямъ и внукамъ накажу.

— Ну, ладно, ладно!—усмѣхнулся Головачовъ.—Такъ если

согласенъ, то вотъ что сдѣлай: прежде найми квартирку получше, потомъ обставь ее хорошенько, чтобы было куда жену-то привесть, а тамъ ужъ и образомъ благословимъ васъ.

— Слушаю-съ.

— Ну, такъ-такъ! А завтра я самъ пріѣду, обо всемъ и перетолкуемъ. Теперь ступай пока.

— Очень хорошо-съ! Такъ прощайте, Онисимъ Ильичъ.

— Прощай, Петръ Емельяновичъ! Счастливо доѣхать.

Проводилъ Головачовъ приказчика и зашагалъ по комнатѣ. Ходитъ, руки потираетъ.

„Вотъ и отлично!—думалъ онъ.—Какъ это я раньше не подумалъ! Вѣдь лучше-то этого и не найти! Нужды нѣтъ, что бѣденъ,—у меня зато есть. Богатому-то передай, онъ и начнетъ обороты дѣлать, рисковать да профуфыритъ все. А этотъ, какъ сядетъ на деньгу, у него и зубомъ не вырвешь. Дѣло поведетъ осторожно—еще прибавитъ къ моему, и будутъ вѣкъ свой жить безъ заботы.

И пошелъ Головачовъ къ дочери о женихѣ объявить.

VIII.

Когда онъ вошелъ къ Аннушкѣ, она что-то вышивала.

— Анюточка,—сказалъ Головачовъ, — какую я тебѣ новость скажу!

— Какую?

— А такую,—жениха тебѣ нашелъ.

Поблѣднѣла Аннушка, ничего не сказала, только надъ шитьемъ нагнулась.

— Что же ты? Аль не рада? А женихъ-то какой умный, разсудительный! Некрасивъ, зато степенный.

Аннушка опять промолчала.

— Догадалась кто?

— Нѣтъ.

— Петръ Емельяновъ, нашъ приказчикъ!

Подняла лицо Аннушка на отца; въ глазахъ ея слезы по-

казались, изъ лица еще бѣлѣе стала. Упала она въ ноги къ отцу и зарыдала.

— Что ты, Аннушка? Что съ тобою?

— Тятенька милый! не губите меня, не отдавайте за Петра Емельяныча!

— Что такое?—строго сказалъ Головачовъ.—Это почему?

— Не любъ онъ мнѣ, не хочу я за него.

— Эва! Такъ что жъ, что не любъ. За кого же тебя отдавать-то?

— Тятенька, милый, отдайте меня за Алексѣя Андреича!

— За кого?

— За Алексѣя Андреича... за учителя здѣшняго.

Головачовъ сразу перемѣнился.

— Такъ вотъ какъ! За учителя!.. Вотъ такъ дочка! Ловко! Нечего сказать! Безъ спроса да безъ совѣта родительскаго женишка себѣ выбрала! Молодецъ дѣвка, нечего!.. Ахъ ты, негодница этакая! Да я тебѣ за это всѣ косы оборву, коли ты хошь знать!

— Тятенька...

— Не смѣй и думать! Не быть тебѣ за учителишкой! И въ головѣ не держи! Кромѣ какъ за Петра, ни за кого не отдамъ!

Головачовъ вышелъ вонъ и сердито хлопнулъ дверью.

Повалилась Аннушка на полъ и горько заплакала.

„Что же это такое будетъ?—думалъ Головачовъ.—То сынъ былъ—отъ невѣсты отбился, пропалъ, а тутъ дочь не хочетъ итти, за кого я хочу! Да неужели я не родитель имъ? Нѣтъ, дочка! Съ тобою я еще поговорю, не дамъ я тебѣ воли... Гордыбачить будешь... выпорю, а отдамъ! По добру-то, видно, съ вами не сладишь... А учителишкѣ этому... такъ сдѣлаю, что и духу его здѣсь не будетъ! Вишь, чихачъ какой явился, дѣвокъ смущать сталъ. Погоди, голубчикъ, я доберусь до тебя!..“

И опять сталъ злой Онисимъ Ильичъ. Заныло сердце, затосковало—не знаетъ старикъ, что и дѣлать, мѣста себѣ нигдѣ не найдетъ. Пришелъ вечеръ, сталъ молиться Голо-

вачовъ. Молился долго, поклоны клалъ, пока спина не заболѣла... Да не нашелъ онъ покоя отъ такой молитвы...

На другой день Головачовъ поѣхалъ въ городъ. Сдѣлалъ все, что нужно, съ Петромъ Емельяновымъ и велѣлъ ему пріѣзжать въ слѣдующее воскресенье по рукамъ бить.

IX.

Ударили по рукамъ, стали къ свадьбѣ готовиться. Накупилъ Головачовъ, что нужно для невѣсты, отдалъ портнихамъ шить. Хотѣлъ онъ разрядить невѣсту всѣмъ на удивленіе.

„Пускай,—думаетъ,—смотрятъ люди да любуются на мою дочь. Ничего не пожалѣю для нея!“

Свадьбу задумалъ Головачовъ богатую: пригласилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ, кого только зналъ, снялъ онъ въ городѣ домъ подъ балъ, подговорилъ музыкантовъ полковыхъ и хотѣлъ въ губернію за пѣвчими посылать. Денегъ не жалѣлъ Онисимъ Ильичъ.

„Дай,—думаетъ,—хоть разъ попользуюсь ими. Мучился изъ-за нихъ весь свой вѣкъ, сколько грѣховъ на душу принялъ, а ни одной путящей радости не видалъ“.

Дня за три до свадьбы поѣхалъ Головачовъ въ городъ посмотрѣть, какъ дѣло идетъ у Петра Емельянова, да и распорядиться насчетъ кой-чего. Пробылъ въ городѣ весь день и только къ ночи вернулся домой. Не сталъ онъ никого тревожить въ домѣ, а прошелъ прямо въ спальню и улегся спать.

Проснулся утромъ Головачовъ и прошелъ въ столовую чай пить. На столѣ самовара не было.

„Проспала, должно, старая!“—подумалъ онъ на кухарку.

И пошелъ онъ въ кухню.

— Ты что же самоваръ не сготовила? — спросилъ онъ у кухарки.

— Батюшка, Онисимъ Ильичъ, куда ужъ тутъ самоваръ! Горюшко-то какое!

— Что тамъ еще?

— Да дочка твоя, не знаю, гдѣ подѣлась!

Испугался Головачовъ.

— Какъ такъ?..—говоритъ.

— Да такъ! Какъ уѣхалъ ты вчерась-то, она и вышла куда-то... узелокъ небольшой взяла. Я думала, она къ попадьѣ; ждала-ждала, весь день прождала. Передъ вечеромъ заснула я, заспала да и позабыла, что ея нѣтути. Хватилась сегодня утромъ, а у ней и постель не помята. Я къ попадьѣ, а та ея и не видала. Тутъ я и догадалась, что она куда-нибудь сбѣжала.

Какъ громомъ пришибло Онисима Ильича: лицо посинѣло, въ глазахъ помутилось, даже зашатался онъ—еле за косякъ удержался. Постоялъ онъ такъ нѣсколько времени, раскачался, вышелъ изъ кухни, пошелъ во дворъ и велѣлъ работникамъ собираться въ погоню. На крыльцѣ стоялъ какой-то человѣкъ.

— Тебѣ что?—спросилъ Головачовъ.

— Хозяина бы мнѣ нужно!—сказалъ человѣкъ.

— Я самый. Что нужно?

— Вотъ письмецо вашей милости.

— Откуда?

— Съ чугунки. Не знаю отъ кого: господинъ какой-то съ барышней велѣли отдать.

Выхватилъ письмо Головачовъ, разорвалъ конвертъ и сталъ читать. Въ письмѣ вотъ что было написано:

„Почтеннѣйшій Онисимъ Ильичъ!

„Когда вы получите это письмо, ваша дочь будетъ уже моей женою. Извиняюсь, что такъ поступилъ, но дѣлать было нечего. Я люблю вашу дочь, она меня тоже. Вы не пожелали согласиться на нашъ бракъ, а мы не могли жить другъ безъ друга. Приданаго отъ васъ намъ не нужно было. Намъ ничего и не оставалось, какъ поступить такъ, какъ мы поступили. Прощайте, не поминайте лихомъ.

„Извѣстный вамъ учитель Алексѣй Черневскій“.

Тутъ же была приписка отъ Аннушки. Она писала:

„Милый тятенька! Простите меня за то, что я ушла отъ васъ. Если бы я не любила Алексѣя Андреича, я бы не сдѣлала такъ. Вы знали, что я люблю Алексѣя Андреича, и потому я не могла выйти замужъ за Петра Емельяновича. Когда мы устроимся, то я напишу вамъ обо всемъ, а пока прощайте“.

Прочиталъ письмо Головачовъ, зашатался и какъ снопъ повалился наземь. Посланный испугался и не зналъ, что дѣлать. Услыхала кухарка, выбѣжала, закричала работникамъ. Собрался народъ, обступили Головачова и не знаютъ, что дѣлать. Кто-то надоумилъ, наконецъ, увести въ комнаты Онисима Ильича.

Подняли его работники, отнесли въ комнаты и положили на кровать.

X.

Поѣхали за докторомъ. Пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ больного, началъ тереть ему виски какимъ-то спиртомъ и далъ чего-то понюхать.

Очнулся Головачовъ, открылъ глаза, еле языкомъ шевелитъ, ослабъ такъ, что съ мѣста сдвинуться не можетъ.

Стали работники у доктора про хозяина спрашивать, и говоритъ докторъ, что съ нимъ ударъ приключился, едва ли долго проживетъ.

Такъ и ахнули работники.

Подѣлалъ еще что-то докторъ у больного и уѣхалъ, сказавъ, что къ вечеру еще пріѣдетъ.

Собрался съ силами Онисимъ Ильичъ, попросилъ священника привести. Пошли за священникомъ.

Цѣлый часъ ходилъ работникъ и вернулся одинъ.

— Не засталъ священника, — говоритъ: — уѣхалъ въ городъ, не раньше ночи вернется.

Застоналъ Головачовъ:

— Охъ, Боже мой, Боже мой! Кажись, и не дождаться мнѣ. Боюсь умереть такъ-то...

Полежалъ онъ еще, потомъ приподнялся, словно что вспомнилъ, окликнулъ работника и говоритъ:

— Кликни сюда всѣхъ, кто тамъ есть... работниковъ, приказчиковъ... всѣхъ, кого встрѣтишь, зови... хочу при всѣхъ каяться. Тяжко мнѣ, не могу больше... зови!..

Кинулся работникъ изъ горницы, пошелъ сзывать. Стали сходиться люди. Собрался съ духомъ Головачовъ и началъ свою исповѣдь:

— Умираю я, братцы! Хочу передъ вами душу свою облегчить. Велики мои грѣхи, братцы; много я на своемъ вѣку зла надѣлалъ, съ самаго почти дѣтства и до сихъ поръ шелъ я по неправедному пути и... дошелъ... до гибели...

Остановился Головачовъ, передохнулъ маленько и опять сталъ говорить:

— Много грѣховъ легло на мою душу. Бывало, позабудешь про мірскія дѣла свои, пораздумаешься о беззаконіяхъ своихъ, и тяжело станетъ на сердцѣ, словно камень какой на него наляжетъ. Только не долго такъ бывало; начнешь что-нибудь дѣлать, все пройдетъ; только думаешь о томъ, какъ бы получше дѣло обдѣлать, какъ бы побольше пользы было; а не размыслишь того, что иногда польза-то моя другого разоряетъ... Всѣхъ больше тяготилъ меня одинъ грѣхъ, большой, страшный грѣхъ... Давно я этотъ грѣхъ сдѣлалъ, смолоду еще... Нечистыми путями разбогатѣлъ я... обокралъ... и не то что обокралъ... а еще того хуже... Вспомнить страшно...

Перевелъ опять духъ Головачовъ и продолжалъ:

— Смолоду-то я жилъ бѣдно и попалъ я въ работники къ одному богачу. Одинокій человѣкъ былъ и больной къ тому же, безъ помощи ни встать, ни ходить не могъ. И приставилъ онъ меня за собою ходить... Три года прожилъ я—ничего все. Только мнѣ очень завидно стало, глядя на его богатство. Ну, и подсмотрѣлъ я разъ, какъ онъ въ подушку деньги зашивалъ. И запало мнѣ это въ голову. А тутъ разболѣлся хозяинъ совсѣмъ, лежитъ, не встаетъ. При-

шла, значитъ, ему смерть. Послалъ онъ за попомъ. А я въ тѣ поры остался съ нимъ одинъ-на-одинъ. Ну... и соблазнилъ меня лукавый... Охъ, грѣхъ!.. Господи мой!.. выговорить-то страшно.

Схватилъ себя Головачовъ за голову обѣими руками и застоналъ. Долго онъ молчалъ, только слышно было, какъ онъ тяжело вздыхалъ, закрывъ лицо руками. Наконецъ, онъ открылъ лицо, приподнялся и заговорилъ глухимъ голосомъ, вперивъ глаза въ темноту:

— Какъ теперь вижу: лежитъ онъ, на подушки откинулся, глаза закрылъ... въ домѣ никого нѣтъ... Не помню уже, какъ я это надумалъ. Помутилось у меня въ глазахъ, кинулся я на него, схватилъ за горло и... задушилъ... своими руками задушилъ, не далъ ему умереть спокойно.

Проговоривъ это, Головачовъ протянулъ впередъ руки и продолжалъ хриплымъ голосомъ:

— Вотъ, какъ сейчасъ вижу: открылъ глаза, уперъ на меня, да и духъ вонъ... Вотъ и теперь все по ночамъ вижу я эти глаза страшные... вижу, вижу...

Несчастный Головачовъ съ ужасомъ глядѣлъ въ темноту. Зубы его стучали. Онъ дышалъ тяжело и прерывисто и долго не могъ успокоиться. Слушатели затаили дыханіе, какъ бы замерли въ ужасѣ. Оправился Головачовъ и заговорилъ опять:

— Ну, вотъ... съ того разбогатѣлъ, какъ видите... Вотъ какъ разжился! Только не въ пользу это все, а на погибель мою. Сколько я трудовъ своихъ положилъ, сколько ночей не досыпалъ, старался все, чтобы побогаче быть, и богачомъ сдѣлался. А что изъ того? Думалъ дѣтей счастливыми сдѣлать, а они сами себѣ дорогу нашли и отъ богатства моего отказались. На что оно мнѣ теперь? Куда дѣвать? Бога за деньги не подкупишь... Охъ, Ты, Господи, грѣшенъ я передъ Тобою! Польстился я на богатство, забылъ завѣтъ Твой святой, чужую жизнь погубилъ, да и свою тоже. Проклятый я человѣкъ!

И заплакалъ Головачовъ, горько зарыдалъ и обезсилѣлъ

весь. Упалъ онъ на подушку и все что-то бормоталъ, насилу языкомъ ворочалъ.

Обступили его работники, видятъ: хозяинъ въ забытьи лежитъ, дышитъ тяжко, а лицо спокойное. Немного погодя очнулся больной, взглянулъ на работниковъ, улыбнулся и сталъ у нихъ прощенья просить.

— Простите, — говоритъ, — ребятушки! Кого обидѣлъ я, простите ради Христа. Не мало и вамъ я зла сдѣлалъ... и наказанъ я за зло... Попомните меня вы, живите почестнѣе, не льститесь на богатство: не въ деньгахъ счастье!

Потомъ затихъ Головачовъ; все рѣже и рѣже дышать сталъ. Къ вечеру и душу Богу отдалъ.

Солдатка.

I.

Агаѳья послѣ свадьбы двухъ лѣтъ не прожила съ мужемъ, какъ ей пришлось разлучиться съ нимъ, — отдали его въ солдаты, и осталась она ни дѣвицей ни вдовой. Давно ли, кажется, Агаѳья себѣ не вѣрила, какъ она счастлива была, а теперь, ей думалось, несчастнѣй ея человѣка на свѣтѣ нѣтъ. Егора своего она такъ любила, что только онъ ей на свѣтѣ и дорогъ былъ. И нельзя его было не любить. Онъ — первый парень въ деревнѣ, умница, красивый, изъ зажиточнаго дома, а не побрезговалъ ее замужъ взять.

Агаѳья была сирота—бобылкина дочь.

Отецъ Агаѳьи умеръ, ей еще десяти лѣтъ не было. Ходила она всю жизнь по наймамъ: сперва въ няньки мать ее отдавала, а потомъ въ работницы, и что, бывало, ни заработаетъ за лѣто, все за зиму съ матерью проѣдятъ. Не было у дѣвки ни справы настоящей, ни одежды хорошей, какъ у другихъ крестьянскихъ дѣвокъ. И Егоръ ничуть на это не посмотрѣлъ, а полюбилась ему дѣвка, и высваталъ онъ ее. Родители было его упирались, бѣднотой ея брезговали, но Егоръ переломилъ стариковъ.

И за это-то Агаѳья и любила Егора. Она на него наглядѣться не могла; все она для него была готова сдѣлать, все перенести.

II.

А переносить Агаѳьѣ кое-что пришлось въ семьѣ не мало. Семья свекрови ея считалась порядочною. Кромѣ Егора, у нихъ былъ еще старшій сынъ, женатый,—у него росло двое ребятишекъ; была еще дочь, дѣвка лѣтъ шестнадцати. Къ нраву всѣхъ нужно было примѣняться. Всѣмъ угоди, всѣмъ услужи, на работу бѣги первой, а за столъ послѣднею. Но это бы еще ничего, а плохо было то, что въ такой семьѣ настоящаго порядка не велось. Старикъ былъ человѣкъ мягкій, большевать всѣмъ любила свекровь; а бабья большина, извѣстно, какая. Агаѳью свекровь не взлюбила съ первыхъ дней за то, что добра мало принесла она въ приданое. Сначала подъ носъ себѣ ворчала, потомъ поговаривать стала, прежде въ людяхъ, а потомъ и въ семьѣ.

Прошла зима, послѣ свадьбы наступила весна; захотѣлъ Егоръ своей молодухѣ къ Пасхѣ кофту плисовую сшить и сказалъ объ этомъ отцу; согласился отецъ, обѣщалъ денегъ дать.

Услыхала свекровь, взбеленилась.

— Статочное ли дѣло,—говоритъ,—на первый годъ молодуху обряжать! Да вы съ ума сошли, что ли? Гдѣ жъ это видано?

— Что за бѣда!—говоритъ старикъ.—Ежели чего у ней не достаетъ, такъ отчего же не справить?

— А мы чѣмъ виноваты, что у ней нѣтъ ничего? Заботилась бы о себѣ въ дѣвкахъ! А то на, поди: безъ году недѣлю замужемъ пожила и справу съ мужа спрашиваетъ.

— Гдѣ жъ ей въ дѣвкахъ было что спрашивать? Сирота вѣдь!

— А за коимъ шутомъ такую брали голую? За нашего парня и достаточную дали бы...

— Ну, будетъ молоть-то,—сказалъ старикъ:—что сдѣлано, то сдѣлано, а что надо, то надо.

Не послушали старуху, справили кофту. Взъѣлась баба еще пуще прежняго на сноху, проходу ей не даетъ, все ру-

гаетъ да попрекаетъ; хотѣлось ей Егора на нее натравить, да не слушалъ ея Егоръ. Это еще пуще разжигало бабу. И когда Егора приняли въ солдаты, то она такъ стала обходиться съ Агаѳьей, что та сразу почуяла, какая ей теперь жизнь будетъ. Провожая Егора совсѣмъ, Агаѳья спросила у него:

— Егорушка! какъ же мнѣ теперь съ матушкой-то быть? Вѣдь заѣстъ она меня совсѣмъ безъ тебя-то.

— Не бойся, обойдется: какъ увидитъ, что некому въ домѣ работать-то безъ насъ, посмирнѣе будетъ.

— Хорошо, какъ такъ, а то она, пожалуй, ни на что не поглядитъ. Такъ что мнѣ дѣлать тогда, какой наказъ отъ тебя будетъ?

— Что хочешь дѣлай, только меня не забывай! Если меня забудешь, то плохо будетъ,—сказалъ Егоръ.

III.

Проводили Егора, пріѣхали изъ города домой. Дня два ходили какъ потерянные, не знали, за что теперь взяться; потомъ понемногу начали оправляться и приниматься за тѣ дѣла, что у нихъ не окончены были. Агаѳья была очень грустна, ни на что ей не хотѣлось глядѣть; не видѣла она даже, какіе взгляды на нее кидаетъ свекровь, — не до того ей было. Прошло съ недѣлю; дѣла всѣ подобрались. Только былъ у нихъ еще ленъ не смятъ; стали ленъ садить. Насадили ленъ, свезли возъ дровъ къ овину; сталъ старикъ собираться ленъ сушить.

— Овинъ-то больно сыръ, — сказалъ онъ, — пожалуй, и ночи захватишь.

— Эка бѣда! Впервой, что ли, тебѣ?—сказала старуха.

— Оно хоть не впервой, а жутко ночью одному-то.

— Ну, пришлю кого-нибудь для охоты.

Собрала Татьяна старику поужинать; поѣлъ тотъ и сталъ въ теплышко собираться; взялъ лучины, спичекъ и пошелъ.

Остались дома однѣ бабы: старшій сынъ съ овсомъ въ

городъ уѣхалъ, жена его съ маленькимъ няньчилась, дѣвка къ подругамъ на улицу ушла, а Агаѳья скотинѣ кормъ готовила. Наносила корму Агаѳья, задала, корову подоила и вошла въ избу.

И говоритъ свекровь:

— Давайте, бабы, ужинать! Да ты, молодуха, въ овинъ пойдешь, а то свекору-то въ ночь жутко одному.

— Ладно,—говоритъ Агаѳья.

Поужинали. Накинула Агаѳья перешивокъ и пошла въ овинъ. Спустилась она въ теплышко; видитъ,—лежитъ свекоръ на землѣ, передъ нимъ огонь горитъ: и тепло и свѣтло въ теплышкѣ.

Остановилась Агаѳья, стоитъ, на огонь смотритъ.

— Ну, что, управилась?—спросилъ старикъ.

— Управилась.

— Поужинали?

— Поужинали.

— Ну, садись, въ ногахъ правды нѣтъ, чего стоять-то!

Опустилась Агаѳья на землю, вздохнула. Поговорили о томъ, о семъ.

— Какъ-то теперь Егоръ устроился?—сказалъ старикъ.

— Богъ его вѣдаетъ.

— Поди, чай, скучаетъ: о домѣ грустится.

Ничего не сказала Агаѳья.

— И тебѣ-то, чай, не весело? А?

— Что жъ дѣлать!

— А ты не грусти, авось обтерпишься: нынче служба недолгая, всего четыре года, какъ-нибудь проживешь.

— Оно бы все ничего, да очень я матушки боюсь.

— Ну, что ея бояться? Взбалмошная она у меня, правда; ну, да обойдется... Если что, такъ и приструнить можно...

А Татьяна у подвала стояла и подслушивала, не подойдетъ ли чего, къ чему придраться можно. Услыхала она послѣднія слова, обрадовалась.

— Это меня-то, — кричитъ, — приструнить? Ай да ловко!

Ахъ ты, старый хрычъ, аль къ снохѣ подбиваешься! Да я тебѣ всѣ бѣльмы выдеру!.. Да я тебѣ...

Вскочилъ на ноги старикъ, и Агаѳья испугалась: поняла она, чего взбеленилась старуха.

— Что ты тамъ шумишь, безпардонная? — крикнулъ на бабу старикъ. — Чего это ты выдумываешь, аль не бита? Вотъ погоди, я сейчасъ къ тебѣ вылѣзу!

— Поди, поди! Я тебѣ всю лысину полѣномъ раскрою!.. Я тебѣ покажу, какъ со снохою шуры-муры заводить.

Бросился старикъ изъ теплышка, увидала Татьяна, пустилась бѣжать со всѣхъ ногъ; бѣжитъ, а сама оретъ во все горло, старика ругаетъ. Посмотрѣлъ ей вслѣдъ старикъ: бѣжать за ней силы не было, покачалъ головой и полѣзъ опять въ теплышко.

— Ну, и дьяволъ баба! — сказалъ онъ и плюнулъ съ остервенѣніемъ.—Вѣдь вотъ что выдумаетъ!..

— Батюшка, что ужъ мнѣ теперь дѣлать-то! — сказала Агаѳья и заплакала.—Вѣдь она мнѣ теперь житья не дастъ, заѣстъ теперь она меня совсѣмъ.

Ни слова не сказалъ старикъ, а только насупился.

Кончили сушку, пошли домой. Агаѳья тряслась какъ виноватая, когда въ избу входили. Однако все благополучно сошло. Въ избѣ всѣ спали; раздѣлась Агаѳья, помолилась Богу и легла спать. И долго она заснуть не могла: тревожили ее нехорошія мысли, и горькія слезы лились изъ ея глазъ.

IV.

Утромъ собрались къ нимъ бабы съ деревни ленъ мять. Пришли бабы, принялись за работу. Работаютъ, разговариваютъ; не говоритъ только одна Агаѳья: стоитъ у мялицъ какъ пришибленная. Стали надъ нею бабы трунить.

— Вишь,—говоритъ одна, — запечалилась какъ! Чай, объ мужѣ груститъ... Не горюй, и безъ мужа проживешь: въ деревнѣ пастуховъ много.

Пришло время завтракать. Пришла Татьяна звать бабъ.

— Богъ въ помощь!—говоритъ.

— Спасибо, тетка Татьяна!

— Хорошо ли ленъ высушенъ?

— Ничего, гоже.

— То-то! — говоритъ Татьяна, сама ехидно улыбается. — Грѣхъ, кажись, было бы, если плохо высушить-то! Мой старикъ до пѣтуховъ его сушилъ, да не одинъ, а съ солдаткой молодой. Такъ хорошо сушили, что любо посмотрѣть. Прихожу это я провѣдать ихъ, а мой-то говоритъ: „Ты, молодуха, не робѣй; старуха ничего; а если что, такъ я ее приструню“.

Не удержались нѣкоторыя бабы, засмѣялись.

— Что смѣетесь? Правду баю, хоть самое спросите, нешто отъ стыда не скажетъ.

— Да неужто правда?—спросила одна баба.

— Вотъ те истинный Богъ! Это она тихоней-то притворяется. Подите-ка, раскусите-ка ее, какая она бѣдовая! Не даромъ говорится: въ тихомъ омутѣ черти водятся!

Нѣкоторыя бабы покачали головой, нѣкоторыя опять разсмѣялись. А Агаѳья при рѣчахъ свекрови и руки опустила, про работу забыла.

Озлобилась она до нельзя, подступила она къ старухѣ,— кажется, такъ и вцѣпилась бы въ нее; озлобилась и Татьяна.

— Ты что это,—говоритъ,—очумѣла, что ль? Что ты подскочила-то ко мнѣ? Аль драться хочешь? Попробуй, я те покажу, шлюха этакая, какъ на свекровь руки поднимать!

Повернулась Татьяна, позвала бабъ къ завтраку и пошла изъ овина. Подкосились ноги у Агаѳьи, опустилась она на мялицу и заплакала. Послѣ завтрака не пошла баба на работу, а стала свои пожитки собирать. Замѣтилъ это свекоръ и спрашиваетъ:

— Ты что затѣяла? Аль уходить хочешь?

— Къ матушкѣ пойду.

— Аль опять что вышло?

Разсказала Агаѳья. Вздохнулъ старикъ и говоритъ:

— Эхъ ты, головушка моя горькая! Что мнѣ съ ней дѣлать?

Собралась Агаѳья, закинула узлы на спину и пошла въ свою деревню къ матери.

V.

Удивилась мать Агаѳьи, какъ увидала дочь.

— Что это ты, Агаѳьюшка, никакъ ко мнѣ перебираешься?

— Пока къ тебѣ, матушка.

— Что такъ?

— Не даетъ мнѣ житья свекровушка. Заѣла совсѣмъ меня.

И разсказала Агаѳья про горе свое. Поплакали онѣ вмѣстѣ и стали обдумывать, что дѣлать.

— Я, матушка, въ Москву пойду,—сказала Агаѳья.

— Въ Москву? Да что же ты тамъ будешь дѣлать?

— Мѣсто какое-нибудь пріищу, проживу кое-какъ.

— Охъ, доченька, какое ты мѣсто-то искать будешь, вѣдь ты и порядковъ-то московскихъ не знаешь?

— Что за бѣда, привыкну,—вѣдь не однѣ природныя московскія живутъ, а, чай, и деревенскія есть. Эна, наша тетка Мавра тоже прямо изъ деревни, а сколько годовъ живетъ!

— Такъ-то такъ!

— А въ деревнѣ что мнѣ дѣлать? Ну, лѣто туда-сюда, въ работницы можно наняться, а зиму? Что за лѣто наживешь, проживать?

Вздохнула старуха и говоритъ:

— Гляди, какъ лучше, доченька!

Нашла Агаѳья грамотея, написала обо всемъ мужу, выправила паспортъ и отправилась въ путь. Пріѣхала она въ Москву и стала тетку Мавру разыскивать. Жила Агаѳьина тетка у господъ. Отыскала ее Агаѳья и пришла къ ней. Удивилась Мавра, какъ Агаѳью увидала, еле узнала ее.

— Агаѳьюшка!—говоритъ,—какими судьбами?

— Да жить въ Москву пріѣхала.

— А въ деревнѣ-то что жъ?

Разсказала Агаѳья, почему она изъ деревни уѣхала. Потужила о ней тетка и говоритъ:

— Ну, что дѣлать? Знать твоя судьба такая! Не тужи, авось Богъ милостивъ, найдемъ тебѣ мѣстечко получше, и будешь жить да поживать, пока мужъ вернется; а мужъ вернется,—всѣ дѣла разберетъ.

VI.

Однако не сразу вышло мѣсто Агаѳьѣ; прожила она у тетки недѣли двѣ, а о мѣстѣ и слуху не было. Стало бабѣ скучно безъ дѣла. Сидятъ разъ на кухнѣ Мавра, кухарка и Агаѳья, чай пьютъ, и входитъ къ нимъ прачка, что на господъ бѣлье стирала. Остановила ее Мавра и говоритъ:

— Анна Петровна, вы по разнымъ господамъ-то ходите, не слыхали ль гдѣ мѣстечка вотъ для племянницы моей?

— А какое мѣстечко-то?

— Все равно, какое ни на есть, лишь бы пристроиться, она только изъ деревни.

Посмотрѣла прачка на Агаѳью, оглядѣла и говоритъ:

— Не знаю, не слыхала. Развѣ мнѣ ее взять бѣлье стирать?

— Все равно, Анна Петровна, возьмите, пожалуйста; она бабенка работящая, будете довольны ею.

— Хорошо, пусть приходитъ завтра утромъ.

Ушла прачка, и говоритъ Мавра племянницѣ:

— Ну, вотъ, Агаѳьюшка, и мѣсто тебѣ. Какъ скажешь, ничего?

— Ничего, тетушка, спасибо за хлопоты.

— Ну, слава Богу, устроишься и живи,—работай, не лѣнись, не балуйся, все по-хорошему и будетъ.

На другой день утромъ свела Мавра Агаѳью на мѣсто и опредѣлила ее.

Стала Агаѳья къ новой жизни привыкать да присматриваться. Прачечная была въ подвалѣ; бабъ рабочихъ было

семь: три—стирали, а остальныя—гладили; стирали бабы деревенскія, а гладили — городскія. Сначала не нравилась Агаѳьѣ новая жизнь: работа не тяжелая и харчи хорошіе, да не по душѣ ей были порядки московскіе — прачки все молодыя да бойкія, въ разговорахъ такія слова говорятъ, что и мужчинѣ за стыдъ сказать; весь день пѣсни горланятъ, да и пѣсни-то нехорошія; за обѣдомъ водку пьютъ, между дѣломъ и папиросы курятъ.

„Экая срамота-то, прости Господи!—думала Агаѳья.—На что похоже! И что это за народъ отчаянный собранъ, гдѣ онъ берется?“

И въ первый же праздникъ Агаѳья отправилась къ теткѣ и написала тамъ мужу письмо.

Она писала, что вотъ она теперь живетъ въ Москвѣ и что тутъ нехорошо жить и какъ ей безъ него скучно. Съ какимъ нетерпѣніемъ она будетъ ждать того времени, когда онъ вернется къ ней! Отправила Агаѳья письмо и стала ждать отвѣта. Отвѣтъ недѣли черезъ двѣ пришелъ, но не такой, какого ждала Агаѳья.

Ей думалось, что Егоръ напишетъ ей ласковое письмо, станетъ утѣшать ее, увѣщевать подождать, какъ пройдетъ время,—а намѣсто этого пришло сердитое письмо. Писалъ Егоръ, что ему теперь ни до кого нѣтъ дѣла, а только самому до себя. Что онъ долженъ привыкать и къ службѣ и къ чужой сторонѣ, думать о чемъ-нибудь ему теперь и времени нѣтъ.

Обидѣлась Агаѳья и ничего не написала на это письмо; стала она помаленьку втягиваться въ свою жизнь, кое-какъ привыкать ко всему. Къ концу зимы Егоръ прислалъ другое письмо. Въ этомъ онъ уже ругалъ Агаѳью, зачѣмъ она изъ дому ушла. Видно, мать какъ-нибудь очернила передъ нимъ Агаѳью, и онъ считалъ ее виноватой въ уходѣ. Это письмо больше обидѣло молодуху, и она написала ему тоже не ласково и затаила обиду на мужа въ сердцѣ у себя. Прожила Агаѳья до весны, вела она себя по-хорошему. Товарки ее „степенной“ прозвали, потому что она не якшалась съ

ними; тѣ, бывало, какъ праздникъ, такъ либо по трактирамъ, либо по пивнымъ шляются, а она, кромѣ тетки, никуда не ходила. Изъ всѣхъ прачекъ ей только одна и пришлась по сердцу, Аришей звали.

Дѣвушка она была молоденькая, веселая пѣсенница и плясунья, но съ товарками она не водилась, а держалась поодаль. Говорили, что у ней любовникъ былъ, да Агаѳьѣ до этого дѣла не было. Спала Агаѳья съ ней на одной постели, а иногда вмѣстѣ и прогуляться ходила. Пришла Пасха. Собрались прачки на гулянье подъ Дѣвичій, стали и нашихъ подругъ звать; Ариша согласилась, а Агаѳья отнѣкиваться стала.

— Ну, чего ты ломаешься, Агаша?—сказала ей Ариша.— Пойдемъ!

— Не къ чему, кажется.

— Ну, вотъ, не къ чему! Дѣло праздничное, не все же въ конурѣ сидѣть! Пойдемъ!

Уломала она Агаѳью; согласилась та. Одѣлись и пошли. Подъ Дѣвичьемъ народу было видимо-невидимо. Были тутъ настроены балаганы и торговали сластями. У Агаѳьи глаза разбѣжались.

— Вотъ такъ славно!—говорила она.

— А ты упиралась! Гляди, какое раздолье!—сказала Ариша.

Проходили онѣ весь день, были въ балаганахъ, смотрѣли петрушку, какъ паяцы ломаются, пѣсенниковъ слушали, сластей покупали; у Агаѳьи даже голова закружилась. Было уже поздно и устали-то онѣ порядочно и проголодались, и пошли онѣ домой вдвоемъ съ Аришей, потому что товарки ихъ отбились. Дорогой и говоритъ Ариша:

— Зайдемъ, Агаша, чаю напиться да закусить, а то животъ подвело.

— Куда же?

— А въ трактиръ.

— Пойдемъ, пожалуй.

Забѣжала Ариша въ булочную, взяла бѣлыхъ хлѣбовъ, и пошли онѣ въ трактиръ.

Агаѳьѣ неловко стало: ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее. Забрались онѣ въ уголокъ и спросили себѣ чаю. Выпили по чашкѣ, вдругъ слышитъ Агаѳья, музыка заиграла. Удивилась баба, хорошо показалось.

— Ариша, чтой-то?—спрашиваетъ.

Засмѣялась Ариша.

— Развѣ ты никогда,—говоритъ,—не слыхала?

— Нѣтъ.

— Это машина.

— Ловко какъ!

— Поживи-ка подольше въ Москвѣ-то, еще не то увидишь.

Напились подруги чаю, закусили и отправились домой.

VII.

И стало съ тѣхъ поръ Агаѳью на гулянье потягивать. Понравилось ей веселье московское, стала она порѣже къ теткѣ ходить, за работой задумывается, ждетъ, какъ бы праздникъ поскорѣе. Стали онѣ съ Аришей по бульварамъ да по садамъ ходить гулять. Случалось, что въ праздники и одна Ариша уходила, а куда,—Агаѳья не знала; и въ такой день, бывало, скучно бабѣ было; насилу дождется она подруги своей.

— Гдѣ ты пропадала?—спроситъ Агаѳья, когда вернется Ариша.

— Гдѣ была, тамъ чай пила, баранки ѣла, а съ кѣмъ,—не твое дѣло,—скажетъ Ариша.

Пришелъ май мѣсяцъ. Открылось гулянье въ Сокольникахъ. Собрались разъ подруги и пошли туда. Долго онѣ ходили, все пересмотрѣли, музыку послушали и собрались домой только къ вечеру. Идутъ онѣ, а навстрѣчу имъ два молодца, на видъ ребята хорошіе и одѣты чисто, изъ мастеровыхъ, видно. Подошелъ одинъ изъ нихъ къ Аришѣ и говоритъ:

— Здравствуйте, Арина Ивановна!

— Здравствуйте, Петръ Васильевичъ!—сказала Ариша.

— Какъ поживаете?

— Помаленьку. Какъ вы?

— Погулять вышли?

— Да, провѣтриться захотѣлось.

— Хорошее дѣло. А это подруга ваша?

— Подруга,—Агаѳья Алексѣевна.

— Очень пріятно! Не угодно ли чайку вмѣстѣ попить?

— Благодаримъ,—намъ домой пора.

— Вотъ пустяки-то! Домой-то успѣете, это сюда опять не скоро попадете. Пойдемте, посидимъ, поболтаемъ, вотъ съ товарищемъ моимъ познакомитесь, съ Алексѣемъ Павловичемъ.

— Нѣтъ, спасибо! Намъ пора!

— Ну, будетъ ломаться-то! Изломаетесь, въ дрова не будете годиться.

Не стала больше отнѣкиваться Ариша—согласилась. Согласилась и Агаѳья. Усѣлись они за столъ подъ кустикомъ, спросили самоваръ, купили у разносчиковъ закусокъ. Петръ за водкой послалъ. Принесли водки, стали угощаться, поднесли и Агаѳьѣ; стала отказываться баба, да уломали ее ребята.

Выпила Агаѳья рюмку - другую и повеселѣла. Сталъ ей Петровъ товарищъ слова разныя закидывать, стала пересмѣиваться съ нимъ Агаѳья, и не видала, какъ вечеръ прошелъ.

Распростились молодцы съ прачками и пошли въ свою сторону, а прачки — въ свою. Пришли домой, поужинали, легли спать; и спрашиваетъ Агаѳья:

— Ариша, чьи это ребята?

— Али хороши?—сказала Ариша и засмѣялась.

— Ничего. Откуда они?

— Мастеровые они: гдѣ картинки печатаютъ, такъ они тамъ въ машинистахъ живутъ.

— А ты почемъ ихъ знаешь-то?

— Мое дѣло, — отвѣтила Ариша и спросила:—Полюбился тебѣ Алексѣй-то?

— Ничего, парень, кажись, хорошій.

— Хошь, подсватаю? Ну, что притворяться-то!

Осердилась Агаѳья:

— Что я дѣвка, что ли?

— Развѣ только дѣвки съ любовниками живутъ? У насъ въ Москвѣ и бабы не зѣваютъ, особливо солдатки!

— Ну, тебя! Лучше не говори.

— Ну, чортъ съ тобой! Какъ хочешь...

Помолчали немного подруги, потомъ Ариша и говоритъ:

— А мой Петрушка хорошъ?

— Ничего, хорошъ.

— Ага! Вотъ какого подцѣпила, а ты зѣвай знай.

— Чудная ты, Ариша, право, чудная: у меня вѣдь мужъ есть.

— Гдѣ онъ у тебя мужъ-то?

— Гдѣ? Знамо, въ солдатахъ.

— Когда онъ изъ солдатъ-то придетъ, а ты и жди?

— Что жъ дѣлать-то? На то законъ приняла.

— Законъ... Гдѣ онъ у тебя служитъ-то?

— За Питеромъ гдѣ-то далеко.

— Вотъ онъ тамъ законъ соблюдаетъ съ чухонками, любо!

Ничего не сказала Агаѳья, закуталась въ одѣяло и отвернулась къ стѣнѣ.

VIII.

И взяло раздумье Агаѳью: „Ну-ка и вправду? — думаетъ она про мужа.—Парень онъ ловкій, нужды не видитъ; мужикъ не баба—скорѣй случай подойдетъ“. И при этой мысли защемило сердце у Агаѳьи. Что больше думаетъ, то тяжелѣе становится. Пришли ей на умъ письма мужнины, вспомнила она, какъ онъ писалъ ей въ нихъ, и не дорогъ ей ужъ и Егоръ такимъ сталъ.

„Може, я ему и не мила ужъ стала“, думаетъ. И силится она отгонять отъ себя дурныя мысли, а онѣ все лѣзутъ непрошенныя. Измучили онѣ бабу. И больше мѣсяца Агаѳья боролась съ собой, въ ротъ не брала капли водки и не вы-

ходила никуда, только развѣ къ теткѣ сходитъ. Каждый день она ждала отъ мужа новаго письма, но письма не было.

Въ одинъ изъ весеннихъ праздниковъ одна прачка справляла именины, пригласила она и Агаѳью; на именинахъ выпила баба и повеселѣла. Ночью, какъ полегли всѣ спать, у Агаѳьи снова забродили дурныя мысли въ головѣ, заговорила кровь молодая.

— Что ты ерзаешь, спать не даешь!—заворчала на нее Ариша.

Повернулась Агаѳья къ подругѣ и толкнула ее слегка.

— Ариша!

— Ну, что?

— А какъ бы его увидать-то?

— Кого? Алексѣя-то?

— Ну, да! Сама знаешь, чего спрашиваешь?

Засмѣялась Ариша.

— Когда хочешь,—говоритъ.

— Нѣтъ, вправду!

— Я вправду. Вотъ пойду на недѣлѣ къ Петру, скажу ему,—въ воскресенье и придутъ.

— Ты, Ариша, на меня-то не говори, а скажи какъ-нибудь по-другому.

— Да ужъ не учи: знаю какъ!

Въ среду вечеромъ Арина отпросилась у хозяйки со двора и спрашиваетъ Агаѳью:

— Что жъ, кланяться, что ли?

— Кланяйся.

Ушла Арина и вернулась только утромъ. Пришла она рано, прачки еще не вставали.

Подсѣла она къ Агаѳьѣ и говоритъ ей потихоньку:

— Ну, Агаша, засушила ты парня.

— Будетъ смѣяться-то!

— Ей-Богу правда! Самъ не свой сталъ. Какъ пришла я, узналъ и бѣжитъ про тебя спрашивать. „Какъ, говоритъ, она поживаетъ?“—Ничего“,—говорю.—„Поклона не присла-

ла?"—„Нѣтъ".—„Экая, говоритъ, безчувственная-то, а я отъ нея поклона ждалъ".—„На что онъ тебѣ, говорю я и смѣюсь: шубу, что ли, шить?"—„Какое, говоритъ, шубу, тутъ и пиджакъ-то хотя скидавай: все сердце себѣ растравилъ, объ ней думавши". А я говорю: „Ты брось объ ней думать-то, у ней мужъ въ солдатахъ служитъ". — „Мало что, говоритъ, и у меня жена въ деревнѣ". Поговорили мы такъ, сталъ онъ выспрашивать, чья ты, откуда, давно ли въ Москвѣ, обѣщалъ притти въ воскресенье.

— Опять въ Сокольники?

— Нѣтъ, въ трактиръ нашъ, туда и вызовутъ.

Встала Агаѳья, принялась за работу. Не клеится у ней дѣло противъ прежняго, нѣтъ-нѣтъ да и задумается она объ Алексѣѣ; не чаяла она, какъ и праздника дождаться.

IX.

Пришло воскресенье. Сидятъ прачки и сговариваются, кому куда итти; вдругъ входитъ мальчикъ изъ трактира и спрашиваетъ Аришу.

— Велѣли,—говоритъ,—съ подругой въ трактиръ приходить.

Забилось сердце у Агаѳьи: поняла, кто ихъ спрашиваетъ. Трактиръ былъ съ садомъ; въ самомъ углу, въ кустахъ, сидѣлъ Петръ съ Алексѣемъ; на столѣ передъ ними все было приготовлено: и водка, и закуска, и чай. Поздоровались прачки съ пріятелями, подсѣли къ столу; стали угощать ихъ молодцы. Агаѳья пила водку безъ отказа, и подъ конецъ въ головѣ у ней зашумѣло, въ глазахъ помутилось; слышала она только шумъ какой-то и не понимала, что говорили вокругъ нея. Немного погодя Петръ съ Аришей поднялись итти. Агаѳья осталась съ глазу на глазъ съ Алексѣемъ. Алексѣй тоже былъ порядочно выпивши, подвинулся къ Агаѳьѣ и обнялъ ее одною рукой.

— Знаешь, какъ я тебя люблю?—сказалъ онъ.

— Почемъ я знаю,—проговорила Агаѳья и улыбнулась.

X.

На другой день проснулась Агаѳья рано. Товарки ея всѣ спали, Ариши не было дома. Голова у Агаѳьи сильно болѣла, точно по ней молоткомъ стучали, на животѣ тошнило.

Поднялась она было съ постели да опять повалилась. Захотѣлось ей освѣжиться: кое-какъ добралась она до кадки съ водой и напилась, стало ей немного полегче; вернулась она на постель, уткнулась въ подушку и стала вспоминать про вчерашній день. Вспомнила, какъ напилась пьяная, какъ Алексѣй повезъ къ себѣ на квартиру, а что было послѣ, она и вспомнить не могла: спуталось у ней въ головѣ все; даже не могла она вспомнить, какъ домой попала. Чувствовала она только, что сдѣлала что-то скверное.

Защемило сердце у Агаѳьи, точно камень на грудь навалился; хотѣлось ей плакать, да слезъ не было. „Господи, что я надѣлала-то!.. Ну, какъ Егоръ узнаетъ?“ И разобрало ее зло и на себя за свою слабость и на тѣхъ людей, по чьей милости въ эту жизнь попала; стиснула она зубами подушку и долго такъ лежала.

Пришла Ариша, у Агаѳьи и на нее глаза не глядятъ; увидала, что Агаѳья ничкомъ лежитъ, подумала, что спитъ она. Толкнула, не шевельнется. Толкнула еще разъ, подняла голову Агаѳья, вскинула покраснѣвшими глазами на Аришу и опять уткнулась въ подушку.

— Аль голова трещитъ?

— Смерть моя... Мочи нѣтъ.

— Вставай, давай похмелимся, у меня тоже голова болитъ; вотъ я принесла.

Вытащила Ариша изъ кармана бутылку съ водкой да два яйца печеныхъ; встала Агаѳья, выпили подруги. Стало Агаѳьѣ полегче. Послѣ чая и совсѣмъ развеселилась баба.

„Что жъ, думаетъ, не велика бѣда, что согрѣшила! Мужъ-то тоже, чай, не зѣваетъ тамъ. Гуляй, пока гуляется; остепениться время всегда будетъ“.

XI.

Съ этихъ поръ Агаѳья стала съ Алексѣемъ часто видѣться: праздники по цѣлому дню проводила съ нимъ и на буд-няхъ кое-когда ходила къ нему. И весело она провела все лѣто. Подъ конецъ лѣта стала Агаѳья въ Алексѣѣ перемѣну замѣчать: сдѣлался онъ грубый да суровый, совсѣмъ не такой ласковый, какой былъ раньше. Разъ въ трактирѣ спросила она у него:

— Что ты, Алексѣй, такой угрюмый сталъ? Иль не любо, что со мной сидишь: знать опротивѣла?

Помолчалъ немного Алексѣй и говоритъ:

— Надо намъ съ тобой, Агаша, разойтись... на время только, на мѣсяцъ, что ли.

Екнуло сердце у Агаѳьи, поблѣднѣла она.

— Что такъ?

— Да ко мнѣ на побывку жена изъ деревни скоро пріѣдетъ, такъ сама знаешь... неловко...

Ничего не сказала Агаѳья, опустила голову и задумалась. Поняла баба, что все-таки она Алексѣю чужая, все-таки у него жена есть; можетъ, онъ жену-то и любитъ, а на нее-то глядитъ какъ на забаву. Похолодѣло сердце у Агаѳьи, и заплакала она.

— Такъ ты и потѣшайся... съ женой своей,—чуть не крикнула Агаѳья, — а обо мнѣ ужъ позабудь... потѣшился—и будетъ!.. Богъ съ тобой, смутилъ ты меня, навелъ на грѣхъ.

Зарыдала Агаѳья и повалилась на столъ. Испугался Алексѣй, сталъ уговаривать ее, за руки взялъ. Отмахнулась отъ него Агаѳья, встала изъ-за стола и сказала:

— Оставь, не твоя больше!—и вышла изъ трактира.

Удивился Алексѣй ея прыти, однако не сталъ ея останавливать, а только посмотрѣлъ ей вслѣдъ. Вечеромъ сидѣла Агаѳья въ грязной полупивной, передъ ней стояла бутылка пива. Она была пьяна и выводила охрипшимъ голосомъ пѣсню.

— Что за пѣсенница!—смѣялись надъ ней сидѣвшіе въ полпивной.—Нельзя ли съ вами познакомиться?

— Нельзя, — прохрипѣла Агаѳья:—я не какая-нибудь... я честная!

— Честная? Ну, голубушка, знаемъ вашу сестру... Дешева ваша честь!—сказалъ кто-то и грубо захохоталъ.

XII.

Ночевала Агаѳья въ участкѣ: она валялась безъ чувствъ на улицѣ, и ее подобралъ городовой. Утромъ ее привели къ хозяйкѣ. Лицо у ней опухло, подъ глазомъ фонарь, голосъ охрипъ, еле говоритъ. Ахнула хозяйка, какъ увидала ее такой, стала разспрашивать. Разсказала ей все Агаѳья, покаялась и стала прощенья просить.

— Ну, первый разъ я тебѣ прощаю,—сказала хозяйка,— а если еще такой явишься,—разочту.

Побожилась Агаѳья, что въ первый и послѣдній разъ такъ сдѣлала, и принялась за работу. Стала она такая тихая да молчаливая, съ товарками почти не говорила, не смѣялась, на ихъ смѣшки не отвѣчала. Вспомнила она всю свою жизнь: какъ въ дѣвкахъ жила, какъ замужъ выходила, какъ ее мужъ любилъ и что наказывалъ ей, какъ въ солдаты шелъ. И стыдно ей становилось и разбирало ее зло на себя, что мужа забыла; думала было она написать ему про свой грѣхъ, покаяться, а какъ представитъ себѣ, какъ это огорчитъ Егора,—духу не хватаетъ.

„Подожду до него,—думаетъ,—можетъ-быть скрою, а не скрою,—пусть его воля будетъ надо мной“. И начнетъ она высчитывать, сколько мужу служить остается; сочтетъ и подумаетъ: „Долго еще. Ну, да все равно, терпѣть буду, побаловалась и будетъ; теперь, кажись, не соглашусь“.

Но хотя и твердо рѣшилась Агаѳья соблазнамъ не поддаваться, а все-таки спокойна не была. Часто ее и совѣсть мучила, и тоска разбирала.

Разъ, въ сентябрѣ ужъ, когда дни короче стали и прач-

камъ приходилось работать съ огнемъ, устроили онѣ засидки. Хозяйка дала имъ отъ себя на пропой пять рублей. Собрались всѣ въ трактиръ и пошли. Пошла и Агаѳья. Три недѣли она никуда не ходила: гулять не хотѣлось, а къ теткѣ она боялась и глаза показать, и рѣшила хоть размяться маленько. Пришли онѣ въ трактиръ, заказали водки, чаю. Прачки были всѣ веселыя и задорныя; три дня имъ гулять приходилось, поэтому рѣзвились онѣ, зубоскальничали съ половыми и съ посѣтителями рѣчами перекидывались.

Одна Агаѳья сидѣла какъ пришибленная и грустно поглядывала кругомъ себя—не забирало ее и веселье товарокъ. Принялись за водку прачки, поднесли и Агаѳьѣ; замотала она головой и говоритъ:

— Нѣтъ, я не буду.

— Что тамъ — не буду! Пей, лучше разгуляешься, а то вишь носъ повѣсила!—сказала ей одна прачка.

— Нѣтъ, не буду!

— Будетъ ломаться-то, дура! Ничего не понимаешь и отказываешься. Ты попробуй-ка маленько, сразу повеселѣешь.

„И то развѣ выпить,—подумала Агаѳья,—можетъ и вправду полегче будетъ".

— Ну, давай,—сказала.

— Вотъ давно бы такъ! На-ко глони да скажи: здравствуй, рюмочка! прощай, винцо!

Взяла Агаѳья стаканъ въ руки, услыхала винный запахъ, замутило у ней на животѣ, такъ ей вино противно показалось. Однако черезъ силу вылила она швыркомъ вино въ ротъ.

— Вотъ такъ давно бы! Теперь закуси,—сказала ей товарка.

Закусила Агаѳья. Налили ей еще стаканъ, выпила, потомъ еще, и повеселѣла баба: стала шутки шутить. Запѣли прачки пѣсню, и она стала имъ подтягивать.

XIII.

Долго сидѣли прачки въ трактирѣ, водку допили, стали пиво пить. Разгорѣлись прачки, раскраснѣлись, показалось имъ душно въ трактирѣ, и перешли онѣ въ садъ; усѣлись за столомъ и запѣли пѣсню. Голоса у нихъ охрипли, пѣсня выходила нескладно, стали надъ ними гости смѣяться:

— Ай да пѣвицы! ай да хоръ!.. Въ кіятеръ бы васъ!

— Не смѣйся, горохъ, не бѣлѣе бобовъ!—огрызлись прачки.

Часовъ въ десять пришла въ садъ артель сапожниковъ; усѣлась она за сосѣднимъ столомъ и стала прачекъ разглядывать.

— Ребята!—сказалъ одинъ сапожникъ маленькаго роста:— семь бабъ и всѣ пьяныя, давайте къ нимъ поддѣлаемся.

— Вали!—сказали ему товарищи.

Подошелъ маленькій сапожникъ къ столу прачекъ и говоритъ:

— Позвольте вамъ понравиться!—и глупо ухмыльнулся.

— Нельзя ли отъ васъ избавиться? — отвѣтила ему одна прачка и отвернулась.

Захохотали сапожники и всей гурьбой подошли къ прачкамъ и начали съ ними лясы точить. Хоть и пьяна была Агаѳья, однако поняла, къ чему сапожники клонятъ, и не хотѣлось ей связываться съ ними; собралась она уходить отсюда.

— Куда ты?—спросила ее одна прачка.

— Домой,—сказала Агаѳья и вышла изъ сада.

На улицѣ было сыро и итти Агаѳьѣ было трудно; ноги у ней скользили, она то и дѣло пошатывалась, въ головѣ у ней шумъ стоялъ, въ глазахъ рябило, и ей казалось, что кругомъ все прыгало: и фонари, и дома, и извозчики съ пролетками. Прошла Агаѳья улицу, повернулась въ переулокъ, прошла два, вдругъ ей встрѣтились три человѣка. Въ темнотѣ нельзя было разобрать, кто они, но видно было, что всѣ они пьяные. Поровнявшись съ Агаѳьей, они остановили ее, и одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Эй, голубка, пойдемъ съ нами.

— Пустите меня,—сказала Агаѳья и хотѣла пройти впередъ.

— Что больно спѣсивишься! Постой!

— Пустите!—повторила Агаѳья.

— Толкуй еще! Поворачивай оглобли!—раздался другой голосъ, и Агаѳья почувствовала, какъ ее взяли подъ руки.

— Отстаньте, а то закричу, — погрозила Агаѳья и изо всѣхъ силъ рванулась изъ рукъ прохожихъ.

— Что за шумъ?—раздался вдругъ новый грубый голосъ, и передъ гуляками появился дворникъ съ бляхой на лбу.

— Вотъ пристаютъ,--пожаловалась ему Агаѳья и всхлипнула.

— Господа, проходите, а то свистокъ подамъ, нельзя такъ,—твердо проговорилъ дворникъ.

— Пойдемте, братцы, чортъ съ ней!—сказалъ одинъ изъ пьяныхъ, и всѣ трое скрылись въ темнотѣ переулка.

Дворникъ повернулся къ Агаѳьѣ, чиркнулъ спичку, поднесъ къ ея лицу и спросилъ:

— Откуда идешь?

— Изъ трактира... засидки справляли...

— А гдѣ живешь?

— Въ Кольцовскомъ домѣ.

— Знаю. Изъ какихъ?

— Прачка я.

— Такъ итти-то, чай, трудно? Вишь темь-то какая!

Агаѳья промолчала.

— Хочешь, я отведу тебѣ мѣстечко, тамъ и отдохнешь?— опять сказалъ дворникъ.

— Гдѣ это?

— У меня въ сторожкѣ, тамъ никого нѣтъ, хоть всю ночь спи.

Соблазнила Агаѳью сторожка. Думаетъ: „Тамъ тепло, а домой-то когда придешь? А спать-то все равно: завтра вѣдь не работать!“ И говоритъ она дворнику:

— Ну, пойдемъ.

Взялъ ее за руку дворникъ, покрылъ полой халата и повелъ. Привелъ онъ ее на дворъ, отперъ сторожку.

— Иди,—говоритъ.

Взошла Агаѳья и прямо на постель бухнулась.

XIV.

Въ шесть часовъ утра дворникъ пришелъ съ дежурства. Агаѳья еще спала; толкнулъ онъ ее и сказалъ:

— Эй, милая, вставай!

Открыла глаза Агаѳья и кубаремъ соскочила съ постели. Глядитъ кругомъ и удивляется.

— Что, не узнаешь?

Промолчала Агаѳья. Стала вспоминать, какъ она попала сюда; думала-думала, почти ничего не вспомнила. Сталъ ей дворникъ разсказывать, какъ привелъ ее сюда.

Услыхала это Агаѳья, опустилась на табуретку и схватилась за голову.

— Надо бы поправиться тебѣ,—сказалъ дворникъ:—чай, башка-то трещитъ?

Вынулъ изъ кармана полбутылки водки, досталъ изъ столика кусокъ хлѣба, налилъ водкой чайную чашку и поднесъ Агаѳьѣ. Осушила чашку Агаѳья однимъ духомъ и стала домой собираться.

— А опять-то придешь?

— Приду.

— Когда?

— На недѣлѣ какъ-нибудь.

— То-то, смотри, не забывай.

Простилась съ дворникомъ Агаѳья и пошла. Въ этотъ день у нихъ совсѣмъ не работали. Прачки, которыя были дома, спали; Агаѳья тоже завалилась спать и проспала до обѣда. Въ двѣнадцать часовъ разбудила ее Ариша.

— Вставай, гулена!—сказала она.—Гдѣ ночь провела?

Агаѳья встала сердитая.

— А тебѣ что за дѣло? Гдѣ была, тамъ нѣту,—сказала она.

— Ну, будетъ дуться-то? Я никому не скажу. Скажи, Агаша. И не стыдно тебѣ отъ подруги таиться?

Подумала немного Агаѳья и разсказала, гдѣ была и какъ попала туда.

— А онъ ничего парень-то?

— Кажись, парень хорошій. Да опостылѣла мнѣ, Ариша, жизнь-то эта. Измучилась я совсѣмъ. Трезвая когда, такъ тоска гложетъ; пьяная напьешься — еще хуже: съ похмелья голова трещитъ, работать тошно, хозяйка сердится, товарки смѣются.

— А ты пить-то брось! А дворника не бросай,—онъ пригодится, а то вѣдь одна-то оглохнешь совсѣмъ.

— Эхъ, Ариша, коли бъ я незамужняя была, тогда бы горя мало, а то вѣдь у меня мужъ есть. Грѣхъ!..

— Э!.. Грѣхъ! Кто безъ грѣха живетъ! А ты живи потише, не пьянствуй и все по-хорошему будетъ.

— Все не ладно.

— Ну, пустяки!.. Давай мы съ тобою вотъ что сдѣлаемъ: пообѣдаемъ да сходимъ прогуляться, а тамъ пойдемъ чай пить въ трактиръ, вызовемъ туда твоего душеньку новаго: посмотрю я, что за птица такая...

Подумала Агаѳья и согласилась.

XV.

Послѣ обѣда пошли подруги на бульваръ.

На бульварѣ народу было много; всѣ разряженные, расфранченные, сновали взадъ и впередъ; были тутъ и чистые господа, и простой народъ, и дѣвицы гулящія. Смотрѣла кругомъ Агаѳья и примѣчала. Прошлись подруги разъ по бульвару, вернулись назадъ. Попалась имъ навстрѣчу дѣвушка молоденькая, одѣта по модѣ, лицо набѣленное. Подошла она къ Аришѣ, остановилась, улыбается. Взглянула на нее Ариша да такъ и ахнула.

— Неужели это ты, Катя?

— Я... Что, не узнала? Какъ поживаешь?

— Ничего!—говоритъ Ариша.—Какъ ты?

— Видишь какъ! Живу въ свое удовольствіе: ѣмъ, пью, одѣваюсь во что хочется и нужды никакой не знаю. Сейчасъ, Ариша, мнѣ некогда; другой разъ я тебѣ все разскажу, а теперь въ „Эрмитажъ“ спѣшу.

Ушла дѣвушка, и спрашиваетъ Агаѳья:

— Ариша, чья это барышня?

Засмѣялась Ариша:

— Такая же барышня, какъ и мы, грѣшныя! Подруга она мнѣ: вмѣстѣ въ ученьи жили.

— Что жъ она нарядная такая? Знать, богатая?

— Будешь богатая, коли ко всѣмъ тороватая! Попалась къ одному купчику на содержаніе, ну, и расфорсилась! Очень просто—всю молодость барыней проживетъ.

— Задумалась Агаѳья надъ словами подруги и долго шла молча. „Вотъ какъ здѣсь молодость да красоту-то цѣнятъ!“—думалось ей.

— Ну, будетъ!—говоритъ Ариша.—Пойдемъ чай пить.

Пришли онѣ въ трактиръ и послали за дворникомъ. Немного погодя пришелъ дворникъ, увидалъ Агаѳью, улыбнулся.

— А,—говоритъ,—мое почтенье!

— Здравствуй!—сказала Агаѳья.

Поздоровалась и Ариша съ нимъ.

— Очень пріятно, — говоритъ, — съ вами познакомиться! Слышала я, что вы мою подругу отъ темной ночи прикрыли. Спасибо вамъ. Какъ ваше имя?

— Звать-то насъ Макаръ Андреевичъ, а насчетъ прикрытія, это мы завсегда можемъ.

— Ну, благодаримъ васъ. Агаша, заказывай полбутылки!

— Нѣтъ, ужъ зачѣмъ же - съ! мы и сами можетъ угостить-съ. Спасибо, что не побрезговали моей сторожкой.

— Нѣтъ, ужъ прежде намъ позвольте, а тамъ ужъ какъ хотите.

Спросила Агаѳья полбутылки водки; выпили. Потребовалъ и дворникъ бутылку, и загуляла компанія. Расхрабрился дворникъ, обхватилъ Агаѳью и началъ цѣловать.

— Я,—говоритъ,—ни въ жизнь тебя не оставлю! Ходи ко мнѣ, когда хочешь; надѣйся на меня, какъ на каменную стѣну!

Немного погодя компанія разошлась; Ариша пошла домой, а Агаѳья съ дворникомъ—опять въ сторожку.

XVI.

Съ этихъ поръ Агаѳья частенько стала похаживать къ дворнику. Макаръ ее сначала принималъ охотно, а потомъ сталъ отговариваться.

— Нельзя, голубушка,—говорилъ онъ:—я вѣдь не самъ по себѣ, а у хозяевъ живу. Сохрани Богъ, замѣтятъ,—бѣда!

Стала Агаѳья порѣже ходить къ нему,—только по праздникамъ; и съ мѣсяцъ такъ тянулось дѣло. Одинъ разъ стало скучно Агаѳьѣ, такъ и ныло сердце у ней. И надумалась она къ Макару въ будни сходить, разсѣяться. „Авось,—думала она,—не прогонитъ!“ Пошабашили прачки, и пошла Агаѳья.

Приходитъ она къ Макару, видитъ — въ сторожкѣ огонекъ. Взглянула она въ окошко и остолбенѣла. Видитъ,—сидитъ Макаръ у стола, напротивъ него дѣвушка какая-то, и онъ весело съ нею разговариваетъ. Горько и обидно стало Агаѳьѣ, и страшное зло взяло ее. Подошла она ближе къ окну и съ размаху ударила кулакомъ въ раму. Зазвенѣли стекла, выскочилъ дворникъ изъ сторожки. Видитъ,—стоитъ Агаѳья блѣдная и вся трясется. Подумалъ съ минуту дворникъ и говоритъ:

— Ты что же это, сволочь, затѣяла?

— Безсовѣстный ты! обманщикъ! Узнала я твои штуки!—крикнула Агаѳья, повернулась и пошла.

Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ ей вслѣдъ дворникъ, махнулъ рукой и пошелъ опять въ сторожку.

Идетъ Агаѳья и думаетъ: „Такъ вотъ они какіе! Должно, всѣ на одинъ ладъ скроены!“ Дошла до трактира, завернула въ него, потребовала водки и выпила ее однимъ духомъ. Вышла изъ трактира и опять пошла. Куда шла баба—и

сама не знала: не чувствовала она и не видала, что вокругъ нея творится, была какъ шальная.

Было уже поздно, и на улицахъ пусто стало. Лавки закрыли, только въ трактирахъ да въ пивныхъ горѣли огни. Повстрѣчался Агаѳьѣ человѣкъ какой-то, немного выпивши, одѣтъ чисто. Поровнялся съ ней и говоритъ:

— Куда спѣшите такъ?

Оглянулась на него Агаѳья, улыбнулась, а сама опять пошла.

Воротился человѣкъ, догналъ ее, взялъ за плечо и говоритъ:

— Куда идете-то?

Ничего не сказала Агаѳья.

— Пойдемте со мной! Хотите?

— Пойдемъ!—тихо сказала Агаѳья.

Утромъ проснулась Агаѳья въ номерѣ.

Было уже свѣтло. Вчерашній незнакомецъ стоялъ передъ ней одѣтый. Вынулъ онъ трехрублевую бумажку и говоритъ:

— Это вотъ тебѣ, а за номеръ я заплатилъ.

Ничего не сказала Агаѳья, только съ боку на бокъ перевернулась.

Ушелъ человѣкъ, осталась Агаѳья одна и задумалась. Долго думала Агаѳья о своей жизни и рѣшила просить у хозяйки расчетъ. „Не работница ужъ я больше!“ — думала она. И рѣшивъ такъ, Агаѳья вскочила съ постели, одѣлась, взяла со стола деньги и пошла домой.

Удивилась хозяйка, когда Агаѳья расчетъ попросила, однако удерживать не стала.

— Съ Богомъ!—говоритъ,—часъ добрый!

Стала Ариша спрашивать Агаѳью:

— Что это ты задумала, Агаша? Аль мѣсто нашла?

Ничего не сказала Агаѳья, только отвернулась.

Получила Агаѳья расчетъ отъ хозяйки,—семь рублей ей пришлось,—простилась съ товарками и пошла. Наняла она себѣ каморку за три рубля и поселилась въ ней.

XVII.

Нѣсколько дней Агаѳья никуда не выходила: все лежала она на кровати и все думала, какъ она жить будетъ. Раскидывала она мозгами такъ и такъ,—ничего не выходило.

За это время она мало ѣла, плохо спала. Похудѣла баба, осунулась, изъ лица блѣдная стала, только глаза огнемъ горѣли. Подошла она какъ-то посмотрѣться къ зеркалу, показалось ей, что она красивѣй прежняго стала. Вздохнула Агаѳья и стала наряжаться.

Вышла она изъ квартиры, ужъ вечеръ былъ, огни зажгли; постояла, подумала, куда итти, и пошла къ тому бульвару, гдѣ съ Аришей гуляла. Прошла она разъ-другой по бульвару, сѣла на скамейку, стала на прохожихъ смотрѣть. Прогуливалась тутъ публика самая разнообразная, нарядная, веселая. Смотрѣла-смотрѣла Агаѳья и видитъ,—подсаживается къ ней парень какой-то,—толстый, краснорылый, изъ артельщиковъ видно, и закуриваетъ папироску.Повертѣлся-повертѣлся парень и говоритъ Агаѳьѣ:

— Не угодно ли, душенька, покурить?

Взглянула на него Агаѳья.

— Давайте,—говоритъ.

Далъ ей парень папироску. Закурила Агаѳья, закашлялась, на глазахъ слезы выступили. Засмѣялся парень. Помолчалъ немного. Потомъ началъ парень слова разныя закидывать, сталъ ее съ собой звать. Согласилась Агаѳья.

XVIII.

Съ этихъ поръ Агаѳья каждый вечеръ отправлялась на бульваръ или набивалась собою прохожимъ. Сначала она робѣла и совѣстилась, ожидала, когда ее сами позовутъ, а потомъ попривыкла и сама стала навязываться. Денегъ она зашибала порядочно: когда рублевку, когда два, а не то и всю трешницу. Сдѣлалась она развязная, пила, ѣла хорошо и жизнь вела веселую. Водки пила она много и такъ при-

выкла, что безъ нея и дня не могла быть; пріучилась и папиросы курить, какъ слѣдуетъ.

Разъ въ трактирѣ пригласили ее съ другими гулящими бабами въ артель мастеровыхъ и стали угощать. Всѣхъ больше увивался около Агаѳьи одинъ мужчина, рыжій и рябой. Пьянъ онъ былъ шибко и озорной такой. Рюмку за рюмкой наливалъ онъ Агаѳьѣ и говорилъ ей масляныя слова. Хоть и пила Агаѳья водку, но не по душѣ былъ ей рыжій и неохотно она говорила съ нимъ. Были въ этой артели и получше ребята. Особенно показался Агаѳьѣ одинъ паренекъ: молоденькій, почти мальчикъ; попалъ онъ, видимо, первый разъ въ эту компанію, поэтому робѣлъ страшно и стыдился. Замѣтила его Агаѳья и стала выжидать случая, чтобы разговориться съ нимъ. Немного погодя поднялся парень изъ-за стола и пошелъ вонъ изъ залы. Догнала его Агаѳья въ другой комнатѣ и говоритъ:

— Эй, голубчикъ, постой-ка!

Остановился парень.

— Что тебѣ?—говоритъ.

— Пойдемъ со мной гулять ужотко!

Покраснѣлъ парень.

— Хорошо,—говоритъ,—черезъ полчасика!

Вернулась Агаѳья къ столу и сѣла поодаль отъ рыжаго.

— Эй, милая!—крикнулъ ей рыжій.—Куда ушла - то? Садись ко мнѣ!

— Убирайся къ лѣшему, не хочу!—сказала сердито Агаѳья.

— Ну, будетъ тебѣ кирпичиться-то, иди!

— Не пойду,—сказала Агаѳья и отвернулась.

Покосился на нее рыжій таково злобно и замолчалъ. Вернулся парень и сѣлъ къ столу. Подошла къ нему Агаѳья и говоритъ:

— Купи, миленькій, пивца бутылочку!

— Изволь,—говоритъ парень,—и спросилъ пива.

Подсѣла къ нему Агаѳья. Подали пива, взяла стаканъ Агаѳья и говоритъ:

— За здоровье того, кто любитъ кого,—и выпила.

Подошелъ къ нимъ рыжій и говоритъ:

— Ты что жъ, сволочь, меня опила, а ушла къ нему?

Взглянула на него Агаѳья таково храбро и говоритъ:

— Отъ сволочи слышу! Не закажешь, — кого хочу, того люблю.

— Такъ мое угощенье даромъ? Да я тебя!

И онъ схватилъ ее за косу.

— Не трожь!—взвизгнула Агаѳья.—Не смѣй, рябой уродъ! Я на тебя и глядѣть-то не хочу!

— А, ты такъ! — крикнулъ рыжій и ударилъ Агаѳью по лицу со всего размаху.

Пошатнулась Агаѳья, полилась у ней кровь изъ носа. Ударилъ ее рыжій съ другой руки, повалилась Агаѳья на полъ. Началъ ее рыжій ногами и руками охаживать. Насилу уняли товарищи рыжаго и подняли Агаѳью; все лицо ея было въ крови и платье залито кровью. Усадили ее мастеровые на стулъ, а сами поспѣшили уйти отъ грѣха. Осталась Агаѳья одна въ трактирѣ. Посидѣла немного, пошла въ кухню, умылась и отправилась домой.

XIX.

Проснулась утромъ Агаѳья и схватилась за лицо. Лицо у ней сильно болѣло, и чувствовала она, что оно распухло. Спустилась она съ постели, подошла къ зеркалу да такъ и ахнула. Разнесло у ней лицо, ни на что не похоже оно стало: глаза какъ щелки, носъ распухъ, на щекахъ ссадины, и во рту двухъ зубовъ нѣтъ. Опустилась Агаѳья на постель и окаменѣла.

Заныло у ней сердце, подступили слезы къ глазамъ, страшное отчаяніе охватило душу ея. „Что я буду дѣлать теперь? Куда покажусь? Вотъ наказанье-то!“ Повалилась на подушку и зарыдала. Черезъ часъ она окуталась платкомъ и пошла къ хозяйкѣ.

— Марья Ивановна, пошлите, пожалуйста, за водкой когонибудь; вотъ деньги.

Взяла хозяйка деньги, посмотрѣла на Агаѳью и покачала головой.

Ушла Агаѳья опять въ свою комнату и стала водку ждать. Принесли Агаѳьѣ водку, выпила она цѣлую сорокоушку и завалилась опять въ постель. Дней десять Агаѳья дѣлала такъ: лежитъ на постели, спитъ; встанетъ, напьется допьяна и опять спать. Одурѣла баба совсѣмъ отъ сна и отъ водки, стала чуть не на стѣну бросаться.

Наконецъ вышли и деньги всѣ. Стала она съ себя коечто закладывать. Перезаложила все, осталось только то, что на ней было...

Стало у ней лицо подживать; фонари исчезли, только ссадины еще замѣтны. Другой день у ней не только водки, а харчей не было, и взять негдѣ. Думала-думала Агаѳья, что ей сдѣлать, и рѣшилась у хозяйки взаймы попросить.

Но только Агаѳья заикнулась объ этомъ первая, какъ та сказала, что сама хотѣла просить денегъ за квартиру.

— Гдѣ я возьму-то?—сказала Агафья.

— Поступай на мѣсто куда-нибудь,—посовѣтовала ей хозяйка.

— Куда мнѣ поступать, Марья Ивановна? Развѣ вы не знаете мои дѣла?

Хозяйка будто сжалилась надъ ней.

— Постой! Есть у меня одна знакомая добрая барыня; можетъ-быть, она не побрезгуетъ и такую возьметъ.

— Марья Ивановна, голубушка!..

На другой день, дѣйствительно, хозяйка свела Агаѳью къ какой-то барынѣ. Та поглядѣла на нее, спросила, за сколько заложены вещи ея и сколько она хозяйкѣ должна, и когда Агаѳья разсказала, она взяла у ней квитанцію отъ заложенныхъ вещей и обѣщала выкупить; потомъ заплатила долгъ хозяйкѣ и велѣла перебираться къ ней. Агаѳья поблагодарила барыню и, не помня себя отъ радости, начала перебираться. Перебралась, барыня подарила ей два нарядныхъ платья и велѣла примѣрить ихъ, а вечеромъ и что она должна дѣлать показала... Увидѣла Агаѳья, что она

попала изъ огня да въ полымя. Не взвидѣла свѣту Агаѳья, сгоряча-то хотѣла было уходить, такъ и хозяйкѣ объявила. Та сказала, что она ей не препятствуетъ, только пусть она заплатитъ ей, что она потратила на нее.

Агаѳья поняла, что она попала въ кабалу.

„Ну, — подумала она, — отгуляла я теперь на вольной волюшкѣ, не вернуться мнѣ теперь отсюда никогда!“ И какъ вспомнила она про мужа, про свою мать старуху, про тетку Мавру, то такая тоска ее охватила, хоть руки на себя накладай.

Новыя подруги Агаѳьи видятъ, что она грустить очень, стали ее всячески развлекать, велѣли почаще со двора ходить, да и здѣсь ни въ чемъ не отказывать.

Хозяйка на первыхъ порахъ все ей допускала брать: и вина, и папиросъ, и со двора позволяла ходить; только писали все это ей въ счетъ втридорога. Но дальше—больше, хозяйка стала скупѣй, не стала, чего просила Агаѳья, отпускать, ворчала, что дѣла плохи, что дѣвушки плохо стараются о томъ, чтобы гости денегъ побольше въ заведенiи проживали.

Прошло нѣсколько времени. Однажды утромъ стали куда-то справляться всѣ дѣвушки, велѣли и Агаѳьѣ одѣваться.

— Куда это мы пойдемъ?—спрашиваетъ Агаѳья.

— На смотръ,—сказала ей одна дѣвка.

Агаѳья сначала не поняла.

— На какой смотръ?—спросила она.

— А ты не знаешь? Вотъ тебѣ разскажу. Соберутъ насъ со всѣхъ заведенiй, выведутъ на площадь, будетъ насъ глядѣть принцъ заморскiй. И какая понравится, ту онъ за себя замужъ возьметъ и въ свою землю увезетъ.

Всѣ дѣвки такъ и прыснули со смѣху.

Видитъ Агаѳья, что смѣются надъ ней, не стала больше допытываться.

Одѣлись дѣвки, вышли на улицу и пошли черезъ бульваръ, къ части. Видитъ Агаѳья, что много такихъ же артелей идутъ, и стала догадываться, куда ихъ гонятъ.

Пришли дѣвки въ часть, столпились въ одной комнатѣ. Стали онѣ одна за одной уходить въ сосѣднюю комнату, а потомъ опять уходить. Дошла очередь до Агаѳьи.

— Ну, ступай!—сказала ей одна дѣвка.

— Куда?

— Къ доктору, дура!

— Зачѣмъ?

— На смотръ, не больна ли ты?

— Я ничего, слава Богу, здорова.

— Да все-таки покажись, дьяволъ, чего уперлась-то? — и дѣвка толкнула ее въ дверь.

XX.

Пришла Агаѳья съ осмотра, бросилась на постель да такъ и замерла. „Господи, — думаетъ она, — до чего дошла-то я, до чего дожила! Сраму-то сколько! Весь вѣкъ такъ!..“

Замѣтили дѣвки, что не въ себѣ Агаѳья, стали смѣяться.

— Вишь,—говорятъ,—баба-то какъ заробѣла, испугалась доктора.

Стала одна дѣвка утѣшать Агаѳью:

— Будетъ, Гаша, оставь! О чемъ плакать-то? Привыкай! Ау! знать, судьба наша такая. Всѣ и мы честными были— да сплыли... Не плачь,—перемелется, мука будетъ. Поди лучше выпей.

Прошла недѣля, мѣсяцъ и годъ. Обжилась Агаѳья въ заведеніи, стала, какъ и товарки, отчаянная; научилась она у нихъ всему, что онѣ знали; узнала, какъ гостей сонныхъ обирать. Пріѣдетъ гость какой-нибудь пьяненькій, займется съ нимъ Агаѳья, подпоитъ его и поведетъ къ себѣ. Какъ заснетъ гость, начнетъ Агаѳья одежду его обшаривать, немного денегъ оставитъ, а остальныя возьметъ себѣ. Встанетъ гость, хватится денегъ, начнетъ спрашивать; забожится Агаѳья, заклянется:

— Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, это ты самъ гдѣ-нибудь пьяный истратилъ...

Большею частью сходили съ рукъ дѣвкамъ такія продѣлки. Всѣ деньги, которыя онѣ отбирали отъ гостей, шли на пропой или на прогулъ. Отпросятся онѣ со двора, нарядятся и закутятъ такъ, что насилу домой попадутъ.

Заглохла душа у Агаѳьи, позабыла она все прежнее хорошее, и если ей вспоминалось что, то старалась она прогнать эти воспоминанія и заглушить ихъ водкой.

Былъ какъ-то большой праздникъ, гостей въ заведеніи было много. Толпились они съ утра до вечера и не давали покоя дѣвкамъ. Только на разсвѣтѣ стало просторнѣе. На другой день проснулась Агаѳья поздно; стала вставать съ постели и почувствовала, что ей нездоровится что-то.

XXI.

А въ деревнѣ, гдѣ жилъ Агаѳьинъ свекоръ, жизнь шла своимъ чередомъ. Правда, въ домѣ свекора произошли нѣкоторыя перемѣны; но такія перемѣны были обычны.

Отъ нихъ отдѣлился старшій сынъ, потомъ они выдали замужъ дѣвку. Людей стало меньше, но и расходовъ меньше, а такъ какъ у нихъ хозяйство было хорошее, то они концы съ концами сводили легко.

Ужъ прошло четыре года, какъ Егора отдали въ солдаты. Одинъ разъ осенью, въ праздникъ, передъ вечеромъ, только сѣли старики за чай, слышатъ,—кто-то подъѣхалъ ко двору. Поглядѣлъ Степанъ въ окно, видитъ,—солдатъ съ повозки слѣзаетъ. Узналъ старикъ сына, обрадовался, вышелъ встрѣчать его. Вошелъ Егоръ въ избу, помолился на образа и сталъ здороваться. Поздоровался, помолился и сѣлъ за чай. Стали его отецъ съ матерью разспрашивать, какъ служилъ, что видѣлъ. Обо всемъ разсказалъ Егоръ. Наконецъ, спросилъ онъ объ Агаѳьѣ.

Вздохнулъ старикъ, нахмурилась старуха и проворчала:

— Охота тебѣ, сынокъ, о ней спрашивать! Еще когда я говорила, что негодница она,—по-моему и вышло: въ Москвѣ живетъ, въ разгульный домъ попала!

Блѣдный сталъ Егоръ, опустилъ голову на руки и заплакалъ.

— Ну, спасибо вамъ, батюшка и матушка! Одолжили! Сберегли своему сыну жену честную! Аль я вамъ не радѣтель былъ? Аль не почиталъ васъ? Неужели хлѣба пожалѣли?

Стала утѣшать его Татьяна:

— И-и, будетъ тебѣ, сынокъ, убиваться-то! Не стоитъ она этого! Сама виновата, не тужи, родимый!

— Охъ, матушка! Легко тебѣ говорить-то, да мнѣ каково? Зналъ бы, лучше не женился.

— Знамо, лучше не жениться. Подождалъ бы до сихъ поръ, — може, первый сортъ дѣвку взялъ бы, а то погорячился, поспѣшилъ, да и наѣхалъ съ ковшомъ на брагу...

Еще больнѣй было Егору слышать это обвиненіе. Зарыдалъ онъ:

— Не виновата она, матушка! Ничѣмъ она тутъ не виновата!..

XXII.

Захотѣлось Егору въ Москвѣ побывать, съ женой увидаться. „Пойду,—думаетъ,—все ей выскажу. Скажу ей, что сгубила она меня, позабыла, какъ я ее любилъ, какою замужъ взялъ, какъ отъ матери защищалъ,— все выскажу. Стану хлопотать разводную: она пущай живетъ, какъ хочетъ, а я на другой женюсь!“

Поѣхалъ Егоръ въ Москву, справился, гдѣ живетъ Агаѳья, и пошелъ туда. Приходитъ къ заведенію и проситъ дворника жену вызвать. Пошелъ дворникъ звать. Выбѣжала дѣвка какая-то и спрашиваетъ:

— Кто Агаѳью Алексѣевну спрашиваетъ?

— Я,—говоритъ Егоръ.

— Нѣтъ ея здѣсь: она въ больницѣ съ мѣсяцъ уже.

— Въ какой больницѣ?

Растолковала ему дѣвка, гдѣ больницу найти и какъ разыскать ее тамъ, и ушла.

Пошелъ Егоръ въ больницу, разыскалъ, спросилъ, гдѣ въ такую-то палату пройти.

Указали ему.

— Гдѣ тутъ Агаѳья Алексѣевна лежитъ?—спросилъ онъ у сидѣлки.

— А тебѣ что? Ты кто такой?

— Я мужъ ей. Какъ она у васъ?

— Совсѣмъ плоха: горячка прикинулась. Сегодня, вѣрно, кончится.

Подвела сидѣлка Егора къ кровати и показала ему головой на больную.

Взглянулъ Егоръ и остолбенѣлъ. Лежитъ на кровати навзничь женщина. Глаза кровью налились, смотритъ какъ помѣшанная; руки голыя откинуты за голову.

Не вѣрилъ Егоръ, что это Агаѳья.

Посмотрѣлъ на черную доску надъ постелью; видитъ,—ея имя написано.

Сжалось сердце у Егора, стало ему жалко жену такъ, что слезы къ горлу подступили.

— Агаѳья!—окликнулъ онъ больную.

Не шевельнулась она.

Крикнулъ онъ погромче:

— Агаѳья!

Вздрогнула всѣмъ тѣломъ Агаѳья, стала вглядываться въ него. Съ минуту она какъ будто не узнавала его, потомъ вскрикнула, рванулась впередъ и повалилась опять на постель.

Подскочили сидѣлки, стали ощупывать...

Агаѳья умерла.

Семенъ Филенинъ.

I.

Семенъ Филенинъ былъ младшій братъ въ семьѣ. Всѣхъ ихъ было трое: старшій Кирьянъ, средній Елизаръ и третій онъ.

Кирьянъ съ Елизаромъ были женаты, и у Кирьяна трое дѣтей росло; а у Елизара дѣтей не было,—жена не рожала. Семенъ ходилъ еще неженатымъ.

Кирьянъ съ бабами дома управлялся, а Семенъ съ Елизаромъ на фабрикѣ въ Москвѣ жили.

Домъ у нихъ изо всей деревни первый былъ. Стройка вся хорошая, и много ея было: двѣ избы, два сарая, амбаръ да срубъ въ кострѣ готовый былъ; скотины полонъ дворъ, и хлѣба всегда на круглый годъ хватало. Бабы попались братьямъ работящія, хлопотливыя и мало между собою ссорились. Кирьянъ тоже былъ мужикъ степенный, умный и разсудительный.

Елизаръ хоть и запивалъ иногда и во хмелю не хорошъ былъ, однако съ братомъ мирно жилъ пока, потому рѣдко вмѣстѣ быть приходилось. Жилъ Елизаръ въ Москвѣ съ самаго малолѣтства и все на одной фабрикѣ, потому и деревенскую работу зналъ плохо: только и пришлось ему поработать въ деревнѣ два лѣта. Домой подавалъ онъ рублей 40 въ годъ; маловато давалъ, да Кирьянъ не больно приставалъ, потому дѣтей у Елизара не было, а его баба себя обрабатывала.

Семенъ тоже мальчикомъ въ Москву пошелъ. Сперва онъ на Елизара да на другихъ шпули моталъ, потомъ между становъ проходы разметалъ, а какъ сталъ побольше, то и самъ за станъ поступилъ.

Парень Семенъ былъ старательный, услужливый, изъ себя красивый и грамотей, поведенія былъ трезваго и въ праздники по трактирамъ не шлялся, а либо въ спальняхъ сидитъ, книжку читаетъ, либо выйдетъ за ворота, съ непьющими фабричными разговариваетъ.

II.

Наступила весна. На вербной недѣлѣ стали ткачи той фабрики, гдѣ жили Елизаръ съ Семеномъ, о расчетѣ поговаривать, о деревнѣ вспоминать. Сталъ и Семенъ прикидывать, сколько ему денегъ придется. Смекнулъ—вышло по его счету 19 рублей. И думаетъ себѣ Семенъ:

„Не купить ли казакинъ суконный? Женихомъ считаюсь, а все въ карусетовой поддевкѣ хожу“.

Сказалъ объ этомъ Елизару,—тотъ насупился.

— Напрасно,—говоритъ.

— А что?

— Молодца и въ рогожѣ знать. Ты повремени нонче, а на новъ годъ, Богъ дастъ, купишь. Я тоже поистратился порядочно, да и ты-то еще — не съ чѣмъ домой показаться.

— Авось не взыщетъ братъ: вѣдь не зря истрачусь.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь; было бъ сказано,—мое дѣло сторона.

Видитъ Семенъ, осерчалъ Елизаръ, да не посмотрѣлъ на это, рѣшился казакинъ купить.

Во вторникъ на Страстной разочли ткачей; разсыпались они по Москвѣ, кому куда надо: кто пошелъ земляковъ съ другихъ фабрикъ домой звать, кто покупки для домашнихъ справлять. Пригласилъ Семенъ одного ткача постарше, пошли они казакинъ покупать. Выбрали, сторговались. Запла-

тилъ деньги Семенъ, идетъ, ногъ подъ собой отъ радости не слышитъ, что казакинъ купилъ.

Стали вечеромъ фабричные сговариваться, когда изъ Москвы выходить. Сговорились. Попутчиковъ Елизару съ Семеномъ набралось человѣкъ тринадцать. Машины къ нимъ близко не было, и рѣшили они лучше пѣшкомъ итти.

На другой день поднялась артель чуть свѣтъ. Собрали свои мѣшки да сумки, пошли къ заставѣ. На прощанье съ Москвой вздумали водочки выпить и зашли въ трактиръ. Непьющихъ было мало, спросили четвертную.

Выпили, захмелѣли. Потребовали еще,—и пошла пирушка. Подгуляли шибко; какъ тронулись въ путь, пѣсни загорланили.

Первую упряжку шли ходко, идутъ зубоскальничаютъ, пересмѣиваются, — и не видали, какъ двадцать верстъ отмахали.

Пришли они въ село одно и захотѣли отдохнуть. Всей компаніей опять въ трактиръ пошли, опять водки потребовали.

Пуще всѣхъ Елизаръ нализался; въ Москвѣ хлебнулъ порядочно да тутъ прибавилъ — и разобрало его. Шумѣлъ, бахвалился, товарищей водкой поилъ. Льетъ водку, деньгами кидается, точно невѣсть какой богачъ. Посмотрѣлъ-посмотрѣлъ на него Семенъ, да и говоритъ:

— Ты бы, братъ, поосторожнѣй маленько! Что ты деньгами-то соришь? Чай, не сто рублей получилъ.

Осерчалъ Елизаръ, ощетинился.

— Молчи,—говоритъ,—молокососъ! Не указывай—не твои деньги трачу.

Семенъ не отставалъ.

— Чьи бы, — говоритъ, — ни были, да не хорошо. И о домѣ надо подумать: чай, брату деньги нужны.

— А ты что жъ не позаботился? Ты будешь форсить, а я деньги домой подавай? Нѣтъ, братъ, дудки! Не на того напалъ. Ничего не оставлю, все пропью, никто не закажетъ!

И разошелся: закричалъ, заругался на весь трактиръ. Хо-

тѣлъ было поперечить ему Семенъ, да не тутъ - то было; остервенился Елизаръ, чуть не на стѣну лѣзетъ. Забоялся Семенъ, какъ бы чего хуже не было—замолчалъ.

Отдохнули, пошли дальше. Прошли еще верстъ 30 и остановились ночевать на постояломъ дворѣ; опять загуляли. До самаго двора шли такъ фабричные, и всю дорогу вино у нихъ рѣкой лилось.

III.

Домой пришли Елизаръ съ Семеномъ въ пятницу вечеромъ, довольно поздно; поужинали и спать легли.

На утро ихъ долго не будили. Прежде проснулся Семенъ. Одѣлся, умылся и сталъ домашнихъ гостинцами одѣлять; брату принесъ кушакъ красный, шерстяной, невѣсткамъ по платку французскому, а ребятишкамъ по фунту баранокъ. Потомъ вынулъ изъ кошелька пятерку, подалъ Кирьяну.

— На, вотъ,—говоритъ,—тебѣ мою долю. Не взыщи, что маловато,—не смогся больше.

Взялъ бумажку Кирьянъ, повертѣлъ въ рукахъ.

— Словно бы,—говоритъ,—побольше надо. Что же мало позаботился?

— Да покупку купилъ и потратился.

— Какую покупку?

— Казакинъ суконный купилъ.

— Вотъ что развѣ. Ну-ка, покажи.

Досталъ Семенъ казакинъ. Посмотрѣлъ Кирьянъ, пощупалъ сукно.

— Сколько далъ?—спрашиваетъ.

— Одиннадцать съ полтиною.

— Что жъ, ничего! Съ бережью носить—надолго хватитъ. Одежина хорошая всегда пригодится.

Потомъ подумалъ немного Кирьянъ и говоритъ:

— Деньги-то больно нужны: староста оброкъ спрашиваетъ, да овсеца на сѣмена надо бы прикупить,—свой-то лошадямъ стравили. Вотъ что Елизаръ выложитъ.

Елизаръ въ это время лежалъ на полатяхъ. Услыхалъ онъ слова брата и говоритъ:

— Какъ же, дожидайтесь,—такъ я вамъ и приготовилъ! Вы будете покупки покупать, а я за васъ подати плати? Сенька поддевку себѣ купилъ, а я кабаки по большой дорогѣ откупилъ. Назадъ въ Моску пойду, задаромъ водку буду пить.

Засмѣялся Елизаръ и полѣзъ съ полатей. Посмотрѣлъ на него Кирьянъ, покачалъ головой и сказалъ:

— Не хорошо, братъ, не по-братски говоришь. Что жъ что поддевку купилъ? Все лучше, чѣмъ на водку. А тебѣ и ненавистно стало? Кабы по-доброму—ты бы помогъ брату, а ты серчать вздумалъ.

— Мы все не хороши,—проворчалъ Елизаръ.—А коли вы хороши, то и дѣлайте по-хорошему; а мы ужъ по-плохому поведемъ.

Накинулъ кафтанъ Елизаръ и пошелъ вонъ изъ избы.

Кирьянъ только вздохнулъ.

IV.

Пришла Пасха, пошло веселье. Мужики по дворамъ ходили, стаканчики собирали; молодежь на улицахъ веселилась,—хороводы водили да на качеляхъ качались; мальчишки въ бабки играли. Всѣ были веселые и радостные, забыли и горе и нужды. Кирьянъ хоть и кручинился иногда, да не оказывалъ этого: со всѣми былъ веселый и ласковый.

А кручинился Кирьянъ отъ Елизара. Ужъ очень допекалъ его: какъ есть весь праздникъ безъ просыпу пьянъ былъ и все скандальничалъ. Какъ придетъ домой, такъ и начнетъ всѣхъ костить на чемъ свѣтъ стоитъ. Жену свою нѣсколько разъ бить принимался; Кирьянову жену обругалъ и на самого него замахнулся; да, спасибо, удержали его, не дали брата ударить.

Кирьянъ на все молчалъ, не хотѣлъ для праздника грѣха заводить; а Елизаръ не унимался. Кирьяново молчаніе еще

больше досаждало ему, и что дальше, то больше злился Елизаръ.

На четвергъ Елизаръ дома не ночевалъ. По всей деревнѣ вечеромъ его искали,—нигдѣ не нашли. На утро пошла Кирьянова баба за мукой въ амбаръ да и вернулась вся блѣдная, испуганная.

— Ты что?—спросилъ Кирьянъ.

— Да чтой-то у насъ въ амбарѣ не найду я мѣшка съ льнянымъ сѣменемъ?

— Ну?

— Ей-Богу правда! Прихожу я въ амбаръ, гляжу—нѣтъ мѣшка. Бывало, все на глазахъ на перекладинѣ висѣлъ, а теперь нѣту. Думала—свалился куда, вездѣ обыскала; нѣту да и только.

Нахмурился Кирьянъ, пошелъ самъ посмотрѣть; пошелъ и Семенъ съ нимъ. Посмотрѣли—правда: все цѣло, а мѣшка нѣтъ. Стали смотрѣть, куда воръ пролѣзъ,—нигдѣ незамѣтно; не иначе какъ въ дверь вошелъ.

— Это онъ, подлецъ, больше некому,—сказалъ Кирьянъ.

— Кто, думаешь?

— Знамо кто: Елизаръ. Его это дѣло,—чужому въ дверь не пройти. Съ ключами хожено.

Разсердился Кирьянъ, вернулся въ избу угрюмый. Стала жена спрашивать:

— Ну, что? Не нашли?

— Что! Знамо, свиснули, велѣли еще положить.

— Ахъ ты, батюшки! Вотъ грѣхъ-то! И кого это угораздило?

— Елизара, вотъ кого; въ дверь прошелъ, и замокъ цѣлъ. Съ ключами ходилъ.

— Такъ, такъ! То-то я вчера слышала, ключи у него въ карманѣ гремѣли. И невдогадъ: думала отъ ихъ сундука.

Воротился вечеромъ Елизаръ пьяный, весь въ грязи. Сталъ его Кирьянъ спрашивать:

— Ты гдѣ былъ?

— У чертей печи билъ, а тебѣ велѣли приходить трубы выводить.

— Да ты не озорничай, а говори толкомъ.

— Толкомъ тебѣ и говорю: гдѣ былъ, тамъ нѣту.

— Аль сѣмя пропивалъ?

Уставился Елизаръ на Кирьяна пьяными глазами и засмѣялся злобно таково.

— Ну, пропилъ,—говоритъ.—Не закажешь.

Осерчалъ Кирьянъ.

— Нѣтъ, закажу! — кричитъ.—Я те дамъ сѣмя воровать да пропивать. Вотъ я на тебя въ волостное пожалуюсь.

— Очень я боюсь твоего волостного.

— Побоишься, какъ угостятъ березовой лапшой. Спесь-то, небось, соскочитъ; впередъ умнѣе будешь, не станешь воровать.

— Какъ воровать? у кого? Ну-ка, сказывай!

— У меня сѣмя укралъ, вотъ что.

— Врешь! Не кралъ я—свое взялъ.

— Откуда оно твое-то? Ты работалъ его?

— Не я работалъ, такъ жена работала, а я тебѣ денегъ подавалъ. Нѣтъ у тебя ничего своего, все вообще.

— Коли общее, такъ и пропивать надо? Нѣтъ, братъ, шалишь...

— И пропивать буду—никто не закажетъ. Вотъ отберу отъ тебя свою часть и пропью.

— Ну, и бери, дьяволъ съ тобой! Бери, да и уходи, куда знаешь.

— И возьму, дай срокъ. Ничего не побоюсь.

— А я-то побоюсь? Небось, не пропаду. Не велика польза отъ тебя-то была.

— А коли пользы мало,—держать нечего, давно бы отдѣлилъ.

— Дуракъ ты, дуракъ! Вѣдь тебя же, болванъ, жалѣлъ! Ну, куда ты пойдешь-то? Пропадешь, какъ червь, безъ меня!

— Не пропаду! Еще получше тебя обживусь! У меня не дѣти, вдвоемъ съ женой-то гдѣ хошь проживу.

— Ну, и живи, гдѣ знаешь. Съ тобой грѣхъ одинъ.

— Вишь спасенная душа какая!

Засмѣялся Елизаръ и улегся на лавку.

V.

Семену же до братниныхъ неладовъ пока и дѣла не было. Все время онъ на улицѣ бывалъ, завернетъ домой развѣ поѣсть или переодѣться, да и опять изъ избы вонъ. А какъ братья межъ собою ссорятся, онъ и не замѣчалъ совсѣмъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Семенъ дома былъ, въ деревнѣ много перемѣнилось; изъ молодежи многіе подросли, возмужали а одна дѣвка, Аннушка, Бориса Иванова дочь, совсѣмъ неузнаваема стала: словно цвѣтъ какой распустилась она, красивая да бойкая такая стала она. То и дѣло поглядывалъ на нее Семенъ и тайкомъ вздыхалъ,—запала въ сердце ему дѣвка.

Въ четвергъ, какъ поругались братья, и Семенъ былъ въ избѣ; услыхалъ онъ это и загрустилъ; вышелъ онъ на улицу, но уже не могъ веселиться, какъ прежде, а отошелъ онъ въ сторонку и сѣлъ на заваленку.

Неподалеку сидѣла и Аннушка; взглянула на парня дѣвка и говоритъ:

— Что это ты закручинился, Семенъ?

— Да такъ... не веселится что-то.

— Аль непріятность какая?

— Да Елизаръ все бунтуетъ, пьянствуетъ, безобразничаетъ. Сегодня мѣшокъ сѣмя уволокъ да пропилъ.

— Ишь вѣдь озорникъ какой! Не пара вамъ: Кирьянъ мужикъ смирный, ты тоже парень первый изъ деревни, а онъ вишь какой.

— Кто его знаетъ—выродокъ какой-то.

— Ужъ именно выродокъ изо всего дома.

Замолчали, потомъ опять заговорили. Семенъ сдѣлался смѣлѣе и ласковѣе поглядывалъ на Аннушку: догадался онъ по ея словамъ, какъ она понимаетъ объ немъ, и забилось въ

немъ сердце. Кончили разговоръ, разошлись по домамъ. Крѣпко засѣли у Семена въ памяти слова Аннушки. „Можетъ, я ей нравлюсь, може, она и полюбитъ меня“,—думалъ парень и чувствовалъ, какъ сердце его все шибче и шибче колотилось въ груди.

На другой день играли въ горѣлки. Семенъ сталъ въ парѣ съ Аннушкой, и когда пришлось имъ бѣжать, то они побѣжали, да назадъ не вернулись. Добѣжалъ Семенъ до Аннушки и говоритъ ей:

— Будетъ, Аннушка, играть. Пойдемъ домой.

— Что такъ? Аль надоѣло?

— Дѣло есть до тебя.

— Какое такое дѣло?

— Вотъ что... Скажи мнѣ напрямки: пойдешь за меня замужъ?

Покраснѣла Аннушка, опустила глаза, ничего не сказала.

— Что жъ молчишь? Аль не любъ?

— Нѣтъ... любъ,—отвѣтила тихонько Аннушка, — только не знаю я, какъ батюшка съ матушкой.

— Дѣло-то не въ нихъ, — ты какъ? А ихъ-то мы уломаемъ. Только ты, Аннушка, подожди малость, ни за кого не ходи.

— А сколько ждать?

— Не знаю и самъ: можетъ, до осени, а то до мясоѣда,— какъ дома справимся.

— Ну, ладно. А не раздумаешь послѣ-то?

— Ты-то не раздумай, а обо мнѣ не сомнѣвайся.

Обнялись тутъ они и долго стояли да разговаривали, и только съ пѣтухами они пошли домой.

VI.

Не прошла даромъ ссора Елизара съ Кирьяномъ. Послѣ Пасхи сталъ онъ требовать раздѣла. Понѣкался-понѣкался Кирьянъ — согласился. Созвали сходку, и стали дѣлиться братья.

Изъ стройки достался Елизару срубъ, что въ кострѣ лежалъ, изъ скота—лошадь, корова съ телкой да три овцы съ ягнятами. Ничего больше не взялъ Елизаръ, уговорили получить съ Кирьяна въ добавку сто рублей денегъ.

Собралъ кое-что Кирьянъ, продалъ, а что нельзя было продать, заложилъ; расплатился съ Елизаромъ.

Елизаръ распродалъ все, что ему досталось, землю сдалъ, выправилъ паспортъ, взялъ жену съ собою и ушелъ въ Москву.

Остался Кирьянъ съ Семеномъ вдвоемъ.

Семена въ Москву не пустили, — оставили на лѣто дома поработать. Хотѣлъ было Семенъ насчетъ женитьбы брату сказать, да самъ видитъ — не къ тому дѣло. Такъ и не сказалъ.

Прошло лѣто; съ работой управились рано. Сталъ Кирьянъ отмѣрять хлѣбъ на продажу,—набралъ овса 6 четвертей, ржи 9 кулей да льняного сѣмени 12 мѣръ. Продалъ и выручилъ за все 60 рублей съ лишкомъ. И сталъ Кирьянъ разсчитывать, кому что отдавать: выкупить заложенную зимнюю одежду—10 рублей, старостѣ на подати 17 рублей да рублей 10 по мелочи кой-кому; и видитъ Кирьянъ, что мало денегъ остается, и говоритъ Семену:

— Ну, парень, хотѣли мы было женить тебя, да не приходится теперь.

— Что жъ такъ?

— Никакъ не справимся—годъ ужъ очень трудный нонче, а долговъ много. Что будетъ на красной горкѣ—подождать надо.

Сталъ Семенъ упрашивать брата:

— Братецъ родимый, нельзя ли какъ теперь устроить?

— Что жъ тебѣ загорѣлось такъ?

— Да у меня невѣста на примѣтѣ есть, дѣвка-то больно хороша.

— Ой ли? Кто жъ такая?

— Аннушка Борисова.

Задумался Кирьянъ; думалъ-думалъ, прикидывалъ и такъ

и этакъ—ничего не выходитъ: и парня жалко, и видитъ, что не осилитъ никакъ. Говоритъ Семену:

— Нѣтъ, парень, ничего не выходитъ—нужно подождать мясоѣда. Вотъ ленъ сомнемъ, продадимъ что-нибудь; а тебѣ я работу пріищу—на примѣтѣ есть—тоже заработаешь что-нибудь; вотъ такъ-то справимся.

— Какая работа?

— А изъ Никольскаго имѣнія дрова въ городъ возить. Два рубля за сажень, за три раза подымешь. Коли въ два дня обернуться три раза—вотъ и рубль въ день; кормъ лошади свой будетъ, а самъ что и проживешь — все выгода будетъ.

— Вѣстимо такъ.

— А о невѣстѣ не тужи. Схожу сегодня къ Борису, поговорю съ нимъ; коли согласенъ, попрошу подождать до мясоѣда, а тамъ дѣло чередомъ сладимъ.

Согласился Семенъ, успокоился. Увидалъ вечеромъ на улицѣ Аннушку и говоритъ ей:

— Дѣло-то наше оттягивается.

— Какъ такъ?

— Да братъ говоритъ: до мясоѣда отложить надо; сработаемъ ленъ, да я на заработки пойду, кой-что продадимъ, вотъ и можно будетъ.

— Охъ, Сеня, не разстроилось бы дѣло какъ?

— Вотъ-на! Съ чего это? Нынче братъ хотѣлъ сходить къ вамъ. Нешто отецъ твой не согласится?

— Должно, согласится: онъ, какъ придется, хвалитъ тебя.

— Ну!..

— Ей-Богу.

— Ну, и слава Богу! Значитъ, дѣло наше выгоритъ.

VII.

Установилась санная дорога, и поѣхалъ Семенъ въ Никольское дрова возить.

Съ непривычки Семену трудно показалось. Не приходи-

лось разбирать погоду: худа ли, хороша ли—все равно вези; застрянетъ лошадь въ ухабъ, а то завертка въ оглобляхъ лопнетъ, и прыгаетъ Семенъ подлѣ воза такъ, что потъ прошибетъ — даромъ что морозъ. А какъ вспомнитъ, для чего онъ работаетъ, такъ и не чуетъ тяготы. Иной разъ такъ задумается объ Аннушкѣ, что идетъ себѣ за возомъ, опуститъ голову, ничего не слышитъ и не видитъ, что кругомъ дѣлается, развѣ встрѣчникъ какой окрикнетъ или лошадь станетъ.

Работаетъ Семенъ, а самъ все думаетъ и разсчитываетъ, скоро ли Рождество подойдетъ.

Подошелъ и праздникъ. За три дня расчелся Семенъ съ управляющимъ, пришлось ему чистыхъ денегъ 30 рублей. Получилъ ихъ Семенъ, запряталъ подальше и поѣхалъ домой.

Всю дорогу раздумывалъ Семенъ объ Аннушкѣ,—какъ онъ свататься начнетъ, какъ свадьба будетъ. Все боялся, какъ бы дѣло не разстроилось, и съ нетерпѣніемъ погонялъ лошадь, спѣшилъ, какъ бы скорѣе домой попасть.

Кирьянъ обрадовался деньгамъ.

— Вотъ, — говоритъ, — и поддержка. Теперь и женить можно.

— Ну, а какъ Борисовы?

— Борисовна, братъ, тю-тю! На нихъ не надѣйся. Просватана въ село къ богатому мужику, 20 рублей выговоровъ невѣстѣ дали.

Поблѣднѣлъ Семенъ, въ ногахъ задрожало, опустился на лавку. Слова не можетъ вымолвить. Видитъ Кирьянъ — парень не въ себѣ, сталъ его уговаривать:

— Что ты, Сема, Богъ съ тобой! Чего ты? Развѣ невѣсты-то не найдемъ? Посмотри-ка, какую охватимъ: любо-дорого посмотрѣть. Почище Аннушки твоей.

— Не хочу я другую,—говоритъ Семенъ.

Припалъ онъ головой къ стѣнѣ и зарыдалъ словно маленькій.

VIII.

Вечеромъ въ первый день праздника вышелъ Семенъ на улицу, думалъ тамъ Аннушку встрѣтить, да не пришлось. И рѣшилъ Семенъ на другой день на домъ къ ней сходить.

И пошелъ утромъ Семенъ къ Борису. Вошелъ онъ въ избу, всѣ сидятъ за завтракомъ. Поздоровался Семенъ, сѣлъ на конникъ.

Что скажешь, Семенушко?—спросилъ Борисъ.

— Я, дядя Борисъ, къ тебѣ за дѣломъ... Слышалъ я, что ты Аннушку просваталъ?

— Просваталъ, братъ. А что?

— Да какъ же такъ... я думалъ, ты... тово... меня подождешь...

— Говорилъ мнѣ Кирьянъ, нечего таить... да я думалъ, что не скоро ты... ну, и просваталъ. Дѣвка товаръ, самъ знаешь, какой, не любитъ залеживаться. Коли подошелъ случай, сбывай съ рукъ скорѣе, а то того и гляди засидится.

— Да вѣдь я до мясоѣда только... вотъ теперь...

— Ну, что же дѣлать? Не успѣлъ ты... въ другія руки просватана.

— А какъ же Аннушка?

— А что Аннушка?

— Согласна, стало-быть.

— Знамо согласна, коли отецъ съ матерью согласны.

Поднялся Семенъ, поглядѣлъ на Аннушку; сидитъ та потупившись. И говоритъ Семенъ:

— Такъ стало — неправду ты говорила мнѣ... А я вѣдь думалъ, что ты отъ сердца...

Поднялась Аннушка изъ-за стола, отошла къ сторонѣ и заплакала.

— Нешто,—говоритъ,—это я? Не моя воля—батюшкина.

— Дядя Борисъ!—говоритъ Семенъ.—Скажу тебѣ правду истинную: слюбились мы съ твоей дочкой раньше этого,

думали, подъ вѣнецъ итти, а ты вотъ за другого хочешь отдать. Будь отецъ—отдай за меня, сдѣлай такую милость!

Насупился Борисъ.

— Нѣтъ, парень, — говоритъ. – Поздно, ужъ по рукамъ ударили... нельзя отказываться.

— Да вѣдь, дядя Борисъ, не подъ вѣнцомъ стоятъ. Откажись—больше ничего... Не губи ты моего вѣку, отдай за меня Аннушку! Вѣкъ за тебя Бога молить станемъ.

Повалился тутъ Семенъ въ ноги мужику. Плачетъ и Аннушка, проситъ тоже отца:

— Батюшка родимый! може, какъ и можно...

Сидитъ Борисъ какъ на угольяхъ, самъ не знаетъ, что дѣлать, однако собрался съ мыслями и говоритъ:

— Нѣтъ, парень, не проси! Не бывать по-твоему... Вставай, будетъ зря валяться-то. Нельзя своего слова мѣнять.

Поднялся Семенъ, ни слова не сказалъ, словно пьяный вышелъ вонъ изъ избы.

IX.

Пришелъ Семенъ домой и говоритъ брату, что онъ опять въ работу ѣдетъ. Сталъ Кирьянъ его отговаривать, хоть до Крещенья подождалъ бы. Не согласился Семенъ, на другой день Новаго года опять уѣхалъ. Думалъ, что за работой скорѣй Аннушку забудетъ, да и свадьбу не будетъ видѣть.

Пріѣхалъ онъ въ Никольское, — даже управляющій удивился: никто изъ возчиковъ не пріѣзжалъ еще, а онъ пріѣхалъ; однако, позволилъ ему одному возить.

И принялся Семенъ одинъ возить дрова, и пошло все опять попрежнему; только прежде радовался онъ за работою, а теперь ныла душа его, и работа была невеселая.

Разъ свалилъ Семенъ дрова въ городѣ и подъѣхалъ къ трактиру,—хотѣлъ чайку попить да лошадь покормить. Навѣсилъ торбочку, хотѣлъ въ трактиръ войти, вдругъ видитъ: идутъ изъ трактира Борисъ съ Аннушкой, а за ними

женихъ, — молодцоватый такой, въ суконномъ тулупѣ, — и еще какой-то мужикъ съ бабой,—видно, родители жениха. Оторопѣлъ парень, съ мѣста не тронулся; поглядѣлъ онъ на Аннушку, посмотрѣла и она на него, и—отвернулась.

Прошли... Посмотрѣлъ имъ вслѣдъ Семенъ, нахлобучилъ шапку и пошелъ черезъ дворъ въ трактиръ.

Вошелъ въ трактиръ Семенъ, усѣлся за столъ. Подходитъ къ нему знакомый половой и спрашиваетъ:

— Чаю, что ли, Сеня, подать.

— Нѣтъ, братъ, водки давай.

— Что такъ? кажись, не пилъ?

— Не пилъ, а теперь выпью. Давай сорокоушку.

Подалъ водку половой, сталъ Семенъ его разспрашивать, какъ компанія гуляла, что ему встрѣчу попалась.

Разсказалъ половой.

— Весело, — говоритъ, — гуляли: четвертную осушили да пива бутылокъ десять выпили.

— А невѣста-то какъ?

— Извѣстно, модничаетъ.

— Съ женихомъ-то какъ?

— Съ женихомъ, кажись, ласковая; на улыбочкахъ говоритъ, видно, по душѣ ей пришелся.

— А зачѣмъ пріѣзжали сюда?

— Мода такая: женихъ невѣсту съ родными угощаетъ.

— Такъ... Ну, давай-ка, братъ, выпьемъ мы съ тобой! Съ горя, братъ, нужно выпить.

— Что за горе?

— Я знаю какое... Тошно и говорить-то... Ну-ка!

Выпили, поговорили, — ушелъ половой. Остался Семенъ одинъ и задумался.

„Вишь,—думаетъ,—ласковая... Стало, брехала мнѣ...“

Налилъ еще стаканъ, потомъ другой, третій. Опросталъ сорокоушку, потребовалъ еще.

Захмелѣлъ Семенъ: глаза затуманило, въ ушахъ шумъ стоитъ, тошнота нудитъ, языкъ словно онѣмѣлъ, и всѣ члены словно не его стали.

Повалился Семенъ на столъ, самъ себя не помнитъ. Подошелъ половой, видитъ—разсолодѣлъ парень. Толкнулъ его.

— Эй, Сеня! Расплатиться бы надо.

Промычалъ что - то Семенъ; не понялъ половой, сталъ опять толкать его.

— Сеня! а, Сеня! Отдай, братъ, деньги — заспишь, забудешь.

Поднялъ голову Семенъ, уставился глазами на полового.

— Тебѣ что?..

— Деньги, Сеня, за двѣ полбутылки.

Полѣзъ Семенъ въ карманъ, сталъ вынимать, не слушается рука. Насилу-насилу вытащилъ кошелекъ, и опять на столъ ткнулся.

Досталъ половой сорокъ копеекъ изъ кошелька и сунулъ Семену кошелекъ въ карманъ.

Съ полчаса спалъ Семенъ у стола. Потомъ проснулся, поднялъ голову и протеръ глаза.

„Нужно ѣхать“,—подумалъ.

Сталъ подниматься Семенъ — трудно. Раза три шлепался онъ на стулъ, наконецъ, всталъ, надѣлъ шапку, взялъ рукавицы и пошелъ, цѣпляясь, къ выходу.

Вышелъ изъ трактира, вѣтромъ его пообдуло немного, стало ему легче. Снялъ онъ торбочку у лошади, подвязалъ поводъ, черезсѣдѣльникъ и хотѣлъ сѣсть на грядку саней. Не удержался и перевалился въ середку. Пытался было подняться, да не могъ; перетащилъ онъ ноги въ сани, да такъ и остался.

А лошадь повернулась и пошла по знакомой дорогѣ на Никольское. И уснулъ Семенъ въ саняхъ.

X.

Очнулся Семенъ на другой день. Видитъ онъ, что лежитъ въ снѣгу у дороги, кругомъ никого нѣтъ и жилья не видать.

Стояла оттепель. По солнцу—время къ полудню. Прозябъ

Семенъ сильно, всего его ломило, голова трещала, тошнота. Полушубокъ весь мокрый, и на снѣгу, гдѣ лежалъ, мѣсто знать.

Всталъ Семенъ, оглядѣлся — мѣсто незнакомое. Сталъ вспоминать, какъ попалъ сюда,—ничего не вспомнилъ, только и помнилъ, какъ въ трактиръ вошелъ и водку пилъ.

„Гдѣ же лошадь у меня?"—думаетъ Семенъ.

Еще разъ оглянулся—нѣтъ ничего.

„Плохо дѣло", думаетъ.

Постоялъ-постоялъ Семенъ, раскачался и пошелъ наугадъ по дорогѣ. Ощупалъ карманъ, въ карманѣ кошелекъ цѣлъ и деньги 2 р. 30 к. тоже цѣлы. Идетъ Семенъ, думаетъ, до жилья дойдетъ, о лошади спроситъ.

Прошелъ верстъ семь, пришелъ въ деревню незнакомую. Глядитъ кругомъ—шестъ съ елкой, кабакъ, стало-быть.

Пошелъ къ кабаку, думаетъ: тамъ не знаютъ ли.

Въ кабакѣ народу не было, только сидѣлецъ дремалъ за стойкой. Увидалъ Семена, всталъ. Помолился на икону Семенъ, поклонился сидѣльцу и сталъ переминаться: неловко спрашивать о своей лошади.

— Что тебѣ?—спрашиваетъ кабатчикъ.

Вспомнилъ Семенъ, что у него голова смерть болитъ.

— Похмелиться бы, - говоритъ.

— Сколько?

— Пока стаканчикъ.

Налилъ сидѣлецъ; выпилъ Семенъ и подсѣлъ къ столу. Стало Семену легче, на ѣду поманило. Спросилъ онъ закуски да чаю и разговорился.

— Какая это деревня, почтенный?

— Деревня-то? Дубровино.

— А далече ли Никольское?

— Верстъ съ десять будетъ. А тебѣ на что?

Сталъ разсказывать Семенъ и разсказалъ ему все дѣло.

— Вотъ оказія-то! А не помнишь: ты изъ города на лошади выѣхалъ или пѣшкомъ пошелъ?

— Кто е знаетъ... будто на лошади.

— Не иначе, стало-быть, какъ лошадь за обозомъ шла, и тебя какъ-нибудь вытряхнула, а сама за обозомъ ушла.

— А куда эта дорога?

— Сюда — на Никольское, а сюда въ Еремино село. Лошадь-то твоя, гляди, не на Никольское ли свернула.

— Пожалуй, что такъ! Такъ, значитъ, я сейчасъ въ Никольское. Коли тамъ нѣтъ, пойду въ городъ, спрошу въ трактирѣ, не пѣшкомъ ли я вышелъ.

— Сходи; можетъ и найдется. Какая твоя лошадь-то?

— Гнѣдой... меринъ... годовъ восьми будетъ.

— Ну, ладно! А я тутъ буду слухи собирать: може, кто остановилъ, или забѣжала куда.

— Ну, спасибо! Похлопочи, пожалуйста!

Расплатился Семенъ и пошелъ.

XI.

Не вѣрилось Семену, чтобы лошадь его пропала. Думалъ: непремѣнно найдется — либо въ Никольскомъ, либо въ городѣ.

Пришелъ въ Никольское—смеркаться стало. Попался навстрѣчу скотникъ, шелъ за сѣномъ въ сарай; увидалъ его Семенъ, и забилось у него сердце.

„Вотъ,—думаетъ,—сейчасъ узнаю, здѣсь ли лошадь“.

Замѣтилъ скотникъ Семена, остановился.

— Ты что, парень? Никакъ пѣшкомъ?

— Пѣшкомъ.

— А лошадь-то гдѣ же?

— Лошадь-то?.. А я думалъ, она здѣсь.

— Какъ такъ? Аль ушла отъ тебя?

Разсказалъ Семенъ и скотнику про свою бѣду.

— Ай-ай! — говоритъ скотникъ, качая головой.—Дѣло-то дрянь. А мы тутъ думаемъ, куда ты запропалъ... а оно— вотъ оно что.

Помолчалъ Семенъ.

— Ну, иди въ избу къ работникамъ.

Потужили и работники объ его горѣ и тоже посовѣтовали въ городъ итти.

Переночевалъ Семенъ и чуть-свѣтъ отправился въ городъ. Пришелъ въ трактиръ, сталъ у полового выспрашивать.

Разсказалъ ему половой все дѣло, и понялъ Семенъ, что лошадь его пропала. Горько стало парню. Опустился на стулъ и заплакалъ.

Сталъ его половой уговаривать:

— Полно-ка, Сеня! Можетъ и найдется. Можетъ, она дома, а ты убиваешься. Выпей-ка; можетъ, полегчаетъ.

„И вправду,—думаетъ,—не выпить ли?“

Отеръ глаза. Потребовалъ сорокоушку, сталъ пить и закусывать.

„Въ самомъ дѣлѣ,—думаетъ,—не дома ли меринъ? Схожу, узнаю... А какъ нѣтъ?.. Ну, что будетъ, то будетъ!..“

Выпилъ на дорогу послѣдній стаканчикъ и пошелъ.

XII.

Разобрала водка парня. Идетъ онъ по дорогѣ, хоть и покачивается, а все еще храбро идетъ. Прошелъ онъ верстъ восемь—деревня. Зашелъ Семенъ въ кабакъ, опять выпилъ. Вышелъ за околицу, не прошелъ трехъ верстъ — ѣдетъ встрѣчу кто-то. Вглядывается Семенъ, и забилось сердце его: показалось ему, будто на гнѣдкѣ ихнемъ ѣдутъ: и масть подходящая и побѣжка его,—гнѣдко да и только.

„Не Кирьянъ ли ѣдетъ меня отыскивать?—подумалъ Семенъ.—Экій я дурень—шляюсь незнамо гдѣ, лошадь ищу, а она меня ищетъ“.

Обрадовался Семенъ; идетъ и вглядывается: не можетъ хорошенько разобрать—туманитъ въ глазахъ. Подъѣхалъ поближе встрѣчникъ, и похолодѣло на сердцѣ у парня: не Кирьянъ это былъ, и лошадь хоть и похожа, да сбруя не та. И человѣкъ незнакомый, одѣтъ хорошо.

Однако ободрился Семенъ.

„Можетъ,—думаетъ,—онъ укралъ лошадь у меня?“

Сталъ онъ на дорогѣ, ожидаетъ.

Поровнялся встрѣчникъ, схватилъ Семенъ узду, останавливаетъ.

— Стой, братъ! Откуда у тебя лошадь?

— Тебѣ что? Лошадь моя. Пусти съ дороги.

— Нѣтъ, врешь! Лошадь-то моя, а не твоя. Она у тебя краденая!

Подошелъ Семенъ къ сѣдоку поближе.

— Отдай,—говоритъ,—по совѣсти! А то хуже будетъ.

Видитъ человѣкъ, что Семенъ выпивши, думаетъ, такъ сдуру пристаетъ; привсталъ, отпихнулъ отъ себя Семена; хотѣлъ ударить по лошади, уѣхать отъ грѣха.

Вцѣпился Семенъ крѣпко за руку человѣка.

— А,—говоритъ, — ты вырваться хочешь? Нѣтъ, братъ, врешь. Отдай лошадь, говорю!

Разобрала водка парня, расхрабрился и схватилъ человѣка за шиворотъ.

Озлился и человѣкъ: со всего размаха ударилъ Семена кулакомъ прямо въ високъ.

Повалился Семенъ на снѣгъ безъ памяти, а человѣкъ ударилъ по лошади и давай Богъ ноги.

Весною снѣгъ растаялъ, и какіе-то проѣзжіе увидали тѣло Семена и объявили полиціи.

Наслѣдство.

I.

Жили въ деревнѣ Андреевкѣ два брата въ раздѣлѣ, Алексѣй да Григорій Сѣдовы. Занимались они хлѣбопашествомъ, да еще и ремесла знали: старшій былъ кузнецъ, а младшій портнымъ ходилъ. Пить вино—пили, а хозяйство вели исправно,—потому всегда копейку добывали. Родства у нихъ было много—и въ деревнѣ и въ Москвѣ, и родные были всякіе—и бѣдные и богатые.

Узнали одинъ разъ братья, что умерла у нихъ въ Москвѣ тетка. Баба была вдовая, бездѣтная и состоятельная—свой домикъ гдѣ-то на окраинѣ имѣла. Узнали братья, всполошились. Думаютъ: мы наслѣдники. Засуетились, стали въ Москву собираться.

Собрались, поѣхали. Пріѣхали братья въ Москву, стали дѣло разнюхивать. И прослышали они, что при смерти тетки была сестра ея—тоже тетка имъ, такъ она всѣмъ и попользовалась, остался только домъ одинъ.

Стали братья тетку просить:

— Такъ, молъ, и такъ, тетушка, не грѣхъ бы съ нами подѣлиться. Тоже вѣдь не чужіе мы ей приходимся. Надо бы тебѣ на поминъ души ея дать намъ что-нибудь.

Удивилась тетка.

— Изъ чего это,—говоритъ,—я дамъ-то вамъ? Коли отъ

покойницы-сестры и остался хламъ какой, такъ онъ нейдетъ для деревни. А домъ-то она мнѣ при свидѣтеляхъ отказала.

Опѣшили братья, не знаютъ, что и дѣлать. Посидѣли, помолчали, почесали затылки, пошли въ трактиръ чай пить.

II.

Пьютъ братья чай, разговариваютъ, придумываютъ, обсуждаютъ, что имъ дѣлать, какъ имъ быть.

Прислушался къ разговору человѣкъ одинъ за сосѣднимъ столомъ. Человѣкъ немолодой, одѣтъ по-барски, хотя плохо. Сидитъ, пивцо попиваетъ, въ оба уха слушаетъ. Слушалъ, слушалъ, обернулся и говоритъ:

— Спорное дѣло, вижу, у васъ? О наслѣдствѣ, что ли?

— Объ наслѣдствѣ,—говоритъ Алексѣй.

— Съ чего дѣло-то началось, разскажите-ка?

Разсказали братья. Говоритъ имъ человѣкъ:

— Коли завѣщанія не осталось,—домъ вашъ.

— Ой ли?

— Вѣрно говорю. Не согласна тетка полюбовно разойтись, прямо на судъ подавайте. Дѣло безпремѣнно выгоритъ.

Покачали братья головой.

— Намъ,—говорятъ,—судиться никакъ невозможно. Наше дѣло крестьянское: свое хозяйство оставить намъ никакъ нельзя. Хозяйство оставимъ—больше упустимъ.

Усмѣхнулся человѣкъ.

— Эхъ, вы!—говоритъ.—То-то народъ-то вы темный, необразованный. Вамъ тутъ-то и быть не надо.

— Какъ такъ?

— А такъ! Напишите довѣренность, я вамъ все дѣло оборудую въ лучшемъ видѣ.

— Ты нешто по этимъ дѣламъ можешь?

— Я-то? Да я только этими дѣлами и занимаюсь; всѣ законы какъ свои пять пальцевъ знаю. Недавно такое дѣло въ окружномъ выигралъ—шесть сотенныхъ за труды получилъ.

Удивился Алексѣй.

— Ну? Ишь ты вѣдь что! А я было думалъ, ты изъ холуевъ.

Обидѣлся человѣкъ.

— За кого,—говоритъ,—вы меня принимаете? Это даже очень оскорбительно.

— Да одѣтъ-то не больно тово...

— Мало ли что одѣтъ! А отчего я такъ одѣтъ-то? Какъ получилъ я тогда шестьсотъ рубликовъ и захотѣлъ спрыснуть ихъ; да такъ напрыскался, что не помню, какъ и въ части очутился. А на утро очнулся, гляжу на себя, а я чуть не голый: все обобрали люди добрые, до ниточки...

Поговорили братья, посовѣтовались,—рѣшили дать довѣренность. Написали довѣренность, дали денегъ на расходы— двѣ красненькихъ, собрались домой ѣхать.

— Поѣзжайте,—говоритъ имъ человѣкъ,—безъ сомнѣнія. Всѣ дѣла ваши поведу я въ исправности.

И поѣхали братья домой.

III.

Дорогой говоритъ Григорій Алексѣю:

— Дѣло, братъ, затѣяли, да выйдетъ ли прокъ какой?

— Абвокатъ взялся, значитъ будетъ толкъ.

— Абвокатъ себѣ пользу ищетъ. Ему что? Будетъ да будетъ сокъ изъ насъ выжимать,—а мы отдувайся.

Осердился Алексѣй.

— Что ты,—говоритъ,—за чортъ за такой! Съ тобой никакого дѣла не сведешь. Ты думалъ такъ, безъ всякой траты дѣло-то выиграть? Нѣтъ, братъ, не посѣявши—не выраститъ. Ты вотъ полсотни закабали, не пожалѣй, такъ и получимъ ста по три на брата, а може и больше. Все-то и окупится.

— А какъ не выгоритъ-то?

— Тьфу ты, окаянный! Опять за свое—не выгоритъ, не выгоритъ! Выгоритъ, коли тебѣ говорятъ, дубина ты стоеросовая!

— Ну, дай Богъ нашему теленку волка съѣсть.

Пріѣхали братья домой, принялись работать попрежнему, только къ водочкѣ стали они почаще прикладываться. Иной разъ нужда въ домѣ, а имъ и горя мало: знай себѣ попиваютъ. Начнутъ ихъ жены урезонивать.

— Безстыдники вы этакіе,—скажутъ,—безсовѣстные! Хоть Бога-то побоялись бы: въ домѣ нужда, а они бражничаютъ. На что вы только надѣетесь?

— Молчите вы, мокрохвостыя! — прикрикнутъ на бабъ братья.—Вотъ, дай срокъ, наслѣдство получимъ, всѣ нужды прикроемъ.

Прослышали въ деревнѣ о наслѣдствѣ, стали завидовать.

— Вотъ,—говорятъ,—счастіе Богъ далъ мужикамъ! Была тетка какая-то, заживо-то, можетъ, и не знала, что за племянники такіе; а вотъ померла,—наслѣдство имъ достается. Счастіе, видно...

IV.

Прошелъ мѣсяцъ и другой—получаютъ братья письмо изъ Москвы. Пишетъ адвокатъ, что дѣло ихъ въ такой-то судъ пошло, что онъ на бумаги, на марки да на разныя дѣла своихъ денегъ рублей 15 израсходовалъ, проситъ поскорѣе выслать ихъ ему.

Нечего дѣлать,—собрались братья, послали. Стали ждать, что дальше будетъ.

Къ веснѣ опять адвокатъ шлетъ письмо: пишетъ—пріѣзжали бы въ Москву поскорѣе да денегъ побольше прихватили.

Поѣхали братья, пріѣзжаютъ въ Москву. Пришли къ адвокату, стали спрашивать въ чемъ дѣло.

Говоритъ имъ адвокатъ:

— Дѣло ваше въ этомъ судѣ не стали разбирать. Нужно въ другой подавать, и нужны деньги на расходы.

— Опять денегъ?—говоритъ Алексѣй.—Давать-то боязно. Ну, какъ ничего не выйдетъ, али и выйдетъ, да меньше того, что истратимся?

— Дураки вы, дураки!—говоритъ адвокатъ.—Не зря вѣдь потратитесь: все назадъ вернете, всѣ издержки.

Успокоились братья, дали адвокату денегъ, поѣхали домой.

Немного спустя опять получаютъ братья письмо, опять проситъ денегъ адвокатъ, пишетъ, что мало, вишь, не хватило.

Думали-думали братья,—не знаютъ, что и дѣлать; прикончить жалко: истратились много; вести дѣло дальше—опять нужны деньги. Хоть расходы бы вернуть... Рѣшили еще послать—будь, что будетъ.

И оборвали наши братья свое хозяйство, кои вещи заложили, задолжались кругомъ.

— Ну, какъ не выгоритъ дѣло-то наше?—говоритъ Григорій Алексѣю.

Ничего не сказалъ Алексѣй, только рукой махнулъ. Помолчалъ-помолчалъ и говоритъ:

— Коли дѣло затѣяли, надо вести до конца: куда кривая ни вывезетъ.

V.

Узнала тетка, что племянники противъ нея дѣло начали,—испугалась.

„Какъ бы,—думаетъ,—они у меня домъ не оттягали“.

И написала имъ письмо, чтобы въ Москву пріѣзжали, обѣщалась поплатиться, коли дѣло прикончатъ.

Получили письмо братья, обрадовались.

— Ну,—говорятъ,—слава Богу! Не тутъ, такъ тамъ выгоритъ наше дѣло.

Однако не сразу поѣхали: думали съ работой управиться, а тогда молотьба шла и со льномъ убирались,—да и отъ адвоката не будетъ ли какого извѣстія. И промѣшкали братья до Николы зимняго.

Наконецъ, собрались, поѣхали и прямо къ адвокату пошли. Видятъ они, перемѣнился адвокатъ: гордый сталъ да важный такой. Пальто съ барашковымъ воротникомъ, сапоги съ калошами и квартира получше. На нашихъ мужиковъ еле глядитъ.

— Ну, какъ дѣло-то наше?—спрашиваютъ братья.

— Дѣло ваше застряло,—говоритъ адвокатъ.—Приходится въ окружной подавать. Да еще вотъ что: нужно васъ въ правахъ наслѣдства утвердить.

— Какъ такъ?

— Да такъ; по формѣ такъ слѣдуетъ. А то опять не примутъ дѣло-то.

— Да ты бы давно сказалъ...

— Я бы и раньше сказалъ, да тутъ деньги нужны, много денегъ. Я думалъ, что и такъ удастся, да нѣтъ, не выходитъ.

Вытянулись лица у братьевъ. Смекнули, сколько потратили, сколько еще придется потратить,—видятъ: не покроютъ, пожалуй, наслѣдствомъ и расходовъ-то. Опустили носы наши мужики.

Потолковали, потолковали, — сговорились къ теткѣ итти.

— Пойдемъ, — говорятъ, — попросимъ; можетъ и полюбовно сойдемся.

— Съ Богомъ!—говоритъ имъ адвокатъ.

VI.

Пошли братья къ теткѣ. Говоритъ имъ тетка:

— Вы никакъ судиться затѣяли?

— Да,—говоритъ Алексѣй, — въ окружной подаемъ. За насъ адвокатъ хлопотать взялся.

— Напрасно, — говоритъ, — ребятушки, дѣло это вы затѣяли. И меня-то обидите и себѣ-то мало корысти сдѣлаете...

— Какъ мало корысти? Домъ-то, чай, сотъ восемь стоитъ, коли не больше. Смекни-ка, по скольку-то достанется?

— Да нешто вамъ однимъ? Вѣдь у покойницы сестры и еще родня есть, кромѣ васъ. Приступитесь къ дому, такъ налетятъ родные-то какъ воронье.

— Ну, пущай ихъ, а мы свое возьмемъ!

Подумала-подумала тетка и говоритъ:

— Вы вотъ что, ребятушки: прикончите-ка дѣло да подпишитесь, что вы отъ дома отказываетесь; а я, — такъ ужъ тому, видно, и быть, —дамъ вамъ сотенный билетъ.

Подумали немного братья.

— Маловато,—говорятъ,—будетъ, тетушка!

— Нѣтъ, не мало, ей-Богу, не мало! — говоритъ тетка. — Больше вамъ не получить, хоть и судиться будете. Только проканителитесь больше того.

— Ну, ужъ такъ и быть! — говоритъ Алексѣй. — Прибавляй еще двѣ красныхъ, и дѣло съ концомъ.

Согласилась тетка. Подписались братья, что отъ наслѣдства отказываются, получили деньги и пошли къ адвокату.

— Ну, что?—спрашиваетъ адвокатъ.

— Да что, — сошлись полюбовно съ теткой, отказались отъ дома-то.

— Сколько дала?

— Сто двадцать рублей.

— Такъ, значитъ, дѣло ваше прикончить?

— Видно, что такъ! Ты ужъ... тово... похлопочи, прикрой дѣло.

— Это можно. Ну, теперь позвольте получить съ васъ за труды.

— За какіе труды?

— Да вотъ, что я хлопоталъ-то.

— Да вѣдь ты получалъ съ насъ...

— Я получалъ на судебныя издержки, а не за веденіе дѣла.

— Какъ же такъ?

— Да такъ. Коли не вѣрите, я вамъ всѣ бумаги покажу, на что я ваши деньги тратилъ.

Опѣшили братья: не знаютъ, что дѣлать.

— Ну, что вы бѣльмы-то вытаращили! Давайте деньги! Не задаромъ же я хлопоталъ за васъ.

— Сколько же тебѣ давать-то?

— Ну, что съ васъ взять-то? Давайте шесть красненькихъ,—и Богъ съ вами.

— Смилуйся, отецъ родной! — взмолились братья. — Вѣдь ты грабишь насъ...

— Что такое? — закричалъ адвокатъ. — Ахъ, вы, канальи этакія! А не хотите, такъ я съ васъ судомъ вдвое больше вытребую. Вѣдь не я дѣло прикончилъ, а вы; моей тутъ вины нѣтъ никакой. Я все равно получилъ бы: утвердилъ бы васъ въ наслѣдствѣ и получилъ бы свое. А вы еще вотъ что выдумали—грабятъ васъ. Я хлопоталъ, трудился, время терялъ, а они вотъ что... грабятъ. Да я васъ за оскорбленіе...

Испугались мужики, выложили денежки.

— Ну, вотъ давно бы такъ-то! — сказалъ адвокатъ. — А то еще канитель вздумали заводить. Такъ-то лучше. Ну, спасибо! — говоритъ. — Въ другой разъ что случится, приходите.

Ничего не сказали братья, вышли вонъ.

VII.

Приходятъ братья на постоялый дворъ, видятъ — ожидаютъ ихъ женщина и парень. Женщина — сноха ихъ, брата родного жена, что въ солдатахъ померъ, а парень — сынъ другого брата, тоже умершаго.

— Вы что? — спрашиваютъ братья.

— Да вотъ что, — заговорила женщина: — слышали мы, что вы послѣ тетки деньги получили. Такъ подѣлитесь съ нами-то, братцы; мы тоже не чужіе ей-то. Не грѣхъ бы!

Озлился Алексѣй.

— Ахъ, вы, — говоритъ, — сволочи этакія! Вишь, что выдумали! Да мы, въ ротъ вамъ сто возовъ, сами просудили по двѣсти цѣлковыхъ. Изъ чего вамъ давать-то? Мы и сами съ этимъ наслѣдствомъ чуть не разорились.

— Мы вашихъ дѣловъ не знаемъ, — говоритъ женщина. — Вы подайте намъ, что по-Божьи слѣдуетъ!

— Нѣтъ вамъ ничего! — крикнулъ Алексѣй, да и пошелъ было лошадь запрягать.

— Такъ не годится, дядюшка!—вступился и парень тоже.— Мы васъ можемъ въ полицію стащить, коли ничего не дадите. Мы этого дѣла такъ не оставимъ. Вотъ что!

Бились, бились братья; видятъ, что ни крестомъ ни пестомъ отъ нихъ не отдѣлаешься, выкинули имъ по пятеркѣ.

Ушли женщина съ парнемъ, пошли братья на прощанье съ Москвой выпить. Выпили изрядно да проканителились до вечера. Ужъ темно было, какъ выѣхали они изъ Москвы. И вмѣсто трехъ дней цѣлую недѣлю ѣхали домой братья: всю дорогу пьянствовали и пріѣхали домой какъ есть безъ копейки.

Подпасокъ.

I.

Ѳедька совсѣмъ не думалъ, что ему придется въ подпаскахъ быть. Отецъ его надѣялся вывести парня куда-нибудь получше: отдать въ городъ и пріучить къ какому - нибудь мастерству. Но сначала Ѳедька былъ малъ для того, чтобы итти въ городъ, а потомъ отецъ его заболѣлъ и заболѣлъ не на шутку. Полтора года лежалъ Трофимъ больной, таялъ какъ свѣчка, и всѣ ожидали, вотъ - вотъ мужикъ помретъ, а онъ чахнулъ и чахнулъ и только передъ Пасхой въ этомъ году отдалъ Богу душу.

Катерина, мать Ѳедьки, все время ухаживала за своимъ больнымъ мужемъ. Хозяйство они забросили, такъ какъ некому было заниматься имъ, и жили только на то, что понемногу распродавали свое имущество. Сначала продали овецъ одну за другою, потомъ продали лошадь, и осталась у нихъ одна корова. Всячески ухитрялась Катерина сберечь корову, да не уцѣлѣла и она: померъ Трофимъ, и продали корову, чтобы похоронить его.

II.

Похоронили Трофима,—стала баба придумывать, что имъ дѣлать, какъ быть? Видитъ Катерина, что не съ чѣмъ за крестьянство приниматься: въ закромахъ ни зернушка нѣтъ;

только и хозяйства, что три курицы съ пѣтухомъ по двору ходятъ. Поплакала-поплакала баба да и говоритъ сыну:

— Ѳедька, что же намъ теперь дѣлать-то? Лѣто подходитъ—люди работать начнутъ, а намъ за что приниматься?

Повѣсилъ голову парень,—не знаетъ, что сказать.

— По-настоящему-то и намъ бы нужно въ рядъ съ людьми становиться. Тебѣ ужъ 17 годовъ, скоро женихъ,—бобылемъ-то жить не очень складно.

— Заводить надо,—говоритъ Ѳедька.

— Знамо, надо, какъ святъ Богъ! Да какъ начать-то?

— Отпусти меня въ городъ! Наймусь я тамъ, куда ни на есть, выживу денегъ; вотъ на нихъ и купимъ чего-нибудь.

Задумалась Катерина. Подумала-подумала и вздохнула.

— Легко сказать: въ городъ!—сказала она.—Обживешься ты тамъ, друзей да пріятелей заведешь,—и про домъ забудешь. Нѣтъ, родимый, нескладно это дѣло.

— А что жъ складнѣе-то выйдетъ?

— Вотъ ономясь говорилъ мнѣ Василій Богровъ,—онъ въ Тереховѣ въ пастухи нанялся,—отдай, говоритъ, ты мнѣ своего малаго въ подпаски. Обѣщалась я ему подумать, да не знаю, какъ быть-то? Ты какъ скажешь?

— Словно не охота бы въ подпаски-то.

— Э, родимый! Чего не охота-то? Все равно—гдѣ ни жить, такъ жить. Хорошъ будешь—и въ подпаскахъ хорошо будетъ; а плохъ—такъ вездѣ плохо. Все отъ себя! По крайности у меня на слуху будешь—не будетъ такъ болѣть мое сердце. Отпасешь лѣто,—вотъ и корову купимъ. А я тутъ на поденщину ходить стану—себя отработаю. Коли въ зиму еще наняться,—къ веснѣ, може, и лошадь заведемъ. Вотъ тебѣ и крестьяне.

Подумалъ-подумалъ Ѳедька и сказалъ:

— Что жъ! Пожалуй, хошь и такъ—все равно!

— Знамо, такъ лучше. Знаешь пословицу: ближняя копейка дороже дальняго рубля! Жди тамъ, когда изъ города-то что попадетъ! А тутъ-то ужъ вѣрно.

III.

Такъ и порѣшили Ѳедьку въ подпаски отдать. Пошла Катерина къ Василью и сказала, что согласна отдать къ нему малаго. Обѣщалъ Василій на Пасхѣ притти за нимъ и уговориться.

Праздникъ встрѣтила Катерина со слезами, съ однимъ Ѳедькой: вспомнила она прежнее житье-бытье и поплакала. Разговѣлись они какъ слѣдуетъ: нанесли имъ сосѣди молока, творогу, а кто и говядинки — набралось всего на цѣлую недѣлю.

Середь недѣли пришелъ къ нимъ Василій и договорился взять Ѳедьку за 23 рубля. Выговорила Катерина въ задатокъ 3 рубля, а остальныя наказала парню до осени не брать.

И сталъ Ѳедька приготовляться къ пастьбѣ: свилъ себѣ кнутъ, смастерилъ сумку кожаную, поясъ съ бляхами добылъ — сталъ настоящимъ пастухомъ выглядывать.

Съ Егорьева дня и скотину выгналъ. Началъ Ѳедька къ своей должности приглядываться, и сначала не понравилась она ему.

Скотина, пока не обходилась, бѣгала по полю какъ угорѣлая; носятся за ней и пастухи весь день — покоя не знаютъ. Пригонятъ скотину, пойдетъ Ѳедька ужинать,—боится въ чужихъ людяхъ и ѣсть-то досыта. Утромъ—тоже, да съ собой ничего не беретъ: привыкли бабы къ напористымъ пастухамъ, — иная и не догадается дать хлѣба съ собой, а спросить малый боялся; доводилось частенько и впроголодь быть. Потомъ дожди пошли: намочитъ пастуховъ, до костей пробьетъ, а обогрѣться негдѣ, и дрожитъ онъ день цѣлый.

Дальше—больше; стало теплѣе; показалась травка, и скотина поспокойнѣе стала. Начали бабы на полдни ходить,— стали пастухамъ молока отливать и яицъ носить. Ѳедькѣ и не приходилось больше голодать.

И привыкъ онъ къ своей должности, не тяжела ему казалась она. Въ деревнѣ его любили, потому онъ былъ не озорной, да и Василій его не обижалъ, потому слушался его Ѳедька: куда ни пошлетъ его, никогда не откажется.

Пригналъ разъ Өедька вечеромъ скотину домой, поужиналъ и пошелъ въ сарай ночевать съ Васильемъ. И говоритъ ему Василій:

— Ну, Өедька, завтра скотину разлучать не будемъ, погонимъ вмѣстѣ, а то съ коровами одинъ не сладишь. Слѣпни, что ли, одолѣли,—бѣгаютъ какъ шальныя.

— Ну, что жъ,—говоритъ Өедька,— все равно!

Василій улегся на сѣнѣ и вскорѣ захрапѣлъ. Легъ и Өедька, да не заснетъ никакъ: все мысли разныя въ голову лѣзутъ, не даютъ заснуть.

То вспоминается ему, какъ онъ маленькій былъ, какъ росъ, какъ съ ребятишками баловался. То представляется ему отецъ больной, бѣдность, нищета... Потомъ сталъ думать Өедька, какъ онъ отпасетъ лѣто, получитъ расчетъ и будетъ хозяйствомъ обзаводиться.

„Купимъ, — думается ему, — корову, отелится она, принесетъ телочку. Телку продавать не будемъ, а будемъ растить: выростетъ—тоже корова будетъ. А зимой, можетъ, наймусь куда, выживу рублей 15, да мать что-нибудь заработаетъ,—лошадку купимъ. И буду я крестьяниномъ, буду самъ хозяинъ, буду работать, пахать, сѣять; лѣто дома, а зимой на сторонѣ. Долго только еще до этого... Да и денегъ много надо, а у меня зажитыхъ... Сколько у меня зажитыхъ?.. Постой... сосчитаю. По Ильинъ день 12 рублей... въ задатокъ взяли 3 рубля... Стало-быть, девять уже зажилъ... Осень недалеко: пропасу, получу 20 рублей,— вотъ и корова“...

И представляется малому, что купили корову большую, пеструю, какъ у Петра Карягина,—и радостно бьется сердце у Өедьки, на душѣ весело... а сна все нѣтъ. Заснулъ онъ только передъ разсвѣтомъ.

IV.

Не проспалъ и часа парень, какъ сталъ будить его Василій:

— Өедька! а, Өедька! Вставай,— будетъ дрыхнуть-то!

Промычалъ что-то Ѳедька, повернулся на другой бокъ и опять заснулъ. Осерчалъ Василій.

— Вставай, лѣшій!—говоритъ.—Выгонять пора!

Поднялся Ѳедька какъ шальной; остановился средь сарая и сталъ глаза протирать.

— Вишь разоспался какъ! Инда ошалѣлъ! Пойдемъ.

Побрелъ Ѳедька за Васильемъ, почесывается, шатается и спотыкается на каждомъ шагу.

Выгнали скотину, размялся Ѳедька маленько, и дрема прошла. Забрело стадо въ барскую сѣчу, разбрелась скотина по кустамъ и пропала въ травѣ.

Пришло время, сталъ Василій собираться завтракать итти.

— Ну, ты смотри тутъ,—говоритъ,—а я пойду.

— Ладно, иди.

Ушелъ Василій, обошелъ Ѳедька стадо кругомъ, видитъ— скотина смирно ходитъ — и сѣлъ онъ на кочку подъ кустомъ. Только сѣлъ онъ, застелило ему глаза, заходили красные круги, стали вѣки слипаться, и голова на сторону погнулась. Надвинулъ Ѳедька картузъ на лобъ, да и заснулъ.

Спитъ Ѳедька и видится ему, что купили они съ матерью корову на базарѣ и ведутъ ее домой. Идетъ Ѳедька впереди, ведетъ корову на веревкѣ, а мать ее сзади подгоняетъ. Подошли они ужъ и на свое поле, и деревня ихъ видна... только чувствуетъ онъ, что корова тянетъ веревку. Оглядывается Ѳедька, а матери ужъ нѣтъ, а тереховскіе мужики окружили корову, и одинъ ужъ и за веревку схватился.

„— Что вы, православные! — взмолился Ѳедька. — За что корову отымаете?

А староста и говоритъ будто:

„— Мы не себѣ, а намъ баринъ велѣлъ.

„— Какой баринъ?—спрашиваетъ Ѳедька.

„— Какой, какой! — передразниваютъ мужики. — А тебѣ что за дѣло? Отдавай корову.

Кто-то изъ нихъ толкнулъ Ѳедьку.

Проснулся парень — стоитъ передъ нимъ Василій и кричитъ:

— Гдѣ у тебя скотина-то? Дьяволъ этакій! Проспалъ, анаѳемская твоя душа!

Вскочилъ Ѳедька какъ ошпаренный.

— Не выдрыхся за ночь-то, чортъ сопливый! Дорвался здѣсь спать,—вотъ и возьми!

Оглянулся Ѳедька кругомъ — ни коровъ молодыхъ нѣтъ, ни жеребятъ. Испугался парень, остолбенѣлъ даже.

— Что уперся-то? Поди, ищи!—кричитъ Василій.

Вскинулъ Ѳедька кнутъ на плечо и пошелъ по сѣчѣ. Обошелъ онъ всю сѣчу, завернулъ въ рожь, посмотрѣлъ въ яровомъ — нѣтъ нигдѣ скотины. Вернулся онъ унылый къ Василью.

— Ну, что?

— Нѣтъ нигдѣ.

— Гдѣ искалъ-то?

— И по сѣчѣ и въ яровомъ, нигдѣ нѣтъ.

— Ахъ ты, распроклятый! Что ты надѣлалъ-то? Теперь въ такую кашу въѣдешь — и не раздѣлаешься. Смотри тутъ,—я самъ пойду.

И пошелъ Василій искать скотину.

V.

Долго ходилъ Василій и вернулся ужъ послѣ полденъ. Вернулся сердитый пуще прежняго.

— Что, квашеная морда, нарвался? Скотина на барскомъ дворѣ, изъ хлѣба взяли.

Ѳедька ничего не сказалъ.

— Теперь отдувайся.

— Какъ же быть-то?—спросилъ Ѳедька.

— Старосту велѣлъ привесть, такъ не отпускаетъ. Пойду за старостой. Смотри тутъ.

Ушелъ опять Василій. Опустился Ѳедька на землю: чуялъ

онъ, что бѣда стряслась надъ нимъ, а боялся задуматься надъ ней: и такъ у него все сердце выболѣло,—не хотѣлось ему еще больше тревожить его.

Вечеромъ собралъ Өедька всю скотину и погналъ домой. Народъ весь былъ дома, а Василій со старостой еще не возвращались. Только послѣ сумерекъ пригнали они забѣглую скотину.

VI.

На другой день собралась сходка, потребовали и Василія на міръ. Пришелъ онъ и сталъ къ сторонкѣ, ждетъ, что будетъ. И спрашиваетъ одинъ мужикъ старосту:

— Что тебѣ на барскомъ дворѣ сказали?

— Извѣстно, что! Велѣли принесть по рублю за штуку, больше ничего.

— А сколько всей скотины-то?

— Семнадцать штукъ.

— Ловко! Значитъ, съ наградой васъ! — сказалъ мужикъ Василію.

— Я тутъ, братцы, не при чемъ!—заговорилъ Василій.— Вина не моя,—я завтракать ходилъ.

— Этого мы не знаемъ!—говорили мужики.—Ходи куда хошь, а за потраву плати. Промежъ себя разбирайтесь, какъ знаете, а 17 рубликовъ мы съ васъ вычтемъ.

Василій заспорилъ:

— Какъ же такъ? Скотина ваша, вы и отвѣчаете; мы за вашу скотину не плательщики!

— Нѣтъ, братъ, шалишь! Мы вамъ ее сдали,—жалованье вамъ платимъ, одѣваемъ, поимъ, кормимъ васъ, а вы будете спать да убытки намъ чинить. Нѣтъ, дудки! Много будетъ!..

— Какъ знаете, только я не виноватъ: подпасокъ упустилъ!

— Съ подпаска и вычитай! Онъ, паршивый, другой разъ умнѣй будетъ.

— А съ него что вычесть? Все лѣто, стало-быть, задаромъ пасъ! Тоже и объ этомъ надо подумать.

— А намъ что за дѣло! Стало, мы же виноваты? Ни копейки на себя не примемъ!

— Грѣхъ вамъ будетъ!—говорилъ Василій.—Съ васъ со всѣхъ-то немного сойдетъ, а онъ все лѣто даромъ проработаетъ.

— Толкуй тамъ, что знаешь! Мы свое дѣло знаемъ.

— Хоть пополамъ-то раздѣлите: половину на него, половину на общество.

— Бери на себя половину, коли ты больно доберъ, а намъ нечего навязывать.

— А я-то за что возьму на себя, коли я тутъ не при чемъ?

— Ну, и мы не при чемъ.

И положили мужики весь штрафъ съ Ѳедьки вычесть,—велѣли Василью сказать ему объ этомъ.

— Ну, что, Василій Сидоровичъ? Какъ тамъ?—спросилъ Ѳедька у Василья, когда тотъ вернулся въ стадо.

— Весь штрафъ съ тебя вычитаютъ.

— Много ль?

— Семнадцать рублей.

Какъ громомъ ударили Ѳедьку эти слова. „Вотъ те и корова!“ мелькнуло у него въ головѣ; и точно камень навалился на грудь малому: подступили слезы къ горлу, повалился онъ на траву и заплакалъ какъ дитя малое.

Мареуша-сирота.

I.

Мареуша была не родная дочь Андрея Кузьмина, а пріемышъ. Еще въ дѣтствѣ умерли у нея отецъ съ матерью, и она осталась сиротою. А у Андрея съ Лукерьей всѣхъ дѣтей было одинъ сынъ Петрунька. Лукерья больше отчего-то не рожала, а дѣвочку ей хотѣлось имѣть. На Мареушу она напала случайно: высказала она разъ свое желанье подругѣ одной, изъ другой деревни, та и предложила ей сироту взять. „Есть, — говоритъ — у насъ обморышъ одинъ, живетъ у тетки у бобылки, а у бобылки какое ужъ житье: сама чуть не по-міру ходитъ. Съ радостью отдастъ". Подумала-подумала Лукерья, посовѣтовалась съ мужемъ,— мужъ тоже былъ не прочь, и рѣшила она взять сироту. Поѣхала она въ ту деревню, разыскала и выпросила ее себѣ. Дѣвочкина тетка обрадовалась и, слова не говоря, отдала ее.

Еще дѣвочкой Мареуша была шустрая и смышленая. Сперва она дичилась и боялась Андрея и Лукерьи и стала грустить. Но потомъ стала привыкать и къ людямъ приноравливаться. Лѣтомъ она работать начала. Въ покосъ сѣно трясла, сгребала, лошадь въ стадо водила, въ жнитво снопы таскала; еще зима пришла—прясть научилась.

Съ другого лѣта Мареуша и жать пошла. Легче стало Андрею управляться на тяглѣ, и отдалъ онъ Петруньку своего въ ученье, въ столяры въ Москву, на пять лѣтъ.

— Мы дома-то съ дѣвкой управимся! — говорилъ онъ.— А малый-то пусть въ городѣ поживетъ, попробуетъ. Все чему-нибудь выучится...

И правда, управлялись они съ дѣвкой.

На тринадцатомъ году Марѳуша стала и бороновать, и косить, и яровое убирать. Лукерьѣ житье очень легкое пошло. Только и заботы у ней, что печку истопить да около двора присмотрѣть, а въ поле дальше огорода она рѣдко и заглядывала.

Дальше—больше, стала Марѳуша и въ домашнихъ дѣлахъ помогать Лукерьѣ. Надобно рубашку сшить или сарафанъ — сошьетъ; нужно на рѣчку съ бѣльемъ сходить — сходитъ; постирать что—выстираетъ, и ткать помогаетъ. Не видала съ ней Лукерья горюшка и ни въ чемъ большой заботы не имѣла.

Часто хвалилась Лукерья своей Марѳушей. Куда ни выйдетъ, съ кѣмъ ни сойдется—всѣмъ хвастается:

— Что за дѣвка растетъ у меня! Этакая-то умница! Кажись, и не разсталась бы съ ней. Дай Богъ кому и родную дочь такую!..

Баба правду говорила: дѣвушка и впрямь хороша была и на рѣчахъ и на дѣлахъ.

II.

И собой взяла Марѳуша!.. Была она бѣлолицая, чернобровая, роста небольшого, а статная; по всему она была первой дѣвкой по селу.

Не мало парней засматривались на Марѳушу, но больше всѣхъ полюбилась она Павлу Кружкову. Парень онъ былъ не изъ богатыхъ, жилъ онъ только съ одной матерью, коекакъ вдвоемъ тягло управляли. Изъ себя онъ былъ худощавый, средняго роста, курчавый такой и весельчакъ; въ хороводѣ никто изъ ребятъ лучше его не ходилъ. Всѣ и знали, что онъ хочетъ сватать Марѳушу за себя, и говорили, что лучше этой пары и въ округѣ не найти и по красотѣ и по достатку.

А Мареуша и не думала еще ни о замужествѣ, ни о Павлѣ: жилось ей пока хорошо, работы она не боялась, ни руготни, ни брюзжанія отъ Андрея и Лукерьи она не слыхала, и ей и въ голову не приходило, что она можетъ скоро замужъ выйти.

Въ одинъ годъ просватали осенью одну Мареушину подругу; посидѣла Мареуша у ней на дѣвичникѣ, на свадьбу посмотрѣла и стала съ тѣхъ поръ о замужествѣ подумывать. И на ребятъ она стала иначе смотрѣть, — примѣчала, кто хорошъ, кто худъ.

Павелъ Кружковъ показался дѣвкѣ лучше всѣхъ, и какъ запримѣтила она, что онъ увивается около нея,—стала поласковѣе съ нимъ обходиться.

Пришли святки, откупили ребята избу и стали въ нее ходить съ дѣвками на посидѣлки. Наканунѣ Новаго года дѣвки гадать стали. Гадали всячески, смѣялись, — и всякій разъ Мареушѣ выходило или замужество, или хозяйство въ этомъ году.

„Неужли же я нынче замужъ выйду?—думала Мареуша.— За кого придется?“

Захотѣла Мареуша погадать, кто ея суженый; ей говорили, что суженаго можно увидать во снѣ, коли взять замокъ, запереть его на ключъ, положить замокъ гдѣ-нибудь къ уголышку въ колодезномъ срубѣ, а самой пойти спать и положить ключъ подъ голову. Ночью суженый придетъ за ключомъ замокъ отпирать, и дѣвка его увидитъ во снѣ.

Мареуша такъ и сдѣлала. Какъ легла спать, такъ и закопошились у ней разныя мысли, и стала она думать:

„Куда я замужъ выйду? Можетъ, въ свою деревню? За кого? Иванъ Могачовъ? Не хорошъ очень—великъ больно, да нескладенъ и дурашливъ. За Петра Ягина? Не возьмутъ... да хоть и возьмутъ, — не пошла бы... вишь онъ какой суковатый... Никифоръ? Этотъ—ничего, да молодъ еще... его, пожалуй, на этотъ годъ и женить не станутъ... Вотъ Павелъ... Женихъ хорошій... и подъ пару мнѣ... я сирота

и онъ небогатый... И семья у нихъ небольшая... Жили бы мы съ нимъ за милую душу... Себя бы обработали, а лишковъ и не надо“.

Раздумалась такъ дѣвка, и что больше думаетъ, то милѣй становится Павелъ: вертится онъ у ней на разумѣ и изъ головы нейдетъ. И долго ворочалась дѣвка, передъ пѣтухами только заснула она.

III.

Проснулась Мареуша, стала вспоминать, что приснилось ей. Вдругъ у ней сердце такъ и застучало: вспомнила она, что видѣла во снѣ Павла. Гдѣ и какъ, — не могла припомнить, а помнитъ, что видѣла. „Неужели правда?“ подумала Мареуша и стала вставать.

Было еще рано, не разсвѣтало. Лукерья только печку начинала топить, а Андрей пошелъ за кормомъ для скотины. Накинула Мареуша на себя шубу и пошла къ колодцу за замкомъ.

Подошла она къ колодцу, стала шарить по срубу, замокъ искать—нѣтъ замка! Вотъ и вырубка, куда положила его, а нѣтъ его! Не упалъ ли? Нагнулась дѣвка, стала по снѣгу шарить. Вдругъ кто-то обхватилъ ее сзади руками.

— Ай!—вскрикнула Мареуша.

— Что, попалась? — сказалъ парень, и по голосу узнала Мареуша, что это Павелъ былъ.—Такъ это ты замокъ сюда положила?

— А ты, знать, подхватилъ? Вишь ловкій какой! Пусти!

— А что же? Я слышалъ, что дѣвки на ночь по колодцамъ замки кладутъ,—ну, я и пошелъ шарить.

— Что жъ, нашелъ?

— Нашелъ.

— Ну, давай...

— Такъ и отдалъ!.. Сперва скажи, кого во снѣ видѣла?

— Вишь ты, что выдумалъ?.. Никого я не видѣла... Пусти!

— Ну, ужъ врешь! Говори, говори, а то и замокъ не отдамъ.

— Да что жъ я буду тебѣ говорить, коли я никого не видала?

— Неправда! Кого-нибудь видѣла... Либо Ваньку Могача, либо Петрушку Шишка!

— Какъ же!—засмѣялась Мароуша.—Будутъ такіе во снѣ сниться! Ихъ и наяву-то увидишь — испугаешься. Говорю, пусти!

Засмѣялся и Павелъ и покрѣпче прижалъ Мароушу.

— Отчего такъ?—спросилъ онъ.

— Оттого, что хороши больно... вотъ отчего.

— А коли бы я приснился? — потихоньку спросилъ Павелъ.—Не испугалась бы?.. А?

— Не знаю...

— Нѣтъ... правда... скажи, Мароуша?.. А?

— Ну, не испугалась бы! Что жъ изъ того?

— А то значитъ, нравлюсь я тебѣ?..

Мароуша ничего не сказала и стала вырываться отъ Павла.

— Мароушенька, скажи по совѣсти! По крайности такъ и думать буду.

— Что думать-то?

— А то: коли нравлюсь, буду думать, какъ бы намъ повѣнчаться.

— А коли не нравишься?

— Ну, что жъ тогда дѣлать? Надо искать другую.

Мароуша не знала, что сказать. „Аль объявиться?—думала она.—Сказать, что любъ, аль не надо?“

— Ну, говори!—просилъ Павелъ.

— Пусти, тогда скажу.

— Врешь?

— Ей-ей скажу!

Павелъ выпустилъ дѣвку, только держалъ за руку.

— Теперь замокъ давай.

Отдалъ парень и замокъ.

— Ну?—спросилъ онъ.

— Нравишься,—сказала Мароуша и хотѣла было бѣжать, да не тутъ-то было.

Притянулъ ее Павелъ къ себѣ и давай цѣловать.

— Милая моя! — говорилъ онъ и не зналъ, что больше сказать.

Насилу вырвалась отъ него Мареуша и побѣжала домой. Добѣжала до крыльца, сильно запыхалась, постояла маленько, успокоилось сердце, и пошла она въ избу.

IV.

Весь этотъ день Мареуша была что-то не въ себѣ, на улицу не ходила, а сидѣла все въ углу и все думала. Думала она, когда Павелъ жениться будетъ.

„Что, если теперь?.. Теперь нельзя ей замужъ итти,— нѣтъ у нея никакой лѣтней справы, а изъ зимней только недавно шубу суконную сшили... А коли отложатъ до весны?.. Раздумаетъ, пожалуй, не возьметъ“.

Кончился день, наступилъ вечеръ, вышли дѣвки на улицу, вышла и Мареуша къ нимъ. Стоятъ дѣвки въ сторонѣ, пѣсни поютъ. Пришли и парни, стали играть. Отозвалъ Павелъ Мареушу въ сторону и говоритъ:

— Ну, готовься! Завтра придетъ къ вамъ матушка моя да батюшка крестный сватать тебя.

Оторопѣла Мареуша.

— Нельзя ли,—говоритъ,—пообождать маленько.

— Что такъ?

— Да такъ. Вотъ кой-что нужно справить на себя.

— Ну, это,—говоритъ Павелъ,—когда въ княгиняхъ будешь, тогда сдѣлаешь. Намъ только по рукамъ ударить, а тамъ можно отложить, до коихъ поръ хочешь.

Согласилась дѣвка.

— Ну, ладно,—говоритъ.

На другой день и вправду пришли сватать Мареушу мать Павла да отецъ крестный. Объяснили они, зачѣмъ пришли; выслушали ихъ Андрей съ Лукерьей и говорятъ:

— Родимые вы наши! Породниться бы мы и рады-радешеньки были съ вами, да невѣста-то у насъ не готова еще.

— Ну,—говоритъ Павлова мать,—приготовить можно! Понатужитесь, дѣвка стоитъ того.

Подумали-подумали Андрей съ Лукерьей.

— Нѣтъ, — говорятъ, — раньше весны никакъ намъ не управиться.

— Ну, а весной-то соберетесь? Какъ думаете?

— Весной-то, можетъ-быть, а теперь ничего не подѣлаешь.

Подумали еще, посовѣтовались обѣ стороны и порѣшили до весны отложить.

Марѳуша было огорчилась, но потомъ раздумала и успокоилась.

„Ну,—думаетъ,—все равно. Коли судьба приведетъ, все сдѣлается“.

V.

И пошло время.

Передъ масленицей получилъ Андрей отъ сына письмо изъ Москвы. Пишетъ малый, что вышелъ изъ годовъ и живетъ онъ уже на жалованьи; къ Пасхѣ думаетъ домой побывать.

Обрадовались Андрей и Лукерья и стали думать, не женить ли имъ и своего Петруньку весною вмѣстѣ съ Марѳушей за одинъ столъ. Сами-то становились постарше, на лѣто не миновать работницу нанимать, такъ лучше сына оженить.

Захотѣлось Андрею самому съѣздить въ Москву посовѣтоваться съ сыномъ насчетъ свадьбы. Покормилъ онъ лошадь и на третьей недѣлѣ поста поѣхалъ.

Осталась Марѳуша одна за скотиной ходить, потому Лукерья станъ поставила—красна ткать. Въ эту зиму Марѳуша мало напряла—весь мясоѣдъ все шила, и прясть некогда было.

Веселая и довольная Марѳуша все только и думала о своей свадьбѣ и считала, сколько имъ дней осталось до нея. Думала она, какъ будетъ жить съ Павломъ,—дружно,

тихо, никогда ссориться не будетъ, и хорошо Мареушѣ было.

Наступила уже и вербная недѣля; недалеко осталось и до красной горки, только что-то Андрея долго изъ Москвы нѣтъ. Ждутъ его и Лукерья и Мареуша,—и безпокоиться уже начали, куда это запропастился мужикъ.

Въ среду, на вербной, стали ужинать садиться. Только Лукерья съ Мареушей за щи принялись,—глядь, кто-то въ избу идетъ.

Вошелъ... взглянула Лукерья... Андрей... блѣдный такой... худой... подъ глазами сине... носъ заострился. Слова растягиваетъ, словно изъ больницы вышелъ мужикъ. Такъ и ахнула Лукерья.

— Что это ты?—спрашиваетъ.

Горько усмѣхнулся Андрей.

— А что,—говоритъ,—хорошъ?

— На что лучше? Словно мертвецъ! И подъѣхалъ-то какъ—не слыхали. Поди, Мареуша, убери лошадь-то.

— Не ходи,—говоритъ Андрей,—она на мѣстѣ ужъ.

— Развѣ ты убралъ ее?

— Убралъ... далеко... не найти...

Сморщился Андрей,—прослезился.

— Что ты, Андрей? Аль бѣда какая стряслась?

Махнулъ рукой Андрей и совсѣмъ заплакалъ.

— Еще какая бѣда!—сказалъ онъ сквозь слезы.—Тебѣ и не вздумать.

Оторопѣла баба, поблѣднѣла вся.

— Что такое?—спрашиваетъ.

— Вишь, на кнутѣ пріѣхалъ! Да это что... Это съ полбѣды... Петруша-то нашъ...—не договорилъ Андрей и зарыдалъ опять.

Заплакала Лукерья и затормошила мужа.

— Да говори что... не мучь!

— А то, что нѣтъ у насъ сына теперь!.. Нѣтъ и поильца и кормильца... и надѣяться не на кого.

И разсказалъ Андрей, что сынъ ихъ теперь въ острогѣ

сидитъ. Попалъ онъ туда вотъ какъ: на масленицѣ онъ гулялъ съ другими мастеровыми и прогулялся до копеечки— опохмелиться не на что стало. Сталъ онъ къ хозяину приставать, денегъ просить; а хозяинъ не далъ. Малый и скажи ему грубое слово какое-то,—хозяинъ его въ шею. Остервенился Петруха и пырнулъ хозяина стамезкой въ животъ, да такъ, что кишки поползли. На третій день кончился.

Какъ услыхала это Лукерья, такъ и повалилась на полъ. Заахала Мареуша, подбѣжали вдвоемъ, видятъ—обомлѣла Лукерья. Засуетились, побѣжали за холодной водой и стали ею опрыскивать лицо. Очнулась баба, посидѣла-посидѣла, поплакала и спрашиваетъ:

— Что жъ теперь ему будетъ-то?

— Сибирь неминучая! Я у двадцати человѣкъ спрашивалъ, и всѣ говорятъ одно.

— А лошадь-то гдѣ жъ ты дѣлъ?

Вздохнулъ Андрей и говоритъ:

— Да развѣ горе одно ходитъ? Все самъ-другъ. Какъ сталъ я узнавать про дѣло-то Петрухино, такъ все на ней и ѣздилъ по Москвѣ, а то ноги-то и ходить перестали... Подъѣхалъ я разъ къ трактиру чайку испить, а ее и угнали.

Опять заплакалъ Андрей, заплакали и Лукерья и Мареуша... Отродясь не было у нихъ такого горькаго дня.

VI.

Пасху встрѣчали не весело въ избѣ у Андрея; Мареуша ходила какъ въ чаду, не веселилъ ее и праздникъ: жалко ей было Андрея съ Лукерьей.

На третій день вечеромъ Мареуша вышла на улицу. Дѣвки сидѣли на бревнахъ среди улицы, и ребята тутъ же подлѣ вертѣлись. Увидалъ ее Павелъ, пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Ты что это такая грустная?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, я ничего!—говоритъ Мареуша.

— Врешь! Что-нибудь да есть на сердцѣ.

— Да, есть.

— Что такое?

— Знаешь нашу бѣду: дядя Андрей угрюмый такой, тетка все плачетъ... глядишь-глядишь—и самое горе возьметъ.

— Ну, погоди! Не долго тебѣ съ ними пожить; завтра мать придетъ къ вашимъ. Уговорятся,—и вино пить.

Вздохнула Мареуша.

— Такъ-то такъ! Пожалуй, только заупрямятся наши-то! Трудно имъ приходится: лошадь нужно покупать да свадьбу справлять, сколько дѣловъ-то!

— Ну, можно вѣдь и полегче свадьбу сыграть! Все равно одна честь-то!

— Такъ и устроимъ,—у тебя родныхъ-то нѣтъ и у меня нисколько.

Стали дѣвки съ ребятами въ горѣлки играть, позвали и Павла съ Мареушей.

На другой день пришла Павлова мать къ Андрею и заговорила:

— Ну, что жъ, родимые? Родниться будемъ, что ли?

Покачалъ головой Андрей.

— Не знаю, что и сказать тебѣ, мать моя! Трудно больно намъ подняться-то... вотъ лошадь купить нужно.

— Что за трудно? А мы сдѣлаемъ безъ затѣй, полегче... Вы одинокіе, и мы тоже. Повѣнчаемъ ихъ да межъ собою перегостимся—и дѣлу конецъ.

Задумался Андрей. Думалъ-думалъ и спрашиваетъ у жены:

— Ты какъ думаешь, Лукерья? А?

— Что думать-то?—сказала Лукерья.—Знамо, отдавать нужно. Не свое дите. Коли дѣвка хочетъ, противъ нея не пойдешь. Когда-нибудь отдавать нужно. Теперь хошь и вешнее дѣло, ну, да свадьба проще будетъ: то жъ на то и выйдетъ.

— Ну, ладно!.. Такъ, такъ—такъ!—сказалъ Андрей.— Видно, дѣлать нечего, приходите съ виномъ завтра,

— Вотъ и хорошо! Значитъ, и за дѣло приниматься можно. Ну, дай Богъ въ часъ...

Помолилась Павлова мать на иконы и пошла вонъ изъ избы. Остались Андрей съ Лукерьей вдвоемъ.

— Безъ Маръуши трудненько будетъ!—говоритъ Андрей.

Махнула рукою баба.

— Не говори! И лошадь не нужно покупать: все равно по-міру ходить! Какіе мы съ тобой работники? Что мы сдѣлаемъ-то?

Вздохнулъ и Андрей.

— Пожалуй, что въ бобыли придется итти.

— Охъ-хо-хо! Горевое наше счастье!

И заплакала Лукерья горькими слезами.

Въ это время вошла въ избу Маръуша.

VII.

Когда мать Павлова входила въ избу, Маръуша была въ избѣ; а какъ сѣла баба на лавку, выбѣжала дѣвка въ горенку и сѣла на свой сундукъ.

Знала она, зачѣмъ пришла баба, и сердце у ней сильно билось. „Отдадутъ или нѣтъ? Велятъ съ виномъ приходить или откажутъ? Можетъ и отдадутъ... Повѣнчаемся мы и будемъ поживать. Павелъ парень хорошій, не пьяница, не будемъ ссориться, на работу всегда будемъ ходить вдвоемъ А праздникъ придетъ—къ нашимъ въ гости пойдемъ“.

И радостно дѣлается Маръушѣ.

„А ну, какъ откажутъ?“ мелькаетъ у ней въ умѣ.

И сердце вдругъ сжимается, кровь холодѣетъ... Тоскливо ей дѣлается, и на мѣстѣ не сидится, и никакъ дождаться не можетъ, когда Павлова мать уйдетъ.

И представляется ей Павелъ женатый на другой; идетъ съ молодой женой съ работы, а Маръуша имъ навстрѣчу. Показываетъ на нее Павелъ и шепчетъ что-то женѣ: „Вотъ эту я сваталъ—не пошла, загордѣла, теперь пусть и сидитъ: настоящій женихъ ни за что и не возьметъ: сирота,

наряду нѣтъ и свадьбы настоящей не справить, только бы мнѣ и подъ пару-то“.

Какъ наяву видится Мароушѣ, какъ Павелъ съ женой улыбаются и какъ неловко ей пройти мимо нихъ. Холодный потъ выступаетъ на лбу.

Наконецъ, хлопнула дверь: ушла Павлова мать.

„Что сказали?“ подумала Мароуша. Сердце въ ней сильно-сильно застучало, и по всему тѣлу дрожь пошла.

Оправилась немного дѣвка, вышла изъ горенки и вошла въ избу, и только отворила она дверь, такъ и узнала, что дѣло ея ладится.

Посмотрѣла она на Андрея и Лукерью — сидятъ, головы опустили и молчатъ. Всколыхнулось что-то въ груди у нея и вдругъ какъ-то нерадостно сдѣлалось Мароушѣ и подумала она:

„Что это я дѣлаю? Старые, немощные люди остаются тутъ, а я уйду? Сколько имъ горя придется перенесть, пока умрутъ, а мнѣ и горя мало! Только радуюсь и думаю, какъ бы получше себя устроить, какъ бы себѣ счастья добыть. А того не думаю, что мое счастье—другимъ горе безпросвѣтное“.

И помутилось вдругъ въ глазахъ у Мароуши, зароились мысли въ головѣ и въ ушахъ зазвенѣло... Вдругъ слышитъ она, какъ начинаетъ всхлипывать Лукерья и приговаривать:

— Родимая ты наша! Слуга вѣрная! Служила ты намъ столько годовъ и вдругъ насъ покидаешь! Покидаешь ты насъ не въ счастьи и не въ радости, а въ великомъ горюшкѣ и въ великой печалюшкѣ... — И разревѣлась вовсе Лукерья.

Припала на плечо Мароушѣ, плачетъ, разрывается, все плечо слезами обмочила.

Невмоготу стало больше Мароушѣ, обняла она Лукерью, заплакала и заговорила:

— Не покину я васъ ни за что на свѣтѣ! Послужу вамъ, пока есть сила-мочь моя!.. Отказывайте... скажите, что дѣвка сама не хочетъ...

Сказала это Мароуша, и вдругъ легко ей стало! И дивилась она, какъ это все сдѣлалось такъ. Вотъ сейчасъ думала и раньше такъ думала, что ей хорошо будетъ съ Павломъ жить,—а теперь... вдругъ все перевернулось, и она сама итти отказывается.

Услыхала Лукерья, что говоритъ Мароуша, услыхалъ и Андрей, и заплакали они еще пуще, но только ужъ радостными слезами, и не знали они, какимъ именемъ дѣвку и назвать.

Дворникъ.

I.

Герасимъ пришелъ въ Москву въ самое глухое время для мѣстовъ—въ Филипповки, потому передъ праздниками и на плохомъ мѣстѣ всякій держится—подарковъ дожидается. И не нападалъ Герасимъ на должность недѣли съ три.

Все время прожилъ онъ у родственниковъ да у земляковъ, и хотя нужды большой и не видалъ, а все-таки скучненько приходилось иногда: человѣкъ молодой, здоровый, а ходитъ безъ дѣла.

Герасимъ жилъ въ Москвѣ съ малолѣтства. Мальчикомъ жилъ онъ на пивномъ заводѣ, бутылки промывалъ; а какъ выросъ, по дворницкой части пошелъ. За послѣднее время онъ выжилъ у купца одного два года и расчелся только потому, что въ деревню къ солдатчинѣ потребовали. Въ солдаты ему жребій не вышелъ, а въ деревнѣ съ непривычки показалось скучно, и рѣшился онъ лучше въ Москвѣ тумбы считать, чѣмъ въ деревнѣ жить.

Однако ему надоѣло мостовую гранить, радъ бы онъ хоть куда-нибудь пристроиться. Просился онъ чуть не у каждаго встрѣчнаго на мѣсто, и земляки хлопотали и знакомые его, да не выходило нигдѣ никакой должности.

Стало совѣстно Герасиму и землякамъ-то надоѣдать. Которымъ и непріятно было, что онъ ходитъ къ нимъ, а которые и сами выговоры за него отъ хозяевъ получали. Нечего дѣлать парню—иной разъ и цѣлый день не ѣвши проходитъ.

II.

Зашелъ разъ Герасимъ къ земляку одному на самую окраину Москвы близъ Сокольниковъ. Жилъ тамъ землякъ его въ кучерахъ у купца Шарова и много лѣтъ ужъ выжилъ. Поддѣлался онъ къ хозяину такъ, что во всемъ вѣрилъ ему хозяинъ и отличалъ примѣрно. А заслужилъ онъ почетъ такой у хозяина все больше языкомъ. Наговаривалъ онъ хозяину на людей, про всѣ дѣла ихъ доносилъ, и отличалъ его за то хозяинъ.

Приходитъ къ земляку Герасимъ, поздоровался. Принялъ его землякъ какъ слѣдуетъ, чаемъ напоилъ, накормилъ, сталъ парня про дѣла спрашивать.

Плохи мои дѣла, Егоръ Данилычъ, — говоритъ Герасимъ.—Вотъ ужъ которую недѣлю безъ мѣста хожу.

— А у стараго хозяина былъ, гдѣ раньше-то служилъ?

— Былъ.

— Не взялъ, стало-быть?

— Не взялъ: у него уже есть на моемъ мѣстѣ.

— Вотъ то-то и оно-то! Всѣ вы молодцы такіе; служите у хозяевъ кой-какъ да кое-какъ. А какъ разочтетесь, такъ и дорожку къ нимъ загадите. А вы служите такъ, чтобы хозяева-то дорожили вами, чтобы, какъ другой разъ пришелъ, не отказалъ бы, а расчелъ бы того, кто на твоемъ мѣстѣ.

— Гдѣ ужъ намъ такъ-то... Нонче и хозяевъ-то нѣтъ такихъ, да и нашего брата не хвали...

— Толкуй, нѣту... да я про себя скажу: уйду я зачѣмъ ни на есть въ деревню, аль куда, да опять приди—такъ не только что, а ни слова не говоря опять возьметъ... да съ радостью.

Потупился Герасимъ. Видитъ—хвастаетъ землякъ, и захотѣлось ему поддакнуть. И говоритъ парень:

— Да такихъ-то людей, какъ ты, Егоръ Данилычъ, вѣдь не скоро и найдешь. Коли бы ты плохъ-то былъ,—не держалъ бы тебя хозяинъ 12 годовъ кряду.

Улыбнулся Егоръ, понравилась ему похвала.

— Вотъ то-то и есть!—говоритъ.—Если бы вы жили такъ, какъ мы живемъ да служимъ, не приходилось бы по мѣсяцамъ безъ мѣста шататься.

Помолчалъ Герасимъ. А тутъ позвали Егора къ хозяину. Обернулся Егоръ къ парню да и говоритъ:

— Ты погодь маленько—я сейчасъ.

— Ладно,—говоритъ Герасимъ.

III.

Вернулся Егоръ, говоритъ:

— Черезъ полчаса велѣлъ лошадь закладывать — въ городъ ѣхать.

Закурилъ Егоръ трубочку, прошелся раза два по кучерской, остановился передъ Герасимомъ и говоритъ:

— Вотъ что, парень! Хочешь—я попрошу хозяина, чтобы къ намъ въ дворники тебя взялъ?

— Развѣ нѣтъ у васъ дворника?

— Есть-то есть, да больно плохъ, — старъ ужъ сталъ, должность свою пополамъ съ грѣхомъ справляетъ. Хорошо еще, что мѣсто у насъ глухое, не очень чистоту полиція спрашиваетъ, а то бы не справиться ему.

— Коли можно, Егоръ Данилычъ, похлопочи, пожалуйста. Вѣкъ за тебя буду Бога молить. Невмоготу ужъ стало... безъ мѣста-то.

— Ладно, попрошу. Ты навѣдайся-ка завтра, а пока — вотъ тебѣ гривенникъ, пригодится.

— Спасибо, Егоръ Данилычъ! Такъ ты ужъ... тово... похлопочи, сдѣлай милость.

— Да ужъ ладно, постараюсь.

Ушелъ Герасимъ, пошелъ Егоръ лошадей закладать. Заложилъ, одѣлся, подкатилъ къ крыльцу.

Вышелъ хозяинъ, сѣлъ въ сани—поѣхали. Объѣздили всѣ мѣста, какія надобились, и поѣхали домой. Видитъ Егоръ — хозяинъ веселый, и говоритъ ему:

— Егоръ Өедорычъ! Хотѣлъ было я васъ объ одномъ дѣлѣ попросить.

— Говори, что такое?

— У меня есть тутъ землякъ одинъ, парень хорошій, а безъ должности ходитъ.

— Ну, такъ что?

— Не возьмете ли вы его къ себѣ?

— Куда жъ его взять-то?

— А въ дворники.

— Въ дворники? А Поликарпычъ-то какъ же?

— Поликарпычъ—какой дворникъ? Его бы и расчесть пора.

— Неловко, братъ! Служилъ-служилъ—да расчесть безъ всякой причины.

— Что жъ, что служилъ? Служилъ, чай, не задаромъ: небось, подъ старость сберегъ копейку.

— Какой сберегъ! Гдѣ сберечь-то? Онъ вѣдь не одинъ, жена на квартирѣ, тоже пить-ѣсть надо.

— Жена обрабатывала себя: она на поденщину ходила.

— Ну, много она тамъ зарабатывала! На квасъ развѣ!

— А вамъ-то какая забота? Поликарпычъ, надо прямо говорить, работникъ плохой. Что жъ ему задаромъ деньги платить? Ни снѣгъ онъ во-время не счиститъ, ни что; а съ дежурства разъ десять уходитъ,— холодно вишь ему. Дождетесь того, что полиція безпокоить будетъ: того и гляди околоточный нагрянетъ. Пріятно вамъ будетъ отвѣчать за него?

— Все-таки неловко. Пятнадцать лѣтъ у меня выжилъ, а на старость и обижать... Грѣхъ вѣдь...

— Какой грѣхъ, Егоръ Өедорычъ? Чѣмъ вы его обидите? Онъ все равно прокормится: онъ въ богадѣльню пойдетъ, ему же лучше,—на старости на покой.

Подумалъ, подумалъ хозяинъ.

— Ну, ладно,— говоритъ.— Приведи земляка своего. Я погляжу тамъ.

— Ужъ, пожалуйста, Егоръ Өедорычъ, помѣстите. Боль-

но жалко парня: человѣкъ хорошій, а безъ мѣста. Онъ, я знаю, вамъ заслужитъ. Солдатчина оторвала его отъ мѣста, а то бы съ нимъ старый хозяинъ не разстался.

IV.

Пришелъ на другой день Герасимъ къ вечеру и спрашиваетъ:

— Ну, что́, Егоръ Данилычъ, какъ дѣла-то?

— Дѣла-то, кажись, хорошія. Вотъ попьемъ чайку да сходимъ къ хозяину.

Герасиму и чай не милъ сталъ: поскорѣе хотѣлось ему о дѣлѣ узнать. Однако, черезъ силу, а выпилъ два стакана. И пошли они къ хозяину.

Разспросилъ хозяинъ Герасима, гдѣ жилъ, что умѣетъ дѣлать, и согласился взять его къ себѣ, велѣлъ завтра перебираться.

Идетъ Герасимъ отъ хозяина, ногъ подъ собой не слышитъ: обрадовался мѣсту. Вошелъ въ кучерскую и говоритъ ему Егоръ:

— Ну, смотри, парень, служи хорошенько, чтобы мнѣ не стыдно за тебя было. А то знаешь, какіе хозяева бываютъ: не угодишь разъ чѣмъ-нибудь — такъ они попреками-то и спокою не дадутъ.

— Ужъ будь покоенъ, Егоръ Данилычъ!

— То-то!

Простился Герасимъ съ Егоромъ, вышелъ изъ кучерской. Пошелъ парень черезъ дворъ, подошелъ къ воротамъ, у самыхъ у воротъ сторожка, въ окошкѣ огонекъ свѣтится; хотѣлъ было Герасимъ взглянуть на свое новое жилище, да стекло морозомъ запушило—ничего не видать. Слышитъ Герасимъ — идетъ въ сторожкѣ разговоръ. Остановился, сталъ прислушиваться.

Говоритъ женскій голосъ:

— Что же теперь дѣлать-то будемъ?

— И самъ не придумаю,—говоритъ другой, должно, Поликарпычъ.—Одно остается—по-міру итти.

— И впрямь по-міру,—говоритъ женщина.—Эхъ ты, жизнь-то наша горемычная! Живи-живи, служи-служи, а какъ состарился—вонъ.

— Что жъ ты будешь дѣлать? Хозяинъ—не свой братъ: съ нимъ много разговаривать не станешь. Свою тоже пользу соблюдаетъ.

— Всѣ они такіе скареды, хозяева-то: только о себѣ и думаютъ. А того не понимаютъ, что служатъ имъ честно, благородно сколько годовъ, измаялись на ихъ работѣ, а они боятся годъ-другой подержать, пока сила есть. Ну, а тамъ, когда мочи нѣтъ, и самъ бы ушелъ.

— Хозяинъ не виноватъ: его кучеръ сбиваетъ, Егоръ Горюнокъ, хочетъ земляка своего помѣстить.

— Вотъ тоже аспидъ! Только и знаетъ, что языкомъ виляетъ. Подожди ты, мохнатая морда, я до тебя доберусь! Все въ глаза выскажу, какъ онъ его надуваетъ. И какъ овесъ воруетъ, и какъ сѣномъ обманываетъ—все распишу, попомнитъ онъ, какъ кляузничать.

— Будетъ, старуха! Не грѣши.

— Что не грѣши? Не правда, что ли? Я все знаю, все и разскажу: пускай похлопаетъ глазами. Вѣдь самъ посуди, что намъ теперь дѣлать? куда дѣваться? Вѣдь обездолилъ насъ совсѣмъ.

Не вытерпѣла старуха, заплакала.

Услыхалъ Герасимъ,—какъ ножомъ кольнуло его. Видитъ онъ, какое горе дѣлаетъ старикамъ, и заныла въ немъ душа—жалко стало. Постоялъ-постоялъ онъ, подумалъ, да и вернулся назадъ въ кучерскую.

— Аль забылъ что?—спрашиваетъ Егоръ.

Замялся Герасимъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—Егоръ Данилычъ, я вотъ что... покорно благодарю тебя за хлопоты и привѣтъ твой... только... я не пойду къ хозяину вашему на эту должность.

— Что такъ?

— Такъ, не пойду... поищу другого мѣста.

Осерчалъ Егоръ:

— Аль ты смѣяться вздумалъ надо мной, дуракъ ты этакій! То ылъ: похлопочи-похлопочи, а то отказываешься. Эхъ ты, баранья твоя голова! Только меня-то остыдилъ.

Молчитъ Герасимъ, не знаетъ, что сказать. Покраснѣлъ какъ ракъ, потупился.

Ничего не сказалъ Егоръ, только отвернулся.

Надѣлъ шапку Герасимъ, пошелъ изъ кучерской, потомъ за ворота, и легко пошелъ онъ по улицѣ. Легко и радостно было на душѣ у него.

Немилая жена.

(Разсказъ крестьянина.)

I.

Я у отца съ матерью былъ одинъ сынъ; жилъ въ Питерѣ на заработкахъ, на хорошемъ мѣстѣ. Два года ужъ исполнилось, какъ я дома не былъ, и сильно мнѣ хотѣлось домой побывать; чуть ли не каждый день собирался у хозяина отпроситься, да все смѣлости не хватало. Вдругъ разъ, среди поста, получаю я письмо изъ деревни отъ матушки: пишетъ она, что отецъ приказалъ долго жить, и наказываетъ, чтобы я немедля домой пріѣзжалъ, „а то,—пишетъ,—мнѣ одной тутъ дѣлать нечего".

Потужилъ я объ отцѣ, да растуживаться-то некогда было; сталъ я домой собираться, взялъ расчетъ у хозяина, купилъ въ подарокъ матушкѣ ситцу на сарафанъ, да еще кой-чего, сѣлъ на чугунку и поѣхалъ.

Пріѣхалъ домой, вошелъ въ избу; встрѣтила меня матушка, бросилась она ко мнѣ на шею и заплакала. Плачетъ матушка, а сама приговариваетъ:

— Сынокъ ты мой милый, соколикъ ты мой ясный, остались мы съ тобою горькія сироты, не стало нашего кормильца-поильца, не стало нашего заступника отъ обидчиковъ!..

Сталъ я утѣшать матушку.

— Ну, что жъ дѣлать,—говорю:—видно его часъ пришелъ, а намъ пора своимъ умомъ пожить. Все отъ Бога вѣдь.

— Такъ-то такъ,—говоритъ матушка,—да каково намъ будетъ прожить безъ него. Ты еще человѣкъ молодой и неопытный, а я баба... Что мы сдѣлаемъ? Какъ хозяйство поведемъ?

— Ну, какъ-нибудь поведемъ помаленьку, — говорю я. — Чего недомыслимъ сами, людей попросимъ указать, — люди добрые укажутъ.

Поговорили мы такъ, успокоилась немного матушка.

Сталъ я потомъ свои вещи разбирать, что изъ Питера вывезъ, вынулъ изъ сумки одежу свою городскую, потомъ досталъ подарокъ для матушки и отдалъ ей. Еще отдалъ ей денегъ тридцать рублей. Просвѣтлѣла изъ лица матушка. Посмотрѣла на мою одежу, на подарокъ и говоритъ:

— Вижу я, что ты сынокъ старательный. Старайся всегда такъ, тогда и хозяйство отцовское не упустишь.

А я говорю:

— Зачѣмъ упускать, нужно прибавлять стараться.

— Ну, хоть такое-то, какъ сейчасъ велось, — говоритъ матушка,—и то слава Тебѣ Господи! довольно было бы.

Пошелъ я на другой день хозяйство осматривать: правда, хорошее хозяйство у отца было, за что ни возьмись, все было заведено и все въ исправности.

II.

Весна только начиналась. Снѣгъ таялъ, по улицѣ текла вода. Дѣловъ никакихъ не было, и сталъ я вокругъ стройки похаживать да присматриваться, гдѣ что лежитъ,—въ случаѣ, если что понадобится, чтобы не искать.

Разыскалъ я соху, бороны, колеса, примѣтилъ, гдѣ шкворень, гдѣ подъемъ и другое, что весной понадобится.

И такъ прошло время до Пасхи. На Пасхѣ пришелъ къ намъ мой крестный, увидалъ меня и говоритъ:

— Ишь ты, какой мой крестникъ-то выровнялся молодецъ! Пора женить его, небось. Какъ думаешь, кума?

— Вѣстимо, чего жъ еще,—говоритъ матушка.—Вотъ лѣто подходитъ, работать некому, нанимать нужно.

— Зачѣмъ нанимать, даровую приводить нужно. Все равно жениться не миновать, такъ лучше теперь, кстати. Такъ, что ли, крестникъ?—спрашиваетъ меня крестный и по плечу меня ударилъ.

— Не знаю,—промолвилъ я нехотя.

— Какъ не знаешь! Кто же знать-то будетъ? Нѣтъ, братъ, теперь тебѣ самому о себѣ знать нужно. Ты самъ хозяинъ.

Растерялся я и не зналъ, что сказать. Матушка взглянула на меня и заговорила:

— Что жъ, крестный правду говоритъ, сынокъ. Надо подумать о женитьбѣ. Вотъ погляди дѣвокъ. Примѣчай хорошенько. Какая понравится, ту и посватать можно.

А я стою и молчу.

— А то самъ посуди, — продолжала матушка: — мнѣ отъ дому отойти нельзя будетъ, а тебѣ одному всего не передѣлать. Хоть бы и настоящій былъ работникъ, и то тебѣ бы на тяглѣ не управиться. А какъ ты еще крестьянскія дѣла плохо знаешь, то и замаешься совсѣмъ. Больше ничего не выйдетъ.

— Вѣрно, что и говорить,—подтвердилъ крестный.

Подумалъ-подумалъ я и сказалъ:

— Неохота мнѣ еще жениться-то сейчасъ. Главное дѣло, работать я еще не совсѣмъ гораздъ. Пожалуй, люди смѣяться будутъ. „Эва, скажутъ, какой дѣтина—женился, а работать не умѣетъ". Потомъ еще какая жена попадетъ: пожалуй, такая будетъ, что и сама еще на смѣхъ подниметъ.

— Ну, на то, что смѣяться будутъ, глядѣть нечего,—сказалъ крестный: — посмѣются-посмѣются, да и перестанутъ. А нужно то разсчитывать, что выгоднѣй. Хоть и подороже осенняго теперь свадьба-то станетъ, зато на лѣто нанимать никого не нужно. А это чѣмъ пахнетъ-то? Тремя красными, вотъ что.

— Да, сынокъ, ты объ этомъ подумай, ты теперь самъ хозяинъ,—сказала матушка.

Задумался я, опустилъ голову и размышляю: „Что я теперь женюсь? Ни погуляю, ни что. Закабалю себя на цѣлый

вѣкъ, обмужичусь, а чего ради? Нѣтъ, не надо жениться, нужно подождать".

И уперся я.

— Нѣтъ, — говорю, — погожу до осени. Лучше — ежели что—наймемъ.

Видитъ матушка, что не охочусь я жениться, не стала напирать шибко.

— Ну, какъ хочешь,—говоритъ:—до осени, такъ до осени.

III.

И остался я холостымъ пока. Пахоту и сѣвъ надѣялся я одинъ управить, а на покосъ нанять думали.

Прошла Пасха. Началась пахота. Принялся и я за мужицкую работу. Не по шерсти пришлась сначала мнѣ эта работа послѣ питерскаго-то житья, тошно мнѣ было частенько. Только то меня съ ней мирило, что я самъ хозяиномъ былъ. Пойдетъ староста на сходку вѣстить, заходитъ ко мнѣ и кричитъ: „эй, Павелъ Степановъ, на сходку!" Или нужно мірской приговоръ подписать,—опять и меня наравнѣ со стариками заставляютъ. Или придется кому попросить что у насъ,—опять и ко мнѣ обращаются. Ну, и любо мнѣ было то, что я такой молодой и такой почетъ имѣю.

Трудно было работать мнѣ въ будни, зато хорошо въ праздники. Недалеко отъ нашей деревни былъ барскій домъ, жилъ въ немъ только одинъ баринъ. Около дома лужайка была такъ съ десятину вокругъ. И собиралъ управляющій на эту лужайку изъ ближнихъ деревень молодежь хороводы водить, барина веселить. Собиралась туда молодежь деревень съ шести, дѣвокъ пропасть, а ребятъ мало, да ребятато все неказистые. Ловчѣй меня да справнѣй и по одежѣ никого не было. За справку-то мою да красоту уважали меня дѣвки больше всѣхъ и гонялись за мной шибко. Разведутъ бывало хороводъ, и выйду я въ середину, затяну пѣсню и окину весь кругъ глазами. Вижу — каждой дѣвкѣ хочется со мной въ хороводъ, а взять только одну можно.

Какую взять? Та хороша, эта хороша. И беру я, бывало, самую дурную, чтобы хорошихъ не раздразнить. Наводимся мы вдоволь хороводовъ, пляску затѣемъ или еще какую игру. И такъ все лѣто прошло.

Вдоволь погулялъ я. Много народу узналъ, много дѣвокъ переглядѣлъ, а ни одна мнѣ по душѣ не пришлась.

Пришла осень, стала меня матушка спрашивать:

— Ну, что, сынокъ, выбралъ себѣ, что ли, дѣвку по мыслямъ? Говори—какую, да и сватать время.

А я говорю:

— Нѣтъ, матушка, ни одна мнѣ что-то не приглянулась. Нужно гдѣ-нибудь на сторонѣ посмотрѣть.

— Ну, что жъ, — говоритъ матушка, — поѣздимъ, посмотримъ; намъ бояться нечего: нашъ домъ такой, что и въ околоткѣ поискать.

И начали мы слухи собирать и разспрашивать, гдѣ есть дѣвки хорошія. Стали къ намъ люди ходить и невѣстами набиваться; тамъ, говорятъ, хороша, а тамъ еще лучше.

И разбили насъ такъ, что не знали, въ какую сторону удариться.

IV.

Одинъ разъ, уже послѣ Рождества Богородицы, сидимъ мы вечеромъ съ матушкой да сговариваемся, куда бы намъ лучше ѣхать невѣсту глядѣть.

Вдругъ входитъ къ намъ баба одна, матушкина подруга, Анна Сверчкова. Поздоровалась и говоритъ:

— Чего же не ѣдете невѣсту-то сватать? Аль не думаете свадьбу играть?

— Какъ не думаемъ, — говоритъ матушка: — думаемъ, только не знаемъ, куда лучше удариться-то невѣсту смотрѣть?

— Вотъ еще — куда! Словно на бѣломъ свѣтѣ невѣстъ нѣтъ,—говоритъ Анна.—Да куда вѣтромъ потянетъ, туда и поѣзжайте. Посмотрѣли въ одномъ мѣстѣ, въ другое поѣзжайте, за это по уху не ударятъ.

— Такъ-то такъ...—говоритъ матушка.

— Ну, такъ что жъ думать-то? Поѣдемте, коли хотите, завтра. Я вамъ одну невѣсту покажу,—не понравится ли.

— Гдѣ это?

— Въ Коптиловѣ, гдѣ моя золовка отдана. Давно у меня на нее зубъ играетъ, хочется въ свою деревню затащить. За деверя хотѣлось намъ ее взять, да не привелъ Богъ,—въ солдаты отдали. Теперь попытаемъ счастья,—къ вамъ не возьмемъ ли.

— Чѣмъ же она тебѣ понравилась-то очень?—спрашиваетъ матушка.

— А тѣмъ, что родни хорошей и сама-то недурна,—нравомъ тихая, да и одна дочка у отца съ матерью, а отецъ-то старательный, непьющій,—живутъ хорошо, дѣвку-то справляютъ изо всей деревни лучше. Сколько платьевъ у ней нашито, платковъ шелковыхъ, одежы разной,—безъ горя на пять лѣтъ хватитъ не справлямши!.. А работать-то, говорятъ, любого молодца за поясъ заткнетъ. Земли-то на три души у нихъ, да еще на сторонѣ принанимаютъ, и все это сами обрабатываютъ—и покосъ и жниво—все одни.

— Что жъ,—говоритъ матушка,—посмотрѣть не бѣда; пожалуй, поѣдемъ.

— Поѣдемъ, поѣдемъ, посмотримъ!—сказала Анна.—Тамъ что будетъ, а хоть людей-то поглядимъ, пусть хоть вѣтромъ-то обдуетъ.

— Ну, ну,—согласилась матушка,—ладно!

Поговорили еще кой о чемъ, ушла Анна домой, и остались мы опять съ матушкой вдвоемъ.

— Ну, что, Павелъ,—сказала матушка:—я думаю—съѣздить не бѣда. Какъ по-твоему?

— Ну, что жъ,—говорю я,—попытаться можно. Авось головы не снимутъ.

— Если не вретъ Анна-то, невѣста-то хороша должна быть.

— А вотъ тамъ увидимъ,—сказалъ я.

V.

Собрались мы на другой день, запрягли лошадей и поѣхали невѣсту смотрѣть.

До Коптилова отъ насъ верстъ 12 будетъ. Поѣхали мы послѣ обѣда, а пріѣхали уже въ сумерки. Остановились мы у Анниной золовки.

Сказали мы, зачѣмъ къ нимъ пріѣхали, и попросила Анна золовку сходить туда, гдѣ невѣста была, и о насъ сказать.

Пошла золовка. Вернулась назадъ и говоритъ:

— Ну, ступайте. Велѣли приходить.

Оправили мы на себѣ одежу и пошли.

Какъ ни боекъ я былъ, а оробѣлъ, какъ стали къ невѣстину двору подходить. Вошли мы въ избу, помолились Богу, стали здороваться.

— Здорово живете, хозяинъ съ хозяюшкой! Какъ васъ Богъ милуетъ?—проговорили Анна съ матушкой въ одинъ голосъ.

Поднялся съ передней лавки хозяинъ избы и сказалъ:

— Добро жаловать, люди добрые, добро жаловать! Садитесь...

Усѣлись мы на долгой лавкѣ; сталъ я по сторонамъ оглядываться: вижу — изба чистая, просторная, столъ бѣлой скатертью накрытъ, а надъ столомъ лампа съ зонтомъ виситъ; у стола сидитъ хозяинъ съ рыжей бородой, не старый еще, одѣтъ въ ситцевую рубашку; а у чулана, прислонившись, хозяйка стоитъ, тоже въ ситцевой рубашкѣ и кубовомъ сарафанѣ.

Посидѣли нѣсколько времени молча. Потомъ заговорили. Начала Анна:

— Вотъ что, милый человѣкъ, Егоръ Митричъ! Пріѣхали мы къ тебѣ не языкомъ болтать, а объ дѣлѣ толковать. Наслышали мы, что у тебя есть дочка-невѣста, а у насъ есть паренекъ-женишокъ,—такъ вотъ и пріѣхали мы посмотрѣть вашу невѣсту. Если можно,—покажите, а если нельзя—откажите.

— Отчего нельзя,—сказалъ Егоръ Митревъ:—все можно. Поди-ка, жена, позови дочку-то.

Вышла хозяйка изъ избы вонъ, а черезъ минуту вернулась опять,—за нею невѣста. Вошла невѣста въ избу, поклонилась всѣмъ намъ и сѣла на лавку неподалеку отъ отца. Уставились мы на нее во всѣ глаза. Вижу я—одѣта невѣста въ кумачное платье съ казакомъ; напереди подвязанъ люстриновый фартукъ, а на головѣ синій полушалокъ кашемировый.

Хорошей мнѣ показалась невѣста,—сразу понравилась.

Посмотрѣли-посмотрѣли, — нагнулась ко мнѣ матушка и шепчетъ:

— Пойдемъ, выйдемъ въ сѣни.

Вышли мы въ сѣни, и спрашиваетъ матушка:

— Ну, что, какъ?

— Кто ее знаетъ,—говорю,—кажись, ничего.

— Нравится тебѣ дѣвка-то?

— Нравится.

— Смотри, хорошенько гляди, чтобы послѣ не каяться.

— Послѣ нечего каяться, — говорю: — тогда ужъ поздно будетъ.

— Вотъ то-то и есть-то!

Помолчали немного, подумали. И говорю я:

— Что жъ думать-то,—давай дѣвку сватать. Чего же еще искать-то, не барыню же.

— Какъ хочешь, — говоритъ матушка; — если нравится, такъ давай эту. Тебѣ съ ней жить, а не мнѣ.

И пошли мы въ избу.

Только мы вошли, — повели невѣсту отецъ съ матерью выспрашивать. Выспросили, вернулись опять въ избу, усѣлись по мѣстамъ.

И говоритъ матушка:

— Ну, какъ, Егоръ Митричъ, понравился ли вамъ и дочкѣ вашей женихъ? Можно ли объ дѣлѣ начинать говорить?..

— Вашъ женихъ всѣмъ намъ понравился,—сказалъ Егоръ Митричъ.—Не знаю, какъ вамъ наша дочка?

— Понравилась, очень понравилась!—сказала матушка.

— А коли такъ, — сказалъ Егоръ, — тогда другая рѣчь пойдетъ. Ну-ка, баба, самоварчикъ...

Занялась хозяйка самоварчикомъ, а хозяинъ съ невѣстой стали на столъ ставить вино и закуски разныя. Потомъ раздѣли насъ и посадили всѣхъ за столъ.

Началось угощеніе; стала Анна съ матушкой про наше житье-бытье разсказывать, и стали звать Егора Митрича къ намъ пріѣзжать — домъ глядѣть.

Согласился Егоръ, обѣщался на другой день пріѣхать.

VI.

На другой день послѣ обѣда пріѣхали къ намъ домъ глядѣть. Осмотрѣли все, понравилось имъ наше хозяйство, и сталъ Егоръ съ матушкой дѣло кончать.

Уговорились насчетъ приданаго, и когда рукобитью быть и когда свадьбѣ; и стали мы моего нареченнаго тестя съ тещей чаемъ угощать.

Угостились какъ слѣдуетъ, распрощались съ нами и поѣхали домой.

Рукобитью быть уговорились въ первое воскресенье.

Наступило воскресенье, пришелъ къ намъ въ этотъ день крестный мой, да пріѣхалъ изъ другой деревни материнъ братъ двоюродный; стали они лошадей лентами убирать да къ телѣгѣ пристяжь прилаживать. Приладили все какъ слѣдуетъ, запрягли въ телѣгу пару лошадей, сѣли мы и поѣхали. Пріѣхали мы въ Коптилово, встрѣтили насъ какъ нужно и за столъ усадили. Ударили по рукамъ; невѣста съ матерью въ чуланѣ плачъ подняли, а крестный сталъ вино разливать да всѣмъ гостямъ подносить.

Какъ ударили по рукамъ-то, да завыла невѣста-то,—грустно мнѣ какъ-то стало. Сижу это я да думаю, какъ я гулялъ прошлое лѣто, какъ веселился, и говорю самъ себѣ: „Прощай, холостая жизнь, разстаюсь я съ тобой навсегда! Отгулялъ я на вольной волюшкѣ, напотѣшилъ сердце молодецкое...“

И заныло мое сердце,—кажись, радъ я заплакать былъ,—только стыдно...

И насупился я, гляжу по сторонамъ; вижу, — сидятъ за столомъ всѣ съ веселыми лицами, говорятъ, посмѣиваются,—и досадно мнѣ на нихъ стало. „Ишь,—думаю,—весело имъ тутъ, а мнѣ-то каково! Можетъ-быть, съ этого дня я себѣ и радости не увижу, а они все веселятся“...

Вышла изъ чулана невѣста и подошла къ столу; налили намъ съ ней по рюмкѣ водки, выпили мы, подсластили, и сѣла невѣста со мной рядомъ.

Взглянулъ я на нее разъ, взглянулъ другой, — и показалась мнѣ моя невѣста много хуже, чѣмъ въ первый разъ: старообразая такая, темнокожая, грудь тощая. „Вотъ такъ краля!“ подумалъ я. Однако черезъ минуту успокоилъ я себя. „Это оттого,—говорю я себѣ,—она мнѣ такой кажется, что выла сейчасъ она, да и платокъ-то этотъ не къ лицу ей; вотъ она старше и показывается“.

И мало-по-малу разогналъ я грусть, заговорилъ съ невѣстой, сталъ смѣяться съ ней, а къ концу бесѣды и совсѣмъ развеселился,—все позабылъ. Когда поѣхали домой, невѣста пошла провожать меня. На прощаньи стали цѣловаться мы,—и она меня такъ поцѣловала, что у меня кровь закипѣла. „Должно полюбился я ей“,—подумалъ я.

VII.

Дня черезъ три послѣ рукобитья поѣхалъ съ гостинцами я къ невѣстѣ, а въ другое воскресенье наша свадьба была назначена.

Въ хлопотахъ-то да въ суетахъ и не замѣтилъ я, какъ день свадьбы подошелъ. Нарядился я утромъ въ этотъ день и сижу въ уголкѣ, ожидаю, когда поѣздъ справится; гляжу я на родныхъ, что вокругъ меня суетятся,—и вдругъ опять такая-то тоска меня взяла, грустно мнѣ, тошно стало, не глядѣлъ бы на бѣлый свѣтъ.

Насилу-то, насилу дождался, когда за невѣстой ѣхать справились.

Поѣхали за невѣстой. Угостили тамъ поѣзжанъ нашихъ, потомъ посадили невѣсту со мной рядомъ въ телѣгу и повезли насъ вѣнчать. Подкатили къ церкви, стали насъ съ телѣги ссаживать и въ церковь повели.

Ввели насъ въ церковь, раскрыли невѣсту и поставили со мной рядомъ на холстинку. Взглянулъ я на невѣсту сбоку, и дрожь меня проняла, — хуже чѣмъ въ рукобитье показалась мнѣ невѣста; стояла она безъ платка, лицо сморщила, шея въ рубцахъ, отъ золотухи, что ли...

Пришелъ попъ, началъ вѣнчать насъ, сталъ читать онъ:

— Обручается раба Божія Ѳеодосія рабу Божію Павлу.

Слышу я слова эти и думаю: „Что я дѣлаю? Кого я беру за себя, съ кѣмъ свою жизнь связываю?“ А тутъ еще слышу, народъ разговариваетъ да мою Ѳедосью хаютъ, и помутилось у меня въ головѣ, не помню я, что дальше было со мной...

Очнулся я только тогда, когда услыхалъ надъ своимъ ухомъ: „Поцѣлуйтесь“... Ткнулся я своими губами въ Ѳедосьины губы, и повелъ дружко насъ изъ церкви. И посадили насъ на телѣгу, и поѣхали мы домой.

Пріѣхали мы домой, повели насъ обѣдать въ горенку, стали къ намъ родные подходить, съ законнымъ бракомъ поздравлять, да любви да счастія желать. Благодарю я ихъ за пожеланія, а самъ думаю: „Ну, ужъ едва ли это сбудется“... Потому сразу мнѣ жена очень не по сердцу пришла.

За обѣдомъ стали намъ вина подносить, навалился я на вино и напился допьяна.

На другой день тоже съ утра пьянъ напился, на третій тоже, и такъ вся свадьба прошла, какъ въ туманѣ. Не помню я, что я дѣлалъ и что говорилъ.

Отошла свадьба, перегостились мы съ новой родней и стали за дѣла приниматься. Скинула моя Ѳедосья праздничный нарядъ, надѣла будничную справу и стала еще хуже.

Стали до меня слухи доходить, что по деревнѣ мою жену не хвалятъ, дивятся, говорятъ мнѣ, — на что я польстился,

что такую взялъ. „Словно,—говорятъ,—ему лучше невѣстъ не было“.

Услыхалъ это я, и заскребло у меня на сердцѣ, и возненавидѣлъ я жену.

VIII.

Сталъ я съ женой обходиться не такъ, какъ нужно. Нападать я на нее не нападалъ и насмѣхаться мнѣ надъ ней духу не хватало, а просто холоденъ я былъ къ ней: ни ласки показать не хотѣлъ я, ни пошутить, ни посмѣяться, а говорилъ я съ ней только о дѣлѣ, а больше ни о чемъ.

Зато на улицѣ я былъ совсѣмъ другой. Выйду, бывало, въ праздникъ и прямо къ хороводу. Войду я въ кругъ и затяну пѣсню; пѣсню за пѣсней весь вечеръ прокричу, бывало, а то пляску заведу, на гармоникѣ заиграю, народу соберу—инда улица ломится. Всѣхъ развеселю, только мнѣ не легче отъ этого. Разгуляюсь—словно ничего, весело, а какъ вспомню, отчего я такъ веселюсь-то,—такъ опять сердце защемитъ.

Такъ прошла вся осень. Въ Филипповки не сталъ я на улицу ходить,—стало мнѣ еще тоскливѣе. Сталъ я молчаливый такой да угрюмый; говорить ни съ кѣмъ не хочется, хочется уйти куда-нибудь подальше. Порой и уходилъ я,—уйду въ сарай или къ овину, забьюсь въ уголышекъ да такъ и просижу часа два, а то больше.

И все это время я вздыхаю и на судьбу жалуюсь. „Господи,—думаю,—за что Ты меня наказалъ, что съ такою женою на цѣлый вѣкъ связалъ. Чѣмъ я такъ согрѣшилъ предъ Тобою?“ И часъ отъ часу, день ото дня все противнѣе и противнѣе моя Ѳедосья кажется,—стало мнѣ на нее и глядѣть тошно.

Мясоѣдомъ у насъ нѣсколько свадебъ сыграли,—двухъ дѣвокъ отдали да одного парня женили. Парня женили изъ бѣдной семьи и некрасиваго, а молодую взяли—такъ глядѣть любо: высокая, грудистая, изъ лица кровь съ молокомъ; первый разъ на улицу вышла, такъ всѣ диву дались,—

что поговористая, что пѣсельница,—куда моей Ѳедосьѣ до ней; какъ землѣ до неба, такъ и ей до этой молодухи.

И взяла меня зависть къ этому парню, что такую жену себѣ привелъ. Сталъ я подумывать, какъ бы мнѣ ухитриться у него жену отбить.

„Отобью,—думаю я,—у него бабу, напотѣшусь съ ней, а тамъ все равно... Все равно не радость меня съ моей женой впереди ожидаетъ“.

И сталъ я похаживать въ тотъ домъ, гдѣ эта молодуха была. Посматриваю на нее, любуюсь, а въ душѣ моей все больше и больше страсть разгорается. Сталъ я съ ней шуточками перекидываться, а случится гдѣ наединѣ встрѣчу, заигрывать начну. Только не поддавалась она заигрыванью. Одинъ разъ такъ меня осадила, что я всякую охоту потерялъ. И пересталъ я съ этихъ поръ къ нимъ въ домъ ходить...

„И зачѣмъ,—думаю я,—я къ бабѣ пристаю? Ну, хоть и подговорю я ее со мной связаться, такъ что жъ изъ этого выйдетъ-то? Видаться тайно нужно, дрожать всякій разъ, какъ бы не увидалъ кто... Грѣхъ одинъ!.. Нѣтъ. Вотъ хорошо бы было, если бы у меня жена такая была,—вотъ тогда бы я счастливъ былъ“.

Только объ этомъ и думалъ я. Дѣло ль дѣлаю, безъ дѣла сижу,—все одно въ головѣ.

IX.

Видитъ Ѳедосья, что все задумчивъ я, и тоже стала грустить; догадывалась баба, что она мнѣ не по сердцу пришла. Еще съ самаго начала примѣчала она это, все, должно быть, думала, что привыкну я къ ней, поласковѣе буду. Но дальше—больше... Я все холоднѣе и холоднѣе сталъ съ ней. Видитъ баба—дѣло не радуетъ, затосковала.

Стала и она угрюмая и молчаливая, въ избѣ сидитъ—слова не проронитъ, и на улицу пойдетъ—молча стоитъ. Другія бабы смѣются, тараторятъ межъ собой, а моя стоитъ, какъ оплеванная. За это еще пуще не взлюбилъ я ее...

Одинъ разъ въ праздникъ какъ-то сидѣлъ я у одного пріятеля. Посидѣлъ я часа два и пошелъ домой. Вхожу я въ избу и вижу—матушки нѣтъ въ избѣ, а сидитъ одна Ѳедосья, грустная такая, на глазахъ слезы блестятъ. Видно, плакала она. Сталъ я спрашивать ее:

— Что это ты такая?

— Какая такая?—говоритъ она.

— Да грустная-то. Глаза наплаканы. О чемъ ты?

— Такъ, не объ чемъ,—говоритъ Ѳедосья, а сама усмѣхнуться старается.

— Ну, какъ такъ не объ чемъ, а я не вижу словно. Объ чемъ-нибудь да плакала.

Припала Ѳедосья ко мнѣ на грудь и говоритъ:

— Да вотъ гляжу я на тебя, вижу, что ты невеселый все ходишь, ну, и грустно мнѣ стало...

Засмѣялся я.

— Чего жъ,—говорю,—тебѣ груститься-то, дура этакая? Что тебѣ до того, что я невеселый?

— Какъ что мнѣ? Знаю, отчего ты невеселый то такой...

— Отчего?

— А оттого, что не по душѣ я пришлась тебѣ,—вотъ отчего.

Нахмурился я, ничего не сказалъ.

Вздохнула Ѳедосья, заплакала и заговорила:

— Милый ты мой, сошлись мы съ тобой не на радость, не на счастье. Какъ только намъ будетъ вѣкъ прожить?

— Какъ-нибудь проживемъ,—сказалъ я:—что жъ дѣлать, нужно привыкать.

— Привыкать? А каково привыкать-то? Охъ, ужъ лучше умереть бы!

Опять засмѣялся я и говорю:

— Такъ что жъ, кто тебя держитъ?.. Вонъ возьми вожжи, да и... А то въ воду нырни, нонче прорубь большая, по крайней мѣрѣ, меня-то развяжешь.

Взглянула на меня Ѳедосья и ничего не сказала, только тяжело вздохнула. И стала она съ этихъ поръ еще груст-

нѣе и задумчивѣе, а въ разговорахъ развѣ только, что спросишь, ну, и отвѣтитъ, а сама никогда ничего не заведетъ.

Стала она худѣть, въ одинъ мѣсяцъ лицо опало, словно послѣ болѣзни какой. Гляжу я на нее, вижу, что она еще дурнѣе дѣлается, и противнѣе мнѣ становится.

X.

Мясоѣдъ къ концу подходилъ, — мало веселился я за праздники. Не до веселья мнѣ было, когда на сердцѣ темная ночь лежала.

И все чернѣе думы мои становились. Взбрели мнѣ на умъ ужъ такія мысли: сталъ я подумывать, какъ бы мнѣ съ Ѳедосьей развязаться.

Одинъ разъ въ праздникъ надоѣло мнѣ въ избѣ сидѣть и вышелъ я на улицу, а на улицѣ погода была—снѣгъ хлопьями валился, дальше крыльца некуда было носа высунуть. И опустился я на крыльцо, сижу, на улицу поглядываю.

Вдругъ слышу я неподалеку отъ себя разговоръ чей-то. Вслушался: разговоръ дѣвичій. И догадался я, что это дѣвки у сосѣдова двора въ шалашку отъ погоды спрятались да и разговариваютъ.

Сталъ я прислушиваться, про что говорятъ дѣвки. И говоритъ одна дѣвка:

— Да, что ни говори, а женишься—перемѣнишься, правда истинная это. Ужъ то ли не молодцы наши ребята были, то ли не весельчаки, а какъ женились—все какъ рукой сняло.

— Да,—говоритъ другая дѣвка,—вѣрно. Вотъ хоть Павелъ Степановъ ужъ то ли не удалецъ былъ, а теперь и хвостъ прижалъ.

— Какъ есть хвостъ прижалъ. Гдѣ-то онъ теперь?

— Гдѣ? Небось, сидитъ около своей Ѳенички, либо спать завалился. Ихнее дѣло теперь хорошее...

— Ну, ужъ и Ѳеничка, Господи Боже мой! Вотъ турка-то!—сказала третья дѣвка.—И гдѣ только такія родятся-то. Ни разговорится она, ни разсмѣется, ходитъ носъ повѣся, точно отца съ матерью похоронила...

— Говорятъ, онъ не любитъ ея, ну, вотъ она и невеселая такая.

— А за что ее любить-то? Ни кожи ни рожи, шутъ знаетъ что...

— И то—на что это онъ только польстился-то? Кажись, какой парень, а какую замухрышку взялъ. Такую ль ему надо!

— Може, полюбилась.

— Такъ что жъ это онъ съ ней такъ живетъ-то? Если полюбилась бы, то онъ и жилъ бы съ ней поладнѣе...

— Это вотъ отчего такъ вышло,—заговорила еще одна дѣвка:—тутъ колдовство было, вотъ что.

— Какое колдовство?

— А такое—понравился дѣвкѣ-то парень, ну, и приворожила она его къ себѣ—вотъ и все.

— Такъ что же она на короткое время его приворожила-то? Она ужъ навѣкъ бы постаралась.

— Ну, что же, снадобье такое попалось, что на короткое время только.

— Какое же это снадобье-то?

— А кто его знаетъ, разныя вѣдь есть: то порошокъ, то травы, а то еще что-нибудь.

— А гдѣ жъ его достать-то можно?

— Эва! гдѣ достать? А у колдуновъ или колдуньевъ сколько хошь.

Услыхалъ я этотъ разговоръ дѣвокъ и подумалъ: „А что какъ правду онѣ говорятъ, что Өедосья приколдовала меня?" И сталъ я вспоминать, что было тогда, какъ первый разъ я Өедосью увидалъ; хоть и не вспомнилъ я ни одного такого случая, чтобы видно колдовство было, а все-таки я думалъ, что не безъ грѣха тутъ. А то отчего же это первый разъ Өедосья понравилась мнѣ? И какъ вздумаю я, что Өедосья обошла меня, такъ и закипитъ во мнѣ сердце,—такъ бы я ее на мелкія части изорвалъ.

Отъ этого-то и сталъ я подумывать, какъ бы мнѣ избавиться отъ нея.

XI.

Однако, что ни думалъ я, какъ ни ломалъ мозги, а все ничего не могъ придумать, какъ бы жену избыть. Отъ этой неудачи еще пуще разгоралась во мнѣ злоба на Ѳедосью, сталъ я поколачивать ее.

Придерешься иной разъ изъ пустого къ ней, пырнешь въ бокъ или по уху засвѣтишь, — ничего баба, молчитъ, только слезы изъ глазъ градомъ посыплются.

Поколачивалъ я ее наединѣ все, либо на дворѣ гдѣ, либо въ сараѣ, а дома при матушкѣ боялся, потому что матушка очень любила ее и не разъ мнѣ глаза колола, что, дескать, вотъ ты какой, ужъ первый годъ такъ съ женой обращаешься, что же дальше будетъ?

На вербной недѣлѣ ушла матушка въ село говѣть, остались дома мы вдвоемъ съ Ѳедосьей. Ѳедосья за стирку принялась, а я началъ кнутъ вить, къ пахотѣ готовить. Прокопались такъ до обѣда. Послѣ обѣда стала Ѳедосья на рѣчку собираться—бѣлье полоскать.

Рѣчка въ то время вскрылась уже. Вдругъ вспомнилъ я, что скоро будетъ можно верши ставить, а у меня ни одной верши нѣтъ, и надумалъ я сходить за прутьями на верши и сталъ собираться.

Надѣлъ я кафтанъ, подпоясался. Видитъ Ѳедосья, что я собираюсь куда-то, спрашиваетъ:

— Куда это ты идешь-то?

Промолчалъ я, а она опять:

— Что это ты онѣмѣлъ, что ли? Скажи, куда справляешься-то?

— А тебѣ что за дѣло? Ну!—сердито крикнулъ я.

Подошла ко мнѣ Ѳедосья, взглянула въ глаза мнѣ и говоритъ:

— Паша, милый, что ты все сердишься-то? А? Когда ты перемѣнишься? А? Неужели такъ всегда будетъ?

И хотѣла было она обнять меня, но опротивѣли мнѣ ея ласки.

— Что еще выдумала-то? — сердито сказалъ я и оттолкнулъ ее отъ себя прочь.

Пошатнулась Өедосья, ударилась головой о косякъ да больно, должно быть... такъ что опустилась она на конникъ и заплакала.

Досадно мнѣ стало, что она заплакала. Закричалъ я:

— Захныкала! Ишь, какая недотрога — и дотронуться нельзя!

И замахнулся я кулакомъ, хотѣлъ было ударить ее; вдругъ поднялась Өедосья съ конника, выпрямилась и заговорила отчаяннымъ голосомъ:

— Бей, что жъ... доколачивай!.. Теперь во мнѣ немного силы-то: всю высушилъ... Такъ добивай. Теперь весна... земля оттаяла, могилу не трудно рыть будетъ... колоти, что ль...

— А то что жъ,—сказалъ я,—и доколочу. Ты думаешь— житья тебѣ дамъ. Нѣтъ, матушка, не надѣйся!

И толкнулъ я ее въ грудь и вышелъ изъ избы и сталъ въ сѣняхъ подпоясываться.

Стою, подпоясываюсь, — и слышу, вдругъ зарыдала въ избѣ Өедосья, да такъ горько, что у меня индо сердце перевернулось, и стало мнѣ жалко ее. Только не далъ я жалости въ своемъ сердцѣ расходиться, хлопнулъ я калиткой и зашагалъ къ болоту, гдѣ думалъ прутьевъ нарубить.

XII.

Болото было за овиномъ у насъ, среди поля; снѣгу малость уже оставалось въ полѣ, на межникахъ сплошная травка кой-гдѣ проглядывала, солнце грѣло сильно, жаворонки заливались: такъ хорошо было кругомъ, что у меня духъ отъ радости захватило.

„Господи, — думаю, — что это за наказаніе Ты мнѣ послалъ? Долго ль оно будетъ такъ мучить меня — неужели всегда?“

И начала мнѣ моя будущая жизнь представляться. „Вотъ,—

думаю я, — Пасха скоро придетъ. Всѣ будутъ радоваться, веселиться, а я какъ веселиться буду, когда у меня такой чортъ подъ бокомъ, — ни въ люди съ ней выйти ни дома въ радость побыть? Потомъ работа начнется, будешь ломать — работать, а она какъ бѣльмо въ глазу будетъ торчать, — а при работѣ развѣ хорошо? Это при работѣ хорошо, если съ кѣмъ поговорить по душѣ, посмѣяться, чтобы усталости такъ не чувствовать, а не такъ—дуться...“

И защемило мнѣ сердце, вздохнулъ я и принялся прутья рубить. Рублю прутья, а самъ думаю о своей жизни.

И стало представляться мнѣ, что Ѳедосьи у меня нѣтъ и не было, а есть у меня другая жена, красивая, статная, веселая. И люблю я ее и живу ладно. Пойду ль я съ ней на работу — все съ шутками да съ веселымъ разговоромъ. Отдыхать придетъ время — все съ ласками да съ любовью.

И еще сильнѣе защемило мое сердце, еще тоскливѣе мнѣ стало. „Все это думы только, — думаю я, — а на дѣлѣ-то никогда не сбудется такъ. Живи тутъ съ нею да мучайся“.

Съ такими мыслями и не замѣтилъ я, какъ прутьевъ нарубилъ; вижу, что такую охапку накарежилъ—еле донесть, и сталъ я домой собираться.

Вышелъ я изъ болота, увязалъ прутья, взвалилъ на плечи и пошелъ ко дворамъ.

Пришелъ я въ улицу и вижу — бѣжитъ народъ вдоль деревни подъ гору. Пробѣжалъ одинъ человѣкъ, пробѣжалъ другой,—удивился я и сталъ спрашивать:

— Куда это вы бѣжите-то?

— Да на рѣку, кто-то утопился тамъ, — отвѣчаютъ мнѣ.

Взглянулъ я въ конецъ деревни къ рѣкѣ и вижу—на берегу большая толпа народа собралась. Бросилъ я топоръ и вязанку и побѣжалъ туда.

Прибѣжалъ я на берегъ, гляжу — стоятъ люди кругомъ, а посреди лежитъ что-то. Остановился я, сталъ духъ переводить, а то на бѣгу запыхался очень.

Вдругъ подходитъ ко мнѣ старуха одна, бабушка Степанида, и говоритъ:

— Батюшка, Павелъ Степановичъ, вѣдь это твоя Ѳедосья утопилась.

Затряслись у меня руки и ноги, потемнѣло въ глазахъ.

— Какъ такъ?—спрашиваю.

Заговорила что-то бабушка Степанида, но я и слушать не могъ. Кинулся я въ толпу и сталъ проталкиваться впередъ.

Протолкался я сквозь народъ и взглянулъ на Ѳедосью. Лежитъ она навзничь, помертвѣла ужъ, губы синія, и животъ вздулся. Морозомъ подрало меня, какъ взглянулъ я на нее, и отошелъ я прочь.

Принесли веретье, взвалили на него Ѳедосью, стали откачивать.

А я опустился на землю, закрылъ лицо руками—да такъ и замеръ.

И не знаю, что со мной творилось въ эту пору — жалко ль мнѣ жену было или радовался я, что развязался съ ней, только прыгало во мнѣ сердце такъ, что кафтанъ шевелился, а въ головѣ ни думки ни полъ-думки не было.

XIII.

Покачали-покачали Ѳедосью, ничего не помогло, — видно, ужъ поздно было,—и понесли ее домой.

Несутъ ее на рукахъ люди, стали ее къ намъ на крыльцо вносить. Взошли на мостенки передніе мужики, а задніе еще внизу были; отъ этого поднялась голова Ѳедосьи, и вдругъ открылись глаза у нея, и мутный взоръ ея прямо въ меня уперся...

Страшно мнѣ стало отъ этого взора, индо мурашки по кожѣ пошли. Не пошелъ я за людьми въ избу, а пошелъ въ горенку. Бросился я на сундукъ, закрылъ лицо руками и такъ и замеръ.

И думаю я: „Отчего это Ѳедосья утопилась? Поскользнулась ли какъ и упала въ воду или нарочно бросилась?“ И захотѣлъ я разузнать хорошенько объ этомъ; вышелъ я

изъ горенки въ сѣни, увидалъ бабушку Степаниду и сталъ ее разспрашивать—какъ было?

— Да не знаю доподлинно-то какъ...—говоритъ Степанида.—Видѣла я ее, какъ она на рѣчку съ бѣльемъ пошла, а у меня тоже бѣлье настирано было; увидала я ее-то и говорю своей Машуткѣ: „Дочка, поди, выполоскай бѣлье-то; эна Өедосья, Павлова жена, пошла, съ ней тебѣ охотно будетъ". А Машутка-то мнѣ и говоритъ: „Сейчасъ, матушка", и стала собираться. Собралась и пошла. Только не успѣла я по избѣ повернуться, гляжу—бѣжитъ моя Машутка назадъ. „Что ты?"—спрашиваю я.—„Да что,—говоритъ,—ты давно видѣла Өедосью-то?"—„Сей минутой, говорю, а что?"—„Да не видать ея тамъ, на рѣкѣ. Бѣлье на берегу валяется, а ея нѣту".—Что за притча, думаю,—ужъ не позабыла ль она валекъ дома? Може, за валькомъ пошла. Поди-ка, погляди"... Сбѣгала Машутка. „Нѣтъ, говоритъ, дома не видать ея, заперто у нихъ". Встревожилась я: не случилось ли что?—подумала и стала людей сзывать. Собрались люди, пришли къ рѣкѣ, видятъ, правда: бѣлье лежитъ, а бабы нѣтъ. Стали слѣды разглядывать, и видно по слѣдамъ, что пришла баба къ рѣкѣ, а назадъ не воротилась, нѣтъ слѣдовъ... Сбѣжались еще люди, стали багромъ въ рѣкѣ шарить и ущупали ее...

Гляжу я старухѣ въ глаза, слушаю, что она говоритъ, и вспомнилась мнѣ вся жизнь Өедосьи съ самаго начала: и то, какъ я съ ней обращался, и какъ ономясь сказалъ, чтобы она утопилась или удавилась, и что сегодня было, и догадался я, что не нечаянно она утопилась, а нарочно; зашевелились волосы на моей головѣ.

Пошелъ я опять въ горенку, затворилъ дверь за собой. „Это я ее довелъ до этого, черезъ меня она съ собой покончила".

Сперлось дыханье у меня въ груди, точно камнемъ навалило... Тяжко мнѣ, не продохну я... Насилу-насилу продышался, и представились мнѣ всѣ страданья Өедосьи, и жалко мнѣ ее стало, такъ жалко, что нивѣсть что бы я не пожалѣлъ, лишь бы вернуть Өедосью.

Заплакалъ я какъ ребенокъ и бросился въ избу. Народу была полна изба; протолкался я впередъ, вижу — Ѳедосья подъ божницей лежитъ; кинулся я къ ней, опустился передъ ней на колѣни и завопилъ:

— Милая ты моя Ѳеничка, дорогая ты моя, очнись ты хоть на минуту, открой свои очи ясныя, дай мнѣ вымолить прощенье у тебя. Я тебя довелъ до этого, черезъ меня ты погубила себя безъ поры, безо времени“.

Рыдаю я, головой о лавку бьюсь, но что дальше, то лютѣе мнѣ дѣлается,—кажись, была бы здѣсь борона, бросился бы на ея зубья и изорвалъ бы свое тѣло въ куски,— вотъ какъ мнѣ было тошно тогда.

Видятъ люди, какъ я убиваюсь, взяли меня подъ руки и вывели изъ избы и оставили меня въ сѣняхъ, и долго я бился тамъ, пока мочи не стало.

И не знаю я, что послѣ тутъ было, — какъ хоронили Ѳедосью, какъ что... Нашло на меня въ родѣ помраченія какого, ничего не чувствовалъ я.

XIV.

Долго я послѣ этого хворый лежалъ. Схватила меня горячка и шесть недѣль въ постели держала. Оправился я, вернулись ко мнѣ и здоровье и сила, но не вернулась прежняя веселость—не тотъ ужъ сталъ я.

Хожу я, хожу, все ничего, а какъ вспомню, чего я по своей дурости лишился, какое сокровище потерялъ, такъ и воротитъ мнѣ душу, и солнце, кажись, потемнѣетъ.

Стали, было, мнѣ говорить матушка и люди, чтобы я женился опять, а я—куда тутъ. Да развѣ найти мнѣ еще такую, какъ Ѳедосья была? Мнѣ думается, какъ она, по всему свѣту не найти.

Только поздно я узналъ-то ее, поздно оцѣнилъ ея сердце ангельское...

И живу я вдовцомъ вотъ уже сколько лѣтъ, работаю одинъ. Матушка и поворчала было сначала на мое вдов-

ство, но потомъ видитъ, что не клонитъ меня на женитьбу,— замолчала.

Въ деревнѣ не мало дивились тому, что я рѣшился не жениться никогда. „Что это онъ,—говорили,—съ ума сходитъ? Развѣ можно,—говорятъ,—такому молодому да безъ жены прожить? Лучше жениться ужъ“.

Но я на эти рѣчи думалъ только: „Видно, не понимаютъ того, что я теперь ни о какой женщинѣ, кромѣ какъ о покойницѣ Ѳедосьѣ, подумать не могу“.

Семейный грѣхъ.

I.

Село Бараново стояло на берегу небольшой рѣчки Кузы. Однимъ концомъ оно выходило въ широкое поле, а другимъ упиралось въ самую рѣчку, такъ что крайнія строенія села лѣпились на самомъ краю берега, надъ крутымъ обрывомъ, который поднимался высоко надъ рѣкой.

Прежде барановцы были государственные. Испоконъ вѣка они занимались чернымъ трудомъ—хлѣбопашествомъ. Лѣтомъ съ землей ворочались, а съ приходомъ зимы нанимались въ помѣщичьи рощи работать: кто пилить, кто бревна въ костры скатывать, а у кого лошади были, брались лѣсъ на берега возить. А весной нанимались на плоты лѣсъ въ Москву сгонять. Тѣмъ и кормились барановцы и покрывали всѣ домашнія нужды.

Вблизи отъ села было еще нѣсколько деревень, только бывшія барскія. Тамъ народъ жилъ совсѣмъ иначе: въ рощахъ мужики не работали и земледѣліемъ особенно не занимались, а жили больше по городамъ: кто въ Москвѣ, кто въ Питерѣ, кто еще гдѣ; дома же оставляли бабъ да стариковъ. Хозяйство у нихъ велось кое-какъ, — сѣяли мало, да и то плохо родилось. Барановцы, глядя на ихъ житье, очень дивились. „Вотъ,—говорили,—глупцы-то: оставили дома, забросили хозяйство и разбрелись незнамо куда, ради чего“.

Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ, стали барщинскіе съ

чужой стороны домой приходить; кое-кто изъ нихъ разжился тамъ, стали дома городскіе порядки заводить: завели самовары, нашили нарядовъ на городской ладъ, дома стали по-новому строить. И въ короткое время перемѣнились деревни. Тутъ ужъ и барановцы стали имъ завидовать, у многихъ зародились завистливыя думы въ головѣ, многимъ также захотѣлось на чужой сторонѣ счастья попытать.

Однимъ изъ первыхъ среди барановцевъ, кому захотѣлось свою жизнь перемѣнить, былъ Филиппъ Тарасовъ. Жилъ онъ на нижнемъ концѣ села, была у него жена и сынъ, парень лѣтъ 17-ти. Занимался онъ, какъ и всѣ въ Барановѣ, хлѣбопашествомъ, а зимой въ рощѣ работалъ. Концы съ концами онъ кое-какъ сводилъ, но трудно ему это доставалось. Жена Филиппа, Настасья, была баба хворая: съ тѣхъ поръ, какъ Андрюшку родила, она больше дѣтей не рожала, и все недужила и ни за какую тяжелую работу приняться не могла. Только у печки и управлялась. Когда Андрюшка былъ маленькій, Филиппу было очень тяжело: каждое дѣло онъ долженъ былъ самъ справлять. Хотя онъ былъ здоровый и работать гораздъ, а за лѣто, бывало, такъ уходится, что еле ноги таскаетъ. Сколько разъ собирался Филиппъ домъ бросить и наняться либо въ пастухи, либо въ сторожа куда-нибудь въ рощу. Одно его останавливало— мысль объ Андрюшкѣ. „Ну, сойду я съ доли,—размышлялъ онъ,—выростетъ парень, что онъ будетъ? Бобыль, а это ужъ на что хуже. Нѣтъ, ужъ потерплю, какъ-нибудь потяну лямку“.

И Филиппъ старался изо всѣхъ силъ, ворочалъ одинъ за двоихъ и перебивался кое-какъ. Сталъ подростать мальчикъ, сталъ кое въ чемъ отцу пособлять, — Филиппу полегче сдѣлалось. Но вотъ вошелъ малый въ года, и напала на Филиппа новая забота. „Вотъ, — думалъ онъ, — парень женихомъ становится, а у него ни одежонки, ни обувки настоящей нѣтъ, и справить не на что. Опять же и хозяйство наше куда годится. Придетъ время, невѣсту сватать надобно, а кто хорошую отдастъ въ такой домъ?“

И сильно томила эта забота Филиппа.

II.

За послѣднее время пришлось Филиппу по разнымъ дѣламъ въ барскихъ деревняхъ побывать; приглядѣлся онъ къ жизни бывшихъ барскихъ крестьянъ, и завидно ему стало: и достаточнѣй, и чище у нихъ, и работы-то меньше. И разобрала его зависть къ хорошему житью.

„Развѣ попытать счастья и мнѣ: пойти пожить въ Москву,—подумалъ онъ.—Можетъ, что и хорошее выйдетъ: имъ вотъ она помогаетъ“.

Сталъ онъ раздумывать. Но дѣло было неподходящее: ему въ Москву итти, нужно долю бросить, парню одному никакъ не управиться. Вотъ развѣ парня послать? И только подумалъ Филиппъ объ этомъ, такъ сразу и ухватился за эту мысль. „И то парня! Онъ молодой и грамотный, ему и мѣсто скорѣе дадутъ и жалованье дороже положатъ, а дома-то безъ него дѣла не станутъ: я ужъ какъ-нибудь одинъ потяну“. И рѣшилъ Филиппъ непремѣнно парня въ Москву отправить. Объявилъ женѣ о томъ. Ни жена ни сынъ не перечили ему.

Сталъ Филиппъ искать попутчика Андрею. Узналъ Филиппъ, что изъ сосѣдней деревни отправляется одинъ мужикъ скоро въ Москву, пошелъ къ нему и сталъ просить его взять Андрея съ собой. Согласился мужикъ, и когда пришелъ срокъ отправляться ему, привезъ Филиппъ Андрея къ нему, далъ на дорогу денегъ, и отправился малый съ мужикомъ въ городъ.

Андрей въ Москву шелъ охотно, онъ даже радовался: онъ думалъ попасть на хорошее мѣсто, и себя обрядить и дома кое-что исправить.

Всю дорогу парень разспрашивалъ попутчика своего про житье московское, про людей тамошнихъ.

Разсказывалъ ему землякъ, что зналъ, и совѣты давалъ, какъ тамъ надо жить. Самъ онъ, должно быть, хорошо зналъ порядки московскіе, потому совѣты такіе давалъ: съ людьми особенно не дружиться, помнить, что всѣ друзья-

пріятели до чернаго дня,—и не упускать никакого случая, отъ котораго польза есть: въ карманъ положить, что можно.

— Если кто и обидится на это, плевать: съ ними не дѣтей крестить,—говорилъ онъ.

Пришли въ Москву, сталъ Андрей про мѣста разузнавать, повезло ему. Нашелся такой пріятель у его попутчика, который за угощеніе выхлопоталъ ему мѣсто въ дворники въ одинъ домъ.

III.

Поступилъ Андрей на новое житье. Первую недѣлю съ непривычки трудно ему показалось: должность хлопотливая и суетная. Но вотъ узналъ малый всѣ порядки, и полегче ему стало. А къ концу мѣсяца узналъ Андрей всѣ доходы свои. Жалованья ему назначили 8 рублей, да еще кое-какіе доходы отъ жильцовъ оказались. Доходы эти были не всегда чистые. Сначала онъ добросовѣстно исполнялъ порученія и отдавалъ сдачи съ покупокъ, а потомъ, глядя, какъ дѣлаютъ другіе: швейцаръ, кучеръ, кухарка,—и онъ соблазнился,—сталъ понемножку утаивать деньги. Къ концу второго мѣсяца скопилось у него денегъ рублей 15. Обрадовался парень и послалъ изъ нихъ отцу 10 руб., а на остальныя купилъ себѣ пиджакъ.

Вскорѣ подошло Рождество. Тутъ посыпались къ Андрею деньги со всѣхъ сторонъ: и хозяева подарили, и жильцы, и гости, что въ домъ ходили, на чай давали. Прошли святки, получилъ жалованье Андрей, сосчиталъ всѣ деньги,—оказалось безъ малаго 30 руб. Обрадовался парень. „Вѣдь это что!—думалъ онъ.—Ежели все такъ пойдетъ, то мы, Богъ дастъ, и не увидимъ, какъ поправимся: заведемъ сбрую новую, и лошадь, и все, что нужно, а потомъ невѣсту сосватаемъ“. И разошелся парень и на радостяхъ послалъ отцу на хозяйство сразу 20 руб. „Управляйтесь тамъ,—писалъ онъ.—Если денегъ мало, не хватитъ,—еще пришлю: счастье такое валитъ, что и во снѣ не снилось“.

IV.

Филиппъ, когда отправлялъ сына въ Москву, не думалъ и не гадалъ, что ему такъ посчастливится. Онъ еще побаивался, какъ бы малый зря не пропалъ въ городѣ; сначала было загрустилъ. Настала зима, барановцы нанялись на берегъ лѣсъ возить и задатки получили, а Филиппу нельзя никуда было и отправиться отъ дому: Настасья все хворала. И заскучалъ Филиппъ.

„Вотъ люди добрые на заработки отправились, деньги добываютъ,—думалось ему,—а я сиди дома да точи веретена. Шестая недѣля, какъ ушелъ парень, а нѣтъ отъ него ни слуху ни духу“.

Подождалъ еще мужикъ немного и не вытерпѣлъ, рѣшился въ волость сходить.

Пришелъ въ волость Филиппъ, спросилъ, нѣтъ ли письма въ Бараново. Порылся старшина на столѣ и говоритъ:

— Въ Бараново? Есть, съ деньгами,—Филиппу Тарасову десять рублей.

Филиппъ даже остолбенѣлъ отъ неожиданности.

— Филиппу Тарасову?—переспросилъ онъ.—Это мнѣ изъ Москвы сынъ прислалъ.

— Ну, такъ получи,—говоритъ старшина и подалъ пакетъ Филиппу.

— Потрудитесь ужъ и письмо прочитайте,—попросилъ Филиппъ.

Прочиталъ письмо старшина. Узналъ Филиппъ, какъ повезло Андрею въ городѣ, и когда шелъ домой изъ волости, то отъ радости ногъ подъ собою не чуялъ.

Пришелъ домой Филиппъ, разсказалъ женѣ обо всемъ,—обрадовалась и Настасья.

Пришло Рождество. Весело встрѣтили праздники Филиппъ съ женой, а послѣ Крещенья еще письмо отъ Андрея пришло и цѣлыхъ 20 рублей при немъ.

— Вотъ, старуха, благодать-то намъ съ тобою вышла, чуяло ли твое сердце?

— Гдѣ чуять, и во снѣ не снилось.

— А черезъ кого это такъ вышло? Все отъ меня. Не вздумай я тогда его въ Москву послать, ничего бы и не было.

И началъ Филиппъ деньги къ мѣсту опредѣлять. Половину отдалъ на подати, а на другую—кое что по дому справилъ.

До Пасхи Андрей ему еще рублей 30 переслалъ. Совсѣмъ ободрился Филиппъ—избу починилъ, по хозяйству справилъ, чего не доставало. И сталъ Филиппъ на заправскаго крестьянина смахивать.

— Вотъ и мы въ люди годимся!—говорилъ онъ женѣ.— Не хуже кого другого! Теперь вотъ только лошадь получше завести, а тамъ и женить парня можно. Эхъ, и невѣсту же подхватимъ! Не будемъ въ нашей вотчинѣ сватать, а возьмемъ барскихъ. Чтобы нарядъ разный былъ. Пущай тогда добрые люди посмотрятъ да позавидуютъ.

— Ну, началъ загадывать, смотри не осѣкись,—говорила Настасья.

На весну Филиппъ приглашалъ Андрея домой, но Андрей отвѣчалъ, что домой пріѣхать никакъ не можетъ: можетъ мѣста лишиться, а съ мѣстомъ ему жалко было разставаться. И велѣлъ онъ кого-нибудь нанять за себя.

— Ну, ладно! Нанять, такъ нанять,—сказалъ Филиппъ.— Теперь пока одинъ управлюсь, а на покосъ наймемъ. Пусть живетъ, коли хорошо живется.

V.

Прошло лѣто. Исполнился годъ, какъ Андрей сталъ въ Москвѣ жить. Совсѣмъ привыкъ Андрей къ городской жизни и отъ деревенскихъ привычекъ отставать сталъ. Деньги онъ берегъ попрежнему, кое-что домой посылалъ, а часть себѣ оставлялъ.

Наступила другая зима, и передъ заговѣнами получаетъ Андрей письмо изъ дому. Пишутъ ему, что дома, слава

Богу, все идетъ по-хорошему. Съ работой управились совсѣмъ. Хлѣба въ этомъ году уродилось много и другого всего вволю. Теперь только бы свадьбу играть. Спрашиваютъ, какъ на то его согласіе будетъ? Задумался Андрей, и жутко ему стало. Однако, подумалъ-подумалъ и написалъ, что жениться онъ не прочь. Пусть пріищутъ невѣсту, тогда онъ и самъ пріѣдетъ. Послѣ Рождества пришло письмо изъ деревни,—пишутъ, что невѣсту нашли, что имъ она очень понравилась. Теперь дѣло за нимъ. Велѣли отпрашиваться у хозяевъ и пріѣзжать. Забилось сердце у парня, какъ получилъ онъ это письмо. Робость взяла его, когда пошелъ онъ отпрашиваться у хозяина въ деревню. Раза три онъ отъ двери ворочался,—все духу не хватало. Наконецъ превозмогъ онъ себя и вошелъ въ комнату. Спросили его хозяева, что ему надо. Разсказалъ имъ Андрей. И говорятъ хозяева:

— Ну, что жъ, съ Богомъ! Только на свое мѣсто кого-нибудь подыщи, пока вернешься.

— Это я подыщу,—говоритъ Андрей.

— Ну, и отлично.

Подсчиталъ хозяинъ, что ему приходилось изъ жалованья, и далъ еще въ подарокъ на свадьбу 10 рублей.

— Поѣзжай,—говоритъ,—женись. Дай Богъ всего хорошаго.

Поблагодарилъ Андрей хозяина, собралъ вещи и поѣхалъ въ деревню. Пріѣхалъ домой парень, родители встрѣтили его радостно и стали разспрашивать, какъ онъ жилъ, что дѣлалъ. Разсказалъ Андрей и сталъ въ свою очередь разспрашивать про ихъ житье, а потомъ о невѣстѣ спросилъ.

— О невѣстѣ, братъ, и толковать нечего,—говоритъ Филиппъ.—Правда, нѣтъ у ней ни отца, ни матери, живетъ она у брата старшаго,—но такая дѣвка, хоть куда годится. Что красива, что умна! А наряду-то, наряду... и-и ты батюшки! Въ нашемъ селѣ ни у одной того нѣтъ.

— Справа-то и у меня хороша,—сказалъ Андрей и сталъ показывать, что онъ въ Москвѣ нажилъ.

— Ну, вотъ, значитъ, и мы въ грязь лицомъ не ударимъ,— замѣтилъ Филиппъ.

Отдохнулъ съ дороги Андрей, а на другой день запрягли они лошадь и поѣхали невѣсту глядѣть. Пріѣхали они къ невѣстѣ, встрѣтили ихъ съ большимъ почетомъ и прямо за столъ посадили. Подали на столъ самоваръ, закуски, вышла и невѣста къ нимъ. Поглядѣлъ на нее Андрей, и застучало въ немъ сердце. Дѣвка и впрямь была хороша: роста средняго, статная, лицо—кровь съ молокомъ, брови черныя, дугой. Уставился на нее Андрей, сидитъ—глазъ не сводитъ. Посидѣли немного, вывелъ Филиппъ сына изъ избы и спрашиваетъ:

— Ну, что, сынокъ, какова дѣвка-то?

— Ничего,—молвилъ Андрей,—дѣвка хорошая.

— Такъ кончать дѣло?

— Кончайте.

Вернулись въ избу. Филиппъ съ Андреемъ ударили по рукамъ, уговорились насчетъ свадьбы и поѣхали домой.

VI.

Черезъ недѣлю и свадьбу сыграли. Потомъ съ недѣлю перегащивались, а тамъ и за дѣло взялись. Сталъ Филиппъ послѣ свадьбы все въ порядокъ приводить, а Андрей къ молодой женѣ приглядываться: какъ-то она на дѣлѣ и какъ съ людьми обходится. Во всемъ была хороша Ольга. У Андрея, глядя на нее, сердце радовалось. Полюбился и онъ Ольгѣ. Стали они свыкаться другъ съ дружкою.

Вскорѣ пришелъ срокъ Андрею въ Москву отправляться. Нехотя сталъ онъ собираться въ дорогу: не хотѣлось ему отъ молодой жены уѣзжать. Загрустила и Ольга. Сталъ уговаривать ее Андрей:

— Не печалься, Оленька, не надолго разстанемся. Вотъ придетъ Пасха, пріѣдешь ко мнѣ въ гости.

— До Пасхи-то далеко,—говоритъ она,—а до тѣхъ поръ скучно, чай, будетъ.

— Ну, что жъ дѣлать, потерпи! И мнѣ тоже не легко.

И поѣхалъ Андрей. Въ этотъ разъ онъ невесело ѣхалъ. Московская жизнь уже надоѣла ему. Сталъ онъ завидовать тому, кто всегда въ деревнѣ живетъ. „То ли дѣло тому,— думалъ онъ:—самъ себѣ хозяинъ. А ты, на вотъ, погоняй! Только женился, по-настоящему и отлучаться никуда не нужно, а оно вотъ что. Эхъ, жизнь наша!"

Угрюмый пріѣхалъ парень въ Москву. Не весело поздоровался съ прислугой, одѣлилъ ихъ деревенскими гостинцами и пошелъ хозяевамъ явиться. Поднесъ онъ хозяевамъ два полотенца женинаго рукодѣлья, пообѣщали хозяева ей за это на платье подарить. И взялся Андрей за свою работу, только ужъ не съ такой охотою, какъ прежде. Бывало, онъ работалъ веселый, съ пѣснями да съ шутками, а теперь сталъ сумрачный и задумчивый.

„Эхъ, если бъ у насъ было хозяйство поисправнѣй,— думалось Андрею,—была бы лошадь другая, ни за что бы не пошелъ въ Москву жить! Стали бы дома побольше присѣвать, а то и лѣсъ возить. Хоть и похуже здѣшняго, а все бы жить можно..."

Наступилъ постъ, повѣяло весной, началъ снѣгъ таять. Пришла самая горячая пора для дворниковъ. Нужно было каждый день снѣгъ счищать и убирать.

За работой Андрей немного забылъ свою досаду на судьбу. А тутъ наступила и Страстная недѣля, послалъ Андрей отцу письмо съ просьбой, чтобы тотъ отпустилъ къ нему жену на праздникъ. На самое Свѣтлое воскресенье пріѣхала Ольга. Обрадовался ей Андрей. Краше прежняго показалась она ему. И хозяева и прислуга хвалили ему жену; льстило это Андрею, и шибко радовался онъ. Сталъ придумывать Андрей, какъ онъ съ женой праздники проведетъ. Собирался онъ съ ней въ гости къ землякамъ пойти, и Москву показать, и на гулянье подъ Дѣвичье повести. Праздничныхъ онъ много получилъ и думалъ, что нагуляются они съ женой вдоволь. Только не такъ вышло на дѣлѣ-то, какъ думалъ онъ.

Наступили праздники, пошла суета, и начали тормошить Андрея туда и сюда, то хозяева, то жильцы: то сбѣгай куда-нибудь, то на кухню иди помогать; работы по горло было—дрова носить, самоваръ ставить, ножи чистить, по утрамъ сапоги и калоши перечистить, пока господа спятъ еще, поздно вечеромъ гостей выпустить, да почти каждую ночь на дежурствѣ у воротъ простоять надо было.

Съ женою Андрею не приходилось даже поговорить толкомъ. Она сидѣла цѣлый день въ каморкѣ и скучала, а дѣлать было нечего. „Каторга, а не жизнь!—досадуя, говорилъ Андрей.—У людей праздникъ, веселье, а у тебя самая работа. Послѣднiй годъ живу,—твердо рѣшилъ онъ.—Будетъ, пожилъ и довольно, Вотъ купимъ еще лошадь другую, и переберусь въ деревню“.

Провожая Ольгу домой, онъ передалъ ей 25 рублей денегъ для отца, а къ осени обѣщалъ еще накопить. „Тогда и лошадь купимъ: къ осени подешевле“, рѣшилъ онъ.

VII.

А Филиппъ съ Настасьей встрѣтили и проводили Пасху такъ, какъ имъ никогда не приходилось. Счастливы и довольны они были. Бывало, нужда или горе какое мѣшало имъ порадоваться, а теперь ничто не тревожило ихъ. Филиппъ точно помолодѣлъ, раздобрѣлъ даже, сталъ веселый, разговорчивый: съ кѣмъ встрѣтится, шутки шутитъ; на сходкѣ тоже сталъ голосъ имѣть; бывало, стоитъ—слова не проронитъ, а теперь даже въ споръ вступать сталъ. Радовалъ сынъ мужика, радовала и молодуха: такая моторная она была, за дѣло берется охотно, и все у ней въ рукахъ такъ ловко выходитъ. Къ старикамъ была почтительная, съ людьми не болтливая. Весь постъ приглядывался къ ней Филиппъ, ни одного дѣла не нашелъ, за что бы ее упрекнуть было можно.

— Золото баба,—говорилъ онъ женѣ про нее.—За прежнее терпѣнiе намъ Богъ послалъ такую.

Прошла Пасха. На Ѳоминой пріѣхала Ольга изъ Москвы; отдала она гостинцы свекрамъ, что Андрей прислалъ, и деньги.

— Велѣлъ телѣгу новую купить да хомутъ,—сказала она.

— На что же ему другая телѣга-то понадобилась?—молвилъ Филиппъ.

— Говоритъ: осенью другую лошадь купимъ; самъ дома жить хочетъ...

— А что жъ, хорошее дѣло. Знать, надоѣло въ Москвѣ-то?

— Надоѣло. Ужъ онъ въ Пасху-то горячился-горячился; такъ бы взялъ да и ушелъ, говоритъ.

— Лошадь другую купить—и въ деревнѣ жить можно,—сказалъ Филиппъ.

— Чего жъ не можно,—поддакнула Настасья:—теперь у насъ, слава Богу, все заведено.

Началась пахота. Отпахались, забороновали. Пришелъ Никола вешній. Сталъ Филиппъ въ этотъ день на рынокъ собираться—телѣгу покупать, сталъ и жену съ собой звать.

— Охъ, ужъ я и не знаю какъ,—сказала Настасья:—кажись, дѣлать-то тамъ нечего. Мнѣ что-то недужится очень.

— Тебѣ все недужится!—сказалъ Филиппъ.—Поѣдемъ, хоть разомнешься маленько; може, полегче будетъ.

Справились и поѣхали.

Рынокъ отъ нихъ былъ верстахъ въ 10-ти, въ селѣ Черенковѣ. Пріѣхали они туда передъ отходомъ обѣдни, выпрягли лошадь, задали корму ей и пошли по рядамъ ходить. Прошли по всѣмъ рядамъ и повернули въ телѣжный рядъ. Облюбовалъ тамъ себѣ Филиппъ телѣгу, сторговалъ и перетащилъ ее къ своей лошади. Потомъ пошли кое-что изъ мелочи закупили.

И говоритъ Филиппъ:

— Ну, старуха, теперь нужно намъ съ тобой покупки спрыснуть. Ты что будешь—сладкое или горькое?

— Ну-те къ Богу съ горькимъ-то! Отроду не любила.

— Значитъ, сладкаго. Ну, ладно.

И пошелъ Филиппъ, купилъ пару калачей большихъ, фунтъ меду и полштофъ вина. Поставилъ онъ все это на траву и говоритъ:

— Ну, ѣшь, старуха, вотъ тебѣ.

И придвинулъ онъ ей медъ съ калачами, а самъ досталъ кошель изъ телѣги, вынулъ оттуда два яйца печеныхъ да хлѣба краюху и сталъ водку пить и закусывать.

Выпилъ Филиппъ и разсолодѣлъ. Лицо его раскраснѣлось, глаза осовѣли, расплелся онъ какъ плеть, повалился на траву и запѣлъ пѣсню.

Настасья стала его тормошить, чтобы домой ѣхать. Насилу-насилу Филиппъ запрягъ лошадь и ввалился въ телѣгу. Всю дорогу онъ то пѣсню пѣлъ, то надъ женой трунилъ.

Лошадь онъ гналъ шибко. Настасья отъ такой ѣзды даже охать начала.

— И чего гонишь,—говорила она,—какъ цыганъ какой. Вѣдь такъ всю душу вытрясешь!

— Небось, чай, она крѣпко сидитъ-то,—говорилъ Филиппъ и опять погонялъ лошадь.

Пріѣхали домой. Былъ вечеръ уже, скотину изъ поля пригнали. Ольга овецъ загоняла. Увидала она, что свекоръ пьяный, бросилась лошадь выпрягать.

— Ай да молодуха!—похвалилъ ее Филиппъ.—Такъ и надо! Похлопочи, похлопочи, а то я... вишь... тово... клюнулъ маленько...

И онъ вывалился изъ телѣги и поплелся въ избу.

VIII.

Выпрягла лошадь Ольга, убрала хомутъ и вошла въ избу; вынесла она пойло телятамъ и стала ужинать собирать. Послѣ ужина постлала Ольга постель свекрамъ и пошла въ сѣни, гдѣ у ней постель пристроена была, и легла спать.

Улеглись и Филиппъ съ Настасьей...

Настасья какъ довалилась до постели, такъ и заснула

какъ убитая: шибко уходилась она въ этотъ день. Но Филиппу что-то не спалось: разныя думы заполонили его голову и отгоняли сонъ. Начались думы съ того, что вотъ телѣгу онъ другую купилъ; стало представляться ему, какъ онъ другую лошадь купитъ, и будутъ у него двѣ лошади со сбруей; и будетъ ихъ дворъ изъ первыхъ въ селѣ. И мерещилось мужику, что ему уже и почетъ другой ото всѣхъ и уваженье, и попъ съ нимъ сталъ ласково обходиться, компанію водитъ: то къ нему придетъ, то къ себѣ пригласитъ. И ведетъ онъ съ нимъ разговоры задушевные.

Вспомнилось Филиппу, какъ онъ прежде жилъ и какъ теперь; весело стало на сердцѣ у него.

„Вѣдь вотъ,—началъ разсуждать онъ,—что значитъ догадка! Не догадайся я тогда парня въ Москву послать, може, и теперь такъ жили бы, ничего и не было бы. А то вотъ и поправились и скоро и хорошо. Хошь на старость въ довольствѣ пожить приходится, а то что я жилъ-то!.. Весь вѣкъ въ нуждѣ да въ горѣ, никогда просвѣта себѣ не видѣлъ и видѣть не чаялъ. И не пришлось бы, если бъ не Андрюшка: онъ, спасибо ему, нашу жизнь перемѣнилъ“.

И вспомнилась Филиппу вся его жизнь съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Жилъ онъ съ отцомъ. Мать его давно умерла. Жили они бобылями,—отецъ корзинки да верши плелъ да продавалъ, тѣмъ и кормился, а онъ на мельницѣ жилъ въ работникахъ. Когда пошелъ Филиппу двадцатый годъ, то разъ приходитъ къ нему отецъ и велитъ ему у хозяина домой отпрашиваться. Отпросился Филиппъ, пошли они домой. Дорогой и говоритъ ему отецъ, что женить его надумалъ. Есть у него въ сосѣдней деревнѣ одинъ пріятель, а у пріятеля есть дочь дѣвка, вотъ эту-то дѣвку и сосваталъ онъ.

„Дѣвка-то не больно тово,—говорилъ отецъ Филиппу.— Ну, да это не бѣда, зато съ ней отецъ даетъ все хозяйство: лошадь съ запряжкой, соху, борону да десять цѣлковыхъ деньгами. Плевать, что она некрасива, зато крестьянами будемъ; хоть плохими, да все не бобылями. Возь-

мемъ земли, будемъ работать; хоть потруднѣе будетъ, да въ своемъ углу.

Филиппъ не противился волѣ отца, и хоть невѣста ему не по душѣ пришлась, онъ все-таки согласился взять ее. Скоро и свадьбу сыграли...

Получилъ приданое Филиппъ, взялъ земли, сталъ крестьянство устраивать. Трудно ему было. Отецъ его вскорѣ померъ. Настасья его была баба не совсѣмъ здоровая, на работу неподатливая. Землю ему дали вытрясенную, работать пришлось вдоволь, а толку мало было. А тутъ еще затяжелѣла его баба да родила, а потомъ и совсѣмъ расхворалась. Пошло Филиппу житье хуже каторги.

И ему вдругъ стало завидно, на сына глядя. „Эва жена одна какая!“ И въ хмельной головѣ Филиппа забродили нечистыя мысли.

„Съ такой бабой, кажись, все горе забудешь, не то что я съ своей; бывало работаешь-работаешь, придешь домой, поглядишь на нее,—съ души воротитъ“...

И вздохнулъ опять Филиппъ, поднялся съ подушки и взглянулъ на жену. Потомъ онъ всталъ съ постели, подошелъ къ окну и высунулъ голову на улицу.

IX.

Ночь была тихая, теплая. Сильно пахли молодые листочки березы. Хорошо пахли. Гдѣ-то пощелкивалъ соловей. Съ верхняго конца села доносились пѣсни.

Смотритъ кругомъ Филиппъ, прислушивается, а сердце бьется, и кровь въ головѣ молотомъ стучитъ. А дикія, грѣховныя мысли такъ и копошатся, такъ и гонятся одна за другой, не можетъ онъ отогнать ихъ отъ себя: „Я самъ себѣ хозяинъ и что хочу, то и дѣлаю, никто не закажетъ, да и развѣ узнаетъ кто?“

И представилъ Филиппъ опять себѣ Ольгу.

„Не могу... не пересилю я себя... Что мнѣ мучиться! А! Была не была, попытаю что ни будетъ?“—рѣшилъ Филиппъ

и, захлопнувъ окно, всталъ съ лавки, поглядѣлъ на спящую жену и потихоньку на цыпочкахъ покрался изъ избы.

Вышелъ онъ въ сѣни, прислушался, слышитъ—шевелится Ольга. Захватило духъ у Филиппа. Однако сразу не хватило смѣлости у него, и прошелъ онъ на навозъ, постоялъ тамъ немного, собрался съ духомъ и подошелъ къ снохѣ...

— Кто тутъ?—съ испугомъ спросила Ольга.

— Молчи, это я!—задыхаясь, прошепталъ Филиппъ.

— Что это ты, батюшка? куда?—еще болѣе испугавшись, проговорила Ольга и вскочила на постели.

— Молчи, не разговаривай!—прошипѣлъ Филиппъ.

Ольга рванулась, но ей было не по силамъ бороться съ дюжимъ, осатанѣлымъ мужикомъ; она хотѣла было крикнуть, но онъ зажалъ ей ротъ...

На утро совѣсть было проснулась у Филиппа, но скоро угомонилась. Только одно тревожило его, — не вздумала бы баба жаловаться... Но, подумавъ немного, онъ рѣшилъ: „А, да пущай попробуетъ, а я отопрусь: скажу, во снѣ приснилось, ей—и вся недолга!“

X.

Ольга же была совсѣмъ не спокойна. Когда она опамятовалась и поняла, что произошло съ ней, то задрожала отъ ужаса и отвращенія и залилась слезами. Ей такъ горько стало, что, кажется, разорвала бы она отъ злости проклятаго старика. „А еще отецъ! — лепетала она, захлебываясь отъ слезъ.—Что онъ только надѣлалъ-то? О, батюшки! Сейчасъ пойду свекрови скажу или домой уйду да напишу Андрею. Пусть онъ тогда раздѣлывается съ нимъ“... И она стала обдумывать, что лучше ей сдѣлать: свекрови объявить или уйти къ брату и оттуда мужу письмо написать?—но долго ничего рѣшить не могла. Свекрови сказать ей было страшно и стыдно: знала она, что черезъ нее сейчасъ узнаютъ всѣ люди; и то заговорятъ, что не дай Богъ

про другого кого слышать. Къ брату итти, казалось, тоже нельзя было: братъ мужикъ, какъ ему все разсказать? А на невѣстку и надѣяться нечего: она, пожалуй, еще на смѣхъ подниметъ.

„Эхъ, была бы у меня матушка родимая, — подумала Ольга: — размыкала бы она со мной горе и какъ быть научила, а безъ нея и надѣяться не на кого,—на мужа развѣ, да напиши-ка ему объ этомъ, онъ съ ума сойдетъ; пожалуй, вотъ какой бѣды надѣлаетъ... Промолчать развѣ — скрыть грѣхъ?—стала думать она.—Можетъ, онъ это спьяну, старый дуракъ... Тверезый не посмѣлъ бы... А обозлится онъ, какъ если я объявлю про грѣхъ, не житье мнѣ тогда будетъ“...

И всю ночь прометалась баба на постели, обдумывая, какъ лучше ей поступить, чтобы отъ людей грѣхъ утаить, но ни на чемъ остановиться не могла. Измучилась она душой и тѣломъ и всю ночь не могла глазъ сомкнуть...

Настало утро, поднялась Ольга съ постели и пошла въ избу. Настасья ужъ печку топила. Филиппъ сидѣлъ на лавкѣ и обувался. Онъ исподлобья взглянулъ на сноху и, замѣтивъ, что платокъ у нея на лицо надвинутъ и глаза наплаканы, отвернулся, крякнулъ и со страхомъ, невольно вдругъ охватившимъ его, сталъ ожидать, что будетъ. Пока баба у печки возилась, онъ не зналъ, въ какой уголъ смотрѣть и что дѣлать. Только когда сѣли за завтракъ, Филиппъ несмѣло проговорилъ:

— А надо бы опохмелиться маленько, а то со вчерашняго угара башка что-то трещитъ...

— Погулялъ, и будетъ, вотъ еще!—сказала Настасья.— Сегодня вотъ картошку садить надо, пора ужъ.

— Ну, картошку, такъ картошку, — согласился Филиппъ угрюмо.

Позавтракали, запрягли лошадь и поѣхали въ поле. И пробыли тамъ цѣлый день. Передъ ужиномъ Филиппъ, однако, не вытерпѣлъ, ушелъ въ шинокъ и выпилъ. Вернулся онъ веселый, за ужиномъ много говорилъ. А какъ улег-

лись спать, то вчерашнія мысли опять забродили въ его головѣ.

„А вѣдь ничего не сказала баба, знать боится... А може, и не хочетъ говорить-то, можетъ, она рада еще“, — подумалось ему. И онъ съ нетерпѣніемъ сталъ дожидаться, пока уснетъ Настасья...

Уснула Настасья; осторожно всталъ съ постели Филиппъ и на цыпочкахъ покрался изъ избы.

Пробрался онъ въ сѣнцы. Услыхала Ольга его шаги и прерывистое хриплое дыханіе и вскочила съ постели.

— Куда прешь-то, безстыдникъ этакій! Бога въ тебѣ нѣтъ!—крикнула она дрожащимъ голосомъ.

— Цыцъ, не разговаривай!—прошипѣлъ Филиппъ, задыхаясь и хватая ее за плечи.

— Господи, Батюшка, смилуйся надъ моей головушкой!—всхлипывала Ольга.—За что погубилъ ты меня, окаянный?

— Молчи, дура, не то плохо будетъ.

— Я матушкѣ крикну, если не отвяжешься, — говорила она, отпихивая его кулаками въ грудь, все еще надѣясь прогнать его.

— Какъ же, попробуй! Я тебя тогда до смерти замаю, жрать не буду давать, лупцовать буду каждый день какъ собаку, изведу совсѣмъ,—хрипѣлъ онъ со злостью.

На другой день Ольга ходила какъ шальная, такъ что и Настасья замѣтила и спросила:

— Что это на тебѣ и лица нѣтъ? Иль неможется?

Ольга затряслась какъ въ лихорадкѣ.

„Сознаться развѣ?“ — мелькнуло у ней въ головѣ, но, взглянувъ на Филиппа, замѣтила, что тотъ такъ страшно глядитъ на нее. Поняла она, что онъ исполнитъ свои угрозы, и прикусила свой языкъ. Не зная сама что, промямлила она на вопросъ свекрови и отвернулась отъ нея. Филиппъ нарочно весь день вертѣлся въ избѣ и не оставлялъ бабъ съ глазу на глазъ. Когда же вечеромъ примѣтилъ, что Ольга боится выдать тайну, ободрился...

XI.

Съ тѣхъ поръ Филиппъ уже не отставалъ отъ снохи. Онъ зажилъ съ ней какъ съ женой. Днемъ на работѣ онъ ухаживалъ за ней, помогалъ въ работѣ, норовилъ даже заигрывать съ ней, когда старухи не было вблизи. Но Ольга неласково принимала его заигрыванья, — Филиппъ однако не унывалъ. Онъ зналъ, что эта смѣлость у ней только днемъ, что онъ на своемъ поставитъ, потому что она боится его больше, чѣмъ онъ ея. И чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становился настойчивѣе.

Какъ ни старались они скрыть свой грѣхъ отъ людей, но мало-по-малу люди стали догадываться, что между Филиппомъ и молодухой дѣло не ладно. Самъ того не замѣчая, Филиппъ и голосомъ и взглядомъ выдавалъ себя. Когда говорилъ что снохѣ, — онъ всегда какъ-то слащаво улыбался, щурилъ глаза и всюду ходилъ по пятамъ за ней... А молодуха съ лица спала, ходила невеселая, сумрачная и ни прежнихъ пѣсенъ, ни прибаутокъ отъ нея не слышно было. Нашлись любопытныя сосѣдки, которыя стали зорко слѣдить за ними. Видѣли разъ, какъ она его кнутовищемъ огрѣла; видѣли, какъ на работѣ онъ услуживалъ ей во всемъ, ровно мальчикъ на послугахъ. „Не пристало это какъ-то старику“, шептались между собой онѣ и покачивали головами.

XII.

Между тѣмъ Андрей жилъ себѣ въ Москвѣ и ничего не подозрѣвалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ проводилъ онъ жену послѣ Пасхи, недѣли три пришлось ему пожить въ суетѣ. Потомъ подошелъ май мѣсяцъ и стали сначала жильцы, а потомъ хозяева на дачи выѣзжать, и поубавилось у него дѣла.

„Вотъ кабы такъ на праздникахъ было, — думаетъ Андрей: — вотъ бы хорошо! А то избѣгаешься, какъ собака, покою не знаешь“...

И онъ чуть не по цѣлымъ днямъ то въ каморкѣ валялся, то за воротами торчалъ.

Какъ-то разъ, подъ вечеръ, вышелъ Андрей за ворота и сѣлъ на лавочку. Немного погодя къ нему подошелъ одинъ человѣкъ съ котомкой и остановился. Взглянулъ на него Андрей и обрадовался: человѣкъ былъ знакомый ихъ, барановскій,—видно, побывать къ кому въ Москву пришелъ. Поздоровался съ нимъ Андрей и повелъ въ свою каморку, потомъ опять вышелъ за ворота и мигомъ вернулся съ водкой и закуской. Потомъ онъ поставилъ самоваръ и сталъ потчевать земляка.

— Вотъ хорошо, что ты зашелъ-то, — говорилъ земляку Андрей.—Я очень радъ, а то что-то изъ дому вѣстей нѣтъ. Ну, какъ они тамъ поживаютъ?

— Ничего, живутъ помаленьку, — отвѣчалъ землякъ не совсѣмъ охотно.

— Съ работой-то управились?—опять спросилъ Андрей.

— Управились, только огородъ остался.

— Ну, слава Богу! — сказалъ Андрей весело. — Теперь можно женѣ наказать, чтобы пріѣхала на Троицу.

— Что жъ, не худо, если отецъ отпуститъ, — сказалъ землякъ.

— Чего жъ ему держать ее, коли дѣловъ нѣтъ?

— Кто его знаетъ тамъ, что втемяшится въ голову старику; скажетъ: не ѣзди, вотъ и все!

— Ну, нашъ не такой, кажись, этого не скажетъ,—молвилъ Андрей, не понимая загадочныхъ словъ земляка.

— Не такой! Толкуй, братъ... Еще почище кого другого! Скажетъ: праздники одному скучно будетъ, ну, и не пуститъ, — не глядя на Андрея, проговорилъ захмелѣвшій землякъ.

Вспыхнулъ Андрей.

— А она-то что же, развеселитъ его, что ли?—сказалъ онъ, и сердце его тревожно забилось.

— Все можетъ быть. И повеселитъ и позабавитъ,—проговорилъ землякъ.

Андрей замолчалъ; онъ сидѣлъ весь красный, тяжело переводя духъ. Землякъ взглянулъ на него въ упоръ и проговорилъ:

— Ты, я вижу, парень, ничего не знаешь. Не слыхалъ развѣ, какія дѣла дома творятся?

— Ничего не слыхалъ,—молвилъ Андрей съ усиліемъ.

— Вѣдь отецъ-то твой жену у тебя отбилъ, живетъ съ ней.

— Что ты!—вскрикнулъ Андрей и вскочилъ съ мѣста.

— Ей-Богу правда! Все село знаетъ.

У Андрея подкосились ноги. Передъ глазами у него все завертѣлось, помутилось. А землякъ, не замѣчая этого, разсказывалъ ему, какъ одинъ мужикъ засталъ ихъ въ лѣсу. Андрей слушалъ это, и страшная злоба душила его, онъ весь затрясся и заскрежеталъ зубами.

— Неужели все правда? — хрипѣлъ онъ. — Да какъ это? Что они выдумали-то? У-у, проклятые!.. окаянные!.. Убить ихъ мало!

Глаза его налились кровью, лицо исказилось, дыханье въ груди шибко сперлось. Онъ грохнулся головой на столъ и пуще прежняго затрясся и зарыдалъ какъ малый ребенокъ.

Землякъ испугался, сталъ его уговаривать:

— Что ты, Богъ съ тобой? Чего такъ убиваешься? Слезами горю не поможешь.

Андрей все плакалъ.

Выплакался Андрей, сдѣлался поспокойнѣе, отеръ онъ лицо и проговорилъ:

— Да что же это они сдѣлали-то? Ждалъ ли я отъ нихъ этого? Вѣдь онъ-то, онъ-то, отецъ родной! О... о!..

Опять лицо его исказилось, онъ крѣпко сжалъ кулаки и тряхнулъ ими. Землякъ, увидавъ, какое дѣйствіе произвели слова его, жалѣлъ ужъ о томъ, что и разсказалъ-то. Онъ долго сидѣлъ, понуривъ голову, потомъ всталъ и началъ собираться. Андрей, замѣтивъ это, проговорилъ:

— Вотъ что, братъ, скажи ты тамъ дома, чтобы жена ко мнѣ безпремѣнно на Троицу пріѣхала,—я съ ней тутъ поговорю.

— Что жъ, пожалуй, мнѣ все равно, — промолвилъ землякъ.

— Потрудись, пожалуйста.

— Ладно, будь спокоенъ.

И землякъ ушелъ, оставивъ Андрея съ горькими, тяжелыми думами.

XIII.

Больше недѣли Андрей ждалъ жену. Первый разъ въ жизни пришлось ему переживать такіе мучительные дни и ночи. То ненависть, то ревность и отчаяніе охватывали его и терзали безъ пощады и жалости. „Какъ это могло случиться? Неужто добровольно баба пошла на это?—задавалъ онъ себѣ вопросы и ничего не могъ на нихъ отвѣтить.— Если добровольно, — думалъ Андрей, — то что мнѣ съ ней дѣлать тогда? Смерти мало ей за это, вѣдь это что? На первомъ году послѣ свадьбы мужа на старика промѣняла! Чѣмъ я ей насолилъ очень? Я ей слова грубаго не говорилъ за все время, не то что-что... А любилъ-то какъ! О, проклятая, что она со мной только сдѣлала!“

И Андрей придумывалъ, какъ бы ему проучить жену за измѣну. Но только онъ придумаетъ какое-нибудь наказаніе и представитъ его себѣ, какъ сейчасъ же ему сдѣлается жаль и жену и того счастья, которое ждало его безъ этого дѣла. И онъ невольно начиналъ находить извиненіе ей. „Можетъ, она не виновата, — размышлялъ онъ: — можетъ, онъ ее насильно заставилъ. Безпремѣнно это такъ! Онъ все это, злодѣй! И что онъ только со мной сдѣлалъ? Я ли ему не покорный сынъ былъ, я ли не старатель? А онъ“...

И вся злоба Андрея переносилась на отца и еще страшнѣй его мучила.

Наканунѣ Троицына дня пріѣхала Ольга. Увидалъ ее Андрей, и застучало въ немъ сердце. И радость и гнѣвъ сразу поднялись въ немъ.

— Здравствуй, Андрей! — сказала Ольга и подошла къ мужу.

— Здорово!—сквозь зубы тихо процѣдилъ Андрей и впустилъ жену въ каморку. — Отпустилъ тебя свекоръ-то? — вдругъ злобно и ядовито спросилъ онъ, весь дрожа отъ волненія и въ упоръ глядя ей въ лицо.

— Чего жъ ему не пустить? Слова не сказалъ,—отвѣтила Ольга, стараясь не встрѣчаться съ нимъ взглядомъ.

— Какъ онъ это разстался? А я ужъ и не надѣялся, — допрашивалъ Андрей съ усмѣшкой, злобно перекашивая губы.

— Чего жъ ему не разстаться? Я, чай, ему не очень приболѣла,—отшучивалась Ольга. Между тѣмъ, внутри у ней все холодѣло.

— Толкуй, не очень, — словно я не знаю, — прохрипѣлъ Андрей и затрясся весь.

Уставилась Ольга на мужа и поблѣднѣла вся. „Узналъ все!—мелькнуло у ней въ головѣ.—Теперь ужъ не жди милости. Царица небесная, пособи!“ И она рѣшилась во что бы ни стало, а отклонить бѣду. „Отопрусь, что ни будетъ“,—подумала она и какъ можно спокойнѣе спросила:

— Что ты знаешь-то? — при этомъ она взглянула мужу въ глаза, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Все знаю!—воскликнулъ онъ.—Ты думаешь, шило въ мѣшкѣ утаишь? Нѣтъ, матушка, не утаишь.

— Какое шило? Что ты, Богъ съ тобой!..

— А такое, что я все знаю про твое дѣло со свекоромъ... Полюбовницей его стала!..

— Что ты! Съ чего это ты взялъ-то? Да очнись...

— Что очнись-то? Я не пьяный! Нечего дуру-то строить, признавайся!

И онъ, разсвирѣпѣвъ, замахалъ руками и еле сдерживался, чтобы не наброситься на нее и не истоптать ногами.

Ольга догадалась, что бѣда собирается надъ ея головой, заплакала и, закрывъ лицо руками, припала головой къ столу.

— Что нюни-то распустила? У-у!.. проклятая! — прорычалъ Андрей и дернулъ жену за руку.—Скажешь, неправда это?

— Ей-Богу неправда!—сквозь слезы съ отчаяніемъ проговорила Ольга.—И съ чего это ты взялъ? Если бы я знала, что ты обо мнѣ думаешь, я бы не поѣхала, — продолжала она, всхлипывая. — Думала, на радость пріѣду, а ты вонъ какъ меня принялъ.

— А развѣ неправда?—ужъ не такъ увѣренно допрашивалъ Андрей.

— Знамо, нѣтъ! И какъ это у тебя языкъ поворотился сказать?—уже совсѣмъ смѣло заговорила Ольга. — Кто жъ за меня заступится, бѣдную? — и она заголосила еще громче.

Андрей стоялъ какъ ошеломленный. Гнѣвъ его спалъ; слезы жены растрогали его! „А что какъ неправду землякъ сказалъ? Позавидовали, може, люди, что хорошо живемъ, и наплели на нее, чтобы разстроить насъ".

— Ну, будетъ, не реви, — проговорилъ Андрей болѣе мягко. — А вотъ, коли неправда, побожись на икону, тогда повѣрю.

Ольга, утирая слезы и всхлипывая, уставилась на икону, перекрестилась и сказала:

— Вотъ не слѣзть мнѣ съ этого мѣста, не дожить до завтрашняго дня...

Голосъ ея прервался отъ волненія, но Андрей этого не замѣтилъ,—ему хотѣлось вѣрить, что она говоритъ правду. Лицо его просвѣтлѣло, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, ужъ такъ и быть, давай помиримся,—и подошелъ къ женѣ.

Ольга бросилась къ нему на шею и снова зарыдала, ей и стыдно было и жаль Андрея, и рада она была, что пронеслась туча надъ ея головой...

На другой день Андрей повелъ жену Москву показывать; побывали они и на гуляньяхъ въ Сокольникахъ, слушали музыку, глазѣли на народъ, угощались въ трактирѣ съ машиной. Показалъ онъ ей также всѣ замѣчательныя мѣста. А на прощанье повелъ ее въ ряды и накупилъ ей наряду и гостинцевъ.

И цѣлую недѣлю прожила Ольга у мужа и такъ нѣжно увивалась вкругъ него и ласкалась къ нему, что Андрей такъ и таялъ отъ счастія.

„Ишь, вѣдь, какъ она меня любитъ! И гдѣ же это видано, чтобы такая жена да невѣрна была?“

Наконецъ, пришло время и разставаться. Далъ Андрей денегъ Ольгѣ для передачи отцу и проводилъ ее до заставы. Разстались они любовно. Но какъ только Ольга выѣхала изъ Москвы, такъ схватила ее тоска, защемило сердце, расплакалась баба на этотъ разъ искренними, горькими слезами...

XIV.

Почти всю дорогу Ольга не осушала глазъ. И совѣсть её мучила, и жаль было мужа оставить. Съ ужасомъ думала она, что свекоръ опять будетъ приставать къ ней. Измучилась баба, придумывая, какъ бы избавиться отъ старика и какъ бы такъ концы схоронить, чтобы мужъ не узналъ. А какъ это сдѣлать? „Охъ, быть бѣдѣ, погубила я свою голову!..—плакалась баба.—Вернется Андрей въ деревню, все равно узнаетъ. Что тогда будетъ дѣлать? И нечистый меня дернулъ отпереться? Что бы лучше сразу покаяться, въ ногахъ прощенья попросить, можетъ-быть, взмиловался бы, простилъ; а не простилъ бы, тоже все одно, — двухъ смертей не бывать, а одной не миновать; по крайней мѣрѣ не мучилась бы такъ“.

Изстрадалась вся за дорогу Ольга, поблѣднѣла и похудѣла точно послѣ болѣзни. Пріѣхала она домой, передала гостинцы старикамъ, нехотя отвѣтила на разспросы ихъ и, отговорившись нездоровьемъ, ушла въ горенку.

Филиппъ встрѣтилъ сноху угрюмо.

Все время, пока она была въ Москвѣ, онъ ходилъ пасмурный, въ его головѣ бродили ревнивыя мысли. „Небось потѣшается она теперь съ нимъ, — думалъ онъ. — Чай, не какъ со мной обходится. Эхъ-хе-хе! Молодой къ молодому и льнетъ, а я ей подъ пару ли?..“— Онъ вспоминалъ, какъ

она всегда отбивалась отъ него, и горько ему было. „Правда говорится: насильно милъ не будешь; такъ и есть“,—думалъ онъ. И ему стало приходить въ голову бросить непристойное дѣло. Но когда онъ увидѣлъ Ольгу, то все это вылетѣло изъ головы, и онъ сказалъ самъ себѣ:

„А чортъ ихъ дери! Все равно, любитъ ли, не любитъ ли, а ужъ не брошу ея. Что будетъ, то и будетъ“.

И въ этотъ же вечеръ онъ рѣшилъ попрежнему къ снохѣ пойти...

Про Настасью Филиппъ думалъ, что она ничего про его дѣла не знала. Правда, Настасья долго ничего не подозрѣвала. Несмотря на то, что непристойное обращенiе ея старика со снохою всѣмъ въ глаза кидалось, она и подумать не могла, что Филиппъ на такое дѣло способенъ.

Наконецъ, нашлась кумушка, которая намекнула ей на это дѣло и посовѣтовала построже приглядывать за старикомъ со снохой. Настасья такъ и обомлѣла. „Не можетъ этого быть“,—говоритъ.—„Правда истинная,—божилась баба.—Неужли тебѣ самой невдомекъ?“ И выложила баба ей все, что знала про это дѣло. Настасья такъ и завыла: „Охъ, матушка моя, Царица небесная! Охъ, горе-то какое! Думано ли про такой грѣхъ!“ Сгоряча Настасья тутъ же хотѣла накинуться на мужа, но, подумавши, рѣшила подождать. Когда сноха изъ Москвы вернется, тогда, можетъ-быть, подойдетъ такой случай, что будетъ можно застать на мѣстѣ преступленья ихъ...

XV.

Въ тотъ вечеръ, какъ прiѣхала изъ Москвы, Ольга не стала и ужинать. Филиппъ тоже ѣлъ плохо и все поглядывалъ на сноху. Настасья замѣтила это и рѣшилась сторожить ихъ. Для этого она притворилась больной, легла спать на печкѣ и вскорѣ сдѣлала видъ, что уснула. Филиппъ замѣтилъ это, потихоньку всталъ съ лавки, гдѣ онъ спалъ, и юркнулъ изъ избы. Настасья подняла голову и стала думать, что ей дѣлать теперь.

Подумавши немного, Настасья быстро соскочила съ печки, взяла спичекъ и, подбѣжавъ къ двери, приложила ухо къ скважинѣ и стала слушать. Ей ясно послышался шопотъ, возня около постели снохи; тогда она не вытерпѣла, отворила дверь и притворно испуганнымъ голосомъ стала звать мужа:

— Филиппъ! а, Филиппъ! гдѣ ты? Вотъ тутъ кто-то возится, не залѣзъ ли кто?

Филиппъ не отзывался. Тогда Настасья зажгла спичку, подошла прямо къ снохиной постели и откинула пологъ. Она увидѣла Филиппа, державшаго за горло Ольгу. Хриплый стонъ вырвался изъ груди бабы.

Увидя жену, освирѣпѣвшій старикъ соскочилъ съ кровати и всталъ передъ ней.

— Ты что тутъ дѣлаешь, злодѣй! Ахъ ты, безстыдникъ! Что ты затѣялъ-то? — кричала Настасья, наступая на мужа.

— Молчать! Не твое дѣло, пошла на свое мѣсто!—крикнулъ Филиппъ и кулаками отшвырнулъ жену прочь.

Настасья взмахнула руками и ударилась объ стѣнку.

— Ой, батюшки мои! да что же это такое? — заголосила Настасья.—Я народъ созову, разбойникъ этакій!

Филиппъ схватилъ ее за плечи, впихнулъ въ избу и, шипя, проговорилъ:

— Убью, если пикнешь!

Но Настасья не унималась.

— Не боюсь я тебя, разбойникъ, снохачъ проклятый! Жаловаться на тебя буду, въ волость пойду, передъ всѣми осрамлю!..

Филиппъ опять было подошелъ къ кровати, на которой лежала Ольга съ посинѣвшимъ лицомъ и почти безъ сознанія, но въ это время онъ услыхалъ, какъ растворилось окно на улицу, и Настасья закричала въ него:

— Караулъ!

Онъ вскочилъ въ избу, отдернулъ старуху отъ окна и такъ ударилъ ее, что она покатилась на полъ безъ чувствъ.

Дрожа отъ гнѣва, Филиппъ вышелъ изъ избы и сѣлъ на завалинку подъ окномъ, и изъ боязни, что старуха опять начнетъ кричать въ окно, не рѣшался сойти съ мѣста вплоть до утра.

XVI.

Когда опамятовалась Настасья, начинало уже свѣтать. Кряхтя и охая, поднялась она съ пола и сѣла на лавку и вплоть до утра просидѣла въ раздумьи, что ей дѣлать, и твердо рѣшила пойти жаловаться.

Потихоньку вышла она изъ избы на задворки и пошла огородами. Не прошла она и половины огорода, вдругъ слышитъ, бѣжитъ кто-то за ней; оглянулась она и остолбенѣла отъ страха: за ней гнался Филиппъ.

— Ты куда это собралась?

— А тебѣ что за дѣло?

— Пошла домой!

— Не пойду, отстань отъ меня, беззаконникъ этакій!

Филиппъ схватилъ ее за шиворотъ и ударилъ въ спину кулакомъ.

— Пошла, коль говорятъ!

— Ой-ой!—завыла Настасья.—Да что же ты дѣлаешь-то? Иль думаешь, на тебя расправы не найдется? Въ волостную пойду, все разскажу.

И она, собравъ всѣ свои силы, кинулась было бѣжать черезъ огородъ.

— А-а! въ волостную! жаловаться! — хриплымъ голосомъ кричалъ Филиппъ, хватая ее сзади. Обѣими руками онъ вцѣпился ей въ косы и повалилъ на землю. — Жаловаться! Я тебѣ покажу, какъ жаловаться!.. Вотъ тебѣ, вотъ!..

И онъ сталъ ее бить, куда ни попало. Настасья кричала отчаянно, но онъ свирѣпѣлъ все больше и больше и, наконецъ, сталъ бить ее сапогами. На крикъ Настасьи сталъ сбѣгаться народъ. Бросились было отнимать ее, но Филиппъ такъ разошелся, что долго никто не могъ подойти къ нему. Когда, наконецъ, оттащили Настасью отъ Филиппа, она уже

не подавала голоса. Лицо ея все было въ крови, мокрыя пряди волосъ разметались вокругъ шеи. Не было слышно ни вздоха. Люди, собравшіеся вокругъ нея, переговаривались вполголоса и покачивали головами.

— Вишь, что надѣлалъ, душегубъ, какъ изувѣчилъ бабу. Теперь едва ли отойдетъ.

— Отойдетъ ли, нѣтъ ли, а глядѣть зря нечего, — сказалъ одинъ мужикъ.—Беритесь за нее да давайте понесемъ въ избу.

Настасью подняли на руки и понесли въ избу, уложили ее на долгой лавкѣ и стали ждать, что будетъ.

Понемногу пришла въ себя Настасья. Стали у ней разспрашивать, за что ее такъ избилъ Филиппъ. Вздохнула Настасья и проговорила:

— Охъ, грѣхи тяжкіе... поминать тошнехонько!.. — и закашлялась Настасья, застонала, изъ глазъ слезы брызнули. — Охъ! уходилъ онъ меня... не переживу... смерть моя!

Люди молча глядѣли на нее, бабы всхлипывали. Замѣтила Настасья среди мужиковъ кума своего и подозвала его къ себѣ.

— Куманекъ, батюшка, — заговорила она, — будь другъ, напиши ты Андрюшѣ письмецо. Пропиши ты ему, что умираю я. Хотѣлось бы передъ смертью взглянуть на него. Не пріѣдетъ ли домой.

— Ладно, напишу,—сказалъ кумъ.

— Ты поскорѣе, голубчикъ мой.

— Сейчасъ пойду напишу и самъ въ контору снесу, будь покойна.

— Ну, ладно... потрудись... Охъ, кабы увидать мнѣ его!..

Къ вечеру ей стало хуже.

— Словно у меня тамъ внутри оторвано все, — говорила она и къ ночи совсѣмъ въ забытье впала.

Она стала бредить, метаться. И только къ утру пришла въ себя. Очнулась она, обвела глазами кругомъ и, замѣтивъ около себя одну старуху, подругу свою прежнюю, проговорила:

— Помираю, родная... Хотѣлось бы проститься... съ нашими... позови ихъ сюда.

Старуха кинулась изъ избы, нашла Ольгу и почти насильно впихнула ее въ избу.

Ольга, рыдая и дрожа отъ страха, бросилась на полъ передъ постелью Настасьи, ударилась головой объ полъ и начала причитать, захлебываясь слезами. Настасья прежде молчала, а потомъ заговорила, тяжело переводя духъ:

— Ну, Богъ съ тобой, не мнѣ судить, всѣ мы грѣшные... Смерть моя близка, не держу я больше зла ни на кого... Смотри, поладь съ Андреемъ... покайся во всемъ...

Ольга припала къ ней головою, вся вздрагивая отъ рыданій. Настасья перекрестила ее дрожащею рукой и спросила:

— А гдѣ же старикъ-то?

Старуха пошла искать Филиппа, но нигдѣ найти его не могла...

Такъ и умерла Настасья, не увидавъ его.

Филиппъ пришелъ домой только къ вечеру и пьяный. Узнавъ, что Настасья умерла, онъ и въ избу не вошелъ, а пошелъ въ сарай и легъ тамъ спать. А на утро опять въ трактиръ ушелъ.

Съ этихъ поръ онъ сталъ пить безъ передышки; домой являлся онъ только за тѣмъ, чтобы взять на что пить. Когда хоронили Настасью, онъ и дома не былъ. Хлопотали обо всемъ Ольга да добрые люди. Онъ словно избѣгалъ встрѣчаться съ людьми. И люди мало-по-малу стали бояться встрѣчать его. Очень перемѣнился онъ за это время,— лицомъ страшный сталъ, глаза какъ у безумнаго. Пуще всѣхъ боялась Ольга его; завидя его, она пряталась куда ни попало или совсѣмъ убѣгала изъ дома...

XVII.

Не съ однимъ свекромъ боялась встрѣчаться Ольга. Избѣгала она и людей. Она видѣла, что на нее глядятъ насмѣшливо, говорятъ шопотомъ, какъ увидятъ ее, — одно

слово, считаютъ, что она заодно со старикомъ была, и ей страшно тяжело дѣлалось. „Господи, зачѣмъ я такая несчастная зародилась?—думала она. — Въ какіе года я такъ мучаюсь! Скоро ли кончатся мои муки?..“

И она съ нетерпѣніемъ ждала мужа. Она знала, что онъ, какъ получитъ письмо отъ крестнаго, не вытерпитъ, пріѣдетъ домой. И со страхомъ и трепетомъ она ждала того дня, когда онъ пріѣдетъ.

Прошло съ недѣлю послѣ похоронъ Настасьи. Встала Ольга рано поутру и подошла къ окну. Погода была пасмурная, мелкій дождь сыпался на землю. Какъ-то тяжело чувствовала себя баба, сердце ея больно ныло, грудь давило тоской. Стала она глядѣть въ окно. Вдругъ вздрогнула она всѣмъ тѣломъ и отшатнулась отъ окна, сердце въ ней часто-часто застучало.

Съ огорода шелъ прямо къ избѣ тотъ, кого она съ нетерпѣніемъ ждала и боялась. Шелъ онъ медленно и слегка пошатываясь. Несмотря на холодное утро, одѣтъ былъ Андрей въ одинъ пиджакъ, руки его были засунуты въ карманы, картузъ на затылокъ съѣхалъ. Взглядъ у него былъ нехорошій, ротъ какъ-то перекосившись. Не успѣла Ольга очнуться, какъ Андрей широко отворилъ дверь и вошелъ въ избу. Скинувъ картузъ и бросивъ его на лавку, онъ обвелъ избу помутившимися глазами и, не глядя на Ольгу и не здороваясь съ ней, сурово спросилъ:

— Гдѣ же отецъ?

— Не знаю, — чуть слышно отвѣтила Ольга, дрожа вся какъ въ лихорадкѣ.

— А мать?

— Умерла матушка,—сказала Ольга и всхлипнула.

— Умерла!..—вскрикнулъ Андрей и подскочилъ къ Ольгѣ.—Черезъ васъ, проклятые!— зарычалъ онъ. — Въ гробъ вогнали, беззаконники окаянные!..

И Андрей кинулся на Ольгу и вцѣпился ей въ волосы...

— Андрей, голубчикъ, прости Христа ради...—взмолилась Ольга и бросилась ему въ ноги.

— А, теперь прощенья просишь! А въ Москвѣ что говорила? Тогда знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, а теперь прости! Нѣтъ, врешь... Крестись!

Андрей размахнулся и со всей мочи ударилъ жену въ високъ. Ольга пронзительно вскрикнула, вскочила на ноги и бросилась было къ двери. Словно сотнями иглъ кольнулъ Андрея крикъ Ольги, въ головѣ его помутилось и, не помня себя, схватилъ онъ лежавшій на приступкѣ топоръ, и не успѣла Ольга отворить двери, какъ онъ взмахнулъ топоромъ надъ головой ея и опустилъ его. Раздался крикъ, рѣзкій, отрывистый... Что-то страшно хрястнуло, что-то густое и горячее брызнуло въ лицо и глаза Андрею. Ольга покачнулась, грузно рухнулась на полъ. Все затихло. Только и слышно было, какъ тяжело дышалъ Андрей. Постоялъ онъ надъ тѣломъ, будто не понимая, что случилось, потомъ подошелъ къ лавкѣ, сѣлъ и безсмысленно вперилъ глаза въ то мѣсто, гдѣ лежало тѣло.

Въ сѣняхъ кто-то застучалъ, отворилась дверь, и въ избу вошелъ одинъ мужикъ, но увидавъ, что случилось въ избѣ, онъ съ ужасомъ попятился назадъ и съ крикомъ выбѣжалъ на улицу.

Скоро все село собралось къ Филипповой избѣ. Народъ тѣснился у двери, съ ужасомъ глядя на трупъ Ольги съ раскроеннымъ черепомъ. А Андрей все такъ же молча сидѣлъ на лавкѣ и, казалось, ни на что не обращалъ вниманія. На него нашелъ столбнякъ. Вскорѣ пришелъ староста, протолкался черезъ народъ, поглядѣлъ на убитую и покачалъ головой.

— Ну, малый, тебя за это дѣло не похвалятъ, — сказалъ онъ Андрею. — Ты что же это надѣлалъ? А? Андрей, тебѣ говорятъ-то!—и онъ потрясъ парня за плечо.

Андрей перевелъ на него тусклые глаза и вдругъ пришелъ въ себя.

— Убилъ! убилъ!.. — закричалъ онъ дико и жалобно и повалился ничкомъ на лавку.

XVIII.

Въ это самое время Филиппъ лежалъ въ сосѣднемъ лѣсу и спалъ. Наканунѣ этого дня онъ былъ сильно пьянъ и самъ не помнилъ, какъ забрался въ лѣсъ и заночевалъ подъ кустомъ. Къ утру пошелъ дождь и промочилъ Филиппа до костей. Тогда только очувствовался Филиппъ и вскочилъ на ноги. Его пробила дрожь, въ головѣ сильно шумѣло, хотѣлъ было мужикъ опять въ трактиръ вернуться, пошарилъ въ карманахъ, но не нашелъ тамъ ни гроша и рѣшилъ домой сбѣгать и что-нибудь взять на выпивку. Каждый разъ, какъ Филиппъ отрезвлялся, воспоминанiе о томъ, что онъ надѣлалъ, начинало сильно мучить его, и онъ торопился поскорѣе напиться, чтобы затуманить память и заглушить тоску. Прибѣжалъ Филиппъ домой, хотѣлъ взойти на крыльцо, но вдругъ остановился: калитка была отворена и въ сѣняхъ толпился народъ.

— Что тутъ такое?—спросилъ Филиппъ и почувствовалъ, какъ сердце у него забилось, какъ бы что недоброе предчувствуя.

— А вотъ поди, погляди...—сказали ему и дали дорогу.

Подошелъ Филиппъ къ двери, протискался сквозь народъ, оглядѣлъ избу и въ ужасѣ отшатнулся назадъ.

Въ вискахъ у него стучало, въ глазахъ красные круги завертѣлись, сердце въ груди замерло. Шатаясь, вышелъ онъ со двора въ огородъ; дошелъ до обрыва надъ рѣчкой, опустился на траву и сжалъ голову обѣими руками.

„Господи, да что это такое?—простоналъ онъ.—Что это я только надѣлалъ-то! Боже милостивый!.. Жену заколотилъ, сноху безъ поры безо времени погубилъ. Сына родного убiйцей сдѣлалъ... Мать сыра земля, проглоти меня живьемъ окаяннаго! О-о-о!..“—и онъ вдругъ ударился головой о землю и завылъ. Жгучiя слезы полились изъ глазъ его, мысли въ безпорядкѣ замелькали въ головѣ.

„Какъ мнѣ теперь съ людьми жить?.. Куда я глаза покажу? Проклятый я, проклятый!..“

И Филиппъ отчаянно стиснулъ зубы, вдругъ вскочилъ на ноги и оглянулся. Было пусто и тихо кругомъ, только прибывшая отъ дождя рѣка шумѣла волнами. Постоялъ Филиппъ немного и вдругъ шагнулъ къ самому обрыву берега и взглянулъ внизъ. Внизу, пѣнясь и наскакивая одна на другую, быстро неслись мутныя волны. Оглянулся Филиппъ еще разъ кругомъ и, отступивъ шага три назадъ, съ разбѣга бросился съ обрыва, зацѣпился за край, отшибъ нѣсколько комковъ глины и съ ними вмѣстѣ съ шумомъ упалъ въ воду и пошелъ ко дну.

Въ носъ и уши ему полѣзла вода, невольно сталъ онъ отдуваться, заметался и вынырнулъ наверхъ.

Не успѣлъ онъ духа перевести, какъ на него набѣжала большая волна и перекувырнула его. Захлебнулся несчастный, и понесло его внизъ по теченію.

XIX.

На другой день было вёдро. Дождь пересталъ еще вечеромъ, вода въ рѣкѣ, прибывшая отъ дождя, за ночь спала.

Въ верстѣ отъ Баранова Куза круто поворачиваетъ на полдень, и отъ этого поворота вода, ударяясь въ берегъ, сдѣлала большую вымоину. При полной водѣ вымоина заливалась водой, а когда вода спадала, то дно ея обсыхало и только посрединѣ оставалась большая лужа, или заводина.

Къ этой заводинѣ прибѣгали мальчики и вылавливали изъ нея мелкую рыбу, которая оставалась здѣсь послѣ паводка. Такъ было и въ этотъ день. Только солнце обогрѣло, какъ изъ села высыпала артель ребятишекъ съ рѣшетами и маленькими сачками изъ мѣшковины и подбѣжала къ заводинѣ. Нѣкоторые изъ нихъ было ужъ влѣзли въ воду, какъ одинъ мальчишка замѣтилъ на пескѣ, недалеко отъ берега, лежащаго человѣка въ полукрасной рубахѣ и синихъ порткахъ. Ребятишки остановились, притихли и робко обступили утопленника.

Одинъ изъ нихъ рѣшился дотронуться до него ногой; мертвецъ не шевельнулся, тогда ребята шарахнулись въ сторону, стрѣлой взлетѣли на гору и понеслись въ село съ криками:

— Утопленникъ, утопленникъ на рѣкѣ!..

Услыхали мужики, высыпали на улицу, стали разспрашивать. Потомъ позвали старосту и гурьбой двинулись на рѣку. Подошли къ вымоинѣ мужики, взглянули на утопленника и тотчасъ же узнали его.

— Филиппъ Тарасовъ!—воскликнулъ одинъ мужикъ.

У всѣхъ пробѣжалъ морозъ по кожѣ. Въ ужасѣ мужики обступили утопленника и молча уставились на него.

— Господи Батюшка, вотъ напасть-то открылась! Вся семья прикончилась, — тяжело вздыхая, молвилъ одинъ старикъ.

— Видно, бѣда-то одна не ходитъ, а другихъ за собой приводитъ,—молвилъ другой.

Постоявъ еще нѣсколько и потуживъ о Филиппѣ и его семьѣ, мужики одинъ за другимъ стали отходить отъ утопленника и, поднявшись на берегъ, направились къ селу и стали готовиться къ встрѣчѣ станового и доктора.

Въ Рождественскую ночь.

I.

Наканунѣ Рождества, въ нижній конецъ Воронина, на тощей, вспотѣвшей лошаденкѣ, запряженной въ сани съ подсанками, въѣхалъ молодой еще мужикъ. Онъ ѣхалъ вдоль села молчаливо, снимая шапку передъ попадавшимися ему встрѣчниками и получая то же въ отвѣтъ. Протащившись по всему селу, онъ повернулъ къ небольшой избушкѣ, стоявшей второй или третьей отъ конца, и, остановивши лошадь подъ окнами, сталъ вылѣзать изъ саней. Ноги у него окоченѣли отъ холода и сидѣнья, и онъ съ трудомъ подошелъ къ мордѣ лошади, чтобы начать ее распрягать. Въ это время онъ взглянулъ въ окно избушки, какъ бы надѣясь увидать, не выглянетъ ли кто оттуда, но въ окна никого не было видно. Отложивъ лошадь и пустивъ ее на дворъ, мужикъ убралъ сбрую, взялъ съ дровней пустой мѣшокъ и топоръ и пошелъ въ избу.

Мужикъ одѣтъ былъ бѣдно: сверху на немъ былъ надѣтъ дырявый халатъ, изъ-подъ него торчали клочки старенькаго полушубка, ноги были обуты въ заплатанныя и подковыренныя пеньковыми сучилками валенки. Когда онъ отворилъ дверь, то изъ избы пахнуло бѣдностью: закопченныя стѣны ея были голы, полати пустыя, только на лавкахъ валялось кое-какое тряпье. Перекрестившись, мужикъ окинулъ избу взглядомъ и, не замѣтивъ въ ней никого, взглянулъ на печку и кашлянулъ. Тамъ что-то зашевелилось; мужикъ проговорилъ:

— Никакъ моя жена-то отдыхаетъ?

— Батюшки, никакъ Ефремъ! — послышалось съ печки, и вслѣдъ за этимъ оттуда сошла молодая худощавая женщина.

— Это ты? Насилу-то пріѣхалъ, а я ждала, ждала! — проговорила она.

— Вотъ и дождалась. Здорово! — сказалъ Ефремъ.

— Здорово, родной!

Ефремъ пристально поглядѣлъ на жену. Лицо ея было худое, худое съ желтизной, глаза въ ямы ввалились.

— Что ты такая? — спросилъ онъ.

— Да все хвораю.

— Да что жъ у тебя болитъ-то?

— Да вся больная; нѣтъ мочи, да и только. Примусь что дѣлать, руки не поднимаются, голова кружится, тошнитъ.

— И давно такъ?

— Съ Николы почти. Ужъ я ономясь въ больницу ѣздила, къ доктору, съ Марьей Шептуновой.

— Что жъ онъ сказалъ?

— Да что, знамо не подходяще. Ѣшь, говоритъ, получше, скоромное, если можно, а то постное посытнѣй; а не то, говоритъ, не такъ вымотаешься.

— Ну, ты что жъ?

— Что жъ? А безъ него-то я развѣ не знаю, что это хорошо, да гдѣ же взять-то? Вотъ хлѣбъ весь дошелъ, масла съ самаго Знаменья ни капельки, только и ѣды, что картошка да щи.

Ефремъ вздохнулъ, уложилъ свою одеженку на полати и, одернувъ рубашку, сѣлъ на лавку и задумался.

— Да!.. Видно, гдѣ горе не ходитъ, а насъ никогда не обходитъ, — съ горечью проговорилъ Ефремъ.

Баба тревожно поглядѣла на него и робко спросила:

— Ну, а у тебя какъ дѣла?

— Плохо, — темнѣя въ лицѣ, сказалъ Ефремъ.

Лицо у бабы сдѣлалось испуганное.

— Что жъ такое? — спросила она.

— Да денегъ за работу не отдали. Самъ хозяинъ не пріѣхалъ и пріѣхать до Крещенья не обѣщался, а у приказчика нѣтъ. За постой и то не заплатили.

— Какъ же васъ отпустили-то?

— Да ужъ по запискѣ. Написалъ приказчикъ, что должна намъ контора, ну и отпустили.

Баба повѣсила голову; печальное лицо ея сдѣлалось еще грустнѣе.

Долго молчала она, потомъ тяжело вздохнула и проговорила:

— Такъ какъ же быть-то теперь? Вѣдь завтра праздникъ, а намъ не то что разговѣться,—а и ѣсть нечего будетъ: мука вся, хлѣба одна краюшка осталась; я думала, ты привезешь и муки, и крупицъ, и говядины, а ты вонъ какъ...

Ефремъ сдвинулъ брови и глухо проговорилъ:

— Всего привезъ бы, коли бъ отдали; такъ и думалъ. Да что жъ сдѣлаешь-то, гдѣ хозяина-то возьмешь?

— А ты много заработалъ-то?

— Тридцать рублей; восемнадцать за постой да за кормъ съ харчами остался долженъ, а двѣнадцать чистыхъ осталось.

— И неужели у нихъ не набралось?

— Нѣту, такъ и говорятъ. Только и дали по три гривенника съ праздникомъ; по гривеннику давеча на чаю пропили, а двугривенный вонъ остался.

Баба опять помолчала, потомъ спросила:

— Что жъ намъ теперь дѣлать-то?

Ефремъ ничего не сказалъ; онъ ходилъ по избѣ, что-то обдумывая. Вдругъ онъ остановился противъ жены и проговорилъ:

— Надо толкнуться кое-куда.

— Куда жъ ты думаешь толкнуться-то?

— Попробую, къ дядѣ схожу. Попрошу у него твою шубу, что заложена, да наберу подъ нее, что надо, у Лаврентьича...

— А отдастъ ли дядя шубу-то?

— Все, я думаю, отдастъ: теперь получка недалеко. Неужели не повѣритъ?

— Сходи, може, что выйдетъ.

Ефремъ одѣлся, надѣлъ шапку и вышелъ изъ избы Аксинья достала изъ печки котелъ съ водою и стала мыть лавки...

II.

Дядю Ефрема звали Михеемъ. Онъ слылъ богачомъ. Разжился онъ въ городѣ, когда еще жилъ въ семьѣ, вмѣстѣ съ братомъ Степаномъ, отцомъ Ефрема.

Степанъ былъ мужикъ смирный, работящій и заботливый. Съ Михеемъ жилъ дружно. Отпустивши его въ городъ на добывку, онъ довольствовался тѣмъ, что братъ давалъ ему, и никогда не назначалъ опредѣленной суммы. Михей, бывшій полукавѣе брата, сталъ этимъ пользоваться и откладывать деньги; съ каждымъ годомъ онъ присылалъ меньше и меньше, наконецъ, свелъ высылку на нѣтъ. Степанъ все молчалъ. Но вотъ въ одинъ годъ у него стряслась бѣда: пали всѣ лошади отъ заразы, нужно стало новыхъ лошадей покупать; тогда Степанъ написалъ Михею, чтобъ онъ побольше денегъ выслалъ. Михей вмѣсто денегъ вдругъ пріѣхалъ самъ и сталъ придираться, что Степанъ дѣлаетъ многое не такъ, сталъ его учитывать. Степану это не понравилось; слово за слово—стали братья ругаться, а отъ ругани перешли къ раздѣлу.

Михей, видимо, нарочно на то билъ: сейчасъ онъ и построился за первый сортъ, купилъ пару хорошихъ лошадей, починилъ сбрую и сталъ на ряду съ первостепенными хозяевами Воронина.

Степанъ только теперь понялъ, какъ братъ недобросовѣстно поступилъ съ нимъ, но ничего сдѣлать не могъ. Построился онъ послѣ раздѣла кое-какъ и хозяйство повелъ кое-какъ; сталъ частенько заглядывать въ кабакъ,—и одинъ разъ, ночевавъ пьяный на улицѣ въ осеннюю ночь, простудился и отдалъ Богу грѣшную душу...

А Михей, построившись, больше въ городъ не поѣхалъ; онъ, видимо, не всѣ деньги истратилъ на постройку и на остатокъ началъ дѣлать обороты. Сначала онъ сталъ у крестьянъ осенью по дешевымъ цѣнамъ хлѣбъ покупать и зимой перепродавать; потомъ понемногу сталъ и къ помѣщикамъ подбираться,—и мало-по-малу нашелъ на линію и сдѣлался не малымъ человѣкомъ по окружности. Знакомства завелъ хорошія, съ управляющими разными да съ купцами, съ попомъ дружить началъ,—по деревнямъ уже передъ нимъ нерѣдко снимали шапки.

Послѣ смерти Степана жена его обратилась было къ Михею за помощью по случаю своего сиротства; она просила его поддержать ихъ до возраста Ефрема, но Михей и слушать ея не сталъ. Кое-какъ баба вырастила Ефрема, передала ему хозяйство и отправилась сама вслѣдъ за своимъ мужемъ. Остался Ефремъ крестьянствовать вдвоемъ съ своею молодою женой.

III.

Когда Ефремъ брался за хозяйство, то думалъ, ему легко можно поправить его; но, поработавъ нѣсколько лѣтъ, убѣдился, что его тогда только можно поправить, когда сразу завести снова всѣ принадлежности, а безъ этого о поправкѣ было и думать нечего.

И Ефремъ сталъ перебиваться кое-какъ, ожидая, не приплыветъ ли къ нему откуда-нибудь какое счастье; но счастье не приплывало, а хозяйство все падало, и за послѣдній годъ, истощенныя до нельзя его полосы, не дали и того, что обыкновенно давали, и онъ съ самой осени очутился почти безъ хлѣба и со множествомъ мелкихъ нуждъ домашнихъ.

Чтобы не умереть съ голоду, Ефрему пришлось искать на зиму себѣ работы,—и онъ принялся искать ее.

Работу онъ нашелъ для себя и для лошади. Изъ одной рощи нужно было лѣсной матеріалъ на станцію подвозить;

туда и подрядился Ефремъ; но, подрядившись, мужикъ очутился въ такомъ затруднительномъ положеніи, изъ какого не зналъ какъ и выйти.

Для того, чтобы ѣхать работать, Ефрему нужны были здоровыя сани съ подсанками; но ни того ни другого у него не было; нужно было заводить, а заводить не на что.

Толкнулся было Ефремъ то къ тому, то къ другому изъ сосѣдей, чтобы занять денегъ, но безуспѣшно.

— Да ты къ дядѣ-то сходи,—надоумилъ кто-то Ефрема:— онъ скорѣй выручитъ.

Ефремъ боялся дяди, какъ огня; онъ слышалъ, какъ онъ поступилъ съ его родителями, и не ждалъ отъ него никакого добра. Ефремъ долго думалъ, что для него заказана дорога къ дядѣ; но срокъ началу работы подходилъ, а саней у него все не было, и волей-неволей ему приходилось итти. Скрѣпивъ сердце, Ефремъ напустилъ на себя храбрости и пошелъ.

Михей встрѣтилъ племянника сурово. Выслушавъ его просьбу, онъ сдвинулъ брови и проговорилъ:

— Какъ вамъ давать-то? Дашь тебѣ, и поминай какъ звали. Чѣмъ ты отдашь-то?

— Я, дядюшка, на работу ѣду; какъ заработаю, такъ и принесу,—сказалъ Ефремъ.

— Ну да, принесешь! Это ты теперь дорогу-то нашелъ, а тогда и забудешь...

— Ей-Богу нѣтъ, принесу...

— Ну, знаемъ васъ, вы всѣ такъ говорите... Нѣтъ...

Ефремъ, видя, что дядя не поддается, рѣшилъ испытать послѣднее средство; онъ сказалъ:

— Ну, коли такъ не вѣришь, я закладъ принесу; выручи только Христа-ради.

Михей согласился подъ закладъ дать денегъ, и Ефремъ принесъ ему единственную вещь, которая имѣла какую-нибудь цѣнность въ домѣ—приданую шубу жены, получилъ пятерку и, купивъ сани съ подсанками, отправился на работу.

Эту-то шубу онъ и шелъ просить у дяди.

IV.

Изъ дома вышелъ Ефремъ бодро; онъ спокойно обдумывалъ, какъ онъ будетъ просить дядю отдать ему шубу, и какъ, получивъ ее, пойдетъ съ ней къ трактирщику Лаврентьичу и наберетъ подъ нее у него въ лавкѣ, что нужно для праздника; но, выйдя на дорогу и завидѣвъ издалека домъ дяди, Ефремъ почувствовалъ, какъ его охватила робость, и твердые шаги его сдѣлались мелкими и неувѣренными.

„А ну, какъ не отдастъ!“ мелькнуло у него въ умѣ, и сердце его похолодѣло; но Ефремъ поспѣшилъ отогнать эту мысль и, уже ничего не думая, повернулъ къ дядину дому...

Время подходило къ сумеркамъ, и въ домѣ Михея въ это время уже совсѣмъ приготовились къ празднику. Въ немъ все было вымыто и вычищено... Самъ Михей тоже вымылся, нарядился въ новую рубашку и отъ нечего дѣлать стоялъ въ дверяхъ чулана и глядѣлъ, какъ его старуха снимала хлѣбную корку съ только-что вытащеннаго изъ печки окорока, а дочь-невѣста выбирала кости изъ горячаго навара для студня. Въ чуланѣ носился скоромный запахъ. Михей потягивалъ его носомъ, съ удовольствіемъ думая о томъ, какъ онъ завтра будетъ разговляться.

Изба Михея была небольшая, но свѣтлая и чистая. Стѣны ея были обиты картинками и листами; въ одномъ углу висѣли дорогія иконы. Предъ ними горѣла лампадка; подъ иконами, на полочкѣ, лежали разныя книги, которыя иногда читалъ Михей. То были: Псалтирь, Часовникъ, Житія, Новый Завѣтъ. Всѣ онѣ были на церковномъ языкѣ. Михей не каждое слово понималъ, когда читалъ ихъ, но этимъ онъ не смущался: онъ думалъ, что не пониманіе священной книги польза для души, а самое чтеніе ея...

Стоя у чулана, Михей вдругъ услыхалъ, что дверь въ избу отворяется. Онъ обернулся и замѣтилъ входящаго въ дверь Ефрема. Окинувъ взглядомъ съ головы до ногъ пле-

мянника, Михей замѣтилъ, что валенки у того въ снѣгу; хорошее расположенie духа у него вдругъ пропало, и онъ страшно закипятился.

— Куда ты прешь-то?—крикнулъ Михей,—взгляни-ка на лапы-то, въ чемъ онѣ у тебя? Развѣ съ такими въ горницу входятъ? Для этого мы моемъ и убираемся-то?

Ефремъ сконфузился и попятился назадъ; обивъ ноги у порога, онъ опять вошелъ въ горницу и несмѣло остановился въ дверяхъ.

— Ну, что скажешь?—отходя къ столу и садясь на лавку, недовольнымъ голосомъ спросилъ Михей.

— Да я къ тебѣ, дядюшка,—краснѣя и запинаясь, молвилъ Ефремъ.

— Да вижу. Зачѣмъ?

— Да вотъ у тебя... шуба наша заложена... такъ я хотѣлъ попросить...

— А деньги принесъ?

— Деньги, тово... послѣ праздника; хозяинъ не отдалъ... получка значитъ будетъ.

— А деньги не принесъ, и шубы не отдамъ. Съ какой стати? Я что тебѣ говорилъ?

— Да я вотъ получу...

— Ну, когда получишь, тогда и приходи, а теперь нечего добрымъ людямъ мѣшать, небось къ празднику приготовляются. Христiанинъ ты, али нѣтъ?..

— Дядюшка...

— Чего еще? Говорятъ, не приставай, ничего не будетъ...

— Ей-Богу отдамъ, деньги-то! Не задержу. Какъ получу, такъ и принесу, повѣрь ужъ. Я подъ нее у Лаврентьича кое-что возьму, а то разговѣться нечѣмъ.

— Тебѣ говорятъ, безъ денегъ не дамъ, что еще толковать... Пошелъ!..

— Дядюшка!..

— Лучше но сквалыжничай, на грѣхъ не наводи!—погрозилъ Михей.

Ефремъ понялъ, что ему больше надѣяться не на что, и

его охватила страшная досада, къ горлу подступили слезы; еле сдерживая ихъ и не помня себя, онъ воскликнулъ:

— Господи! Неужто въ тебѣ души нѣтъ? Неужто не вѣришь ты крещеному человѣку? Аль по себѣ думаешь, что всѣ плуты?..

Михей побагровѣлъ и не взвидѣлъ свѣту. Онъ вскочилъ съ мѣста, подскочилъ къ Ефрему, повернулъ его лицомъ къ двери и вытолкнулъ изъ горницы.

— Еще разговаривать, скотъ этакій! Вонъ! Чтобы духу твоего не пахло!..

Ефремъ кубаремъ выкатился изъ дома.

— Экій народъ дьявольскій! — ругался Михей. — Такъ и разѣваютъ рты на достаточнаго человѣка, такъ и норовятъ что-нибудь вытянуть у него. Что я для нихъ, что ли, наживалъ-то? Для нихъ заботился? Экія свиньи безсовѣстныя! Еще обижаются, упрекаютъ: „По себѣ думаешь, что всѣ плуты“... Какой же я плутъ!?.. Сволочи поганыя!..

Изъ чулана выступила его жена. Онъ взглянулъ на нее, ожидая одобренія своего поступка, но та взглянула на него съ упрекомъ и, вздохнувъ, проговорила:

— Совсѣмъ ты обусурманился...

— Что такое?..

— Да какъ же... Люди въ это время чужимъ подаютъ ради Христа, а ты родного не уважилъ.

— Всѣхъ такихъ уважать—и портокъ не удержишь,—грубо проговорилъ Михей.

— Не пропадетъ... Може, у него, правда, задержали деньги, получилъ бы и отдалъ.

— Какъ же, подставляй карманъ...

— Ну, и не отдалъ бы, ты не разорился... Онъ тебѣ не чужой... И перешло бы за него маленько, грѣха не было бъ...

— Поучи еще меня...

— И поучишь, когда видишь разуму нѣтъ.

— Ну, у тебя много, такъ ты и береги его, какъ бы я его не растрясъ...

Баба замолчала, но Михей все успокоиться не могъ. Онъ

въ волненіи ходилъ по избѣ и чувствовалъ себя очень скверно.

— Принесъ же чортъ!—ругался Михей на Ефрема.—Нужно притти для такого дня и разстроить человѣка. Ахъ, харпайдолъ анаѳемскій!..

V.

Ефремъ, выкатившись изъ дома дяди, остановился, чтобы перевести духъ и притти немного въ себя. Онъ чувствовалъ, какъ сердце его сжималось отъ обиды и волновалась кровь; сразу онъ не могъ и одуматься и не зналъ, что дѣлать ему и куда итти.

„Господи, да что же это такое?—думалъ онъ.—Я думалъ, онъ, какъ родной, по-божески поступитъ, а онъ вонъ какъ!“

И у него подступили слезы къ горлу, онъ ужъ не могъ сдержаться и всхлипнулъ. Мысль, что его опечаленная жена ждетъ его не съ пустыми руками, усиливала его горе; онъ сталъ думать: что же ему дѣлать и къ кому итти съ просьбой?

Вдругъ онъ махнулъ рукой и, быстро отвернувшись отъ дядина дома, пошелъ по направленію къ трактиру. Трактиръ въ Воронинѣ былъ на нижнемъ концѣ села; содержалъ его отставной солдатъ, Степанъ Лаврентьичъ. Онъ былъ большой плутъ, какъ и всѣ торговцы. Въ Воронинѣ онъ торговалъ давно, кромѣ трактира имѣлъ лавку и держалъ въ ней всякіе товары, нужные въ деревнѣ. Торговалъ онъ на чистыя деньги, въ долгъ отпускалъ развѣ подъ заклады; закладами же онъ не брезговалъ никакими; говорили, принималъ и краденое.

Самымъ хорошимъ временемъ для торговли онъ считалъ праздники. Въ эти дни къ нему въ заведеніе всегда набивалось много народа, съ которымъ онъ и „велъ дѣло“. Вино онъ подавалъ разсыропленное водой, пиво и медъ поиспортившіеся, чай со „жженкой“. Въ тѣснотѣ у него все сходило, и онъ послѣ такихъ праздниковъ только потиралъ руки

отъ удовольствія. Въ рождественскіе праздники Лаврентьичъ тоже думалъ поторговать путемъ. Онъ для этого все ужъ приготовилъ и на управкахъ баловался чайкомъ.

Чай пилъ Лаврентьичъ не одинъ. Къ нему только-что пришелъ пріятель; это былъ молодой шустроглазый парень, съ обвѣтреннымъ лицомъ и съ обледенѣлыми сапогами; онъ должно быть пришелъ издалека, порядкомъ назябся и, видимо, наслаждался тепломъ и покоемъ, аппетитно потягивая горячій чай.

— Такъ куда жъ ты теперь путь держишь?—спрашивалъ парня Лаврентьичъ.

— Да куда? Еще самъ не знаю; гдѣ работа подойдетъ, тамъ и остановлюсь,—отвѣчалъ парень.

— А товарищи-то подъ рукой есть у тебя?

— Вотъ то-то и горе-то, что одинъ остался! Вся братія разсыпалась: кого убили, кто въ острогъ попался, одинъ я уцѣлѣлъ.

— А осенью-то съ кѣмъ работалъ?

— Почти одинъ... Да и плохо работалъ, ноньче не задавалось.

— Что жъ такъ?

— Да то помѣшаютъ, то въ такое мѣсто попадешь, что и взять-то нечего. Чортъ знаетъ что!

Лаврентьичъ замолчалъ и сталъ пить свою чашку. Парень, допивъ съ блюдечка, спросилъ:

— У васъ тутъ нѣтъ ли у кого пошарить? А то руки чешутся.

— Да какъ сказать-то! Мѣста-то есть, да одному дѣлать нечего: не доберешься.

— А человѣка такого нѣтъ на помощь мнѣ?

Лаврентьичъ покрутилъ головой.

— Нѣтъ. Вотъ Гордюха мой пособилъ бы, да, видишь ли, зубы разболѣлись, домой ушелъ; пожалуй, не будетъ въ праздники и служить-то.

Парень вздохнулъ и принялся за другую чашку. Въ это время вошелъ Ефремъ.

Лаврентьичъ и гость оглянулись на него.

Ефремъ, войдя въ трактиръ, перекрестился, положилъ шапку на столъ и уныло проговорилъ:

— Лаврентьичъ! дай мнѣ сорокоушечку...

— Съ собой или на столъ? — поднимаясь изъ-за стола, спросилъ Лаврентьичъ.

— Давай, здѣсь выпью,—молвилъ Ефремъ и, опустившись на скамью, подперъ голову рукой и тяжело вздохнулъ.

— Что это ты закутить вздумалъ? Люди сегодня до звѣзды не ѣдятъ, а ты вино пить хочешь?—подавая сорокоушку, спросилъ Лаврентьичъ.

— Знамо, не съ радости,—съ радости безъ время не запьешь,—сказалъ Ефремъ и, наливъ стаканъ вина, выпилъ его однимъ духомъ.

— Что же у тебя за горе такое?

— У нашего брата, знамо, одно горе — нужда,—молвилъ Ефремъ и еще выпилъ стаканъ.

— Эхъ, нужда, нужда! знать, ты у всѣхъ водишься, — слегка вздыхая, сказалъ гость.

Лаврентьичъ промолчалъ; онъ опять усѣлся на свое мѣсто.

Ефремъ выпилъ третій стаканъ и перемѣнился. Лицо его разгорѣлось, глаза заблистали, онъ сдѣлался смѣлѣе и развязнѣе; съ напускною храбростью онъ взглянулъ на Лаврентьича и проговорилъ:

— Лаврентьичъ, а я къ тебѣ вѣдь съ просьбой.

— Что такое?—нахмурясь, спросилъ Лаврентьичъ.

— Будь другъ, выручи изъ нужды на малое время: повѣрь изъ лавки товарцу рубля на три.

— Ты знаешь, я въ долгъ не торгую,—еще болѣе нахмуриваясь, проговорилъ Лаврентьичъ.

— Ну, одинъ разъ повѣрь, я скоро тебѣ отдамъ. Ей-Богу! Вотъ послѣ Крещенья у насъ получка будетъ, я и принесу. У меня вѣдь двѣнадцать рублей заработанныхъ есть, только не получены.

— Ну, когда получишь, тогда и придешь; что хочешь тогда бери.

Ефремъ уставился на трактирщика. Лаврентьичъ не сморгнулъ подъ его взглядомъ. Онъ опять опустилъ голову на руки и стиснулъ зубы. Лаврентьичъ же проговорилъ:

— И чего ко мнѣ пришелъ; ты самъ пойми: распусти я товаръ въ долгъ, на что мнѣ вновь товаръ-то брать? А ты бы вотъ къ дядѣ своему толкнулся, попросилъ бы у него деньжонокъ и приходилъ бы ко мнѣ, я тогда тебѣ что хошь далъ бы...

Ефремъ вдругъ поднялъ голову и сверкнулъ глазами.

— А я развѣ не былъ? Былъ вѣдь, шубу просилъ, что заложена у него, и то не далъ. Развѣ это человѣкъ? Иродъ онъ!

И въ голосѣ Ефрема послышались слезы.

— Что жъ онъ говорилъ?—спросилъ Лаврентьичъ.

— Что? Повернулъ затылкомъ къ себѣ, да въ шею, вотъ что...

— Вотъ это ловко! Ха-ха-ха!—засмѣялся Лаврентьичъ, и глаза его подернулись масломъ.

Ефремъ готовъ былъ совсѣмъ расплакаться.

— Молодецъ! У него шубу просятъ, а онъ въ шею. Хорошо!—продолжалъ смѣяться Лаврентьичъ.

— На что лучше, по-родному. Вспомнилъ бы онъ только, кто я ему?—воскликнулъ Ефремъ и, схвативъ сорокоушку, вылилъ изъ нея послѣднюю водку и жадно выпилъ ее.

— А родной дядя-то?—спросилъ гость у Лаврентьича.

— Родной, съ его отцомъ вмѣстѣ жили,—отвѣтилъ Лаврентьичъ.

— Може, изъ-за моего отца и жить-то такъ сталъ, за его шеей и деньги-то копилъ!—сильно волнуясь, кричалъ Ефремъ.

— Да, этакъ не хорошо; это кому хошь обидно, — проговорилъ гость.

— Да какъ же, родимый!.. Эхъ!.. Лаврентьичъ! Ну, ужъ коли не хочешь товару повѣрить, отпусти хоть сорокоушечку еще въ долгъ; за эту на, получи. А еще дай. Ей-Богу отдамъ!

— Ну, что жъ, это можно,—сказалъ Лаврентьичъ и, толкнувъ гостя ногой подъ столомъ, всталъ и пошелъ къ буфету.

Гость тоже поднялся и, подойдя къ Ефремову столу, сѣлъ за него и твердо проговорилъ:

— Не надо сорокоушку, бутылку давай... Я требую!

Ефремъ осовѣлыми глазами удивленно поглядѣлъ на гостя и спросилъ:

— Это къ чему же ты? Значитъ, за что?

— А такъ, вижу человѣкъ въ горѣ и хочу съ нимъ горе раздѣлить. Я самъ, братъ, такой же горемыка.

— О?..—сказалъ Ефремъ.—Ну, спасибо, дай руку... Пожалѣлъ ты, значитъ, меня. Эхъ, братъ, если бы ты зналъ, какъ мнѣ тошно! Плакать впору.

— Вѣрю, братъ, самъ нужду видалъ, когда поглупѣй былъ; вотъ теперь маленько отвязался, когда смѣтку узналъ. А то тоже мучился...

— Что же это, значитъ, за смѣтка?—полюбопытствовалъ Ефремъ.—Нельзя и мнѣ узнать ее маленько?..

— Отчего же, можно, — улыбаясь, молвилъ гость и принялся наливать поданную водку.—Давай вотъ выпьемъ впередъ...

Ефремъ проворно схватилъ стаканъ и опрокинулъ его въ ротъ.

VI.

Когда Ефремъ выпилъ стаканъ изъ бутылки незнакомца, то тотъ съ притворнымъ участіемъ сталъ разспрашивать про дядю. Ефремъ, сильно волнуясь, разсказалъ, какъ дядя поступилъ съ его отцомъ, какъ отпустилъ мать ни съ чѣмъ, когда она обратилась къ нему за помощью.

Кончивъ разсказъ, онъ опять воскликнулъ:

— Вѣдь вотъ онъ какой Иродъ!

— Прямой Иродъ, — подтвердилъ незнакомецъ. — Не на мои руки онъ попалъ: я бы съ нимъ сдѣлался!

— Что съ нимъ сдѣлаешь? — уныло молвилъ Ефремъ. — Не такой онъ человѣкъ, чтобы намъ съ нимъ тягаться.

— Я бы потягался, — далъ бы себя знать, помнилъ бы онъ меня.

Эти слова затронули Ефрема за живое. „А что какъ вправду ему можно отплатить за это!“ мелькнуло въ его отуманенной хмелемъ и злобой головѣ.

— А что бы ты съ нимъ сдѣлалъ?—спросилъ Ефремъ.

— Что? А что съ такими людьми дѣлаютъ: не хошь добромъ, силой возьмемъ. Вотъ что!

Ефремъ печально опустилъ голову.

— Ну, намъ этого не сумѣть.

— Самъ не сумѣешь, другой сумѣетъ. Выпей-ка вотъ еще.

Ефремъ выпилъ. Незнакомецъ спросилъ:

— Ты знаешь, гдѣ у него добро-то лежитъ?

— Въ амбарѣ.

— А амбаръ-то извѣстенъ тебѣ?

— Еще бы!

— Вотъ проведи меня къ нему и поработаемъ.

Ефремъ ничего не сказалъ; онъ легъ головой на столъ и долго лежалъ такъ.

— Что жъ молчишь? И шубу твою выручили бы, и насолили бы ему чередомъ. Пришелъ бы онъ тогда да увидалъ бы, что настряпаемъ-то, вотъ бы обрадовался-то!

Ефремъ вдругъ поднялъ голову и уставился на незнакомца; потомъ качнулъ головой и проговорилъ:

— Эхъ, никогда я такимъ дѣломъ не занимался и заниматься не хотѣлъ...

— Ну, какъ хочешь, — хладнокровно проговорилъ незнакомецъ;—я только сказалъ,—а тамъ твое дѣло.

— Нѣтъ, пойдемъ! Ужъ коли раззадорилъ, такъ пойдемъ! Мнѣ только и остается...

И Ефремъ своею рукой схватилъ бутылку и налилъ себѣ еще стаканъ. Гость и Лаврентьичъ переглянулись.

VII.

Черезъ нѣсколько времени незнакомецъ и Ефремъ вышли изъ трактира. На улицѣ была уже темная ночь. Сельчане по случаю завтрашняго праздника рано угомонились. На улицѣ было тихо и темно. Только звѣзды сквозь легкій ту-

манъ мигали съ высокаго неба да изъ оконъ избъ лился слабый свѣтъ лампадъ.

Ефремъ, пошатываясь, пошелъ посрединѣ улицы; незнакомецъ торопливо слѣдовалъ за нимъ.

— Далеко ли? — тихимъ шопотомъ спрашивалъ неизвѣстный.

— Сейчасъ,—прохрипѣлъ Ефремъ и повернулъ въ одинъ изъ переулковъ.

Они очутились позади дворовъ и вскорѣ подошли къ большому амбару съ широкимъ навѣсомъ надъ дверью. Ефремъ остановился подъ навѣсомъ и опять прохрипѣлъ:

— Вотъ...

Незнакомецъ поставилъ на снѣгъ захваченный у Лаврентьича фонарь, подошелъ къ двери, попробовалъ замокъ и личину и проговорилъ:

— Замокъ-то винтовой, отопремъ какъ-нибудь, а личину-то мудрено, придется дверь ломать...

Ефремъ махнулъ рукой, какъ бы говоря: дѣлай, какъ знаешь. Его шибко мутило, и онъ еле сознавалъ, гдѣ онъ и что дѣлаетъ. Незнакомецъ досталъ изъ кармана что-то и сталъ отпирать замокъ; вскорѣ замокъ былъ отпертъ; тогда онъ вытащилъ изъ-подъ одежины коротенькій желѣзный ломикъ, наподобіе шкворня съ расплющеннымъ концомъ, и заправилъ его между косякомъ и дверью.

— Помогай,—сказалъ онъ Ефрему.

— А?—попрежнему хрипло спросилъ Ефремъ.

— Помогай, говорю, что сѣлъ-то?

Ефремъ быстро вскочилъ на ноги, схватился одной рукой за ломикъ и потянулъ къ себѣ; косякъ затрещалъ, незнакомецъ переправилъ ломикъ.

Вскорѣ косякъ около запора такъ былъ измочаленъ ломикомъ, что запоръ подъ напоромъ двухъ дюжихъ плечъ не выдержалъ, и дверь отворилась. Изъ амбара пахнуло какой-то затхлостью отъ много лежащаго тутъ хлѣба; сердца у обоихъ случайныхъ товарищей сильно застучали.

— Давай фонарь-то, гдѣ онъ?

Ефремъ взялъ стоявшій на снѣгу фонарь и вошелъ съ нимъ въ амбаръ; незнакомецъ зажегъ его и проговорилъ:

— Эва хлѣба-то сколько навалено! А гдѣ жъ одежа-то?

— Чай, наверху,—молвилъ Ефремъ.

— Ну, полѣзай туда да скидывай, что подъ руку попадется, а я тутъ буду разбирать да въ узлы связывать.

Ефремъ медленно поднялъ ногу на закромъ и дрожащими руками схватился за потолочину. Голова его нѣсколько прояснилась, сердце остыло; онъ ясно представилъ себѣ, что онъ дѣлаетъ, и вдругъ въ груди его что-то зашевелилось, и онъ остановился недвижимый...

— Что жъ остановился-то, полѣзай!—командовалъ незнакомецъ.—А то долго прокопаешься, не успѣешь убраться.

Ефрему представилось испуганное лицо жены, когда онъ сказалъ, что ничего не привезъ къ празднику, и ея грустный вопросъ: „что жъ теперь дѣлать?“ и онъ почувствовалъ, что храбрости у него прибавилось. Онъ рѣшительно сталъ на закромину и полѣзъ наверхъ...

VIII.

Разстроенный Михей все не могъ успокоиться. Хотя теперь его волновало не появленіе Ефрема и не то, что въ его дѣло вмѣшалась жена, а сознаніе того, что онъ сталъ очень „обидчивъ“. Въ послѣднее время очень часто случалось, что какой-нибудь пустякъ выводилъ его изъ себя. Онъ вспыхивалъ, на душѣ его что-то закипало, и ему тогда ничего не было дорого. Прежде онъ вовсе не былъ такимъ. Онъ чувствовалъ себя тверже, спокойнѣе, и не такія выходки другихъ онъ сносилъ, не моргнувъ глазомъ. Его поддерживало то, что все-таки кто лается,—не такой человѣкъ, какъ онъ: у того нѣтъ того, что у него есть. Но теперь достатокъ Михея не имѣлъ въ его глазахъ ужъ той цѣны. „Ну, что жъ, есть и есть, мало ли у кого что есть; у другихъ и больше моего есть“, — думалъ онъ. И ему нерѣдко казалось, что не въ достаткѣ вся сила, хотя за нимъ и гонится человѣкъ, но есть кое-что и привлекательнѣе; душев-

ное спокойствіе иногда дороже всякаго богатства, а его-то все меньше и меньше становилось у Михея.

Михей чувствовалъ, что сейчасъ ему не легко себя и установить. Что-то смутное грызло ему душу и давило грудь. Онъ бродилъ по горницѣ изъ угла въ уголъ. Пробовалъ было вспоминать, какъ онъ завтра будетъ разговляться и какъ къ нему вечеромъ придетъ пить чай попъ, и какъ онъ самъ пойдетъ въ гости къ нему. Тамъ бывало свѣтло и весело и не мало было умныхъ разговоровъ, въ которые иногда вступалъ и Михей. Прежде этого было достаточно, чтобы разогнать его хандру; но теперь и такія думы не заглушили его сердечнаго червя.

Въ одной лампадкѣ у иконъ догорѣла свѣтильня. Пламя затрепетало и начало мигать. Михей подошелъ, чтобы оправить ее. Нечаянно онъ взглянулъ на икону Христа, державшаго евангеліе и благословлявшаго людей. Ликъ Христа съ укоромъ поглядѣлъ на него. „За что ты укоряешь меня?“ про себя спросилъ Михей и сталъ искать отвѣта. „За уныніе должно,—подумалъ Михей.—Да, уныніе грѣхъ. Отчего я унываю? скорблю? Чего мнѣ не хватаетъ?.. Надо наплюнуть на все. Такъ и надо“.

Онъ обтеръ обмаслившіеся въ лампадкѣ пальцы объ волосы и, истово крестясь три раза, поклонился передъ иконами. Потомъ со вздохомъ опустился за столъ; ему попались на глаза лежавшія подъ божницей книги. „Почитать отъ нечего дѣлать“, подумалъ онъ и, потянувшись, Михей взялъ одну книгу, раскрылъ ее и сталъ читать.

Книга была „Новый завѣтъ“.

Михей сталъ читать ее съ перваго стиха и не останавливаясь, устремляя въ книгу всю свою душу и громкимъ шопотомъ отчетливо выговаривая каждое слово. Нѣсколько листовъ уже прочиталъ онъ, усердно ловя смыслъ святыхъ словъ. И такъ углубился въ нее, что боль душевная стала легче, мысли прояснились, и каждое слово стало отзываться въ его сердцѣ. Онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Божественный Учитель утѣшаетъ всѣхъ униженныхъ, горюющихъ,

неимущихъ, кроткихъ и милостивыхъ и обѣщаетъ имъ награду на небесахъ, и сердце Михея наполнилось умиленіемъ...

Съ каждой минутой разрастающимся все болѣе интересомъ онъ впивался въ слѣдующія за этимъ мѣстомъ слова и, жадно вдумываясь въ нихъ, дошелъ до того стиха, гдѣ говорилось:

„Аще убо принесеши даръ твой къ алтарю и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя. Остави ту даръ твой передъ алтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой“.

Михей остановился и хорошенько вдумался въ эти слова. Еще уже нѣсколько проясненному предшествовавшими строками разуму стало понятно, что этимъ требовалось прежде служенія Богу удовлетвореніе обиженнаго.

Михей оставилъ книгу, всталъ и опять заходилъ по горницѣ. Ему вспомнился Ефремъ и поступокъ съ нимъ, и вдругъ этотъ поступокъ показался и ему нехорошимъ.

„Вотъ отчего покою-то нѣтъ,— подумалъ Михей.—Очень мы грѣхамъ-то поддаемся, объ мамонѣ только и думаемъ... Пришелъ кровный человѣкъ просить милости, а я его какъ встрѣтилъ?“

Михей тяжело вздохнулъ и съ сокрушеннымъ сердцемъ сталъ вспоминать, что онъ немилостивъ былъ и раньше. Много, много сдѣлалъ онъ нехорошихъ дѣлъ за всю его жизнь: и въ городѣ, когда онъ тамъ наживалъ деньги, и дома... и предъ братомъ есть его вина, и передъ другими... Опять тоска охватила его душу и стала томить. Онъ снова сѣлъ къ столу, облокотился на него и закрылъ глаза ладонью.

„Гдѣ жъ тутъ душевный покой имѣть, — думалъ онъ,— когда вся душа испятнана. Нужно поосадить себя... Нужно маленько и о чемъ другомъ помнить...“

Опять предъ нимъ предсталъ Ефремъ, — и Михей подумалъ, что его нужно удовлетворить. Но какъ? Что сдѣлать ему? Дѣло было совсѣмъ новое и непривычное, и Михей не зналъ, съ какого конца за него приняться.

„Шубу снесть ему, — нѣсколько подумавши, рѣшилъ Михей,—а тамъ спрошу, что нужно ему, и дамъ; только вотъ когда шубу-то снесть? Сегодня или завтра?“

Михей вспомнилъ, для чего Ефремъ просилъ у него шубу, и рѣшилъ это сдѣлать сейчасъ. Онъ торопливо одѣлся, зажегъ фонарь, взялъ ключи и пошелъ въ амбаръ, гдѣ у него лежало все добро. Когда онъ вышелъ изъ дома и взглянулъ на темно-синій сводъ небесный, усѣянный безчисленными звѣздами, то сердце у него радостно забилось: онъ вспомнилъ, что идетъ исполнить волю Того Творца, Который властвуетъ надъ всѣмъ этимъ міромъ... Представляя себѣ, какъ онъ возьметъ шубу и отнесетъ ее къ племяннику, какъ обрадуетъ его, онъ подошелъ къ амбару и вступилъ подъ навѣсъ.

IX.

Только хотѣлъ Михей взойти на мостенки, какъ вдругъ остолбенѣлъ: ему показалось, что дверь амбара отворена и чья-то голова высунулась въ нее.

Не успѣлъ онъ опомниться, какъ внутри амбара кто-то крикнулъ: „спасайся!“ и какой-то человѣкъ стрѣлой метнулся мимо него и скрылся въ ночной темнотѣ.

У Михея подкосились ноги, его точно обдало холодной водой. Все, чѣмъ только была преисполнена его душа, сразу исчезло. Его охватилъ какой-то невѣдомый страхъ и отшибъ у него разумъ. На мгновеніе онъ остался въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ вскочилъ на мостенки и взглянулъ внутрь амбара. При слабомъ свѣтѣ фонаря онъ увидалъ, какъ кто-то, кувыркаясь, спрыгнулъ сверху, шлепнулся на наваленную на полу амбара одежду и сбрую и закопошился на ней. Михей вскрикнулъ, быстро выскочилъ изъ амбара и захлопнулъ дверь его; потомъ торопливо нашарилъ подъ ногами какую-то палочку и, воткнувъ ее въ пробой, опрометью бросился къ дому.

Какъ полоумный вбѣжалъ Михей къ себѣ въ домъ и переполошилъ улегшуюся было жену и дочь; тѣ стали спра-

шивать, что случилось, а онъ не могъ и слова выговорить; съ минуту онъ стоялъ отпыхиваясь, потомъ, какъ будто сообразивъ что, повернулся, опрометью выбѣжалъ изъ дома и бросился къ сосѣдямъ.

— Воры, батюшки, воры!—закричалъ Михей передъ дворомъ одного сосѣда.—Помогите!

Изъ избы на крикъ Михея выбѣжалъ перепуганный хозяинъ.

— Гдѣ воръ? У кого?—спросилъ онъ.

— У меня... въ амбарѣ...—сказалъ Михей и не могъ больше двинуться съ мѣста.

Сосѣдъ побѣжалъ одѣваться и сталъ будить другихъ мужиковъ.

Черезъ нѣсколько времени собралось нѣсколько мужиковъ и подошли къ Михею. Михей перевелъ духъ и проговорилъ:

— Возьмите что-нибудь съ собой, топоръ или вилы. Я ихъ въ амбарѣ заперъ отсюда, такъ неравно тово...

Мужики вооружились и двинулись за Михеемъ. Подойдя къ амбару, они остановились подъ навѣсомъ и, тревожно прислушиваясь и посматривая на дверь, стали совѣтоваться, какъ имъ войти въ нее. Они боялись: ну-ка тамъ сидятъ нѣсколько человѣкъ вооруженныхъ, ну-ка они дадутъ имъ отпоръ. Никто не рѣшался войти первый. Прокалякавши довольно долго, они ни до чего не договорились. Вдругъ одинъ изъ нихъ выступилъ и проговорилъ:

— Давайте, я пойду первый, что ни будетъ.

— Ну-ну, попробуй!—понукали его мужики.

Мужичокъ взялъ фонарь и подошелъ къ двери; дрожащею рукой онъ вытащилъ изъ пробоевъ палку, смыкавшую ихъ, и толкнулъ; дверь отворилась, мужикъ поднялъ фонарь и освѣтилъ имъ внутренность амбара: внутри амбара ничто не шевелилось.

Мужики вытянули головы и робко заглянули туда; сразу въ слабомъ освѣщенiи фонаря они ничего не могли разглядѣть; вдругъ одинъ за другимъ они вздрогнули и съ ужа-

сомъ отпрянули назадъ... То, что они увидали, оледенило имъ кровь. Въ заду амбара, на толстой перекладинѣ надъ закромомъ, въ петлѣ, сдѣланной изъ хорошихъ плетеныхъ вожжей, висѣлъ воръ. Посинѣвшее лицо его было обращено къ мужикамъ, и страшно вытаращенные глаза установились прямо въ нихъ. Мужики затряслись, какъ въ лихорадкѣ, и съ минуту ни одинъ изъ нихъ не могъ сдвинуться съ мѣста.

— Что смотрѣть-то! Давайте вынимать его скорѣе, можетъ, еще отубинѣетъ,—крикнулъ одинъ изъ мужиковъ, всѣхъ прежде опомнившійся.

Другіе мужики тоже очнулись; одинъ, у котораго былъ топоръ въ рукахъ, подскочилъ къ удавленнику и однимъ махомъ перерубилъ вожжи.

Тѣло удавленника стало на ноги, вздрогнуло, потомъ медленно, какъ снопъ, повалилось вдоль амбара и расположилось на наваленной внизу одеждѣ, вверхъ лицомъ.

Мужики всѣ стиснулись въ амбарѣ и, нагнувшись надъ удавленникомъ, стали вглядываться въ лицо его. Одинъ мужикъ поднялъ голову и дрожащимъ голосомъ воскликнулъ:

— А вѣдь знакомый человѣкъ-то!

Къ удавленнику подбѣжалъ и Михей; онъ тоже сталъ вглядываться въ его лицо. Вдругъ лицо его исказилось, онъ пошатнулся и вскричалъ:

— Ефремъ! Батюшки! Да что жъ это!..

Онъ остолбенѣлъ и стоялъ съ минуту въ оцѣпенѣніи; потомъ онъ сморщился, всхлипнулъ, и изъ глазъ его покатились слезы.

Мужики заволновались: кто побѣжалъ за старостой, кто сталъ уговаривать Михея. Одинъ сталъ ощупывать тѣло Ефрема, думая, что, можетъ-быть, онъ не совсѣмъ кончился.

Но тѣло, все окоченѣлое, уже начало холодѣть.

Пришелъ староста, увидалъ плачущаго Михея и распорядился увести его домой. Амбаръ онъ велѣлъ запереть, приставилъ къ нему двухъ сторожей и пошелъ наряжать

подводу, чтобы наутро ѣхать въ станъ и объявить о случившемся...

X.

А Аксинья съ уборкой не замѣтила, какъ и день прошелъ. И когда совсѣмъ смерклось, она хватилась Ефрема и удивилась, что онъ долго не возвращается. Она вышла изъ избы, дала лошади сѣна, задала корму другой скотинѣ и вернулась опять въ избу. Темнота увеличивалась. Аксинья засвѣтила огонь и стала соображать, куда могъ запропаститься Ефремъ; вдругъ она услыхала, что на улицѣ зашумѣлъ народъ. Ей захотѣлось узнать, что это такое, и она накинула перешивокъ и вышла на улицу. Но вблизи никого не было видно; тогда она перешла черезъ дорогу и направилась въ одну изъ избъ, чтобъ узнать, о чемъ шумѣли на улицѣ.

Въ избѣ она узнала, что шумѣли на улицѣ изъ-за того, что къ ихъ дядѣ въ амбаръ забрались воры. У Аксиньи сердце упало и больно заныло, какъ бы предчувствуя что-то недоброе. Не зная что дѣлать и почти не имѣя силъ двинуться съ мѣста, она просидѣла въ избѣ до тѣхъ поръ, когда вернулся хозяинъ избы и сообщилъ, кого нашли въ амбарѣ Михея и въ какомъ видѣ. Баба какъ услыхала это, такъ и грохнулась безъ чувствъ на полъ. Перепуганные хозяева подскочили къ ней, подняли ее и уложили на лавку; но она не сразу могла притти въ себя.

Придя въ себя и опомнившись, Аксинья дико заголосила и ударилась головой объ столъ; хозяева стали было уговаривать ее, но она закатила глаза подъ лобъ и затряслась всѣмъ тѣломъ, помертвѣла изъ лица и опять безъ памяти сдѣлалась.

— Ну, опять залилась баба, едва ли скоро отойдетъ,— проговорила хозяйка избы, поддерживая ее за голову и глядя ей въ побѣлѣвшее лицо.

— А отойдетъ, не долго проживетъ. Ишь, какой ударъ! И здоровой-то не легко перенести, а ей-то ужъ куда,—сказалъ хозяинъ, тяжело вздохнувъ.

— Да, такая-то бѣда, какой сроду не бывало,—молвила молодуха, невѣстка хозяина, и тоже вздохнула.

— Знать, за грѣхи Богъ посылаетъ...—проговорила хозяйка.

Никогда въ Воронинѣ не встрѣчали такъ Рождества, какъ въ этомъ году.

Вернувшійся изъ стана староста объявилъ, что становой пріѣдетъ послѣ обѣда съ докторомъ. Мужики стали готовиться къ встрѣчѣ. Хотя никто за собой никакой вины не зналъ, но всѣ были встревожены, сердца всѣхъ безпокойно бились. „Да ну, какъ къ чему придерется?“—думалъ каждый изъ мужиковъ и вздыхалъ и никакъ не могъ разрѣшить вопроса, за что Господь послалъ имъ такую напасть и подъ такой день.

Но больше всѣхъ безпокоился Михей; всю ночь онъ провелъ въ такомъ состояніи, въ какомъ его до сихъ поръ никто не видалъ: онъ навзрыдъ плакалъ и стоналъ.

Перепуганныя жена и дочь раздѣли и уложили его на кровать. Михей легъ, но плакать не переставалъ. Сквозь рыданія у него вырывались слова, которыя ни жена ни дочь его понять не могли.

— Господи!—бормоталъ Михей,—а я подумалъ... что Ты взмиловался ко мнѣ... Я думалъ... Ты хотѣлъ... чтобъ я обрадовалъ его... А онъ вотъ что... Неужто я такой грѣшникъ, Господи!..

И въ такомъ состояніи онъ провелъ время до утра. И когда утромъ жена и дочь взглянули на него, то увидали, что онъ такъ перемѣнился, какъ будто бы постарѣлъ на десять лѣтъ.

Супротивникъ.

I.

Съ середины зимняго мясоѣда въ Жвакиной появился новый домохозяинъ. Это былъ сынъ только-что умершаго жвакинскаго мужика Василья Грибкова,—Яковъ. Онъ былъ еще очень молодъ. Небольшого роста, худощавый, съ красивымъ, нѣсколько блѣднымъ лицомъ, съ курчавыми волосами, онъ мало походилъ на деревенскаго парня. И не одной наружностью Яковъ отличался отъ обыкновенныхъ деревенскихъ ребятъ. Было въ немъ кое-что и другое. Онъ былъ порядочно развитъ. Съ самаго дѣтства въ немъ пробудилась охота къ ученью. Еще малышемъ онъ чуть не самовольно ушелъ въ школу учиться грамотѣ; за три года, что былъ въ школѣ, Яковъ считался первымъ учениковъ по старанію. За стараніе и способности его полюбилъ учитель и не разъ хвалилъ мальчика попечителю школы, небогатому помѣщику. Попечитель тоже сталъ выдѣлять его изъ другихъ. Когда мальчикъ научился грамотѣ и отецъ хотѣлъ отдать его „съ хлѣба долой“ въ городъ, въ трактиръ, въ услуженіе, попечителю стало жаль его. „Попадетъ въ городскую трущобу, путь скользкій, пропадетъ ни за что?“—думалось ему, и онъ уговорилъ отца Яшки подержать сына дома, а тамъ вскорѣ пріискалъ мальчику мѣсто. Одному родственнику попечителя, тоже помѣщику, только побогаче, понадобился въ имѣніе, въ контору, грамотный подростокъ. Попечитель и рекомендовалъ ему Яшку.

Яковъ жилъ въ конторѣ до самой смерти родителя. Дѣло ему досталось небольшое: ему приходилось писать условія мужикамъ, взявшимъ въ имѣніи работу; записывать хлѣбъ, который поступалъ въ амбары или выдавался изъ амбаровъ; ѣздить на станцію за почтой, въ городъ за покупками... Отъ этихъ дѣлъ немало оставалось свободнаго времени, которое Яковъ тратилъ не зря: онъ страстно любилъ чтеніе и много читалъ, благо въ конторѣ было что почитать. Помѣщикъ не скупился ни на книги ни на журналы.

Изъ книгъ Яковъ узналъ многое, чего ему, въ его положеніи, безъ нихъ не узнать бы вовѣкъ. Поэтому изъ него выработался настолько развитой малый, какихъ мало бываетъ въ крестьянской средѣ.

Кромѣ свѣтлой головы, Яковъ имѣлъ и добрую душу. Онъ видѣлъ жизнь крестьянъ, вспоминалъ свою жизнь, какую онъ велъ въ дѣтскіе годы, и всѣмъ сердцемъ болѣлъ за то, какъ эта жизнь далека отъ того, что можно назвать жизнью человѣческой. Сколько въ ней звѣрскаго, темнаго и дикаго еще проскальзывало порой! Какія суевѣрія еще коренились въ простыхъ умахъ деревенскихъ людей! Онъ часто подумывалъ, какъ хорошо бы, если бъ хоть немного просвѣтились человѣческія головы. Думалъ, какимъ путемъ этого достигнуть, и пришелъ къ тому убѣжденію, что нужно, чтобы среди темныхъ людей, хоть изрѣдка, были бы люди просвѣщенные. Они бы служили примѣромъ имъ, помогали бы разбираться въ непонятныхъ явленіяхъ и много бы могли сдѣлать добрыхъ дѣлъ. Поэтому у него у самого зародилось желаніе пожить въ самой настоящей крестьянской средѣ,—но рѣшиться на такой шагъ у Якова еще долго какъ-то не хватало духа.

Извѣстіе о смерти отца сразу натолкнуло Якова на мысль, что теперь самое подходящее время перейти въ деревню, и онъ рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ и заявилъ хозяину, что онъ уходитъ изъ экономіи. Уговаривали его и управляющій и самъ помѣщикъ не уходить, прибавляли жалованья, но Яковъ упорно стоялъ на своемъ.

— Да чѣмъ ты тамъ жить будешь?—говорили ему.

— Хозяйство поведу; у меня не семья, авось проживу въ одномъ хозяйствѣ.

— Ничего не выйдетъ: много ли ты одинъ напрыгаешь.

— Что выйдетъ.

Помѣщику однако такое упорство Якова понравилось, и онъ сверхъ жалованья выдалъ Якову 30 рублей на обзаведеніе, далъ понемногу отборныхъ хлѣбныхъ сѣмянъ для завода и отъ души пожелалъ ему успѣха.

II.

На первыхъ порахъ, когда Яковъ пріѣхалъ домой и объявилъ о своемъ рѣшеніи жить дома и хозяйствовать, это его рѣшеніе встрѣтили неодобрительно.

Дня черезъ три по пріѣздѣ, Яковъ пошелъ осматривать свое хозяйство. Побывавши въ сараѣ и амбарѣ, онъ возвращался домой... Посреди улицы ему попался одинъ пріятель покойнаго отца.

— Здравствуй, дядя Вавила!—крикнулъ мужику Яковъ.

— Здорово, парень, здорово!—отвѣтилъ Вавила, останавливаясь.—Домой пріѣхалъ?

— Да, къ хозяйству поближе,—вздохнувъ, сказалъ Яковъ:—старый-то хозяинъ залѣнился жить.

— Да, поди жъ ты, грѣхъ какой!—вздохнулъ въ свою очередь Вавила.—Успокоился безъ поры, безъ времени.

Немного помолчали, потомъ Вавила спросилъ:

— А ты что же, домой-то, побывать или совсѣмъ думаешь остаться?

— Думаю совсѣмъ,—молвилъ Яковъ.

Вавила переступилъ съ ноги на ногу и почесалъ бороду.

— Будетъ ли толкъ-то изъ этого?

— Отчего?

— Да не такимъ молодцамъ этимъ дѣломъ заниматься. Въ деревнѣ тому коптѣть, кому больше дѣваться некуда, а тебѣ, чай, вездѣ мѣсто будетъ: грамотѣ ты обученъ, дѣло свое, слыхали мы, хорошо знаешь.

— Отчего же грамотею на землѣ не пожить?

— Да, говорю, толку мало. Ты тамъ и жалованье хорошее получалъ бы и заботы такой не видалъ бы; а на землѣ забота заботой, да и трудовъ что надо положить! Земля у насъ повытрепалась, родитъ мало, луга плохіе, скотину лишнюю держать не на чемъ. Работаешь, работаешь... все ничего нѣтъ. Иной годъ уродитъ хорошо, глядишь—цѣны упали, опять то же на то же выйдетъ. А если самимъ что купить приходится, все съ каждымъ годомъ дороже становится. Вотъ на что — спички, и тѣ вдвое дороже противъ прежняго стали... А нашему брату все расчетъ.

— Я хочу попытать, не удастся ли и въ крестьянствѣ устроиться такъ, чтобы большой нужды не знать...

— Ну, это долга пѣсня!..

— Все-таки попробовать можно.

— Знамо, можно! Попытка не пытка, только ничего изъ этого не выйдетъ. Я тебѣ отъ души скажу: не лѣзь ты въ эту петлю, благо Богъ тебя отъ нея освободилъ!..

Яковъ увидалъ, что спорить тутъ не приходится, и замолчалъ.

Такъ же, какъ и Вавила, къ его намѣренію хозяйствовать отнеслась и мать Якова.

— Охъ, трудное дѣло крестьянствовать,—говорила она,— особливо для тебя! Работникъ ты будешь плохой, я уже не въ силахъ; во всемъ у насъ недостатокъ... Запутаемся, совсѣмъ запутаемся!

— А что же по-твоему лучше?—спросилъ Яковъ.

— Что? Жилъ бы ты да жилъ на прежнемъ мѣстѣ или другое нашелъ; мнѣ бы на хлѣбъ давалъ... Мнѣ вѣдь немного нужно! И самъ бы справлялся. И легко бы и спокойно было.

— А вотъ поживемъ—увидимъ.

И онъ старался какъ можно побольше увидать. Онъ спѣшилъ познакомиться съ односельчанами, и со старыми и съ молодыми, приглядывался къ нимъ, вызнавалъ ихъ. Жвакинцы показались ему людьми простыми, только одного у

многихъ не доставало — достаточной самостоятельности, не было у нихъ твердыхъ убѣжденій, опредѣленныхъ взглядовъ. Такіе мужики, какъ дядя Вавила, были на рѣдкость.

III.

Наступила весна. Солнце грѣло съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе, быстро сгоняя еще кое-гдѣ оставшійся снѣгъ. Влажная земля стала просыхать; на огоркахъ на припекѣ показалась молодая трава; прилетѣли грачи и стали примащиваться на ветлахъ съ рѣзкимъ, однообразнымъ карканьемъ; надъ полями въ высотѣ съ утра до ночи звенѣли жаворонки. Жвакинцы начали приготовляться къ весеннимъ работамъ: кто тащилъ въ кузницу сошникъ для наварки, кто наколачивалъ новую борону, кто вилъ новые гужи, вожжи, путы, кто перевязывалъ хомуты...

Яковъ эти дни переживалъ въ сильномъ волненіи.

„Вотъ,—думалъ онъ,—приближается пора приниматься за новое дѣло... Какъ-то оно мнѣ дастся?.. Пошлетъ ли Богъ удачу?“

Онъ заблаговременно обдумывалъ предстоящую работу, мысленно распредѣлялъ ее; часто и подолгу пересматривалъ различныя сельскохозяйственныя книжки. Расчелъ, сколько какихъ сѣмянъ нужно; увидалъ, что сѣмянъ, привезенныхъ изъ помѣщичьей экономіи, недостаточно, прикупилъ. Обзавелся сѣменами и для огорода. Съѣздилъ въ городъ и въ земской управѣ купилъ одноконный плужокъ. Въ Жвакиной еще пахали сохами. Якову нужно было поднять нѣсколько пустырей во ржи, а этой работы съ сохой не одолѣть.

Какъ-то утромъ вышелъ Яковъ ко двору и повстрѣчалъ одного изъ сосѣдей, Антропа. Сосѣди о чемъ-то разговорились. Въ это время съ середины деревни показался староста.

Старостой въ Жвакиной ходилъ Никита Деруновъ. Онъ считался богачомъ и поэтому былъ сильнымъ человѣкомъ въ деревнѣ. Все, что ни дѣлалось въ міру, дѣлалось по его почину. Переводился ли бобыль съ хорошаго плана на ко-

нецъ деревни, награждался ли или обездоливался кто землей, затѣвалось ли какое-нибудь общественное дѣло—душою всего былъ Никита—лишь бы ему отъ этого была какая-нибудь выгода. Выгоду Никита любилъ и всюду добивался ея. У него въ общественномъ стадѣ больше всѣхъ гуляло скота, у сараевъ его лежали костры лѣса, навезенные изъ чужихъ участковъ. И все это доставалось ему легко, приходилось дешево. Яковъ чуялъ, какой вредъ отъ его положенія для хозяйства въ обществѣ, и избѣгалъ встрѣчи съ нимъ. Никита же пока старался его не замѣчать. Увидавши же теперь Якова, стоявшаго съ Антропомъ, позволявшимъ себѣ иногда поднимать голосъ противъ старосты, Никита почувствовалъ въ душѣ тайную смуту и невольно насупился.

— Эй, пріятели, выходите на сходку!—поровнявшись съ ними, недружелюбно кинулъ староста.

— По какимъ дѣламъ?

— А тамъ узнаете.

— Что это такія за дѣла у него?—спросилъ Яковъ, когда староста прошелъ дальше.

— Небось, насчетъ новаго оброка хлопочетъ,—проговорилъ Антропъ.

— Зачѣмъ же онъ сходку-то собираетъ?.. Шелъ бы по дворамъ и спрашивалъ.

— Какія-нибудь штуки строитъ! Вотъ поглядимъ, что будетъ.

IV.

Сходка собралась скоро. Мужики выбрались изъ избъ дружно и, пожимаясь и жмурясь отъ ослѣпительнаго свѣта весеннихъ лучей, стали въ кучу. Посреди всѣхъ стоялъ Никита; прищуря глаза, онъ осмотрѣлъ собравшихся мужиковъ и проговорилъ:

— Ну, ребятушки, какъ думаете, зачѣмъ я васъ собралъ?

— А кто же знаетъ, мы у тебя на умѣ не были! Тебѣ лучше знать!—раздались голоса.

— А коли такъ, слушайте! Вы знаете, что новаго года уже три мѣсяца прошло, а я оброка за первую половину и четвертой части не собралъ; потомъ время страховку уплатить, а ея у меня еще и половины нѣтъ. Старшина сердится страхъ какъ. „Что жъ,—говоритъ,—они хотятъ, чтобы меня исправникъ на Пасху въ холодную посадилъ? Пусть собираютъ, а то, говоритъ, я самъ пріѣду и что попадется, то и опишу".

Мужики молчали; которые затоптались на мѣстѣ, которые покрякивали, но никто не сказалъ ни слова.

Никита заговорилъ опять:

— Надо поплатиться, не то мы и себѣ добра не сдѣлаемъ, и старшину подъ бѣду подведемъ. Съ него тоже взыскиваютъ строго.

Одинъ изъ мужиковъ постарше, въ худенькомъ перешивкѣ, поправилъ шапку на головѣ и, взглянувъ на Никиту, проговорилъ:

— Эхъ, батюшка Никита Степановичъ, словно мы отъ сладости не платимъ, словно намъ съ деньгами жаль разставаться! Вѣдь самъ знаешь, что нѣтъ у насъ денегъ, оттого и задерживаемъ. Взять негдѣ, вотъ что! Гдѣ теперь что взять? Было что овсеца или жита, осенью продали; скотину лишнюю тоже тогда же спустили; деньги потратили. У кого кормъ останется лишній, може, продастъ да отдастъ, а то...

— Гдѣ... кормъ останется?.. Дай Богъ натянуть-то!—подхватилъ другой мужикъ.—А то „лишній"!

— Ну, а больше взяться не за что?

Опять наступило молчаніе.

— Ты вотъ что, Никита Степановичъ,—выступилъ еще кто-то, — опять по-лѣтошнему: возьми у кого полоску, у кого двѣ, да и внеси за насъ своихъ денегъ... Такъ и быть!

Чуть замѣтная улыбка мелькнула подъ усами Никиты, но онъ ничего не сказалъ.

— И то, Никита Степанычъ, такъ и быть, дѣлай!—послышалось нѣсколько голосовъ.

— Валяй такъ, и дай Богъ тебѣ! — сказали еще нѣкоторые.

Никита поднялъ голову, оглянулъ всѣхъ и проговорилъ:

— А недоимщики всѣ на это согласятся?

— Всѣ, всѣ!.. Какъ иначе быть-то?

— Ну, ладно. Подходите по череду.

Никита отошелъ въ сторону, сѣлъ на опрокинутую кадку и сталъ уговариваться съ недоимщиками: у кого бралъ полосу, у кого двѣ, уговаривался съ хозяиномъ о цѣнѣ, записывалъ условленную сумму въ оброкъ и страховку.

Мужиковъ десять сдали ему такъ свои полосы, нѣкоторые взялись и обработать ихъ. Дошла очередь до Якова.

— А гдѣ молодой Грибковъ?—крикнулъ Никита.

Яковъ подошелъ къ нему.

— А съ тобой какъ мы будемъ сходиться?—спросилъ Никита.—За тобой еще стараго оброка два рубля, да новаго семь, да страховки...

— Какъ „сходиться“?—спросилъ Яковъ.

— Полосы свои, что ли, мнѣ сдашь? Только мягкія я у тебя не возьму, больно вытрясены, а вотъ пустыри во ржи, пожалуй, возьму; на нихъ трава порядочная родится, коровы ее хорошо ѣдятъ.

— Я ни мякоть ни пустыри не сдамъ: самъ ихъ сѣять буду,—сказалъ Яковъ.

— Пустыри-то сѣять?.. Чѣмъ?

— Найду чѣмъ.

— Значитъ, не отдашь?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ деньги подай!

— Ладно, ужо принесу.

Никита взглянулъ на парня озадаченный; онъ не ожидалъ отъ него такой прыти. Долго онъ глядѣлъ на него, потомъ насмѣшливо улыбнулся и кашлянулъ. Яковъ тоже улыбнулся. Никита замѣтилъ это и сердито нахмурился.

Сдѣлавши дѣло, Никита распустилъ сходку.

Когда Яковъ съ Антропомъ пошли домой, Яковъ спросилъ:

— Неужели всѣ эти полосы Никита самъ засѣетъ?

— Самъ.

— И всю работу самъ управитъ?

— Нѣтъ, больше всего эти же мужики; сберетъ онъ помочь, они и сработаютъ.

— И добра, чай, накашиваетъ!..

— Страсть! Онъ полосы-то выбираетъ что ни на есть лучшія, сѣетъ часто... Кулей по семидесяти овса намолачиваетъ.

— Вотъ куда крестьянскіе-то труды идутъ! Да зачѣмъ они, чудаки, отдаютъ ему?

— А что сдѣлаешь?.. Иль, вправду, старшину допустить?.. Еще спасибо скажешь, что этотъ лѣшій отъ того чорта выручаетъ.

— Есть за что спасибо говорить: онъ вѣдь разоряетъ мужиковъ-то. Гдѣ тутъ имъ изъ нужды выбиться, когда у нихъ такія дѣла творятся.

— Какъ хочешь считай.

Яковъ опустилъ голову и задумался.

V.

Весна наступила вполнѣ: снѣгъ стаялъ, обнаживъ черную отдохнувшую въ зиму землю, сбѣжала вода и стала покрываться первой травой, луга и поля обсохли. У кого были пчелы, — выставили пчелъ; выгнали скотину, сговорились, когда запахивать.

Принялся за дѣло и Яковъ. У него не стало и часа свободнаго: то нужно огребать у двора, то расчищать огородъ. Управившись съ этимъ, онъ перебрался за дворъ, гдѣ у него былъ небольшой садикъ: крыжовникъ, малина, нѣсколько яблонь. Все это было запущено, требовавшее приложенія рукъ; кругомъ яблонь онъ взрылъ землю, вбилъ въ нее песку и обложилъ навозомъ; въ крыжовникѣ выломалъ сухіе сучья, въ малинѣ тоже; потомъ весь садикъ онъ

обнесъ тыномъ и сталъ ждать, когда начнутся полевыя работы.

Къ пахотѣ Яковъ уставилъ плугъ, выѣхалъ съ нимъ на полосу и сталъ отваливать длинные ровные холсты земли.

Жвакинцы одинъ за другимъ стали сходиться глядѣть на него. Борозды отъ плуга были широкія, глубокія, земля отваливалась ровно, лошадь шла плавно. Мужики хвалили и дивились новой штукѣ.

— А это нужно завести, право!.. Ишь, какая славная вещь!

— Чего лучше! А дорога ли?

Яковъ объявилъ цѣну плуга.

— Ишь ты, немного подороже сохи! Нужно завести.

Когда Яковъ допахалъ яровое поле и переѣхалъ въ рожь, на пустыри, да сталъ ихъ подымать почти такъ же свободно, какъ и мякоть, жвакинцы еще пуще стали хвалить плугъ.

— Какъ хорошо, батюшки мои!

— Что же ты на нихъ посѣешь-то?—спрашивали Якова.— Вѣдь ихъ перепахивать нельзя!

— А ленъ?

— И уродится?

— Уродится.

Никита Деруновъ, до сихъ поръ глядѣвшій молча, не выдержалъ и сердито проговорилъ:

— Будетъ тебѣ трепаться-то!.. Уродится! На луговинѣ да уродится! Мы подъ ленъ по три раза пашемъ, да и то не очень выходитъ; а тутъ съ одного раза да еще на подъемкѣ...

— Можетъ, по-твоему, плугомъ и пахать хуже сохи?

— Знамо, хуже! А ты думаешь какъ? Я сохой-то пашу, всякій комъ разомну, а ты плугомъ-то пластомъ отваливаешь... Что изъ того выйдетъ?

— Посмотримъ,—молвилъ Яковъ.

— И смотрѣть нечего!—еще сердитѣе сказалъ Никита.— Ишь, какія штуки заводитъ! Ты думаешь, мы бы не сумѣли ихъ завести? Сдѣлай милость! Пять разъ лучше бы завели

и достатку хватило бы, да нейдетъ это у насъ; у насъ идетъ старинная соха-матушка, мы ею и пашемъ!.. А за новиной-то у насъ не очень гонятся оттого, что знаемъ: старина понадежнѣе.

Никита побѣдоносно тряхнулъ головой, медленно и важно пошелъ къ своему дому. Побрели прочь одинъ за другимъ и мужики.

Яковъ остановилъ лошадь и присѣлъ на плугъ; сердце его защемило, и ему сдѣлалось нехорошо.

— Чего онъ поретъ? Вѣдь самъ чувствуетъ, что неправду говоритъ, а говоритъ! Что это за эхидный человѣкъ!

На другой день онъ отпахался въ полѣ и переѣхалъ на огородъ. Натаскавши на него навозу, золы, игольнику, все это онъ запахалъ, заборономалъ и принялся за сѣвъ.

И пахать, и сѣять Якову приходилось въ первый разъ, но онъ за все брался смѣло, и все у него выходило. Сосѣди дивились только его старанью и ловкости и поговаривали:

— А малый-то дѣльный, изъ него выйдетъ прокъ.

— Выйдетъ, выйдетъ,—соглашались многіе.

Только не соглашался съ этимъ Никита.

— Ничего изъ него не выйдетъ, — говорилъ онъ. — Это вотъ теперь горячится, а черезъ годъ, глядишь, осѣкется. Молодые-то всѣ горячи, да не надолго.

Мужики внутренно не соглашались съ нимъ, но привычка никогда не перечить Никитѣ взяла свое: никто не возразилъ ему.

VI.

Наступило лѣто. Поля и огороды зазеленѣли, все посѣянное стало расти и вытягиваться. У Якова все шло замѣчательно хорошо... Особенно удался ленъ на пустыряхъ. Посѣялъ его Яковъ не очень часто, и онъ шелъ крупный, темно-синій; росъ онъ не по днямъ, а по часамъ. Овесъ и жито на полосахъ, обсѣянныхъ сѣменами, что Яковъ при-

везъ съ собою, тоже были отмѣнные, выдѣлялись изо всего поля. Жвакинцы глядѣли на это одобрительно... Одного Никиту удача Якова злила. Съ каждымъ днемъ на сердцѣ его росла ненависть къ Якову. Онъ понималъ, что молодой Грибковъ можетъ стать ему поперекъ дороги. Вотъ уже онъ не отдалъ пустырей, засѣялъ ихъ самъ; глядя на него, и другіе могутъ на слѣдующій годъ сдѣлать то же; а тамъ еще измѣнитъ Яковъ что-нибудь, и жвакинцы, того гляди, станутъ вывертываться изъ Никитовой паутины.

„И принесъ же его чортъ! — думалъ Никита. — Что ему тутъ сладко? Жилъ бы да жилъ тамъ, на мѣстѣ!.. Нѣтъ, „похозяйствую пойду!..“ Молокососъ!“

Наступилъ покосъ. Жвакинцы насаживали косы. Въ этомъ году они думали покосить побольше, такъ какъ сняли покоса на сторонѣ у одного арендатора рублей на полтораста. У Никиты былъ надѣлъ на четыре души, но покоса этого ему мало было. Прежде онъ покупалъ пустыри, нынче Яковъ ему пустырей не сдалъ; у другихъ онъ самъ не сталъ снимать, а рѣшился снять покосъ у того же арендатора, у котораго міръ себѣ покосъ взялъ, и пошелъ къ нему.

У арендатора оставалось несданнаго покоса еще много, и онъ предложилъ Никитѣ по дешевой цѣнѣ десятинъ десять.

— Мнѣ этого много, — сказалъ Никита.

— Ну, вотъ много!.. скосишь.

— Некогда косить-то, въ міру есть.

— Эва какое дѣло! помочь соберешь да въ одинъ день все и скосишь.

Никита подумалъ маленько и сказалъ:

— Ну, ладно, пущай за мной!

Дорогой домой Никита обдумалъ, какъ скосить этотъ покосъ.

Передъ Петровымъ днемъ Никита, собравъ мужиковъ на сходку насчетъ навозницы, послѣ уговора о дѣлѣ спросилъ:

— Ну, ребята, поѣдете въ Петровъ день на рынокъ?

— Поѣдемъ, поѣдемъ!—отвѣтили многіе.

— То-то!.. Денегъ привозите побольше. Арендаторъ велитъ за покосъ отдать половину.

— Какъ! Вѣдь онъ говорилъ, что до осени подождетъ?

— Тогда говорилъ, а теперь ждать не хочетъ. Деньги, вишь, очень нужны.

Мужики опустили головы, денегъ теперь взять негдѣ было.

Опять выступилъ одинъ изъ бѣдняковъ и заговорилъ:

— Ты ужъ, Никита Степанычъ... тово... выручи. Заложи своихъ, а мы тебѣ какъ ни на есть отплатимъ.

— И то, Никита Степанычъ, выручи!

— Будь отецъ, помоги!—раздались голоса.

— А мнѣ какой расчетъ помогать вамъ? Затрать деньги, а тамъ и выбирай по грошамъ. Большая радость!

— Да мы тебя отблагодаримъ за это, вотъ что! Отплатимъ вотъ какъ!

Никита подумалъ-подумалъ и сказалъ:

— Ну, ладно, выручу. Только вы мнѣ утречко покосите да помогите убрать за это. Я взялъ десять десятинъ покоса; вотъ вы и уберите его мнѣ.

— Ладно, ладно!—согласились мужики.

У Никиты весело блеснули глаза отъ радости, что такъ легко уладилось дѣло.

Яковъ взглянулъ въ это время на Никиту, замѣтилъ его довольство, и ему стало досадно.

Онъ отозвалъ въ сторону Антропа и шепнулъ что-то ему. Антропъ тоже что-то сказалъ ему. Когда сходка кончилась, оба они пошли зачѣмъ-то вонъ изъ деревни. Никита замѣтилъ это, и сердце его дрогнуло.

„Куда ихъ чортъ понесъ?“ подумалъ онъ.

Вечеромъ, передъ пригономъ скотины, Яковъ съ Антропомъ подошли подъ окно къ Никитѣ и крикнули:

— Дядя Никита!.. а, дядя Никита!

— Что?—высунувшись въ окно, спросилъ староста.

— Ты чего міръ-то дурачишь? Вѣдь арендаторъ и не думалъ теперь деньги спрашивать.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Мы сейчасъ ходили къ нему и стали просить, чтобы онъ подождалъ, а онъ и говоритъ: „Я теперь ничего не требую“.

Никита смутился, не сказалъ ни слова, только хлопнулъ окномъ.

Яковъ съ Антропомъ пошли отъ окна прочь.

— Что тамъ такое?—спросила Никиту жена.

— А убирайся къ чорту! — зыкнулъ на нее староста и выбѣжалъ вонъ изъ избы.

VII.

Начался покосъ. Косьба для Якова была не такъ легка, какъ другія работы. Онъ не могъ сразу приладиться къ косѣ и сильно мучился. Яковъ старался изо всѣхъ силъ, приноравливался къ этой работѣ, изловчался всячески, но сразу привыкнуть не могъ. Это было Якову тѣмъ болѣе горько, что нѣкоторые мужики стали подсмѣиваться надъ нимъ.

— Брось косу-то, рви руками, чище выйдетъ! — кричали ему.

Шутки Якову казались неумѣстны, и онъ разрывался отъ досады, а мужики шутили; ихъ настроилъ на это злившійся на Якова староста.

На покосъ всякій мужикъ старается припасти харчи получше: берутъ муки на блины, крупъ на кашу, муки на кисель. Брали жвакинцы эту провизію всегда у Никиты въ долгъ до осени. Сунулся было къ нему кое-кто и на этотъ разъ, но Никита никому въ долгъ не далъ.

— У васъ окромя меня завелся благодѣтель,—злобно говорилъ онъ мужикамъ. — Вотъ какъ радѣетъ о васъ! Къ нему и ступайте; онъ, можетъ, вамъ и пособитъ чѣмъ.

— Какой онъ благодѣтель! Что онъ! Ты нашъ старый кормилецъ!—говорили Никитѣ льстивыя уста.

— Ну, что лясы-то точить: пока онъ за васъ будетъ радѣть, я на одну копейку въ долгъ не отпущу!

Для многихъ такое рѣшеніе было тяжело, и они обидѣлись... не на Никиту, какъ бы слѣдовало, а на Якова.

„Вотъ, правда, явился чортъ,—думали они;—намъ и такъ тяжело, а онъ еще пуще дѣло портитъ“.

Однако, мало-по-малу Яковъ втянулся въ покосъ, и мужикамъ не къ чему стало придираться.

VIII.

Къ половинѣ покоса у Якова въ головѣ зародились новыя думы: „Какъ ни старайся, плохо одному работать. Мать помощница плохая, нужно подругой обзаводиться“.

А гдѣ ее найти. Яковъ не зналъ. Въ своей деревнѣ подходящей невѣсты не было, а ѣхать въ чужую деревню сватать незнакомую—боязно. Хотѣлось бы прежде узнать невѣсту поближе: какова у нея душа... А развѣ это сразу узнаешь! Поговорить ему объ этомъ не съ кѣмъ было. Фросинья, правда, заговаривала съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но она говорила все не то, что хотѣлось Якову. Она говорила, что ему не такъ невѣста нужна, какъ тесть домовитый, который бы и въ нуждѣ пособилъ, и въ дѣлѣ совѣтъ далъ. У Якова же на умѣ совсѣмъ другое было: ему жену ввести въ домъ хотѣлось не изъ расчета, а такую, которая бы ему по сердцу была, его любила, съ нимъ дружно около общаго дѣла хлопотала; его не только слушалась, а понимала, съ нимъ рука объ руку шла.

Пришелъ Ильинъ день. Въ сосѣдней деревнѣ Мушкиной въ этотъ день былъ праздникъ, туда собирались гости, молодежь. Жвакинскіе ребята тоже стали туда справляться, стали Якова звать. Яковъ за все лѣто сторонился отъ ребятъ, почти не якшался съ ними, но теперь вздумалъ пойти съ ними.

„Хоть на людей посмотрю?“—думалось ему.

Молодежи въ Мушкино собралось много; веселье разго-

рѣлось. Завели обширный хороводъ, до самаго вечера водили его. Потомъ мушкинскія дѣвки вздумали угостить ребятъ; зазвали ихъ въ избу, усадили за столъ и стали потчевать чаемъ, подсолнухами и пряниками. Дѣвки вели себя очень расторопно. Особенно хорошо держала себя одна миловидная дѣвица, небольшая, статная, съ черными глазами и пѣвучимъ голосомъ. Звали ее Настасья, и она, видимо, была коноводкой у своихъ подругъ. Она и распоряжалась ими и занимала гостей. Яковъ слѣдилъ за ней, и она, видимо, на него больше, чѣмъ на другихъ, поглядывала. Послѣ чая дѣвки подсѣли къ ребятамъ за столъ, запѣли пѣсни, занялись подсолнушками. Настасья тоже протянула руку къ лакомствамъ, взяла конфетку, развернула завернутый при конфеткѣ билетикъ и стала читать.

„Грамотная!“ подумалъ Яковъ, и сердце его еще больше расположилось къ ней.

Началась игра въ „сосѣди“. Якову пришлось сѣсть рядомъ съ Настасьей.

Онъ обратился къ ней и спросилъ, улыбаясь:

— Довольна ли ты сосѣдомъ?

— Довольна да не больно, — шутливо отвѣтила дѣвушка.

— Почему?

— А потому, что мало знаю его. Вотъ если бы онъ почаще къ намъ ходилъ да сладки рѣчи говорилъ, себя бы оказалъ, можетъ-быть, тогда бы и довольна была.

— Не узнаешь, гдѣ тебя примутъ, — въ ея тонъ заговорилъ Яковъ; — пожалуй, куда придешь, да ни съ чѣмъ и уйдешь.

— Отъ тебя отъ этого не убудетъ. Въ одномъ мѣстѣ не примутъ, въ другомъ приголубятъ.

У Якова какъ-то тепло стало на сердцѣ. „Вотъ бы мнѣ такую подружку!“ подумалъ онъ.

Кончилось угощенье, вышли на улицу. Яковъ показалъ одному парню на Настасью и спросилъ:

— Чья это дѣвка?

— Здѣшняя, Андрея Семенова дочка, вонъ въ той избѣ живутъ.

Парень показалъ на большую новую избу съ конькомъ, съ крыльцомъ на переулокъ. По постройкѣ Яковъ догадался, что Андрей Семеновъ живетъ достаточно.

— У нея сестры есть?

— Никого: ни сестеръ ни братьевъ, одна одинешенька.

„Коли одна, не отдадутъ, пожалуй: бѣднотой моей побрезгуютъ!"—подумалъ Яковъ и почувствовалъ, какъ сердце его защемило грустью.

На улицѣ гулянье пошло веселѣй, чѣмъ въ избѣ. Опять завели хороводы; явились откуда-то два молодца съ гармоніей „тальянкой" да съ бубномъ, пляску завели... Но Якова это ничуть не занимало; онъ стоялъ поодаль и думалъ о Настасьѣ. Сердце его сильно билось, горѣла голова. Кончилось гулянье въ Мушкинѣ, пошли домой ребята. Пошелъ и Яковъ. Пришелъ онъ домой, легъ спать... но долго уснуть не могъ.

„Дѣвка во всемъ хороша, лучше бы и не надо мнѣ невѣсты... И грамотная... Подруга и помощница изъ нея вышла бы первый сортъ".

IX.

Прошло съ недѣлю. Думы о Настасьѣ не переставали бродить въ головѣ у Якова: работалъ ли онъ, сидѣлъ ли за обѣдомъ, ложился ли спать, ему все мерещилась Настастья. Къ концу недѣли ему неудержимо захотѣлось повидаться и поговорить съ нею. Только онъ не зналъ, какъ это лучше сдѣлать.

„Къ обѣднѣ пойти развѣ?—думалъ онъ.—Навѣрно и она въ церковь придетъ... вотъ и увижу ее! Можетъ, выпадетъ счастіе, еще и поговорить улучу минутку".

И въ первый Спасъ одѣлся почище онъ и пошелъ въ село. Пришелъ онъ туда задолго до обѣдни, сталъ съ другими ребятами на паперти и глядитъ на проходящій народъ.

Вдругъ видитъ—идетъ толпа знакомыхъ дѣвокъ... Мушкинскія! Яковъ вглядѣлся и увидалъ среди нихъ Настасью. Сердце его будто перестало биться, духъ замеръ... Онъ вперилъ въ нее глаза и ожидалъ: замѣтитъ она его или нѣтъ?

Дѣвки стали входить на ступеньки. Ни одна изъ нихъ не взглянула на него; только Настасья, поровнявшись, привѣтливо кивнула ему головой и ласково улыбнулась. Яковъ пошелъ вслѣдъ за ними въ церковь, но дѣвки прошли впередъ налѣво, смѣшались въ толпѣ, и Яковъ потерялъ Настасью изъ виду.

И послѣ обѣдни ему не удалось увидѣть Настасью; тѣмъ не менѣе вернулся онъ домой съ душою, полной счастія.

Цѣлую недѣлю ходилъ Яковъ счастливый сознаніемъ, что та, о которой онъ думаетъ, отличаетъ его; но къ концу недѣли ему этого показалось мало: захотѣлось переговорить съ нею.

Въ слѣдующій праздникъ Яковъ пошелъ въ лѣсъ за орѣхами. Утро было чудесное; солнце играло лучами въ мелкихъ капелькахъ росы, на выросшей послѣ покоса отавѣ и на кустахъ. Повсюду стрекотали сверчки и кузнечики. Яковъ шелъ по сѣчѣ и мурлыкалъ что-то себѣ подъ носъ. Вдругъ донеслись разные голоса, и вскорѣ въ десяти шагахъ отъ него показалась артель ребятъ и дѣвокъ съ торбочками. Они ходили межъ кустовъ и рвали орѣхи. Яковъ остановился вглядѣлся въ артель... молодежь была изъ Мушкина. Среди дѣвокъ онъ увидалъ знакомое и милое лицо Настасьи; рядомъ съ нею ходилъ какой-то парень и отмачивалъ, должно полагать, что-то веселое, потому что и Настасья и другія дѣвки весело смѣялись. Въ сердце Якова точно что-то кольнуло, глаза заволокло туманомъ... Ему стало невыносимо тяжко.

„Я по ней сокрушаюсь,—думалъ онъ,—а вокругъ нея другіе увиваются. Можетъ, этотъ парень уже давно высказалъ все, что я только собираюсь ей высказать... Можетъ, и она любитъ его?.. Такъ чего же я-то по ней зря убиваюсь?“

И онъ повернулъ въ сторону и пошелъ вонъ изъ лѣсу. Сердце его все больше и больше сжималось тоской. Онъ уже ничего вокругъ себя не замѣчалъ: ни красоты яснаго утра, ни прелестей осенней природы... Сознавалъ онъ только, что напрасно медлитъ высказать свои чувства Настасьѣ.

„Нѣтъ, надо съ ней увидаться, надо увидаться!“ вертѣлось у него въ головѣ.

Послѣ обѣда Яковъ пошелъ въ сарай, завалился на сѣно и сталъ обдумывать, какъ бы лучше это сдѣлать.

„Нужно туда сходить, — рѣшилъ онъ, наконецъ. — Надо высказать все, послушать, что скажетъ. Такъ знать и думать буду“.

Онъ рѣшилъ въ тотъ же день вечеромъ сходить въ Мушкино и переговорить съ Настасьей наединѣ.

X.

Наступилъ вечеръ. Жвакинская молодежь вышла на улицу, но Яковъ съ нею не пошелъ, а, выждавъ, какъ смерклось, отправился въ Мушкино. Дойдя до деревни, онъ прошелъ по задамъ и все вглядывался—есть ли кто на улицѣ. Все было тихо. Только въ одномъ мѣстѣ Яковъ замѣтилъ кучку народа. Это, видно, были дѣвки.

„Ну, слава Богу!—подумалъ парень.—Еще не разошлись, авось увижу ее“.

И онъ направился ко двору Настасьина отца, засѣлъ за кучу хвороста и сталъ дожидаться, когда Настасья пойдетъ домой. Прошло съ часъ, дѣвки все было не видать. Парню стало жутко.

„А ну, какъ ея нѣтъ на улицѣ?—думалось ему.—Можетъ, она дома сидитъ, а я жду ее здѣсь!“

И у Якова опять нехорошо стало на душѣ... Вдругъ въ переулкѣ мелькнуло что-то бѣлое... Яковъ поднялъ голову и оторопѣлъ. Съ улицы шла скорыми шагами Настасья и уже приближалась къ крыльцу. У парня перехватило горло; онъ сдѣлался самъ не свой.

Настасья взялась было за кольцо калитки... Вдругъ Яковъ поднялся съ мѣста и... кашлянулъ. Дѣвка вздрогнула, остановилась и, замѣтивъ, что кто-то быстро подходитъ къ ней, спросила:

— Кто это?

— Настасья!—прошепталъ Яковъ:—постой маленько.

— Кто это?

— Это я, Яковъ жвакинскій. Постой!

Дѣвка удивилась.

— Что это тебя притащило?

— Настасья!—прошепталъ парень:—я давно хотѣлъ увидать тебя, да все нельзя было, теперь вотъ надумалъ сюда притти.

— Зачѣмъ?

— Да, видишь ли, я... я... — Яковъ смѣшался, не зналъ, что сказать. Подвинулся ближе къ дѣвкѣ и обнялъ ее.

Настасья оробѣла и стала вырываться.

— Пусти, что это ты вздумалъ? За этимъ ты пришелъ?

— Да, за этимъ!—отчаянно прошепталъ парень.—Потому измучился я по тебѣ: мнѣ жизнь не жизнь стала, словно ты околдовала меня!

Яковъ, изъ всей силы стиснувъ дѣвку своими руками, сталъ цѣловать её. Настасья не вырывалась. У нея не хватало силы. Она еле переводила духъ.

— Милая ты моя, пойдешь за меня замужъ?.. А?—шепталъ Яковъ.—Пойдешь?.. А?..

— А ты возьмешь?—спросила дѣвка.

— Господи! да я не знаю... Я бы тогда, кажись, самый счастливый человѣкъ былъ...

Настасья засмѣялась.

— Вотъ какъ!—сказала она.—А я думала, что ты и не глядишь на меня. Вѣдь тебя у насъ за крестьянина-то и не считаютъ. Эна ты какой!

— Какой?

— Да умный, грамотный, старательный, говорятъ, очень.

— А ты нешто слышала обо мнѣ?

— Слышала.

— И думала?

— А то какъ же!

— Что жъ ты думала?

— Да мало ли что!.. Думала, какъ ты живешь; когда жениться будешь, какая тебѣ невѣста попадетъ.

— А я-то о тебѣ какъ думалъ! Господи Боже мой! Ночей не спалъ. Если бы ты только знала, каково мнѣ было!..

Дѣвка ничего не сказала, только взглянула на него и прижалась поближе. Яковъ опять поцѣловалъ ее и сталъ говорить, что онъ почувствовалъ, когда онъ увидалъ ее въ первый разъ, и почему обратилъ на нее вниманіе.

Потомъ они стали гадать, какъ повѣнчаются и какъ заживутъ... И когда пропѣли третьи пѣтухи, тогда только очнулись они.

— Скоро свѣтъ будетъ, пора итти,—проговорилъ Яковъ.

— Когда опять увидимся?—спросила Настасья.

— Въ воскресенье опять приду.

— Ну, ладно! Прощай!

И опять Яковъ крѣпко-крѣпко обнялъ Настасью на прощанье и пошелъ вонъ изъ деревни. Какъ пьяный шатался парень, идучи дорогой. Мысли въ немъ путались, сердце точно выскочить хотѣло. Никогда отроду онъ не былъ въ такомъ состояніи. Отошелъ съ полверсты, освѣжило его нѣсколько утреннимъ вѣтеркомъ... Охватила его такая несказанная радость, что онъ итти дальше не могъ. Остановился онъ, оглянулся кругомъ и опустился на кочку. Такъ сладко, такъ хорошо стало ему, что никуда бы онъ не пошелъ дальше, а остался бы тутъ, кажется, навѣки со своими чувствами и думами!

XI.

Никитѣ въ покосъ хотя и удалось подбить нѣкоторыхъ мужиковъ противъ Якова, однако не надолго: они скоро образумились, поняли, что не зла желалъ имъ Яковъ, когда

помѣшалъ Никитѣ воспользоваться ихъ трудами. Жвакинцы мало-по-малу стали опять глядѣть на него съ уваженіемъ. Ихъ въ пользу Якова подкупала его дѣловитость: всѣ отзывались о немъ съ похвалой. Въ Никитѣ эти похвалы еще больше разжигали злобу на Якова, дѣлали парня совсѣмъ ему ненавистнымъ.

Въ тотъ вечеръ, какъ Яковъ въ Мушкино ушелъ, семья старосты завалилась спать спозаранку. Никита на утро собирался молотить, поэтому и улегся пораньше. Пропѣли пѣтухи, и Никита сталъ вставать. Разбудилъ онъ сына со снохой и пошелъ съ ними въ овинъ, а старуха его осталась мѣсить квашню. У нея въ этотъ день пеклись хлѣбы.

Передъ замѣсомъ баба пошла въ горенку муки на подмѣсъ подсѣять. Зажгла свѣчу и вышла изъ избы. Отворила она горенку, шагнула черезъ порогъ и чувствуетъ—подъ ноги что-то мягкое попалось. Нагнулась она, подняла... сарафанъ ситцевый молодухинъ. Баба удивилась. Взглянула она еще на полъ... еще что-то лежитъ. Подняла... полотенца! Глянула дальше баба да такъ и присѣла: видитъ она, всѣ сундуки стоятъ раскрыты, и все добро выбрано изъ нихъ! Только кое-что осталось—на полу валяется! Старуха заблажила что есть духу и побѣжала за Никитой.

Никита, увидавъ, что въ горенкѣ настряпано, вышелъ изъ себя:

— Караулъ, батюшки! Да что это такое?.. Караулъ!.. Разоръ мой пришелъ!..

И онъ, какъ полоумный, вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ тревожить сосѣдей. Услыхали сосѣди, сбѣжались, узнали въ чемъ дѣло, стали горенку осматривать... и увидали, что воры взобрались въ окно, выставили раму и выломали желѣзные прутья, которыми окно было перегорожено. Мало-по-малу со всей деревни началъ сходиться народъ. Никита сталъ выбирать, кого въ погоню отправить; отобралъ десять человѣкъ порасторопнѣе да посильнѣе и велѣлъ имъ по разнымъ дорогамъ ѣхать, а самъ отправился съ двумя мужиками по дорогѣ въ Мушкино.

XII.

Долго сидѣлъ Яковъ на кочкѣ и много-много пережилъ за это время. Разныя картины проносились въ его воображеніи, и картины, полныя радости и счастія. То онъ представлялъ себѣ свою избушку зимой: сидитъ онъ за столомъ, противъ него сидитъ Настасья, Фросинья на печкѣ лежитъ... Онъ читаетъ, Настасья прядетъ... Онъ читаетъ, какъ люди, полюбившіе правду, отстаиваютъ ее, какъ они много переносятъ за правду, однако держатся ея неизмѣнно. Настасья плачетъ и негодуетъ противъ зла вмѣстѣ съ нимъ. Или ему видится весенній день: онъ ѣдетъ въ поле, и Настасья идетъ за нимъ. Онъ говоритъ, чтобы она оставалась дома, она же отвѣчаетъ, что домашнія дѣла управить успѣетъ, а хочетъ ему помочь въ полѣ. То ему представляется покосъ: онъ съ Настасьей убрался съ луга и ѣдетъ домой; они лежатъ на душистомъ сѣнѣ и поютъ пѣсню. Люди, глядя на нихъ, радуются ихъ счастію и говорятъ: „Вотъ такъ парочка! надо бы лучше, да не бываетъ.

Небо становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, занималась заря, а Яковъ все еще не вставалъ. Вдругъ услыхалъ, что по дорогѣ загремѣла телѣга и кто-то промчался на ней во весь духъ... Якова это точно разбудило. Онъ поднялъ голову, сообразилъ, гдѣ онъ, и всталъ. Долго ему не хотѣлось двигаться съ мѣста; наконецъ, понявъ, что день приближается, онъ оглянулся на Мушкино, мысленно простился еще разъ съ Настасьей и медленно зашагалъ по дорогѣ, опустивъ голову.

Отошелъ Яковъ съ половины дороги... вдругъ нога его наступила на что-то мягкое. Парень нагнулся и увидалъ какой-то свертокъ. Яковъ поднялъ его и нащупалъ какой-то ситецъ. Парень удивился.

„Откуда это попало сюда?—подумалъ онъ. — Потерялъ, что ли, кто?“

И долго онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, догадываясь, от-

куда и какъ эти вещи попали сюда, но ничего придумать не могъ.

„Ну, ладно,—рѣшилъ онъ.—Возьму домой, а если тамъ хозяинъ отыщется, отдамъ“.

Прошелъ Яковъ еще съ полверсты, и ему послышался лошадиный топотъ и говоръ... Парень насторожился, сталъ всматриваться впередъ: шагахъ въ двухстахъ впереди ѣхали какіе-то люди верхами и прямо ему навстрѣчу.

Якову не захотѣлось встрѣчаться съ ними. „Пожалуй, знакомые, подумаютъ—гдѣ былъ“... И онъ свернулъ въ кусты.

Но встрѣчные должно быть замѣтили Якова; подстегнувъ лошадей, они въ одну минуту окружили парня.

— Что за человѣкъ?—спросилъ знакомый голосъ.

Яковъ вздрогнулъ... Онъ узналъ Никиту Дерунова.

— Ты, Яковъ?—воскликнулъ староста.

— Я.

— Какъ тебя занесло сюда?

Яковъ смѣшался и ничего не отвѣтилъ.

— Какъ ты попалъ сюда?—опять спросилъ Никита.—А это что у тебя?—прибавилъ онъ, замѣтивъ узелокъ у парня и, не дожидаясь отвѣта, выхватилъ у Якова свертокъ.

Яковъ хотѣлъ сказать, что у него, но запнулся.

Никита вдругъ поднялъ глаза на своихъ товарищей и злорадно улыбнулся.

— Что ты?—спросилъ его одинъ мужикъ.

— Да что, въ разъ мы въѣхали-то! Вещи-то мои... Глядите-ка!

Мужики удивились:

— Неужто правда?

— Ей-Богу! Это вотъ платокъ молодухинъ приданый, а ситецъ-то мы ей подъ сыръ положили.

— Такъ значитъ...—проговорилъ одинъ мужикъ.

Но Никита договорилъ за него:

— Его рукъ дѣло!..—и онъ кивнулъ на Якова.—Молодчина, нечего сказать!

— Такъ вотъ ты каковъ парень!—сказалъ другой мужикъ, обращаясь къ Якову.

— Что такое?—удивленно спросилъ Яковъ.

— Вотъ какими дѣлами ты занимаешься! Рано, братъ, съ этихъ поръ!

— Какими такими дѣлами?—недоумѣвалъ парень.

— Да что съ нимъ языкъ-то чесать!—рѣшилъ Никита.— Развѣ не видите, что дурака строитъ, незнайкой притворяется? Вяжите его!

Мужики стали развязывать кушаки. Никита подошелъ къ парню и взялъ его за плечи. Яковъ вдругъ выпрямился и сверкнулъ глазами.

— Что вы лѣзете-то? къ чему привязались? Воръ я, что ли?

Яковъ изо всей силы рванулся изъ рукъ Никиты, сшибъ его съ ногъ, но другіе мужики схватили парня и мигомъ скрутили ему руки назадъ.

Поднялся Никита съ земли, стиснувъ зубы, и прошипѣлъ:

— А, щенокъ, ты еще брыкаться вздумалъ! Такъ вотъ тебѣ!

И онъ изо всей силы ударилъ парня по затылку, такъ что у него искры изъ глазъ посыпались. Закричалъ было что-то Яковъ, но мужики взяли за поводья лошадей и повели Якова въ деревню, а Никита поѣхалъ прямо въ станъ объявить о случившемся.

XIII.

По дорогѣ въ станъ Никита чувствовалъ, что у него сердце бьется все сильнѣе и сильнѣе. Ему ужъ и добра украденнаго не жалко, такъ онъ радъ былъ, что его лиходѣй въ такомъ дѣлѣ попался.

„Вотъ посадятъ добраго молодчика въ тюрьму или въ арестантскія роты,—думаетъ Никита.—Не будетъ онъ мнѣ поперекъ дороги становиться... Кто у него тутъ хозяйство поведетъ?.. Мать?.. Что она одна-то сдѣлаетъ? Пропадетъ все! А землю-то въ міръ заберемъ“.

И Никита весело погонялъ свою лошадь.

Пріѣхавъ въ станъ, Никита подошелъ къ приставу. Приставъ выслушалъ его, но сказалъ, что урядника въ стану теперь нѣтъ, а будетъ онъ къ вечеру или на другой день.

— Тогда пришлю,—прибавилъ становой.

— Это намъ все равно,—сказалъ Никита и поѣхалъ домой.

Когда Никита пріѣхалъ въ Жвакино, жвакинцы стояли толпою на улицѣ. Они сильно ахали, удивлялись, какъ Яковъ пошелъ на такое дѣло. Никто не ждалъ этого отъ него.

— А я, братцы, всего ждалъ,—сказалъ Никита:—потому эти ученые молодцы, къ тому же безотцовщина,—народъ опасный; съ ними ухо востро держи! Допросить бы, куда они добро-то мое отправили. Не пропадать же ему стать?

Кое-кто изъ мужиковъ, обступивъ Якова, стали про добро спрашивать. Яковъ что-то злобно крикнулъ и больше не сказалъ ни слова.

— Путемъ бы его допросить,—заявилъ Никита.—Розгами бы, а то кулаками походить хорошенько, авось бы развязалъ языкъ.

— Нѣтъ, этого нельзя, не годится!—закричали мужики.— Пусть его полиція опрашиваетъ, а наше дѣло сторона.

— Ну, такъ въ магазею его надо запереть,—предложилъ Никита:—пущай его посидитъ тамъ пока до урядника.

— Вотъ это такъ, это можно!—согласились мужики и повели Якова въ магазинъ.

Когда парня стали подводить къ „магазеѣ“, къ нему подбѣжала Фросинья, бросилась къ нему на шею и залилась-заплакала:

— Сынокъ ты мой родимый, соколъ ты мой ясный, какъ это тебя лукавый спуталъ? Погубилъ ты свою голову безъ поры, безъ времени!

— Да что ты, матушка?—съ упрекомъ сказалъ Яковъ.— Или ты думаешь, я вправду воръ? Съ чего это ты выдумала-то?

— Да какъ же ты попался-то, родимый мой?

— А такъ: шелъ я изъ Мушкиной, былъ у невѣсты своей, Андрея Семенова дочери; отъ нея шелъ, а они встрѣтили меня да и схватили. Вотъ когда прiѣдетъ урядникъ, онъ все разберетъ.

Услыхавъ это, Фросинья успокоилась. Она пошла къ Никитѣ и стала уговаривать его, чтобы онъ отпустилъ парня.

— Вѣдь онъ гдѣ былъ-то,—говорила она:—за что вы его заперли-то?

— Ну, ладно, тамъ посмотримъ,—молвилъ Никита.—А я все-таки его до урядника не отпущу.

Выпроводилъ онъ отъ себя старуху и крѣпко задумался. „А что, коли вправду парень у дѣвки былъ? Дѣло-то скверно; и добро-то свое я упущу, и ему-то не насолю... Дѣло-то дрянь будетъ“.

И онъ опустилъ голову и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ мрачнѣе и мрачнѣе становился. Наконецъ, онъ крякнулъ и велѣлъ собирать обѣдъ.

Закусивъ немного, Никита сталъ одѣваться.

— Куда ты?—спросила его жена.

— Да такъ, кой-куда схожу, поразспрошу кой-кого, не видали ли гдѣ чего. Надо добро-то искать.

— Знамо, нужно! Ступай, ступай!—сказала ему жена.

И Никита вышелъ изъ дому и направился по дорогѣ въ Мушкино.

XIV.

Послѣ свиданья съ Настасьей Яковъ былъ точно шальной отъ радости. Не меньше его радовалась и Настасья; только проводила она его, пришла домой, бросилась въ постель, да такъ и ткнулась лицомъ въ подушку.

И она долго лежала такъ; цѣлый рой сладкихъ грезъ пронесся въ головѣ ея. Иногда она поднимала голову и думала, не сонъ ли все это? Но это былъ не сонъ, и сердце ея опять наполнялось несказанной радостью. На-

стасья полюбила Якова, когда еще путемъ не видала его. Про него говорили въ ихъ деревнѣ, какой онъ дѣльный, умный, какъ повелъ хозяйство; говорили, что онъ не чета деревенскимъ ребятамъ, не такъ совсѣмъ живетъ, не такъ ведетъ себя: пустяками не занимается, съ кѣмъ-нибудь не якшается, а если бываетъ у него свободное время—читаетъ. Настасья и сама любила читать, но она мало понимала книжки, а поговорить о книжкѣ ей не съ кѣмъ было: ребятъ такихъ не было, подруги же ея были вовсе неграмотны.

„Что бы онъ у насъ въ деревнѣ былъ, вотъ бы я съ нимъ и поговорила“,—думала Настасья, и ей шибко хотѣлось увидаться съ Яковомъ.

Но до Ильина дня случая увидать Якова Настасьѣ не выходило. Когда же въ Ильинъ день Яковъ пришелъ въ ихъ деревню и дѣвка вблизи увидала его, то сердце ея затрепетало, парень ей очень понравился, и съ тѣхъ поръ дня не проходило, чтобы она не думала о немъ... Когда же вдругъ, не ждано, не гадано онъ посватался за нее, она обезумѣла отъ радости.

Сонъ не шелъ ей на умъ, она даже не могла сомкнуть глазъ. Ей тоже представлялось, какъ они повѣнчаются съ Яковомъ, какъ заживутъ. „Вотъ какъ мы будемъ жалѣть другъ друга, какъ будемъ любить... страсть!“

Итакъ, не спавши, она пролежала до утра. Пришло утро, пошла она молотить съ отцомъ да съ матерью и, хотя не спала ночь, работала бодро и весело. Обмолотили, что нужно, свозили ворохъ, пошли было домой... Въ это время къ нимъ на гумно пришелъ Никита Деруновъ.

— Богъ помочь!

— Спасибо.

Никита поглядѣлъ на дѣвку, на ея мать, потомъ перевелъ глаза на Андрея.

— А я къ тебѣ, дядя Андрей.

— Что такое?

— Два словечка нужно сказать, ужъ ты подожди здѣсь.

— Ладно... Вы ступайте, собирайте тамъ обѣдать,—обратился Андрей къ женѣ съ дочерью,—я сейчасъ приду.

Старуха съ дочерью пошли въ избу, собрали на столъ. Андрей не приходилъ съ полчаса; когда же онъ пришелъ, жена съ дочерью еле узнали его,—такъ перемѣнился онъ.

— Что это ты какой?—спросила его жена.

Андрей не взглянулъ на жену, а повернулъ перекошенное злобой лицо къ дочери, уставилъ на нее горящіе, какъ у волка, глаза.

— Ты что же это, дѣвка, пріятеля себѣ завела?.. А?—спросилъ онъ.

Жена Андрея, услыхавъ это, остолбенѣла отъ удивленія, а Настасья вздрогнула и поблѣднѣла.

— Друга нашла?—продолжалъ Андрей.—Умница, нечего сказать! Выйдетъ изъ тебя толкъ, коли съ этихъ поръ съ ребятами якшаться стала.

Жена Андрея, наконецъ, пришла въ себя.

— Что это ты городишь?—спросила она.—Съ чего ты взялъ-то?

— Городишь?—крикнулъ Андрей.—Загородишь, коли такія дѣла начались.

— Какія дѣла-то?

— Говорю какія: у дѣвки-то нашей вчера жвакинскій парень былъ.

— Ну?

— Вотъ-те ну? да еще какой парень-то: послѣ нея пошелъ къ старостѣ, въ горенку вбился, а его поймали, стали спрашивать... Онъ и дѣвку къ себѣ примѣшалъ.

— Батюшки мои!—крикнула баба.

Ноги у нея подкосились, и она грузно плюхнулась на лавку.

— Что же это намъ дѣлать-то?

— Что хочешь, то и дѣлай!—задыхаясь проговорилъ Андрей:—хоть голову ей отруби.

Долго гнѣвъ и горе кипѣли въ сердцѣ Андрея.

Наконецъ, онъ обошелся маленько.

— Когда ты снюхалась съ нимъ?—спросилъ онъ.

— Ничего я не знаю,—отвѣчала Настасья. — Поговорила я съ нимъ вчера, только и всего.

— Правда?

— Ей-Богу!

— Чего же онъ хвастаетъ? Ишь назвонилъ: „Я, говоритъ, всю ночь съ ней пробылъ“. Голохвастъ проклятый!.. Слушай, дѣвка!—обратился Андрей къ дочери:—Если тебя допрашивать будутъ, урядникъ или еще кто, говори: „Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, оговорилъ онъ меня“... А то тебѣ будетъ, что и не думаешь: косы выдеру, голову оторву!.. Слышишь?

Настасья свѣта не взвидѣла отъ слезъ.

— Ты это попомни! Лучше не срами себя и насъ.

— Хорошо!—крикнула Настасья и, выскочивъ изъ избы въ сѣни, бросилась на свою постель и уткнулась въ подушку, да такъ и замерла.

Плечи ея начали вздрагивать отъ приступившихъ рыданій. Горло ей стиснуло такъ, что она не могла свободно плакать, а отъ этого ей еще тяжелѣе было.

XV.

Урядникъ пріѣхалъ въ Жвакино послѣ обѣда, остановился у Никиты и сейчасъ же началъ допросъ. Допросилъ онъ Никиту, мужиковъ и велѣлъ привести къ себѣ Якова. Съ Яковомъ онъ обошелся очень безцеремонно:

— Ты обокралъ старосту Никиту Дерунова?

Яковъ вспыхнулъ, гнѣвно поглядѣлъ на урядника и отвѣтилъ:

— Никогда я никого не обкрадывалъ.

— А какъ же у тебя нашлись вещи Никиты?

— Я нашелъ ихъ.

— Гдѣ?

— На дорогѣ, въ мушкинскомъ лѣсу.

— Какъ ты попалъ туда?

Яковъ смѣшался: онъ не обдумалъ раньше, какъ сказать, гдѣ онъ провелъ ночь, а сказать прямо у него языкъ не поворачивался, и дѣвку припутывать къ дѣлу не хотѣлось...

— Грибы, что ли, тамъ собиралъ? — опять спросилъ нетерпѣливо урядникъ.

Кое-кто изъ народа засмѣялся.

— Я въ Мушкинѣ былъ, а потомъ оттуда шелъ, на эти вещи наткнулся.

— А у кого ты въ Мушкинѣ былъ?

— Ни у кого, такъ...

— Видѣлъ тамъ тебя кто-нибудь?

— Видѣли... дѣвка одна... Настасья, Андрея Семенова.

— Вѣрно?

— Вѣрно, хоть ее спросите?

— Знамо, спросимъ; это дѣло важное, можетъ, ты еще совралъ. Сейчасъ отправлюсь туда и спрошу.

И онъ сложилъ бумагу, спряталъ все въ сумку, вышелъ изъ избы и поѣхалъ въ Мушкино.

Надѣясь, что все сейчасъ разберется, Яковъ облегченно вздохнулъ и сѣлъ на лавку; мужики одинъ за другимъ вышли, кромѣ понятыхъ.

Прошло съ часъ. Яковъ съ минуты на минуту дожидался урядника,—вотъ онъ придетъ и велитъ ему уходить домой. Его уже стало разбирать нетерпѣніе.

Наконецъ, пріѣхалъ урядникъ, вошелъ въ избу. Яковъ уставился на него; урядникъ былъ злой-презлой.

— Ты что же? — напустился онъ на Якова.—И меня морочишь и другихъ людей зря путаешь. Никакой чортъ не видалъ тебя въ Мушкинѣ.

— Какъ?.. А Настасья?

— И Настасья ничего не знаетъ... И выдумаетъ! Попался, такъ сознавался бы, нечего веревки вить.

Якова эти слова словно пришибли; онъ пошатнулся и опять опустился на лавку, съ которой было всталъ.

Урядникъ сказалъ, что пріѣдетъ сотскій и уведетъ парня въ станъ; затѣмъ простился съ Никитой и уѣхалъ.

Никита съ торжествующей улыбкой поглядывалъ на Якова и, должно быть, думалъ: „Не отвертишься“.

Нѣкоторые мужички смотрѣли на парня равнодушно, нѣкоторые съ жалостью. Пришла Фросинья; она принесла ему ѣды на дорогу и опять, какъ давеча, заплакала. Яковъ тоже не выдержалъ и всхлипнулъ.

— Матушка!—сказалъ онъ,—ты вотъ что, сходи къ ней и скажи: „Зачѣмъ она губитъ меня, вѣдь ей грѣхъ за это будетъ“.

Фросинья ни слова не могла сказать отъ слезъ. Вскорѣ пришелъ сотскій и повелъ Якова въ станъ. Въ стану онъ ночевалъ, а на утро его отправили въ городъ.

Въ городѣ его посадили въ арестантскую при полицейскомъ управленіи, а дѣло передали судебному слѣдователю.

XVI.

Судебнаго слѣдователя въ городѣ не было, онъ уѣзжалъ въ отпускъ, и его пришлось ожидать недѣли двѣ. И малый за это время такъ измучился, что сталъ на себя не похожъ. Онъ много передумалъ, много перестрадалъ и совсѣмъ упалъ духомъ.

„Что же это?—думалъ онъ.—Не ждано, не гадано, ни за что, ни про что, взяли человѣка, оторвали отъ дома, отъ дѣла, заперли и держатъ. Вѣдь у меня дѣло есть, хозяйство, его нужно управить; теперь самая горячая пора: ржаной сѣвъ, уборка ярового, молотьба,—кто же у меня все сдѣлаетъ? Всѣ мои труды пропадутъ“.

И онъ метался въ своемъ углу и сжималъ голову.

„А что, какъ меня совсѣмъ запрутъ, да и надолго? Это вѣдь легко можетъ быть. Сколько такихъ случаевъ бываетъ! Что мнѣ тогда дѣлать?“

И при этихъ мысляхъ Яковъ совсѣмъ терялъ голову и ни на чемъ не могъ остановиться; онъ только съ нетерпѣніемъ ждалъ того дня, въ который его къ слѣдователю позовутъ.

Наконецъ, наступилъ и этотъ день. Яковъ съ самаго утра шибко волновался. День могъ кончиться для него разно: или онъ окажется невиннымъ и выйдетъ на свободу, или...

У Якова кровь холодѣла при мысли о возможности обвиненія.

Только разсвѣло, только взошло солнце, и въ арестантской проснулись, какъ къ Якову пришла Фросинья... впервые съ тѣхъ поръ, какъ его заперли. Онъ обрадовался матери и огорчился.

— Что же это ты меня не навѣстила до сихъ поръ?— съ упрекомъ сказалъ онъ.

— Родимый ты мой, все некогда: въ полѣ убиралась. Наняла одну бобылку, снопы перевозила съ ней, ленъ околотила да постелила... Дѣловъ, дѣловъ было!

— А съ сѣвомъ какъ?

— Сѣвъ Антропъ посѣялъ; свое поле сѣялъ и наше.

— Ну, слава Богу!..

— Да, спасибо ему.

— А Настасью видѣла?

— Нѣтъ.

— Что же такъ?

— Да не пускаютъ домашніе ея. Три раза ходила. Одинъ разъ сказали, что дома нѣтъ, другой разъ никого не застала, а на третій разъ пошла, встрѣтилъ меня самъ Андрей Семеновъ и говоритъ: „Ты чего, тетка, таскаешься? Чего тебѣ надо? Дѣвку смутить хочешь да на срамъ навесть? Пошла домой, да другой разъ не попадайся, а то я тебя такъ провожу...“

— А добро-то Никитино не нашлось?

— Какъ въ воду кануло.

Яковъ задумался и вздохнулъ; сердце его больно-больно защемило.

„Пожалуй, и не выпутаешься! — подумалъ онъ и отвернулся отъ матери.—Что мнѣ тогда дѣлать-то?“

XVII.

Часамъ къ десяти Якова повели къ слѣдователю. Въ прихожей онъ увидалъ всѣхъ, кто былъ въ протоколѣ урядника записанъ; была тутъ и Настасья съ отцомъ. Яковъ сильно заволновался, когда увидалъ всѣхъ; но ему и остановиться не дали: провели его прямо въ камеру.

Слѣдователь уже успѣлъ всѣхъ переспросить по дѣлу Никиты, остался только Яковъ; онъ спросилъ парня, какъ его звать, сколько ему лѣтъ и все прочее... Когда же дошла очередь до вопроса, гдѣ онъ находился въ ту ночь,— Яковъ сказалъ, что было.

— Какъ же дѣвка не признается? — проговорилъ слѣдователь.

Якова опять что-то кольнуло: „Что это съ ней сдѣлалось, что за причина?“--подумалъ онъ.

— Господинъ слѣдователь, нельзя ли вамъ при мнѣ ее спросить, а то я и повѣрить не могу, чтобы она запиралась,—сказалъ Яковъ.

Слѣдователь улыбнулся и велѣлъ ввести Настасью.

Настасья вошла блѣдная, опустивши глаза; она сильно перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ Яковъ видѣлъ ее. Увидавъ ее, Яковъ почувствовалъ, какъ его въ жаръ ударило, какъ кровь къ сердцу прилила... Еле удержалъ онъ себя, чтобы не броситься къ ней.

— Свидѣтельница, я васъ опять спрашиваю: не видали ли вы тогда въ вашей деревнѣ Якова Грибкова? Говорите правду,—отъ этого много зависитъ.

— Настя, неужели ты отказываешься? — простоналъ Яковъ.

Настасья подняла голову, изъ глазъ ея брызнули слезы, она пошатнулась, схватилась за стѣну и тихимъ голосомъ проговорила:

— Правда... я его видѣла... онъ былъ со мной.

— Долго?

— До третьихъ пѣтуховъ мы съ нимъ стояли.

И Настасья, проговоривъ это, вдругъ разрыдалась и прислонилась къ стѣнѣ. Яковъ бросился къ ней.

— Настя!.. Милая!..

— Что же вы не сказали этого ни урядннку, ни мнѣ давеча?—спросилъ слѣдователь.

— Мнѣ отецъ съ матерью не велѣли... грозились.

Слѣдователь долго читалъ бумагу, потомъ что-то записалъ, поднялъ голову, кашлянулъ и проговорилъ, обращаясь къ Якову:

— Ну, можете считать себя свободнымъ. Я васъ отъ дѣла отстраняю: подпишитесь.

Яковъ подписался, слѣдователь позвалъ къ себѣ Андрея.

Увидавъ Якова рядомъ со своею дочерью, Андрей испугался; онъ перевелъ глаза на слѣдователя.

— Ты, старикъ, слушай,—сурово проговорилъ слѣдователь:—какъ ты смѣлъ наставлять дочь на ложныя показанія? Черезъ это человѣкъ могъ невинно пострадать. Это глупо и грѣшно! По закону тебя за это подъ судъ надо бы отдать.

Андрей струхнулъ, растерялся и залепеталъ:

— Ваше благородіе, простите! Не отъ себя это я, меня это Никита подбилъ: пришелъ ко мнѣ, размазалъ—то и то, страху напустилъ, ну... я тово...

— Что жъ этотъ Никита золъ, что ли, за что на васъ?—спросилъ слѣдователь у Якова.

Яковъ переступилъ съ ноги на ногу, откашлянулся и проговорилъ:

— Да, сердитъ.

— За что?

— Вотъ за что...

И Яковъ сталъ объяснять причину ненависти Никиты на себя.

— А, т-а-акъ!.. т-а-акъ!.. Ну, что же дѣлать, молодой человѣкъ, вы этимъ не огорчайтесь. Хорошее дѣло безъ нападокъ никогда не обойдется; идите твердо по своему пути и вѣрьте, что правда всегда побѣдитъ неправду.

Слѣдователь отпустилъ всѣхъ изъ камеры.

Андрей, Яковъ и Настасья вошли въ пріемную.

Жвакинцы съ любопытствомъ уставили на нихъ глаза. Яковъ, счастливо улыбаясь, сталъ здороваться съ ними.

Когда очередь дошла до Никиты, то Яковъ проговорилъ:

— Ну, дядя Никита, какъ ты ни старался утопить меня, а правда выплыла наружу. Гляди, меня выпустили!

Никита тревожно заморгалъ глазами, покраснѣлъ и, смѣшавшись, забормоталъ что-то.

Яковъ обратился къ землякамъ:

— Чуть-чуть напрасно не пропалъ, братцы.

— Ишь ты, какое дѣло, какъ подошло-то!—сказалъ одинъ мужикъ.

— Въ кашу порядочную попалъ.

— Какъ же это дѣвка выручила?

— Не выдержала, знать?

— Изъ-за нея я въ бѣду попалъ, она и выручила, — любовно поглядывая на Настасью, молвилъ Яковъ.

— А вѣдь это дѣвкѣ-то покоръ будетъ, дядя Андрей, коли призналась, что съ парнемъ цѣлую ночку провела,— посмѣиваясь, сказалъ какой-то мужикъ.

— Да, дѣло не хвали, — тоже улыбаясь, подхватилъ другой.

Андрей только рукой махнулъ.

А Яковъ межъ тѣмъ подошелъ къ Настасьѣ, что-то сказалъ ей... Дѣвка точно расцвѣла, улыбнулась, глаза ея огнемъ загорѣлись. Парень дольше не вытерпѣлъ и, обратившись къ Андрею, проговорилъ:

— Дядя Андрей! Если хочешь, чтобы дѣвку никто не корилъ, благослови насъ съ нею; черезъ меня про нее слава пойдетъ, такъ мнѣ и покрывать ее.

Андрей промолчалъ, но, видимо, онъ не прочь былъ отъ этого. Жвакинцы, замѣтивъ это, подхватили:

— Вотъ это славно, это хорошо! сейчасъ бы и по рукамъ! Не ломайся, дядя Андрей, каяться не будешь. Парень дѣльный, хозяинъ такой, что на рѣдкость.

— Про хозяйство его и говорить нечего, въ одно лѣто поставилъ все такъ, какъ ни у кого сроду не было.

— Одно слово—разумникъ.

Андрей что-то промычалъ, но всѣ поняли, что онъ сказалъ.

Яковъ съ Настасьей радостно улыбнулись.

— Ну, такъ пойдемте въ трактиръ, нечего дѣлать, попьемъ чайку, вспрыснемъ ихъ,—вдругъ проговорилъ Андрей и взялся за шапку.

Другіе шумной гурьбой двинулись за ними...

XVIII.

Никита увидалъ, чѣмъ кончилось дѣло, и не сталъ больше въ прихожей торчать, а схватилъ шапку и выбѣжалъ на улицу.

„Вырвался! Ахъ, дьяволъ-те подери! Не выдержала эта дѣвчонка!.. Вотъ такъ ловко!.. Всѣ штуки пропали ни за что!“—бормоталъ онъ и чувствовалъ, какъ сердце его сжималось отъ острой мучительной боли.

„Пропало мое дѣло!—продолжалъ онъ разсуждать, покачивая головой, — оконфузился я... Теперь совсѣмъ не будетъ мнѣ никакого уваженія отъ мужиковъ... Уже давно они покашивались на меня, а теперь совсѣмъ чертями будутъ глядѣть... Все пропало. Теперь ужъ нельзя мнѣ дѣлать прежнихъ дѣловъ... не допуститъ онъ. Того гляди, и въ старосты-то его выберутъ... И за коимъ я лѣшимъ такъ поперъ-то на него... какъ кража-то у меня случилась? Его убрать захотѣлъ! Анъ его-то не убралъ, а добро-то свое упустилъ, да себя передъ всѣмъ міромъ замаралъ... Какъ мнѣ теперь кому въ глаза-то взглянуть?.. Ужъ не помириться ли съ нимъ? Плохой миръ лучше доброй ссоры, а то какъ бы хуже чего не вышло“.

Съ такими мыслями Никита пришелъ на постоялый дворъ, гдѣ его лошадь стояла; подошелъ онъ къ телѣгѣ, влѣзъ на нее и прилегъ. Въ вискахъ у него стучало, сердце коло-

тилось, въ рукахъ чувствовалась дрожь. Съ полчаса пролежалъ онъ такъ и захотѣлъ напиться. Пошелъ къ колодцу, глотнулъ воды и немного успокоился. „Надо помириться", рѣшилъ онъ и задалъ лошади свѣжаго корма и направился въ трактиръ.

Въ трактирѣ за большимъ столомъ сидѣли жвакинцы. На столѣ у нихъ были чай и баранки.

Между ними сидѣлъ Андрей съ дочерью, а съ ней рядомъ—Яковъ, по другую сторону Якова—Фросинья. Яковъ что-то говорилъ матери, показывая на Настасью; Фросинья и Настасья весело улыбались.

У Никиты не хватило духа подойти прямо къ ихъ столу; онъ повернулъ къ стойкѣ и спросилъ себѣ стаканъ водки.

Выпилъ одинъ, затѣмъ другой, въ головѣ его зашумѣло, робость пропала, онъ поднялъ глаза на жвакинцевъ и вдругъ отошелъ отъ стойки и подошелъ къ нимъ.

— Чай да сахаръ!

— Просимъ милости.

— Можно присѣсть?

— Садись, намъ мѣста не жалко.

Никита подсѣлъ къ столу, окинулъ его глазами, уперся глазами въ Якова, долго глядѣлъ на него и вдругъ протянулъ къ нему руку.

— А ты меня прости!..

— Богъ съ тобой, я зла не помню.

— То-то!.. Ты не сердись. Темный я человѣкъ, ослѣпъ совсѣмъ. Не помни зла!

Яковъ улыбнулся и не зналъ, за что принять слова Никиты: за лепетъ пьянаго, за искреннее изліяніе размякшаго сердца или... Что бы тамъ ни было, онъ не печалился. Онъ былъ на свободѣ, жвакинцы поняли его, съ нимъ сидѣла рядомъ Настасья, онъ былъ ея женихомъ.

— Эхъ, жизнь, жизнь, что въ тебѣ только творится-то... и не поймешь! — покручивая головой, проговорилъ одинъ изъ жвакинцевъ.

Вечеромъ три подводы выѣзжали съ постоялаго двора: двѣ были жвакинскія, а одна мушкинская.

Фросинья сидѣла съ жвакинскими мужиками, но Яковъ шелъ пѣшкомъ и не зналъ, куда садиться... Никита тянулъ его къ себѣ, а Андрей—къ себѣ.

— Ну, ужъ лучше я къ своей нареченной! — крикнулъ Яковъ и вспрыгнулъ на телѣгу Андрея.

Настасья подхватила его за руку и посадила его рядомъ съ собою.

— А со мной отъ Мушкина, слышь?—крикнулъ Никита.

— Хорошо!—отвѣтилъ Яковъ и легко вздохнулъ.

На душѣ у него было свѣтло, свѣтло...

И другіе глядѣли весело...

КОНЕЦЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

С. Т. Семеновъ.

Дѣдушка Илья

и другіе разсказы.

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К⁰**, Пименовская ул., соб. домъ.
1903.

Дѣдушка Илья.

ПОВѢСТЬ.

I.

Послѣ смерти моего дѣдушки старшею въ домѣ осталась бабушка. Дѣдушка мой былъ третій сынъ одного крѣпостного крестьянина, осиротѣвшій съ своими братьями очень рано. Онъ оказался выродкомъ изъ всѣхъ братьевъ. Тѣ отличились и выдѣлились изъ другихъ мужиковъ: первый— тѣмъ, что безъ зачета былъ сданъ въ солдаты, а другой— достигъ завиднаго положенія перваго человѣка въ деревнѣ. Дѣдушка же мой кончилъ такъ, какъ кончаютъ почти всѣ обыкновенные мужики.

Въ солдаты попалъ первый братъ дѣдушки — Илья. Онъ былъ тогда еще молодымъ, но уже овдовѣвшимъ и порядочно испытавшимъ: его жена умерла черезъ три года послѣ свадьбы. Этимъ, говорили, дѣдушку Илью точно пришибло: изъ дѣльнаго и бодраго большака, онъ сдѣлался вялый и задумчивый, все хозяйство онъ передалъ своему второму брату, дѣдушкѣ Григорію, а самъ началъ собираться въ монастырь. Но въ монастырь онъ не попалъ. Походивши года полтора по святымъ мѣстамъ, онъ не нашелъ тамъ, чего искалъ, вернулся домой, обзавелся священнымъ писаніемъ и сталъ жить дома.

Въ солдаты дѣдушка Илья попалъ за ослушку передъ бариномъ. Одною весной, во время ярового сѣва, баринъ

шелъ погулять по усадьбѣ. Въ это время въ его саду работали дѣвки. Одна дѣвка не въ мѣру разболталась за работой. Баринъ окликнулъ ее. Дѣвка, вмѣсто того, чтобы смолчать, что-то сказала на отвѣтъ. Баринъ былъ горячій. Услыхавши слово отъ дѣвки, онъ взбеленился и захотѣлъ ее наказать. Обернувшись назадъ, онъ увидѣлъ дѣдушку Илью, который въ это время привезъ изъ поля пустые мѣшки, подозвалъ его къ себѣ и приказалъ ему дать дѣвкѣ 30 розогъ. Дѣдушка Илья сказалъ: „Я пріѣхалъ работать на барщинѣ, а не дѣвокъ стегать“. Баринъ распалился еще больше, и когда подъѣхали другіе мужики, онъ тотчасъ же велѣлъ имъ связать его и отправить въ городъ и тамъ забрить ему лобъ. Съ этихъ поръ дѣдушка Илья для нашихъ мѣстъ точно въ тучку палъ.

Дѣдушкѣ Григорію выпала другая судьба. Онъ былъ вовсе не такого характера и готовъ былъ повиноваться не только каждому слову барина, но быть слугою всякаго двороваго. За это онъ скоро добился, что его поставили старостой, а потомъ и бурмистромъ. Въ бурмистрахъ онъ ходилъ до самой воли. Послѣ же воли онъ отдѣлился отъ моего дѣдушки, вышелъ на новое мѣсто, отстроился за первый сортъ, купилъ своему сыну, Ивану, въ Москвѣ мѣсто въ биржевой артели, а самъ завелъ небольшую торговлю среди мужиковъ. Откуда у него взялись на это деньги, никто не зналъ, хотя поговаривали, что передъ волей ему удалось устроить съ управляющимъ выгодное дѣло. На господскомъ дворѣ стоялъ магазей, въ который ссыпался на всякій случай со всей вотчины крестьянскій хлѣбъ; его, какъ говорили, было тамъ четвертей съ тысячу. Когда же былъ прочитанъ освободительный манифестъ, то пришлось весь хлѣбъ раздать крестьянамъ. Но когда стали его раздавать, то елееле набрали 200 четвертей. Куда дѣвался остальной, такъ и концовъ не нашли. Мужики долго злобствовали на дѣдушку Григорія и подъ горячую руку попрекали его этимъ; но къ дѣдушкѣ Григорію приставало это, все равно, что къ гусю вода.

Оставшійся въ старой стройкѣ, съ кое-какимъ скотомъ и другимъ имуществомъ, мой родной дѣдушка началъ послѣ раздѣла быстро бѣднѣть. У него былъ полонъ столъ дѣтей и одинъ одного меньше. Взрослымъ былъ только мой отецъ, но онъ вышелъ незадачнымъ. Дѣдушка послалъ его въ Москву на фабрику для посторонней добывки, но отецъ въ Москвѣ втянулся въ водку и, что ни зарабатывалъ, все оставлялъ тамъ. Его тогда женили, но онъ и женатый не поумнѣлъ, пришлось жить одною землей, но земли и прокормить семьи не хватало. Чтобы добыть что-нибудь гдѣ еще, дѣдушка метался туда и сюда. Онъ работалъ безъ отдыха лѣто и зиму, нанимался на поденщину, ѣздилъ въ извозъ. Отъ этого онъ и померъ. Онъ ѣздилъ по найму въ свой городъ. Дѣло было въ распутицу, дорогой онъ сильно промокъ въ весенней водѣ, простудился, слегъ и отдалъ Богу душу.

II.

Въ то время у бабушки было пять человѣкъ дѣтей: мой отецъ и еще четыре дочери. Жизнь въ домѣ послѣ дѣдушки пошла еще хуже. Отецъ хотя и сталъ числиться хозяиномъ, но не сдѣлался отъ этого старательнѣй. Подраставшія бабушкины дочери требовали справы да выдачи замужъ, а на это нужна была трата. Къ тому времени, какъ мнѣ исполнилось восемь лѣтъ, бабушка развязалась со всѣми дочерьми. Трехъ она выдала замужъ, а одна умерла въ дѣвушкахъ. Изъ замужнихъ одна умерла тоже на первомъ году послѣ свадьбы. Ѣдоковъ въ домѣ убавилось, но нужды не убавлялось. Она съ каждымъ годомъ разрасталась и захватывала насъ въ свои когти. Во всемъ нашемъ обиходѣ она сквозила на каждомъ шагу. Все у насъ было какъ нельзя хуже. У двора со всѣхъ сторонъ стояли подпорки. Изба уже накренилась на-бокъ, крыша на ней поросла мохомъ. Тесъ на конькѣ былъ расщелявшійся, потемнѣвшій, и въ вѣтреную погоду онъ непріятно дребезжалъ. Углы избы съ улицы были

совсѣмъ отгнивши, и мы бывало, прежде чѣмъ загораживать избу на зиму, замазывали ихъ глиной.

И изнутри изба была не лучше, чѣмъ снаружи. Печка безъ трубы, поэтому, когда бывало топили ее, то отворяли дверь. Лѣтомъ это было ничего, а зимой холодно. На это время всѣ бывало одѣвались въ теплую одежду. Полъ у насъ никогда не мылся, потолокъ же отъ дыма былъ настолько черенъ, что или днемъ въ солнечный день, или вечеромъ отъ огня горящей лучины онъ даже лоснился, точно вычищенный ваксой сапогъ.

Кромѣ этого, у насъ былъ кое-какой сараишко, но ни амбара, ни овина, ни другихъ построекъ у насъ не водилось, и мы даже тогда не мечтали заводить ихъ.

Жили въ то время на этомъ добрѣ, кромѣ бабушки,— моя мать и я. Отецъ постоянно жилъ въ Москвѣ. Онъ иногда приходилъ домой на Пасху, но послѣ Пасхи опять уходилъ до покоса. Но на покосъ отецъ приходилъ не каждый годъ. Случалось это оттого, что, какъ говорила мать, отецъ „не находилъ заставы“. Получивши расчетъ, онъ прокучивалъ всѣ деньги по трактирамъ и портернымъ, не выходя изъ Москвы, и возвращался опять на фабрику.

Мнѣ наша бѣдность тогда была мало страшна, но матушка часто горевала. „Вотъ завалится изба, — говорила она,—куда мы дѣнемся? Новую поставить не на что, люди къ себѣ не пустятъ—гдѣ будетъ голову преклонить?“

Бабушка всегда ее утѣшала. „Ну,—говорила она,—вамъ-то со Степкой будетъ пріютъ: пойдете въ Москву, тамъ вамъ каменные дома будутъ, а мнѣ на рынкѣ хоромину купимъ, да еще новую долбленую, помѣщусь я въ нее, никакой заботушки не буду знать“.

III.

Бабушка глубоко вѣрила въ Бога. Эта вѣра мирила ее со многими встрѣчавшимися ей несчастіями. А несчастій она перенесла немало: исторія съ дѣдушкой Ильей, неза-

дачникъ мужъ, раздѣлъ съ дѣдушкой Григоріемъ, бѣдность судьба дочерей, смерть двухъ дочекъ, несчастный сынъ. И какъ всѣ эти испытанія были ни тяжелы, она все-таки ропотъ на нихъ считала грѣхомъ и думала, что ей не хватитъ и жизни, чтобы искупить эти грѣхи. И готова была все сдѣлать для этого. Изъ нашего имущества дѣлиться съ кѣмъ-нибудь было нечѣмъ, но если за нею приходили попросить походить за больнымъ, омыть и оправить покойника, принять ребенка у родухи, бабушка никогда не отказывалась и шла охотно и радостно во всякое время, и въ полночь и въ непогоду, и если ей что за это предлагали, то она не всегда это брала, если же брала, то называла такихъ людей своими благодѣтелями и долго поминала ихъ въ своихъ молитвахъ.

— Ты, баушка Прасковья, праведница, — говорила бабушкѣ какая-нибудь изъ бабъ.—У тебя всегда на первомъ мѣстѣ Богъ, никогда ты Его не выпускаешь изъ головы.

— Какъ же иначе-то,—говорила бабушка.—Безъ Бога-то намъ шагу шагнуть нельзя, безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море; не даромъ вѣдь пословица-то говорится.

И такое отношеніе къ Богу она рада была внушить всѣмъ, Она не давала забыться ни матери, ни мнѣ и сейчасъ же напоминала о Немъ. Она нерѣдко сдерживала порывы моей ребяческой фантазіи, которую я пробовалъ развивать вслухъ, и круто останавливала меня. Иногда наслушаешься материнхъ жалобъ на нужду, на бѣдность и начнешь мечтать: вотъ выросту я большой, пойду въ Москву и буду наживать тамъ деньги; наживу ихъ много-много и стану дѣлать то-то и то-то. Бабушка тотчасъ меня остановитъ:

— Болтай, что ни дѣло, глупый. Деньги нажить — надо совѣсть забыть, а ты моли Бога, чтобы здоровья далъ да разумъ свѣтлый, тогда и безъ денегъ проживешь, нужды не увидишь.

— А денегъ больше, все бы лучше.

— А душу ты загубишь? душа дороже всего.

— А я тогда свѣчки буду ставить, попамъ денегъ дамъ, они за меня молиться будутъ.

— Если не отъ трудовъ деньги, то никакая молитва ни во что. Отъ праваго сердца ты только вздохнешь, тебя Богъ услышитъ, а то хотя въ сто колоколовъ звони, все нипочемъ.

— Отчего такъ?

— Оттого, что Богу нужно усердіе твое да праведные труды.

— Матушка, откуда ты все это знаешь? — спросила разъ бабушку мать. — Другіе хоть въ книгахъ вычитаютъ, а ты и грамотѣ не умѣешь, а говоришь какъ по писанному.

— Я грамотѣ не умѣю, другіе умѣли — читали, а я запомнила все.

— Кто же это?

— Илья деверь...

— Знать, онъ хорошій былъ человѣкъ?

— Хорошій.

— Какъ угнали его въ солдаты, такъ онъ никакого слуху о себѣ не давалъ?

— Никакого.

— Отчего это такъ?

— Богъ его знаетъ! Може его далеко угнали, откуда и письма не доходятъ, а може ему не хотѣлось и вспоминать о своемъ мѣстѣ, чтобы сердце свое не тревожить.

— А може онъ давно ужъ померъ?

— Кто его знаетъ-то! Послѣ Севастопольской войны, разъ, когда очень много народу побило, раздумалась я о немъ; пришло мнѣ въ голову, что, вѣрно, и онъ воевалъ тамъ и убитъ, и стала я говорить на молитвѣ: „Помяни Господи воина Илью, отпусти ему всѣ прегрѣшенія“. Помянула я такъ разъ, другой, третій, только въ одну ночь и приснился мнѣ этотъ Илья, и говоритъ: „Зачѣмъ ты меня, Прасковья, къ покойникамъ причисляешь, я вѣдь еще живъ“. Съ тѣхъ поръ и перестала я его заупокойной поминать.

Изъ себя бабушка была высокая, худая. Лицо ея было

въ морщинахъ, маленькіе глаза слезились, у нея уже не было зубовъ, изъ-подъ старенькаго темненькаго платка торчали рѣденькіе сѣдоватые волосы, но для меня не было лучше, милѣй и красивѣй человѣка, чѣмъ моя бабушка. Для меня она была не только дороже на свѣтѣ отца, но и матери, которая меня очень любила.

IV.

Моя мать была средняго роста, съ небольшимъ блѣднымъ, худощавымъ лицомъ. Лицо у ней было красивое, но глаза свѣтились какъ-то печально, и она глядѣла ими всегда больше внизъ. На подбородкѣ у ней чернѣла родинка, знакъ несчастливаго человѣка; ее и нельзя было назвать счастливой. Я рѣдко видѣлъ ее веселою или спокойною, а больше печальной и озабоченной. Она была взята изъ другой деревни, у ней никого не было близкихъ родныхъ: ни отца, ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ. Она на это нерѣдко жаловалась. „Были бы у меня живы батюшка съ матушкой,— говорила она, — хоть бы съ ними я горе размыкала, а то пропадаю одна“. Чѣмъ дальше, тѣмъ она становилась грустнѣе, а за послѣднее время она отчего-то стала покашливать и говорить, что у ней ноетъ грудь, не то отъ простуды, не то оттого, что, какъ она говорила, отецъ одинъ разъ сильно ударилъ ее кулакомъ между плечъ.

Одинъ разъ около Петрова дня ужъ сидѣли мы и ужинали, ѣли зеленый лукъ съ квасомъ. Квасъ былъ жидкій, и матушка сказала, что надо бы къ покосу сдѣлать новый квасъ. Бабушка на это вздохнула и проговорила:

— Сдѣлать-то ничего, да сдѣлать-то изъ чего? солоду ни пылинки и муки на хлѣбы хватитъ, либо нѣтъ.

Матушка опечалилась:

— Староста съ оброкомъ пристаетъ, сборщикъ пастушню требуетъ. Что это нашъ москвичъ никакого слуху не даетъ, хоть бы маленько что прислалъ.

— Може самъ принесетъ,—сказала бабушка: —все къ покосу-то, чай, придетъ.

— Какъ же не притти-то, — промолвила матушка: — съ кѣмъ же намъ тогда косить будетъ?

Я только было хотѣлъ сказать, чтобы меня взяли косить, какъ подъ окномъ что-то мелькнуло, потомъ, слышимъ, скрипнули ворота, и кто-то застучалъ по мосту. Дверь отворилась, и въ избу вошелъ невысокій костлявый мужикъ въ казинетовой поддевкѣ и съ небольшой сумкой за плечами; войдя въ избу, онъ помолился на образа, ни на кого прямо не глядя, поклонился всѣмъ намъ и сквозь зубы проговорилъ:

— Здорово живете!

— Ну, вотъ онъ, легокъ на поминѣ! — проговорила бабушка.

Мужикъ былъ мой отецъ. Поздоровавшись, онъ снялъ съ себя прежде сумку, потомъ поддевку и нетвердыми, не то отъ усталости, не то отъ робости, шагами онъ подошелъ къ окну и сѣлъ на лавку.

— Ну, какъ вы тутъ живы-здоровы? — спросилъ отецъ и такимъ тономъ, по которому легко можно было судить, что ему никакого дѣла нѣтъ до того, какъ мы живы и здоровы.

— Ничего, живемъ, — сказала бабушка.—Садись съ нами ужинать-то.

— Спасибо, не хочу,—сказалъ отецъ.

Я поглядѣлъ на мать. У матери на лицѣ заиграли краски, и въ глазахъ заблестѣлъ тревожный огонекъ. Я понялъ, что это значитъ. Это значило, что отецъ пришелъ „не слава Богу“, ничего не принесъ опять. Объ этомъ можно было догадаться потому, какъ онъ вошелъ въ избу и какъ держалъ себя. Онъ не поцѣловался даже со мной. Я помню, какъ онъ разъ пришелъ къ Пасхѣ „слава-то Богу“. Онъ былъ веселый, казался выше ростомъ, ступалъ твердой поступью, меня онъ обнялъ и поднялъ на руки, тотчасъ же развязалъ сумку и досталъ мнѣ баранокъ, а бабушкѣ ситника, потомъ мнѣ картузъ, а бабушкѣ мягкіе башмаки изъ покромокъ, а теперь, видимо, ничего у него не было.

Ужинъ нашъ пересѣкся, разговоръ не клеился. Матушка

глубоко вздохнула, вылѣзла изъ-за стола, помолилась Богу и взглянула на отцову сумку. Потомъ она вышла изъ избы и черезъ минутку вернулась. Она несла въ рукахъ три баранки. Войдя въ избу, она подала баранки отцу и проговорила:

— На, дай мальченку гостинца-то, небось изъ Москвы пришелъ.

— Дай сама, — угрюмо проговорилъ отецъ,—коли у тебя есть, а у меня нечего давать.

— Что жъ такъ: али въ Москвѣ баранокъ нѣтъ? Знать, не успѣли напечь къ твоему отходу?

Отецъ промолчалъ; мать вдругъ опустилась на лавку и взвыла въ голосъ. Бабушка стала ее уговаривать:

— Ну, что ты, будетъ тебѣ, чего ты?

А мать межъ тѣмъ причитала:

— Породушка моя матушка, зачѣмъ ты меня на свѣтъ породила? Лучше бы ты меня несмышленой въ темный лѣсъ отнесла, оставила ты, меня сироту горькую, горе горевать, вѣкъ кукушкой куковать.

Отецъ вдругъ всталъ съ лавки, подошелъ къ приступкѣ, скинулъ сапоги и вышелъ изъ избы. Въ сѣняхъ у матери былъ пологъ, гдѣ она спала, онъ забрался въ этотъ пологъ и легъ тамъ.

Выплакавшись, мать поднялась съ лавки, вздохнула и проговорила, обращаясь къ бабушкѣ:

— Ну, вотъ и радуйся! Загадывали то и это, обирай теперь сайки съ квасомъ! Да можно ли на него когда надѣяться?

И она опять всхлипнула. Бабушка глубоко, прерывисто вздохнула и проговорила:

— Что жъ теперь подѣлаешь-то?

Мать утерла лицо и ушла изъ избы; бабушка убрала со стола и стала молиться Богу на спанье. Я спалъ вмѣстѣ съ бабушкой, и мнѣ хотя въ этотъ вечеръ долго не спалось, но все-таки я не дождался, когда она кончитъ молиться,—такъ я и уснулъ.

V.

Я спалъ крѣпко и проспалъ долго, но отецъ еще не вставалъ. Не показывался онъ и къ обѣду. Бабушка, собирая на столъ, сказала матушкѣ:

— Мавра, ты бы Тихона-то позвала.

— Ну его къ шуту!—ругнулась матушка.—Мнѣ съ нимъ и говорить-то не хочется.

— Болтай! Что ты его не знаешь? Не впервой, чай!

— Знамо не впервой, это-то и тошно. Сколько разъ онъ наши слезы-то видалъ, а все ему нипочемъ. О чемъ онъ только думаетъ?

— Ни о чемъ онъ не думаетъ, а такъ живетъ и живетъ, какъ дерево какое. О чемъ ему думать?

Обѣдъ прошелъ невесело. Послѣ обѣда мать куда-то ушла, меня никуда не тянуло, бабушка тоже почти не выходила изъ избы; такъ прошло время до самаго вечера. Отецъ весь этотъ день провалялся, не вылѣзая изъ полога. На другое утро его тоже было не видать. Время подходило къ полдню, день былъ ясный и тихій, стояла сильная жара. Скотина задолго еще до полдень прибѣжала изъ стада домой и, забившись по уголкамъ, тяжело дыша, яростно махая хвостами, отбивалась отъ мухъ. Люди казались какими-то осовѣлыми. Бабушка и мать были въ избѣ; бабушка цѣдила молоко отъ только-что подоенной коровы, а мать чинила мнѣ ситцевую рубашенку. Вдругъ въ сѣняхъ кто-то затопалъ, дверь отворилась, и черезъ порогъ переступилъ коренастый мужикъ съ русыми курчавыми волосами, большою свѣтлою бородой, въ домотканной рубашкѣ и сапогахъ. Онъ вошелъ, не спѣша снялъ картузъ, помолился, оглянулъ избу и, кивнувъ головой, проговорилъ:

— Здорово живете!

— Добро жаловать, Тимоѳей Арефьичъ! — сказала бабушка.

Матушка ничего не сказала; она только быстро взглянула на него, когда онъ вошелъ, и сейчасъ же низко нагнула го-

лову къ шитью. Когда же вошедшій замѣшкался нѣсколько посреди избы, она проговорила:

— Проходи вотъ, на лавку садись,—и она разобрала ему мѣсто на лавкѣ.

Пришедшій былъ нашъ деревенскій староста. Онъ ходилъ въ этой должности давно и велъ свое дѣло исправно. Онъ былъ хозяйственный, крѣпкій мужикъ. Нрава былъ суроваго; дома всѣ его боялись, боялись нѣкоторые и въ деревнѣ: онъ никому не любилъ „давать потачки".

У меня похолодѣло на сердцѣ, когда онъ появился у насъ въ избѣ. Онъ прошелъ на указанное матушкой мѣсто и сѣлъ. Оглядѣвъ еще разъ избу, онъ спросилъ:

— А гдѣ жъ у васъ хозяинъ? Я слышалъ, онъ изъ Москвы пришелъ.

— Пришелъ, пришелъ, еще третьягодня, — сказала бабушка.

— Вотъ и хорошее дѣло. Такъ гдѣ же онъ у васъ, нельзя ли будетъ его поглядѣть?

— Охъ, не знаю,—вздохнувъ и улыбаясь проговорила матушка:—какъ бы тебѣ не сглазить его, онъ по временамъ у насъ дичится чужихъ-то людей.

— Авось ничего, не сглазимъ, — тоже улыбаясь проговорилъ староста.

Матушка встала и вышла изъ избы. Бабушка все копалась въ своемъ углу; староста прислонился спиной къ косяку и, молча уставивъ глаза прямо, видимо о чемъ-то задумался. Я сидѣлъ и глядѣлъ во всѣ глаза на старосту; меня разбирала какая-то тревога: мнѣ думалось, что староста пришелъ неспроста. Бабушка тоже не была спокойна. Она хотя и дѣлала свое дѣло, но руки у нея дрожали, на лицѣ выступилъ слабый румянецъ: видно было, что она внутренно сильно волновалась.

Матушка опять вошла въ избу. Она была очень блѣдна, и глаза ея горѣли необыкновенно. „Сейчасъ идетъ",—сказала она, подходя къ своему мѣсту, и только она сѣла, какъ въ избу показался отецъ.

Отецъ былъ шершавый, всклокоченный, съ сильно измятымъ лицомъ. Онъ какъ лежалъ въ пологу, такъ и вошелъ босикомъ. Воротъ его рубашки былъ распахнутъ. Войдя въ избу, онъ поклонился старостѣ и сѣлъ въ уголокъ.

— Здорово, здорово, удалая голова! — проговорилъ староста.—Что же это ты, братецъ мой, домой пришелъ, а людямъ не кажешься, или боишься, какъ бы не загорѣть на деревенскомъ солнцѣ?

— Очень просто,—ни на кого не глядя, проговорилъ отецъ:— ишь у васъ тутъ какая жара и спрятаться отъ нея негдѣ.

— Вѣрно, братъ, — ухмыляясь проговорилъ староста,— у насъ тутъ не то, что въ Москвѣ: ни погребковъ, ни подвальчиковъ нѣтъ и холоднаго ничего не найдешь. Что вѣрно, то вѣрно... А скажи на милость,—вдругъ перемѣнилъ свою рѣчь староста:—нѣтъ ли въ Москвѣ чего новенькаго?

— Мало ли что въ Москвѣ новаго,—всего не разскажешь...

— А у насъ тутъ такіе слухи прошли,—продолжалъ староста,—что тамъ будто бы ежели кто идетъ домой, такъ того деньгами одѣляютъ. Дадутъ ему кучу и говорятъ: на вотъ тебѣ, уплачивай дома всѣ подати и недоимки.

— Я что-то этого не слыхалъ,—проговорилъ отецъ.

— Ну-у! вотъ поди жъ ты!—снова ухмыляясь, проговорилъ староста.—Значитъ, не всякому слуху вѣрь. А у насъ вѣдь какъ объ этомъ завѣряли! Я, признаться, нарочно и пришелъ за этимъ: думаю, вѣрно, и ему перепало, пойду и получу прямо горяченькія, а выходитъ—ошибся.

— Должно, что ошибся,—угрюмо проговорилъ отецъ.

Староста при началѣ разговора казался очень спокойнымъ, на губахъ его играла улыбка, но дальше улыбка исчезла, глаза его начали разгораться, въ голосѣ появились дрожащія нотки; онъ хотя и усиливался сохранить хладнокровіе, но, видимо, не могъ.

— Хм...—досадливо крякнулъ староста,—а ошибаться-то не хотѣлось бы. Намедни мы на сходкѣ твою милость поминали: высчитывали, сколько тебѣ надо платить; приходится подъ тридцать рублей. Старыхъ двѣнадцать цѣлковыхъ,

страховка, да весь окладъ за первую половину. Время ужъ вотъ другой окладъ объявлять: Петровъ-то день вотъ онъ.

Отецъ промолчалъ; староста больше и больше начиналъ горячиться: ноздри его раздувались, выраженіе лица становилось другое.

— Время-то идетъ, оброкъ копится, а у тебя, братъ, и заботушки нѣтъ; вѣдь такъ нарастетъ, что и потроховъ твоихъ расплатиться-то не хватитъ!.. Что же это ты хочешь на міръ хомутъ повѣсить? Вѣдь съ міра это будутъ спрашивать-то, а ни съ кого! А чѣмъ міръ причиненъ? Онъ вотъ подведетъ сейчасъ старшину, продастъ у тебя послѣднюю лошаденку и коровенку, онъ вѣдь ни на что не поглядитъ.

— А что жъ ты ему этимъ угрозишь? — замѣтила матушка. — Его этимъ не обездолишь, а обездолишь только насъ. Ему въ Москвѣ ни лошади, ни коровы не нужно.

— Пожалуй и въ Москву не попадешь, оставятъ міромъ дома, вотъ и поживешь.

— Будетъ грозить-то, дядя Тимоѳей, — вдругъ, угрюмо взглядывая на старосту, проговорилъ отецъ. —Что ты меня стращаешь-то, вѣдь я не ребенокъ.

Староста вдругъ распалился и вскочилъ съ мѣста.

— Вѣрно, что не ребенокъ, а хуже ребенка, потому ребенокъ что нибудь чувствуетъ и понять можетъ,—а ты ничего. Ни о комъ ты не понимаешь, ни объ себѣ, ни объ семейныхъ своихъ. Есть у тебя голова-то на плечахъ?

— Есть.

— Такъ какъ же она у тебя работаетъ-то? Къ чему это все клонитъ? Нѣтъ, мужикъ, пора и чередъ знать, будетъ, подурилъ, не маленькій. Одѣвайся-ка, пойдемъ на улицу: я сейчасъ мужиковъ позову, мы съ тобой всѣмъ опчествомъ потолкуемъ.

— Мнѣ на улицѣ дѣлать нечего.

— Тебѣ нечего, такъ мы найдемъ что; можетъ-быть, взбрызнуть тебя сговорятся.

— Ну это ты погодишь,—сказалъ отецъ.—Нонче, братъ, не прежнія времена; теперь, братъ, господъ нѣтъ, государь-

анпираторъ отобралъ насъ отъ нихъ и отъ тѣлеснаго наказанія избавилъ.

— Кого онъ избавилъ-то? такихъ, какъ ты, чтоль? Будетъ онъ о такихъ подлецахъ заботиться! Про такихъ исправникъ одну рѣчь ведетъ: мори ихъ въ холодной, пори ихъ какъ ни попало, а онъ вѣдь тоже царемъ поставленъ!..

Отецъ сразу осѣкся и будто оробѣлъ. Онъ промолчалъ. Нечего ли ему было говорить или не хотѣлось. Староста входилъ все въ большій и большій азартъ.

— Съ вами ничего больше дѣлать не остается, хоть въ омутъ полѣзай... Отъ начальства выговоры и отъ васъ грубость... Нѣтъ, на это терпѣнія не хватитъ... Справляйся, справляйся проворнѣй!

— Ступай, что же ты сидишь какъ стуканъ?—сказала на отца мать. — Иль думаешь, для тебя зря слова терять будутъ!

Я думалъ, отецъ разсердится и зыкнетъ на мать; но вышло совсѣмъ по другому. Онъ даже не кинулъ на нее сердитаго взгляда, а, опустивъ голову и съежившись, онъ всталъ съ мѣста, нагнулся подъ конникъ, досталъ сапоги и началъ обуваться. Обувшись, онъ застегнулъ воротъ рубахи и, обратившись къ старостѣ, проговорилъ:

— Ну, ступай, сейчасъ и я приду.

— Къ Рубцову двору выходи, да поскорѣй,—сердито сказалъ староста, и, нахлобучивъ на глаза картузъ и не сказавъ даже „прощайте“, толкнулся лѣвой рукой въ дверь и, нагибаясь подъ косякъ, вышелъ изъ избы.

VI.

По уходѣ старосты, въ нашей избѣ наступила тишина. Бабушка сидѣла у судинки и, подперши щеку рукой, пригорюнилась. Мать продолжала шить, изрѣдка поглядывая, какъ справляется отецъ; въ ея глазахъ свѣтилось не то торжество, не то злорадство. Отецъ же ни на кого не обращалъ вниманія. Обувшись, онъ подошелъ къ окну, нашелъ на полкѣ

гребешокъ, расчесалъ имъ волосы; потомъ подошелъ опять къ коннику, надѣлъ свою поддевку, картузъ и, ни на кого не глядя, ни слова не говоря, вышелъ изъ избы.

— Поди, поди, послушай, какъ тебя отчитывать будутъ, а може еще просиборятъ,—сказала ему вслѣдъ матушка.

— А ты и рада этому! Ахъ, дура! — съ упрекомъ проговорила бабушка.

— Не рада. Чему тутъ радоваться! Только что же намъ теперь остается дѣлать? камень на шею да въ воду? Вѣдь, правда, у насъ послѣднихъ животовъ отберутъ, тогда куда намъ дѣваться? Вонъ вчуже понимаютъ, что это нехорошо; я только дядѣ Тимоѳею-то заикнулась, а онъ ужъ догадался, что сдѣлать надо.

— Такъ это ты привела старосту-то?.. Эхъ, Мавра, неужели въ тебѣ жалости нѣту!—съ упрекомъ сказала бабушка, и голосъ ея задрожалъ.—Я думала, онъ самъ пришелъ...—Бабушка вдругъ умолкла. Мать хотѣла что-то сказать, но, взглянувъ на бабушку, прикусила языкъ. Я тоже поглядѣлъ на бабушку и не узналъ ее. Господи, какъ она сразу перемѣнилась! Какъ быстро сморщилось и постарѣло ея лицо и какъ потускнѣли ея глаза! Мнѣ сдѣлалось ея страшно жалко. Я хотѣлъ было броситься къ ней и приласкаться, но въ это время на улицѣ раздался зычный звонъ чугунной доски, сзывающій мужиковъ на сходку. Потомъ мимо нашихъ оконъ эти мужики одинъ за однимъ потянулись вдоль улицы. Я помыкнулся было тоже бѣжать на улицу, но бабушка меня остановила.

— Постой, куда пойдешь-то? Посиди дома, — окрикнула меня она.

— Я на улицу.

— Нечего тебѣ тамъ дѣлать, посиди дома,—настойчиво повторила бабушка, и у меня не хватило духу воспротивиться ей.

Я воротился на свое мѣсто, и мнѣ сдѣлалось очень скучно. Мать отворила окно и высунула въ него голову. На улицѣ слышались мужицкіе крики. Мать захлопнула окно и опять

взялась за шитье. Бабушка вдругъ поднялась съ мѣста и нетвердою поступью вышла изъ избы.

Вернулась она, такъ приблизительно, черезъ полчаса. Вошла она въ избу бѣлая, какъ мука, только вокругъ глазъ ея покраснѣло, и сами глаза блестѣли необыкновенно. Мать кинула на нее вопросительный взглядъ. Бабушка глухимъ голосомъ проговорила:

— Повели въ контору.

Потомъ она сѣла на лавку у судинки, закрыла лицо руками, склонилась всѣмъ корпусомъ и всхлипнула; у матери тоже показались слезы на лицѣ, и она вдругъ бросила шить и выбѣжала изъ избы.

VII.

Отецъ пришелъ домой вечеромъ. Онъ былъ въ картузѣ, сапогахъ, но безъ поддевки. Поддевку отецъ заложилъ въ кабакѣ и напился пьяный. Онъ старался казаться веселымъ: вошелъ въ избу шумно, высоко поднявъ голову, проворно сбросилъ картузъ съ головы и бойко тряхнулъ волосами. Мать, глядя на него, насмѣшливо спросила:

— Что, съ легкимъ паромъ, что ль?

Отецъ поглядѣлъ на нее и задорно сказалъ:

— Съ легкимъ паромъ.

— Деревенская баня-то лучше московской?

— Лучше.

— Такъ, дай Богъ, чтобы тебя почаще въ нее водили.

— Что жъ, тебѣ это желательно?

— Да какъ же не желательно-то, рада-радешенька была бъ.

— Ахъ ты, ты такая проетакая!—вдругъ зыкнулъ отецъ, и выраженіе лица его сразу стало жесткое и свирѣпое.— Вотъ тебѣ, что любо, стерва этакая!—И онъ подскочилъ къ матери, схватилъ ее за косы и изо всей мочи дернулъ къ себѣ. Мать взвизгнула, я заплакалъ во все горло, бросился къ отцу, вцѣпился ему въ руку и заблажилъ:

— Тятька, что ты дѣлаешь, тятька!

— Сокрушу!—реванулъ отецъ и опрокинулъ мать на полъ.

На нашъ вой прибѣжала въ избу бабушка. Она подскочила къ отцу, схватила его за руку и, задыхаясь, прокричала:

— Что же это ты дѣлаешь-то, непутевая голова! Брось, отстань, мерзавецъ ты этакій!

Отецъ казался очень разсвирѣпѣвшимъ. Онъ походилъ скорѣе на разъяреннаго звѣря, чѣмъ на человѣка. Я думалъ, что онъ матушку въ порошокъ изотретъ, но одинъ видъ бабушки и ея слова подѣйствовали на него необычайно. Онъ сразу измѣнилъ свой видъ, свирѣпости въ немъ какъ не бывало, сила исчезла, онъ сразу весь опустился и ослабъ. Это было очень удивительно, тѣмъ болѣе удивительно для меня, что я замѣчалъ это не одинъ тотъ разъ, но и прежде и послѣ. Бабушка, худенькая, тщедушная, была для него должно быть силой непреоборимой; какъ только онъ чувствовалъ эту силу, такъ терялъ свою собственную. Лишь только бабушка выкрикнула эти слова, отецъ выпустилъ изъ рукъ материну косу; мать катышкомъ откатилась изъ-подъ ногъ отца и, проворно вскочивъ на ноги, выбѣжала изъ избы. Я отошелъ въ уголъ и ревѣлъ тамъ во всю мочь. Бабушка, задыхаясь, начала отчитывать отца:

— Ахъ ты, песъ, худой человѣкъ! Самъ виноватъ по уши, а на другихъ зло срываетъ. Кто тебѣ, безпутному, велитъ такъ жить-то? Ты бы велъ себя какъ люди, тебѣ и дома бъ былъ привѣтъ и на людяхъ почетъ, а то вѣдь самъ своими дѣлами этого достукался!..

Отецъ сидѣлъ на лавкѣ и былъ точно разбитый; его уже нельзя было назвать ни пьянымъ, ни буйнымъ, а чувствовалось, что просто человѣкъ размякъ. На бабушкины слова онъ забормоталъ:

— Вѣрно, что самъ... Я самъ не правъ, матушка... Не правъ, вѣрно... Только что же я съ собой подѣлаю; скажи мнѣ на милость?

— На путь находи, вотъ что!.. Пора образумливаться-то... не молоденькій... на четвертый десятокъ идетъ!.. Ты только подумай это!..

— Какъ я на путь найду? какъ? коли я съ собой не совладаю. Я, матушка, радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ...

— Врешь! самъ на себя слабость напустилъ. Вѣрить не хочу, чтобы съ собой не совладать. Совладаешь, коли захочешь...

— Матушка, вотъ тебѣ истинный Богъ не вру... ничего не подѣлаю... Вѣдь я не завсегда пью... Работаешь иной мѣсяцъ, иной больше,—капли его въ ротъ не берешь и горя мало... Табашникамъ, вонъ, говорятъ, безъ табаку полдня тошно провесть, а это и не думается... А какъ подойдетъ случай, выпьешь стаканъ, ну тогда и пошелъ, ничѣмъ уже себя не сдержишь... Я може сколько зароковъ не исполнилъ, сколько клясьбъ нарушилъ. Я бы самъ радъ отстать отъ него, да не могу... Не могу, матушка... пропащій я человѣкъ!..

Онъ вдругъ вытянулся по лавкѣ лицомъ внизъ и заплакалъ горькими пьяными слезами. Онъ плакалъ горько, навзрыдъ. Бабушка, глядя на него, тоже всхлипнула и утерла слезу.

— Ахъ ты, головушка моя горькая!—лепетала бабушка.— Ахъ я, мученица безпросвѣтная, когда я развяжусь-то только съ вами, снимаете вы съ моихъ плечъ мою буйную головушку!..

Рыданья отца дѣлались тише и тише; потомъ они смолкли и стали слышны одни всхлипыванья, при которыхъ сильно вздрагивали его плечи. Потомъ и этого не стало замѣтно; послышалось ровное сопѣнье, а потомъ легкій храпъ; отецъ заснулъ.

VIII.

Его не тревожили до утра. Утромъ былъ праздникъ, Петровъ день. Изъ деревни почти всѣ поѣхали въ нашъ городъ на ярмарку. Въ эту ярмарку, у кого былъ лишній, продавали скотъ, покупали новыя косы, бруски, серпы, грабли, провизію на покосъ. Пора наступала кипучая, нужно было и ѣды побольше и получше запасти, но намъ не съ

чѣмъ было ѣхать, хотя и было зачѣмъ. Праздникъ былъ встрѣченъ не по-праздничному. Особенно угрюмымъ казался отецъ. Онъ сдѣлался много суровѣй и старше изъ лица. До обѣда онъ ни съ кѣмъ не говорилъ ни слова, хотя изъ избы никуда не выходилъ, а или сидѣлъ или лежалъ съ задумчивымъ видомъ. Да и всѣ наши въ то утро мало говорили.

Послѣ обѣда мать и бабушка послали отца готовить косы на покосъ. Онъ пошелъ и до вечера пробылъ у сарая. Отецъ справилъ двѣ старыя косенки, выбилъ ихъ, смастерилъ нѣсколько грабель и къ вечеру уже казался повеселѣвшимъ.

Присматриваясь къ характеру отца, я не могъ не замѣтить такой въ немъ черты: когда отецъ работалъ въ покосъ, или въ полѣ, или молотилъ въ овинѣ, онъ рѣдко когда былъ весело настроенъ, а всегда былъ сердитый, точно онъ выполнялъ какую немилую, ненужную ему совсѣмъ обязанность. Совсѣмъ другое дѣло было, когда ему приходилось работать топоромъ. Онъ оживлялся, угрюмость исчезала, его охватывало веселое настроеніе, дѣлавшее его способнымъ шутить, мурлыкать пѣсни. Работу топоромъ онъ очень любилъ. Все лѣто, все свободное время онъ сидѣлъ въ устроенномъ имъ шалашикѣ около сарая и мастерилъ что-нибудь. Мнѣ онъ дѣлалъ телѣжку, салазки къ зимѣ, особые грабельки, особый цѣпъ. Матери съ бабушкой онъ устраивалъ новые станы къ гребню, кроны. Вытесывалъ оси къ телѣгамъ, грядки къ санямъ. Еще любилъ онъ ходить за грибами. Лишь только въ лѣсахъ покажутся грибы, онъ въ первый праздникъ или въ будни въ ненастный день вставалъ рано утромъ и отправлялся въ лѣсъ. Онъ возвращался оттуда усталый, весь промокшій, но той печали на лицѣ, которая ложилась на немъ при какой-нибудь хлѣбной работѣ, и въ поминѣ не было.

IX.

До самаго Ильина дня жара стояла изо дня въ день. На небѣ не появлялось ни тучки, ни облачка. Съ ранняго утра

поднималось красное солнышко и палило своими лучами сухую растрескавшуюся землю и всюду поблекшую растительность. Даже ночью не выпадала роса, и косцы жаловались, что очень трудно брать траву: и такъ-то она плохая, безъ росы же ее половина оставалась на корню.

Пошли слухи, что кое-гдѣ загорались лѣса, болота. Горѣли они далеко, но дымъ доходилъ до насъ. Иное утро дымъ стоялъ какъ туманъ, пахло гарью, тяжело было дышать. Всѣ просили Бога о дождѣ, но дождя все не было и не было.

Я спалъ очень крѣпко и вдругъ почувствовалъ во снѣ, что наша изба точно встрепенулась и что-то страшно грянуло. Я поднялъ голову и по моимъ слипшимся ото сна глазамъ вдругъ рѣзнуло яркимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ и грянуло еще разъ. Потомъ на улицѣ сильно зашумѣло и начало барабанить намъ въ окна. Я хотѣлъ съ испугу схватиться за бабушку, но бабушки на постели не было; я окликнулъ ее, она отозвалась около печки, и тотчасъ же я увидѣлъ, какъ изъ печки вздулся огонекъ: бабушка зажигала лучинку. Я спросилъ ее,—что это?—бабушка отвѣчала:

— Гроза собралась—не слышишь, нѣтъ?

Вслѣдъ за этимъ раздался такой оглушительный раскатъ грома, что изба опять вздрогнула, стекла задребезжали, бабушка съ лучиной въ рукахъ пошатнулась и тотчасъ истово перекрестилась и прошептала:

— Святъ, святъ, святъ, Господь Богъ нашъ!

Съ меня соскочилъ сонъ, я спрыгнулъ съ постели, подбѣжалъ къ окну и сталъ глядѣть сквозь стекла на улицу; на улицѣ шелъ такой сильный дождь, что стекла заливало водой и сквозь нихъ минутами ничего не было видно.

Гроза продолжалась до свѣта. Передъ восходомъ солнца она только стала утихать; громъ гремѣлъ рѣже и глуше, дождикъ ослабъ, буря перемежилась. Послѣ солнечнаго всхода прочистилось и небо. На улицѣ сразу все повеселѣло. Трава точно выросла и стала ярко-зеленою. Листья на деревьяхъ выглядѣли веселѣй, воздухъ освѣжился. У насъ

въ избѣ все измѣнилось къ худшему. Что дѣлалось внутри ея—грустно было глядѣть: стѣны были мокры; на лавкахъ, на шесткѣ, на судинкѣ, на полу стояли грязныя лужи, изъ щелей потолка висѣли огромныя капли побурѣвшей отъ сажи воды, которыя, обезсиливъ держаться вверху, обрывались и падали, шлепая на полъ, а на ихъ мѣстѣ тотчасъ же образовывались другія. Наша съ бабушкой постель, разное тряпье, все было смочено. На брусу размокла краюшка хлѣба и только бывшій въ столѣ хлѣбъ уцѣлѣлъ. Пролило все и въ сѣняхъ и въ горенкѣ. У бабушки сундукъ былъ съ дырявой крышкой, такъ вода прошла даже въ сундукъ и смочила тамъ все, такъ что бабушкѣ и перемѣниться было не во что. Наши всѣ ходили нахмурившись, грустные. На работу въ этотъ день не ходили, и отецъ съ матерью все утро были дома. Затопивши печку, бабушка вдругъ не выдержала и, обращаясь къ отцу, сказала:

— Ну вотъ, сынокъ, порадуйся, какія у насъ дѣла. Видишь, у насъ рѣшето, а не изба, какъ же намъ будетъ зимой въ ней время коротать—подумай-ко хорошенько?

Отецъ ничего не сказалъ,—мать проговорила:

— Онъ тамъ въ Москвѣ этой нужды-то не видитъ, вотъ и не понимаетъ.

— Аккуратъ-такъ!—угрюмо пробурчалъ отецъ.

— Знамо, не понимаешь,—продолжала мать:—если бы понималъ, то не такъ бы старался, а ты только о своемъ мамонѣ знаешь.

— Ну, опять пошла!—недовольнымъ голосомъ крикнулъ отецъ.

— И пойдешь, нѣшто не пойдешь, какъ достанетъ-то.

Отецъ вышелъ изъ избы, сердито хлопнувъ дверью. Мать прикусила языкъ и глубоко вздохнула.

— Ну, какъ онъ только не чувствуетъ этого, батюшки!

И она опять прерывисто вздохнула; бабушка на это ничего не сказала.

Началось жнитво, но оно въ тотъ годъ не затянулось рожь была погонистая. Стали молотить. Кто намолачивалъ

двѣ мѣры съ сотни, кто и того меньше. Наши наколотили двадцать мѣръ, изъ нихъ двѣнадцать нужно было посѣять, а остаткомъ отдать долги, да кормиться зиму. Рѣшили убавить посѣва. Ярового получили только отдать въ магазей, за работу попользовались лишь соломой да мякиной. На подати и на что другое продать было нечего на грошъ. Дѣло подходило совсѣмъ плохо.

— Что жъ намъ теперь дѣлать? что дѣлать?—говорила матушка, и всю грудь надорвала вздыхая.

Бабушка молчала, молчалъ и отецъ.

Осенняя работа подобралась скоро. Нужно было что-нибудь рѣшать на зиму. Отецъ однажды проговорилъ:

— Если намъ, матушка, вотъ что сдѣлать?

— Что?—спросила бабушка.

— Обоимъ съ Маврой въ Москву-то итти, придѣлиться гдѣ-нибудь на одной фабрикѣ; выработаемъ-то побольше, да и я-то съ ней поддержусь.

Бабушка задумалась. Подумавши, она проговорила:

— А что жъ намъ-то со Степкой будетъ дѣлать? Останемся мы старый да малый, насъ снѣгомъ занесетъ, не откопаешься.

— Богъ милостивъ, какъ-нибудь все проживете, а мы вдвоемъ-то и на иструбъ скорѣй выживемъ и подати покроемъ.

— Какъ ты думаешь, Мавра?—спросила бабушка у матушки.

— Что жъ думать, надо, какъ лучше!—вздохнувъ, вымолвила матушка.

— Знамо, какъ лучше, кто про это говоритъ, только лучше-то какъ?

— Я, пожалуй, поѣхала бъ и въ Москву.

Бабушка опять задумалась; подумавши, она вдругъ рѣшительно поднялась съ мѣста и проговорила:

— Ну, коли поѣхала бъ и поѣзжайте. Дай Богъ часъ! Только гляди, Тихонъ, не дурить тебѣ тамъ. Пора опомниться!.. Ни для кого это, а для себя... У тебя вотъ малецъ

растетъ; если будешь блажить, то и отъ него тебѣ не будетъ почета и отъ меня моего родительскаго благословенія!

Бабушка прослезилась и утерла концомъ платка глаза. Отецъ и мать, насупившись, молчали; было и грустно и тягостно.

X.

Послѣ этого отецъ съ матерью принялись усердно ухищать намъ на зиму избу. Они замазали углы ея глиной и обгородили заваленкой. На потолокъ натаскали костры, дыры въ повѣти затыкали пуками соломы, навозили намъ дровъ и лучины и пошли просить у старосты паспорта.

Они пошли оба, такъ какъ ни отецъ, ни матушка отдѣльно не хотѣли итти: боялись ли? стыдились ли? Оба они очень робѣли. Матушка говорила: „А ну-ка онъ не дастъ паспорта“,—и сейчасъ же измѣнялась въ лицѣ. Они пошли; и много времени прошло, пока они не воротились. Воротились они съ тѣми же тревожными лицами, какъ и пошли, но съ ними пришелъ и староста. Онъ вошелъ въ избу суровый, медленно перекрестился, поклонился бабушкѣ и проговорилъ:

— Вотъ, тетка Прасковья, мы къ тебѣ на разсудокъ пришли. Они вотъ въ Москву хотятъ, а кто же подати, ты, стало-быть, будешь платить?

— Коли пришлютъ денегъ, и я заплачу, — молвила бабушка.

— Вотъ то-то и оно-то, если пришлютъ! А если не пришлютъ, тогда съ кого требовать? Я тебя въ контору не могу весть, что жъ мнѣ тогда, яловому телиться?

— Да вѣдь и дома они ничего не высидятъ — все равно вѣдь... проживутъ зиму, все подъѣдятъ, подобьютъ, а ничего изъ этого не прибудетъ. Ну, что у насъ изъ дому взять?

— Что вѣрно, то вѣрно!.. Только то, по крайность, будетъ кого въ волость стащить, а то и того не будетъ, ты это разсуди!

Староста долго думалъ и, вздохнувъ, сказалъ:

— Я отпущу, мнѣ что жъ, только вотъ что: десяточку вы мнѣ уплатите.

Матушка всплеснула руками.

— Да гдѣ же намъ взять-то, батюшки вы мои? десяточку. Да что ты, дядя Тимоѳей, сказалъ-то?

— Это десятку тебѣ, да на пачпорта, да на дорогу, много денегъ нужно,—угрюмо проговорилъ отецъ.

— Это ваше дѣло, ваша и забота, а безъ того я отпустить не могу. Сами посудите, вы хорошо знаете, сколько за вами? да вотъ къ новому году еще прибавится. Когда мнѣ ихъ съ васъ выручать-то?

Староста всталъ съ мѣста и сталъ надѣвать шапку.

— Намъ десятки негдѣ взять,—проговорила мать,—хоть живыхъ въ землю закопай.

— Поищите, може найдете, — вымолвилъ староста и вышелъ изъ избы.

Дѣло нужно было рѣшать, и этому помогла бабушка. У насъ было двѣ овцы и четыре ягненка. Мать лелѣяла думку—зарѣзать ягнятъ и изъ овчинъ сшить мнѣ шубу. У меня еще до сихъ поръ не было теплой одеженки. Когда же рѣшили отцу съ матерью ѣхать въ Москву, тогда надумали продать и большихъ овецъ, а вырученныя деньги употребить отцу съ матерью на паспорта да на дорогу. Бабушка сказала, коли продавать, такъ всѣхъ овецъ продавать, старыхъ и молодыхъ, а чтобы не обидѣть меня, то мнѣ на шубу уступала свою старую шубенку.

— Ну, а какъ же ты-то?—сказала матушка.

— Ну, а я кое въ чемъ пробьюсь.

Отецъ съ матерью не сразу согласились на это, но бабушка настойчиво разъяснила имъ, что это самое хорошее дѣло, и убѣдила ихъ. И какъ только въ деревнѣ появился мясникъ, такъ наши показали ему овецъ и продали ихъ; продали также и бывшаго у насъ теленка.

— Ну, вотъ — такъ-то лучше, — сказала бабушка, поглядывая на оставшихся у насъ всего на всего двухъ животовъ и криво усмѣхаясь,—и заботъ меньше: ходи тутъ за

ними, зиму-зимскую-то, а то со двора долой и изъ сердца вонъ!

Изъ вырученныхъ денегъ снесли пять рублей старостѣ; староста хотя и поломался, но и за пятерку далъ отпускъ. Тогда наши стали справляться въ Москву.

Было осеннее утро. Я крѣпко спалъ и не думалъ еще подыматься. Вдругъ слышу, какъ меня кто-то дергаетъ; я открылъ глаза, вскочилъ на мѣстѣ и сталъ протирать глаза. Передо мной стояла мать. Она была обувшись, одѣвшись, голова была повязана теплымъ платкомъ. Голосомъ и нѣжнымъ и грустнымъ она говорила:

— Степа! а, Степа! вставай прощаться, мы сейчасъ уйдемъ.

Мнѣ стало и грустно и жалко разставаться съ матерью. Я взглянулъ на отца, тотъ подтягивалъ кушакомъ недавно выкупленную поддевку. На приступкѣ лежала котомка. Бабушка стояла у простѣнка и глядѣла печальными глазами, какъ наши собирались въ путь.

— Смотри, Степочка,—сказала она,—не балуйся тутъ, пособляй бабушкѣ въ сарай ѣздить за водой; береги тутъ ее, слушайся, на улицѣ не озарничай; приведетъ Богъ устроиться намъ, гостинца тебѣ будемъ присылать.

Я ничего не сказалъ. Матушка обернулась къ отцу и проговорила:

— Ну, совсѣмъ ты?

— Совсѣмъ.

— Ну, давай Богу молиться. Господи благослови!

Всѣ стали предъ иконами и начали молиться Богу. Помолившись, отецъ поклонился бабушкѣ и проговорилъ:

— Ну, матушка, прости Христа ради.

— Богъ проститъ, Богъ благословитъ, дай Богъ часъ!

И бабушка поцѣловалась съ отцомъ, потомъ она попрощалась съ матерью. Отецъ подошелъ ко мнѣ и тоже поцѣловался. Матушка обняла меня и прослезилась.

— Ну, сынокъ, помни, что я тебѣ наказывала.

Я заревѣлъ. Наши вышли изъ избы, бабушка пошла провожать ихъ; когда она вернулась, я не помню, такъ какъ опять уснулъ.

XI.

Осень подходила къ концу. Деревья всѣ ужъ почти оголились, скотину перестали гонять въ стадо; стояли заморозки, солнце выглядывало рѣдкій день и было какое-то блѣдное, холодное, точно оно вылиняло за лѣто. Больше ходили облака и шумѣлъ вѣтеръ. Вѣтеръ при небольшомъ морозѣ нагонялъ столько холоду, что не хотѣлось выходить на улицу, и я не выходилъ, пока мнѣ не справили одежину.

Послѣ Михайлова дня закрутила погода, пошелъ снѣгъ и покрылъ всю землю. Мы съ бабушкой стали кормъ и воду скотинѣ возить на салазкахъ. Бѣгать съ ребятишками мнѣ приходилось только по улицѣ; за сараями и въ лѣсочкѣ за овинами снѣгъ лежалъ на полъаршина, и въ немъ вязла нога. Вскорѣ и по улицѣ стало можно бѣгать только посрединѣ, гдѣ протиралась санями дорога, да по дорожкамъ у двора, а то мѣшали сугробы. Установился санный путь. Нашъ староста поѣхалъ на двухъ лошадяхъ съ овсомъ въ Москву.

— Не привезетъ ли онъ намъ какого слуху объ отцѣ съ матерью.

Староста привезъ слухъ. Онъ видѣлъ отца у нашей заставы. Онъ сказалъ, что оба они поступили на мѣсто. Отецъ отдалъ старостѣ еще пять рублей въ оброкъ, а намъ съ бабушкой прислалъ мѣшокъ муки. Хотѣлъ было и гостинца прислать, да денегъ не хватило.

— А не выпивши онъ?—спросила бабушка.

— Нѣтъ, трезвый.

— Слава тебѣ Господи!—сказала бабушка и истово перекрестилась.

И съ этихъ поръ дни для насъ съ бабушкой пошли какъ-то веселѣй. Мы ходили за скотиной, убирались въ избѣ. Днемъ я убѣгалъ на улицу или къ товарищамъ. Она тоже куда-нибудь ходила: или въ повитухи, или къ коровѣ, которая не растеливалась, а не то еще куда. Вечеромъ къ намъ кто-нибудь приходилъ. Бабушка съ ними разговаривала, я слушалъ, пока не засыпалъ. Если никого не было,

то бабушка разсказывала что-нибудь мнѣ про старину, про то, какъ у насъ французъ воевалъ, какъ литва приходила и какъ въ нашемъ городѣ оборонялись отъ нея. Нашъ городъ стоитъ на горѣ. Когда литва къ нему подступила, то горожане забрались на валъ, наварили горячаго киселя и обливали имъ непріятеля; этимъ будто бы они и прогнали литву.

XII.

Одинаково мы проводили дни, одинаково вечера. И вѣрно этакъ бы прошла вся зима, если бы совсѣмъ нежданно, негаданно среди насъ не появился бы новый человѣкъ и не внесъ въ нашу жизнь неожиданную перемѣну.

Дѣло было около масленицы. Стали ясные дни. Солнце при всходѣ ударяло въ нашу избу и какъ-то оживляло все. Думалось, что оно дѣлается сильнѣе и сильнѣе, свѣтитъ ярче и рѣзче. Выйдешь, бывало, на улицу, взглянешь на снѣгъ и у тебя зарѣжетъ глаза. Проснешься утромъ, увидишь этотъ лучъ и на сердцѣ чувствуется веселѣй. Въ одно утро я проснулся уже поздно. Бабушка истопила печку и закрыла и дверь и дымовое окно. Было тепло. Я подошелъ еще не умывшись къ окну и сталъ глядѣть на улицу.

Я долго сидѣлъ такъ. Вдругъ дверь отворилась, и въ избу вошелъ высокій худощавый старикъ. Онъ былъ въ лохмотьяхъ, обутъ въ чуни, съ палкой въ рукахъ. Короткая, курчавая съ сильной просѣдью борода его вся обмерзла сосульками. Заиндивѣли даже вѣки, оттѣнявшія черные, выразительные, какъ у молодого, глаза. Онъ помолился Богу и, околачивая одну ногу о другую, проговорилъ:

— Миръ этому дому! Здорово поживаете? Какъ васъ милуетъ Богъ?

При этомъ онъ съ тревогой въ глазахъ остановился на бабушкѣ. Бабушка съ удивленіемъ уставилась на старика. Я тоже глядѣлъ на него, разинувъ ротъ. Мы ни такихъ нищихъ, ни странниковъ не видали, и оба недоумѣвали, откуда только взялся онъ.

Старикъ долго околачивалъ ноги, потомъ сдавленнымъ голосомъ, словно кто его держалъ за горло, проговорилъ:

— И ты меня не узнаешь, и я тебя не разберу. Вѣдь это домъ Братцевыхъ?

— Былъ когда-то Братцевыхъ.

— А ты-то изъ этой семьи?

— Изъ этой.

— Кто жъ ты такая? Неужли Прасковья?

— Прасковья,—сказала бабушка.

— Теперь вижу, что ты,—молвилъ старикъ, обрывая на бородѣ сосульки.—Ну, теперь скажи мнѣ, кто я?

Бабушка растерялась и измѣнилась изъ лица. Она долго стояла, не двигаясь ни однимъ членомъ, ни однимъ мускуломъ; вдругъ она всплеснула руками и воскликнула:

— Илья! да неужто это ты?..

У старика сразу появились на лицѣ краски, и глаза подернулись слезой.

Я тутъ же смекнулъ, что это былъ дѣдушка Илья, тотъ братъ дѣдушки, котораго отдали съ солдаты.

— Вотъ узнала, Богъ далъ!—сказалъ онъ.—Знамо, я вашъ Илья,—и онъ подступилъ къ бабушкѣ и потянулся къ ней цѣловаться. Бабушка обвила его шею руками и поцѣловалась съ нимъ крестъ на крестъ три раза.

— А это кто же такое, чей онъ? — взглянувши на меня, спросилъ старикъ.

— Это Тихона, сына моего, сынокъ,—вымолвила бабушка, и я видѣлъ, какъ у ней тряслись руки и ноги. Она до того была взволнована, что не знала, ни что дѣлать, ни что говорить.

— Да откуда это тебя Богъ принесъ-то?—сказала бабушка съ невыразимымъ удивленiемъ и вдругъ всхлипнула. Старикъ вдругъ отвернулся и сталъ скидывать съ себя лохмотья.

— Съ того свѣта, должно, — глухимъ голосомъ сказалъ онъ.—Небось меня и въ живыхъ-то не считали?

— Какъ же считать, коли объ тебѣ ни слуху, ни духу? Вѣдь больше тридцати годовъ прошло, какъ тебя взяли-то отъ насъ, самъ посуди!

— Да, времечка прошло не мало! Я и самъ ужъ не думалъ, что сюда попаду: думалъ косточки положить на чужой сторонѣ, да вотъ пришлось и на родное пепелище попасть.

Голосъ старика сталъ тверже, но въ немъ звучала такая грусть, что и я тогда легко это подмѣтилъ. Онъ замолчалъ и началъ медленно потирать руки, видимо, чтобы отогрѣть ихъ.

— Да откуда ты только пришелъ-то?

— Погоди, мать, разскажу, дай маленько очувствоваться да ознобъ прогнать; я хоть на своемъ двоемъ ѣхалъ-то, а порядкомъ продрогъ. Я сегодня изъ города приперъ, верстъ пятнадцать, чай. Морозъ, да къ солнцу-то, а бобры-то на мнѣ вишь какіе!

И онъ стащилъ съ себя кацавейку и положилъ ее на приступку; подъ кацавейкой на немъ была овчинная прижимка и синяя рубаха.

— Груди-то у меня тепло, только вотъ колѣнкамъ холодно, да ноги вотъ словно затекли, крѣпко я ихъ оборами стянулъ.

— Разуйся; на, я тебѣ свои валенки достану, а чуни-то на печи посушу.

— Давай, это дѣло хорошее, ногу въ тепло, славно.

Старикъ сѣлъ на конникъ и сталъ развертывать оборы. Бабушка послала меня на печку за валенками ему, а сама сѣла на лавку и, качая головой, заахала:

— Вѣдь вотъ дивушко-то дивное!.. Гдѣ бы кто подумалъ, что ты какъ снѣгъ на голову свалишься? Другое время сны какіе-нибудь видишь, а теперь и во снѣ-то ничего не снилось... Ахъ ты, батюшки мои!..

— Не стукнулъ, не брякнулъ, а гость подошелъ! — пошутилъ старикъ.

— Какъ ты только нашелъ насъ, али спросилъ кого?

— Никого не спрашивалъ, а шелъ прямо и все тутъ. По липѣ напротивъ да по коньку на избѣ и узналъ. Новыя-то избы все съ захмыломъ, а эта на старинный ладъ.

— Все она у насъ та же, изъ которой ты пошелъ. Гри-

горій вонъ отдѣлился и новую выстроилъ, Ликсѣй тоже въ другую хоромину переселился... а насъ въ старой оставилъ.

Бабушка всхлипнула и расплакалась.

— Что жъ померъ?..—спросилъ старикъ.

— Годовъ восемь ужъ, съ весны девятый пойдетъ.

— Царство ему небесное! А дядя Парфенъ?

— Тоже Богу душу отдалъ.

Старикъ сталъ поминать еще какія-то имена, мнѣ совсѣмъ неизвѣстныя. Бабушка отвѣчала ему. Старикъ, вздохнувъ, проговорилъ:

— Знать, моя только смерть заблудилась. Эх... хе... хе!..

И онъ глубоко вздохнулъ и сразу опустился весь.

Опять наступило молчаніе. Немного спустя старикъ снова поднялъ голову и сталъ разспрашивать:

— Сколько у тебя было дѣтей?

Бабушка стала разсказывать, старикъ слушалъ ее, понуривъ голову. Вдругъ бабушка спохватилась и воскликнула:

— Что жъ я тебя словами-то угощаю, о другомъ-то забыла. Ты небось поѣсть хочешь?

— Да, пожевать чего, пожевалъ бы: я сегодня еще ничего не ѣлъ.

— Садись къ столу-то, я тебѣ сейчасъ соберу. Степка, умывайся и ты садись съ дѣдушкой. Это вѣдь дѣдушка тебѣ, родной дядя твоему отцу.

Я умылся и сѣлъ за столъ, но мнѣ совсѣмъ не хотѣлось ѣсть. Я глядѣлъ на пришедшаго къ намъ нежданнаго дѣдушку, слушалъ его слова,—вспомнилъ разсказы про него про молодого, и, самъ не знаю почему, въ сердце мое закралось чувство небывалой грусти. Чувство это все болѣе и болѣе росло и такъ сжало мое сердечко, что я ужъ не видѣлъ свѣту. Бабушка, замѣтивъ, что я не ѣмъ, вдругъ проговорила:

— Что жъ ты-то, дурашка?

Вмѣсто того, чтобы мнѣ приняться за ѣду, я вдругъ горько заплакалъ. И бабушка и дѣдушка Илья очень этому удивились. Дѣдушка Илья проговорилъ:

— Это онъ меня боится, глупый! Погоди, меня нечего

бояться, мы съ тобой такими пріятелями будемъ, что насъ водой не разольешь.

Поѣвши, дѣдушка Илья полѣзъ на печку и улегся тамъ.

— Вотъ это хорошо,—сказалъ онъ:—погрѣются мои косточки... Охъ косточки, косточки, много онѣ видѣли на своемъ вѣку!..

— Ты давно изъ солдатъ-то?—спросила бабушка.

— Давно...

— И на войнѣ былъ?

— Въ Севастопольскую войну былъ, только не въ Севастополѣ сидѣлъ, а съ туркой дрался.

— Что жъ ты послѣ солдатъ-то домой не пришелъ?

— Не время было, должно: захотѣлось свѣтъ поглядѣть, да себя показать.

— Много ты видѣлъ на свѣтѣ?

— Будетъ съ меня, по степямъ ходилъ, въ казатчинѣ жилъ, въ острогѣ сидѣлъ, всего тяпнулъ, только добра не нажилъ, а остался подъ старость яко нагъ, яко благъ.

У дѣдушки пересѣкло въ горлѣ, и онъ умолкъ. Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ глубоко вздохнулъ и сталъ кидать кое-какіе слова бабушкѣ. Онъ спрашивалъ, какіе были въ послѣднее время господа, какъ объявляли волю, какъ устраивались послѣ воли. Бабушка все ему говорила. Дѣдушка наконецъ спросилъ:

— Что жъ народъ-то, какой жистью больше доволенъ: что прежде была али теперь?

— Теперь, знамо, вольготнѣе, что говорить, только угодья нѣтъ. Если бы тогдашнія угодья...

— Нѣшто не всю землю-то отдали мужикамъ?

— Гдѣ всю! Больше чѣмъ третью часть отхватили, да еще самыя хорошія мѣста. Помнишь мелкій лѣсъ, мы вѣдь весь его косили? А княжій-то лужокъ да дорожный огорокъ? А теперь все это господамъ отошло, а у насъ осталась на полѣ глина, а по ручьямъ острецъ. Бывало, въ покосы-то и сараи набьютъ кормомъ и копенъ накладутъ, а нонче накосятъ и видѣть нечего; кто купитъ нѣшто, у того побольше.

— А за землю плату-то положили?

— Какъ же, неужели задаромъ?

— Это значитъ волю дали!.. Ха-ха-ха!.. — злобно засмѣялся дѣдушка Илья и поворотился навзничь. Онъ перестать задавать бабушкѣ вопросы и умолкъ.

— Ты може спать хочешь, такъ усни,—сказала бабушка.

— Пожалуй усну, — молвилъ дѣдушка и глубоко вздохнулъ.

Бабушка пріумолкла и отошла въ уголъ; я одѣлся и побѣжалъ на улицу.

Когда я вернулся съ улицы, дѣдушка Илья все еще спалъ, бабушка сидѣла на лавкѣ и починяла отцовскую рубашку. Я спросилъ, на что эта рубашка; бабушка отвѣчала, что дѣдушкѣ Ильѣ.

— Что же этотъ дѣдушка-то у насъ будетъ жить?

— У насъ.

— Что же онъ будетъ дѣлать?

— Тебя грамотѣ учить.

— А онъ не сердитый?

— Какъ будешь стараться.

Бабушка вдругъ поднялась съ мѣста и проговорила:

— Ну, ты посиди маленько дома, а я къ дѣдушкѣ Григорію пойду, скажу имъ, какой къ намъ гость-то пришелъ; може придетъ навѣстить.

— Ну, ступай.

Бабушка накинула на себя одежину и ушла. Она ходила долго; когда она пришла, то видно было, что она не въ духѣ.

— Что жъ ты дѣдушку Григорія не привела? — спросилъ я.

— Пойдетъ твой дѣдушка Григорій! Только услыхалъ, затрясся весь: боится, на его шею не навязался бы; не бойся, не навяжется: проживетъ какъ ни на есть у насъ.

Вскорѣ послѣ этого дѣдушка Илья проснулся; онъ поднялъ голову, свѣсилъ ноги и закашлялся. Онъ долго кашлялъ, насилу перевелъ духъ и сказалъ:

— Вотъ онъ сколько годовъ такъ мучитъ, то ничего-ни-

чего, а то вдругъ какъ нахлынетъ, того и гляди глаза на лобъ выпучишь.

— Гдѣ же ты его подхватилъ?

— Гдѣ-нибудь простудился. Ноги, руки вотъ ломятъ, да онъ донимаетъ...

Дѣдушка Илья тяжело дышалъ. Онъ весь опустился. Давеча онъ казался бодрѣе и крѣпче, а теперь сталъ вялымъ и съ потускнѣвшими глазами. Кряхтя, онъ спустился съ печки, подошелъ къ коннику, сѣлъ и опустилъ голову.

— Что это, мнѣ слышалось, вы Григорьево имя поминали?—спросилъ онъ.

— Поминали, я ходила къ нему, о тебѣ сказывала.

— Ну, что жъ онъ?

— Ничего, бабы говорили, чтобы ты пришелъ къ нимъ.

— Ты, говоришь, они хорошо живутъ?

— Первыми изъ деревни. Онъ бурмистомъ ходилъ, а теперь сынъ въ Москвѣ въ артели, а онъ по дому торгуетъ.

— Васъ-то онъ не покидаетъ?

— Намъ онъ теперь чужой, что жъ ему объ насъ заботиться, мы вѣдь раздѣлились по согласію.

Бабушка, видимо, старалась, какъ бы не сказать про дѣдушку Григорія чего-нибудь дурного; но дѣдушка Илья по тону догадался про все. Онъ вздохнулъ и спросилъ:

— Неужли не выручаетъ?

— Кой-когда не оставляетъ, знамо въ долгъ.

— Ну, еще бы! Торговому человѣку нѣшто можно помочь оказывать въ убытокъ. Эхъ, хе-хе! Вотъ все такъ... Нашъ братъ какъ залѣзъ въ богатство, такъ забылъ и братство... Все такъ...

Бабушка прервала непріятный разговоръ и стала собирать обѣдать; послѣ обѣда дѣдушка Илья сказалъ:

— Ну, что же, малый, веди меня къ дѣдушкѣ Григорію, показывай, гдѣ онъ живетъ.

— Сходите, сходите!—проговорила бабушка.—Только не принимай ты къ сердцу, если онъ худо съ тобой обойдется. Богъ съ нимъ, видно онъ ужъ такой человѣкъ.

— Да ужъ перенесу все, мы не такіе виды видали,—проговорилъ, горько улыбаясь, дѣдушка Илья.

XIII.

Дѣдушка Григорій жилъ на томъ концѣ деревни, который упирался въ рѣчку. У него было двѣ избы, стоявшія подъ одной крышей, между изобъ широкое тесовое крыльцо. Крыты избы были хотя и соломой, но подъ щетку, прочно и гладко. Дѣдушка держалъ много скота, и скотъ у него былъ отмѣнный изо всей деревни. Все у него было лучше, чѣмъ у людей. Полосы его въ томъ же полѣ породили противъ людей вдвое-втрое; куры неслись чуть не круглый годъ, овцы скорѣй плодились. Дѣдушка хозяйство любилъ и только и занимался, что имъ, хотя самъ мало работалъ. У него круглый годъ жили работникъ съ работницей, а въ покосъ и жнитво работали толокой или за какое-нибудь одолженіе, или просто за вино. Работнику съ работницей у него доставалось. Никто у него больше года не жилъ. Жаловались на строгость и скупость его. Скупы въ семьѣ дѣдушки Григорія дѣйствительно были всѣ на подборъ. Они боялись, какъ бы работники у нихъ не прогуляли часу, не съѣли лишняго куска. Изъ-за этого они и хлѣбъ пекли невкусный, и другая пища была не свѣжая. Они каждый день пили чай, но работникамъ выдавали къ чаю только по одному пиленому куску сахара и чай наливали такой жиденькій, про который говорили въ шутку, что сквозь него Москву видно. Въ избахъ у нихъ всегда была грязь, въ теплушкѣ бродили ягнята, стояли телята, хрюкалъ поросенокъ. Тутъ же на стѣнахъ висѣли хомуты, кисла лохань съ помоями для скотины. Тараканов и клоповъ у нихъ всегда было хоть пригоршней греби. Только передній уголъ отличался тѣмъ, что былъ уставленъ образами и подъ праздникъ передъ этими образами горѣло нѣсколько лампадъ,—такъ только во всей деревнѣ водилось у нихъ однихъ.

Жена дѣдушки Григорія, бабушка Татьяна, была несо-

всѣмъ здорова. Она никакимъ дѣломъ не могла заниматься, а только ходила за ребятишками-внучатами. Хозяйствовала вмѣсто нея ихъ сноха, тетка Авдотья. Бабы были дѣдушкѣ подстать: суровыя, скупыя и требовательныя къ другимъ. Въ деревнѣ онѣ никого не уважали и полагали, что лучше ихъ, пожалуй, никого и въ округѣ нѣтъ.

Когда мы пришли къ дѣдушкѣ Григорію, то и самъ онъ и бабы были дома. Дѣдушка Григорій сидѣлъ за столомъ и перелистывалъ большую, должно быть, долговую книгу. Бабушка Татьяна помѣщалась съ однимъ изъ мальчишекъ у окна и чесала ему голову, а тетка Авдотья сѣяла муку въ теплушкѣ. Дѣдушка Григорій былъ небольшой, сутуловатый старичокъ съ рѣденькою бородой и посѣдѣвшею головой; онъ былъ въ новой полукрасной рубахѣ, подпоясанный плетенымъ поясомъ, на носу его сидѣли очки. Когда мы вошли въ избу, онъ медленно снялъ очки, положилъ ихъ на книгу и, оперевшись правой рукой на лавку, уставился на насъ. Пока дѣдушка Илья молился и раскланивался, здороваясь со всѣми, онъ пристально глядѣлъ на него, какъ будто на какого незнакомаго, и должно быть видъ дѣдушки Ильи ему не понравился, такъ какъ на лицѣ его появилось недовольное выраженіе.

— Здорово, здорово!—сказалъ дѣдушка Григорій какимъ-то приторнымъ тономъ. — Этотъ новоявленный-то? Тебя, Ерошкина мать, и не узнаешь!

Бабушка Татьяна тоже поглядѣла на дѣдушку Илью съ большимъ любопытствомъ. Тетка Авдотья бросила сѣять муку, вошла въ эту половину избы и остановилась у стѣны.

— Проходи вотъ сюда, садись!—сказала бабушка Татьяна, снимая съ лавки и отпихивая отъ себя мальчишку.

Дѣдушка Илья прошелъ и сѣлъ. Онъ чувствовалъ себя, должно быть, неловко отъ этого не только равнодушнаго, но скорѣе холоднаго пріема. Ничего родного и душевнаго не высказалось при встрѣчѣ его; будто бы онъ всѣмъ имъ былъ совсѣмъ чужой, ненужный, скорѣй лишній человѣкъ.

— А мы тебя, Ерошкина мать, и въ живыхъ не считали,—

сказалъ дѣдушка Григорій:—какъ угнали тебя, такъ словно ты въ воду канулъ: ни письма, ни грамотки.

— Далеко былъ, думалъ, что никакая вѣсть не дойдетъ,— сквозь зубы проговорилъ дѣдушка Илья.

— Гдѣ жъ ты побывалъ, гдѣ послуживалъ?

— Вездѣ побывалъ, исходилъ земли не мало... Видѣлъ горькаго и сладкаго...

— Съ твоимъ ндравомъ, Ерошкина мать, этого и нужно было ждать, — сказалъ дѣдушка Григорій и покосился на лохмотья дѣдушки Ильи.

Дѣдушка Илья вздохнулъ, по губамъ мелькнула чуть замѣтная улыбка, и онъ, дѣлаясь бодрѣе, проговорилъ:

— Понятная вещь, кто правду возлюбитъ, тотъ всегда себя погубитъ,—такой порядокъ. Ты, вонъ, небось, и не знаешь, что такое за горькое на свѣтѣ?

Тонъ рѣчи дѣдушки Ильи сдѣлался рѣзкій, хотя онъ кажется и старался скрыть его. Дѣдушкѣ Григорію не по нраву пришелся этотъ тонъ, и онъ заговорилъ:

— Видали всего и мы. Что жъ мы, Ерошкина мать, нѣшто не люди? И намъ приходилось стараться и заботиться. Меня, какъ покойный баринъ, Ерошкина мать, взыскалъ милостью, назначилъ въ бурмисты, такъ нѣшь легко было?.. Опять какъ воля вышла, нѣшто, примѣрно, сладко? Бывало за бариномъ—какъ за каменной стѣной, а тутъ братъ, Ерошкина мать, на себя надѣйся, самъ себѣ помогай. Отдѣлился-то я,—ни Богъ вѣсть что досталось, а я вотъ, Ерошкина мать, все завелъ и все вотъ держу.

— А Ликсѣевымъ, вонъ, и держать нечего осталось!—съ горечью сказалъ дѣдушка Илья.

— Вольно жъ!.. вольно жъ, Ерошкина мать!—вдругъ загорячился дѣдушка Григорій. — Они отъ себя упустили. Кто жъ виноватъ, что у Ликсѣя башка-то не работала? Али, Ерошкина мать, Тишкѣ-то зачѣмъ такую волю давать? Онъ лодыря строитъ, а на него и глядѣть? Въ солдаты его безъ зачета!.. Онъ такой, проэтакій, даромъ что лодырь, а тоже, Ерошкина мать, гордость имѣетъ. Къ дядѣ-то покосить или

овинъ обмолоть не придетъ,—а что у него руки отвалились бы? Жрать, Ерошкина мать, нечего, а спины согнуть боится. А какъ стукнетъ нужда-то—идутъ скучать! А что мы свое добро-то во щахъ вытянули? Намъ оно тоже достается, а другіе на него, Ерошкина мать, глаза пялятъ.

Дѣдушка Григорій такъ взволновался, что покраснѣлъ, и голосъ его сдѣлался тонкій и рѣзкій. Дѣдушка Илья съ усмѣшкой поглядѣлъ на него и молвилъ:

— Не горячись! Никто у тебя твоего не оспариваетъ, твое у тебя и останется, только другихъ не осуждай: у тебя своя линія, а у тѣхъ своя. Такая, знать, судьба!

— Я не охуждаю... а я, Ерошкина мать, только дѣло говорю. Кто заботу имѣетъ, тотъ и просвѣтъ видитъ и все такое, а кто не старается, тотъ всегда въ нуждѣ колупается, это братъ, Ерошкина мать, вѣрно.

— Не стараньемъ люди добро наживаютъ... Пословица-то не зря говорится: отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ.

— Мы и не въ палатахъ, Ерошкина мать, живемъ, ишь у насъ хоромы-то не лучше другихъ,—сказалъ дѣдушка Григорій.

— Не про тебя и рѣчь идетъ,—опять съ усмѣшечкой молвилъ дѣдушка Илья.—Ты може работать гораздъ, вотъ у тебя во всемъ и достатокъ, а я про тѣхъ въ умѣ держу, кто самъ ничего не дѣлаетъ, а къ нему валится со всѣхъ концовъ.

Дѣдушка Григорій густо покраснѣлъ, и глаза его загорѣлись такою ненавистью къ дѣдушкѣ Ильѣ, что онъ ужъ не могъ скрыть ее. Незнамо для чего, онъ взялъ свою книжку, раскрылъ и уставился въ нее. Мнѣ замѣтно было, какъ у него дрожали руки. Поглядѣвъ въ книгу, онъ вдругъ захлопнулъ ее, отклонилъ въ сторону и сказалъ:

— По нонѣшнимъ временамъ въ деревнѣ кому хошь, Ерошкина мать, трудно жить. Времена не тѣ стали. Нонче всякій, кто ни на есть, Ерошкина мать, храпъ имѣетъ и нѣтъ съ нимъ никакой справы. Бывало хорошему человѣку-

то ни то, что грубое слово, а всѣ почетъ отдаютъ, а нонче какой-нибудь прощалыга, а ужъ тебѣ, Ерошкина мать, глаза колетъ.

— Такъ поди въ волости и пожалься, може и теперь хорошаго человѣка послушаютъ?—насмѣшливо вымолвилъ дѣдушка Илья.

— Куда мнѣ жалиться, на кого мнѣ жалиться, что ты, Ерошкина мать, говоришь?

— Я знаю, что я говорю, и понимаю, авось не маленькій,— сказалъ дѣдушка Илья и громко вздохнулъ.—Чудное дѣло! Пришелъ я къ Прасковьѣ—нищета, убожество, ужъ и видно, что плохо, анъ и обласкала тебя и обогрѣла тебя, и на судьбу не очень жалится. Пришелъ къ тебѣ, все видно хорошо, а ты ноешь и не знаешь, какъ отъ меня отдѣлаться! Отчего это? Или это вотъ какъ пословица говорится: иного человѣка употчуешь кусомъ, а иного не употчуешь и гусемъ?

— Не знаю, Ерошкина мать, я про себя говорю, а какъ тамъ другіе, не знаю...

Дѣдушка Григорій замолчалъ. Онъ или не находилъ, что говорить, или ему не хотѣлось ужъ и говорить съ дѣдушкой Ильей. Замолчалъ и дѣдушка Илья. Бабушка Татьяна поглядѣла на нихъ и молвила:

— Ну, что это вы такъ сидите? Ты бы, Григорій, сказалъ Авдотьѣ,—она бы самоварчикъ поставила, да чайкомъ бы брату погрѣлъ косточки.

Дѣдушка Григорій нехотя взглянулъ на дѣдушку Илью и проговорилъ:

— Ну, не великъ баринъ-то; онъ, чай, Ерошкина мать, скусу въ чаю-то не понимаетъ. Ему бы вотъ винца стаканчикъ, да на грѣхъ, Ерошкина мать, вина-то у насъ нѣту.

— Небось есть...—заикнулась было бабушка Татьяна.

— Нѣту!—твердо отчеканилъ дѣдушка Григорій и такъ поглядѣлъ на бабушку Татьяну, что та сразу прикусила языкъ.

— Угоститъ, когда будетъ,—съ напускною веселостью сказалъ дѣдушка Илья: — не въ послѣдній разъ, чай, видимся-то!

Дѣдушка Григорій пытливо взглянулъ на брата, какъ бы желая понять, что значатъ эти слова, и отвернулъ глаза въ сторону и сталъ глядѣть въ окно. Бабушка Татьяна хотѣла что-то спросить дѣдушку Илью, но онъ поднялся съ мѣста и проговорилъ:

— Ну, намъ видно и итти пора. Прощайте, пока!

— Прощай!—сказалъ дѣдушка Григорій и не поворотилъ даже въ нашу сторону головы.

— Опять ходи,—сказала бабушка Татьяна:—пригадывай къ обѣду когда, а то у нихъ-то, чай, голодно.

— Голодно да просто,—сказалъ дѣдушка Илья; — а гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто.

Съ этими словами мы вышли изъ избы.

XIV.

Когда мы пришли домой, дѣдушка Илья былъ печальный, опустившійся. Онъ раздѣлся, сѣлъ на лавку и заговорилъ:

— Ну, милая невѣстушка, Прасковья Ефимовна, скажи мнѣ на милость, съ чего это нашъ братецъ разлѣзся такъ?

— Торгуетъ онъ, ну, чай, барыши получаетъ,—уклончиво отвѣтила бабушка.

— Да вѣдь это жъ какіе барыши, небось они не сотнями къ нему валятся? А потомъ торговлю-то съ чего онъ началъ? Съ одними блохами вѣдь ничего не заведешь.

— Иванъ хорошо въ Москвѣ живетъ, онъ ему подаетъ.

— А Иванъ-то живетъ въ артели, а въ артель-то поступить тоже нужно деньги. А онъ еще въ то время отдѣлился и новую стройку заводилъ?..

Бабушкѣ волей-неволей пришлось намекнуть на господскій магазей. У дѣдушки Ильи загорѣлись глаза.

— Ну, вотъ это дѣло ясное!—воскликнулъ онъ.—Это теперь понятно...

Послѣ этого онъ глубоко вздохнулъ, впалъ въ печальный тонъ и продолжалъ:

— Нѣтъ у насъ на бѣломъ свѣтѣ ни одного дѣла, чтобы люди до него правдой дошли. Не туда видно дорога идетъ. Къ кому ни приглядись, кто отмѣнно отъ другихъ живетъ, кого ни колупни, кто если и выдѣлился изъ другихъ, то вѣрно штуку какую-нибудь устроилъ, чужбинки захватилъ. И это вездѣ такъ, по всей святорусской землѣ. Наглядѣлся я, милая невѣстка, много на своемъ вѣку, и что я ни видалъ и что ни слыхалъ, если хорошенько разобрать умному человѣку,—однѣ слезы. Нѣтъ ходу правдѣ святой,—нѣтъ привѣту чести и совѣсти,—не ко двору они ни у вышнихъ, ни у нижнихъ. Кто нахаленъ да смѣлъ, тотъ все и съѣлъ, а правильный человѣкъ хоть живой въ гробъ ложись, никто для тебя и пальцемъ не шевельнетъ, вотъ ей - Богу правда!

„Стало это мнѣ открываться еще въ молодости моей, съ тѣхъ поръ, какъ я барскій приказъ не исполнилъ. Изъ-за чего я не исполнилъ?.. Свою мужицкую кровь пожалѣлъ; а эта же мужицкая кровь по барскому приказу такъ мнѣ руки скрутила, что я думалъ и лопатки-то въ спинѣ не уцѣлѣютъ... Словно я ихъ обидѣлъ-то... И потомъ на службѣ-то что я перевидѣлъ!.. Эхъ, и вспоминать-то не хочется!.. Какъ забрили меня тогда, опредѣлили въ полкъ и погнали меня въ городъ Обоянь: тамъ въ то время нашъ полкъ стоялъ. Стояли солдаты по деревнямъ, и такъ - то плохо держали солдатъ. Аммуницію даютъ кой-какую, провіанту мало. Назначили меня рекрутомъ, а къ рекруту приставили дядьку, а всякій дядька только тѣмъ другъ передъ дружкой выхваляется, кто кого собачѣй. Ты ему подвластенъ, онъ и радъ этому и норовитъ надъ тобой помытариться. Господа бываютъ подлецы, а свой братъ, какъ повыше поднялся, норовитъ подлѣй подлеца быть. Ты у него, бывало, пикнуть не смѣешь, даромъ что ты знаешь и понимаешь-то, можетъ, больше его. Перво-наперво аммуницію ему вычисть, а бывало какая аммуниція-то: ремни на тесакъ

и у ранцевъ бѣлые, ихъ нужно мѣломъ натирать, потомъ ружье, киверъ, пуговицы. Сапоги въ обтяжку, ученье долгое, самъ-то себя едва уходишь, а тутъ еще дядька! Малость чего не потрафишь, онъ тебя въ зубы, взводный въ зубы, фитьфебель въ зубы. Искры изъ глазъ сыпятся, а роптать не смѣй. А тутъ еще грабежъ провіанту: по третьей части до тебя не доходитъ, черезъ сколько рукъ-то они проходятъ и все прилипаетъ. Дойдетъ до тебя такъ-то, а ты и не знаешь: ѣсть ли его или воробьямъ скормить?

„Годъ такъ прошелъ, другой, третій, взяло меня отчайство. Невмоготу жить съ такою совѣстью. Видишь — кто понапористѣй да побезсовѣстнѣй, тотъ и табачокъ покуриваетъ, и водочку пьетъ, и сдобниками питается, и говядинки частичку урветъ, а какъ съ совѣстью — такъ хоть пропадай: ни украсть, ни попросить. У другихъ друзья пріятели ведутся, а ты все одинъ: потому ни къ кому поддѣлаться не сумѣешь... Объявили походъ, думаю: ну, вотъ теперь получше будетъ, послободнѣй. Война; люди почуютъ смерть, помягче будутъ, перестанутъ другъ дружку грызть... Анъ не тутъ-то было! Кто подлецомъ былъ, подлецомъ и остался, а звѣрь звѣремъ; никакъ еще лютѣе... Говорили, что и раціоны намъ больше пойдутъ—харчи получше, анъ еще къ границѣ не подошли, а ужъ у насъ сухарей не хватаетъ. Многіе идутъ въ сапогахъ, а подметокъ-то нѣтъ. Ходъ быстрый, кто отстаетъ, того въ палки, а нѣшто по доброй волѣ отстаешь?

„Крѣпился, крѣпился я, помнилъ, помнилъ Бога, и стало мнѣ невтерпежъ. Бывало, взмолишься: Господи, я ли Тебя не почитаю, я ли не помню Тебя, все мое сердце къ Тебѣ, зачѣмъ же Ты меня оставляешь?.. Или ужъ я такая букашка, что Тебѣ меня не замѣтить, а если, думаю, такъ—и худыя дѣла не замѣтитъ Онъ. Дай, думаю, какъ другіе буду жить; видно, не даромъ говорится: „на Бога надѣйся, а самъ не плошай“. Пришли мы въ Румынію, сдѣлали привалъ, скомандовали намъ вольно. Отощали мы страхъ какъ, и ударились всѣ на добычу: кто въ лѣсокъ, кто на рѣку,

кто въ село. Пойду, думаю, и я въ село, что-нибудь може попадется. Иду это я съ однимъ солдатомъ, подходимъ къ пруду, видимъ это—гуси лежатъ. Одинъ вытянулъ голову, бросился на насъ: га-га-га! Помутилось у меня въ глазахъ, кинулся я на него, схватилъ за голову, отрубилъ ее тесакомъ; голову въ прудъ, самого подъ полу да назадъ. Пришли, очистили, въ манерки да на огонь, наѣлись до отвала. Вотъ онъ, думается, Богъ-то гдѣ. Съ тѣхъ поръ сталъ и я какъ другіе...

„Подошли мы къ Туретчинѣ, начались сраженія, въ моей душѣ тоска, хоть бы голову положить. Не нарвусь ли, думаю, на штыкъ турецкій, и, бывало, какъ сраженіе, такъ ты и прешь какъ медвѣдь какой, остервенѣешь, ничего не видишь, работаешь штыкомъ и прикладомъ. Сколько мы непріятелевъ побѣждали, вышла намъ награда. Отчислили на нашу роту 20 Егорьевскихъ крестовъ; сталъ ротный одѣлять и всѣхъ одѣлилъ, кто его сердцу любезнѣй, деньщику своему даже повѣсилъ, а мнѣ шишъ въ носъ; ужъ я ли не храбрился въ сраженіяхъ, а обошли. Такъ и сломалъ весь походъ ни за что, хоть бы ранили куда, може пенсію дали бы, а я и раны не получилъ...

„Пришли съ войны, стали насъ отпускать въ безсрочный, куда мнѣ итти? Домой не къ кому, насолило мнѣ тамъ все. Пойду, думаю, на Донъ, тамъ, говорятъ, земли жирныя, хлѣба обломные, народъ меньше нужды несетъ, може и живетъ лучше. Иду день, другой, третій. Думаю, гдѣ я устроюсь, какъ буду жить, пытаю, гдѣ какая вотчина, въ которой можно бы было пристать. Пришелъ въ Воронежскую губернію, остановился ночевать въ одной слободѣ, попалъ я на ночлегъ къ одной вдовѣ казачкѣ. Живетъ вдвоемъ съ дѣвочкой. Куда, говоритъ, москалю, бредешь? Я говорю, счастья пытать. Слово за слово, разговорились, задумалась она; утромъ всталъ, а она принесла водки, нарѣзала сала,—пей, говоритъ, да оставайся у меня. Я, говоритъ, одна, и если будешь стараться, сдѣлаю я тебя за хозяина. Подумалъ, подумалъ я, какого жъ, думаю, еще мнѣ рожна?

„Остался, втянулся въ дѣло, повелъ все чередомъ. И работу и заботу, все на себя взялъ. И прожилъ я тутъ десять годовъ. Дочка ея въ невѣсты выровнялась. Понравился ей на вечерницахъ одинъ парубокъ, снюхалась она съ нимъ, мать ихъ благословила, поженились. Гоститъ зять послѣ свадьбы у тещи и говоритъ: — Прими меня, мамо, къ себѣ жить и хозяйствовать?—Иди!—Ну, какъ вошелъ зять въ домъ и пошелъ другой разговоръ. Ты и не такъ ходишь, не понашему говоришь, и то нехорошо, и это неладно. Забирай худобу да уходи.—Уйду,—говорю,—заплатите мнѣ за эти десять лѣтъ.—За что платить? Ты къ намъ въ домъ ничего не принесъ.—Я не принесъ, да я работалъ.—Ты работалъ ты и пилъ, ѣлъ.—Я—на судъ, а судъ, знамо, ихнiй, казацкiй, повернулъ въ ихнюю сторону и вытурили меня ни съ чѣмъ. Ну, постойте, думаю, я вамъ дамъ о себѣ попомнить; подобрался я къ мельницѣ вдовиной, которую я самъ почти и собралъ, и запалилъ. Меня поймали, да въ тюрьму, да въ судъ, да въ острогъ. Высидѣлъ я, пошелъ опять по бѣлу свѣту шляться. Колесилъ, колесилъ, може двадцать губеренъ прошелъ, и все одно, все одно... Схватилъ вотъ только этотъ кашель да ломоту въ костяхъ, а ходу правдѣ нигдѣ не нашелъ: кто правдой живетъ, тотъ все волкомъ воетъ; а кто кривитъ душой, тотъ надо всѣми большой“...

Бабушка покрутила головой и сказала:

— Что-то чудно, а какъ же пословица говорится, что „за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ?

— А ты слышала тоже говорится: что „жалуетъ царь, да не жалуетъ псарь“, а въ этомъ-то и все дѣло...

XV.

Дѣдушка Илья остался жить у насъ. На другой же день онъ велѣлъ мнѣ показать ему нашъ сарай и пошелъ въ него за кормомъ. Корму у насъ было немного, всего можетъ-быть по возу сѣна и соломы. Дѣдушка Илья покачалъ головой и проговорилъ:

— Ну, съ этого скотина не зажирѣетъ. По много ль же вы имъ даете?

Я сказалъ; дѣдушка Илья проговорилъ:

— И постолечку не натянешь. Придется крышу раскрывать. Аль у васъ и на крышѣ свѣжей соломы-то нѣтъ?

— Нѣту, у насъ старая, копченая.

— Эка бѣда! Что жъ вы травки лѣтомъ не купили, дорогая трава, а все сходнѣе дешеваго корму, а то вотъ и возьми...

— Не на что было...

— То-то не на что, вы съ отцомъ только самихъ себя любите-то! Нѣшто вы крестьяне? Дармоѣды вы, одно слово...

— Дѣдушка, я еще маленькій,—попытался я отбояриться отъ такого сопоставленія съ отцомъ.

— А если бы большой былъ, я бы не такъ съ тобой поговорилъ: я бы тебѣ показалъ кузькину мать съ горбинкой, а то скоты голодаютъ, а онъ и не чешется...

Скотина, дѣйствительно, была у насъ очень худа, особенно кобыла; коровѣ еще перепадало когда помои, когда она сама забьется въ сѣни и съѣстъ куриный кормъ, а кобыла питалась однимъ сѣномъ, сѣно было не съѣдобное, и давала ей бабушка помаленьку, поэтому она сильно перемѣнилась за зиму. На ней выросла длинная шерсть, выдались ребра, и сильно отвисъ животъ. Бывало, выйдешь на дворъ, а она стоитъ, понуривъ голову; почуетъ тебя, взглянетъ, облизнется, потомъ глубоко вздохнетъ и отворотитъ голову. Бывало, какъ ни веселъ сидишь въ избѣ или играешь на улицѣ, а какъ увидишь скотину—сожмется сердце, и веселость твоя пропадетъ.

Дѣдушка Илья съ этого раза сталъ самъ ходить за скотиной, кормить и поить ее. А когда пришелъ праздникъ, онъ выпросилъ у бабушки сумочку и пошелъ по деревнѣ побираться. Бабушка пыталась его отговаривать, но онъ и слушать не хотѣлъ ее.

— У васъ самихъ хлѣбъ горевой,—сказалъ онъ,—а я буду его подъѣдать. Прихлебочкой-то попользуюсь и то спасибо.

На первый разъ онъ принесъ полную сумку кусковъ. Вытряхнувъ ихъ на столъ, дѣдушка Илья началъ ихъ сортировать: получше онъ отбиралъ въ рѣшето для себя, похуже откладывалъ въ сторону. Когда онъ разобралъ все, то далъ мнѣ нѣсколько кусковъ и сказалъ:

— На-ко, вотъ, Степка, снеси кобылѣ, это погляди, какъ она ихъ скушаетъ.

Днемъ дѣдушка или училъ меня азбукѣ или куда-нибудь ходилъ, а по вечерамъ сидѣлъ дома и что-нибудь говорилъ. Онъ очень любилъ поговорить. Бывало, разсказываетъ разныя исторіи, сказки, случаи изъ своей жизни, когда веселые, когда грустные. Иной разъ они схватятся съ бабушкой спорить, и чѣмъ дальше, тѣмъ споры дѣлались чаще; иной разъ они заспорятся до пѣтуховъ, и нерѣдко бабушка какъ будто гнѣвалась на него и упрекала его въ томъ, что онъ совсѣмъ запутался.

Пришла масленица. Наши прислали намъ изъ Москвы денегъ, муки гречневой и сельдей. Бабушка пекла намъ блины. Мы, бывало, съ дѣдушкой набьемъ ими животы и пойдемъ въ сарай или на колодецъ. Потомъ я побѣгу на гору кататься съ кѣмъ-нибудь. Вся недѣля прошла весело, но наступилъ постъ, все сразу какъ отрѣзало. Веселье пропало, перемѣнились харчи.

Какъ-то разъ бабушка сказала:

— Надо о тебѣ въ Москву написать, хозяевамъ нашимъ, а то живетъ у насъ жилецъ, а они и не знаютъ.

— Ну, что жъ, давай я самъ напишу; вотъ добыть бы бумаги да перо, я и накаталъ бы,—сказалъ дѣдушка Илья.

— Сбѣгай, Степка, къ дѣдушкѣ Григорью.

Я побѣжалъ и принесъ, что требовалось для письма. Дѣдушка Илья долго писалъ письмо, мелко-намелко исписалъ всю бумагу, и когда староста пошелъ въ контору, отослалъ съ нимъ это письмо.

Недѣли черезъ три пришелъ отвѣтъ. Отецъ и мать очень радовались, что у насъ появился такой человѣкъ. Они просили его пожить у насъ и, если можно, поработать весной,

а мы, писали они, ко Святой домой не придемъ, а проживемъ до Петрова дня. Мѣста намъ попались хорошія; если Богъ дастъ все по-хорошему, то къ тому времени накопимъ денегъ на избу. А пока они посылали намъ еще десять рублей и гостинцевъ. Всѣ этому письму очень обрадовались, даже дѣдушка Илья сдѣлался веселый.—Что жъ, я поработаю,—говорилъ онъ:—соха изъ рукъ не выпадетъ и за лошадью въ боронью поспѣю, не особо ремокъ животъ-то... Только обувочка у меня плоха.

— Сапоги тебѣ справимъ,— сказала бабушка:— головку придѣлаемъ къ Тихоновымъ голенищамъ и будешь носить.

Дѣдушка Илья обрадовался еще больше, и когда намъ съ нимъ справили по сапогамъ, онъ, кажется, помолодѣлъ.

— Теперь мы куда хошь, хоть въ болото утокъ стрѣлять, только вотъ ружья нѣтъ, а то бы мы съ тобой пошли на охоту. Вишь весна наступаетъ, птица теперь всякая налетитъ...

Дѣйствительно, наступила весна. Съ каждымъ днемъ дѣлалось теплѣй, снѣгъ лежалъ только въ кустахъ да оврагахъ, съ полей же его давно согнало. На Колотнушкѣ ледъ сошелъ, и вода текла мутная наравнѣ съ берегами. Поля и луга начали зеленѣть, и на нихъ весело было глядѣть, точно это что-то было новое, диковинное. Бывало выйдешь на улицу, на деревьяхъ поютъ скворцы, галдятъ грачи и вьютъ себѣ гнѣзда, въ полѣ заливаются жаворонки, на лугахъ носятся луговки и просятъ пить у Бога. Совсѣмъ это не то, что въ глухое зимнее время. И сердце твое бьется, и ты неописуемо радуешься, что ты живешь, чувствуешь и видишь всю эту снующую, пробуждающуюся прелесть жизни и забываешь всѣ будничныя невзгоды и суетныя мелочи ея...

XVI.

Весна распускалась все больше и больше. Давно раскинулись деревья; отцвѣтали вишни и яблони, по лугамъ желтѣли первые цвѣты. Лошади паслись въ ночномъ и досыта

наѣдались свѣжей молодой травы. Весь скотъ отубенѣлъ: коровы прибавили молока, телята уже не бѣгали домой безовременно, а приходили вмѣстѣ со стадомъ. Въ лѣсу появились грибы, колосники, во пняхъ наливались первыя ягоды. Мы, ребятишки, почти не жили дома, а носились по лугамъ и лѣсамъ, и прибѣгали домой поздно на ночь.

Послѣ такой бѣготни намъ по утрамъ спалось долго. Въ одно утро, уже около навозницы, проснулся я и увидалъ, что въ избѣ никого нѣту, а на улицѣ слышенъ шумъ; я катышкомъ скатился съ конника, подскочилъ къ окну и высунулся въ него. Посреди деревни собралась толпа, и всѣ волновались, кричали и размахивали руками. Я нырнулъ въ окно, очутился на улицѣ и въ одну минуту былъ около мужиковъ.

— Это вѣрно, какъ святъ Богъ, потому имъ больше дѣваться некуда,—кричалъ дядя Липатъ, приземистый бородатый мужикъ въ синей рубахѣ.

— Да неужто? Кто же это?—послышалось въ толпѣ.

— Мало ли таскается чертей: либо цыгане, либо еще кто.

— Какъ же чередовые-то не увидали?

— Чередовые, что жъ, небось спали безъ заднихъ ногъ. Пасутся и пасутся, нѣшто это думано.

— Батюшки, вотъ оказія-то!

— Лошади на подборъ, рублей по семидесяти сто̀ятъ.

— Сколько она ни сто̀итъ, а хозяину-то дорога.

— Какъ еще дорога-то!

— Ахъ, черти проклятые, вотъ поймать-то бы!

— Лови вѣтра въ полѣ!

Тутъ я узналъ, что изъ ночного увели двухъ лошадей— одну у Рубцова, другую у Захаровыхъ. Хватились ихъ только тогда, когда лошадей пригнали изъ ночного въ общее стадо. Замѣтилъ ихъ пропажу впервые пастухъ и извѣстилъ объ этомъ хозяевъ. Когда это сдѣла̀лось—никакъ нельзя было опредѣлить. Съ вечера ихъ видѣли хозяева, а потомъ ужъ никто ничего не зналъ. Всѣ ахали и обсуждали случившееся; отъ говору стоялъ шумъ на всю деревню. Руб-

цовы и Захаровы выли въ голосъ, но никто хорошо не зналъ, что теперь лучше дѣлать, чтобы какъ-нибудь поправить бѣду. И только уже много спустя староста догадался отрядить нѣсколькихъ человѣкъ и погналъ ихъ въ погоню по разнымъ дорогамъ. Къ обѣду погонщики воротились и объявили, что про лошадей нигдѣ ни слуху, ни духу, и нигдѣ нѣтъ никакого слѣда.

Староста пошелъ въ волостную и донесъ о случившемся старшинѣ. Старшина послалъ старосту съ объявленіемъ къ становому. Становой сказалъ, что онъ самъ пріѣдетъ въ деревню и произведетъ дознаніе: какія лошади, куда онѣ пошли и на кого имѣется подозрѣніе.

Въ деревнѣ думали на молодого подпаска, который пасъ у насъ первое лѣто и котораго никто хорошо не зналъ.

Въ ночь, когда сдѣлалась кража, оказалось, его не было дома, онъ куда-то уходилъ, не спросясь у большого пастуха.

Когда объ этомъ узнали, то старикъ Рубцовъ глубоко вздохнулъ и проговорилъ:

— Вотъ оно какое дѣло-то! Чѣмъ мы ему, подлецу, согрубили, что онъ насъ обездолилъ такъ. Коли задумалъ онъ насъ подкузьмить, пришелъ бы и сказалъ: дайте мнѣ пять рублей, мы бы слова не сказали—выкинули!..

— Анъ нѣтъ!..—сказалъ дѣдушка Илья.

— Ей-Богу выкинулъ бы!—побожился старикъ.

— Ей-Богу нѣтъ бы!.. А схватилъ бы за шиворотъ, накостылялъ бы, накостылялъ по шеѣ и выпихнулъ бы! А если бы такъ люди дѣлали бъ—и воровства не было бы.

Становой обѣщался пріѣхать на другой день къ полднямъ. Онъ сдержалъ свое слово. Только собрали прибѣжавшую изъ стада на полдни скотину, какъ на нижнемъ концѣ деревни послышались звуки далекаго колокольчика. Звуки неслись съ дороги отъ деревни Яковлевки, бывшей съ нашей деревней поле съ полемъ. Когда вглядѣлись туда, то тотчасъ же замѣтили, какъ отъ Яковлевки отдѣлилось что-то черное и покатилось по дорогѣ къ намъ. Сначала колокольчикъ звучалъ чуть слышно, потомъ онъ дѣлался явственнѣе

и явственнѣе. Можно было уже разглядѣть, что́ катилось. Это былъ большой тарантасъ, запряженный въ пару лошадей; еще минута—и стало видно и сѣдоковъ, помѣщавшихся въ тарантасѣ. Ихъ было двое, впереди передъ ними на козлахъ сидѣлъ кучеръ. Кучеръ криками погонялъ лошадей. Они уже спускались по уклону, идущему съ Яковлевскаго поля къ нашей Колотнушкѣ; вотъ они въѣхали на мостокъ, слышно было, какъ лошади кованными ногами застучали по мостовинамъ. Колокольчикъ было перехватило, но потомъ онъ опять залился.

Мужики были собраны у двора Захаровыхъ, на нижнемъ концѣ деревни. У большой избы Захаровыхъ тянулась широкая заваленка; стояла телѣга. Мужики кто сидѣлъ на заваленкѣ, кто забрался на телѣгу и переливали изъ пустого въ порожнее. Среди мужиковъ находились и пастухи. Старшій, по имени Андрей Печенкинъ, плѣшивый, худой, съ рѣденькою черною бородкой, съ кожаною сумкой для рожка и табаку и кнутомъ, завитымъ колесомъ и надѣтымъ черезъ плечо, какъ солдаты носятъ лѣтомъ шинели,—былъ необыкновенно спокоенъ. Онъ о чемъ-то тихо разговаривалъ съ дѣдушкой Евстифеемъ и, видимо, совсѣмъ не думалъ, что такое предстоитъ всѣмъ собравшимся. Его подпасокъ, бѣлокурый, весноватый, держался ото всѣхъ поодаль и стоялъ съ лицомъ блѣднымъ и осунувшимся и глядѣлъ внизъ, думая какую-то думу. Когда становой показался у околицы, то мужики заволновались, повстали съ мѣстъ и, сбившись въ кучу, отошли отъ избы. Только дѣдушка Илья, стоявшій облокотившись на грядку телѣги, не двинулся съ мѣста. Онъ былъ на сходу какъ любопытный, поэтому и не обязанъ былъ участвовать во встрѣчѣ пристава.

Лошади станового вошли на огорокъ шагомъ, хотя шли бодро, позвякивая бубенцами. Поровнявшись съ толпой, кучеръ отпрукнулъ лошадей, мужики всѣ до одного обнажили головы, одинъ дѣдушка Илья не снялъ картуза и не сдвинулся съ мѣста. Становой и письмоводитель его, одутловатый рыженькій человѣкъ, въ сѣромъ легкомъ сюртукѣ и

съ книгой подъ мышкой, вылѣзли изъ тарантаса, потоптались на мѣстѣ, разминая ноги, повернувшись медленно, стали приближаться къ мужикамъ. Кучеръ тронулъ лошадей и поѣхалъ шагомъ дальше, чтобы немного промять ихъ. Мужики стояли не шелохнувшись; въ толпѣ тишина была такая, что слышно было, какъ мухи летали. Становой шелъ, высоко поднявъ голову, и не глядѣлъ ни на кого. Это былъ коренастый, плотный, черный, усатый человѣкъ. Лицо у него было пухлое и багровое, носъ красный. Онъ былъ большой любитель выпить. Наши мужики его хорошо знали еще при господахъ, когда на барскомъ дворѣ былъ винный заводъ—онъ служилъ тамъ конторщикомъ. Какими-то судьбами онъ попалъ на службу въ полицію, добился этой должности, и чтобы дать знать, что онъ теперь не то, что прежде, держалъ себя очень строго. Онъ никого не узнавалъ, съ кѣмъ какъ-нибудь сталкивался прежде, свирѣпо кричалъ на того, кто пробовалъ величать его не благородіемъ, а по имени и по отчеству, и любилъ пускать въ ходъ кулаки. Войдя въ середину мужиковъ, становой откинулъ голову назадъ и строго зыкнулъ:

— Староста!

— Вотъ я здѣсь, ваше благородіе,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ дядя Тимоѳей, и безъ шапки, со знакомъ на груди, съ развѣвающимися отъ вѣтра волосами, торопливо подступилъ къ становому.

Становой, сощурившись, взглянулъ на него. Когда онъ глядѣлъ на кого-нибудь, онъ всегда щурился. Должно быть онъ считалъ, что мужикъ не достоинъ полнаго на него взгляда. Поглядѣвъ на старосту, онъ проговорилъ:

— Что тутъ у васъ случилось?

— Н-несчастіе, ваше благородіе,—заплетающимся языкомъ говорилъ староста:—двухъ лошадей увели изъ ночныхъ.

— Хозяева лошадей здѣсь?

— Здѣсь.

— А пастухи, что пасли, здѣсь?

— Пастухи не пасли, а чередовые.

— Гдѣ они?

— Здѣсь.

— Кто увелъ лошадей?

— Не можемъ знать.

— Какъ не можешь знать, дуракъ! Ты самъ мнѣ доносилъ, что подозрѣніе на кого-то имѣете.

— Грѣшить—грѣшилъ на молодого подпаска, это вѣрно, его дома не было въ эту ночь, только никто руки, ноги не положилъ...

— Гдѣ подпасокъ?

— Здѣсь... Миронъ, подходи!

Становой повернулся туда, гдѣ стоялъ Миронъ. Тотъ побѣлѣлъ еще пуще, у него даже губы потеряли краску, голова его чуть замѣтно дрожала. Послѣ вызова старосты, онъ шагнулъ два раза къ становому, хотѣлъ было взглянуть ему въ глаза, но не могъ. Онъ остановился и вытянулъ внизъ руки, въ правой рукѣ его былъ картузъ.

Приставъ теперь уже не щурился; онъ выкатилъ свои косые глаза, и въ нихъ сверкнулъ какой-то огонекъ, и всего его передернуло. Ни слова не говоря, онъ размахнулся лѣвою рукой и залѣпилъ Мирону въ правое ухо здоровенную оплеуху. Миронъ пошатнулся; въ это время онъ получилъ справа ударъ, потомъ опять слѣва и опять справа. Онъ не удержался на ногахъ и упалъ на землю. Приставъ началъ охаживать его сапогами.

— Это тебѣ задатокъ!.. Это задатокъ!..—задыхаясь сыпалъ становой.—Я те покажу, мерзавцу!.. Я те!..

Онъ бросилъ бить подпаска и сталъ махать въ воздухѣ лѣвою рукой: должно быть онъ ее зашибъ о Мироновы скулы. Миронъ валялся въ пыли, плачущій и окровавленный. Мужики стояли ни живы, ни мертвы. Староста то и дѣло мигалъ глазами, ожидая, что вотъ-вотъ и ему влетитъ. Нѣкоторые мужики отодвигались подальше. Только дѣдушка Илья оторвался отъ телѣги и судорожно подступилъ поближе къ приставу; глаза его горѣли, на лицѣ выступили пятна, и ноздри сдѣлались шире.

— Мерзавцы! Всѣ вы!.. весь трясясь уже, крикнулъ становой и злобно метнулъ взглядомъ на толпу.—Съ вами только мука одна!..

— А може и не всѣ!—вдругъ раздался въ толпѣ дрожащій голосъ дѣдушки Ильи.

Всѣ мужики какъ одинъ, услыхавши этотъ голосъ, вздрогнули и обернулись. Становой повернулся какъ на пружинахъ. Увидавъ стоящаго передъ собою взволнованнаго старика съ картузомъ на головѣ, онъ быстро шагнулъ къ нему и сдѣлалъ движеніе рукой, чтобы схватить его за шиворотъ.

— Ты кто такой, что разговариваешь?! А?!.. Ты кто такой?—заблажилъ приставъ.—Шапку долой!..

— Кто бы ни на есть, — отстраняя руку станового и такимъ грубымъ голосомъ, какого я никогда не слыхалъ, проговорилъ дѣдушка Илья:—а охальничать нечего. Ты дѣлай дѣло, за какимъ пріѣхалъ, а не озорничай!..

Становой взвизгнулъ и, размахнувшись изо всей силы, хотѣлъ съѣздить дѣдушку Илью по скуламъ, но дѣдушка быстро пригнулся, замахъ пристава пролетѣлъ мимо, такъ что онъ самъ перевернулся и невольно очутился передъ дѣдушкиной спиной. Дѣдушка Илья выпрямился и вдругъ толкнулъ пристава въ спину обѣими руками. Становой упалъ ничкомъ наземь, дѣдушка размахнулся и правою ногой, какъ онъ передъ этимъ Мирона, поддалъ становому въ задъ. Становой ткнулся лицомъ въ пыль и пропахалъ по землѣ носомъ. Фуражка его въ это время свалилась, и онъ издалъ неопредѣленный звукъ; дѣдушка Илья, тоже задыхаясь, проговорилъ:

— Вотъ какъ съ вами нужно обходиться! А то вы зазнались очень!—и отошелъ отъ пристава за телѣгу.

Мужики стояли, какъ пораженные громомъ. Они не знали, дѣлать ли имъ что, бѣжать ли куда. Всѣхъ прежде нашелся письмоводитель; онъ махнулъ рукой кучеру и испуганнымъ голосомъ крикнулъ:

— Сюда! бьютъ! скорѣй!..

Кучеръ, возвращавшійся уже съ того конца деревни, услы-

хавъ возгласъ письмоводителя, быстро подкатилъ къ толпѣ, соскочилъ съ козелъ, кинулъ одному мужику вожжи и подскочилъ къ барину. Вдвоемъ съ письмоводителемъ, они взяли его подъ руки и стали поднимать съ земли, приговаривая: „Ваше благородіе, ваше благородіе!“

Его благородіе нельзя было узнать. Куда дѣвался его грозный и свирѣпый видъ. Онъ размякъ, какъ мокрая курица, и даже чуть не всхлипывалъ...

— Вотъ тутъ какъ!.. Вотъ тутъ какъ!...—выплевывая изо рта землю и проводя рукой по покрытому пылью лицу, бормоталъ онъ.—Руку на меня поднимать!.. Хорошо же!.. Хорошо же!..

— Ваше благородіе... будь отцомъ! Мы не виноваты!—воскликнулъ дядя Тимоѳей, разводя руками.

И каждый готовъ былъ упасть передъ приставомъ на колѣни...

— Какъ не виноваты? Какъ не виноваты?—захлебываясь и тряся правою рукой, закричалъ приставъ.—Я же къ вамъ, чортовы выродки, пріѣхалъ слѣдствіе производить,—а вы же на меня нападаете? Я же объ вашихъ дѣлахъ хлопочу!.. Я съ вами еще поговорю... Я съ вами посчитаюсь!..

Онъ ужъ не находилъ словъ, его всего коробило, и онъ шатался на ногахъ. Лицо его было синее, жилы на шеѣ напружились. Поддерживаемый кучеромъ и письмоводителемъ, онъ подошелъ къ тарантасу, съ трудомъ взобрался въ него и оттуда уже опять обратился къ мужикамъ:

— Я сейчасъ же въ городъ ѣду, исправнику обо всемъ донесу. Онъ самъ къ вамъ пріѣдетъ. Если ты, староста, упустишь этого стараго чорта,—то ты головой мнѣ за него отвѣчаешь! Въ холодную его запереть! Приставить къ нему сторожа и не давать ему, анаѳемѣ, ни пить, ни ѣсть.

— Слышу, ваше благородіе—отвѣтилъ дядя Тимоѳей.

— Такъ смотри же!—крикнулъ еще разъ приставъ и велѣлъ кучеру ѣхать.

Лошади подхватили, колокольчикъ залился, и тарантасъ помчался въ другой конецъ деревни.

Дѣдушка Григорій поглядѣлъ на всѣхъ мужиковъ, проводя рукой по бородѣ, и проговорилъ:

-- Ну, вотъ мы, Ерошкина мать, и съ праздникомъ!..

Мужики другъ передъ дружкой набросились на дѣдушку Илью и такъ ругали его, какъ я никогда не слыхивалъ, чтобы кого такъ ругали. Дѣдушку Илью схватилъ въ это время сильный кашель и сталъ бить его. Многія ругательства поэтому онъ на свое счастіе, вѣроятно, не разобралъ.

— Старый ты чортъ, сокрушитель ты нашъ!—кричалъ дядя Тимоѳей, хватая дѣдушку Илью за плечи и направляя его къ магазеѣ.—Тебя не то что въ магазею, а въ омутъ бы пихнуть да осиновымъ коломъ приперетъ, чтобы ты не вылѣзалъ оттуда. Что ты только надъ нашими головами сдѣлалъ-то!

— Дурачье! бараны!—отругивался дѣдушка Илья.—Вамъ же отъ этого будетъ лучше! Вамъ же отъ этого будетъ лучше!

— Гдѣ оно будетъ лучше-то, съ ума ты, старый дьяволъ, сошелъ? И зачѣмъ тебя только на сходку-то вынесло?..

XVII.

Когда я сказалъ бабушкѣ, что случилось на сходкѣ, то она помертвѣла изъ лица, всплеснула руками, ахнула и опустилась на лавку.

— Неуемная головушка!.. На что онъ только отважился? Загонятъ его туда теперь, куда и солнце не свѣтитъ...

Она встала съ лавки, подошла къ переду и опять сѣла. Я никакъ не ожидалъ, что это извѣстіе произведетъ на нее такое дѣйствіе. Точно ее пришибли самое; она опустилась и, глубоко вздыхая и охая, долго просидѣла такъ.

Передъ вечеромъ къ намъ пришла бабушка Татьяна.

— Прасковья, слышала, что нашъ деверекъ-то надѣлалъ?— измѣнившимся голосомъ спросила она.

— Охъ, не говори! — глухо молвила бабушка и махнула рукой.

— Григорій-то земли подъ собой не видитъ. И зачѣмъ его только шутъ принесъ къ намъ?!..

— Что же Григорію-то, нѣшто онъ очень приболѣлъ?

— Да онъ не изъ-за него, а о себѣ тужитъ. Теперь, говоритъ, всей деревнѣ побудетъ, таскать станутъ, а то еще разселятъ.

— Куда разселятъ?

— Развезутъ по разнымъ мѣстамъ—вотъ и все тутъ. Скажутъ: вы бунтовщики, противъ начальства идете; надо будетъ грѣхъ унять.

Бабушка измѣнилась въ лицѣ еще больше и не могла уже ни одного слова сказать.

— Мужики теперь гужуются, ходятъ, себя не помнятъ. Пріѣдетъ исправникъ, будемъ, говорятъ, просить, чтобы своимъ судомъ съ нимъ расправиться.

— О, Господи!—простонала бабушка...—И что это его проняло? Словно молоденькій!..

Долго сидѣли онѣ, перекидываясь словами по поводу случившагося; наконецъ бабушка Татьяна ушла. Бабушка вдругъ встала и проговорила:

— Надо сходить къ нему.

— Къ кому?

— Къ дѣдушкѣ Ильѣ.

— Бабушка, и я пойду.

— Что тебѣ тамъ дѣлать-то?

— Мнѣ одному дома страшно.

— Ну, на улицу ступай.

— Мнѣ не хочется на улицу.

— Ну, иди, песъ съ тобой!—съ досадой сказала бабушка, отрѣзала ломоть хлѣба, положила его за пазуху и пошла изъ избы.

Я побѣжалъ за нею.

Магазея была на выгонѣ за чертой деревни, вдали отъ всякихъ построекъ. Это былъ большой амбаръ съ посѣдѣвшимъ отъ времени деревомъ, крытый соломой. На двери его висѣлъ огромный винтовой замокъ, а около двери на мостинкахъ сидѣли два мужика, караульные дѣдушки Ильи: одинъ съ дубиной въ рукахъ, другой съ топоромъ. Мнѣ стало

жутко, глядя на эту стражу, но бабушка ничего не испугалась. Подойдя къ нимъ, она проговорила:

— Здорово живете?

— Здорово!—отвѣтилъ одинъ изъ сторожниковъ, Захаръ Рубцевъ, высокій сутуловатый мужикъ, рыжій и весноватый. Онъ снялъ картузъ и, не глядя на бабушку, опять надѣлъ его.

— Гдѣ тутъ у васъ буянъ-то сидитъ?

— Буянъ подъ запоромъ. Ему тамъ спокойно: сидитъ, небось, да мышей считаетъ! — безо всякаго выраженія проговорилъ Захаръ.

— Нужно бы мнѣ поговорить съ нимъ.

— Нѣшто это можно? — ужъ какъ будто испугавшись, спросилъ Захаръ.

— Намъ велѣно стеречь его, тетка Прасковья, — сказалъ другой стражникъ, Сидоръ кузнецъ, худенькій, черноватый мужичишка, которому иногда въ шутку говорили, что его цыганъ съ повозки потерялъ.—А пускать ли, не пускать—мы не имѣемъ права.

— Чего жъ не пустить, иль вы меня не знаете? Что я, съ какимъ злымъ умысломъ? Я вотъ поговорю съ нимъ, да уйду, а вы его опять запрете.

— А кто отвѣчать будетъ?—спросилъ Сидоръ.

— Да за что тутъ отвѣчать? Нѣшто я его съ собой уведу? Онъ вѣдь все здѣсь останется.

Бабушка говорила спокойно и такъ убѣдительно, что мужики ужъ не нашлись, что ей возражать и замялись. Бабушка проговорила:

— Ну, отпирайте, отпирайте. Что вы, правду, съѣмъ я его? Экіе вы чудные!

Захаръ почесалъ въ затылкѣ и, обратившись къ Сидору, сказалъ:

— Ну, коль отпирай, что жъ съ ней дѣлать!

— А може старосты спросить?

— Чего его тутъ спрашивать?

Захаръ поднялся на ноги, вынулъ изъ кармана ключъ и

отперъ замокъ. Дверь скрипнула и отворилась, бабушка поднялась на мостинки и вошла въ магазею. Я поспѣшилъ переступить порогъ, чтобы не отстать отъ нея.

Лучи заходящаго солнца ворвались вмѣстѣ съ нами и освѣтили длинный узкій промежутокъ, бывшій между закромовъ. Въ концѣ этого промежутка поперекъ его, около самой стѣны, лежалъ дѣдушка Илья. Онъ лежалъ навзничь, закинувъ руки за голову и глядя вверхъ. При нашемъ появленіи онъ только слегка скосилъ глаза на насъ, но въ этихъ глазахъ выражалось полнѣйшее къ намъ равнодушіе.

Въ магазеѣ было прохладно сравнительно съ улицей; пахло слежавшимся хлѣбомъ и пылью. Около дѣдушки Ильи стояла желѣзная мѣрка, которою принимали и отпускали рожь. Бабушка взяла мѣрку, опрокинула и сѣла на дно.

— Ну, что, удалая голова, — достукался? — съ гнѣвнымъ укоромъ сказала она.—Эва тебя, словно звѣря какого, въ клѣтку посадили...

— Ну, что жъ, посадили и посадили,—грубо проговорилъ дѣдушка Илья.—Эка вѣдь страсть, подумаешь?

— Да вѣдь тебя за это въ каменный мѣшокъ такъ запрячутъ.

— Велика бѣда... Страшенъ онъ мнѣ, твой каменный мѣшокъ-то!

— Не отчайствуй, знамо, большая бѣда. Этакъ и головы скоро на плечахъ не удержишь.

— Что объ моей головѣ тужить, объ ней плакальщиковъ мало! Пусть всякій объ себѣ горюетъ.

— И объ себѣ погорюешь, изъ-за тебя-то теперь и другимъ достанется... Ты думаешь, ты это малое дѣло-то сдѣлалъ?

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше!..

— Чѣмъ лучше-то?.. Чѣмъ? Скажи ты мнѣ, ради Бога? Эка, какое хорошство накинуться на человѣка...

— А то что жъ на него глядѣть? Онъ тутъ будетъ безчинствовать, а мы ему зубы подставлять,—нѣшто это законъ? Онъ противъ закону идетъ, не разобравши дѣла, человѣка

бьетъ... Онъ и меня бы такъ ударилъ? и другого и третьяго?.. На кой онъ намъ такой хорошій!.. Мы може не дешевле его стоимъ-то? Я сколько годовъ на свѣтѣ жилъ, царю-отечеству служилъ, въ походы хаживалъ, другой тоже какъ-нибудь потрудился, а онъ всѣхъ сволочитъ...требуетъ, чтобы шапку передъ нимъ снимали... Нѣтъ, на-ка выкуси... вотъ возьми теперь!..

Дѣдушка Илья поднялся съ мѣста, сѣлъ, поджавши ноги подъ себя, и необыкновенно оживился. Лицо его загорѣлось румянцемъ, глаза заблестѣли, и у него, какъ давеча, опять широко раздулись ноздри. Бабушка глубоко вздохнула.

— Да вѣдь его такая собачья должность—надо на всѣхъ лаять: сегодня съ одними, завтра съ другими...

— Такъ ты языкомъ лай, а рукамъ воли не давай... вотъ что!

— А ты-то зачѣмъ своимъ рукамъ волю далъ?

— Сердце не вытерпѣло...

— И у него сердце не вытерпѣло...

— Такъ онъ сдерживай себя...

— А ты-то отчего не сдержалъ себя?.. Эхъ, Илья, Илья!.. беремся мы другихъ учить, а сами надъ собой еще не совладѣемъ, сами съ собой справиться не можемъ. Какой же толкъ будетъ отъ такого ученья?..

— А такой толкъ,—упрямо продолжалъ дѣдушка Илья,—коли бы ихъ побольше окорачивали, такъ они бы всѣ у насъ шелковые были. А то ихъ избаловали тѣмъ, что передъ ними баранами стоятъ да глазами хлопаютъ...

— А этимъ ихъ не выучишь, а только больше обозлишь. Безотвѣтный человѣкъ скорѣй своего добьется, если съ понятіемъ, а супротивникъ ихъ только больше распалитъ... Ты думаешь, ихъ этимъ сломишь; нѣтъ, они будутъ только возвышаться, калянъ, скажутъ, народъ, нельзя съ ними кротостью, нужно надъ ними палку держать; а подъ палкой всѣмъ плохо, хорошему и худому, правому и виноватому...

— Кому плохо, тотъ и отбивается отъ ней.

— Какъ отъ нея отобьешься, она о двухъ концахъ... Одинъ отворотилъ, другой приворотилъ.

— Ну, вырви ее да переломи...

— Тогда будутъ двѣ палки... опять не слаще...

— Такъ что же по-твоему дѣлать-то?

— Терпѣть надо; Христосъ терпѣлъ да намъ велѣлъ...

— Онъ могъ терпѣть, а у насъ силы не хватаетъ. Да отчегой-то намъ однимъ терпѣть? А они не такого же закона? Коли терпѣть, такъ всѣмъ терпѣть... а однимъ-то передъ другими и прискучитъ...

— Кому прискучитъ, тотъ самъ себя измучитъ... Злую собаку чѣмъ больше тревожить, тѣмъ она злѣе становится.

— А я говорю, что нѣтъ: съѣздишь ее разокъ, другой по зубамъ, она и хвостъ подожметъ. Образумится да скажетъ: надо такъ гнуть, чтобы гнулось, а не такъ, чтобы лопнуло.

Бабушка досадливо отвернулась въ сторону и проговорила:

— Съ тобой и говорить нельзя... Ты лопочешь незнамо что и надъ своими словами подумать хорошенько не хочешь. Отъ упрямства своего ты погибнешь.

— Ну, а ты вотъ въ раю живешь,—опять ложась на свое мѣсто и съ сильнымъ раздраженіемъ въ голосѣ, проговорилъ дѣдушка Илья. — Ишь какъ тебя Богъ награждаетъ хорошо: всю жизнь прожила, нужды не видала, дѣтками Богъ таланными надѣлилъ... ни заботъ, ни хлопотъ, знай только радуйся...

— Радоваться и должно: этимъ, говорятъ, Богъ испытываетъ человѣка; а если испытываетъ, то милость Свою оказываетъ, нѣшто это плохо...

— Эхъ, эта милость! Зачѣмъ она только явилась? — сказалъ дѣдушка Илья и злобно засмѣялся.

Бабушка поднялась съ мѣста и сурово проговорила:

— Замолчи ужъ, съ тобой нѣшто сговоришь!—Она вынула ломоть хлѣба, положила его на мѣру и добавила:

Какъ допрашивать-то будутъ, не очень хрондучи, держи языкъ-то покороче, молчаньемъ скорѣй отойдешь...

— Ну, ужъ меня учить нечего,—опять грубо сказалъ дѣдушка:—не учи ученаго, а учи дурака.

XVIII.

На другой день послѣ обѣда опять въ нашей деревнѣ загремѣли колокольчики, появились рѣдко бывалые люди, но ужъ не на одномъ, а въ двухъ тарантасахъ. Одинъ былъ вчерашній, запряженный въ пару станового, другой—тройкой, и въ немъ сидѣлъ исправникъ, высокій жирный старикъ съ сѣдыми баками, въ шинели, подъ которой былъ бѣлый сюртукъ; съ ними были двое сотскихъ.

Мужики опрометью выскакивали изъ дворовъ и собирались около дома старосты. Они становились въ плотную кучу и, прячась за спины другъ къ другу, толпились какъ овцы передъ волками; дядя Тимоѳей помертвѣлъ отъ испуга и не могъ отчетливо выговорить тѣхъ словъ, которыхъ отъ него допытывались.

Исправникъ потребовалъ, чтобы вынесли на улицу столъ. Всѣ подсѣли къ нему, и писарь станового разложилъ на немъ бумаги и приготовился писать. Исправникъ спросилъ, кто такое дѣдушка Илья. Староста сказалъ его имя. Стали спрашивать дальше и когда узнали, что дѣдушка Илья николаевскій солдатъ, исправникъ вдругъ спросилъ:

— А билетъ у него есть?

Староста опѣшилъ.

— Какой билетъ?—спросилъ онъ.

— Солдатскій билетъ, какой ему полагается вмѣсто паспорта.

— Не могимъ знать,—пролепеталъ испуганный староста.

— Какъ не можемъ знать, мерзавецъ!—заблажилъ исправникъ, ударивъ кулакомъ по столу. — А если онъ бродяга? Ежели онъ безъ письменнаго вида изъ Сибири убѣжалъ? Ты вѣдь долженъ слѣдить за этимъ!..

Староста блѣднѣлъ и краснѣлъ. Онъ, какъ медвѣдь, переминался съ ноги на ногу. Исправникъ крикнулъ:

— Гдѣ онъ у тебя?

— Въ магазеѣ.

— Привести.

Мужики пошли въ магазею, за ними всталъ и пошелъ становой.

Дѣдушка Илья лежалъ въ магазеѣ такъ же, какъ и вчера. Ломоть хлѣба валялся около него не съѣденнымъ. Становой увидѣлъ ломоть, вышелъ изъ себя и заблажилъ:

— Это кто ему принесъ? Кто распорядился? Сказано было, чтобы не давать?

— Мнѣ и дали, да я не ѣлъ. Чего же вы кричите-то?— сказалъ дѣдушка Илья.

Стали разбирать, кто могъ принести ему хлѣбъ, добрались до бабушки. Становой вызвалъ ее.

— Ты, чертовка, вѣдьма кіевская, какъ смѣла приносить ему хлѣба?—закричалъ на бабушку становой.—Ему не приказано было ѣсть давать, а ты дала — я тебя въ станъ отправлю!..

Бабушка сдѣлалась очень блѣдная, и у ней дрогнула голова, но она спокойнымъ голосомъ проговорила:

— Я не чертовка и не вѣдьма, а у меня есть христіанское имя: меня зовутъ Прасковья. Отправлять ты меня куда хошь, батюшка, отправляй, а ругаться ни шло ни брело нечего...

— Какъ на тебя не ругаться, тебѣ зубы выбить слѣдуетъ!..

— У меня ихъ нѣтъ давно, батюшка, нечего выбивать-то...

Бабушка видимо была оскорблена и огорчена; глаза ея потускнѣли, и голова сильно тряслась.

— Ведите ее туда! — крикнулъ становой; сотскіе повели бабушку къ тому мѣсту, гдѣ былъ исправникъ. Начался допросъ... Они долго вычитывали, заставляли подписываться подъ бумагами, кто умѣлъ подписываться. У дѣдушки Ильи спросили билетъ. Онъ сказалъ, что его у него нѣтъ. Судился ли онъ когда?—Онъ отвѣчалъ:—Объ этомъ сами узнаете.

Исправникъ заругался на него, на бабушку. Грозилъ старостѣ за то, что онъ въ деревнѣ безъ паспорта держалъ, и велѣлъ сотскимъ вести дѣдушку Илью въ станъ, а старостѣ съ бабушкой сказалъ, что ихъ вытребуетъ къ себѣ слѣдователь.

Бабушкѣ вышелъ такой день, что ее всѣ ругали. Когда уѣхали исправникъ и становой, на нее набросились мужики и староста и, на чемъ свѣтъ стоитъ, стали пробирать ее за то, что она пріютила у себя дѣдушку Илью.

— Нищая! вѣдь нищая ты такая проэтакая! — кричали на бабушку мужики.—Самой ѣсть нечего, изба того и гляди развалится, а она пускаетъ къ себѣ жильца. Григорій-то вонъ поумнѣе тебя, даромъ что родного брата, и то не пускаетъ на глаза, онъ и чистъ молодецъ! а ты, хрычевка глупая, раздобрилась. Зачѣмъ ты его приняла?

— Это ужъ мое дѣло, это ужъ мое дѣло,—бормотала, не поднимая головы, бабушка.

— Бродягу ты приняла! Вѣдь бродяга онъ? Вишь и паспорта не знаетъ гдѣ сказать; можетъ, онъ по большой дорогѣ гдѣ гулялъ? Мы за тебя отвѣчать не станемъ! Все на тебя свалимъ! Все!

— Валите, какъ-нибудь перенесу, — сказала бабушка и, отвернувшись отъ толпы, направилась домой.

Домой пришла бабушка совсѣмъ неузнаваемая. Она, казалось, очень ослабла. Войдя въ избу, она легла на конникъ и долго лежала такъ. Мнѣ ее стало необыкновенно жалко, и я заплакалъ. Бабушка поглядѣла на меня.

— Что ты?—спросила она.

— За что они, дураки, ругались? Ихъ самихъ за это...

— Это я такъ насолила имъ, вотъ они и напали на меня. И слѣдуетъ, мнѣ ужъ пора умирать, а то я по старости лѣтъ ужъ разбирать не могу, какое дѣло хорошее, какое худое. Не думавши, міръ подъ бѣду подвела.

— Это не ты вѣдь, а дѣдушка Илья.

— А я дѣдушку Илью пріютила. Охъ, грѣхи, грѣхи! Правда, ужъ ничего не разберешь, лучше бы теперь умереть. Схо-

ди-ка ты за дѣдушкой Естифеемъ, надо намъ отцу съ матерью письмо написать—пусть пріѣзжаютъ домой.

Я сходилъ за дѣдушкой Естифеемъ, и мы написали письмо; я отнесъ его къ старостѣ, чтобы отправить его въ контору. Когда я былъ у двора старосты, къ нему прибѣжалъ сотскій, что провожалъ дѣдушку Илью. Онъ сказалъ, что при переправѣ черезъ рѣку Кузу у нихъ оборвался канатъ на паромѣ, и дѣдушка Илья спрыгнулъ съ порома и выскочилъ на берегъ, съ котораго они отправились, и убѣжалъ въ лѣсокъ, и пока они метались на паромѣ, да приставали къ берегу и прилаживали канатъ, его ужъ и взять было негдѣ. Теперь одна деревня ищетъ его тамъ облавой, а онъ пріѣхалъ сказать, что въ случаѣ если дѣдушка Илья появится у насъ въ деревнѣ, то чтобы немедленно его задержали и дали знать въ станъ.

Деревня всполошилась, кажется, больше, чѣмъ прежде. Стали говорить, что это дѣдушка самъ перерѣзалъ канатъ, что онъ очень отчаянный; кто-то сболтнулъ, что онъ былъ въ разбойникахъ и погубилъ много душъ. На деревню напалъ страхъ: а ну-ка онъ подкрадется, да пуститъ краснаго пѣтуха? Всѣхъ больше встревожился дѣдушка Григорій. Онъ настоялъ, чтобы по ночамъ былъ усиленъ караулъ да и днемъ не мѣшаетъ обходить почаще вокругъ дворовъ. Староста съ нимъ согласился и сталъ отряжать мужиковъ, которымъ слѣдовало занимать караулъ.

Я обо всемъ подробно разсказалъ бабушкѣ, и она, лежавшая, какъ пришла съ улицы, на конникѣ, выслушала это очень спокойно и ни словомъ не отозвалась на это. Видимо, она занята была другимъ. Она лежала, но не спала: глаза ея были открыты и взоры устремлены вдаль. Изрѣдка она шевелила губами. Пригнали скотину, нужно было доить корову. Бабушка поднялась было съ конника, но тотчасъ же привалилась къ стѣнѣ и оживленно заговорила:

— Что это изба-то какъ кружится? батюшки! батюшки!..

Она умолкла и вздохнула, потомъ слабымъ голосомъ проговорила:

— Степка, сходи къ теткѣ Station Маринѣ Большениной, попроси ее корову подоить, мнѣ что-то неможется...

И она опять легла на конникѣ.

XIX.

На другой день бабушка совсѣмъ не поднимала головы. Печку топила тетка Марина, и тетка Марина, не говоря бабушкѣ, послала одну дѣвчонку въ Левашево позвать къ бабушкѣ тетку Анну. Мое сердце ныло отъ какого-то тяжелаго предчувствія. Я сидѣлъ все время въ избѣ и былъ очень грустнымъ.

— Степка, ты бы на улицу пошелъ,—слабымъ голосомъ говорила мнѣ бабушка.

— Не хочется.

— Что жъ не хочется, тамъ повольготнѣй, здѣсь и мухи и жарко.

— Ну, что жъ?

— Да что ты такой невеселый?

Я припалъ къ бабушкѣ и высказалъ, что мнѣ жалко ее. Бабушка черезъ силу усмѣхнулась и сказала:

— Ахъ ты, глупый! Что жъ меня жалѣть? Да только бы меня Богъ прибралъ, я бы милость Его въ этомъ увидала. Что жъ мнѣ теперь жить? Человѣкъ я безсильный, слабый, только въ тяжесть другимъ. Пожила и довольно, пора костямъ на мѣсто.

— А какъ же я-то?

— Что же ты, живи да расти, да жить хорошенько старайся. Не забывай Бога, больше всего не забывай Бога. Ни на кого, кромѣ Его, не надѣйся, ничего больше, какъ отъ Него, не жди, и самому будетъ хорошо, и на другихъ легче глядѣть...

Вечеромъ пріѣхала тетка Анна; она вошла въ избу, тревожно озираясь, истово помолилась, поклонилась и проговорила:

— Здорово живете! Какъ васъ тутъ Богъ милуетъ?

Она проговорила эти слова спокойно; когда она попристальнѣй взглянула на бабушку и увидѣла ея лицо, то голосъ ея вздрогнулъ, она выступила изъ лица и прослезилась.

— Родимая моя матушка, печальница, желанница, что это ты только задумала-то?

— Ничего, ничего, — слабымъ голосомъ проговорила бабушка, пытаясь улыбнуться: — свалилась вотъ, размякла... видно къ концу... И слава Тебѣ Господи... слава Тебѣ...

— На кого ты только стала похожа-то?—ужъ въ голосъ вытягивала тетка Анна слова.

— Все на себя, на кого же? Чего ты разревѣлась-то? О, дура...

Тетка Анна перестала плакать; бабушка слабымъ голосомъ намекнула ей на все, что у насъ произошло, но добавила:

— Къ допросу, говорятъ, меня позовутъ? Каково мнѣ, старому человѣку, къ начальству въ городъ тащиться? Ну, Судья-то Небесный и взмиловался, ведетъ меня къ другому опросу. И это лучше мнѣ: я знаю тамъ, что сказать и какъ себя держать. А тутъ, у этихъ-то господъ, и словъ, пожалуй, не найдешь...

Бабушка какъ будто поразмялась, стала поживѣе; она поднялась и немного посидѣла, прислонясь къ стѣнѣ.

— Что у тебя больно-то?—спросила ее тетка Анна.

— Ничего особо не больно, а такъ ослабла, все будто во мнѣ оборвалось, и въ рукахъ и въ ногахъ нѣтъ мочи, да и только вотъ, и дышать трудно...

— Если за сестрицей послать?

— Ну, что жъ, пошли. И съ ней бы повидалась я... Вотъ московскихъ-то ужъ не дождусь.

— Авось Богъ милостивъ.

— Нѣтъ, не дожить—когда они письмо-то получатъ...

Утромъ пришла и тетка Надежда. Они перенесли бабушку подъ образа, зажгли лампадку и стали рѣзать холстину, готовить на саванъ ей. Послѣ полденъ пришелъ дядя Тимоѳей и проговорилъ:

— А насъ съ ней въ станъ тревожутъ... Какъ же намъ теперь быть?

— Нѣтъ, ужъ ей теперь видно не до стана,—сказали тетки въ одинъ голосъ.

Дядя Тимоѳей постоялъ, почесалъ затылокъ, поклонился бабушкѣ и вышелъ вонъ.

Бабушка часто забывалась, но не надолго; опять приходила въ себя и все говорила съ своими дочерьми.

— Хорошо лѣтомъ умирать-то,—сказала она:—могилу-то легко рыть.

Подъ образами она пролежала цѣлые сутки. Утромъ она забылась и больше не приходила уже въ сознаніе; къ полднямъ она отошла.

Она отошла очень спокойно. Не металась, не стонала, а только глубоко дышала и нѣсколько разъ широко раскрывала глаза какъ будто отъ изумленія. Дальше больше, дыханіе становилось рѣже и рѣже и прекратилось наконецъ совсѣмъ...

Тетки закрыли ей глаза, позвали смывальщицъ, положили ее на столъ, обступили ее съ обѣихъ сторонъ и стали плакать въ голосъ. Онѣ плакали горько и искренно. Въ избу къ намъ набился народъ. Всѣ вздыхали, проливали слезы, говорили объ обрядѣ, о домовинѣ, о могилкѣ, спрашивали, будутъ ли поминки. Я все это видѣлъ и слышалъ, и мнѣ казалось, что все это очень просто, такъ было надо. Мнѣ стыдно стало своего спокойствія, и я сталъ укорять себя за то, что я такъ равнодушно переношу ея кончину. Но я поспѣшилъ упрекнуть въ этомъ себя.

Мое горе пришло на другой день. Проснувшись утромъ, я прежде всего вспомнилъ, что у насъ случилось. И меня охватилъ такой ужасъ, какого я еще до сихъ поръ не испытывалъ. Стопудовою сталью давило мою грудь, я не могъ свободно дышать, я не хотѣлъ видѣть свѣтъ и не хотѣлъ жить безъ бабушки. Мнѣ хотѣлось, чтобы разверзлась земля и поглотила меня, или бы меня чѣмъ-нибудь расплющило. Но это было безумное, неосуществимое желаніе, и

мнѣ не оставалось дѣлать иначе, какъ рыдать. Я рыдалъ горько и громко; мнѣ хотѣлось какъ можно дальше разлить мое горе, какъ можно больше пространства захватить имъ.

Мнѣ чувствовалось, что угасъ первый огонекъ, который освѣщалъ путь моей жизни, встрѣтится ли еще такой лучъ въ будущемъ на житейской дорогѣ? Не придется ли мнѣ довольствоваться однимъ отблескомъ этого тихаго свѣта? И многое, многое приходило мнѣ въ голову и угнетало меня.

Послѣ похоронъ уже изъ Москвы прiѣхали отецъ и мать. Отецъ былъ неузнаваемъ: онъ былъ справный, раздобрѣлъ; мать говорила, что онъ теперь ничего не пьетъ, и говорилъ, что пить не будетъ, такъ какъ теперь онъ настоящую жизнь только узналъ. Оба они завыли, какъ узнали, что бабушка умерла. Тотчасъ же они поѣхали на могилку. Прiѣхавши съ могилки, они подробно разспрашивали меня о всей нашей жизни съ бабушкой. Я разсказывалъ, а отецъ говорилъ:

— Онъ виноватъ всему. Не сдѣлай онъ такой передряги, може она пожила бы еще, а то вотъ... Если бы онъ зашелъ къ намъ какъ-нибудь, я бы ему напенялъ...

Но дѣдушка Илья къ намъ не заходилъ. Онъ пропалъ, какъ въ тучку палъ.

Невѣста.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Проснувшись, Василій долго не могъ сообразить, — гдѣ онъ. Обстановка совсѣмъ необычная: нѣтъ занавѣски надъ кроватью и бѣленой штукатуреной стѣны, въ которую, обыкновенно, вотъ уже слишкомъ годъ, упирались его глаза каждое утро; да и время-то не утро, а кажется вечеръ.

Невдалекѣ надъ столомъ виситъ зажженная лампочка съ зонтомъ; у стола на скамейкѣ сидитъ пожилой мужикъ съ большой темнорусой бородой и цѣлой копной шершавыхъ волосъ на головѣ, онъ подплетаетъ старыя валенки и тихо поетъ пѣсню о погибнувшемъ мальчишкѣ въ чужой дальней сторонѣ. На лавкѣ, около судняго окна, пряла на самопрядкѣ худая, востроносая, сутоловатая баба и, уткнувшись въ гребень, машинально дергала кудель. „Да вѣдь это я дома! вдругъ сообразилъ Василій,—это наша изба, а вотъ мать и отецъ,—я пріѣхалъ по ихъ письму изъ Москвы жениться... Ну, ужъ и спалъ я послѣ дороги... всѣ чувствія растерялъ!.. Фу, ты, Господи!..“

Онъ поднялся съ конника, спустилъ ноги на полъ, и ему сдѣлалось такъ легко, пріятно, весело, что онъ, какъ ребенокъ, готовъ былъ прыгать, смѣяться, пѣть пѣсни. Опредѣленныхъ причинъ веселья у него не было, а было просто

легко, и онъ наслаждался этой легкостью. Посидѣвъ съ минуту на конникѣ, онъ провелъ рукой по лицу, сладко зѣвнулъ и потянулся. Мать, услыхавши въ его сторонѣ мычащіе звуки, остановила свою самопрядку, отецъ тоже оторвался отъ дѣла; оба они повернули къ нему головы, и мать спросила:

— Ну, что, выспался?

— Выспался здорово!—улыбаясь проговорилъ Василій.

Онъ всталъ съ конника и, пройдя къ переду избы, сѣлъ на лавку. Въ своемъ триковомъ пиджакѣ, новыхъ брюкахъ, остриженный бобрикомъ, здоровый, красивый, онъ казался далеко не подъ стать окружающей обстановкѣ. Мать залюбовалась имъ и съ минуту не могла оторвать отъ него глазъ. Въ ея взглядѣ сквозила гордость имъ, и она чувствовала себя очень счастливой. Василій догадался объ этомъ, и веселое состояніе его духа разгорѣлось.

Петръ въ это время собралъ свою работу, положилъ ее на полати, отставилъ къ столу скамейку и, обратившись къ бабѣ, шутливо проговорилъ:

— Ну, ты что же ротъ-то разинула, небось нужно самоваръ ставить!..

— Сейчасъ, сейчасъ! — спохватилась Авдотья и, бросившись къ печкѣ, загремѣла самоваромъ.

— А у васъ въ какое время тамъ чай-то пьютъ?—обратился Петръ къ сыну.

Василій сказалъ.

— А обѣдаютъ?

Василій разсказалъ подробно, когда и какъ у нихъ что дѣлаютъ въ складѣ готоваго платья, въ которомъ онъ жилъ за артельщика. Авдотья, ставившая самоваръ, старалась не проронить ни одного слова сына, и въ это же время она думала свою обычную, за эти дни, думу о невѣстѣ ему: гдѣ ее взять, какая она еще попадется, какъ они будутъ тогда жить.

Поставивши самоваръ, она стала собирать на столъ и на ходу проговорила:

— Нѣшто за крестной твоей сходить?

— Зачѣмъ?

— За чаемъ бы посовѣтовались, куда за невѣстой ѣхать, кого сватать?

— Успѣется еще!.. Надъ нами не каплетъ.

— Все-таки...

— Да погоди ты, будетъ юлить-то, дай однимъ-то съ нимъ досыта наговориться!—окрикнулъ ее мужикъ.

Баба замолчала. Петръ все слушалъ разсказъ Василія про Москву; потомъ онъ сталъ сообщать, какъ у нихъ шло дѣло за этотъ годъ. Самоваръ скипѣлъ; они перешли за столъ, усѣлись и стали пить чай. Петръ проговорилъ:

— Родилось хорошо, вотъ какъ хорошо, какъ нельзя лучше, только управляться двоимъ лѣтнюю пору трудно: надо бѣгомъ-бѣгать, а ужъ ноги-то притупились, а работницу наемную держать расчету нѣтъ.

Авдотья почувствовала, что ей теперь можно опять словечко ввернуть и проговорила:

— Человѣка приводить въ домъ надо, вотъ какъ надо,—какъ нельзя больше быть.

— И приведемъ, чего жъ не привести,—мы не обсѣвки въ полѣ!—сказалъ на это Василій.

— Да и пора, сынокъ,—что веревочки не вить, а кончику все быть. Изъ твоихъ ровесниковъ трое за этотъ годъ женились.

— Кто да кто?

— Иванъ Захаровъ, Ѳомка да Борисъ.

— А дѣвки замужъ выходили?

— Двѣ вышли: Марья Лихачева да Ѳенька Сидорова.

— А Бирюлькина Матрена?—спросилъ Василій и отчего-то перемѣнился въ лицѣ.

— Съ Бирюлькиной бѣда стряслась,—досадливо тряхнувъ головой, проговорила Авдотья.

— Какая бѣда?—настораживаясь, спросилъ Василій.

— Была одна, а теперь самъ-другъ стала,—ребеночекъ народился.

— Неужели правда? — спросилъ Василій и чуть не вскочилъ съ мѣста. Съ его лица окончательно сбѣжала краска, и глаза его выразили тревогу и удивленіе.

— Правда... Сколько страму-то было! Сама-то дѣвка всю весну и на глаза не показывалась; мать тоже людей дичилась; хотѣли къ брату въ Питеръ отправлять, да невѣстка не пустила, все равно, говоритъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь, всѣ узнаютъ, а ему безпокойство.

— И ребенокъ растетъ?

— Растетъ... Сперва-то думали въ воспиталь снести, а потомъ дѣвка уперлась: если его, говоритъ, отдадите, то и я уйду, что жъ мнѣ, говоритъ, дома-то теперь жить.

Василій накрылъ чашку, перешелъ опять на конникъ и сѣлъ тамъ. Видъ у него сразу перемѣнился: радость, охватившая его, исчезла; пропала бодрость и самоувѣренность. Лицо его блѣднѣло все больше и больше, глаза разгорались лихорадочнымъ блескомъ, ноздри широко раздувались. Петръ почесалъ въ головѣ и проговорилъ:

— Дѣвка достойная была, а себя оконфузила.

— Достойная на такое бъ дѣло не пошла: коли хороша была бъ, зачѣмъ ей въ гульбу ударяться?

— Стало-быть такъ подошло...

II.

Подобнаго извѣстія Василій никакъ не ожидалъ. Матрена была ровесница ему. Они росли вмѣстѣ и играли въ одной артели, но ни дружбы, ни близости между ними не было. Семья Бирюлькиныхъ была самая заурядная. Большакъ ея, братъ Матрены, былъ мастеровой, жившій постоянно въ Питерѣ; дома управлялись однѣ бабы. Старикъ у нихъ умеръ давно и домомъ командовала невѣстка. Она была бойкая, самолюбивая и крѣпко держала въ рукахъ свекровь и золовку; хотя сама любила наряжиться, но золовкѣ справляла только необходимое. Изъ себя Матрена была довольно миловидная, но ни нарядомъ, ни обхожденіемъ не выдѣля-

лась изъ другихъ. Ребята всѣ мало обращали на нее вниманія, тѣмъ болѣе Василій. Онъ думалъ о другого сорта дѣвкахъ, Матрену же совсѣмъ не замѣчалъ. И только одинъ случай обратилъ на нее его вниманіе, но въ этомъ случаѣ Матрена нанесла ему большую обиду.

Это было на одномъ весеннемъ гуляньѣ въ лѣсу, куда собиралась молодежь изъ разныхъ деревень. Матренѣ въ эту весну братъ прислалъ много наряду; она надѣла его на себя и совсѣмъ перемѣнилась. Она сразу выдѣлилась изъ всѣхъ сельскихъ дѣвушекъ. Василій, увидавъ ее наряженную въ шерстяное платье, шелковый платокъ, съ золочеными кольцами на пальцахъ, захотѣлъ вывести ее въ одной пѣснѣ въ хороводѣ. Но, подходя къ ней, онъ столкнулся съ другимъ парнемъ, сыномъ трактирщика изъ села на большой дорогѣ, тоже подошедшимъ къ дѣвушкѣ, и Матрена вышла къ тому.

Василія это такъ уязвило, что онъ сказалъ: „Ну, ладно, попомни же ты, я тебѣ этого не забуду“. И когда пошли съ гулянья и одинъ изъ ихъ компаніи заигралъ частушку, Василій покосился на Матрену и лихо пропѣлъ имъ самимъ только-что сложенный куплетъ:

„Хорошо тому гулять,
Кто нарядень и богатъ.
За нимъ дѣвки больше вьются,
А надъ нами-то смѣются“.

Матрена, услыхавъ это, сконфузилась; она поняла, что очень обидѣла парня, и, чтобы загладить вину, стала съ нимъ ласковѣй. Она ужъ сама выбирала его въ играхъ, ласково заводила съ нимъ разговоръ. Парень сдѣлалъ видъ, что это на него подѣйствовало, и онъ забылъ свою злость и перемѣнилъ съ нею обращеніе.

Въ концѣ весны, около навозницы, Василій пасъ по очереди ночныхъ и, кончивъ свой чередъ, возвращался домой.

Заходилъ дождикъ, готовый брызнуть каждую минуту. Василій поспѣшилъ, но онъ не прошелъ и половины дороги, какъ дождикъ закапалъ крупными каплями, потомъ ударилъ

сильнѣй. Василій свернулъ въ сторону подъ стоявшую у дороги елку. Подбѣгая къ ней, онъ замѣтилъ, что подъ елку съ другой стороны бѣжитъ другой человѣкъ. Это была Матрена съ обратью въ рукѣ, идущая за лошадью. Они столкнулись, весело поздоровались и встали рядомъ. Дождь расходился и пробивался сквозь сучья ели. У Василія былъ халатъ. Онъ накинулъ его на голову и, обратившись къ Матренѣ, проговорилъ:

— Хошь и тебя укрою?

— И такъ не замочитъ.

— Замочитъ, вишь какой расходится.

Онъ накинулъ на нее халатъ и очутился плечо съ плечомъ. Близость молодого, здороваго тѣла на раскачавшуюся безъ сна голову Василья подѣйствовала опьяняюще. Въ немъ поднялось еще неиспытанное имъ чувство, и онъ, накидывая на ея плечи халатъ, невольно обвилъ ее рукою и хотѣлъ притянуть къ себѣ. Матрена пугливо взглянула на него и проговорила:

— Отстань, что это ты!

— Что жъ такое, аль боишься—ребра изломаю? — криво усмѣхаясь, проговорилъ Василій.

— Такъ къ чему жъ ты руки-то тянешь, и не надо.

И она стала отстранять руки Василія.

— Ахъ ты, недотрога! вѣдь я тебя любя.

— Хороша любовь!

— А каку жъ тебѣ надо?

— Никакую!

— Не врешь, такъ правда?—и Василій притворно вздохнулъ. Матрена взглянула на него, и, увидавъ его напускную грусть, приняла ее за настоящую, и вдругъ ей стало жалко его, такого хорошаго, красиваго; сердце ея растаяло; она еще разъ взглянула на него и проговорила:

— Говорятъ, любовь, любовь, а что такое любовь, поди, и сами не знаютъ.

— Любовь-то?.. Стало-быть знаютъ, коли говорятъ.

— Какъ ее узнать-то?

— А вотъ какъ,—смѣясь сказалъ Василій:—я тебя поцѣлую, и если тебѣ захочется меня поцѣловать, то значитъ въ тебѣ ко мнѣ любовь.

— Ишь какой ловкій! — смѣясь сказала Матрена и стала отбиваться отъ Василія. Онъ все-таки обнялъ ее, и они такъ простояли, пока шелъ дождь, а когда прошелъ дождь, они разошлись; при прощаньи Василій подумалъ: „Ну, теперь ты отъ меня не вырвешься".

Съ этихъ поръ Василій сталъ играть съ Матреной въ дружбу. При встрѣчѣ онъ непремѣнно перекидывался съ нею шутками; при игрѣ въ горѣлки становился съ ней рядомъ; чаще другихъ выбиралъ ее въ хороводы и въ другихъ играхъ; и она ужъ никогда больше не запиналась; такъ продолжалось все лѣто.

Передъ осенью, во время уборки хлѣба, молодежи меньше было возможности гулять. Столкнулись всѣ только тогда, когда всѣ поля были покончены и по деревнямъ пошли свадьбы. Въ Демидовѣ было рукобитье. Дѣвки величали гостей и хорошо навеличали. Дѣлить деньги они зашли въ одну избу; къ нимъ примкнули ребята; пошли шутки, игра. Женихъ, выкупая невѣсту, далъ двѣ бутылки вина. Ребята подбили дѣвокъ распить это вино. Послѣ выпивки веселье разгорѣлось во всю.

Матрена тоже не отставала отъ другихъ. Василій слѣдилъ за ней горящими глазами, и когда она выскочила въ сѣни, онъ побѣжалъ вслѣдъ за нею и облапилъ ее.

— Что ты, лѣшій!—тихо смѣясь сказала Матрена и попробовала отъ него вырваться.

— Нѣтъ врешь, не уйдешь...

— Отстань, медвѣдь!..

— Не отстану...

— Да что ты, правда!..—испуганно прошептала Матрена.

— Матреша, милая...—не помня себя, бормоталъ Василій и безотрывно цѣловалъ ее и въ щеки, и въ губы, и въ глаза...

Матрена не выстояла, и Василій добился того, чего добивался.

Въ сѣни выскочили дѣвки. Наткнувшись на Матрену, онѣ

затормошили ее и стали звать на улицу. Матрена ушла. Василій, выждавъ время, тоже выбрался изъ сѣней.

Теперь онъ почувствовалъ, что зашелъ очень далеко, и боялся, какъ бы изъ этого чего не вышло. Онъ рѣшилъ пока сдержать себя и отдаляться отъ Матрены. Проходя мимо двора Бирюлькиныхъ, онъ замѣтилъ, что у угла что-то чернѣется, и тотчасъ же послышался вопросъ:

— Кто это?

Василій рѣшилъ не открывать себя и измѣненнымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Человѣкъ!..

Прибавивъ шагу, онъ скрылся въ ночной темнотѣ.

Поздней осенью, одинъ изъ товарищей Василія, жившій въ Москвѣ и приходившій домой къ призыву, наговорилъ про Москву три короба разныхъ диковинокъ, и Василія потянуло пожить туда. Товарища отдали въ солдаты, и онъ обѣщалъ поставить Василія въ Москвѣ на свое мѣсто. Василій посовѣтовался со стариками, выправилъ паспортъ и поѣхалъ въ Москву.

Его взяли вмѣсто товарища. Новая жизнь, работа, необходимость привыкать къ городскимъ условіямъ затянули его такъ, что онъ не видалъ тамъ, какъ шло время. Когда все это обошлось, и онъ сталъ изрѣдка вспоминать деревню, въ этихъ вспоминаніяхъ бывала и Матрена, но у него не было къ ней никакой теплоты, а онъ чувствовалъ одно, какъ онъ ловко провелъ ее. И разговаривая съ новыми товарищами, откровенно разсказывавшими другъ другу свои амурныя похожденія, онъ скоро привыкъ думать, что въ поступкѣ съ Матреной онъ ничего не сдѣлалъ такого, и началъ даже въ свою очередь хвастаться тѣмъ, какъ онъ въ деревнѣ обошелъ одну дѣвку. Потомъ ему это надоѣло. Онъ зналъ, что въ скоромъ времени старики потребуютъ его домой жениться, и онъ забылъ о Матренѣ, а чаще думалъ о предстоявшей ему женитьбѣ. Невѣсту представлялъ онъ себѣ непохожую ни на одну изъ ихъ сельскихъ дѣвушекъ, а почему-то непремѣнно съ бархатными глазами, тихимъ голосомъ, совсѣмъ

незнавшую его и не ожидавшую, что онъ можетъ дать ей какое-нибудь счастіе. Она горько плачетъ на рукобитьи. Онъ нѣжно ее утѣшаетъ; начинаетъ открывать передъ ней свою любовь, способности, превосходство. Она быстро къ нему привязывается, любитъ. При слѣдующемъ пріѣздѣ его, вмѣсто слезъ, въ ея глазахъ свѣтится радость; въ свадьбу ужъ она плачетъ только по обычаю. Послѣ свадьбы она считаетъ себя самой счастливой во всемъ свѣтѣ. Они живутъ нѣсколько времени; онъ уѣзжаетъ въ Москву; она ужъ теперь плачетъ, разлучаясь съ нимъ; черезъ нѣсколько времени онъ выписываетъ ее въ Москву, знакомитъ со всѣмъ, что самъ узналъ. Она любитъ его еще больше и считаетъ себя несказанно счастливою. Конечно, счастливъ и онъ...

Извѣстіе, сообщенное матерью, разрушило все это представленіе: теперь ничего этого не можетъ быть. Мать ему не намекнула, но навѣрное ужъ Матрена сказала, кто всему причиной, и про него теперь идетъ дурная молва. Какой теперь хорошій родитель отдастъ за него свою дочь? Да развѣ Матрена не можетъ потребовать, чтобы онъ женился на ней, а то будетъ просить, чтобы на ребенка ей платилъ. Василію представлялась возможность того и другого. А если эти требованія не уважить, то она къ вѣнцу придетъ въ церковь и сдѣлаетъ скандалъ и имѣетъ на это полное право.

Вечеръ прошелъ. Давно улеглись спать. Въ избѣ стояла густая темнота. Окна туманными пятнами вырисовывались на черномъ фонѣ этой темноты. Около печки шуршали тараканы. Отецъ съ матерью, расположившіеся на полу, долго шептались между собою и не засыпали, наконецъ они уснули, а Василій все не могъ закрыть глазъ. Ему было очень тоскливо; сердце его стучало то громко, то слабѣй; мысли, вертящіяся около одного и того же, все не улегались и не хотѣли улечься. Жениться на Матренѣ казалось Василью очень сѣро, буднично и неловко. Тогда свадьба не принесетъ никакого веселья, никакой радости, а старики-то какъ огорчатся... Послѣ пѣтуховъ онъ наконецъ заснулъ. Спалъ онъ долго, но его все время тревожили безпокойные сны, поэтому сонъ его вышелъ неободряющимъ.

III.

Проснулся Василій съ тяжестью въ головѣ, угрюмый, чуть не хворый. Мать его напекла къ чаю горячихъ лепешекъ и усердно потчевала его. Василію не хотѣлось ни ѣсть, ни пить. Авдотья встревожилась и заботливо спросила:

— Ты что же это, аль не выспался?

— Должно не выспался,—проговорилъ Василій и вылѣзъ изъ-за стола.

Ему все утро хотѣлось спросить: объявила ль Матрена, кто отецъ ея ребенка, но спрашивать отца съ матерью было неловко. А ну, какъ это имъ извѣстно? Эта неизвѣстность томила его, и ему хотѣлось ее скорѣй разрѣшить. Онъ рѣшилъ выйти на улицу и пройти по селу. Напустивъ на себя беззаботный видъ, онъ одѣлся и вышелъ изъ избы. Остановился онъ у угла избы, ослѣпленный бѣлизною снѣга, блестѣвшаго на солнечныхъ лучахъ милліонами алмазныхъ искръ. Блескъ ихъ рѣзалъ ему глаза до боли въ мозгахъ, и онъ невольно прищурилъ ихъ и не видалъ, что дѣлается впереди. Когда глаза его немного попривыкли, то онъ первымъ дѣломъ увидалъ, какъ по дорогѣ шелъ небольшой коренастый старикъ въ полушубкѣ и рукавицахъ. Онъ шелъ, помахивая руками, развалистой походкой. Поровнявшись съ дворомъ Копыловыхъ, онъ остановился, снялъ шапку и крикнулъ Василію:

— Наше почтеніе! Съ пріѣздомъ!..

— Здорово, дядя Захаръ!..

— Что же, иди товарища-то навѣщать; давно не видались...

У Захара былъ сынъ, ровесникъ Василію, къ нему-то и звалъ мужикъ.

— Спасибо. Онъ дома?

— Дома, портняжитъ,—молодуху его поглядишь.

„Пойти нешто“,—подумалъ Василій и тотчасъ же рѣшилъ,— „пойду“. Онъ думалъ, что тамъ получитъ въ большой подробности деревенскія новости, а главное, узнаетъ, что ему такъ хотѣлось узнать. Онъ тронулся съ мѣста, поровнялся

съ Захаромъ и, поздоровавшись за руку, они пошли вмѣстѣ по дорогѣ. Войдя съ Захаромъ въ калитку и избу, онъ сталъ здороваться съ другими членами ихъ семьи.

Въ избѣ изъ семьи находились четыре человѣка. Высокая худощавая старуха съ понурымъ видомъ и втянутыми внутрь щеками и толстыми губами. Она сидѣла у сундука и починяла рубаху старика. Около окна пряла молодуха, жена Ивана, грудастая, низенькая, про какихъ говорятъ — „макарьевскаго пригона". Иванъ съ бронзовымъ лицомъ, черными глазами и длиннымъ носомъ и жилеткой нараспашку, помѣщался за столомъ и собиралъ какую-то одежину.

— Глядите-ка! какого я вамъ гостя-то привелъ,—сказалъ Захаръ, впуская въ избу Василія и околачивая около порога ноги.

Василій стукнулъ сапогъ о сапогъ и поздоровался со всѣми.

— Просимъ милости, господинъ москвичъ!—съ улыбкой проговорилъ Иванъ.—Какъ живешь-можешь?

— Какъ видишь,—проговорилъ Василій, пожимая руку Ивану.

— Да по виду-то ничего, мурлайка-то стала потолще; небось и ворота у рубахъ мѣнять приходится...

— Купецъ, одно слово!..—воскликнулъ Захаръ, стаскивая съ себя одежину.

Бабы съ любопытствомъ глядѣли на Василія, при чемъ молодуха не утерпѣла, чтобы не перевести послѣ взгляда на Ивана и, взглянувъ на него, отчего-то вздохнула. Иванъ спросилъ, какъ Василій устроился въ Москвѣ и надолго ли пріѣхалъ. Василій отвѣтилъ и въ свою очередь спросилъ, что въ деревнѣ новенькаго.

— О, о!—воскликнулъ шутливо Иванъ.—У насъ новости изо всей волости,—дѣвки родить начали!

— Ну, что жъ,—съ дѣланной улыбкой и преодолѣвая смущеніе, проговорилъ Василій,—больше народу въ селѣ будетъ.

— Что вѣрно, то вѣрно!—согласился Захаръ.—Кому что, а царю-батюшкѣ все прибыль.

— Да какая дѣвка-то, смиренница, тихоня, другая какая отчаянная.

— Она потихоньку и сдѣлала, никто не зналъ.

— Какъ же ребенка-то записали?—спросилъ Василій.

— По отцу крестному. Да какой мальчикъ-то, говорятъ, картина. Все добирались, кто отецъ, и невѣстка и мать допытывались, не говоритъ, да и только.

— Може и говорить-то нечего, никакого отца у него нѣтъ; всему причина вѣтеръ: вышла въ поле неосторожно, ей и хлестнуло.

Раздался смѣхъ, не смѣялся только Василій. Онъ радостно покраснѣлъ, когда узналъ, что никто не подозрѣваетъ, кто былъ соблазнителемъ Матрены. Сердце его размякло; грудь наполнилась теплотой, что-то располагающее къ Матренѣ первый разъ появилось въ немъ, и онъ подумалъ о ней одобрительно.

— Чудныя дѣла творятся,—сказала старуха:—гдѣ не надо, тамъ родятся, а гдѣ надо, тамъ ихъ нѣтъ. Вонъ Ѳедоръ Платоновъ намедни пить началъ. Что, говоритъ, ни живу, а все никакого толку: была бы у меня плодущая жена, на ребятъ бы порадовался.

— Дѣти извѣстно благодать, — снова усмѣхнулся старикъ; — старъ будешь и по шеѣ погладятъ, а безъ дѣтей кому жъ?

Въ избѣ топилась желѣзная печка, нужная Ивану для разогрѣванья утюга. Удушливая жара томила всѣхъ, и Василій почувствовалъ, какъ у него застучало въ вискахъ. Боясь угорѣть, онъ рѣшилъ уйти отъ Захаровыхъ и поднялся съ мѣста.

— Хорошо у васъ сидѣть, а уходить все надо, очень у васъ жарко.

— Паръ костей не ломитъ.

— Все-таки...

— Съ жары меньше валяются, чѣмъ съ мороза.

Василій засмѣялся и вышелъ вонъ изъ избы.

IV.

Василій пошелъ по селу, дошелъ до конца и поворотилъ назадъ. Ему ужъ было много легче. Онъ радовался, что про его поступокъ съ Матреной никто не знаетъ; стало-быть, всѣ вчерашніе страхи и опасенія были напрасны. Онъ радостно сказалъ себѣ: „Слава Богу!“ и Матрена показалась ему очень хорошей дѣвкой. Она вѣдь никакая-нибудь, тихая, скромная; мать у ней тоже баба хорошая. Маленько бѣдность ихъ пришибла да вотъ этотъ случай.

Вспомнивъ „этотъ случай“, Василій представилъ и послѣдствія его. Теперь ужъ ее едва ли кто возьметъ замужъ изъ хорошихъ парней. Возьметъ какой-нибудь вдовецъ на дѣтей. Впряжется она прямо въ рабочій хомутъ, будетъ сносить попреки, не будетъ у ней никакой радости въ замужествѣ, а изъ-за чего?..

Василію тотчасъ же сказало внутри, что это изъ-за него. Онъ весь похолодѣлъ, и ему стало опять такъ тошно, какъ было давеча утромъ.

„Фу, ты, Господи!“ вздохнулъ онъ и, нахлобучивъ шапку и стиснувъ зубы, чуть не бѣгомъ побѣжалъ къ своему двору.

Петръ убиралъ на дворѣ скотину. Мать убѣжала въ одинъ сосѣдскій дворъ разсказать, какимъ молодцомъ вернулся Василій.

Василій былъ этимъ очень доволенъ. Онъ забился въ уголъ и рѣшилъ просидѣть въ немъ до вечера.

Вечеромъ онъ хотѣлъ какъ-нибудь повидать Матрену, чтобы поглядѣть, что съ ней теперь стало, какая она есть. Когда совсѣмъ смерклось, онъ одѣлся, вышелъ опять на улицу и опять пошелъ по селу.

На селѣ было совсѣмъ пустынно. Не было видно ни одной души, хотя во всѣхъ избахъ свѣтились огни и на улицу тянулись длинные желтые холсты свѣта изъ оконъ, проникавшіе темноту.

Дойдя снова до конца села и возвратившись назадъ, онъ

остановился противъ притягивавшаго его двора. Въ избѣ Бирюлькиныхъ горѣли два свѣта: одинъ въ большой половинѣ, другой въ чуланѣ. Василій догадывался, что въ чуланѣ помѣщается Матрена, и ему страстно захотѣлось заглянуть къ ней въ окно.

Онъ оглянулся кругомъ. На улицѣ была тишина: никто не скрипнулъ, ни звякнулъ; но Василій все-таки не рѣшался пойти прямо. Онъ опять дошелъ до конца села, повернулся. Поровнявшись снова съ дворомъ Бирюлькиныхъ и стараясь легче ступать, чтобы не скрипѣть ногами, направился къ ихъ двору.

Приближаясь къ окнамъ, онъ все скрадывалъ и скрадывалъ шаги. Вотъ онъ подошелъ къ избѣ, пробрался къ окну чулана и взглянулъ въ окно. Онъ затаилъ дыханіе и сталъ глядѣть черезъ окно.

Въ чуланѣ висѣла люлька. На стѣнѣ лѣпилась небольшая лампочка и освѣщала его. Подъ лампочкой, прислонившись къ перегородкѣ и держа на рукахъ ребенка, сидѣла Матрена. Она кормила его грудью. Ребенокъ сосалъ, закрывши глаза, ровно и спокойно; Матрена глядѣла на него. Это была уже не та миловидная, робкая дѣвушка; на лицѣ ея была остарковатость, худоба и блѣдность, и только во взглядѣ ея выражались нѣжность и грусть, совершенно преображавшія ее и дѣлавшія ее непохожею на прежнюю Матрену, но заставляли забывать такъ ясно сквозящую блеклость. Видъ ея такъ подѣйствовалъ на Василія, что его прежнія мечты показались ему такими ребяческими, что ему стало за нихъ стыдно. Онъ долго стоялъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и мысли у него были не ясныя, безпорядочныя. „Полечу я за синицей, упущу я утицу,—съ глубокимъ вздохомъ подумалъ онъ.—Некуда мнѣ ни ходить, ни ѣздить. Вотъ гдѣ моя судьба и въ этомъ мое счастіе. Безъ этого же не дастъ мнѣ Богъ счастія ни съ кѣмъ“, рѣшительно сказалъ Василій самъ себѣ. Онъ какъ-то вдругъ проникся страстнымъ, неудержимымъ желаніемъ быть около нея, пѣстовать вмѣстѣ съ нею ребенка и знать, что они нераз-

рывно связаны съ нимъ. Кому же больше его можетъ быть до нихъ дѣла? Кому же они могутъ быть ближе и дороже, какъ не ему? И какъ онъ только могъ забить голову незнамо чѣмъ, искать счастія незнамо гдѣ, когда счастіе-то вотъ оно, здѣсь. А она, за что же ей будетъ мучиться безъ него? Какъ же это онъ раньше объ этомъ не подумалъ? Господи, какое бы онъ нехорошее дѣло сдѣлалъ!..

Василій размякъ и почувствовалъ, какъ къ его горлу подступило что-то, мѣшавшее ему ровно дышать, а глаза защипало отъ приступившихъ къ нимъ слезъ.

Онъ отошелъ отъ окна, тихо вышелъ на дорогу, твердо и рѣшительно направился къ своему двору, съ удивленіемъ думая, отчего же такое рѣшеніе не приходило никогда раньше ему въ голову.

Старики, по вчерашнему, занимались всякъ своимъ дѣломъ и разговаривали о предстоящей свадьбѣ. Мать догадалась, что парень ихъ чѣмъ-то взволнованъ, и уставила на него пытливый взглядъ. Василій раздѣлся; потирая руки, подошелъ къ передней лавкѣ и, усаживаясь на нее, проговорилъ:

— Ну, батюшка съ матушкой, надумалъ я, гдѣ намъ невѣсту брать; нечего терять времени, надо заводить дѣло.

Отецъ съ матерью взглянули на сына съ удивленіемъ; мать первая нашлась:

— Куда же ты намѣтилъ, мой родимый?

— Да далеко не поѣдемъ; сходи ты, матушка, къ Бирюлькинымъ да посватай за меня Матрену.

Старуха поблѣднѣла, вытаращила на сына глаза и упавшимъ голосомъ воскликнула:

— Да ты съ ума сошелъ, дитятко!

— Отчего такъ?

— Неужто мы до того дожили, чтобы намъ дѣвку родуху брать, да еще съ ребенкомъ? Это ужъ лучше вдову какую-нибудь, про ту будешь знать, что была мужняя жена.

Старуху поддержалъ старикъ. Они оба стали разъяснять сыну, на сколько неподходяща имъ эта невѣста. Василій молча

слушалъ ихъ, и когда они перечислили всѣ свои доводы, онъ проговорилъ:

— Батюшка съ матушкой, ежели вы хотите, чтобы я вамъ хорошій сынъ былъ, если вы желаете моего почтенія къ вамъ, сватайте эту дѣвку, она мнѣ люба! Знаю я ее съ дѣтской поры: у нихъ вся семья хорошая, вы сами это знаете, а если съ ней и вышла оплошка, то она вышла по моей причинѣ.

Старики прикусили языки и сидѣли подавленные этимъ открытіемъ. Но и послѣднее обстоятельство не склонило ихъ на то, чтобы они скорѣй перешли на желаніе сына. Старуха и думать не хотѣла, чтобы итти въ этотъ вечеръ къ Бирюлькинымъ.

— А больше я никуда не желаю и ѣхать никуда не хочу.

— Эхъ! сынокъ, сынокъ, не ждала я отъ тебя этого!..— со слезами въ голосѣ проговорила старуха.—Какъ намъ будетъ въ глаза-то людямъ глядѣть?..

— Матушка, я не для людей этого хочу, я—для себя!

— Плохо, для кого хошь—плохо.

— Нѣтъ, матушка, хорошо!..

V.

Вечеръ прошелъ невесело. Никто ужъ больше ни съ кѣмъ не говорилъ, точно всѣ сердились другъ на друга. Когда легли спать, то старики опять зашептались. На этотъ разъ Василій заснулъ впередъ ихъ.

Проснулся онъ бодрымъ. Его состояніе много разнилось отъ вчерашняго, и онъ, вспомнивъ это, легко вздохнулъ. „Славно!"—сказалъ онъ самъ себѣ и рѣшилъ, что сегодня же нужно со всѣмъ этимъ покончить.

Сегодня его уже ничто не заботило, не грызло. Онъ помогъ отцу сходить въ сарай, привезти воды, и, когда мать управилась съ печкой, Василій сказалъ:

— Что же, матушка, ты что ль дойдешь къ Бирюлькинымъ, аль мнѣ самому сходить?

— Ладно, схожу я! Что имъ говорить-то?—сквозь зубы сказала старуха.

— Скажи, что я хочу за себя Матрену взять. Коли они согласны на это, пусть къ благословенію готовятся.

Старуха ходила съ часъ и, вернувшись, сказала, что согласны.

Стали готовиться къ рукобитію. Въ сумерки къ Копыловымъ собрались родные, крестные Василья и еще кое-кто; они направились къ Бирюлькинымъ.

У Бирюлькиныхъ тоже собралась родня. Они съ почетомъ встрѣтили сватовъ; усадивши ихъ на мѣсто, они для прилику спросили, что они за люди и зачѣмъ пришли къ нимъ. Сваты объяснили. Порѣшили, что прежде всѣхъ разговоровъ нужно жениху и невѣстѣ потолковать. Василій направился въ чуланъ.

Матрена принарядилась и выглядывала очень милой. Когда Василій вошелъ къ ней, она встрѣтила его пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ.

— Здравствуй! — сказалъ Василій тихо, ласково и протянулъ ей руку.—Не сердишься, что мы васъ потревожили это?

— На что сердиться!..—также тихо отвѣтила Матрена, не сводя съ него глазъ.

По лицу ея играли краски, а глаза заволакивало радостными, благодарными слезами. Василій держалъ ее за руку, притянувъ другою дѣвушку къ себѣ; но вдругъ она вырвала свою руку изъ его, обвила его шею руками и, припавши къ груди головой, тихо и беззвучно зарыдала.

Василій тоже прослезился и, поглаживая ее по спинѣ, ласково проговорилъ:

— Что ты, дурочка, по рукамъ еще не ударили, а ты въ слезы!..

— Это я отъ радости...—пролепетала Матрена.

Василій мелькомъ взглянулъ въ люльку на корячившагося тамъ здоровенькаго бутуза и съ сильно-бьющимся сердцемъ вышелъ изъ чулана.

Начались уговоры. Кончивши уговоры, помолились Богу и ударили по рукамъ. Послѣ этого всѣ усѣлись за столъ, и началось угощенье.

Угощенье шло до пѣтуховъ. Гости радовались предстоящей свадьбѣ, Бирюлькины—неожиданному счастію невѣсты, женихъ съ невѣстой—своему будущему, а сельчане—тому, что есть надъ чѣмъ почесать языки. Чесанье языковъ началось съ перваго вечера и продолжалось до конца свадьбы. Послѣ свадьбы всѣ пересуды кончились, и все пошло, какъ ни въ чемъ не бывало.

Бабы.

ПОВѢСТЬ.

I.

Въ понедѣльникъ на Ѳоминой рано утромъ, когда въ Хохловѣ еще не во всякомъ дворѣ проснулись, Власъ Мигушкинъ вышелъ изъ своей избы. Это былъ мужикъ лѣтъ 30-ти, средняго роста, прямой и крѣпкій, съ свѣтлорусой бородой и чистымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Помолившись на четыре стороны, онъ неспѣша надѣлъ на голову картузъ и пошелъ отъ своего двора внизъ по селу, къ рѣчкѣ, отдѣляющей ихъ владѣнія отъ надѣловъ другихъ деревень. Въ одной рукѣ его было желѣзное ведро, и онъ, слегка погромыхивая имъ и помахивая другой рукой, спускался подъ гору, не оглядываясь, ни направо ни налѣво.

Было настолько рано, что на улицѣ стояла полная тишина, только на одномъ дворѣ слышалось мычанье коровъ, просившихъ корма, да въ крайнихъ окнахъ нѣкоторыхъ избъ виднѣлись огоньки затопляющихся печей. Изъ людей на улицѣ не было никого, но Власъ ни на что не обращалъ вниманія не потому,—онъ былъ очень озабоченъ, и эта забота охватывала все его существо. Съ Пасхой кончилась гулевая пора, нужно было покидать зимній уголъ избы и выходить на волю, — ко двору, на усадьбу, въ поле. Дѣло это было очень обыкновенное, если бы у него въ семьѣ не произошло перемѣны. Онъ взялъ бы, какъ прежде, свою

Ирнью и пошелъ съ ней, куда бы повели дѣла. Но прошлой осенью у нихъ умерла мать, которая, бывало, оставалась дома, копалась у печки и „пѣстала“ ихъ ребятишекъ, и Иринѣ приходилось ее замѣнять. На мѣсто же Ирины поступалъ новый человѣкъ: они наняли работницу. Это случилось первый разъ во всей ихъ жизни, и эта-то новость озабочивала Власа, какъ нельзя болѣе.

Заботу Власа раздѣляла и его Иринья. Оба они не мало поволновались, прежде чѣмъ нанимать кого-нибудь. Они соображали, кого лучше взять: старуху, дѣвочку или заправскую „батрачку“. Заправская пугала тѣмъ, что при плохомъ урожаѣ она могла притти въ накладъ. У Мигушкиныхъ всѣ доходы были только отъ полей. Правда, они работали старательно; Власъ вина почти не пилъ, при томъ въ Хохловѣ было много земли. Ихъ бывшій помѣщикъ, умирая, отказалъ имъ на общество, кромѣ надѣла, 300 десятинъ. Что получалось отъ этой земли, многіе на себя не потребляли и пятой части, но все-таки... Просудивши весь постъ, Мигушкины рѣшили нанять заправскую, съ которой все бы можно было спросить, и они наняли одну бабу-солдатку изъ деревни другого прихода.

Большакомъ въ домѣ считался Власъ, но нанимать работницу ходила Иринья. Власъ какъ-то не умѣлъ обходиться съ бабами. Онъ росъ одинъ сынъ у отца съ матерью, не видалъ вокругъ себя ни невѣстокъ ни сестеръ. Еще будучи холостымъ, онъ водился только съ сосѣдскими ребятами и къ дѣвкамъ испытывалъ врожденную робость. Когда его собирались женить, то Власъ испытывалъ такія муки, точно шелъ на пытку. Для него страшно трудно было вести разговоры съ невѣстой въ рукобитье, съ гостинцами и въ самую свадьбу, и когда онъ собирался ѣхать туда, то чуть не плакалъ. Когда же кончилась свадьба, онъ понемногу привыкъ къ своей женѣ, привязался довольно крѣпко и помимо ея ни на какую бабу глядѣть не хотѣлъ. Съ другими бабами онъ не умѣлъ какъ слѣдуетъ говорить и плохо понималъ. Мысль, что должна прожить у нихъ въ домѣ цѣлое

лѣто другая баба, даже пугала его, и онъ не зналъ, какъ ему помириться съ ней.

Работница должна была притти сегодня, и сегодняшнюю ночь Власъ даже плохо спалъ... Обдумывая, какъ они съ женой ее встрѣтятъ, какъ будутъ обходиться, Власъ прошелъ село и очутился за околицей. Рѣка была недалеко и надъ ней густымъ паромъ поднималась обильная роса. Вода, еще мутноватая отъ распускавшейся земли, наполняла всю рѣчку и, струясь мелкой рябью, образовала на середкѣ струю, какъ дѣвичью косу. На поворотѣ было замѣтно, какъ быстро вода стремилась внизъ. Откуда-то доносилось глухое журчанье ея. Росшій на другомъ берегу смѣшанный лѣсокъ стоялъ точно облитый отъ росы; въ немъ кое-гдѣ бѣлѣлъ снѣгъ, и роса отъ него шла еще гуще. Власъ подошелъ къ рѣчкѣ, размахнулъ воду и, почерпнувъ ведро, вытянулъ его и тотчасъ же зашагалъ обратно. Когда онъ пришелъ въ избу, Иринья, высокая, худощавая, немного сутуловатая, съ начинающимъ морщиться, но все еще миловиднымъ лицомъ, хлопотала около печки. Она тоже, какъ и Власъ, казалась озабоченною. Принявши отъ мужа воду, она проговорила:

— Сейчасъ, что ли, самоваръ-то ставить или подождать?

— Ставь сейчасъ, небось и она скоро подойдетъ.

Дѣйствительно, только поспѣлъ самоваръ и Власъ поставилъ его на столъ, какъ въ избу вошла работница. Она была высокая, плотная, съ окутанной дешевой, линючей шалью головой, въ поношенной карусетовой кофтѣ и новой домотканной полубумажной юбкѣ, которая еще совсѣмъ не обносилась и сбѣгала къ подолу прямушкой, неохотно сгибаясь на складкахъ. На ногахъ ея были большіе нескладные сапоги; изъ-подъ платка свѣтились темные глаза. Войдя въ избу, работница помолилась, поклонилась хозяевамъ и спросила:

— Здѣсь мои хозяева-то живутъ?

— Здѣсь, здѣсь!—высовывая изъ-за угла печки лицо и ласково улыбаясь, проговорила Иринья.—Ишь, ты какъ по-

заботилась, какъ разъ къ чаю; вотъ и славно... раздѣвайся-ка.

— Позаботишься...—сказала работница пріятнымъ груднымъ голосомъ. — Нанялся человѣкъ—продался; надо дѣла дѣлать.

Она оглянула избу, отыскивая мѣсто, куда бы ей положить свой узелъ и сунула его на полати. Потомъ она сняла платокъ и кофточку и тоже убрала ихъ. Власъ и только что проснувшіеся и забравшіеся за столъ ребятишки, восьмилѣтній Мишутка, здоровый, красивый, похожій лицомъ на отца, и Дунька, черненькая егоза, четырехъ лѣтъ, глядѣли на нее во всѣ глаза. По лицу ей можно было дать лѣтъ 25. Оно было довольно правильное и налитое, какъ яблоко. Красныя, безъ морщинъ губы, дрожащія тонкія ноздри. На низкомъ гладкомъ лбу красиво поднимались черныя брови. Изъ-подъ ситцевой прямой накидки обрисовывалась высокая грудь, но Власу она не понравилась. „Больно мѣшковата,—подумалъ онъ:—вѣрно неповоротень". Однако онъ постарался быть съ ней поласковѣй и проговорилъ:

— Ну, какъ звать-то тебя?

— Сидора.

— Эко имячко-то!—невольно усмѣхнулся Власъ.

— Какое попъ далъ.

— Ну, Сидора, не ходи близко забора, садись за столъ,—пошутилъ Власъ.

Сидора усмѣхнулась какъ-то однимъ бокомъ и проговорила:

— Нанималась работать, а какъ пришла, такъ прямо за столъ, словно бы это не дѣло.

— Ну, и работы дадимъ, небось у насъ узнаешь Кузькину мать...—погрозилъ Власъ.

— Я работы не боюсь, — совсѣмъ просто, безъ всякой хвастливости проговорила Сидора и сѣла за столъ.

— Да безъ череду и не заставимъ, — какъ бы желая ее успокоить, тоже подсаживаясь къ столу, проговорила Иринья. — Что люди, то и ты; во всякій слѣдъ бѣгать не

придется. Лошадей въ стадо свесть у насъ есть вонъ малый; попить въ поле онъ тоже принесетъ; коровъ я сама дою и дома и на полдняхъ.

— На полдни-то и я схожу,—сказала Сидора, наливая въ блюдечко чай.

— Нѣтъ, зачѣмъ же! Нѣшто что не поздоровится, сохрани Богъ, а то у меня ногъ, что ль, нѣтъ; я вѣдь не старуха, мнѣ всего тридцатый годъ. А тебѣ какой?

— Мнѣ двадцать девятый.

Власъ и Иринья въ одно время взглянули въ лицо работницы: ихъ удивило то, что Сидорѣ 29-й годъ, по виду ей было съ чѣмъ-нибудь за дцадцать. Иринья сравнила ее съ собой и невольно вздохнула: она позавидовала ея здоровью и свѣжести.

— Сколько жъ ты годовъ замужемъ?—спросила она.

— Пятый годъ.

— Мужъ-то, стало-быть, моложе тебя?

— На четыре года моложе.

— Онъ ничего, что ты вотъ старше-то?

— А что жъ ему?

— Ты еще не рожала?

— Ни разу.

Иринья вздохнула опять.

— А мы-то съ первыхъ годовъ начали, вотъ отъ того-то скоро и состарѣлись.

— Ну, ты, старуха! — пошутилъ Власъ и опять перевелъ глаза на работницу.

Онъ слѣдилъ, какъ она принимается за чай, кусаетъ сахаръ. Хотя она и сразу налила себѣ чашку, но пила его безъ видимаго удовольствія. „А можетъ, она ѣсть хочетъ“, мелькнуло вдругъ въ головѣ Власа, и онъ проговорилъ:

— Ты бы закусить чего дала!

— Я не знаю чего.

— Хоть свининки солененькой.

— Пожалуй, принесу.

Работница не выказала особаго удовольствія и при ѣдѣ.

Она всѣхъ впередъ накрыла чашку и полѣзла изъ-за стола.

— Что жъ ты, пей!..

— Не хочется...

И она, взявши въ руки полотенце, сейчасъ же стала перемывать посуду; спросила, когда у нихъ выносятъ поросятамъ, чѣмъ поятъ телятъ, когда будутъ запахивать. Ей это объяснили. Убравши посуду, Сидора оправила платокъ на головѣ и проговорила:

— Ну, теперь что дѣлать?

— Пойдемъ дрова рубить.

— Ну, такъ пойдемъ, — сказала Сидора и стала одѣваться.

II.

День обѣщалъ быть яснымъ. Солнце поднималось на безоблачное небо и распаривало влажную землю, выдѣлявшую изъ себя множество испареній, стоявшихъ въ низкихъ мѣстахъ легкимъ туманомъ. На высокихъ мѣстахъ воздухъ дрожалъ, и въ глубинѣ его заливались жаворонки; сверкали, чирикая, недавно прилетѣвшія ласточки; кишѣли вызванныя тепломъ толкушечки, гудѣли пчелы, пытаясь взять первую взятку съ покрытыхъ золотистымъ пухомъ вербочныхъ барашковъ и на распустившихся шишечкахъ срубленной ольхи, лежавшей въ кучѣ дровъ,—на ветлахъ. Дышалось такъ легко, и теплота ласкала со всѣхъ сторонъ. Никогда съ такимъ удовольствіемъ не дѣлалось дѣло. Власъ, сверкая топоромъ, рубилъ дрова проворно и ловко. Сидора не отставала отъ него. Она сбросила шаль и кофту и, легко взмахивая топоромъ, ловко перерубала толстые сучья. Власъ работалъ сначала молчкомъ. Онъ не любилъ бабьихъ разговоровъ, и удивлялся, какъ это они всегда находили матеріалъ для бесѣдъ; ему гораздо пріятнѣе было что-нибудь думать про себя. На этотъ разъ ему пришлось измѣнить своему обыкновенію и завести разговоръ. Ему неловко было на первыхъ порахъ быть букой передъ Сидорой; онъ боял-

ся, чтобы она не сочла его очень нелюдимымъ, и онъ спросилъ ее:

— А въ вашей деревнѣ дрова-то вольныя?

— Нѣтъ, горевыя...

— Почему жъ, лѣсовъ нѣтъ?

— Были и лѣса, да вывелись, одни пни торчатъ.

— Сами мужики вывели?

— Извѣстно сами, а то кто жъ?

— Небось у васъ въ деревнѣ стройка хорошая?

— У кого какъ,—у кого хорошая, а у кого развалилась.

— Лѣсъ-то небось на стройку шелъ?

— На стройку, да не самимъ. На бѣломъ свѣтѣ такъ ведется, что сапожникъ безъ сапогъ, портной безъ одежины, а у кого лѣса много, тотъ безъ стройки.

— Нѣшъ нехозяйственный народъ, а то стройку-то все бы можно завесть.

— А гдѣ онъ, вашъ братъ, хозяйственный-то? може изъ десяти одинъ, а то все ни Богу свѣчка, ни шуту кочерга.

— Ну, ты ужъ очень... Мало ль и хозяйственныхъ мужиковъ; кѣмъ же и деревня-то стоитъ, какъ не мужиками.

— Стоитъ, да какъ; если бы по настоящему, нѣшъ бы такъ надо стоять. Нашъ вонъ лѣсъ-то, говорятъ, большія тыщи стоилъ, а мужики такъ свели его, что все скрозь руки прошло,—и лѣсу нѣтъ, и нужды не поправили.

— Може, они пьянствовали,—такъ это конешно.

— И пьянствовали немного,—ни одинъ лѣшій не опился, а продавали его по корешечку да такъ весь и продали. А по настоящему-то, его продать бы сразу и конецъ дѣлу, охватилъ деньги и командуй ими, а они этого не могли.

— Неужели у васъ и съ разсудкомъ людей нѣтъ?

— Есть два-три человѣка, да что жъ они могутъ; тѣхъ-то вѣдь сила, ну, они и повернули.

Власу захотѣлось пошутить, и онъ проговорилъ:

— Ну, бабы на сходку бы вышли, може онѣ бы вразумили?

— Послушаете вы бабъ: у васъ криво, да прямо, а бабья прямота кривой кажется,—дѣло извѣстно.

— Ну и у бабъ тоже прямоты много; говорится пословица: соберутся двѣ бабы—базаръ, а три — Нижегородская ярмарка. А отчего? Оттого, что у нихъ настоящаго разсудку нѣтъ: визгу много, а толку мало.

— Это вамъ такъ думается.

— Не думается, а въ самомъ дѣлѣ; допусти бабу къ какому-нибудь дѣлу, она налокочетъ, налокочетъ—въ мѣшокъ не покладешь, а до дѣла не доберется.

— А вашъ братъ этимъ не грѣшенъ? Выйдутъ на сходку, и дѣло-то плевое, а наорутъ, нашумятъ, переругаются другъ съ дружкой, шутъ ихъ побери! И въ домѣ также: другой считаетъ себя распорядителемъ, а какой онъ распорядитель: наработаютъ ему, а онъ поѣдетъ куда да пропьетъ; а нѣшъ баба проживаетъ домъ? Слышалъ ли ты когда, что вотъ такая-то баба весь домъ свела, а мужики сплошь да рядомъ.

— Бабѣ такой воли нѣтъ, а то бы она рукавами растрясла. Знаемъ тоже вашу сестру, — не зря ее считаютъ хуже кошки; кошки въ алтарь въ церкви ходятъ, а бабъ не пускаютъ.

— Кто это такъ устроилъ-то,—мужики. А если бы бабамъ дали такую праву? А то можно имъ верховодить-то безъ всякаго спору.

— Знать, старики-то были не дураки, знали, отъ чего такъ установили.

— Какіе старики; были хорошіе, а были такіе же, какъ и молодые.

Власу показались всѣ разсужденія работницы правильными, и его первоначальныя впечатлѣнія стали разсѣиваться. „А она ничего,—подумалъ Власъ, — на словахъ-то дѣльная, какъ-то будетъ на работѣ“.

Въ этотъ же день Власу пришлось увидѣть, что Сидора и на дѣлѣ не ударитъ себя лицомъ въ грязь. Вечеромъ, кончивши рубить дрова, передъ тѣмъ, какъ итти домой, они зашли въ сарай, чтобы уставить на лѣто дровни, уже ненужныя теперь. Власу хотѣлось поставить ихъ одни на дру-

гія, но онъ боялся, что двоимъ ихъ не поднять, и хотѣлъ позвать Иринью. Сидора удивилась:

— На что?

— Да пособить намъ.

— Вотъ еще! Заходи-ка къ головяшкамъ!

И она, поплевавши въ руки, взяла за желѣзные отводы отъ подрѣзовъ и подняла задъ саней.

Власъ этому очень удивился; онъ крутнулъ головой и подумалъ: „Нѣтъ, она не на одныхъ словахъ, а и на дѣлѣ“.

III.

Прошло нѣсколько дней. Сидора за эти дни такъ привыкла къ порядкамъ Мигушкиныхъ, точно она жила тутъ по крайней мѣрѣ годъ. Она уже знала все, что нужно, и ей не приходилось спрашивать, что теперь дѣлать. Вставши утромъ, она помогала чѣмъ-нибудь Ириньѣ, ворочавшейся у печки, потомъ шла изъ двора. Она нигдѣ не застаивалась, не зазѣвывалась. Убравшись съ дровами, Сидора огребла огородъ, подобрала валявшуюся костру и солому у овина, помогла Ириньѣ разобрать къ лѣту въ омшаникѣ и въ горенкѣ: дѣло въ рукахъ у нея такъ и кипѣло.

Однажды былъ дождь и на улицу нельзя было выйти. Всѣ сидѣли въ избѣ и многимъ нечего было дѣлать. Сидора позѣвывала отъ скуки и, наконецъ, обратившись къ Ириньѣ, проговорила:

— Хозяйка, пошить бы что дала, что-нибудь; что такъ-то сидѣть.

— Сшить-то надо бы Дунькѣ платьице, только еще не скроено. Вотъ, погоди, я къ попадьѣ схожу.

— А сама-то что жъ?

— Гдѣ жъ самой! Я вонъ воротъ у Власовой рубахи не прорѣжу, нѣшъ мы учены?

— Какое жъ тутъ ученье: разъ поглядѣлъ и довольно, а то всякій разъ къ людямъ бѣгать. Давай-ко ситецъ-то сюда.

— А ты не изгадишь?

— А тамъ увидишь.

Иринья принесла ситецъ и подала его Сидорѣ. Та положила его на столъ, поставила передъ собой Дуньку, примѣрила, какъ что пускать, и начала кроить ситецъ. Въ этотъ же день она сметала платьице на живую нитку. Платьице вышло такое, какихъ у дѣвочки никогда не было.

— Какъ же это, вѣдь у тебя своихъ маленькихъ нѣтъ, на кого жъ ты шила-то?

— А нѣшъ мы отъ маленькихъ что учимся! — сказала Сидора и засмѣялась.

Запахали въ Хохловѣ уже на третьей недѣлѣ. День стоялъ веселый. Мигушкины пахать поѣхали на двухъ: на одной Власъ, на другой Сидора. Власъ присматривался, какъ пашетъ работница. Она была все въ той же юбкѣ и кофтѣ, въ которой пришла, и съ тѣмъ же платкомъ на головѣ, но только совсѣмъ сдвинутымъ на глаза. Ноги ея были босы, и она свободно шагала за плугомъ. Любила ли она эту работу, или въ ея памяти возникли какія-нибудь счастливыя воспоминанія, только она шла за плугомъ точно на какой-нибудь праздникъ, спокойно опираясь на его ручки, плавной, красивой поступью. Власъ еще никогда не видалъ, чтобы въ деревнѣ кто-нибудь держалъ такъ себя за пахотой. Большинство бабъ и дѣвокъ только безобразили себя. Влѣзутъ въ сапоги, подоткнутся и идутъ нескладно, виляя корпусомъ, срываясь въ борозду и изгибаясь то туда, то сюда. Но Сидора шла какъ на картинѣ, и Власъ, всякій разъ встрѣчаясь съ ней, невольно оборачивалъ въ ея сторону голову и любовался ею. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ убѣждался, что онъ мало такихъ бабъ еще видалъ. Объ этомъ онъ разъ сообщилъ Иринье. Иринья должно быть не была согласна съ нимъ.

— Ну, а то что жъ, — сказала она: — деньги-то взяла, да сидѣть будетъ; она и должна работать.

— Работать, да какъ.

— Какъ другіе работаютъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что другіе работаютъ, да не такъ.

— Ну, и она не лучше другихъ.

— Нѣтъ, лучше во всемъ.

Иринья въ этомъ не согласилась, но вскорѣ ей пришлось покорить свое упрямство и признать, что Сидора дѣйствительно много лучше другихъ и во многомъ.

IV.

Пришелъ весенній Никола. Въ Хохловѣ изъ старины велся обычай, чтобы въ этотъ день бабы праздновали. Они покупали краснаго вина, распивали его и веселились. Еще съ утра одна баба обѣгала избы, собирая по пятачку съ каждой бабы на вино и по два яйца на закуску. Власъ далъ денегъ на двоихъ. На гулянье собирались и Иринья и Сидора. Гулянье должно было начаться послѣ полденъ. Мигушкины напились чаю, наѣлись горячихъ лепешекъ съ творогомъ и стали справляться. Иринѣ пришлось прежде справить ребятишекъ на улицу, но работница, убравши посуду, взяла съ полатей свой узелъ и пошла съ нимъ въ горенку. Вернулась она черезъ нѣсколько минутъ нарядная. Нарядъ ея былъ очень простъ: голубое ситцевое платье съ баской, черный люстриновый фартукъ и легкій шерстяной платокъ сиреневаго цвѣта; на ногахъ ея были шагреневые полусапожки, но и этотъ простенькій нарядъ совершенно измѣнилъ Сидору,—эта же была баба, да не та.

Она стала необыкновенно стройною и статною. У ней яснѣе вырисовывались крѣпкая грудь, талія, правильныя руки. Лицо ея изъ цвѣтной рамки платка казалось нѣжнѣе глаза получили особый блескъ и въ нихъ было уже что-то такое, что, разъ взглянувши на это лицо, невольно хотѣлось повторить этотъ взглядъ.

Поскрипывая полусапожками, она подошла къ зеркалу и стала оправляться передъ нимъ.

Власъ, пораженный явившейся передъ нимъ красотой, вытаращилъ на нее глаза и съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ восхищеніемъ, уставился на нее, а Иринья, взглянувши на

Сидору, отчего-то сразу покраснѣла и кинула тревожный взглядъ на Власа. Подмѣтивъ выраженіе его взгляда, въ ея глазахъ блеснула тревога, и она лишилась способности прямо глядѣть въ глаза и мужу и работницѣ. Глаза ея забѣгали туда и сюда, на лицѣ выступала краска и въ рукахъ, справлявшихъ Дуньку, появилась дрожь. Вдругъ она опять милькомъ взглянула на Власа и украдкой вздохнула.

— Ну, я пойду, коли!—сказала, отвертываясь отъ зеркала, Сидора.

— Ступай, ступай!—сказала Иринья, стараясь попасть въ свой обычный ласковый тонъ, но у ней на этотъ разъ это не вышло.

Власъ по уходѣ работницы поднялся съ мѣста, потянулся, зѣвнулъ и проговорилъ:

— И мнѣ, что ль, на улицу пойти, въ избѣ-то скучно одному.

— Иди, а то вмѣстѣ пойдемъ; я вотъ только наряжусь,— сказала Иринья съ особенной лаской въ голосѣ и во взглядѣ

— Ну, наряжайся...

Иринья надѣла на себя шерстяное платье, повязала шелковый платокъ и шерстяной передникъ и тоже подошла къ зеркалу. На ней все было богаче, чѣмъ на работницѣ, но нарядъ не только не придалъ ей виду, но, какъ показалось Власу, она въ немъ выглядывала хуже, чѣмъ въ будни.

Платье, сшитое еще къ свадьбѣ, когда она была стройнѣе и полнѣе, казалось мѣшковатымъ; розовый цвѣтъ шелковаго платка бросалъ на ея лицо такія тѣни, которыя ярко обнаруживали блеклость ея лица. Морщинки на лицѣ не только не скрывались, но вырисовывались яснѣе, и глаза казались необыкновенно тусклыми. Все это было, конечно, едва замѣтно, но Власъ это видѣлъ очень ясно. Иринья передъ зеркаломъ и сама увидала все это, глубоко вздохнула и виноватымъ выраженіемъ поглядѣла на мужа.

— Ну, вотъ я готова, пойдемъ.

— Пойдемъ,—сказалъ Власъ и, снявши съ колышка пиджакъ, сталъ надѣвать его.

V.

Бабы собирались на середкѣ села у двора Якова Финогенова, богатаго и веселаго мужика, любившаго около своего двора всякія сходки. Онѣ собирались одна за другой, разряженныя, какъ только возможно. Власъ внимательно приглядывался къ нимъ и замѣтилъ, что не одна его Иринья, а многія изъ нихъ отъ нарядовъ не выигрывали, а теряли, и что никому такъ нарядъ не шелъ, какъ къ его работницѣ. Въ Хохловѣ было немало красивыхъ бабъ. Власъ глядѣлъ на нихъ, сравнивая съ Сидорой, и ни одна изъ нихъ не могла съ нею сравняться. Всѣ не стоили ея, у всѣхъ были какіе-нибудь недостатки; но тутъ было все въ должной мѣрѣ и полнотѣ.

Бабы стрекотали, какъ сороки, каждая стараясь говорить и точно боясь, что ей не придется принять участія въ разговорѣ. У всѣхъ чувствовалось и въ голосѣ и во взглядахъ неудержимое оживленіе, какая-то радость, чувство жизни, и это чувство красило ихъ, дѣлало пригляднѣе. Взгляды Власа всѣхъ чаще останавливались на лицѣ Сидоры, и чѣмъ больше онъ глядѣлъ на нее, тѣмъ отчетливѣе подмѣчалъ въ себѣ смутное, неясное чувство, которое охватывало все его существо легкимъ туманомъ, и мучительнымъ и сладостнымъ. Скользнувъ глазами по толпѣ бабъ, Власъ встрѣтился со взглядомъ жены, но его глаза ничего не выражали; Иринья замѣтила это. Для нея это было ново и неожиданно: прежде, когда они бывали на людяхъ, при взглядѣ другъ на дружку, всегда въ ихъ глазахъ вспыхивалъ одинаковый огонекъ, и глаза ихъ точно сообщали что другъ другу. Теперь же отъ взгляда Власа вѣяло холодомъ. Взглядъ Ириньи выразилъ тревогу, но Власъ этого не замѣтилъ.

Вино скоро принесли, и бабы приступили къ распредѣленію его по столамъ. На столахъ появились бутылки, откуда-то взялись сковороды съ яичницами, мятные пряники. Началось питье вина...

Шумъ, смѣхъ и прибаутки разгорались съ каждымъ вы-

питымъ стаканомъ, и когда чередъ обошелъ всѣхъ, бабы рѣшили затянуть пѣсню. Долго сговаривались, какую запѣть, наконецъ старостина Катерина взмахнула платкомъ и затянула:

„У-у-ужъ ты Ва-а-аня!
Ра-а-зу-у-да-а-алая го-о-олова,
Да-сколь да-а-ле-е-че
У-у-уѣзжа-а-ешь о-о-отъ меня“...

Пѣсню подхватили всѣ и запѣли съ такимъ одушевленіемъ, съ какимъ рѣдко пѣвали. И когда составился хоръ, то изъ хора выдѣлился необыкновенно сильный, звучный и красивый голосъ, покрывавшій всѣ голоса и отличавшійся отъ другихъ особеннымъ чувствомъ, проникавшимъ въ сердца другихъ и сообщая его и имъ... Чувство это было—тайная грусть. Власъ встрепенулся, онъ любилъ пѣсни; всегда слушалъ ихъ съ удовольствіемъ; зналъ всѣ голоса въ селѣ, но этотъ голосъ слышалъ впервые. Онъ ему былъ еще незнакомъ. Онъ сталъ вглядываться, кто же это пѣлъ, и увидалъ, что это Сидора.

Сердце его усиленно застучало; онъ съ тайною радостью уставилъ на нее глаза, и пока пѣли пѣсню, не отрывалъ отъ нея своего взгляда.

По окончаніи пѣсни бабы опять застрекотали. Кто говорилъ, что надо промочить горлышко, кто настаивалъ еще спѣть одну. Вниманіе Власа привлекло то, что въ толпѣ бабъ раздался дѣтскій плачъ. Онъ очнулся, взглянулъ туда, гдѣ слышался плачъ, и увидалъ, что его Иринья тормошила Дуньку, а та блажила во все горло. Власъ горошкомъ скатился съ крыльца и подбѣжалъ къ женѣ.

— Что ты, что ты, съ ума сошла!—воскликнулъ онъ, отнимая отъ разъярившейся жены плачущую дѣвочку.

— А она что!.. Такъ ее и надо,—съ необычайнымъ раздраженіемъ крикнула Иринья.—Въ кои-то вѣки вырвешься изъ кромѣшной тьмы, а она пристала, какъ съ ножомъ къ горлу, домой зоветъ. Что мнѣ съ ней дома-то дѣлать?..

— Такъ и надо ее бить? Эхъ ты, мать!.. — съ укоромъ

сказалъ Власъ и, взявши на руки дѣвочку, сталъ ее утѣшать.

— Ну, и цѣлуйся съ ней, коли сладко, а я не хочу!

Власъ видѣлъ, что его баба необыкновенно разошлась, захотѣлъ смягчить гнѣвъ жены шуткой и проговорилъ:

— Вонъ какъ, немного выпила и то разошлась, а если бы побольше, ты тогда бы всѣхъ подъ-рядъ почала...

Окружавшія ихъ бабы засмѣялись, но у Ириньи и эта шутка не разогнала раздраженія.

— Не видала я твоего добра, вина-то,—проговорила она,—очень оно мнѣ сладко!..

— А сама пришла.

— Я пришла къ людямъ за компанію; хотѣла, чтобы вѣтромъ обдуло, а то живешь-то словно въ Сибири какой...

Въ голосѣ Ириньи послышались слезы.

У Власа непріятно защемило сердце: онъ первый разъ слышалъ отъ жены жалобу на свою жизнь и понять не могъ, что же это ее такъ разстроило.

— Что это ты? Вотъ тѣ на!—озадаченный спросилъ онъ.—Не домой ли тебѣ лучше итти, и Дуньку-то успокоишь и сама себя.

— Ты будешь гулять, а я дома сиди!..

— И я пойду, дура!..—уже сердито проговорилъ Власъ и, отвернувшись отъ толпы, направился къ дому; Иринья тоже побрела за нимъ.

Дома Иринья прямо стала разряжаться.

— Ты что жъ, не пойдешь больше?

— Не пойду.

— Отчего?..

— Видно отошла наша пора на улицѣ гулять!

— Ну, такъ-то спокойнѣе,—сказалъ Власъ.

Иринья ничего не сказала. Она убрала свой нарядъ, подошла къ постели и ткнулась на нее.

Съ ней творилось что-то такое, чего она и сама не могла объяснить; это случилось съ ней первый разъ. При встрѣчѣ съ мужемъ глазами на народѣ и при видѣ того, что его

взоры больше обращаются на Сидору и онъ глядѣлъ на нее вовсе неравнодушно, особенно, когда она пѣла пѣсню, у Ирины вдругъ заныло сердце такъ, какъ оно у ней никогда не ныло. Ей почувствовалось, что ея Власъ перемѣнился, и ее это испугало. Она его очень любила. До свадьбы она его совсѣмъ не знала; сосватали ихъ чужіе люди. Она была молода и глупа; ей не нравилось его имя, ея подруги подтрунивали надъ нимъ: „у нашего Власа два кваса—одинъ какъ вода, а другой пожиже". Ей это было обидно, и она втихомолку плакала. Но когда она вошла въ семью, узнала его хорошенько, то все исчезло изъ ея головы, и она съ каждымъ годомъ привязывалась къ нему больше и больше, и онъ любилъ ее. И вотъ только теперь онъ такъ глядитъ на другую, какъ прежде не глядѣлъ никогда. Ей показалось, что она будто что теряетъ невозвратно, и это чувство навѣяло на нее страшную тоску. Она лежала, но сердце въ ней ныло и щемило и подкатывало къ горлу, — ей хотѣлось плакать. Власъ межъ тѣмъ совсѣмъ успокоилъ Дуньку, проводилъ ее на улицу. Чувствуя, что съ бабой творится что-то недоброе, онъ подошелъ къ ней, подсѣлъ на кровать и спросилъ:

— Ты что это?..

— У меня голова болитъ.

— Эхъ, твоя голова!—сказалъ Власъ, кладя руку на лобъ жены:—оторвать ее да на рукомойникъ повѣсить.

Иринья молчала. Она лежала съ нахмуреннымъ лбомъ и глядѣла тусклымъ взглядомъ въ сторону; она тяжело и учащенно дышала,—это было замѣтно по раздувавшимся ноздрямъ.

— Давно она у тебя разболѣлась-то?

— Сегодня...

— Я знаю, что сегодня, да когда?

— Я на часы не глядѣла.

— Эхъ ты, костра! Никакъ ты въ одиночествѣ-то хуже становишься? — вздохнулъ Власъ и сдѣлалъ было попытку отойти отъ жены.

Иринья безпокойно повернулась къ нему, подняла голову и сквозь зубы проговорила:

— Что жъ тебѣ теперь около жены-то и посидѣть не хочется?

— Что же около тебя сидѣть, когда ты со мной и разговаривать не желаешь?..

— Почемъ ты знаешь?..

— По голосу слышу.

— Стало-быть, ты плохо понимаешь.

Власъ нагнулся къ ней и, широко улыбаясь, спросилъ:

— Будешь разговаривать?

Иринья вдругъ обвила его шею руками, притянула къ себѣ его голову и впилась къ нему въ губы горячимъ поцѣлуемъ.

— Ого-го-го!—весело загоготалъ Власъ.—Вотъ ты какъ!.. Что это на тебя нашло?..

Иринья не отвѣчала.

— Дура ты, прямая ты баба,—разнѣжившимся голосомъ проговорилъ Власъ.

VI.

Въ эту ночь Иринѣ приснился примѣчательный сонъ. Ей видѣлось, что ея Власа выдавали замужъ, и она очень удивлялась, какъ это мужика выдаютъ замужъ. Потомъ, когда его отдали, она жалѣла о немъ и горько плакала во снѣ, такъ горько, что вся подушка ея оказалась смоченной слезами. Когда она проснулась, то сердце ея больно заныло. А что, если въ самомъ дѣлѣ она его какъ-нибудь потеряетъ? Что ей тогда дѣлать? Онъ одинъ у ней надежда и опора, поилецъ и кормилецъ всей семьи; безъ него она пропадетъ, какъ червякъ. Сердце ея не утихало; мысли ея становились чернѣй; все передъ ней возникало въ туманномъ, тяжеломъ и безотрадномъ свѣтѣ. И только, когда ей пришло въ голову, куда онъ дѣнется, въ мысляхъ у ней слегка просвѣтлѣло. Она обругала себя лутонюшкой и стала думать, что ей нечего тужить. Власу пока дѣваться некуда: ни въ

солдаты, ни въ ратники ему ужъ не итти, и она совсѣмъ было ужъ разогнала окутывавшую и давившую ее тяжесть, навѣянную сномъ, но тутъ ей представилась работница. Вотъ кто можетъ угрожать ей. Отобьется Власъ отъ нея и тогда его веревками не притянешь.

И растаявшее было чувство унынія опять поднялось; подъ давленіемъ его заработала голова Ириньи.

— А нѣшто это не можетъ быть? Эна, онъ ужъ какъ сталъ на нее поглядывать, дальше да больше, распалится его сердце, а ей что жъ? Она вольный казакъ; надъ ней набольшаго теперь нѣтъ... Вотъ придетъ покосъ, другая работа — все вдвоемъ, все вмѣстѣ, все будетъ ихне... И какъ это меня шутъ натолкнулъ на эту работницу, словно другой негдѣ было взять; гдѣ у меня голова-то была?..

Съ каждымъ днемъ она дѣлалась угрюмѣе. На Власа съ Сидорой она глядѣла исподлобья; нерѣдко, при взглядѣ на работницу, въ ея глазахъ вспыхивалъ враждебный огонекъ.

Однажды, во время сѣва, когда Власъ и Сидора утромъ отправились въ поле, Иринья спросила:

— Завтракать-то туда, что ль, приносить-то или домой пріѣдете?

— Когда жъ намъ разъѣзжать, знамо туда,—сказалъ Власъ.

— А гдѣ будете пахать-то?

— На дорожномъ огоркѣ, а ежели тамъ спашемъ, приходи къ лѣсу.

Иринѣ показались ненавистными всѣ ея домашнія работы. Ненависть ея стала еще жгучей, когда она вспомнила, какъ бывало за каждымъ слѣдомъ шла за Власомъ, какъ они всюду были въ парѣ, этотъ обѣдъ въ полѣ, отдыхъ гдѣ-нибудь подъ кустомъ, а теперь это миновалось для нея; пользуется этимъ незнамо кто, а она сиди дома, Ерема, точи веретена.

Яровой сѣвъ былъ конченъ. Ранніе овсы взошли такъ, что въ нихъ могъ спрятаться цыпленокъ. Выкинули листочки льны. Рожь давно выколосилась и на ней висѣли свѣтлозеленыя сережки цвѣта. Отъ легкаго вѣтерка надъ ржаными

полосами поднялась пыль, и ребятишки, не понимая этого, въ недоумѣніи спрашивали: что это? Полевой работы не было до навозницы, а навозница должна была наступить не раньше, какъ черезъ двѣ недѣли.

Пользуясь свободнымъ временемъ, въ Хохловѣ раздѣлили поляну березняку на дрова. На другой день послѣ дѣлежки Власъ сталъ собираться рубить березнякъ. Онъ предполагалъ взять съ собой и Сидору, но Иринья запротестовала.

— Что жъ ты Сидору возьмешь, а съ кѣмъ я буду гряды поливать, лукъ полоть? Возьми вонъ Мишутку.

— А что я съ Мишуткой тамъ сдѣлаю?

— Ну, а я тутъ одна что сдѣлаю?

— Какъ же матушка бывало оставалась и управлялась?

— Какъ она управлялась-то, знаемъ мы это; отъ того-то бывало одно выгоритъ, другое зарастетъ.

— Будетъ грѣшить, у ней все чередомъ шло.

— Чередомъ, когда, бывало, урвешься да пособишь ей. Въ одной избѣ сколько дѣловъ!

Власа это раздражило.

— Ты ужъ дѣла стала считать, какъ же постарше-то тебя управляются?..

— И я не молода: молодая-то, та съ тобой во всякій слѣдъ ходитъ, а я ужъ на старушечье мѣсто поступила.

Въ голосѣ Ириньи зазвучали слезы. Власъ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на нее.

— Кабы я на ея мѣстѣ-то была, я бы може не такъ летала: тамъ одно дѣло, а у меня сотни, всѣ ихъ управь, ко всякому поспѣй; легко ей краску-то наводить.

— Да чего ты локочешь-то, полоумная, образумься!..

— Я знаю чего; тебѣ ужъ жалко съ нею разстаться. Жена тутъ какъ лошадь вези, а онъ съ ней пойдетъ.

Иринья больше не могла сдержать себя и расплакалась.

— А, чтобъ тебѣ типунъ на языкъ, окаянной! — съ невыразимой досадой крикнулъ Власъ и, плюнувъ, вышелъ изъ избы.

VII.

Лѣсокъ, гдѣ раздѣлили дрова, находился за полемъ и былъ раскинутъ на небольшомъ огоркѣ. Съ этого огорка открывался красивый видъ на село, на ближайшія деревни, на пестрѣвшую такими же лѣсами даль. Прежде Власъ, особенно въ серединѣ лѣта, когда поспѣвали грибы, любилъ ходить въ этотъ лѣсъ. Онъ испытывалъ, ходя тутъ, неизъяснимое довольство. Теперь лѣсокъ былъ красивѣе, чѣмъ лѣтомъ: свѣжая листва была еще ярко-зеленою; трава только росла и въ ней кое-гдѣ горѣли разноцвѣтными головками цвѣты. Птички носились въ воздухѣ, ловя мушекъ и мошекъ, чтобы накормить только-что вылупившихся птенцовъ. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ. Зелень травы и кустовъ стояла орошенная еще невысохшей влагой росы, разливала вокругъ пріятные ароматы. Изъ него открывалась красивая картина вдали. Хохловская колокольня рѣзко бѣлѣла въ синевѣ воздуха, и совсѣмъ на горизонтѣ, на юго-востокѣ и къ западу, виднѣлись еще двѣ колокольни; ихъ бѣлые контуры значительно украшали и безъ того удивительный пейзажъ. Власъ же ничего этого не чувствовалъ. Вся душа его была возмущена, и онъ шелъ, повѣсивъ голову и положивъ топоръ на плечо, придавленный непріятностью, осѣвшей у него на сердцѣ отъ сцены съ женой, и которая все больше разрасталась въ немъ.

„Вотъ она, баба, — думалъ онъ, — что только вздумала! У меня и думки этой не было, а она ужъ незнамо что сплела. Ну, съ чего это? Что я таковскій, что ли? Раньше, что ли, она за мной замѣчала... Фу, ты, стерва этакая!..“

Власъ чувствовалъ себя обиженнымъ. Мало того, что его обижало это подозрѣніе, отъ этого сама Иринья потеряла въ его глазахъ. Онъ думалъ, что она лучше, и поэтому не ожидалъ ничего такого отъ нея; теперь же онъ видѣлъ, что она нехороша, и это еще болѣе разжигало его сердце.

Онъ подошелъ къ своей полосѣ. Она стояла еще непочатая. Другія полосы уже пестрѣли работавшими; слышался стукъ топоровъ, визгъ пилъ, шумъ падавшихъ подрублен-

ныхъ деревьевъ; изрѣдка доносились отдаленныя восклицанія, говоръ. Власъ „подалъ“ Богъ помочь тѣмъ работавшимъ, мимо которыхъ проходилъ, положилъ на землю топоръ, оправился, поднялъ топоръ, перехватилъ его изъ руки въ руку, поплевалъ въ ладони и, подойдя къ одной березѣ, наискось ударилъ ее топоромъ. Остріе врѣзалось въ сочный стволъ березы; береза дрогнула, изъ раны брызнулъ сокъ, но Власъ, не замѣчая ничего, сталъ наносить молодому, только-что пробудившемуся къ жизни деревцу, ударъ за ударомъ.

Береза вздрагивала все сильнѣе и сильнѣе. Вдругъ она, скрипнувъ въ надрубленномъ мѣстѣ, какъ немазаная ось въ колесѣ, пошла на землю. Она съ шумомъ ударилась о землю, покрытую рѣдкими листьями лѣсной травы, подпрыгнула и тотчасъ же съежилась и замерла. Власъ отрубилъ нѣкоторыя нити, связывавшія съ пнемъ и, отступивъ къ сосѣднему дереву, принялся подрубать. Одновременно съ работою рукъ работала и голова Власа. Онъ все старался разъяснить себѣ, что стало съ его женой, почему она взводитъ на него такія подозрѣнія. Онъ тяжело вздохнулъ и вслухъ проговорилъ:

— Блажь въ голову пришла, больше ничего; взяла зависть, что та лучше ея, и подумала Богъ знаетъ что.

Что работница лучше его жены, Власъ теперь былъ увѣренъ какъ нельзя болѣе. Это была первая баба, которая казалась лучше его Ириньи. До сихъ поръ всякая встрѣчавшаяся женщина была хуже его жены; пусть она моложе, здоровѣе, красивѣе, но въ нихъ не было того, что было въ Ириньѣ для Власа, и онъ никогда ни взоромъ, ни мыслями не останавливался долго на нихъ. Сидора первая была изъ бабъ, при взглядѣ на которую онъ сталъ дѣлать сравненія со своей женой и чѣмъ дальше, тѣмъ больше открывать въ ней такія качества, какихъ не было въ Ириньѣ, и теперь ужъ у него была полная увѣренность, что Сидора далеко превосходитъ его жену. Онъ ясно представлялъ себѣ всѣ ея превосходства и не безъ удовольствія дѣлалъ эти сравненія.

Онъ видѣлъ, что Сидора, помимо своей красоты, превосходитъ его жену и характеромъ. Иринья поистрепалась во всемъ, а въ этой еще всего непочатый уголъ; и ему стало грустно. Онъ глубоко вздохнулъ, бросилъ рубить, легъ на траву и, закинувъ руки за голову, долго лежалъ неворохнувшись.

Онъ долго лежалъ. Воображеніе его совсѣмъ разстроилось, и въ голову полѣзло такое несуразное, что ему стало стыдно и досадно. Онъ очувствовался, быстро вскочилъ на ноги, взялъ топоръ опять въ руки и, поплевавъ въ ладони, принимаясь снова рубить, проговорилъ:

— Тьфу, поскудница, на что только навела, что никогда не думалъ—подумаешь...

Къ обѣду Власъ вырубилъ половину полосы. Онъ усталъ и проголодался. Солнце поднялось высоко и жарило во всю мочь; кругомъ звенѣли комары, жужжали слѣпни и надоѣдали своей неотвязной прилипчивостью. Власъ рѣшилъ итти домой. Возникшія было въ немъ чувства усилились, и онъ подумалъ:

„Куда намъ объ этомъ... Скоро будешь еле ноги таскать, и года и все... Нечего зря и голову забивать". Но когда онъ пообѣдалъ и легъ въ пологъ отдохнуть, его опять охватили тѣ мысли, что давеча зародились у него первый разъ, и онъ уже не могъ сдержать ихъ.

Управившись послѣ обѣда, пришла Иринья, но Власъ тотчасъ же отвернулся отъ нея и зажмурилъ глаза.

— Что отвертываешься, аль не любо?—грубо проговорила баба.

— Я спать хочу!—притворно соннымъ голосомъ проговорилъ Власъ.

— Ишь ты какой до сна-то сталъ!..

VIII.

Иринья ясно видѣла, что Власъ съ каждымъ днемъ глядѣлъ на Сидору внимательнѣй. Онъ любовался ею за ра-

ботой, за обѣдомъ, и когда онъ останавливалъ на ней глаза, во взглядѣ его зажигался огонь страсти.

Чѣмъ дальше, тѣмъ огонь становился замѣтнѣй. Ириную отъ этого начинало жечь другимъ огнемъ, и она страшно мучилась. Она дѣлала свое дѣло и не обращала вниманія, что происходитъ кругомъ. Власъ иногда закидывалъ ей какую-нибудь шутку, и Сидора беззаботно смѣялась на нее. Она иногда пѣла пѣсни и пѣла для себя, но Власъ, при звукѣ ея голоса, дѣлался самъ не свой, и огонекъ, временами зажигавшійся въ его глазахъ, разгорался все больше и больше. Въ первый праздникъ послѣ навозницы Сидора ходила домой. Она воротилась оттуда очень веселая, оживленная. Власъ, глядя на нее, самъ сдѣлался веселѣе и сталъ ждать, не заговоритъ ли она.

Сидора расправилась съ дороги и, обращаясь къ Власу проговорила:

— Ну, хозяинъ, я хочу у тебя деньжонокъ попросить...

— На что это тебѣ?—улыбаясь сказалъ Власъ.

— Мужу послать: прислалъ письмо, пишетъ, что если лагери нонче пройдутъ благополучно, осенью въ побывку придетъ.

— Ишь ты!..—сказалъ Власъ, стараясь не мѣнять голоса, но мѣняясь въ лицѣ.—А ты рада небось?

— Еще бы, мужу да не радоваться! Кому же мнѣ и радоваться, какъ не мужу?

— Какая жъ онъ тебѣ родня? — постарался пошутить Власъ.

— Какая ни на есть, а вотъ дороже его и человѣка на свѣтѣ нѣтъ.

— Что жъ онъ, хорошъ у тебя очень?

— Какъ кому, а по-моему хорошъ.

— Ну, что жъ, пошли, онъ тамъ гульнетъ за твое здоровье.

— Пущай куда хочетъ дѣетъ, это не мое дѣло.

— А если онъ съ другой прогуляетъ твои деньги?

— Ну, такъ и съ другой!—усомнилась Сидора.

— Очень просто,—солдаты-то,—они какіе!..

— Ну, это дѣло темное.

Власъ далъ денегъ Сидорѣ; онъ казался очень спокойнымъ. Но когда онъ вечеромъ легъ спать, то ему стало стыдно своихъ думъ и поведенія. „Что я думаю, дуракъ!—сталъ самъ себя ругать онъ.—Она жена своего мужа; она такъ любитъ его, а я томлюсь по ней въ грѣхахъ и хочу, чтобы она со мной на грѣхъ пошла, къ чему же это поведетъ? Вонъ, еще ничего не было, а Иринья-то ужъ въ дугу свелась, а если на самомъ дѣлѣ пойдетъ, тогда что жъ ей дѣлать?“

Ему стало жалко Иринью, дѣтей, того безмятежнаго покоя, который былъ въ ихъ семьѣ до этой весны, и онъ съ удивленіемъ началъ думать, что это ему втемяшилось въ голову при видѣ Сидоры. Ну, хороша она, красива, да мало ли что: хороша Маша да не наша. Надо все это выкинуть изъ головы да на старый путь находить, пошалилъ въ мысляхъ, да и баста.

На другой день Власъ совершенно спокойно глядѣлъ на Сидору; прежнія мысли уже не возникали въ его головѣ. Власу чувствовать это было очень отрадно, и онъ съ каждымъ днемъ дѣлался довольнѣе собой и веселѣй.

Запахали навозъ; стали подготовляться къ покосу; бабы спѣшили до покосу еще разъ выполоть гряды. Власъ сидѣлъ въ сараѣ, налаживалъ косы, чинилъ грабли. Около него вертѣлись Мишутка и Дунька. Власъ съ любовью поглядывалъ на нихъ, и этимъ будто бы старался загладить тотъ недостатокъ отцовской ласки, который они испытывали за послѣднее время. Ребятишки пристали къ нему, чтобы онъ сдѣлалъ имъ отдѣльныя грабли.

— На что же вамъ грабли, сопляки?

— Мы будемъ на югъ ходить,—лепетала Дунька.

— А тамъ ногу наколешь!..

— А я обуюсь.

— Обумши-то тяжело...

— Ну, на ёшадь сяду...

— Тамъ тебя мамка сѣномъ закладетъ.

Мишутка слѣдилъ за освобождавшимся инструментомъ у отца, и какъ только отецъ откладывалъ что-нибудь въ сторону и бралъ въ руки другое, онъ хватался за него и силился что-нибудь или выстругать или затесать.

Власу были очень милы дѣти, дорогъ каждый звукъ ихъ голоса, и онъ удивлялся, какъ это онъ могъ прилѣпиться мыслью къ другому и забыть вотъ это счастіе. „Могъ же я такъ потерять голову!“ думалъ онъ.

IX.

Иринье было неизвѣстно, что происходитъ у мужа въ душѣ, поэтому она попрежнему мучилась ревностью.

Пришелъ Петровъ день. Сидора опять отпросилась у Власа и пошла посылать мужу деньги. Власъ отпустилъ ее, ни слова не говоря, но по уходѣ ея Иринья взбеленилась: она хотѣла въ этотъ день разобраться съ работницей въ горенкѣ, пока до покоса, а по уходѣ работницы ей приходилось дѣлать это одной.

— Что это за порядокъ!—крикнула она мужу.—Каждый праздникъ домой ходитъ: въ Ивановъ день ходила, сегодня ушла. Мы ее нанимали-то по домамъ ходить?..

— Такъ что жъ такое, вѣдь праздникъ сегодня...

— Мало что праздникъ, а въ праздникъ дѣловъ нѣтъ? Мы и въ праздникъ пить, ѣсть хотимъ; чай, понимать должна.

— Ну, вотъ она сходитъ, да може и долго не пойдетъ.

— Аккуратъ такъ: имъ только повадку дай, ихъ тогда и не удержишь.

— Я думаю,—безъ дѣла никто трепаться не пойдетъ.

— У нихъ все будетъ дѣло; ихъ только слушай.

— Ну, что жъ теперь подѣлаешь; говорила бъ раньше, а то ушла, а ты и разговоръ подняла; все равно ее этимъ не воротишь.

— Тебѣ хоть раньше, хоть позднѣе скажи, ты все равно не послушаешь; она изъ тебя лыка и мочала вьетъ.

Это былъ намекъ, задѣвшій Власа за живое. Онъ страшно вспылилъ; уставился на бабу злобнымъ взглядомъ и проговорилъ пересѣвшимъ голосомъ:

— Охъ, языкъ! Вытянуть бы его да отрѣзать, чтобы онъ незнамо что не мололъ.

— У насъ знамо что!—проникаясь такимъ же чувствомъ и со злобой въ голосѣ и взглядѣ проговорила Иринья.— Нѣшто неправда это?..

— Что правда-то? Что?—уже не сдерживая себя крикнулъ Власъ.

— Знаю что!—отвѣтила Иринья.

Власъ почувствовалъ, какъ въ немъ все ходуномъ заходило. Но онъ сдержалъ себя и вышелъ изъ избы. Опустившись на заваленку, онъ глубоко вздохнулъ и съ отчаяніемъ подумалъ:

„Господи, ты думаешь какъ лучше, а она все твердитъ свое. Что жъ такое за созданіе!“

И ему такъ стала ненавистна жена, что глядѣть на нее не хотѣлось; онъ забылъ, чѣмъ жилъ послѣдніе дни, и почувствовалъ на душѣ такую тяжесть, какой онъ давно не испытывалъ и отъ которой онъ не зналъ, какъ избавиться.

— Эхъ ты, жизнь моя разнесчастная! — вздохнулъ онъ; поднялся съ заваленки и пошелъ безъ цѣли за сарай, прошелъ на рѣку и пробродилъ такъ до самаго вечера. Вечеромъ хотя ему стало легче, но на душѣ его все еще лежалъ свинецъ, и ему ни на что не хотѣлось глядѣть.

Сидора воротилась рано. Она была, какъ и тотъ разъ, веселою; щеки ея пышали румянцемъ, и глаза горѣли огнемъ.

Власъ, увидавъ ее, почувствовалъ въ своемъ сердцѣ острую боль, и его душа омрачилась еще болѣе.

„Вотъ отъ такого человѣка и перенесть что не обидно, а то что!..“ подумалъ онъ.

Опять его охватило донимавшее передъ тѣмъ чувство, и онъ ужъ не могъ совладать съ собою. Наплывъ послѣдняго былъ такъ силенъ, что онъ никакъ не могъ противостоять ему.

Власъ не забылъ, что онъ думалъ и чувствовалъ эти дни, какъ рѣшилъ не поддаваться обуявшимъ его помысламъ, но онъ былъ совершенно безсиленъ, и это сознаніе дѣйствовало на него угнетающе. „Неужели я не въ силахъ бороться съ собой?“—и отвѣтъ былъ: „Да, не въ силахъ“.

X.

Власъ очень плохо спалъ ночь и вышелъ на покосъ вялый и угрюмый. Покосъ только-что начинался. Мужики стояли на выгонѣ и поджидали, когда соберутся всѣ, чтобы приступить къ дѣлежкѣ. Кругомъ сараевъ разстилалось цѣлое море высокой, густой и сочной травы, пестрѣющей яркими цвѣточками и смоченной обильной росой. Мужики поглядывали на это, въ короткое время появившееся предъ ними, богатство и перекидывались по этому поводу разными словами.

— У Бога-свѣта всего доспѣто и всего къ своему времени много. Давно ли тутъ лежали сугробы; землю, было, ломомъ не возьмешь, а теперь ишь что!

— Благодать, одно слово!..

Всѣ были очень хорошо настроены. Когда собрались всѣ, раздѣлили по первой полосѣ, и другъ передъ дружкой принялись за работу.

Загремѣли косы, зажужжала трава. Власъ и за работу принялся вяло. Нескладно размахиваясь, онъ сбивалъ, а не срѣзалъ траву. Зато Сидора отличалась: она дѣлала такія ловкія движенія, брала широкіе прокосы и косила чисто и гладко. Власъ, какъ ни былъ плохо настроенъ, не могъ не залюбоваться ею. Но это не успокоило его, а еще болѣе растравило въ немъ его чувство, и въ концѣ концовъ онъ совсѣмъ расплелся. Люди кончили эту полосу и пошли на другую, закричали къ жеребью, но у Власа оставался еще не скошеннымъ сшибокъ. Сидора зашла къ нему напередъ и проговорила:

— Ступай ужъ, дѣли тамъ, а я здѣсь докончу!..

Власъ перешелъ на другую полосу, но дѣло у него въ рукахъ и тутъ не спорилось. Онъ самъ себя не узнавалъ; такой ли онъ былъ прежде косецъ. Это его раздражило, и онъ крѣпко выругался.

— Что это ты такой сегодня?—удивленно глядя на него, спросила Сидора.

Власъ взглянулъ на нее пристальнымъ взглядомъ. На лицѣ его играли краски, и глаза горѣли безумнымъ огнемъ. Онъ однако отвернулся отъ работницы; медленно нахлобучилъ картузъ; нагнулся, взялъ клокъ травы и сталъ вытирать имъ косу.

— Сказалъ бы я тебѣ словечко, да здѣсь не мѣсто и не время,—сквозь зубы проговорилъ онъ.

— Какое словечко?

— А такое,—такимъ же тономъ добавилъ Власъ и, вскинувъ косу на плечо, поплелся на другой конецъ полосы.

Сидора проводила его изумленнымъ взглядомъ и, не понявъ ничего изъ его словъ, стала разбивать подкошенный валъ травы.

По окончаніи перваго утра, хохловцы рѣшили спрыснуть начало покоса и послали за водкой. Власъ, до этого рѣдко пившій водку, говорилъ, что не понимаетъ въ ней скусу; но на этотъ разъ онъ всю приходившуюся на его долю выжегъ, какъ огнемъ, и сдѣлался навеселѣ. Онъ почувствовалъ, какъ давившая его тягота разсѣялась,—ему стало легче и веселѣй. И онъ ужъ шелъ домой не то что на работу. Иринья, увидавъ его, удивилась.

— Никакъ ты вина натрескался?

— Ой, пить будемъ и гулять будемъ; когда смерть придетъ, умирать будемъ!—пропѣлъ Власъ, щелкая пальцами, и весело засмѣялся.

— Этого еще не доставало,—угрюмо пробурчала Иринья.

— А что жъ такое,—намъ не пить, а кому же пить-то?—бормоталъ все болѣе и болѣе раскисавшій Власъ.—Живемъ хорошо, а ожидаемъ лучше.

Онъ опустился на лавку, подозвалъ къ себѣ Дуньку, поднялъ ее на руки и началъ ее цѣловать.

— Дочка моя милая, эхъ ты, моя черноглазая!

Онъ пообѣщалъ Мишкѣ въ первый рынокъ купить складной ножичекъ. Пошутилъ съ Сидорой. Сидора, видѣвшая его первый разъ пьянымъ, громко смѣялась:

— Батюшки, какой ты чудной-то, вотъ чудной-то!..

Власъ тоже смѣялся на ея смѣхъ; но когда онъ послѣ обѣда улегся въ пологъ отдыхать, Иринья услыхала, что онъ всхлипываетъ. У нея на сердцѣ стало еще тяжелѣе.

XI.

Покосъ былъ въ самомъ разгарѣ. Погода стояла хорошая, и уборка шла безъ остановки. Работали всѣ еще весело. Иринья продолжала глядѣть на мужа съ работницей съ безпокойствомъ. Она слѣдила за каждымъ ихъ шагомъ. Откуда бы они ни приходили, она сейчасъ окидывала ихъ испытующимъ взглядомъ. Часто она ночью спохватывалась и, думая, что Власа нѣтъ, торопливо шарила руками вокругъ себя, и чѣмъ дальше, тѣмъ она враждебнѣе глядѣла на обоихъ. Власъ видѣлъ, что и Сидора догадывалась, въ чемъ ее подозрѣваютъ, но ее, кажется, нисколько это не угнетало, а скорѣе приводило въ веселое настроеніе. Она съ улыбкой поглядывала на ревнивые взгляды хозяйки и, кажется, готова была ее подразнить.

Однажды, придя съ лугу, Сидора проговорила:

— А сегодня на лугу что смѣху-то было.

— На что?—спросилъ Власъ.

— Иванъ Петровъ свою жену раздразнилъ.

— Чѣмъ же?—улыбаясь загодя, увѣренный, что услышитъ что-нибудь веселое, повторилъ вопросъ Власъ.

— Огребали они вмѣстѣ; послѣ огребки стала она его домой звать, а онъ не пошелъ. „Я, говоритъ, около дѣвокъ посижу“,—она и разбрюзжалась: „Тебѣ только съ дѣвками, а на жену-то глядѣть не хошь?“ Онъ ее дразнить, а она въ слезы.

Сидора весело захохотала. Ея смѣхъ поддержалъ Власъ. Иринѣ это было не по душѣ, и она угрюмо пробурчала:

— Ишь, какъ вамъ любо это!

— А то что же теперь, плакать надъ ней, когда она такую дурь оказываетъ.

— Да еще на людяхъ,—поддакнулъ работницѣ Власъ.

— И мужъ-то тоже уменъ—отъ жены да къ дѣвкамъ.

— Вѣдь онъ шутя!

— Нашелъ тоже чѣмъ пошутить.

— Чѣмъ-нибудь себя развеселить, а то отъ нея-то, видно, ни пѣсенъ, ни басенъ, ни добрыхъ словъ.

— Что же она, нѣшъ не человѣкъ?

— Человѣкъ, да не настоящій.

— Ваше теперь счастіе, что вы хороши; не всѣмъ такимъ быть, надо кому-нибудь и похуже.

Иринья сказала это съ такимъ раздраженіемъ, что у нея покраснѣло лицо и засверкали глаза.

Сидора перестала смѣяться и насупилась.

— Мы про себя не говоримъ.

— Ну и другимъ нечего бока промывать, а то, ишь, хороши очень—никто по-вашему и жить-то не потрафитъ.

— Баба, не горячись!—шутливымъ тономъ окрикнулъ жену Власъ.

— Что жъ мнѣ молчать-то, я не въ чужомъ домѣ, кого мнѣ бояться-то?

— Стыда бойся, дура!—уже серьезно сказалъ Власъ.—Что изъ пустяковъ себя-то надрывать.

— Другіе ничего не боятся,—ни совѣсти ни стыда, а мнѣ была нужда опасаться!

— Кто это не боится ни совѣсти ни стыда? — принимая намекъ на свой счетъ и въ свою очередь ощетиниваясь, проговорила Сидора.

— Да хоть бы ты!

— Что же это я такое безъ совѣсти дѣлаю?

— Сама знаешь!..

— Я ничего не знаю, ты скажи.

— Нечего мнѣ тебѣ сказывать-то, не маленькая!

— Нѣтъ, говори! — уже свирѣпо крикнула Сидора и на-

ступила на Иринью.—Что это мнѣ слова становится нельзя сказать, все пересмѣшки да пересуды. Чѣмъ я тебѣ не услужила? Не по нраву, разсчитывай, а такъ измываться нечего.

— Работаешь-то ты хорошо, да дѣлаешь нехорошо.

— Что такое, докажи! Я за собой худа не знаю, а ты знаешь!

— Нѣтъ и ты знаешь!

— Нѣтъ, не знаю!

— Нѣтъ, знаешь, шкура ты этакая?— не взвидѣвъ свѣта, взвизгнула Иринья, и въ голосѣ ея послышались отчаяніе и слезы.—Ты меня съ мужемъ разлучила, разлу-у-чница!..

Сидора какъ кошка на мышь бросилась на Иринью, схватила ее за волосы, хлопнула объ полъ и насѣла на нее. Власъ кинулся на Сидору, обхватилъ ее обѣими руками подмышки и сталъ оттаскивать отъ жены. Онъ запыхался и, не помня себя, кричалъ:

— Что вы, что вы, дьяволы! Да какъ вы смѣете? Я васъ водой оболью!

— Хоть кипяткомъ ошпаривай! — пересѣвшимъ голосомъ и отходя въ сторону, тяжело дыша, проговорила Сидора.— Я позорить себя незнамо кому не дамъ. Какая шкура, какая разлучница? Что я, какая-нибудь? Я, слава Богу, въ дѣвкахъ жила честно, благородно до 24 годовъ; замужемъ никто ничего не скажетъ, а ты меня позорить!

— Сволочь ты, сволочь... — выла Иринья, сидя на полу растрепанная съ оцарапаннымъ вискомъ.—Тебя со двора-то грязной метлой!..

— Нѣтъ, не пойду, а коли пойду, то за весь срокъ деньги вытребую, за безчестье на судъ на тебя подамъ. Я те покажу, какъ честныхъ бабъ срамить.

Сидора такъ разошлась, что Иринья, несмотря на полученную ею обиду, чувствовала, что ея подозрѣніе на нее напрасно. Отъ этого ей стало еще горше, и она, не поднимаясь съ пола, продолжала плакать.

Власъ съ сокрушеніемъ посмотрѣлъ на Сидору и Иринью, и, злобно плюнувъ, вышелъ изъ избы.

Вернулся домой Власъ только вечеромъ; онъ былъ пьянѣе, чѣмъ въ первое утро покоса, но не былъ такъ шутливъ. Войдя въ избу, онъ уставился на Иринью свирѣпымъ взглядомъ и проговорилъ:

— Жена, погляди на своего мужа, да простися, — былъ онъ къ тебѣ хорошъ, да весь вышелъ.

Иринья сидѣла въ это время въ углу и что-то зашивала; она молча взглянула на него и, вставши съ мѣста, повернулась въ уголъ.

— Зарѣзала ты меня, совсѣмъ съ пахвей сбила. Понимаешь ты это дѣло или нѣтъ?

Въ избу вошла Сидора; она была необыкновенно угрюма. При видѣ работницы пьяный Власъ расцвѣлъ въ улыбку и проговорилъ:

— Сидора, милая ты моя, дай я тебя поцѣлую!

— Милая, да не твоя,—грубо проговорила Сидора и стала собирать на столъ.

— Дай я тебя, говорю, поцѣлую!

— У тебя, эна, хозяйка есть, цѣлуйся съ ней, сколько душа желаетъ.

— А если я тебя желаю?

— Мало что ты-то желаешь, да я-то не хочу.

Власъ принужденно засмѣялся и проговорилъ:

— Ой-ли!.. Ну и наплевать; мы коли съ хозяйкой поцѣлуемся.

Онъ подошелъ къ Иринѣ и хотѣлъ ее обнять. Та отвернулась и вышла изъ избы.

XII.

Цѣлую недѣлю Мигушкины не глядѣли другъ другу въ глаза, хотя отъ утра до вечера были вмѣстѣ, работая на покосѣ и убирая высушенное сѣно. Травы въ этомъ году уродилось такъ много, что они за день еле успѣвали управляться съ ней. Всѣ страшно уставали; ѣли наскоро; спали по четыре часа въ сутки. Одинъ шутникъ сказалъ какъ-то на лугу:

— Я думаю, теперь ни одинъ плясунъ хорошо не спляшетъ.

Былъ уже конецъ іюля. Жары, стоявшія все время, стали перемежаться; по небу забродили облачка; роса нѣсколько дней не выпадала—ожидали дождя. Дождя всѣ желали, потому что все замерло отъ жары и жаждало влаги. Хорошія травы были выкошены и добивали уже такъ кое-что. Въ одинъ день раскинули полосы для косьбы, раздѣленныя для подъемки. Подыматься онѣ должны были на будущій годъ, а въ этомъ году положили расчистить росшіе на нихъ кусты и пользоваться каждому травой. Власъ съ Сидорой скосили полосу утромъ, а послѣ чая пошли ее огребать. Еще когда они выходили изъ дома, облака въ одномъ углу неба собирались въ огромную тучу; когда же они пришли на полосу, до нихъ донеслись глухіе раскаты далекаго грома. Власъ и Сидора только-что было принялись сваливать траву въ валы, какъ зловѣщій гулъ заставилъ ихъ поднять глаза кверху. Надъ ними быстро неслась къ востоку сплошная туча; она закрывала половину неба и подбиралась къ солнцу; хвостъ тучи былъ бѣлый, и онъ соприкасался съ землею уже замѣтнымъ издали дождемъ. Вскорѣ крупныя капли дождя начали падать и на нихъ.

— Намочитъ!—сказалъ Власъ и обернулся кругомъ; неподалеку отъ нихъ на чьей-то полосѣ стоялъ еще невырубленный кустъ. Власъ рѣшилъ подъ нимъ пока спрятаться отъ дождя.—Пойдемъ,—сказалъ онъ Сидорѣ и бѣгомъ побѣжалъ къ кусту.

Сидора не отставала отъ него. Власъ оглянулся на нее, и сердце его сильно забилось. Подойдя къ кусту, онъ нагнулся и полѣзъ въ его чащу. Сидора послѣдовала за нимъ. Сучья молодыхъ елокъ въ одномъ мѣстѣ сходились шатромъ, но шатеръ былъ очень небольшой; Власъ расположился подъ нимъ. Сидора осталась съ краю. Но только они размѣстились, какъ пошелъ дождикъ очень крупный и очень теплый. Сидору стало доставать дождемъ; она невольно подалась въ глубь и придвинулась къ Власу.

Сердце Власа продолжало стучать безъ умолку; голова

его горѣла; въ горлѣ першило; въ рукахъ и ногахъ чувствовалась дрожь. Мысли путались въ головѣ, и если бы онъ задумалъ что сказать, то едва ли бы его языкъ легко ему повиновался.

Вся сила чувства, которую онъ испытывалъ къ Сидорѣ, поднялась изъ глубины его сердца и охватила его всего. Онъ видѣлъ, что подошелъ случай рѣшить все, и страшно хотѣлъ имъ воспользоваться и боялся его упустить.

„Если на этотъ разъ пропущу, ну, тогда и ждать нечего“, подумалъ онъ и почувствовалъ, какъ его обуялъ какой-то страхъ. Въ мысляхъ рѣшимость была полная, но языкъ его не слушался.

Вдругъ онъ набрался смѣлости, откашлянувшись и постаравшись овладѣть голосомъ, проговорилъ:

— Подвигайся сюда, а то прольетъ!..

— И то,—сказала Сидора и чуть не ползкомъ стала подвигаться къ Власу.

— Вотъ сюда, совсѣмъ ко мнѣ, — сказалъ Власъ и дрожащими руками взялъ ее за локти и подтащилъ къ себѣ.

Сидора молча высвободилась изъ его рукъ и, поднявши голову, сѣла неподалеку отъ него, поджимаясь какъ курица и стараясь, чтобы на нее не попала ни одна капелька.

Власъ уже окончательно не могъ владѣть собой при такой близости ея. Онъ протянулъ къ ней руки, постарался обвить ихъ вокругъ ея шеи и перерывающимся голосомъ проговорилъ:

— Сидора!..

— Ну?—сказала Сидора, взглянула къ нему въ глаза и взялась своими руками за его руки.

— Моя баба грѣшитъ на насъ... напрасно.. Такъ пусть ужъ это будетъ не напрасно.

Сидора нахмурила брови, быстро оторвала его руки отъ себя и проговорила:

— Что это ты выдумалъ?

— Не сейчасъ я это выдумалъ, давно хотѣлъ сказать тебѣ, да все случая не выходило.

— Лучше бы его и не выходило.

— Отчего?

— А отъ того... пустыя эти рѣчи.

— Сидора!—умоляюще воскликнулъ Власъ.—Пожалѣй ты меня!..

— Жаль тебя, да не какъ себя.

— Что жъ тутъ тебѣ-то, Господи!

— Ну, ужъ это мое дѣло...

— Сидора!..

— Перестань, не трепли зря языкомъ... все равно ничего не выйдетъ.

— Сидорушка!—чуть не со стономъ крикнулъ Власъ и опять хотѣлъ обнять ее и притянуть къ себѣ. Сидора увернулась отъ него и отстранила его руки. Глаза ея засверкали.

— Лучше не приставай! Какъ тебѣ не совѣстно: ты человѣкъ женатый, у тебя дѣти, а что ты задумываешь? Ишь ты, осатанѣлъ...

— Сидора, я на што хошь для тебя пойду!

— На кой ты мнѣ! Очень ты мнѣ приболѣлъ!—съ дикой злобой воскликнула Сидора.—Ахъ вы, паскудники! Всѣ вы мужики-то такіе. Лѣтось одинъ проходу не давалъ, нонче другой... Вы для того работницъ-то нанимаете, женамъ на смѣну?

Власа охватило отчаяніе. Онъ никакъ этого не ожидалъ. Да неужели это правда? Онъ не вѣрилъ себѣ.

— Нѣтъ, ты послушай!—задыхающимся голосомъ шепталъ Власъ.

— Нечего мнѣ слушать... Отстань, сиди смирно да молчи, а то я тебя вотъ на дождь выпихну.

— Такъ пихай!—крикнулъ не помня себя уже Власъ.—А не уйдешь ты отъ меня!—и онъ набросился на Сидору; обвилъ ея станъ обѣими руками и стиснулъ его изо всей силы.

Онъ очутился къ ней лицомъ къ лицу въ такой близости, въ какой никогда не бывалъ. Онъ ужъ намѣревался впиться въ ея губы своими губами, какъ вдругъ замѣтилъ, что вся

она побагровѣла, глаза ея загорѣлись безумнымъ огнемъ, и вслѣдъ за этимъ онъ почувствовалъ, какъ горло его сдавили жесткіе сильные пальцы. Въ его глазахъ забѣгали круги, къ вискамъ прилила кровь, и онъ чуть не потерялъ сознанія. Руки его сами собою распустились; онъ выпустилъ станъ Сидоры изъ своихъ рукъ и грохнулся ничкомъ на игольникъ. Горло его въ это время освободилось, но его самого свернули въ комокъ и сильно толкнули изъ-подъ куста; сейчасъ же онъ почувствовалъ подъ собою не игольникъ, а траву, и сверху на него посыпался дождикъ; онъ открылъ глаза и увидалъ, что онъ уже не подъ кустомъ. Онъ вскочилъ на ноги, горя безумнымъ желаніемъ продолжать борьбу и во что бы то ни стало быть побѣдителемъ; съ такимъ намѣреніемъ онъ бросился опять въ глубь чащаря. Но онъ не разсчиталъ, какъ ему пригнуться, и ткнулся лицомъ въ еловый сукъ, уколовшій его и обдавшій его дождемъ. Власъ схватился за лицо, провелъ по немъ рукой и почувствовалъ, что охватившее его безуміе исчезаетъ и онъ уже входитъ въ полное сознаніе.

Но онъ все-таки полѣзъ подъ кустъ, сѣлъ неподалеку отъ Сидоры и съ печальнымъ укоромъ проговорилъ:

— Что же это ты со мной дѣлаешь?

— А ты со мной что дѣлаешь?—звенящимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы, проговорила Сидора.—Что ты ко мнѣ пристаешь, аль я отъ тебя добиваюсь чего? Господи, Боже, зачѣмъ ты меня зародилъ такую несчастную!

И она закрыла лицо руками и всхлипнула.

Власъ сидѣлъ совершенно отрезвѣвшій и застылъ въ своемъ положеніи. Онъ представлялъ себѣ, что здѣсь случилось, и вдругъ жгучій стыдъ, какого онъ никогда не испытывалъ, охватилъ его; онъ не могъ уже находиться вблизи Сидоры. Выскочивъ изъ-подъ куста, онъ бросился ничкомъ на траву и лежалъ такъ долго, совсѣмъ не замѣчая, что надъ нимъ гремитъ гроза и льетъ дождикъ. И когда его всего промочило до нитки и его охватила дрожь, онъ поднялся съ мѣста и, поднявши на плечо грабли, зашагалъ ко дворамъ.

XIII.

Послѣ этого Власъ проснулся среди ночи, и вдругъ въ его памяти съ поразительной ясностью встало то, что случилось съ нимъ въ прошедшій день. По его спинѣ пробѣжалъ морозъ, и онъ съ ужасомъ подумалъ: „Господи, неужели это не во снѣ?“ Случившееся было не во снѣ. Въ сердцѣ Власа поднялась глухая, ноющая боль. Онъ легъ ничкомъ, стиснулъ зубами подушку и долго лежалъ такъ, пока сонъ не охватилъ его.

На другой день косить не пошли, и Власъ провалялся въ пологу все утро. Ему не спалось, но и не хотѣлось вставать. Ну, какъ онъ взглянетъ въ глаза Сидорѣ, женѣ! Какъ будетъ отвѣчать на невинный дѣтскій лепетъ! Онъ, этакій дуракъ, остолопъ, орясина! Онъ, свалявшій такого дурака накунунѣ! Эхъ, да можно ли ему теперь на свѣтъ глядѣть, да стоитъ ли?

Однако, какъ ни скверно было его положеніе, Власъ нашелъ ему выходъ: онъ опять рѣшилъ напиться. Прямо изъ полога онъ черезъ заднюю калитку ушелъ со двора и пришелъ домой только къ обѣду—пьяный какъ грязь.

Черезъ три дня кончили покосъ и, чтобы обмыть косы, хохловцы опять взяли ведро вина, и Власъ опять выпилъ всю свою долю и опять сдѣлался пьянъ. Иринья плакала, глядя на то, что дѣлается съ мужемъ, и говорила, что имъ не миновать теперь пропадать. Не радовалась и Сидора: она ходила угрюмою и замѣтно стала худѣть. Работала она попрежнему, но отъ нея уже не слыхали ни шутокъ ни пѣсенъ; порой она по цѣлому дню не выпускала и простого слова. Время пошло побыстрѣе. Солнце попозже всходило и раньше садилось. Ночи стали длиннѣе. Работа изъ луговъ перешла на поле. Въ этихъ работахъ больше приходилось участвовать всей семьѣ, и Власъ былъ этимъ очень доволенъ. Онъ боялся оставаться съ Сидорой съ глазу на глазъ и избѣгалъ этого. При воспоминаніи о томъ, что между ними произошло, онъ чуть не вскрикивалъ, и какое бы то дѣло

ни было у него, оно валилось изъ рукъ. Онъ совсѣмъ измѣнился, сталъ угрюмый, осунувшійся, подурнѣвшій. Работалъ онъ машинально; говорилъ только по дѣлу и при каждомъ случаѣ напивался. Напивался онъ такъ часто, что ужъ Иринья перестала этому удивляться; она только все чаще и глубже вздыхала и дѣлалась темнѣй и въ лицѣ и во взглядѣ.

XIV.

Въ началѣ сентября ко двору Мигушкиныхъ подъѣхала подвода. На телѣгѣ сидѣла дѣвка, небольшая, худощавая, бѣлокурая, съ рѣдкими веснушками по лицу. Мигушкины въ это время обѣдали. Сидора, замѣтивъ подводу, вдругъ преобразилась; ни слова не говоря, вдругъ поспѣшно вылѣзла изъ-за стола и выскочила изъ избы.

Власъ и Иринья переглянулись въ недоумѣніи; потомъ Иринья выглянула сквозь окна на улицу.

— Цѣлуются, знать родная ей!—говорила она, видя, что дѣлается на улицѣ, и вдругъ воскликнула:

— Батюшки, да это ея золовка, а я не узнала сразу!

Сидора и ея золовка вошли въ избу. Дѣвка помолилась и поздоровалась. Мигушкины отвѣтили ей на привѣтствіе. Сидора, необычайно возбужденная, сказала:

— Ну, хозяева, вотъ вамъ вмѣсто меня смѣнка, а я отъ васъ уволюсь.

— Надолго ль?—спросила Иринья.

— Да ужъ, можетъ, до отставу: мужъ въ побывку пришелъ.

Она казалась такою цвѣтущею и радостною, какою ее давно не видали. Иринья глядѣла на нее и изумлялась совершившейся въ ней перемѣнѣ. Ей чувствовалось, какъ дорогъ бабѣ мужъ, и опять ея подозрѣнія поколебались. Неужели она, коли такъ мужа любитъ, баловаться будетъ,— а впрочемъ, чужая душа потемки. Она взглянула на Власа. Тотъ сидѣлъ опустившійся, и во взглядѣ его сквозила тяжелая грусть; эта грусть видно камнемъ давила ему грудь. Онъ

вдругъ тяжело вздохнулъ и отвернулся въ сторону. Въ сердцѣ Ириньи опять заточилъ обычный червякъ, и она съ злорадствомъ подумала: „Вздыхай не вздыхай, а теперь ужъ не твоя“.

— Ничего, хозяева, что я вмѣсто себя другого человѣка-то поставлю?—спросила Сидора.

— Ничего, ничего!—весело проговорила Иринья.

Сидора не стала и дообѣдывать, а быстро собрала свое добро, одѣлась и уѣхала.

Золовку Сидоры звали Александра. Она только еще выравнивалась въ дѣвку. У ней не было ни такой силы ни сноровки, какъ у Сидоры, но Иринья глядѣла на это сквозь пальцы; она была съ нею ласкова, какъ съ гостьей; всегда говорила съ ней, разсказывала, разспрашивала; она точно ожила. Но Власъ съ каждымъ днемъ все ниже и ниже опускалъ голову. Ему безотвязно лѣзли въ голову мысли о Сидорѣ, о его чувствахъ къ ней, о схваткѣ ея съ женой, о своей неудачѣ. Онъ представлялъ ее съ мужемъ, ихъ взаимную любовь, и чувствовалъ себя, что онъ самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ. Ему тогда дѣлалось непонятнымъ, зачѣмъ онъ живетъ, хозяйствуетъ, раститъ дѣтей. Для чего все это? И такія мысли преслѣдовали его чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Заглушалъ онъ ихъ только тогда, когда напивался.

Напиваться онъ сталъ все чаще и чаще. Пьяный онъ не буянилъ, но держался такъ, что всѣ его стали бояться: и Иринья и ребятишки. Но всѣхъ больше его боялась Александра. Она признавалась Иринье, что она еще не видала такихъ нелюдимыхъ мужиковъ. Иринья вздыхала и соглашалась съ ней. Она сама до этихъ поръ его не знала.

XV.

Въ осенній Сергіевъ день въ уѣздномъ городѣ была ярмарка. Власъ повезъ туда продавать возъ льняного сѣмя, уродившагося въ этомъ году хорошо, и предполагалъ тамъ купить кое-что для ребятишекъ. Возъ онъ направилъ съ

вечера, и едва перевалило за полночь, онъ всталъ и сталъ справляться въ путь. Ночь была ясная, звѣздная; взошелъ мѣсяцъ, и хотя его осталось не больше половины, но отъ звѣздъ и мѣсяца было довольно свѣтло. Дорога, по случаю стоявшей сухой погоды, была гладкая; лошадь тянула возъ свободно. Власъ забрался на мѣшки, перекинулъ ногу черезъ грядку и сидѣлъ такъ, покачиваясь отъ толчковъ телѣги.

Онъ, какъ и всегда послѣднее время, думалъ о Сидорѣ и съ душевной болью старался разгадать, что же это его притягиваетъ такъ къ ней. Онъ хорошо сознавалъ и сначала, а теперь тѣмъ больше, что ему ею не обладать. У ней есть мужъ; при томъ же она къ нему совсѣмъ равнодушна. Она, должно быть, любитъ своего мужа, и „баловать“ она не пойдетъ; самое умное—ему выкинуть ее изъ головы. Но онъ этого не можетъ. Онъ разбился мыслями во всемъ: его оттолкнуло отъ жены и отъ дѣтей. Ужъ не колдовство ли это? Но Власъ сейчасъ же прогналъ эту мысль: какой оно могло имѣть смыслъ? Другое дѣло, если бы баба хотѣла его приколдовать. Власъ терялъ голову и чувствовалъ, какъ у него заходитъ умъ за разумъ.

— Если бы нашелся такой человѣкъ, отворожилъ бы меня отъ нея, ничего бы, кажись, не пожалѣлъ,—вслухъ подумалъ Власъ,—ей-Богу!

И онъ опять сталъ убѣждать себя, какъ это не идетъ ему этимъ заниматься. Вотъ онъ запилъ, за одно лѣто оказалъ въ себѣ такую прыть, какой никто въ немъ не ожидалъ. А въ какое гадкое положеніе онъ ввелъ жену и себя! При воспоминаніи объ этомъ наединѣ у Власа захватило духъ, и краска залила лицо. Что это? Къ чему это?

Но вмѣстѣ съ тѣмъ образъ Сидоры продолжалъ стоять въ его воображеніи, и все, какъ всегда, въ притягательномъ видѣ. Власу стало отъ этого больно до слезъ, и онъ горько вздохнулъ.

Когда онъ сталъ подъѣзжать къ городу, ужъ разсвѣтало. Ярмарочный гулъ, какъ шумъ высокаго лѣса или журчанье далекой рѣки, стоялъ надъ городомъ, несмотря на раннiй

часъ, и тѣмъ самымъ втягивалъ всякаго попавшаго въ этотъ водоворотъ, въ дѣловое настроеніе. Власъ тоже оставилъ свои мысли и думалъ о другомъ. Онъ задумался о томъ, гдѣ ему лучше встать на базарѣ, по чемъ просить за сѣмя, какъ продавать его. И чѣмъ ближе онъ подъѣзжалъ къ городу, тѣмъ больше дѣлался обозъ въѣзжавшихъ въ него, и тѣмъ отчетливѣе становился ярмарочный шумъ. Теперь ужъ доносились отдѣльные голоса, мычали продаваемыя коровы, блеяли овцы, люди галдѣли во все горло. Несмотря на раннее утро, купля-продажа шла во всю.

Власа встрѣтили на дорогѣ и не дали ему стать на мѣсто, какъ начали покупать товаръ. Власъ, не любившій никогда калякать, продалъ сѣмя съ двухъ словъ, и его повели ссыпать сѣмя.

Ссыпавъ сѣмя и получивъ деньги, Власъ уставилъ лошадь, задалъ ей корму и вышелъ за ворота. Только онъ очутился на улицѣ, какъ въ ближайшей церкви ударили въ колоколъ. Власъ снялъ шапку и перекрестился. Колоколъ, потрясая воздухъ, прогудѣлъ еще и еще, и вдругъ полились звучные и мѣрные удары; у Власа что-то дрогнуло внутри. Онъ проникся умилительнымъ настроеніемъ, и его вдругъ потянуло въ церковь. „Пойду я помолюсь святому угоднику, не поможетъ ли онъ избавиться мнѣ отъ моего попущенія. Больше ничего дѣлать не остается,—надо какъ-нибудь бороться“. И онъ пошелъ въ церковь.

Церковь была не то, что въ Хохловѣ: иконостасъ ея горѣлъ рѣзьбой и позолотой. Вездѣ были зажжены сотни свѣчей; толпа народу валила во входную дверь и разбродилась по разнымъ угламъ вмѣстительнаго храма. На клиросѣ стояли, откашливаясь, пѣвчіе; на другомъ клиросѣ дьячокъ читалъ часы.

Власъ взялъ двѣ свѣчки; самъ поставилъ ихъ на канунъ и Спасителю и, ставши въ уголокъ, истово сталъ молиться.

Онъ выстоялъ всю обѣдню, подошелъ ко кресту и вышелъ изъ церкви съ серьезнымъ, нѣсколько вытянувшимся лицомъ

и умиленнымъ взглядомъ. Онъ прошелъ на постоялый дворъ, поправилъ у лошади кормъ, осмотрѣлъ ее и направился къ трактиру пить чай.

XVI.

Трактиры всѣ были переполнены, и Власъ едва выждалъ себѣ мѣсто за небольшимъ столикомъ. Люди пили водку, но Власъ рѣшилъ ничего не пить, кромѣ чаю, закусить, а потомъ напоить лошадь, закупить, что надо и отправляться домой.

Послѣ стоянія въ церкви онъ чувствовалъ внутри себя миръ и тишину, давно ему незнакомые, и наслаждался этимъ. Давно онъ не испытывалъ такого состоянія, и оно ему было страшно пріятно, онъ упивался имъ. Онъ сидѣлъ, не обращая никакого вниманія на другихъ, и спокойно пилъ чашку за чашкой. Допивъ послѣднюю чашку, онъ отправилъ въ ротъ оставшійся кусокъ калача и поднялъ глаза отъ стола, чтобы подозвать къ себѣ полового. Глаза его уперлись во входную дверь, и въ этой двери въ это самое время мелькнуло что-то знакомое, близкое, при чемъ только было успокоившееся сердце его опять затрепетало. Онъ вглядѣлся и увидалъ, что въ трактиръ входитъ Сидора. Власа точно ударило обухомъ; голова его закружилась, въ глазахъ замелькали огни. Онъ однако не могъ отвести ихъ отъ входившей и впился въ нее, не отрываясь.

Сидора была разодѣта по праздничному. На ней была суконная жакета; легкая шаль лежала вокругъ шеи; голова была покрыта шелковымъ платкомъ. Она вся сіяла радостью и довольствомъ. Вслѣдъ за ней показался долговязый, сутуловатый солдатъ, державшійся одной рукой за небольшіе бѣлокурые усы, какъ бы боясь, чтобы они не отвалились. Власъ сталъ вглядываться въ солдата, и тотъ ему не понравился. Онъ никакъ не ожидалъ, чтобы у Сидоры былъ такой мужъ. У него былъ четыреугольный лобъ, мутные, свѣтло-сѣрые глаза, сидѣвшіе очень близко другъ къ другу. Красныя вѣки его были воспалены, и на лбу его совсѣмъ не

было замѣтно бровей. Носъ былъ не великъ, но онъ очень вытянулся книзу. Все лицо его имѣло грязноватый цвѣтъ и было покрыто рѣдкими рябинами. Угловатый подбородокъ онъ брилъ. Застегнувши сѣрую шинель на всѣ пуговицы, онъ щеголялъ военной выправкой, хотя она къ нему не очень шла. Свободныхъ мѣстъ въ трактирѣ не было, и Сидора съ мужемъ зорко выглядывали себѣ порожній столъ. Власъ не утерпѣлъ, чтобы не выслужиться передъ работницей, и крикнулъ:

— Эй, земляки! Мѣста, что ль, не найдете,—идите, я вамъ свое уступлю!

Сидора, увидѣвши Власа, всплеснула руками, сдѣлала смѣющееся лицо и проговорила:

— Батюшки, кого я вижу-то? Иванъ,—обратилась она къ солдату,—погляди, это мой хозяинъ!

Сидора и Иванъ протискались къ Власу и стали здороваться.

Власъ отвѣтилъ на ихъ привѣтствіе и пытливо взглянулъ на солдата, желая угадать, — сказала ему Сидора про ихъ кутерьму или нѣтъ?

Солдатъ стоялъ передъ нимъ вытянувшись, и Власу показалось, что и въ позѣ его и во взглядѣ нѣтъ того высокомѣрія и сознанія собственнаго превосходства, которыя непремѣнно должны бы быть, если бы Сидора посвятила его въ свою тайну. А, стало-быть, она ему ничего не говорила. Власу сдѣлалось веселѣй, и онъ проговорилъ:

— Подсаживайтесь,—лучше этого не найдете!

— Могимъ, здѣсь такъ здѣсь,—сказалъ солдатъ, и Власъ сталъ подниматься.

— А ты куда жъ?—опять смѣясь спросила его Сидора.

— На базаръ, я ужъ кончилъ.

— Съ нами компанію раздѣлите! — предложилъ ему солдатъ, занося ногу черезъ скамейку.—Чай на чай ничего, это палка на палку—плохо.

— Знамо дѣло,—а то мы его и отпустимъ,—проговорила Сидора.

Власъ немного помялся, взглянулъ на Сидору и проговорилъ:

— Можно, отчего же!..

— Ну, вотъ такъ-то,—все смѣясь сказала Сидора,—а то работали все лѣто вмѣстѣ, а погулять ни разу не пришлось.

— Давай погуляемъ,—заражаясь ея весельемъ и чувствуя, что только-что нашедшее на него состоянiе опять исчезло, сказалъ Власъ и велѣлъ подать имъ чаю.

— А холодное что кушаете?—спросилъ Иванъ.

— Есть грѣхъ.

— Такъ давай прежде холодненькаго!

Солдатъ въ свою очередь постучалъ и приказалъ подать бутылку водки.

— Съ кого начинать?—спросилъ солдатъ, когда водку подали.

— А вотъ съ нея, — нѣжно глядя на Сидору, сказалъ Власъ:—какъ, значитъ, она, такъ и мы.

— Ну, смотри!—сказала Сидора и выпила весь стаканъ.

Когда выпили эту бутылку, другую спросилъ Власъ. Опорожнивши эту, Власъ спросилъ третью. Пили всѣ поровну и всѣ захмелѣли. Всѣ говорили, стараясь что-то сообщить другъ другу, но понимать сообщаемое никто не былъ способенъ, поэтому всѣ слова шли въ воздухъ. Солдатъ то и дѣло повторялъ:

— Это я въ полку солдатъ, а тутъ я енералъ-фидьмаршалъ,—и, хватая пробѣгавшаго полового, онъ останавливалъ его и велѣлъ вытягиваться передъ собой во фронтъ.

— Кавалеръ, кавалеръ, одно слово!—лепеталъ заплетающимся языкомъ Власъ.—Ты кавалеръ, а жена твоя кавалерша. Тоись такая она работница, одно слово, золото, а не человѣкъ! Такъ, что ли, Сидора?

— Ничего я не знаю,—говорила Сидора, вздыхая и раскраснѣвшись, съ умиленiемъ глядя на своего Ивана.

— Что ты на него глядишь? Ты на меня гляди!—беря ее за руку, кричалъ Власъ.—Я тебя хвалю и всегда хвалить буду.

— А ты говори: рада стараться!.. Дура, — поучалъ жену Иванъ.

— Она и старается: если бы она была моя хозяйка, а не работница, я бы въ три раза лучше жилъ... Вотъ ей-Богу!..

— Такъ ты прибавь ей... прибавь ей на платье, коль доволенъ!

— Прибавить, отчего жъ? Сколько хочешь; мнѣ все равно, хоть пять, хоть десять рублей. Вотъ они, деньги-то!..

Власъ вынулъ кошелекъ и досталъ изъ него двѣ монеты.

— Вотъ оно, золото-то! Хошь подарю?.. А?.. Хошь?

Сидора молчала. Прислонившись къ мужу, она забыла все на свѣтѣ.

— Хошь озолочу, спрашиваю?—бормоталъ Власъ и опустилъ золотые на дно виннаго стакана; налилъ его водкой и поставилъ передъ Сидорой.

— Пей и пользуйся, слышь!

Сидора отрицательно замотала головой.

— Пей, дура! — сказалъ ей Иванъ. — Хошь, я помогу. — Онъ взялъ стаканъ, отпилъ изъ него половину и поставилъ остатки передъ женой.

— Остатки-то сладки, попробуй!

Сидора выпила водку, опрокинула стаканъ, взяла въ руку золотые и проговорила:

— Куда жъ мнѣ ихъ?

— Давай я спрячу,—сказалъ Иванъ, — а тамъ отдамъ.

Онъ досталъ изъ кармана кошелекъ, положилъ туда деньги и проговорилъ, обращаясь къ женѣ:

— Ну, теперь благодари!

— Покорничи благодаримъ,—проговорила Сидора и протянула Власу руку.

— Не такъ, въ губы, дура!—поучалъ мужъ жену.

Сидора поцѣловала Власа въ губы. Власъ, оторвавшись отъ Сидоры, изо всей силы застучалъ чайникомъ и необыкновеннымъ голосомъ крикнулъ:

— Эй, еще водки, закуски, подавай!..

XVII.

Александра на два праздника отпросилась домой, и Иринья была одна съ ребятами. День прошелъ; наступилъ вечеръ, Власа изъ города все не было. Иринья-то и дѣло выходила изъ избы, поглядывала, не ѣдетъ ли мужъ. Власъ не ѣхалъ. Всѣ сосѣди ужъ пріѣхали: Иринья пошла спрашивать про него у одного мужика.

— Не видалъ ли ты моего тамъ въ городѣ-то?—спросила Иринья.

— Видѣлъ.

— Продалъ онъ сѣмя-то?

— Давно продалъ.

— Что же онъ тамъ шьется-то?

— Въ канпанію попалъ, ну и загулялъ. Ты бы поглядѣла, какая канпанія-то: работница ваша прежняя, мужъ ея—кутятъ разлюли-малина; весь столъ бутылками уставленъ, колбаса на закуску, сухари.

— Что же онъ, пьяный?

— Лыка не вяжетъ.

Иринью точно полоснуло ножомъ. „Дорвался! Теперь пойдетъ писать. Господи, Батюшка, да что же это такое, съ мужемъ ее угощаетъ, гдѣ у него совѣсть-то дѣлась?“

Иринья почувствовала, какъ около глазъ закололо и въ нихъ пошли круги.

— Песъ онъ страмной!..—пролепетала она и, залившись слезами, пошла ко двору.

Дома она обхватила въ охапку ребятишекъ и стала плакать въ голосъ. Она плакала съ причитаньями, и изъ этихъ причитаній можно было разобрать, на что она жаловалась передъ судьбой. Она вспоминала прежнее безмятежное время и сожалѣла о немъ. Она думала, что оно никогда теперь не воротится, а прошло оно безслѣдно и безвозвратно. Нашелъ на нее Касьянъ высокосъ, поглядѣлъ на ихъ домъ и унесъ счастіе и покой, точно вихрь злой. Погибъ ея мужъ добрый и ласковый, радѣтель для жены и дѣтей; пропалъ ихъ пои-

лецъ-кормилецъ на вѣчный вѣкъ. Придется ей теперь горе мыкать да кукушкой куковать.

Ребятишки тоже плакали. Дунька ревѣла во весь голосъ, а Мишутка пробовалъ уговаривать мать. Иринья охрипла отъ плача; голосъ ея пересѣлъ; глаза опухли,—тогда только перестала она плакать.

Былъ ужъ вечеръ. Иринья приготовила на ночь воды, принесла дровъ и опять пошла на выгонъ поглядѣть, не возвращается ли мужъ. Она долго стояла за околицей, прислушиваясь, и понемногу ея слухъ сталъ различать, что гдѣ-то гремѣла телѣга. Давно ужъ смерклось; разглядѣть, гдѣ ѣдутъ, было нельзя. Иринья рѣшила ждать. Если ѣдетъ не Власъ, то она и у этого спроситъ про него. Подвода приближалась. Лошадь бѣжала полной рысью и ужъ была недалеко отъ села. Вотъ понемногу вырисовалась дуга, потомъ голова лошади; лошадь была ихъ. Сердце у Ириньи забилось; она ближе подошла къ дорогѣ и внимательнѣе стала вглядываться въ темноту. Сѣдока было не видать. Иринья перегородила лошади дорогу, остановила ее и заглянула въ телѣгу.

Въ телѣгѣ на мѣшкахъ лежалъ Власъ, свернувшись въ комокъ. Онъ крѣпко спалъ, и отъ него несло перегорѣлой водкой. Иринья взяла вожжи, сѣла на грядку и тронула коня.

Подъѣхавши ко двору, Иринья соскочила съ телѣги и стала выпрягать лошадь. Убравши лошадь, она растолкала Власа и стала стягивать его съ телѣги.

— Сидора, Сидора...—бормоталъ Власъ.

— Сидора! Арапникомъ хорошимъ тебѣ Сидору-то задать, вотъ ты будешь знать,—ахъ ты, безпутная твоя голова!

Она дернула его съ телѣги. Власъ торчкомъ ткнулся въ землю, тотчасъ же поднялся на четвереньки и хотѣлъ было встать на ноги. Иринья подхватила его подъ руки и потащила домой.

Въ избѣ Власъ тотчасъ же растянулся на полу, повернулся навзничь и громко захрапѣлъ, задравъ носъ кверху.

Ребятишки въ темнотѣ забрались въ уголъ и со страхомъ прислушивались къ храпу: они никогда не видали отца въ такомъ состояніи.

— Миска! Тятя помилаетъ?.. — спрашивала Мишутку Дунька.

— Нѣ—пьяный!—отвѣчалъ Мишутка.

— Отчего?..

— Отъ вина, знамо, натрескался!

— Тятя холосый, засѣмъ лугаешься?

— Ну, поди, поцѣлуй его.

— Я боюсь.

— А говоришь хорошій.

Иринья, между тѣмъ, выбрала все въ телѣгѣ, и тамъ, кромѣ пустыхъ мѣшковъ да веретья, ничего не было. Они сговаривались, чтобы Власу купить ребятишкамъ матеріи на крышку шубы Мишкѣ, чулки Дунькѣ и еще кое-что, но тамъ ничего не было и слѣда. „Загулялъ и забылъ“, подумала Иринья и, убравши все въ сѣняхъ, вошла въ избу.

Въ избѣ Иринья зажгла огонь и стала раздѣвать Власа. Власъ ругался и отмахивался, но Иринья все-таки стянула съ него поддевку и разыскала кошелекъ: ей хотѣлось узнать, сколько онъ прожилъ денегъ. Но въ кошелькѣ денегъ почти ничего не было. Иринья не повѣрила глазамъ; денегъ у него должно быть много, неужели онъ всѣ прогулялъ? Она выворотила кошелекъ, обыскала всѣ карманы, но ничего не нашла. Она опять опустилась на лавку и долго сидѣла, не сдвинувшись съ мѣста. Ей опять хотѣлось плакать, но слезъ уже не было. Ей въ эту ночь не было и сна: она чувствовала, что прежнее счастіе разбито окончательно, жизнь вступаетъ въ другое русло, и какъ она потечетъ по этому руслу,—Богу вѣсть.

Утромъ она встала, какъ разбитая, и даже не знала, что ей теперь дѣлать.

XVIII.

Власъ проснулся позже ея. Онъ прошелъ на лавку и долго сидѣлъ на ней, какъ ошалѣлый; потомъ онъ протеръ глаза

и сталъ шарить у себя въ карманѣ. Не найдя ничего въ одномъ, онъ отыскалъ поддевку и полѣзъ въ нее, но и тамъ ничего не было. Охрипшимъ голосомъ онъ спросилъ у Ириньи:

— Гдѣ кошелекъ?

— На что тебѣ? — съ невыразимою ненавистью глядя на мужа, спросила Иринья.

— Гдѣ кошелекъ? — не отвѣчая на вопросъ жены и возвышая голосъ, спросилъ Власъ.

— Да на что тебѣ кошелекъ-то, въ немъ ничего нѣтъ!

— Врешь!

— Что мнѣ врать-то, на, погляди!..—и она, взявши кошелекъ съ полки, кинула его мужу.

— Врешь! Ты обобрала деньги!

Иринья вышла изъ себя и закричала:

— Ахъ ты, забулдыга этакій! Прогулялъ все съ своей сударушкой да на меня сваливаетъ... Ахъ ты, непутевый!..

— Съ какой такой сударушкой?—зыкнулъ Власъ, и глаза его свирѣпо сверкнули. — Ты опять свое.

— Гдѣ жъ ты ихъ дѣлъ-то? Гдѣ жъ ты напился-то, какъ стелька? Ну, скажи...

— Гдѣ бы ни на есть, да не смѣй ты меня порочить! Я тебѣ всѣ ребра переломаю.

Власъ былъ неузнаваемъ: онъ совсѣмъ озвѣрѣлъ; глаза его точно хотѣли выскочить; руки дрожали; голова тряслась; въ такомъ состояніи отъ него всего можно было ожидать.

— Подавай деньги!..—гаркнулъ Власъ.

Отъ его крика проснулся спавшій на полатяхъ Мишка и вскочилъ оттуда горошкомъ. Власъ сталъ наступать на жену. Иринья оробѣла и выглядывала мѣсто, гдѣ бы ей поудобнѣй ускользнуть отъ него. Она бросилась было около печки, но Власъ смѣтилъ это, шагнулъ туда и загородилъ ей дорогу. Иринья взвыла. Власъ схватилъ ее за плечи и повалилъ на полъ; потомъ онъ сѣлъ на нее верхомъ и прорычалъ:

— Нѣтъ, не уйдешь, врешь...

Иринья было рванулась и вскрикнула. Мишка заблажилъ во все горло и бросился вонъ изъ избы. Тотчасъ же послышался его голосъ: „Тятя мамку бьетъ!“ — и разнесся по улицѣ.

Власъ, не помня себя, повторялъ:

— Нѣтъ, врешь! Ты скажи мнѣ, гдѣ деньги да кто у меня сударушка?..

Иринья снова заблажила благимъ матомъ. Власа отъ этого крика точно чѣмъ хлестнуло по вискамъ. Онъ зажалъ ей ротъ рукой, а другой рукой, размахнувшись, ударилъ въ ухо. Иринья, какъ змѣя, извернулась на мѣстѣ и освободила изъ-подъ руки мужа ротъ. Она заметалась туда и сюда, и вдругъ ей подъ руку попалось что-то желѣзное. Иринья машинально сообразила, что это — косарь, и онъ въ одну минуту былъ у нея въ рукахъ.

— Пусти!.. — провизжала Иринья.

Власъ не слышалъ ея крика. Онъ схватилъ ее обѣими руками за голову и стукнулъ затылкомъ подъ рядъ три раза. Не удовольствовавшись этимъ, онъ занесъ было руку и хотѣлъ еще разъ ударить ее въ ухо; но въ это время Власъ совершенно неожиданно получилъ ударъ въ грудь чѣмъ-то твердымъ и острымъ; онъ вздрогнулъ; ударъ повторился въ плечо и въ бокъ. Въ бокъ ударъ пришелся всего сильнѣе. Власа это точно обожгло; онъ схватился рукой за бокъ и почувствовалъ, что оттуда бьетъ что-то горячее. Онъ растерялся, пошатнулся. Иринья выскользнула изъ-подъ него; теперь ужъ онъ очутился внизу, и Иринья, вцѣпившись ему въ волосы, прохрипѣла:

— Будешь? Будешь безчинствовать?.. Сейчасъ убью!..

Въ лицѣ Власа выражался ужасъ и боль. Онъ держался рукою за бокъ и лепеталъ:

— Иринья!..

Иринья отбросила косарь, вскочила на ноги и, задыхаясь и покачиваясь, подошла къ столу. Власъ очнулся на полу въ сидячемъ положенiи; онъ все зажималъ рукою бокъ; лицо

его продолжало выражать ужасъ и боль, а подъ нимъ стояла лужа крови.

Въ сѣняхъ застучали, и въ избу, вслѣдъ за Мишкой, вбѣжалъ одинъ мужикъ.

— Что у васъ тутъ такое?—спросилъ онъ, пугливо озираясь кругомъ; ему не отвѣчали.

Мужикъ вдругъ поблѣднѣлъ и вскрикнулъ:

— Караулъ! Смертоубивство!.. Караулъ!..

Вслѣдъ за этимъ онъ бросился вонъ изъ избы. Мишка кинулся къ матери, не переставая плакать.

XIX.

Стояла полная зима. Хохлово, какъ и тысячи русскихъ селъ, было занесено снѣгомъ. Только узенькія дорожки шли отъ дворовъ къ пролегавшей по селу большой дорогѣ, какъ рукава мелкихъ рѣкъ, входившихъ въ одну большую. Не было ни того движенія, ни оживленія по улицѣ, какъ лѣтомъ. Кромѣ какъ во время уборки скота, рѣдко когда и показывался человѣкъ. Однажды передъ вечеромъ на улицѣ Хохлова показался староста. Онъ былъ въ новомъ полушубкѣ, подпоясанный кушакомъ, и въ сѣрыхъ валенкахъ. Борода его заиндивѣла; видно было, что онъ откуда-нибудь только-что пріѣхалъ. Онъ шелъ отъ своего двора къ серединѣ села, гдѣ стояла изба Мигушкиныхъ. Дойдя до ихъ двора, онъ свернулъ съ дороги и направился къ нему.

Пройдя крыльцо и сѣни, онъ вошелъ въ избу. Сразу съ холода онъ ничего не могъ разглядѣть, но мало-по-малу глаза его приглядѣлись, и онъ сталъ въ состояніи различать всѣ находящіеся въ избѣ предметы. Первымъ ему бросился Власъ. Онъ сидѣлъ у стола съ шубой на плечахъ, обросшій волосами, съ блѣднымъ, очень похудѣвшимъ лицомъ и тусклымъ взглядомъ. Около него помѣщался Мишка съ школьнымъ букваремъ, и Власъ растолковывалъ ему непонятныя школьныя мудрости. Иринья сгорбившись, съ ли-

цомъ безъ кровинки, пряла около суденки, а около нея дѣлала изъ тряпокъ куклу Дунька.

Иринья остановила свою самопрядку и загорѣвшимися отъ любопытства глазами взглянула на вошедшаго старосту. Власъ тоже повернулъ голову навстрѣчу ему; оба они ожидали, что тотъ скажетъ.

Староста перекрестился на иконы и проговорилъ:

— Здорово живете!..

— Добро жаловать!..

— А я вамъ вѣсточку принесъ.

— Что такое?..

Староста полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда два лоскутка бумаги и подалъ ихъ Власу.

— На волостной васъ вызываютъ, по вашему дѣлу.

— А къ слѣдователю-то?

— Слѣдователь больше не потребуетъ, онъ переслалъ всѣ бумаги къ земскому, а земскій въ волость. Въ волости, если хотите другъ на друга искать, то можете судиться.

Власъ глубоко вздохнулъ и проговорилъ:

— Ну, мы не пойдемъ!..

— Это—ваше дѣло, а мое дѣло вамъ повѣстку отдать, а тамъ какъ хотите. А ты все-таки распишись на другой повѣсткѣ: мнѣ ее отослать надо.

Власъ подошелъ къ божницѣ, взялъ оттуда заржавѣвшее перо и пузырекъ съ чернилами и написалъ на повѣсткѣ свое имя. Староста взялъ ее обратно и спросилъ:

— Ну, какъ твое здоровье?

— Ничего, теперь все зажило, только вотъ слабость во всемъ... Много крови вытекло.

Староста добродушно засмѣялся и поглядѣлъ на Иринью.

— Вонъ какъ она тебя угостила.

Иринья бросила прясть и взглянула на старосту грустнымъ взглядомъ.

— Ахъ, дядюшка Степанъ, а мнѣ-то что черезъ него, сколько досталось этимъ лѣтомъ,—я того за десять годовъ не видала.

— А кто жъ тебѣ велѣлъ такъ все къ сердцу принимать, ты бы похладнокровнѣй!..

— Съ сердцемъ-то не совладаешь!..

— Тогда зачѣмъ такую хорошую нанимала? Выбирала бъ, что на всѣхъ звѣрей похожа.

— Я вѣдь нѣшто этого думала? Онъ прежде-то такой смиренникъ былъ, а тутъ вотъ и растаялъ... И что онъ только въ голову забралъ?

— Это, видно, не въ нашей власти! — сказалъ, глубоко вздохнувши, Власъ.

— Будешь охочь до сласти, на все не будетъ власти,— сказалъ староста и опять засмѣялся.

Власъ немного подумалъ и проговорилъ:

— Было бы понятно, если долго съ человѣкомъ проживешь, а то вотъ только появилась и оплела.

— „Во снѣ нечайно мнѣ явился, на сердце искру заронилъ, блеснулъ, какъ молонья, самъ скрылся, навѣкъ спокойствія рѣшилъ“... — словами пѣсни отвѣтилъ староста и опять засмѣялся.

— Можетъ-быть, не навѣкъ, а надолго, — сказалъ Власъ. — И какъ мы съ бабой другъ передъ дружкой себя оказали: не будь этого случая, може, вовѣкъ этого бъ не узнали.

— Ну, въ комъ что есть—рано или поздно выплыветъ; я это отъ хорошихъ людей слышалъ.

— Такъ зачѣмъ же это, зачѣмъ?—спросилъ Власъ.

— Може, судьба пошутить захотѣла. Ну-ка, скажи, что это за молодцы на свѣтѣ живутъ, пусть-ка они хорошенько себя обозначутъ.

— Все это отъ самихъ себя...—вздохнувъ, сказала Иринья.— Судьба тутъ не при чемъ.

— Можетъ-быть, и отъ себя, — согласился староста и, вставши съ мѣста и вертя въ рукахъ шапку, готовясь ее надѣвать, добавилъ:

— Такъ, значитъ, вы не поѣдете на судъ?

— Нѣтъ, не поѣдемъ.

— Да, я еще забылъ вамъ сказать,—спохватился староста:—ваша работница-то паспортъ брала, къ мужу ѣдетъ.

Власъ насторожился.

— Зачѣмъ же?—спросилъ онъ.

— Пишетъ, говоритъ, что онъ ей тамъ мѣсто нашелъ; все равно, говоритъ, въ людяхъ-то жить, такъ по крайности около мужа... Веселая такая!

— Ну, и скатертью дорога,—сказала, точно обрадованная этимъ, Иринья.

— Дай Богъ часъ,—вздохнувъ добавилъ Власъ.

— Такъ прощайте пока,—добавилъ староста,—живите-ка по-старому, а что было, то забудьте.

— Хорошо, кабы забылось!—снова вздохнувши, сказалъ Власъ, всталъ отъ стола и перешелъ къ приступкѣ.

Староста еще разъ пожелалъ имъ всего хорошаго и вышелъ изъ избы. Иринья опять пустила въ ходъ свою самопрядку, а Власъ перешелъ къ коннику, взялъ съ полатей подушку и легъ на нее на лавкѣ.

— Тятя, что жъ ты мнѣ еще покажешь? — спросилъ Мишка.

— Погоди, братъ, успѣешь, выучишься, все узнаешь, что нужно и что не нужно, не спѣши!..

Онъ проговорилъ это такимъ тономъ, по которому ясно чувствовалось, что на душѣ его смутно. Мишутка закрылъ книжку и убѣжалъ на улицу. Иринья пожалѣла мужа; она перестала прясть и подошла къ нему; нагнувшись надъ нимъ, она проговорила:

— Будетъ тебѣ кручиниться-то; пострадалъ и довольно, пора забывать!..

Власъ медленно повернулся къ ней и растроганнымъ голосомъ проговорилъ:

— Я не кручинюсь; одна моя кручина теперь, отчего я себя не сдержалъ... Сдержалъ бы я себя маленько, ничего бы этого не было.

— Ну, впередъ будешь умнѣй, може, не будешь такъ безумствовать. Не будешь?..

— Иринья! Если бы ты заглянула внутрь ко мнѣ... Ну, да что тутъ говорить-то... Не поминай ты никогда только о томъ, что было.

— Я-то не помяну, ты-то забылъ бы!..

— Забуду, все забуду! Вотъ тебѣ святъ Богъ! — воскликнулъ Власъ, и въ голосѣ его послышались слезы.

У Ириньи тоже закололо около глазъ, но это было не отъ горя, какъ до сихъ поръ, а отъ радости... Ей чувствовалось, что нахлынувшая на нее бѣда совсѣмъ прошла, и для нея опять начинается прежняя жизнь, тихая и безмятежная, какъ до прошедшей весны. И это счастіе для нея было теперь дороже, чѣмъ прежде: его было съ чѣмъ сравнить.

Отчего Парашка не выучилась грамотѣ?

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ осенній Ивановъ день рано утромъ по подоконью каждой избы прошелъ староста и, постукивая палкою въ наличники, зычно выкрикивалъ:

— Эй, хозяева! ведите ребятъ въ училище записывать, коли будете учить,—изъ волости приказъ пришелъ.

Училище только открывалось въ селѣ Ящеринѣ, верстахъ въ двухъ отъ Моховки. До этого школа была разъ въ пять дальше, и въ ней изо всей деревни могли учиться только два-три человѣка. Теперь открывалась возможность ходить въ школу всѣмъ. Деревня заволновалась. Ребятишки начали перебѣгать изъ избы въ избу и спрашивать другъ у друга, пойдетъ ли онъ въ училище. Въ деревнѣ, имѣющей около 40 дворовъ, набралось такихъ охотниковъ душъ 15. Послѣ обѣда всѣ они собрались гурьбой и пошли въ Ящерино.

Моховка когда-то принадлежала помѣщику, знатному барину, который, какъ только выпустили на волю крестьянъ, и не показывался въ деревнѣ. Онъ служилъ въ Петербургѣ, а въ имѣніи оставилъ всѣмъ распоряжаться управляющаго, молодого чеха, знавшаго хорошо по-русски только ругаться.

При выпускѣ на волю крестьянамъ дали не всю землю,

которой они владѣли, а часть; при чемъ лучшіе куски отошли къ имѣнію, а у крестьянъ остались худшіе. Размежеванной земля оказалась такъ, что къ самымъ усадьбамъ Моховки подходили барскіе покосы, а ихъ клинъ протянулся на 2 версты и врѣзался въ господскій лѣсъ.

Моховцамъ приходилось снимать въ имѣніи и подходившую къ усадьбѣ землю и прогонъ. Плату за это принимали только работой, за что изрѣдка угощали виномъ, и такія отношенія между экономіей и крестьянами должны были установиться навсегда.

Жилось моховцамъ не завидно. Поля ихъ выпахивались, и хлѣбъ родился съ каждымъ годомъ хотя не хуже, но и не лучше. Заработковъ поблизости не было, а вдаль пускаться не всѣ-то могли; многимъ и вдали не удавалось. Первая забота была запастись хлѣбомъ, потомъ обувью и одеждой да заплатить подати. Дальше и не знали, что желать, такъ какъ и эти желанія никогда въ достаточной степени не выполнялись. Лѣтъ десять тому назадъ старый помѣщикъ умеръ, и имѣніе перешло къ молодому. Новый помѣщикъ рѣшилъ хозяйствовать по-своему, завелъ другой сѣвооборотъ; въ одномъ поле не хватило нѣсколькихъ десятинъ,—приходилось снимать землю у моховцевъ. Моховцы сдали землю на 12 лѣтъ, потребовавъ хорошую цѣну и всѣ деньги сразу. Ихъ условіе приняли съ тѣмъ, чтобы они прежняго обычая отработки не отмѣняли. Денегъ пришлось на каждую душу рублей по 15. Это было такъ неожиданно, что многіе не знали, что съ ними дѣлать. Одинъ хозяинъ „шестидушникъ“, которому пришлось около ста рублей, устроилъ пиръ для всей семьи. Онъ купилъ быка, зарѣзалъ его, набралъ вина, напоилъ пьяными и своихъ и сосѣдей и, завернувшись въ шкуру быка, велѣлъ возить себя на салазкахъ по деревнѣ. Деньги прошли у многихъ совершенно безслѣдно, а у другихъ остались слѣды, но такіе, какихъ лучше бы не оставалось. Одинаковы были мужики и бабы; ни у кого не было ни на что трезваго взгляда, правильнаго понятія. Всѣ были грубы и суевѣрны. Сердились

на попа, попавшагося навстрѣчу, на пастуха при заболѣваніи скотины. Никто не любилъ другъ дружку, не понимали, что нужно кого-нибудь любить или уважать, почему часто изъ-за яйца или дровъ поднималась ссора, изъ-за рѣзкаго слова при встрѣчѣ не кланялись цѣлый мѣсяцъ, изъ-за пустяка были способны заводить судьбище.

Пятнадцать душъ, отпущенныя въ школу, были большимъ количествомъ, и можно было быть увѣреннымъ, что около половины ихъ съ наступленіемъ зимы перестанутъ ходить. Все это были мальчики, дѣвочки не было ни одной.

Въ деревнѣ думали, что дѣвочкамъ грамота не нужна.

II.

Ребятишки шли въ Ящерино тихо. Между ними не было обычной шумливости. Одни робѣли, другіе трусили, въ каждомъ сквозила тревога и охватывало опасеніе: а ну-ка что-нибудь...

Въ училищѣ ихъ встрѣтила учительница, молодая дѣвушка, небольшая, стройная, съ черной косой, съ нѣсколько смуглою кожей на лицѣ, сквозь которую густою полосой пробивался яркій румянецъ. Она сразу расположила къ себѣ пришедшихъ записываться учениковъ, каждому сказала что-нибудь привѣтливое, была очень добра и ласкова, и ребятишки пошли въ обратный путь далеко не такими, какъ сюда шли: всѣ сдѣлались веселые, бойкіе. Въ душонкахъ ихъ поднялись новыя чувства, расположеніе къ незнакомому человѣку, и каждому изъ нихъ думалось, что онъ не только будетъ учиться, но и стараться изо всѣхъ силъ.

Когда ребятишки пришли изъ школы и вышли на улицу, то у нихъ только и разговору было о томъ, какъ и что у кого учительница спросила, что кому сказала.

На шумящую и болтающую ватагу ребятишекъ наскочила артель дѣвчонокъ. Онѣ ходили въ болото за клюквой и, услышавъ, какъ ребятишки въ проулкѣ между двухъ дворовъ о чемъ-то съ жаромъ разговариваютъ, подбѣжали къ

нимъ и стали прислушиваться. Изъ горячихъ восклицаній и отдѣльныхъ словъ онѣ не поняли, о чемъ разговаривают, и отвернулись. Только двѣ дѣвочки, Парашка Еремкина, бѣлокурая съ густою косой и большими голубыми глазами, да Анютка Степанова, рыженькая, весноватая, заинтересовались разсказами ребятъ. Обѣ пожевывали еще жесткую и зеленую клюкву.

Одинъ мальчишка подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Дѣвчонки, дайте, что ѣдите-то!

— А ты намъ скажи, про что говорите? — спросила Парашка и протянула ему горсть съ клюквой.

— Эка бѣда! Какъ записывались говоримъ!

— И какая, дѣвки, учительница-то хорошая! Вотъ хорошая, вотъ хорошая, страсть!..—мальчикъ даже зажмурился и крутнулъ головой.

У дѣвчонокъ загорѣлись глаза, и Парашка опять спросила:

— Когда она вамъ велѣла приходить-то?

— Послѣзавтра! — и мальчикъ отправилъ въ ротъ всю полученную отъ Парашки клюкву, немилосердно хрустя зубами.

— Брр... кисло! — тряхнулъ онъ головою, покраснѣлъ и сузилъ глаза.

— На вотъ, и я дамъ,—протянула ему горсть Анютка.

— Не надо! — крикнулъ мальчикъ и, отвернувшись отъ дѣвочекъ, схватилъ за плечо одного сидѣвшаго на землѣ товарища и перепрыгнулъ черезъ его голову.

Дѣвочки задумчивыя отошли отъ ребятъ. Слухъ, что въ новой школѣ будетъ учительница, притомъ такая хорошая, произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе.

Парашка, вздохнувъ, проговорила:

— Какіе ребята счастливые!

— А что?

— Да вотъ учиться ихъ отдадутъ. Что бы насъ отдавали...

— А намъ на что учиться?..

Вопросъ былъ дѣйствительно довольно трудный, и Парашка не смогла его разрѣшить.

— Все-таки...—сказала она и глубоко вздохнула.

III.

Мать Парашки звали Ненилой, а отца Григорьемъ. Имъ обоимъ было за 30. Ненила смолоду была красивая, высокая, складная; но проживши 11 лѣтъ замужемъ, она потеряла всю свою красоту. На правильномъ овалѣ ея лица щеки поблекли и впали, носъ выдался, подбородокъ сдѣлался хрящеватымъ. Попортился и станъ, исчезла талія, опала грудь.

Все это было отъ нужды, отъ плохого питанія и безпрестанной сѣрой и грязной работы, однообразно тянувшейся изо дня въ день. Она топила печку, обшивала и обмывала мужа съ дѣвочкой, ходила за овцами, за теленкомъ. Лѣтомъ она должна была поспѣвать въ полѣ, зимой, когда мужъ уходилъ на сторону, возить воду, носить кормъ, дрова. Ей нельзя было захворать или отойти куда-нибудь отъ дома хоть на день. Поэтому она въ гости ѣздила рѣдко, поповскую службу слушала въ годовые праздники, когда попы приходили къ нимъ въ деревню съ молебномъ.

Кромѣ безпрерывной работы, Ненила поневолѣ дѣлила и заботы съ мужемъ. У нихъ было много заботъ. При раздѣлѣ имъ досталось кое-что — и постройка, и скотина, и сбруя. Имъ хотѣлось все это исправить; но при тѣхъ доходахъ, какіе давала имъ земля, нечѣмъ было развернуться. Первое время послѣ раздѣла Григорій бралъ паспортъ и уходилъ въ городъ. Пріискивалъ какую-нибудь работу, кормился и зарабатывалъ денегъ. Деньги были небольшія, но онъ покрывалъ ими всѣ платежи и покупалъ женѣ съ дѣвочкой какую-нибудь обновку. Но одну зиму ему не задалось. Онъ жилъ возчикомъ у мучника. Его послали съ возомъ муки въ пекарню. Онъ свезъ. Но въ книжкѣ было поставлено на два мѣшка меньше. Хозяинъ велѣлъ приказ-

чикамъ разузнать дѣло. Въ пекарнѣ говорили, что онъ привезъ только восемь мѣшковъ, въ лабазѣ божились, что отпустили десять. Хозяинъ положилъ вычесть съ Григорія двадцать рублей; а такъ какъ онъ былъ этимъ недоволенъ, то ему предложили обратиться къ мировому судьѣ, но при этомъ пригрозили, что его будутъ преслѣдовать за растрату.

Съ этого раза на него пошли всѣ бѣды. Обыкновенно Григорій по приходѣ домой платилъ подать, отдавалъ долги, которые жена задолжала за зиму; но въ этотъ разъ ему нечѣмъ было расплатиться, и всѣ тягости повисли у него на шеѣ. Старосту у нихъ на этотъ годъ только выбрали. Это былъ самостоятельный, грубый, самолюбивый мужикъ; у него въ губернскомъ городѣ жило три сына, занимавшихся разносной торговлей. Зарабатывали они много, помогали отцу хорошо. Отецъ кичился своимъ достоинствомъ и искренно презиралъ бѣдноту. Въ это лѣто на покосѣ староста упрекнулъ Григорія за то, что онъ не заведетъ себѣ хорошей косы. Григорія взорвало, и онъ проговорилъ:

— Можно тебѣ, дядя Илья, на сыновней шеѣ-то ѣздить, а ты бы одинъ развернулся, — вотъ мы тогда бы и поглядѣли.

— Кто, я-то?..—закричалъ староста. — Да я куда хошь... Неужель я по-вашему? Господи!..

И онъ началъ выставлять свои достоинства. Онъ долго перечислялъ ихъ, но Григорій упрямо проговорилъ:

— Калина говорила, что съ медомъ хороша, а медъ-то говоритъ, что и безъ нея скусенъ.

Старосту это глубоко обидѣло, и онъ сказалъ самъ себѣ: „Ну, погоди жъ, я тебѣ припомню"...

Припомнилъ онъ тѣмъ, что когда осенью Григорій пришелъ къ нему за отпускомъ для полученія паспорта изъ волости, староста ему отпуска не далъ и потребовалъ уплаты всѣхъ бывшихъ на немъ недоимокъ. Григорій пошелъ съ жалобой на это къ земскому. Земскій поручилъ разобрать дѣло волостному старшинѣ, а старшина, разумѣется, нашелъ требованіе старосты законнымъ.

Нужно было заплатить недоимку или сидѣть дома. Платить было нечѣмъ, пришлось оставаться дома. На Григорія еще больше наросло недоимокъ и мелкихъ долговъ, совсѣмъ связавшихъ его по рукамъ и по ногамъ.

IV.

Парашка бродила по избѣ и не находила себѣ мѣста. Мать приглядывалась къ ней и, замѣчая, что дѣвчонкѣ не по себѣ, спросила:

— Да ты что, прозябла, что ль, въ болотѣ? Ишь, сама не своя!

— Нѣтъ,—смущаясь отвѣтила Парашка.

— Такъ что жъ ты такая?

Парашка какъ кошка подбѣжала къ матери, обвила ея шею руками и проговорила:

— Матушка, отдай меня учиться!

— Учиться? Что это тебѣ, дурочка, вздумалось?—удивилась Ненила.—Нѣшто въ школу дѣвчонки идутъ?

— Нѣтъ.

— Такъ что же это тебѣ взбрело въ голову?

Парашка не могла выразить своего побужденія, у ней не находилось словъ для этого, и она проговорила:

— Да такъ.

Ненила задумалась. Подумавъ, она проговорила:

— Не по силамъ это намъ. Въ училище тоже не мало нужно: и платьице почище, обувь, одежду крѣпкую,—а гдѣ намъ это взять?

Парашка затуманилась, на глазахъ ея навернулись слезы, она отошла въ уголъ и усѣлась тамъ пригорюнившись. Ненилѣ стало ее жалко, и она проговорила:

— Вотъ погоди, я отцу скажу, что онъ думаетъ, — може и отдастъ.

Григорій пришелъ совсѣмъ поздно. Это былъ высокій, крѣпкій мужикъ, прежде, должно быть, бодрый, но теперь опустившійся, осунувшійся, движенья его сдѣлались неуклю-

жими. У него было широкое лицо, съ копной волосъ на головѣ и лохматая русая борода; изъ-подъ нависшихъ бровей свѣтились сѣрые глаза, сверкавшіе больше нелюдимо. Онъ былъ весь покрытъ овинной пылью, и отъ него пахло дымомъ. Снявъ съ себя кафтанъ, Григорій сталъ мыть руки. Ненила тотчасъ же заговорила:

— Ты знаешь, что наша дочка-то выдумала: учиться просится!

— Дѣлать-то ей нечего, вотъ она и выдумываетъ незнамо что,—угрюмо проговорилъ Григорій и даже не взглянулъ на дочь.

У Парашки замерло сердечко, она съ тревожнымъ вниманіемъ слѣдила за отцомъ и прислушивалась къ тону его голоса. Отецъ пока былъ совершенно безучастенъ; по его первымъ словамъ нельзя было и ожидать, какъ онъ дальше можетъ отнестись къ этому дѣлу.

— А что жъ, если ей хочется, пущай идетъ,—замолвила за дочь слово Ненила:—сами мы какъ пни горѣлые, пусть хоть дѣти побольше узнаютъ.

Григорій вытеръ объ утирку руки, поцапалъ рукой въ затылкѣ, сѣлъ на лавку и проговорилъ:

— Когда ходить-то? Вонъ еще картошка не рыта, а тамъ будутъ другія дѣла.

— Ну, велика ея работа! Управимся и безъ нея,—что ее съ этихъ поръ заневоливать-то? Наработается за свой вѣкъ!

— Да, а на что ей грамота-то?

Парашка по тону отца замѣтила, что онъ сдается, и сердечко ея забилось. Глазенки радостно засверкали, и она стала слѣдить, куда дальше поведетъ разговоръ.

— Богъ знаетъ на что,—сказала Ненила, — очень просто, и пригодится. Дѣвичья судьба—темное дѣло, можетъ, наука ей будетъ на пользу.

Григорій зѣвнулъ и проговорилъ:

— На это справу нужно, а изъ чего мы ей соберемъ: поди-ка, хлѣбовъ-то сколько останется?

— Ну, може, на ея счастіе подороже продадимъ.

Григорій какъ будто задумался, потомъ почесалъ подмышкой, опять зѣвнулъ и проговорилъ:

— Ну, что жъ, коли охота есть, пущай походитъ, только, пожалуй, сама залѣнится.

— Нѣтъ, не залѣнюсь!—весело и увѣренно воскликнула Парашка.

Отецъ съ матерью заразились ея весельемъ. Григорій засмѣялся.

— А вотъ поглядимъ—увидимъ; если залѣнишься, силой будемъ водить.

Парашкѣ показалось, что точно въ избѣ все стало свѣтлѣй; изнуренныя лица отца съ матерью сдѣлались красивѣй, милѣй, и ей захотѣлось броситься къ нимъ на шею.

V.

Утромъ Парашка была разбужена громкимъ говоромъ. Ненила съ кѣмъ-то переговаривалась черезъ окно. Парашка разобрала слѣдующія слова, произнесенныя на улицѣ:

— Такъ это правда?

— Правда,—отвѣтила Ненила.

— Ну, пусть зайдетъ за нашей, и мы свою пошлемъ.

— Ладно, — сказала Ненила и, обратившись къ дочкѣ, добавила:

— Слышишь, Парашка? Товарка тебѣ находится.

— Кто?—съ забившимся сердцемъ спросила Парашка.

— Анютка Степанова,—ея мать сейчасъ была.

— Вотъ намъ охотно-то будетъ! — радостно воскликнула Парашка, вскочивъ съ постели, натянула на себя юбчонку и пошла умываться. Ненила принесла дочери новое платьице и платочекъ и старенькіе полусапожки, купленные еще въ третьемъ году.

— Про года спроситъ,—учила она,—скажи, что девятый, прозвище Еремкины, зовутъ Прасковьей, а не Парашкой.

— Ладно,—сказала Парашка.

Черезъ часъ изъ Моховки вышли двѣ дѣвочки и направились по дорогѣ въ Ящерино.

— А ну-ка насъ не примутъ?—говорила Парашка.

— Отчего?—молвила Анютка.

— Скажетъ, малы еще.

— А мы хорошенько попросимся.

— Я ей въ ножки тогда поклонюсь!—сказала Парашка.

— Много ль ребятъ будетъ?

— Ребятъ все больше, ихъ почти всѣхъ отдаютъ, а насъ-то вотъ только двоихъ.

— Счастливые эти ребята! обучаютъ ихъ больше, а тамъ куда-нибудь въ люди пошлютъ. Сколько они свѣту-то видятъ, а мы все дома да дома!

— Зато ихъ на войну угонятъ да убьютъ, а насъ-то нѣтъ.

— Ну, когда еще война-то будетъ!

— А какая это война?

— А кто жъ ее знаеть!?..

— Вотъ еще холера есть; говорятъ, много народу ломаетъ.

— Мало ли что есть! Мнѣ бабушка говорила, что есть турка такая, она съ живыхъ людей кожу сдираетъ, а маленькихъ жаритъ да ѣстъ. Вотъ страшная-то!

Учительница встрѣтила ихъ съ ласковой улыбкой на лицѣ и проговорила:

— Что скажете, дѣвочки? Зачѣмъ пришли?

— Записываться, — не своимъ голосомъ пропищала Парашка и опустила глаза внизъ. Ей было и страшно и жутко, такъ что она совсѣмъ растерялась.

— А, вотъ какъ. Умницы!—сказала учительница и потрепала Парашку по щекѣ.—Откуда вы?

— Изъ Моховки.

— Ну, пойдемте сюда.

И она повела дѣвочекъ въ классъ.

Такъ вотъ какое училище-то! Это совсѣмъ не то, что Парашка себѣ представляла. Большая, высокая, свѣтлая изба, заставленная такими чудными столами, какихъ она никогда не видала. Во всей комнатѣ только и былъ одинъ

столъ, похожій на настоящій столъ, за который сейчасъ же сѣла учительница и взяла листъ бумаги. Около этого стола стояла большая черная доска, рядомъ съ ней какая-то рама и въ ней мѣдныя палки съ костяшками, потомъ шкафъ съ книгами, на шкафу большой голубой шаръ на ножкѣ, на стѣнахъ разныя картины.

— Ну, какъ же васъ зовутъ, мои милыя?—спросила учительница,

Дѣвочки разсказали ей все, что требовалось.

— Ну, вотъ и отлично, послѣзавтра можете совсѣмъ приходить. Тогда начнемъ и заниматься... Ступайте съ Богомъ.

Дѣвочки вышли изъ училища очарованныя. Учительница такъ расположила ихъ къ себѣ, какъ никто.

— Анютка, какая она простая-то!

— И красивая и ласковая,—согласилась Анютка:—ее ничего не страшно.

— Я думаю, она и сердиться-то не умѣетъ.

— Нѣшъ такія сердятся!

VI.

Черезъ день въ Моховкѣ съ ранняго утра вся дѣтвора взволновалась. Одни отправлялись учиться и забѣгали другъ за другомъ, другіе выскакивали изъ дворовъ и глядѣли, какъ они собираются. У однихъ глядѣвшихъ выражалось на личикахъ чувство зависти, у другихъ сквозило тупое довольство; они какъ будто говорили: „Ступайте, позаботьтесь, а мы дома побудемъ, намъ тутъ не пыльно". Тѣ, что отправлялись учиться, видимо, мало боялись предстоявшихъ имъ заботъ; по крайней мѣрѣ всѣ они были хорошо настроены, особенно дѣвчонки. Умытыя, принаряженныя, съ серьезнымъ выраженіемъ личекъ, онѣ пестрѣли среди ребятъ и пріятно разнообразили эту живую толпу своимъ присутствіемъ.

Съ верхняго конца бѣжалъ бѣлокурый мальчишка, въ

большихъ, видно, отцовскихъ, сапогахъ, измятой шапкѣ. Онъ несъ подъ мышкой что-то завернутое въ засаленный платокъ.

— Афонька, что это?

— Хлѣбъ.

— Что же такъ много.

— Будетъ съ меня!—сказалъ Афонька, и вся толпа разразилась хохотомъ.

— Да вѣдь тутъ на троихъ хватитъ?

— Я и одинъ съѣмъ.

Снова хохотъ. Лаврушка старостинъ сказалъ:

— Ну, всѣ собрались,—двинемся, ребята!

— Вонъ пошли баловаться,—ворчали имъ вслѣдъ старухи.— Нѣшто тутъ ученье будетъ!.. Одно баловство!

Въ школу пришли ребята въ 7 часовъ; учительница только встала и собиралась пить чай; она вышла въ прихожую и проговорила:

— Вы очень рано пришли,—когда же вы поднялись?

— Что за рано: у насъ скотину давно выгнали,—бойко отвѣтилъ одинъ мальчикъ.

Учительница ввела ихъ въ классъ, велѣла располагаться здѣсь, но не очень шумѣть и не возиться.

То и дѣло приходили новые и новые ученики. Приходили со всѣхъ окружающихъ деревень, и къ тому времени, какъ учительницѣ выйти совсѣмъ, набралось около 50 душъ. Учительница сказала, чтобы они встали, прочитала имъ молитву, сказала, что ее зовутъ Елизавета Дмитріевна, разъяснила, какъ ее нужно спрашивать, если кому что-нибудь нужно, какъ вообще вести себя. Потомъ она раздала имъ доски и грифеля, разсказала вкратцѣ, откуда берутся эти доски, научила, какъ держать грифель и предложила имъ что-нибудь написать. Ребятишки, кто изобразилъ кружокъ, кто квадратикъ, кто оконную раму. Потомъ учительница показала, какъ нужно линовать. Прочитала имъ небольшой разсказъ и отпустила всѣхъ домой.

VII.

По вечерамъ, когда у Еремкиныхъ зажигали огонь, Парашка обыкновенно подсаживалась къ столу и или развертывала книжку и читала по ней, или выводила что-нибудь на доскѣ. Сначала она затверживала звуки, потомъ стала сливать звуки въ слова. Выходили или человѣческія имена или какія-нибудь названія. Ненилѣ очень пріятно было слышать, какъ Парашка произносила: „си-ла“, „мы-ло“ и т. п. Иногда къ дѣвочкѣ подсаживался и отецъ и одобрительно приговаривалъ:

— Такъ, такъ, умница! Ну, а скажи-ка, вотъ это что за слово?

И онъ показывалъ пальцемъ въ книжку.

— Ка-ша,—читала Парашка.

— Въ книжкѣ-то каша? Да кто жъ ее сюда наклалъ? Вотъ поди жъ ты! Знаютъ, что больше ребенку идетъ, тѣмъ и приманиваютъ... Дома-то не скоро дождешься: крупа-то въ городѣ, а деньги-то въ ворохѣ, а тутъ вонъ оно и есть. А это что?—и онъ указывалъ другое слово.

— Са-ло,—читала Парашка.

— Каша съ саломъ. Вотъ это славно. Ай-да дѣвка, ты лучше насъ живешь: мы работаемъ, да и то пустыя щи да картошку мнемъ, а ты только въ книжку глядишь—и то что кушаешь! Не найдемъ ли мы еще что, ну-ка, прочти вотъ тутъ!

— Ма-ли-на.

— Ого! Послѣ каши-то съ саломъ малина на закуску! Больно хорошо. А тутъ?

— Ко-сарь коситъ.

— Вотъ такъ чудеса! Что значитъ ученье-то: и каша съ саломъ, и косарь коситъ; у насъ косаремъ-то только и можно лучину щепать, а у нихъ косить!

Въ такіе вечера всѣ приходили въ благодушное настроеніе, забывали свою неприглядную жизнь. Бывало, вечеромъ Григорій или сидитъ насупившись, или что-нибудь дѣлаетъ молчкомъ; но теперь, послѣ такихъ развлеченій, онъ ожив-

лялся, прибадривался, начиналъ вспоминать молодость, разсказывалъ, что онъ встрѣчалъ, когда въ отходѣ былъ. Время шло незамѣтно, и послѣ такихъ вечеровъ крѣпче спалось и веселѣе вставалось.

Только Еремкины кончили молотьбу, какъ пошли осенніе дожди. Небо заволокло тучами, дорога испортилась, вездѣ образовалась грязь, лужи, канавы наполнились водой. При ходьбѣ въ школу въ полусапожкахъ Парашки всегда чавкала вода. Когда она приходила въ избу, то мать стаскивала ей скорѣй башмаки и вытирала ноги. Парашка стала чувствовать головную боль и насморкъ, но крѣпилась, не говорила матери, а только по вечерамъ не сидѣла за книжкой и больше лежала на печкѣ.

Григорій сталъ разбираться съ урожаемъ. Онъ отвезъ сѣмена въ магазинъ, расплатился съ тѣми, у кого занималъ рожью и мукой, и перемѣрилъ, что оставалось на продажу. Вышло немного. Григорій чувствовалъ, что ему опять не расквитаться со старостой, значитъ, опять дома сиди, готовый хлѣбъ ѣшь. Еще что продать? Нечего, все въ обрѣзъ. Занять? Кто повѣритъ,—да и нѣтъ у нихъ въ деревнѣ денежныхъ людей. Тьфу ты, пропасть проклятущая!.. Да когда же все это только кончится?..

VIII.

Наконецъ, ударили морозы. Землю заковало такъ, что она сдѣлалась точно мостовая; и когда ѣхали на колесахъ, то еще издалека слышался глухой грохотъ, который молотками отзывался въ мозгу. Мужики изъ Моховки стали справляться въ городъ; съ ними рѣшилъ поѣхать и Григорій.

— Ты смотри тамъ что,—наказывала мужу Ненила,—а Парашкѣ купи сапожки, чулочки да полушалокъ теплый.

— Коли выгадаю что, куплю, а какъ не на что будетъ, гдѣ жъ я возьму?

— Выгадай какъ-нибудь,—что жъ обижать дѣвку! Она у насъ одна.

— Ладно,—сказалъ Григорій и тронулъ лошадь.

Парашка въ этотъ день пришла изъ школы со слезами. Ея истоптанные башмаки, при ходьбѣ по замерзлой землѣ, окончательно развалились, и ноги у ней очень озябли. Когда мать разувала ее, то онѣ были красныя, какъ у гуся. Мать послала ее на печку, но тамъ ножонки разошлись съ пару. Дѣвочка плакала сначала тихо, а потомъ заревѣла.

— Ой, матушка, больно! Милая, еще больнѣе стало!—выла Парашка.

— Что ты, дура, что ты? перестань! Сейчасъ утихнутъ. Вѣдь это все такъ. Вотъ маленько обойдутся, и пройдетъ.

Парашка замолчала нескоро: видно, ноги не проходили. Потомъ она успокоилась, но съ печки не слѣзала. Мать рѣшила ее немного поразвлечь и полѣзла къ ней.

— Ну, что ты сегодня во снѣ видѣла?

— Ничего.

— Такъ ничего не видала?

— Нѣтъ.

— А какъ же, тебѣ сегодня отецъ сапоги привезетъ, чулки, полушалокъ—ты нѣшто не рада этому?

— Рада.

Парашка еле ворочала языкомъ. Ненилу это встревожило. Ужъ не захворать ли хочетъ дѣвчонка? И ее кольнуло въ сердце. Она пощупала у дочки голову и спросила:

— Што же это у тебя, аль што очень болитъ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Парашка.

— Такъ отчего же ты такая невеселая-то?

— Такъ.

Ненила вздохнула.

— Ахъ ты, моя ученица! Тебѣ, знать, учиться не хочется,—залѣнилась.

— Нѣтъ, хочется, штой-то ты?—оживилась Парашка, подняла голову и хотѣла слѣзать долой.

— Куда это ты?

— Урокъ учить.

— Ну, поспѣешь, выучишь! полежи еще маленько, и я съ тобой полежу, а то не хочется съ печки-то слѣзать.

Парашка опять легла. Ненила уже не въ первый разъ стала спрашивать, какъ у нихъ тамъ въ школѣ, хорошо ли съ ними обходится учительница, кричитъ ли на нихъ, не сердится ль? Кого всѣхъ больше любитъ? Парашка говорила, а Ненила вспоминала свои дѣтскіе годы. Ничего тогда объ этомъ у нихъ и слуховъ не было.

— Вамъ лучше будетъ жить!—вздохнувъ сказала Ненила и стала слѣзать съ печки.

Были полныя сумерки. Ненила зажгла огонь. Парашка соскочила вслѣдъ за ней и полѣзла за столъ. Только Ненила зажгла лампочку, какъ въ окошко застучали.

— Кто тамъ?

— Эй, хозяйка! Выйди на минутку сюда,—послышался мужской голосъ.

— Что тамъ такое?—проговорила Ненила встревоженная и вышла изъ избы.

Парашка слышала, какъ у двора зашелъ какой-то разговоръ, ея мать ахнула; потомъ разговоръ пересталъ, хлопнула калитка, скрипнула дверь, и въ избу вошла Ненила. Парашка взглянула на нее и не узнала матери. На ней не было лица. Только она переступила порогъ, какъ не своимъ голосомъ заговорила:

— Вѣщунъ твое сердце, дочка! Отца-то въ городѣ въ будку забрали.

— Въ какую будку?

— А такую, куда пьяныхъ сажаютъ.

— Што же, онъ пьяный напился?

— Выпилъ, говоритъ, въ трактирѣ да съ буфетчикомъ повздорилъ. Бутылкой, говоритъ, въ трактирщика-то запустилъ.

— А что жъ ему тамъ сдѣлаютъ?

— Изобьютъ, да какъ бы деньги не вытащили... Въ трактирѣ-то, говоритъ, и то тузили, тузили! Охъ ты, мое горюшко!

Ненила горько заплакала. У Парашки тоже застлало въ

глазахъ. Ей ужъ не хотѣлось ни учить уроковъ, ни сидѣть тутъ, она забилась подъ божницу и съежилась тамъ. Ненила между тѣмъ причитала:

— Говорила мнѣ родная матушка: „Не радуйся, дочка, замужеству. Бабья судьба—во всемъ худоба“. Словно она мнѣ напророчила! Не вижу ни счастія ни радости, захожу я словно въ темный лѣсъ, чѣмъ дальше иду—темнѣй впереду. Когда жъ это только кончится?

Парашка подскочила къ ней, обняла ее за плечи и тоже заревѣла.

IX.

На другой день только послѣ обѣда Григорій пріѣхалъ домой. Лошадь его всю ночь стояла голодная, бока у ней обвисли, рѣзко обозначились ребра, и она, понуро опустивъ голову, едва передвигала ноги. Григорій ея не погонялъ. Онъ сидѣлъ, нахлобучивъ шапку, и глядѣлъ какъ будто впередъ, при чемъ глаза были тусклы, какъ свинецъ. Это былъ тотъ же мужикъ, да не тотъ. Что-то новое, небывалое явилось въ выраженіи его лица. Онъ былъ не пьянъ. Лошадь, подойдя ко двору, повернула къ воротамъ морду и тихо заржала. Григорій медленно вылѣзъ изъ телѣги и, размявшись, нехотя сталъ выпрягать ее.

— Ты бы еще тамъ ночку ночевалъ!—съ упрекомъ сказала Ненила, выходя навстрѣчу мужу и на ходу натягивая кафтанъ.

— И ночуешь! Съ этими дьяволами только схватись и домой дорогу не найдешь!

— А тебѣ нужно было схватиться?

— А то что жъ теперь на нихъ Богу молиться?—проговорилъ Григорій, и голосъ его задрожалъ.—Они во всемъ насъ жать будутъ, а мы и пикнуть не смѣй. Въ лавкѣ обдираютъ, на базарѣ обдираютъ и въ трактирѣ на обманъ идутъ. Что у насъ деньги-то нахальныя? Мнѣ моя копейка-то тоже дороже всякаго приходится, а они за нее вмѣсто добра—дерма! Я имъ покажу!

— Эхъ, мужикъ, мужикъ!—вздохнувъ проговорила Ненила.—Сказано: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись.

— Вотъ еще старосту, коряваго чорта, нужно распотрошить. Если онъ мнѣ только пачпорта не дастъ, я ему не знаю, что сдѣлаю!

— Нагруби еще ему, онъ те не такъ дойметъ.

Ненила стала выбирать изъ телѣги; тамъ, кромѣ веретья и пустыхъ мѣшковъ, ничего не было.

— Что жъ ты, знать, ничего не купилъ?—съ испугомъ спросила она.

— Нечего покупать-то, и не купилъ!

Ненила заплакала.

— Что мы теперь Парашкѣ-то скажемъ; вѣдь обревется совсѣмъ, въ чемъ ей въ училище-то будетъ ходить?

— Походила да и ладно, не нашему, видно, рылу въ понамаряхъ быть,—угрюмо проговорилъ Григорій и вывелъ лошадь изъ оглобель.

Наступило молчаніе.

Григорій сорвалъ съ лошади хомутъ и увелъ ее на дворъ. Ненила снесла въ сѣни веретья съ мѣшками. Потомъ они стали убирать телѣгу. Убравъ телѣгу, Григорій сказалъ:

— Ну, я пойду къ старостѣ.

— Не озорничай ты тамъ, ради Бога!

— Помалкивай!—процѣдилъ сквозь зубы Григорій и пошелъ прочь отъ двора.

Ненила пошла въ избу. Только она переступила порогъ, какъ замѣтила, что отъ окна отошла Парашка и проворно пошла къ приступкѣ, чтобы лѣзть на печку. Ненила поняла, что дѣвчонка видѣла, что ей ничего не привезли, что въ ея душонкѣ гнѣздится глубокое горе, и ея собственное горе усилилось. Она не ошиблась: только Парашка перекинулась на печку половиной туловища, какъ изъ ея груденки вырвался горестный звукъ. Ненила постаралась ее утѣшить.

— Ну, полно, дурочка, велика бѣда! Ну, дома будешь учиться. Попрошу учительницу, чтобы она не брала у тебя книжку съ доской, и будешь ты читать и писать.

— Д-да, а кто мнѣ по-о-кажетъ-то?—рыдая лепетала Парашка.

— Ну, на новъ годъ опять пойдешь: на новъ годъ все справимъ тебѣ, что нужно. Неужели такъ и будемъ разутыми, раздѣтыми сидѣть?

Ненила говорила это и чувствовала, какъ у ней душа холодѣла. Въ самомъ дѣлѣ, что имъ принесетъ новый годъ?

Парашка уже ничего не могла говорить, ее всю подергивало отъ рыданій. Ненила, какъ и вчера, полѣзла къ ней на печку и стала ее успокаивать; но ужъ нечѣмъ было ее разговорить, и она только просила ее перестать, нѣжно гладила ее и цѣловала. Въ сѣняхъ послышались шаги, въ избу вошелъ Григорій. Онъ положилъ шапку на столъ, подсѣлъ самъ къ нему и, облокотившись рукой, устремилъ взглядъ въ окно. Ненила слѣзла съ печки и спросила:

— Ну, какъ дѣла?

— Какъ дѣла! Нѣшто съ дьяволомъ споешься? Ты ему про Ѳому, а онъ про Ерему. Всѣ деньги отобралъ, а отпуска опять не далъ.

— Значитъ, опять дома жить?

— Ну, куда жъ я теперь пойду? Сама посуди, куда пойду? Безъ пачпорта что безъ глазъ!.. Ахъ ты, проклятая сила! Ахъ ты, судьба разокаянная! Гдѣ на тебя только управы искать!..

Григорій соскочилъ съ мѣста, рванулъ на себѣ полушубокъ такъ, что на немъ отскочили двѣ петельки, скинулъ съ себя и швырнулъ на конникъ, потомъ схватилъ со стола шапку, забросилъ ее на полати и сѣлъ на лавку. Ненила вздохнула.

— Ты, може, поѣсть хошь?..

— Убирайся ты... съ ѣдой-то!

— Аль въ городѣ ѣлъ?

— Ничего не ѣлъ.

Ненила опять вздохнула. Григорій всталъ, взялъ свою шубенку, свернулъ ее въ комокъ, положилъ за столъ и растянулся на лавкѣ.

— Просто, я говорю, воровать или въ омутъ полѣзай, вотъ какое дѣло-то дошло,—вдругъ проговорилъ Григорій и, повернувшись на мѣстѣ, уставился глазами въ стѣну и замеръ тамъ.

— Будетъ болтать-то, что не дѣло!—сказала Ненила.

— Ну, ты скажи дѣло. Скажи, коль умна!..—зыкнулъ на жену Григорій.

Ненила вышла изъ избы, задала лошади сѣна, приготовила корму на ночь, принесла къ завтрему дровъ. Григорій лежалъ все въ одномъ положеніи, но не спалъ. Только съ печки слышался легкій храпъ: тамъ уснула Парашка.

X.

На другой день, истопивши печку и убравшись въ избѣ, Ненила пошла въ Ящерино, чтобы выпросить у учительницы доску съ книжкой. Въ школѣ шло занятіе, ребята цѣлымъ классомъ гудѣли, какъ шмели, изрѣдка выкрикивая громко отдѣльныя слова. Сторожиха провела ее на кухню. Разговорились. Сторожиха увѣрила Ненилу, что Елизавета Дмитріевна очень добрая барышня и, навѣрное, позволитъ оставить и книжку и доску. Ненила насчетъ этого успокоилась. Сторожиха продолжала восхвалять барышнину доброту:

— Такая хорошая! обо всемъ заботится, хочетъ вотъ на филипповки приварокъ устроить, чтобы похлебку да кашу чужимъ деревенскимъ на обѣдъ варить. А такъ, въ сухомятку-то, имъ голодно.

— Извѣстное дѣло, — согласилась Ненила и подумала: „А моя Парашка-то не будетъ ходить. Охъ, Господи!“ Только изъ чего жъ варить-то? Не у всякаго найдется на кашу-то...

— А она вишь что надумала: тутъ теперь баринъ гоститъ, изъ-за границы въ Питеръ ѣдетъ, ну, по пути заѣхалъ на порядки посмотрѣть, а онъ опекатель надъ училищемъ-то; вотъ она и хочетъ у него выпросить и крупъ, и котловъ, и еще тамъ чего.

Наступила перемѣна. Ребятишки гурьбой высыпали въ раздѣвальню и, толкаясь, зашумѣли тамъ. Елизавета Дмитріевна окрикнула ихъ и вошла въ кухню. Ненила поднялась къ ней навстрѣчу и поклонилась.

— Кто это?—спросила Елизавета Дмитріевна.—Откуда ты, голубушка, что тебѣ нужно?

— Изъ Моховки я,—снова кланяясь, сказала Ненила, и въ голосѣ ея противъ желанія послышался просительный тонъ, такой, какой обыкновенно слышится у просящаго подъ окномъ милостыню.—Еремкина я, Парашки Еремкиной мать... принесла вотъ книжку съ доской.

— Что жъ, она не будетъ больше ходить?

— Нѣтъ, родимая, не будетъ.

— Отчего?

— Да видишь ли, родимая... Нужда наша не дозволяетъ... Надо обуть, одѣть, головку повязать въ холода-то, и не во што... Думали хлѣбъ продать да выгадать, анъ ничего не выгадали...

— Очень жаль! — проговорила учительница. — Она очень способная дѣвочка, я ее было полюбила.

— Мнѣ и самой ее жаль... Я бъ съ себя что можно сняла да ее одѣла, да нечего... А какъ она-то плачетъ! Я вотъ что къ вамъ, милая барышня, пришла: нельзя ли эту книжку-то съ доской намъ дома подержать, она по нимъ тамъ, что можетъ, поучится.

— Конечно, можно, только дома какое ужъ занятіе! — сказала учительница. Она глубоко вздохнула и проговорила: — Какая у васъ тутъ сторона: вотъ ужъ сколько перестали ходить, и все по одной и той же причинѣ!

— Не съ чего лучше-то быть... Сегодня сыты, а завтра Богъ вѣсть!

— Ну, хорошо, оставляй книжку и доску, а когда не нужны будутъ, принесешь.

Учительница прошла въ свою комнату, а Ненила отправилась домой.

XI.

Дома было какъ и вчера. Григорій сидѣлъ хмурый и исподлобья глядѣлъ въ окно. Парашка лежала на печкѣ и, кажется, не слѣзала съ нея все время. Чтобы утѣшить ее немножко, Ненила поспѣшила ей сообщить:

— Ну, вотъ я опять назадъ принесла и книжку и доску.

Но Парашку это не обрадовало; послѣ обѣда она попробовала было пописать и почитать, но сидѣла за этимъ недолго, а положила все на божницу и опять ушла на печку.

„Грустуетъ", со вздохомъ подумала Ненила.

Прошелъ этотъ день, наступилъ другой, но и онъ не принесъ Еремкинымъ ничего радостнаго.

Передъ вечеромъ, когда ребятишки возвращались изъ школы, ихъ голоса послышались недалеко отъ избы Еремкиныхъ. Сосѣди Еремкиныхъ увидали, что всѣ ребята гурьбой направляются къ ихъ двору, и между ними идетъ учительница. Она была въ драповой жакеткѣ съ высокимъ воротникомъ, калошахъ и тепломъ платкѣ. Лицо ея отъ ходьбы стало еще румянѣе, и глаза еще ярче блестѣли. Она подошла къ самому двору Еремкиныхъ и спросила:

— Эта ихъ изба?

— Эта, Лизавета Дмитріевна!—отвѣтили ребятишки.

— Ну, спасибо! Теперь ступайте, я одна войду!

— Прощайте, Лизавета Дмитріевна!

— Прощайте, прощайте!

Елизавета Дмитріевна вошла въ избу къ Еремкинымъ и проговорила:

— Здравствуйте! Здѣсь Прасковья-то живетъ?

Ненила и Парашка встали навстрѣчу учительницѣ; онѣ недоумѣвали, зачѣмъ она пришла.

— А я соскучилась по тебѣ,—весело говорила учительница, подходя къ Парашкѣ и беря ее за руку.—Походила-походила въ школу и бросила. Такъ, голубушка, нельзя.

Она сѣла на лавку и привлекла къ себѣ дѣвочку и, погладивъ ее по головѣ, опять заговорила:

— Хочешь, чтобы тебѣ опять учиться или нѣтъ?

— Хочу,—еле слышно пролепетала Парашка.

— Ну, такъ на вотъ, дай мамѣ или папѣ эту монету, и пусть они тебѣ купятъ и сапоги, и чулочки, и теплый платокъ; а когда они тебѣ купятъ, то ты приходи опять,—хорошо?

И учительница положила въ руки Парашки пятирублевый золотой. Парашка взяла монету и, ошеломленная, не знала, что съ ней дѣлать. У Ненилы въ это время радостно вспыхнули глаза, и все лицо оживилось.

— Ахъ ты, наша родимая!—воскликнула она.—Парашка, дура, кланяйся въ ноги! Что жъ ты стоишь?!..

— Совсѣмъ не нужно!—сказала Елизавета Дмитріевна.—Зачѣмъ это въ ноги?

— Да какъ же намъ благодарить - то тебя, благодѣтельница наша? Да что ты для насъ только сдѣлала-то?—причитала Ненила.

— Я ничего не сдѣлала,—живо и радостно проговорила учительница; — деньги не мои, я ихъ у попечителя выпросила.

Ненила восхищенными глазами глядѣла на эту милую и добрую дѣвушку и не знала, какими словами выразить поднявшіяся въ ея душѣ чувства. Была взволнована и учительница. Только Григорій, очевидно, не раздѣлялъ этихъ чувствъ. Онъ поднялся изъ своего угла, подступилъ къ Парашкѣ, взялъ у нея изъ руки золотой и, возвративъ учительницѣ, глухо проговорилъ:

— Намъ денегъ не надо,—возьми назадъ, барышня!

— Какъ не надо? Что ты, опомнись!—воскликнула Ненила и подскочила къ мужу.

— Такъ, не надо... Не надо и не надо!..—онъ запнулся и сталъ переводить дыханіе. Потомъ онъ оправился и продолжалъ:—Не денегъ намъ нужно у господъ просить... Деньги что!.. Ты погляди хорошенько кругомъ... Или посмотри на нашего брата! Намъ дохнуть нельзя. Земли мало. Для насъ никакихъ правовъ нѣтъ. Куда ни пойдешь, все по уши въ

воду. Вотъ что для насъ нужно! Вы, люди ученые, попытайтесь-ка головой пораскинуть!..

Ненила никогда не видала такимъ своего мужа. Онъ весь дрожалъ. Глаза его горѣли, на вискахъ и на лбу выступили набухшія жилы, все его лицо залило краской. Онъ силился, должно быть, многое сказать, но не могъ: волненіе сковывало ему языкъ, и онъ только странно и неуклюже двигался всѣмъ тѣломъ.

— Жить!.. по совѣсти жить нельзя! Промышляй грабежомъ или мошенствомъ, тогда ты и человѣкъ будешь! Ну, хорошо, какъ можешь такъ, а если не можешь? Я не виноватъ, что у меня такъ голова затесана! За что же намъ мучиться-то? Ты мнѣ дай вольготу, вотъ что!..—онъ опустился на приступку и уперся въ нее руками. Лицо его стало еще краснѣе, языкъ не совсѣмъ повиновался ему, и онъ только выкрикивалъ:

— Всѣмъ дорогу нужно! всѣмъ дорогу нужно! Нужно, чтобы по-людски можно жить!..

Послѣднія слова онъ уже дико выкрикивалъ. Обезсиленный, онъ замолчалъ и уставился на учительницу злобнымъ взглядомъ.

— Боже мой... развѣ я это предвидѣла? Я думала... я никакъ не предполагала...—лепетала испуганная дѣвушка. Она поднялась съ мѣста, съежилась и была готова расплакаться.—Мнѣ хотѣлось помочь, развѣ я что знала.

— Не можешь ты намъ помочь, гробовая доска намъ помощь! — крикнулъ Григорій. Ненила стояла ни жива, ни мертва.

— Тогда простите! Я уйду. Я совсѣмъ этого не ожидала!

И она какъ будто стала меньше ростомъ, на глазахъ ея показались слезы; чтобы скрыть ихъ, она, поникнувъ головой, повернулась къ двери и медленно вышла изъ избы.

— Съ Богомъ!—крикнулъ ей вслѣдъ Григорій, подошелъ къ двери и хлопнулъ ею, какъ бы желая покрѣпче притворить ее.

— Идолъ ты! — взвизгнула Ненила, грохнулась на лавку,

положила голову на столъ и зарыдала. Парашка подскочила къ ней и тоже заревѣла.

— Замолчать!—зыкнулъ Григорій и затопалъ ногами.—Вы чего такъ разошлись? Я вамъ глотки-то заткну!..

— Что жъ, убей! Одинъ конецъ-то, по крайности мучиться не будемъ!—выпрямляясь передъ мужемъ, изо всей силы тоже визгливымъ голосомъ крикнула Ненила.

Григорій, развернувшись наотмашь, ударилъ ее кулакомъ. Ненила покатилась на полъ. Парашка бросилась къ ней и заблажила во всю мочь.

— Мама... мама... Мамушка-а!

Григорій схватилъ шубенку, накинулъ ее на себя, накрылъ голову шапкой и, шатаясь, вышелъ изъ избы.

XII.

Ночь была темная, какъ и слѣдовало быть осенней ночи. Стояла невообразимая тишина.

Время подходило къ пѣтухамъ. Вся деревня спала. Только Ненила никакъ не могла успокоиться. Сонъ бѣжалъ отъ ея глазъ. Она столько сегодня пережила, столько перечувствовала, что въ ней все перевернулось внутри, и она никакъ не могла войти въ свою колею, стать на старое мѣсто. Григорія не было. Ненила не знала навѣрное, куда онъ ушелъ, но догадывалась, что онъ запьянствовалъ. Ненилѣ было все равно. Лишь бы скорѣе перебѣсился. А то онъ, Богъ знаетъ, до чего дошелъ!..

На улицѣ что-то послышалось. Не то запѣлъ пѣтухъ, не то кто-то крикнулъ. Крикъ повторился. Ненила подняла голову, и сердце ея упало. Ее поразило то, что окна вдругъ вырѣзались въ ночной темнотѣ и, какъ зловѣщіе глаза, взглянули на нее. Мало того, на фонѣ непроглядной темноты отчетливо выдѣлялся весь дворъ, что былъ напротивъ. Ненила катышкомъ скатилась съ постели и бросилась изъ избы. Дрожащими руками и стуча зубами, она кое - какъ отворила калитку и выскочила на улицу. Очутившись на

серединѣ ея, она увидала, какъ къ нижнему концу деревни надъ однимъ дворомъ поднялся столбъ мутно-краснаго дыма. Столбъ быстро разрастался въ вышину и ширину. Онъ подымался огромными блѣдными языками пламени, которое все болѣе и болѣе разсѣивало сгустившуюся темноту. Вскорѣ свѣтъ пламени залилъ всю деревню.

Изъ оконъ избы, надъ которой поднимался пламенный столбъ, выбрасывали на улицу одежду, утварь. Въ отворенныя ворота выскочили лошади и, пугливо фыркая, гребнемъ поднимая гривы, понеслись вдоль деревни; за лошадьми съ безумнымъ ревомъ вырвались коровы, появились было овцы, но, замѣтивъ метавшихся по улицѣ людей, опять шарахнулись во дворъ. У угла горѣвшей избы какая-то фигура, засунувъ руки между колѣнъ и опустившись на корточки, ревѣла, что было силы. Ужасающіе крики, стоны и тѣни человѣческихъ фигуръ быстро росли и захватили всю середину улицы. Началась страшная суетня.

Ненила сидѣла на землѣ съ помертвѣвшимъ лицомъ, съ глазами, выражавшими боль и ужасъ, и не могла сдвинуться съ мѣста. Если бы на нее наскочили разгоряченныя лошади, мчавшаяся подвода, все равно, она не сдвинулась бы ни на пядь. Вѣтра не было, пламя, все болѣе увеличивавшееся и уже захватившее второй дворъ, неслось прямо къ небу. Дымъ густѣлъ и вмѣстѣ съ искрами въ немъ поднимались цѣлые хлопья пылавшей соломы. Это было далеко, избѣ Еремкиныхъ не грозило никакой опасности. Но Ненила чувствовала, что ея жизнь дошла до какого-то предѣла, за которымъ она уже пойдетъ по другому направленію. Лучше ли будетъ, хуже, но прошедшее отъ нея удалялось, можетъ-быть, безвозвратно.

— Во-о-ды! — ревѣли на улицѣ. — Оттаскивай добро-то! Скотину выпускай! выпускай скотину-то!.. дьяволы!..

Вой поднимался все больше и больше. Огонь, какъ напавшій на добычу до безумія голодный звѣрь, захватывалъ попавшуюся ему добычу съ неописанной быстротой и съ трескомъ, шипѣньемъ и воемъ уничтожалъ ее. Повѣти

двухъ дворовъ были поглощены имъ, и онъ хватался за заборы, за потолки, соскакивалъ на землю и судорожно уничтожалъ солому въ навозѣ, мохъ въ щеляхъ дворовъ, точно боясь, что отъ него отнимутъ, и онъ не успѣетъ попользоваться имъ.

— Оттаскивай, вамъ говорятъ!—слышались крики, и всѣ суетились, задыхаясь въ дыму и жарясь въ пламени, стараясь унести подальше, что только попадалось въ руки.

— Господи! за что такое наказанье? за что?—лепеталъ, захлебываясь отъ слезъ, бѣгая вокругъ двора въ одной рубашкѣ и въ валенкахъ, высокій бородатый мужикъ, моховскій староста.

На проулкѣ, усѣвшись въ кучку и обнявшись другъ съ дружкой, выли его бабы. Неподалеку отъ нихъ, у загородки, держась за колъ, стоялъ Григорій. Онъ былъ пьянъ. На лицѣ, освѣщенномъ пламенемъ пожара, было замѣтно, что черты его смягчились, и въ почти безсмысленномъ взглядѣ его свѣтилось довольство, точно видимое теперь страданіе мирило его съ его собственнымъ.

Онъ долго глядѣлъ на все молча, потомъ издалъ какіе-то звуки. Этотъ звукъ обратилъ на себя вниманіе старосты, тотъ обернулся на него и вдругъ выпрямился и опустилъ руки.

— Братцы! братцы!—задыхаясь закричалъ староста.—Отъ поджога у меня загорѣлось, а вотъ кто меня поджогъ!.. Голову кладу на плаху, что это его дѣло... Онъ мой разоритель! Въ огонь его, дьявола!..

И онъ, какъ кошка на мышь, бросился на Григорія, схватилъ его за шиворотъ и рванулъ къ себѣ. Григорій не выстоялъ и упалъ лицомъ въ землю. Староста ткнулъ его ногой въ бокъ. Хозяинъ другой горѣвшей избы, сосѣдъ его, маленькій, плѣшивенькій старичокъ, тоже въ одной рубашкѣ и безъ шапки, подскочилъ къ нему, схватилъ изъ тына колъ и, высоко взмахнувъ имъ надъ головой, опустилъ его на спину Григорія.

— Поджигателя поймали!—разнесся крикъ.

На проулокъ выбѣжали еще мужики. Одни бросились

бить Григорія, другіе заступались за него. Заступники одолѣли, отняли Григорія отъ разъярившейся толпы, потащили его въ сторону и стали вязать.

— Нѣшто можно своимъ судомъ!—резонерствовалъ одинъ изъ защитниковъ, затягивая Григорію руки на спинѣ.

— Коли поймалъ, представь его по начальству: начальство лучше насъ знаетъ, какъ его проучить...

На утро въ Моховку пріѣхалъ урядникъ производить первое дознаніе. Къ нему подвели подозрѣваемаго поджигателя. Григорія нельзя было узнать. Лицо его было распухшее и подернутое синевой. На мѣсто глазъ были узенькія щелки, лѣвая рука висѣла какъ плеть, и онъ не могъ ею пошевелить.

— Ты поджегъ?—спросилъ его урядникъ.

Григорій отвѣтилъ съ трудомъ, совершенно охрипшимъ голосомъ:

— Я.

— Ахъ ты, мерзавецъ этакій!—выругался урядникъ?—За что?

— Старое зашло...

Больше онъ ничего не хотѣлъ говорить. Урядникъ отправилъ его въ станъ, а потомъ въ городъ.

Весною Григорія судили окружнымъ судомъ и осудили на четыре года въ каторгу. Ненила продала лошадь и корову и отдала ему на дорогу всѣ деньги, а сама заколотила избушку и нанялась на господскій дворъ въ птичницы. Ее приняли туда вмѣстѣ съ Парашкой, но поставили условіемъ, чтобы Парашка помогала ей. Жалованье имъ обѣимъ положили при господскихъ харчахъ два рубля въ мѣсяцъ.

Деревенскія картинки.

I.

Поминки Булатихи.

I.

Крутиковскій староста собирался сообщить своему міру пріятную и неожиданную новость. Съ недѣлю тому назадъ онъ получилъ изъ волости извѣстіе, что ихъ деревенская, безродная дѣвица, Варвара Булатова, жившая въ Москвѣ, умерла. Послѣ нея остались прижитая ею дѣвочка и кое-какое добро. Московская полиція предписывала обществу немедленно взять къ себѣ дѣвочку. Общество было очень встревожено этимъ предписаніемъ. Куда оно дѣнетъ дѣвочку? Кому она нужна? У многихъ—своихъ ребятъ полонъ столъ. Собравшись на сходъ, они чуть ли не всѣ переругались между собой, и все-таки не пришли ни къ какому рѣшенію. Только выбрали одного односельца ѣхать, по требованію полиціи, въ Москву и привезти пока дѣвочку въ деревню. Вчера этотъ посланный вернулся, но привезъ только одно добро Булатихи. Дѣвочка передъ этимъ тяжело заболѣла, попала въ больницу и тоже умерла. Милостивая судьба сама сняла тяжелую обузу съ шеи общества. Староста этому очень обрадовался: не нужно теперь никакихъ хлопотъ, ни расходовъ. Мало того, предвкушалась еще прибыль: „добро“ Булатихи вѣдь что-нибудь стоило. Онъ отъ радости плохо спалъ ночь и сегодня утромъ, только убравшись, рѣшилъ созвать сходъ и подѣлиться съ нимъ своей радостью.

Весеннее утро дышало свѣтомъ и красотой. Все, начиная отъ мелкой уличной травы до только-что отцвѣтшихъ рябинъ и черемухъ, трепетало радостью жизни и недавнимъ возрожденіемъ къ ней. По случаю праздничнаго дня на улицѣ еще не было никого.

Помолившись на четыре стороны, староста взглянулъ на палящее изо всѣхъ силъ солнышко, рѣзнувшее ему въ глаза, и поспѣшно отвернулся отъ него. Подойдя къ врытому напротивъ его двора столбу, на которомъ висѣла чугунная доска и болталась на веревкѣ насаженная на деревянную ручку желѣзная ржавая гайка, онъ взялъ ее въ руки и ударилъ по доскѣ. Доска издала густой и протяжный звукъ. Старикъ ударилъ еще; вызвавши три рѣдкіе раздѣльные звука, онъ вдругъ зачастилъ и началъ выколачивать перезвонъ: „Тимъ, тимъ, тили бомъ, тили, тили, тили, бомъ". Онъ выбивалъ это нѣсколько минутъ, звуки разнеслись по всей деревнѣ, улетѣли далеко за черту ея и всѣхъ оповѣщали: что нужно выходить на сходку, что староста имѣетъ нѣчто, о чемъ нужно оповѣстить весь міръ.

Назвонившись на одномъ мѣстѣ, староста снялъ доску и пошелъ съ ней вдоль по улицѣ, выбивая одну и ту же дробь. Дворовъ черезъ пять отъ избы старосты его окликнулъ пожилой худощавый мужикъ съ длинной безцвѣтной бородой, по имени Ефимъ Щербатый. Онъ спросилъ, зачѣмъ онъ созываетъ сходъ. Староста за звономъ не разслышалъ заданнаго ему вопроса, но догадался, что его о чемъ-то спрашиваютъ, пересталъ звонить и, остановившись, проговорилъ:

— Ты что?

— Зачѣмъ это сходка-то?—спрашиваю.

— По дѣламъ!..—коротко отвѣтилъ староста, не любившій преждевременнаго любопытства, но на этотъ разъ, вспомнивъ, о чемъ ему приходится объяснять міру, онъ откинулъ нашедшую было на него суровость, опустилъ руку съ доской, принялъ болѣе удобную для разговора позу и проговорилъ:

— Егоръ изъ Москвы пріѣхалъ, добро Булатихи привезъ.

— Неужели у ней добро какое осталось?—слегка удивившись, спросилъ Ефимъ.

— Погляди-ко! — уже совсѣмъ веселымъ тономъ и радостно улыбаясь, проговорилъ староста.—Такіе-то два сундука привезъ, что у насъ не у всякой невѣсты найдется.

— Вотъ какъ!—еще болѣе удивился Ефимъ.

— Ей-Богу! Обои подъ замками и запечатаны, вотъ будемъ вскрывать да разбирать.

— А дѣвочку-то привезъ?

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ: дѣвочка тоже за матерью пошла.

— Нѣшъ тоже умерла?

— Да, прибралъ Богъ и насъ отъ хлопотъ избавилъ.

— Значитъ, напрасно мы ругались?

— Совсѣмъ зря, только нагрѣшили!

— Ну, и слава Богу!—проговорилъ Ефимъ, довольный такой развязкой.

— И я говорю, слава Богу,—уже совсѣмъ радостно проговорилъ староста;—все дѣло, значитъ, въ развязкѣ, вотъ только съ добромъ ея разберемся—и крышка!

Сказавъ это, староста вздохнулъ грудью, точно отъ миновавшей общественной заботы избавился самъ онъ, а не все общество. Довольнымъ выглядывалъ и Ефимъ.

— Ну, звони, звони,—проговорилъ онъ:—собирай другихъ-то. Объяви всѣмъ, да потолкуемъ.

Староста опять затрезвонилъ и пошелъ по деревнѣ, а Щербатый Ефимъ направился къ себѣ въ избу, чтобы подѣлиться новостью съ домочадцами.

II.

Мужики одинъ за другимъ выходили изъ своихъ дворовъ и лѣниво брели на середину деревни, гдѣ у одной избы обыкновенно собиралась сходка. Съ нижняго конца, согнувшись и заложивъ руки за спину, еле двигая огромными подковыренными валенками, плелся Иванъ Бѣда, нескладный,

аляповатой выдѣлки мужикъ, съ косматой бородой, крупнымъ мясистымъ носомъ и, вмѣсто морщинъ, какими-то толстыми складками на лбу. Рядомъ съ нимъ шелъ Андрей Воробей, значительно моложе Бѣды, такой же бородатый, но болѣе опрятный, даже щеголеватый. Онъ раньше жилъ приказчикомъ въ Москвѣ, но однажды очень неосторожно обошелся съ хозяйскими деньгами, и ему пришлось разстаться съ мѣстомъ, посидѣть въ тюрьмѣ и чуть не каждый годъ встрѣчать у себя судебнаго пристава съ исполнительнымъ листомъ, который, однако, уѣзжалъ всегда съ чѣмъ пріѣзжалъ, и это ему такъ надоѣло, что послѣднія пять лѣтъ онъ уже не показывался къ Воробью. За этими мужиками шагалъ Михайло Скачокъ, бойкій парень, единственный въ деревнѣ сапожникъ, пьяница, какъ и слѣдовало быть сапожнику, и острякъ. Онъ шелъ со сдвинутымъ на затылокъ картузомъ, свободно размахивая руками, и выраженіе его сѣраго, украшеннаго начинавшимъ сизѣть носомъ, съ рѣдкой растительностью лица было такое, что точно онъ выдумалъ какую-то забористую штуку, которую только стòитъ выпалить, какъ всѣ засмѣются. Сзади его переваливался съ боку-на-бокъ, въ яркой кумачевой рубахѣ, съ длинной бѣлокурой шелковистой бородой, босикомъ, Ѳедосей, котораго мальчикомъ еще прозвали Бычкомъ, и это прозвище сохранилось за нимъ и до сихъ поръ. Онъ былъ очень силенъ, работящъ и молчаливъ; когда онъ пилъ водку, то допивался до безчувствія, и его тогда, какъ ребенка, била жена, худая, весноватая, хромоногая баба; зато когда онъ просыпался, то билъ жену и нерѣдко до того, что ее приходилось отливать водой.

Съ другого конца деревни на сходку заявился прежде всѣхъ Филиппъ Глазастый, бѣлобрысый, маленькій мужичокъ съ рѣдкими волосами и бородой, одинъ бокъ которой былъ короче и рѣже, съ усами, подпаленными постоянными „цигарками“, которыя онъ курилъ почти безпрерывно. Это былъ самый юркій мужикъ изъ всей деревни. Одѣтъ онъ былъ совсѣмъ не по-мужицки. На немъ была старая, грязная, городского покроя сорочка, подпоясанная бечевкой.

Панталоны его были нанковыя, заношенныя, съ выступами на колѣнахъ и совсѣмъ короткія, далеко не доходящія до ступней босыхъ и грязныхъ ногъ. На плечахъ его была вздѣта триковая жакетка, замасленная и порванная во многихъ мѣстахъ, а на головѣ котелокъ, тоже засаленный и продыравленный. Этотъ костюмъ у него былъ изъ Москвы. Тамъ жила его сестра въ экономкахъ въ одномъ домѣ, она и присылала ему изрѣдка кое-какое старье съ барскаго плеча. Филиппъ и самъ не чуждъ былъ Москвы. У него въ избѣ висѣла карточка, уже выцвѣтшая и засиженная мухами, и гдѣ еще можно было разобрать его самого, молодого и полнаго, въ крахмальной сорочкѣ, брюкахъ поверхъ сапогъ и съ шейной серебряной цѣпочкой при часахъ. Рядомъ съ нимъ, облокотившись на его плечо, стоитъ его жена въ шерстяномъ платьѣ съ оборками и бейками. Но это счастливое для Филиппа время было очень давно. Онъ тогда жилъ коридорнымъ въ одной московской гостиницѣ, и жилъ очень хорошо. Это мѣсто онъ потерялъ только потому, что однажды напился пьянъ. Послѣ этого онъ жилъ лакеемъ въ барскомъ домѣ, поваромъ въ трактирѣ, бѣлымъ дворникомъ, швейцаромъ, полицейскимъ сторожемъ, половымъ, возчикомъ на пивномъ заводѣ. Но послѣ перваго мѣста онъ уже нигдѣ долго не удерживался. Тамъ онъ привыкъ къ большимъ доходамъ; при доходахъ у него появились такія потребности, которыя на другихъ мѣстахъ не удовлетворялись. Чтобы увеличить доходы, онъ сталъ прибѣгать къ всевозможнымъ средствамъ, вслѣдствіе чего въ скоромъ времени совсѣмъ потерялъ способность отличать свое отъ чужого. Ему стало казаться, что все, что ему ни попадалось подъ руку,—все его. И онъ такъ и относился ко всему. Но хозяевамъ это было не по душѣ. Его отовсюду гнали. Въ концѣ концовъ ему пришлось перебраться въ деревню. Въ деревнѣ дѣла у него шли очень плохо. Какъ человѣкъ, прожившій много лѣтъ въ иныхъ условіяхъ, онъ не могъ погрузиться весь въ мужицкое хозяйство, а старался пойти по всѣмъ отраслямъ. Онъ былъ и охотникъ, и рыболовъ, и

любитель собирать грибы и ягоды. Весной, до работъ еще, люди вьютъ гужи, готовятъ вожжи, веревки, пута для лошадей, а Филиппъ бралъ ружье и отправлялся за вальдшнепами или дроздами. Послѣ сѣва люди готовятъ телѣги къ навозницѣ, носятъ изъ лѣса косья и грабилища къ покосу, а онъ брязгается въ водѣ въ рѣкѣ, таская оттуда рыбу и раковъ, или бродитъ по лѣсу и ищетъ первые грибы и ягоды. Въ жнитво онъ ударялся за рыжиками и бѣлыми грибами. Отъ этого у него, вмѣсто гужей, употреблялись какіе-нибудь обрывки, лошадь пускалась въ ночное распутанной, за что его ругали и пастухи и общество. Но для Филиппа это было, что въ стѣну горохъ. Телѣга у него, разваливалась по дорогѣ, рожь гнила въ снопахъ. Зато въ похлебкѣ у него иногда варились тетерька, на завтракъ подавались свѣжіе раки или отварные грибы, ягоды съ молокомъ, и онъ, принимаясь за эти кушанья, говорилъ: „Въ Москвѣ это кушанье чего стоитъ!“ Правда, у него иногда при этихъ кушаньяхъ не было собственнаго хлѣба, тогда онъ выпрашивалъ его у кого-нибудь взаймы или покупалъ у нищихъ кусочки. Тѣхъ, кто имѣлъ постоянный хлѣбъ и не дорожилъ тѣмъ, чѣмъ онъ дорожилъ, онъ глубоко презиралъ.

Въ покосъ, послѣ завтрака на лугу, онъ обыкновенно становился на виду у всѣхъ и молился вслухъ. Онъ кричалъ такъ, чтобы всѣмъ было слышно: „Господи Боже, покорно благодарю Тебя, что Ты меня насытилъ, да не такъ, какъ другихъ хлѣбомъ, лукомъ да гороховымъ киселемъ: а я и рыбки поѣлъ, и ягодки поѣлъ, молочкомъ запилъ, табачкомъ закусилъ, а середочка полна, такъ и кончики играютъ.“

И онъ дымилъ папироской, пускался въ плясъ, или кувыркался и пѣлъ пѣтухомъ, или становился на голову и дрыгалъ вверху ногами. Для многихъ онъ былъ самый веселый и пріятный человѣкъ.

За Филиппомъ пришелъ Матвѣй Ѳедотовъ, старый солдатъ съ сѣдой бородой и медленными движеніями, очень любившій поговорку: „не спѣша вѣкъ проживемъ“. Это былъ рѣдкій че-

ловѣкъ. Кто бы когда что-нибудь новое ни сообщилъ, онъ всегда зналъ это впередъ. Говорили, что лѣто будетъ жаркое, едва ли что изъ хлѣбовъ выйдетъ хорошо; онъ сейчасъ же соглашался съ этимъ: „Да, это вѣрно, когда я служилъ на Капказѣ, у насъ былъ одинъ унтеръ, онъ за 50 годовъ все предсказывать могъ: когда какая погода, когда что уродится; про нонѣшнее лѣто онъ говорилъ, что сухое будетъ, и все сгоритъ“. Заболѣвалъ ли скотъ, онъ заявлялъ, что, вѣрно, будетъ моръ, и это на „Капказѣ“ предсказывали; случалось ли какое-нибудь необычайное происшествіе, всѣ охали и ахали отъ удивленія, но онъ и не думалъ удивляться, а говорилъ: „у насъ, на Капказѣ, какъ разъ такое дѣло было“, и разсказывалъ случай, весьма мало похожій на правду. Его одергивали, говорили, что онъ вретъ, но онъ ничуть не смущался и неизмѣнно твердилъ про свой Капказъ и разсказывалъ всякія невѣроятныя вещи.

Послѣ Матвѣя пришли: Трофимъ Степановъ, степенный и зажиточный старикъ, ходившій старостой еще „при господахъ“, потомъ отслужившій не одинъ срокъ для міра; Яковъ Ильинъ, столяръ и пьяница, про котораго говорили, что у него руки золотыя, да ротъ навозный; Захаръ Павловъ, Ефимъ Щербатый и другіе, старые и молодые. Всѣ подходили къ избѣ, гдѣ собиралась сходка, снимали картузы или шапки, говорили какое-нибудь привѣтствіе, на что имъ отвѣчали тѣмъ же, и кто садился на заваленку, кто помѣщался на крыльцѣ, кто просто становился къ сторонкѣ, въ ожиданіи, когда всѣ соберутся и когда староста объявитъ, зачѣмъ собранъ сходъ, и, молча или тихо переговариваясь между собой, нѣжились на солнечномъ теплѣ, наслаждаясь утренней красотой, зеленью и запахомъ цвѣтущихъ и отцвѣтающихъ на усадьбахъ и проулкахъ деревьевъ.

III.

— Ну, всѣ собрались, православные? — сказалъ староста, жмурясь отъ бьющаго ему въ глаза солнышка и медленно

окидывая взглядомъ „міръ“.—Такъ слушайте, за чѣмъ я созвалъ васъ сегодня.

— Говори, говори, послушаемъ,—слегка заволновавшись, прогудѣли мужики въ нѣсколько голосовъ.

Староста разсказалъ имъ то же, что говорилъ Щербатому; въ толпѣ пронесся одобрительный гулъ.

— Что жъ, и славно, хорошо, слава Богу!

— И я говорю слава Богу,—молвилъ староста:—куда бы намъ возиться съ дѣвочкой, что бы намъ съ ней дѣлать, кто бы ее куда взялъ, а теперь она у мѣста.

— Да еще у какого мѣста-то—на весь вѣкъ!..

— Не поить ее, не кормить и въ люди не выводить,—не удержался, чтобы не сострить, сказалъ Скачокъ, и самъ первый засмѣялся своей остротѣ; смѣхъ его поддержали другіе.

На этомъ разговоры о дѣвочкѣ были покончены, и староста опять спросилъ:

— Такъ что же теперь, насчетъ добра ея, что ли, толковать?

— Давайте уговариваться насчетъ добра, вещь понятная, какъ обсудимъ дѣло, такъ и будетъ,—сказалъ Иванъ Бѣда.

— А много добра-то?—спросилъ Захаръ Павловъ, бѣлый старикъ съ краснымъ, какъ клюква, носомъ, хотя онъ никогда водки не пилъ. Онъ былъ очень жаденъ; какое ни будь дѣло, грозившее расходомъ обществу, всегда встрѣчало въ немъ противодѣйствіе, доходныя же статьи приводили его въ веселое настроеніе. Когда получилось изъ Москвы увѣдомленіе о смерти Булатовой и предписаніе обществу немедленно взять дѣвочку къ себѣ, то Захаръ Павловъ первый заругался при этомъ извѣстіи. Онъ костилъ покойницу всякими неприличными словами, подбивалъ общество не ѣздить за дѣвочкой, отказаться отъ нея. Другіе мужики, зная, что этого сдѣлать нельзя, все-таки снарядили посланнаго, дали ему денегъ и уполномочили устроить, что нужно. Теперь Захаръ совершенно перемѣнилъ тонъ, лицо его улыбалось, глаза щурились, какъ бы отъ

предвкушенія чего-то пріятнаго. Староста взглянулъ на него и, отвѣчая на его вопросъ, проговорилъ:

— Вонъ, спроси Егора, онъ знаетъ.

Егоръ, мужикъ лѣтъ подъ сорокъ, съ черной курчавой бородой, въ старомъ пиджакѣ, но въ теплой шапкѣ и валенкахъ, сидѣлъ, съежившись, у угла избы и дремалъ. При вопросѣ Захара онъ оживился и бойко, съ нѣкоторою хвастливостью проговорилъ:

— Много ль, мало ль добра, да только одна прислуга изъ того дома, гдѣ Варвара жила, давала за все 50 рублей.

— Ого!—одобрительно воскликнулъ Иванъ Бѣда,—стало-быть, наши расходы не пропадутъ.

— Не то что не пропадутъ, а съ лихвой воротятся,— съ увѣренностью проговорилъ Андрей Воробей.

— Такъ нечего и толковать, староста,—сказалъ Филиппъ Глазастый,—а веди ты насъ туда, гдѣ эти, рабы Божіи, сиротскіе сундуки находятся; вытянемъ мы ихъ на рузь, откроемъ да поглядимъ, что въ ихнихъ нутрахъ-то находится, какіе потроха?

— Онъ правду говоритъ, чего жъ зѣвать еще,— поддержалъ Филиппа Бѣда;--узналъ – и не думается.

— Сердце не будетъ болѣть,—опять сострилъ Скачокъ.

— Ну, что жъ такъ, таки-такъ,— поднимаясь съ мѣста и опять окидывая глазами „міръ“, проговорилъ староста,— сундуки у меня въ пожарномъ сараѣ, пойдемте туда!

— Идемъ! Идемъ!—раздалось нѣсколько голосовъ, и мужики, кто кряхтя, кто легко и бойко, стали подниматься съ мѣста и окружать старосту. Когда мужики всѣ сбились въ одну кучу, староста выдѣлился изъ нихъ и пошелъ по направленію къ пожарному сараю. Мужики направились за нимъ.

— Поѣдемте, чѣмъ пѣша-то итти! — опять сострилъ Михайло.

Толпа, смѣясь и разговаривая, разсыпалась по всей улицѣ и двигалась вдоль деревни къ выгону, гдѣ стояла мірская магазея и около нея пожарный сарай.

IV.

Черезъ нѣсколько минутъ сарай былъ отворенъ, и мужики увидали два большіе старые сундука: одинъ окрашенный въ коричневую краску, но уже вылинявшій и вытертый мѣстами, другой—обитый узорчатой клеенкой и обтянутый лентами бѣлой жести. Они были, дѣйствительно, заперты и запечатаны. Мужики окружили ихъ и съ любопытствомъ стали оглядывать ихъ кругомъ.

— Чего тутъ глядѣть!—крикнулъ Андрей Воробей.—Тащи ихъ вонъ, тамъ лучше разглядимъ.

— И то дѣло,—согласился Бѣда.—Бери, ребята!

Нѣсколько мужиковъ взялись за скобки, и въ одну минуту сундуки были вытащены изъ сарая и поставлены на траву. Егоръ подошелъ къ нимъ съ ключами, а староста началъ ломать печати. Когда сундуки отперли, изъ нихъ одну за одной стали вытаскивать разныя вещи, разглядывать и оцѣнивать. Вещи были всевозможныя: зимняя и лѣтняя одежда, платье, бѣлье, образа, кое-какая утварь, платки, обувь. Покойная жила въ прислугахъ, и по ея положенію были и вещи. Всѣхъ вещей было много, и каждую минуту находились все новые и новые предметы.

— Братцы, патреты! — воскликнулъ Скачокъ, открывая маленькій ящичекъ у сундука и вынимая изъ него три фотографическихъ карточки.

Скачка окружило нѣсколько мужиковъ, и всѣ съ любопытствомъ стали разглядывать карточки. На одной изъ карточекъ изображалась сама покойница, высокая, костлявая, некрасивая дѣвушка, съ глубоко сидящими глазами на угловатомъ лицѣ и большимъ некрасивымъ подбородкомъ. На другой—маленькая, пухленькая дѣвочка, приблизительно въ годовомъ возрастѣ, видимо, дочка Булатихи, умершая вскорѣ послѣ матери, и на третьей—бравый малый въ пиджакѣ, при часахъ, въ крахмальной сорочкѣ, остриженный бобрикомъ и съ большими пушистыми усами. Онъ сидѣлъ на стулѣ, сложивъ ногу на ногу, положивъ одну руку локтемъ

на тумбочку, въ позѣ самой ординарной, какую въ цѣлой сотнѣ повтореній можно встрѣтить въ витринахъ дешевыхъ фотографій. Скачокъ взглянулъ по очереди на всѣ карточки и передалъ ихъ Воробью; тотъ поглядѣлъ на нихъ и, глядя на послѣднюю, проговорилъ:

— Знать, это ея „воздахтеръ“, ишь, какой бравый!

— А она-то была ему не подъ стать: рыломъ не вышла, — сказалъ Михайло.

— Не по хорошему милъ, а по милу хорошъ.

— Вѣрно что: „понравится сатана лучше яснаго сокола“.

— Онъ-то ей нравился, а она-то ему нѣтъ,—проговорилъ Егоръ.—Тутъ, братцы, такое дѣло... Черезъ него она безъ время въ сыру-землю пошла.

— Н-ну!—протянулъ съ удивленіемъ Бѣда.—Что жъ онъ билъ ее очень?

— Не билъ, а обманулъ. Мнѣ одна прислуга всю эту исторію разсказала,—продолжалъ Егоръ. — Жилъ онъ это, значитъ, съ ней на одномъ дворѣ. Она у однихъ господъ горничной, значитъ, а онъ у другихъ — въ родѣ лакея. Ну, какъ ни какъ, и слюбились, значитъ, они. Слюбились они, стали другъ друга вызнавать, и вызналъ онъ, что у нея деньги есть, двѣсти или триста рублей—не знаю вѣрно: на книжкѣ лежали. Вотъ онъ и сталъ подмазываться къ нимъ. „Вынь да вынь эти деньги, дай мнѣ, я съ ними на хорошее мѣсто поступлю съ залогомъ, въ артель, что ли. Разживусь,—говоритъ,—женюсь на тебѣ и дѣвочку припишу“. А ужъ дѣвочка у нихъ въ то время была: отдали они ее въ деревню на воспитаніе. Ну, братцы мои, и подбилъ онъ ее; взяла она деньги изъ банка и отдала ему. Поступилъ онъ на мѣсто, въ отъѣздку куда-то; какъ уѣзжалъ-то—говорилъ, что и ее къ себѣ возьметъ, а какъ обжился-то,—и забылъ. Сперва письма писалъ, а тутъ письма присылать пересталъ. Она заскучала. Взяла, было, дѣвочку къ себѣ, и дѣвочка ее не утѣшила; прикинулась къ ней хворь отъ тоски, съ мѣста ее разочли, переѣхала она на квартерку, да тамъ Богу душу и отдала.

— Ишь, вѣдь, какое дѣло! Изъ-за него, значитъ, пропала баба! — воскликнулъ Бѣда и многозначительно качнулъ головой.

— Не изъ-за него хоть, а изъ-за себя... Отъ своей глупости, — сказалъ Воробей. — Куда она съ такой маской съ такимъ орломъ якшаться вздумала?.. Понимать должна, что не могъ онъ ее такую любить!

— Ну, а онъ не видалъ ея маски-то, какъс ходился-то съ ней? — принимая сторону Булатихи, проговорилъ Матвѣй Ѳедотовъ.

— Може и не видалъ, чудное дѣло! — воскликнулъ Скачокъ, и опять самъ первый засмѣялся.

За нимъ загоготали въ нѣсколько голосовъ. Староста, догадываясь, что мужики только скалятъ зубы, возвысилъ голосъ и прокричалъ:

— Ну, что жъ, православные, все разглядѣли? Что жъ намъ будетъ съ этими вещами дѣлать?

— На рынокъ взять да продавать! — крикнулъ Скачокъ и опять засмѣялся.

— Вѣрно что, — поддержалъ его Воробей. — Лежалаго товара не нужно ли!

— А то по деревнямъ проѣхать прокричать.

— Ну, это трепаться нечего, — строго проговорилъ Матвѣй Ѳедотовъ. — А коли что, такъ здѣсь сукціенъ устроить, — у насъ, на Капказѣ, разъ умеръ солдатикъ, его добро-то и пустили межъ собой, такъ въ одну минуту расхватали.

— Что жъ, сукціенъ устроить ничего, — согласился Трофимъ Степановъ. — Позвать, значитъ, всю деревню, и кому, значитъ, что нужно, тотъ и пусть покупаетъ, а деньги въ „міръ“.

— Это дѣло старикъ говоритъ, — поддержалъ Трофима Бѣда, — кому, значитъ, что взглянется, тому то и достанется.

— Глядите, православные, какъ лутче! — сказалъ староста.

— Такъ очень хорошо, лутче чего быть нельзя, никому, значитъ, не обидно, — горячо проговорилъ Захаръ Павловъ.

— Сукціенъ! — крикнулъ Глазастый.

— Ну, такъ закрывайте сундуки да ступайте, сбивайте народъ: пусть всѣ приходятъ—и старые и малые.

— Бабъ допрежь всего нужно, это бабьи вещи!

— Гоните и бабъ.

— Кому жъ итти?

— Ступай ты, Филиппъ, да ты, Өедосей, да еще кто помоложе! Эй, вы, ступайте-ка!—распоряжался староста.

Посланные пошли сбивать деревню, оставшіеся, толкуя, стали устраиваться, кому гдѣ пришлось. Кто усаживался на травѣ, кто на сундукахъ, кто на мостѣнкахъ магазеи. Каждая группа завела разговоры—всякая про свое.

V.

Въ разговорѣ прошло около получаса. Къ толпѣ подошли снова Филиппъ съ Өедосеемъ и другіе посланные, уже оповѣстившіе деревню. За ними съ обоихъ посадовъ деревни стали появляться бабы, мужики, дѣвки и ребятишки. Бабы шли торопясь, ребятишки же скакали около нихъ вперепрыжку.

Воробей вдругъ вскочилъ на сундукъ и, махая руками, закричалъ:

— Скорѣй, къ началу! къ началу! сейчасъ открывается!

Пестрая толпа окружила сундуки. Всѣмъ хотѣлось заглянуть, что въ нихъ заключается. Филиппъ протискался къ сундукамъ, снялъ котелокъ, обнажилъ свою начавшую лысѣть голову и, кланяясь, заговорилъ:

— Тетушки, бабушки, красныя дѣвушки, молодыя молодки, бѣлыя лебедки! Чего вы искали, коли къ намъ пришагали? Хотите ль вы одежки, платковъ иль сережки? Али, можетъ, башмаковъ съ каблучками? Али платьевъ съ казачками? Все у насъ первый, наилучшій сортъ, какихъ не видывалъ въ преисподней чортъ! Полюбуйтесь, подивуйтесь, что понравится — купите, а такъ не берите, а то за эти штуки натерпитесь отъ насъ муки, пожалуйте!

Подъ звуки веселаго смѣха разноцвѣтной толпы Филиппъ

открылъ одинъ изъ сундуковъ и сталъ вынимать по одной вещи, выкрикивать ихъ названіе и подавать для осмотра собравшимся. Когда всѣ оглядывали вещь, желающіе купить назначали цѣну, другіе прибавляли, третьи увеличивали надбавку, и вещь покупалась. Староста получалъ деньги и клалъ ихъ въ шляпу Филиппа, а Андрей Воробей раздобылъ бумажку съ карандашомъ и записывалъ проданную вещь и сумму вырученныхъ денегъ.

— Одна салфетка старая, загаженная, негофреная, неглаженая! кто сколько даетъ?— выкрикивалъ Филиппъ.

— Пятачокъ!

— Гривенникъ!

— Двѣнадцать копеекъ!..

— Двѣнадцать копеекъ! кто больше?—выкрикивалъ староста.

— За нимъ! Пиши: Фролъ Савиновъ салфетку.

Воробей записывалъ.

— Старое пикейное одѣяло,—она имъ милаго одѣвала, сама подъ нимъ спала, только съ собой не взяла,—кто купить хочетъ?

— Рупъ!

— Рупъ тридцать!

— Полтора!

— Семь гривенъ!

— Два рубля!

— Два рубля, кто больше? — опять выкрикиваетъ староста.

— А вотъ ея жакетка, — кто ее надѣнетъ, будетъ какъ насѣдка, рукава у ней съ пышами, словно крылья надъ плечами—это, чтобы водоносъ не сваливался!

И опять взрывы смѣха и торгъ. Жакетка осталась за одной солдаткой.

— А вотъ посудное полотенце, повѣсишь его въ сѣнца, умоешь морду да утрешь, и будешь всѣмъ парень хорошъ!

Аукціонъ и зубоскальство продолжались часа два. Всѣ вещи были раскуплены, остались одни сундуки. Пошелъ

торгъ на сундуки. Вскорѣ купили и ихъ. Стали считать деньги. Насчитали шестьдесятъ девять рублей и двадцать семь копеекъ.

— Вотъ тебѣ и доходъ въ „міръ“!—воскликнулъ Скачокъ въ веселымъ видомъ и снова заржалъ отъ удовольствія.

— Еще какой доходъ-то! -потирая руки и хихикая, проговорилъ Захаръ Павловъ. – Ого-го!

— Не спали, да выспали, валитъ намъ, ребята!—молвилъ Бѣда и блаженно улыбнулся.

— Не забудьте, ребята, я вѣдь, когда Егоръ въ Москву-то поѣхалъ, двадцать рублей ему на хлопоты далъ,—проговорилъ староста.

— Ну, вычти изъ этого двадцать рублей, опять много останется,—сказалъ Воробей.

— Какъ же не много, почти полсотни, чудное дѣло!—уже весь засіявъ отъ радости, воскликнулъ Бѣда.

— Куда же намъ ихъ дѣвать?—спросилъ Филиппъ, и его лицо первый разъ за все утро приняло дѣловое выраженіе.

— Куда хотите, православные, обрекайте куда, — вымолвилъ староста.

— У насъ, на Капказѣ... — хотѣлъ было что-то сказать Матвѣй Ѳедотовъ, но его перебилъ Трофимъ Степановъ.

— Куда дѣвать? Оставь пока у себя да запиши на приходъ, а тамъ будетъ раскладка на вторую половину и замѣстимъ ихъ—дѣло извѣстное.

— Знамо такъ, а къ сбору-то поменьше назначимъ, – снова потирая руками и все хихикая отъ удовольствія, подтвердилъ Захаръ Павловъ.

— Что жъ, это дѣло, — согласился Бѣда; — это хорошо придумано.

Лицо Филиппа выразило сильное неудовольствіе. Вдругъ онъ снялъ надѣтую уже было шляпу, почесалъ голову и уже серьезнымъ тономъ, съ оттѣнкомъ раздраженія, проговорилъ:

— Ахъ, старые вы черти, не пошлетъ на васъ Богъ смерти, только вы объ оброкѣ и думаете! А мы тутъ народъ сзывали, добро продавали, горло драли, такъ на томъ

и утремся, что ли? Нѣтъ, погодите, такую прибыль безъ спрысокъ нельзя оставить!

Это на всю толпу произвело сильное дѣйствіе. Тотчасъ же лица старосты, Захара Павлова и Трофима Степанова, совсѣмъ не пьющихъ водки, приняли озабоченное выраженіе, и въ глазахъ ихъ показался безпокойный огонекъ: „А ну-ка, въ самомъ дѣлѣ, выпивку устроятъ?“ У другихъ же на лицахъ заиграли лучи пріятной надежды, предвкушенія крайне лакомаго, и обладатели этихъ лицъ быстро сгруппировались въ большую кучу, и среди нихъ послышался одобрительный гулъ, и раздались отдѣльные голоса, стойко поддерживавшіе Филиппа.

— Знамо, братцы, выпить надо! Что жъ, этакъ вѣдь не полагается,— тоже съ серьезнымъ видомъ проговорилъ Скачокъ.

— Выпить не грѣхъ, къ тому же сегодня праздникъ! — оживляясь, заявилъ Матвѣй Ѳедотовъ.— У насъ бывало въ полку какъ праздникъ, такъ и крышка водки!

Непьющіе ничего не говорили; они переглянулись между собой и увидали, что ихъ значительное меньшинство. Къ пьющимъ принадлежалъ Бѣда, Воробей, Яковъ Ильинъ и нѣсколько совсѣмъ безличныхъ мужиковъ, которые всѣ подали голосъ за то, что выпить нужно, и такъ настойчиво и твердо, что непьющіе, въ иныхъ случаяхъ протестовавшіе противъ мірской попойки, увидали, что тутъ имъ говорить нечего, и уже не открывали рта.

— Какъ хотите, братцы,—скрѣпя сердце говорилъ староста:—дѣло обчественное, какъ рѣшите, такъ и ладно,—намъ все равно!

— Пропить эти девять рублей, а сорокъ запишемъ на приходъ?—предложилъ Воробей.

— Ну, что жъ,—и будетъ; возьмемъ три четверти себѣ да полведра бабамъ, пусть и онѣ погуляютъ!

— Такъ и сдѣлаемъ. Староста, слышишь? посылай ведро съ четвертью и вся недолга!

— Мнѣ все равно, братцы.

— Ну, такъ и разговаривать нечего!

VI.

Деревня рѣдко переживала такое оживленіе, какое было въ этотъ день. Подходило время обѣда. Посланные за водкой еще не приходили, и такіе любители выпить, какъ Скачокъ, Воробей и Филиппъ Глазастый, понимая всю прелесть выпивки натощакъ,—ничего не ѣли, а бродили по деревнѣ, глотая слюнки, съ нетерпѣніемъ поглядывая въ ту сторону, откуда должны были принести водку. Волновались и другіе мужики и бабы. Бабы тоже казались порядочно возбужденными. Всѣ онѣ забросили всякія дѣла; нѣкоторыя разодѣлись въ лучшій нарядъ, который многихъ только безобразилъ; другія, совсѣмъ не думая о томъ, во что онѣ одѣты, толпились пестрыми кучками между мужиковъ и толковали, кто о судьбѣ Булатихи, кто о покупкахъ. Однѣ радовались удачливости покупокъ, другія жаловались на неудачу. Громкій говоръ, всевозможныя восклицанія, порой веселый смѣхъ, вылетали то изъ одной, то изъ другой группы.

Вотъ, наконецъ, показались съ виномъ. Его несли двое, въ двухведерномъ боченкѣ на палкѣ. Посланные казались уставшими и вспотѣвшими. Они направились прямо ко двору старосты; народъ пестрой цѣпью потянулся со всѣхъ концовъ къ нимъ и быстро окружилъ посланцевъ плотнымъ, ярко-цвѣтнымъ кольцомъ.

— Староста, выходи на расправу!

— Давайте столъ, ребята, на чемъ вино-то размѣрять?

— Столъ да скамеекъ.

— Да „аршинчиковъ“ хорошихъ.

— А намъ на руки нашу долю отдайте, мы сами раздѣлимъ и разопьемъ,—подала голосъ высокая, рыжая, весноватая Аксинья, сноха Захара Павлова.

— Извѣстное дѣло, что жъ, мы мѣшаться съ вами будемъ?—отвѣтилъ ей Воробей.

— Сказано: съ чортомъ не дружись, съ бабой не водись; курица не птица, баба не человѣкъ!—воскликнулъ Бѣда.

— Эхъ, вы! А куда вы безъ бабъ-то дѣлись бы. Чья бы

коровка мычала, а ваша бъ молчала!—кольнула его Трофимова Катерина.

— Зачѣмъ молчать-то, на то и языкъ данъ.

— Такъ и молоть имъ попусту?.. Мы съ вами сами вязаться не будетъ! Забирай, подружки, свою долю да отходи въ сторону.

— Съ камнемъ въ воду, чертямъ поклонъ!

— Стаканъ-то, стаканъ-то возьмите!

— Луку бы, ребята, на закуску!

— Кто чего хочетъ, тотъ и пущай приноситъ, — сказалъ Филиппъ,—а мнѣ баба испекла два яичка, я ими и закушу.

— Да вѣдь теперь постъ.

— Кому постъ, а намъ разрѣшеніе вина и елея, пришло оно отъ самого архирея.

— Вотъ и поговори съ нимъ, барабошкой!

Между тѣмъ изъ избы старосты выносились ведра, скамьи, два стакана, солоница. Хлѣбъ у всѣхъ былъ свой, у кого съ хлѣбомъ былъ лукъ, у кого кусокъ селедки, одинъ мужикъ держалъ въ горсти нѣсколько снитковъ. Наконецъ, все вынесли, разставили, староста сѣлъ на первое мѣсто, налилъ изъ ведра большой желѣзный ковшикъ водки, поставилъ его на столъ и почерпнулъ изъ ковша водку стаканомъ.

— Съ какого конца начинать?

— Валяй, откуда хошь!

— Кто подойдетъ, тому и подноси.

— А если кто два раза подойдетъ?

— А съ тѣмъ, нѣшъ не знаешь, какъ: святымъ кулакомъ по окаянной шеѣ!

— Ну, Господи, благослови!

Первые стаканы попали Бѣдѣ и Филиппу. Бѣда выпилъ молча, но Филиппъ и тутъ не удержался отъ прибаутокъ... По мѣрѣ того, какъ осушались стаканы, лица у всѣхъ оживлялись, глаза зажигались огнемъ, языки дѣлались острѣе, разговоры шумнѣе. Теперь ужъ никому не хотѣлось молчать, а всѣ старались говорить, голоса возвышались, какъ

будто всякій хотѣлъ непремѣнно сильнѣе выразить свою мысль, но слуховая воспріимчивость у всѣхъ ослабѣла. Всѣ говорили, но мало кто слушалъ; если же кто и слушалъ, то плохо понималъ. Матвѣй Ѳедотовъ, съ краснымъ лицомъ и вращающимися зрачками и какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ на лицѣ, вдругъ опустился на траву, обнялъ одну колѣнку руками и, ни на кого не глядя, раскачивая головой, запѣлъ:

„Но-очи темны, ту-у-чи гро-о-зны
Па-а-па-дне-бесью иду-утъ!“

Ему подтянули. Другой кружокъ собрался кругомъ Якова Ильича. Тамъ пѣли „Въ одной знакомый улицѣ“. Тутъ и тамъ сбивались. Пѣсни были старинныя, мотивы сложные. Скачку, удалому пѣсельнику, это было крайне не по душѣ, и онъ началъ кричать на поющихъ:

— Будетъ вамъ, черти! Не блажите, не въ одномъ острогѣ сидѣли! Этакъ телята въ болотѣ ревѣли, да всѣ поколѣли. Вы вотъ послушайте!

И онъ сталъ посреди всѣхъ, стащилъ съ головы картузъ, сжалъ его въ правой рукѣ, взмахнулъ обѣими руками, какъ птица крыльями, и сильнымъ, нѣсколько хриповатымъ голосомъ затянулъ:

„Ахъ! я с-сижу и люб-буюсь та-абою!
Ай т-та-бой, да-рра-а-гая м-мая!
Чудный мѣсяцъ плыве-тъ надъ рѣ-ко-ою!
И въ а-бъятья-яхъ на-ачной ти-ши-нѣ-ѣ!“

Первыя пѣсни были оставлены, и всѣ, кто только могъ пѣть, подтянули Михайлу. Пѣсню скоро наладили, и она спѣлась очень хорошо. Когда пѣсню допѣли, староста проговорилъ:

— Вино еще осталось, по стаканчику наберется.

— Давай еще по стакану, только начинъ съ пѣсельниковъ.

— Пѣсельникамъ почетъ.

— Они и въ адъ первые пойдутъ.

— Извѣстное дѣло, кому жъ чертей-то потѣшать?

— Ха-ха-ха!

VII.

Водка вся была выпита, кончили ее и бабы и тоже развеселились. Онѣ собрались въ кругъ, около нихъ появилась молодежь съ гармоникой, и они завели пляску. Мужики, помоложе, тоже ушли къ нимъ, а постарше такъ и остались у двора старосты. Кто стоялъ и сидѣлъ, кто сидѣлъ на травѣ, дѣлая папиросу, и разсказывалъ что-нибудь, нѣкоторые валялись на землѣ въ безчувственномъ состояніи. За столомъ передъ пустой винной посудой сидѣли староста и другіе непьющіе мужики и отъ нечего дѣлать глядѣли на расходившихся односельцевъ.

. . . .

Пѣсни, пьяный шумъ и ломанье мужиковъ и бабъ продолжались до поздняго вечера. Вечеромъ, когда загнали по дворамъ скотину, на улицѣ собралось два хоровода—молодежи и стариковъ.

Въ стариковскомъ хороводѣ, въ кругу, Матвѣй Ѳедотовъ и Яковъ Ильинъ, при чемъ Матвѣй выбралъ себѣ въ пару Марфу Козу, у которой обыкновенно торчали сѣдые волосы изъ-подъ платка и при малѣйшемъ волненіи тряслась голова; но теперь она размахивала руками и лихо всплескивала ими въ воздухѣ; Яковъ же вывелъ Авдотью Кривую, на которую недавно приходилъ жаловаться старостѣ женатый внукъ, и говорилъ, что она ничего не хочетъ дѣлать, ссылаясь на то, что ей мочи нѣтъ, а ѣсть требуетъ себѣ самое лучшее—говядину изъ щей, яйца, масло коровье, сметану. Молодежь пѣла свою пѣсню, а старики—свою, и каждая партія изъ кожи лѣзла вонъ, чтобы только дать просторъ расходившемуся сердцу.

Гулянье продолжалось до пѣтуховъ, а воспоминанье объ этомъ днѣ сохранилось на долгое время. Стоило кому-нибудь на покосѣ или въ жнитво помянуть: „а какъ у насъ по Булатихѣ поминки справляли!“—такъ самое суровое лицо освѣщалось улыбкой, и какое бы ни было мрачное настроеніе, оно проходило, сглаживалось и замѣнялось веселымъ и радостнымъ.

II.

Обида.

Коренастый лѣтъ подъ сорокъ мужикъ, бородатый, съ оловянными глазами, скуластымъ лицомъ, въ шапкѣ изъ вязенки и отрепанномъ полушубкѣ, поднялся по лѣстницѣ, ведущей въ пріемную земской больницы, держа лѣвую руку на отлетѣ, отворилъ створчатую дверь и, неуклюже повернувшись на мѣстѣ, протискался въ нее. Дверь, визжа блокомъ, захлопнулась, и онъ очутился въ вмѣстительной и свѣтлой комнатѣ, съ довольно прохладной температурой и сильнымъ запахомъ карболки. Мужикъ снялъ шапку правой рукой, сунулъ ее подъ лѣвую мышку, перекрестился въ уголъ на небольшой образокъ и обвелъ кругомъ глазами.

Пріемная была пуста. На обшарканныхъ скамейкахъ съ чугунными ножками, какія бываютъ въ городскихъ садахъ и на бульварахъ, стоявшихъ около стѣнъ, не виднѣлось никого. Въ комнатѣ никого не было, только торчала фигура фельдшера за конторкой, помѣщавшейся у входа въ аптеку... Онъ разложилъ передъ собой съ полдести бѣлой писчей бумаги и, выгибая изъ нея небольшія лоскутки, рѣзалъ ихъ ножомъ. Фельдшеръ былъ молодой, низенькій, блѣдный и бѣлокурый, съ усами и прямыми волосами, зачесанными назадъ, въ вышитой по-малороссійски сорочкѣ и пиджакѣ. Онъ былъ близорукъ, и поэтому сидѣлъ, вплотную нагнувшись надъ конторкой. Услыхавъ, что кто-то входитъ, фельдшеръ круто повернулъ голову, закинувъ ее назадъ, и, прищурившись, долго вглядывался въ входившаго. Разобравъ, кто вошелъ, онъ спросилъ:

— Ты что, дядя?

— Къ вашей милости, — отвѣтилъ пришедшій, обтирая правой рукой иней на бородѣ.

— На пріемъ?

— Такъ точно, съ рукой вотъ...

— Ну, садись пока, еще не скоро...

И фельдшеръ опять уткнулся носомъ въ бумагу и сталъ продолжать свое занятіе.

— Что жъ такъ, али еще рано?—спросилъ пришедшій.

— Докторъ еще не выходилъ.

— А ты-то нѣшто не можешь? У меня и дѣло-то пустяковое, руку вчерась повредили, — просительнымъ тономъ проговорилъ мужикъ.

— Нельзя безъ доктора,—отрѣзалъ фельдшеръ.

Мужикъ полѣзъ въ голову и сталъ цапать въ затылкѣ.

— Экая незакрутка, рука-то больно мозжитъ; болѣть не болитъ и угнуть не хочетъ... мнѣ бы только осмотрѣть.

— Ты что жъ, ушибъ ее?—не отрываясь отъ дѣла и пропуская мимо ушей просьбу мужика, спросилъ фельдшеръ.

— Не я ушибъ-то, а люди...

— Дрались, что ль?..

— Какой!.. Обидѣлъ меня одинъ... Я его обругалъ, а онъ меня саданулъ, только и всего...

— Небось пьяный?

— Боже сохрани, ни въ одномъ глазу...

Мужикъ кряхтя опустился на скамейку, вздохнулъ и добавилъ:

— Видно, отошло мое время вино пить, — попилъ и будетъ...

— Да ты мастеровой, что ли?

— Я-то? Нѣтъ, я сторожъ... жилъ въ лѣсу у Ивана Арсеньича,—вотъ что земскимъ-то былъ...

— Въ какой же рощѣ?

— Въ Калиновской.,. Восемь годовъ выжилъ, не шутка сказать. Къ сторожкѣ-то какъ къ родной избѣ привыкъ... И жена со мной жила и Илюшка...

— Ты бобыль?

— Бобылемъ нельзя назвать и не крестьянинъ. Въ семьѣ-то крестьянствовалъ, а потомъ какъ отдѣлился, обзаводиться-то стало трудно, я и пошелъ къ Ивану Арсеньичу. Ваше, говорю, благородіе, Иванъ Арсеньичъ, заставьте за себя Богу молить, приставьте къ какому-нибудь дѣлу. Онъ меня

и приставилъ. „Вотъ, говоритъ, тебѣ изба въ лѣсу, шесть цѣлковыхъ жалованья, только старайся, стереги мое добро, служи честно, благородно“. Я и сталъ служить. Бывало, утромъ еще черти на кулачки не бьются, а ты ужъ на ногахъ, ружье за плечи (мнѣ изъ конторы-то ружье полагалось) и идешь по лѣсу. Все обойдешь, оглядишь, нѣтъ ли гдѣ баловства, не видать ли какого слѣду. Все утро проходишь. Придешь домой, чаю напьешься, картошки горячей поѣшь, да въ контору. Оттуда на деревню или въ село сходишь да опять въ лѣсъ.

— А лѣсъ-то большой?

— Вокругъ всего Калиновскаго болота; мекали, около пятисотъ десятинъ.

— Не воровали его у тебя?

— Гдѣ жъ воровать! Нѣшто кто по чести увезетъ березку-другую, а то зачѣмъ же я и сторожъ?

— Какъ по чести, съ твоего согласія?—снова взглядывая на мужика, спросилъ фельдшеръ.

— Знамо съ согласія, а безъ согласія я такъ пульнулъ бы, изъ кафтана-то рѣшето бы сдѣлалъ. Ружье-то у меня безъ заряду никогда не было.

— И много ѣздили?

Мужикъ засмѣялся.

— А кто ихъ знаетъ: нѣшъ сосчитаешь? Дѣло ночное, иное дерево за человѣка почтешь...

— Да развѣ ты не глядѣлъ за ними?

— Иной глядѣлъ: сохрани Богъ, нечисто сдѣлаютъ, мнѣ же тогда подбирать придется.

Фельдшеръ крутнулъ головой.

— Это, братъ, нехорошо.

Мужикъ поднялъ голову.

— Чѣмъ нехорошо?

— Да какъ же, тебя приставили сторожить, а ты что?..

Мужикъ покраснѣлъ и загорячился.

— Ну, а что же я подѣлаю? посуди самъ... Не я первый началъ, какъ же мнѣ противиться-то?.. Ихъ много, а я одинъ...

— Что же, они тебя подговаривали?..

— Послушай, какъ дѣло вышло, и самъ разсуди. Было это въ первомъ году. Зашелъ я въ Михайловъ день въ Мамошино, знаешь, чай? Хотѣлось мнѣ муки купить, а у нихъ былъ праздникъ; всѣ пьяные, добрые такіе. Вошелъ въ одну избу, а мнѣ и вина и пива — пей, — не хочу. Я выпилъ; мнѣ—тарелку говядины, я поѣлъ и говорю: „Какъ бы мнѣ муки купить?—Муки, сколько?—Пудикъ.—Возьми мѣшокъ.—Денегъ нѣтъ.—Вотъ бѣда—денегъ; поставь на гузъ вѣникъ да зажги, вѣникъ-то загорится, и золото повалится.—Да мнѣ, говорю, мѣшка-то и не донесть.—Мы тебѣ сами привеземъ.—Ну, ладно“. Прихожу я домой; этимъ вечеромъ пріѣзжаютъ ко мнѣ на двухъ подводахъ, тащутъ муки, опять вина бутылку, говядины мосолъ. „Надо, говорятъ, и хозяйку твою угостить“. Угостились еще. „Ну, а за все это, говорятъ, другъ любезный, укажи намъ подстоинокъ парочку: дровами мы бьемся вотъ какъ; намъ и поѣхать некуда, а къ барину итти, стало-быть къ нему въ лапы лѣзть“. А баринъ, правда, дрова только и отпускалъ что подъ работу... Думалъ, думалъ,—свой братъ, отчего не допустить: моего не убудетъ, а у барина-то много! Онъ его не сѣялъ, не пахалъ, а Богъ уродилъ... „Идите, говорю, да почище дѣлайте-то. — Какъ языкомъ вылижемъ“. Отвелъ я имъ двѣ елушки. Убрались они. Дня черезъ два, глядь, еще мужикъ идетъ: „Сторожъ! ты по лѣсу-то ходишь, а не видишь, какіе грибы-то подъ кустами растутъ; поди-ко, погляди подъ бержевельникомъ-то!“ Пошелъ я, гляжу, а тамъ ковруга хлѣба въ узелкѣ да сорокоушка. Ну, и этому надо отводить. А тамъ третій приходитъ. Ну, и пошло такъ. Только одно и блюдешь бывало, какъ бы сучковъ неподобранныхъ не осталось. Чуть свѣтъ, осмотришь это мѣсто, на пень кочку или моху натаскаешь или елочку посадишь, словно тутъ никогда ничего и не было, и идешь въ контору. „Ну, что у тебя, благополучно?—Слава Богу, благополучно“. И барину-то спокойно и народъ доволенъ, и тебѣ перепадетъ малая толика: кругомъ лучше быть нельзя.

— Чѣмъ же ты теперь-то сплоховалъ?—спросилъ фельдшеръ.

— Говорю, обидѣли. Наткнулся на такого чорта,—чтобъ его скрючило въ три погибели, — вотъ и пропадаю. Вѣдь есть же такія головы у Бога на бѣломъ свѣтѣ!..

— Тоже изъ-за лѣса?

— Тоже изъ-за того, только по другому калибру. Та-то линія мнѣ отошла, а открылась мнѣ съ лѣтошнихъ поръ другая. Начали у насъ саженныя дрова рѣзать. Ну, стало-быть, пригнали пильщиковъ, вотъ и пошли они березы-то валять! Обошли б-а-льшой участокъ, навалили это покойниковъ-то, глазомъ не окинешь. Стали такъ разрабатывать по лѣсу-то, что только жигъ идетъ. И весело тебѣ, и больно. Площадку-то хорошу испортили, да и дѣло-то мое подгадили. Какъ началъ въ лѣсу народъ толочься, приказчикъ наѣзжать, баринъ кое-когда заглядывать, и боязно стало кого-нибудь пустить. Всякое теченье тебѣ прекратилось... Зашелъ я разъ въ село въ трактиръ, жалюсь такъ на свою судьбу трактирщику, а онъ говоритъ: „Хошь, тебя выручу?—Отчего хорошаго не хотѣть!—Выложь, говоритъ, мнѣ пять саженей швырку, я ночью пригоню подводы и возьму, а ты деньги по три рубля за сажень получишь.—Какъ же я, говорю, это сдѣлаю? сажени-то мнѣ сдаются на счетъ. А ты, говоритъ, до пріема устрой...—Я все не пойму, какъ же такъ до пріема? — Очень просто: почемъ баринъ пильщикамъ-то платитъ?—35 коп.—А ты, говоритъ, полтинникъ отдай, они тебѣ пораньше и выкладутъ". Тутъ я и смекнулъ. Пришелъ къ пильщикамъ. Такъ и такъ, говорю. „Съ нашимъ удовольствіемъ, когда пріѣдутъ—говори?.." Ухнулъ у меня это трактирщикъ пять саженей, потомъ староста церковный двѣ сажени, еще одинъ мужикъ. Цопнули всего саженей десять; у меня въ карманѣ-то и зазвенѣло. Словно я не сторожъ ужъ, а управляющій али самъ хозяинъ... Въ весеннюю пилку опять такая же штука, ноньче осенью то же...

— Такъ когда же тебя обидѣли-то?..

— Да вотъ ужъ на послѣднихъ дняхъ нанесъ чортъ од-

ного негодяя... Попалась такая сволочь изъ пильщиковъ. Я его сталъ было подговаривать также на выкладку, а онъ на меня и зыкни: „Ты что за хозяинъ? Мы, говоритъ, не у тебя подрядъ снимали, не по твоему приказу будемъ и выкладывать“.—„Ну, ладно, шутъ съ тобой, не хошь, не надо, другихъ найду“. Пошелъ я къ другой артели, — слова не сказали, взялись. Нелюбо это ему что ли было, только началъ онъ и съ ними перступаться: намъ, говоритъ, надо то и се, честно, благородно. Бреши, думаю, сколько хошь, они тебя не послушаютъ, ты-то одинъ, а ихъ-то много. Сдѣлали они мнѣ выкладку, а онъ мнѣ и грозитъ: смотри, говоритъ, попадешься, мы тебя красить не станемъ. Послалъ я его туда, куда подъ горячую руку посылаютъ, и думать о немъ забылъ. Что онъ, думаю, мнѣ сдѣлаетъ? Домъ не сожжетъ, коня не сведетъ, потому нѣтъ ихъ у меня. Сбылъ я дрова, повезли ихъ отъ меня, и надо же грѣху быть, пронюхай про это приказчикъ, пріѣхалъ въ рощу. „Что за слѣды? что за щепы? кто свѣжія дрова продалъ?“ Меня за бока; я отперся. Сталъ пильщиковъ пытать, тѣ тоже начали вилять, мы—молъ не мы. А этотъ, Иванъ-то, глядѣлъ, глядѣлъ, да и говоритъ: „Что, говоритъ, вилять да душу зря выматывать, сознавайтесь-ка!“ Да и выложилъ все, сукинъ сынъ. И какая ему отъ этого корысть? Ну, взялъ бы коли съ меня цѣлковый или два, да смолчалъ бы, а то выдернулъ, чортъ... Ну, приказчикъ сейчасъ на меня: „Приходи въ контору и книжку съ собой приноси. — Слушаю“, говорю. Прихожу на другой день въ контору, а у меня книжку изъ рукъ вонъ; выкидываютъ, что приходится жалованья, и велятъ, чтобы очистилъ я въ три дня сторожку. Я было кланяться, а меня въ толчки. Пришелъ домой. Жена коровой заревѣла и Мишка за ней. Взяло меня зло, повернулся я и пошелъ къ своему обидчику, онъ у двора торчитъ, руку за пазуху засунулъ, другую въ карманъ положилъ, шапку нахлобучилъ и таково-то непривѣтно на меня поглядываетъ. „Ты что жъ, говорю, такой проэтакій, такъ-то дѣлаешь? — А то какъ же? — Хватило у тебя, у подлеца, духу

своего брата оговаривать?—Какой же я, говоритъ, подлецъ и какой же ты, говоритъ, мнѣ братъ! Твоихъ братьевъ-то, говоритъ, въ старину на осинахъ вѣшали, — отходи прочь отъ меня!“ И какъ толкнулъ меня въ грудь, я съ катушекъ долой, да плечомъ-то объ дровни, что стояли тутъ, а онъ повернулся да въ избу и разговаривать со мной не сталъ...

— Вотъ какіе молодцы есть!—сказалъ фельдшеръ и, какъ будто довольный чѣмъ-то, весело захихикалъ.

— Да, водятся всякіе черти,—горько вздохнувъ, сказалъ мужикъ и перекинулъ ногу на ногу.

— Ну, онъ не чортъ...

— Какъ же не чортъ!—загорячился вдругъ мужикъ.—Коли бы онъ былъ настоящій человѣкъ, онъ бы сперва видикъ въ дѣло: у меня жена, сынишка; куда я теперь съ ними пойду?.. Ну, куда я съ ними теперь дѣнусь?

— Ему такъ же трудно вникнуть въ это, какъ тебѣ его понять,—сказалъ фельдшеръ и, кончивъ свое занятіе, сталъ считать нарѣзанные листки.

Мужикъ осѣкся, вытаращилъ на него глаза и хлопалъ ими, ничего не понимая.

Фельдшеръ сосчиталъ листки, положилъ ихъ въ сторону и поднялъ глаза на часы.

— Ну, теперь скоро докторъ выйдетъ. Какъ тебя звать-то?

И онъ взялъ одинъ листокъ, окунулъ перо въ чернильницу и приготовился записывать.

— Кого, меня-то? — спросилъ мужикъ и поднялся съ мѣста.

— Ну, конечно, не волка въ лѣсу...

Мужикъ подошелъ къ конторкѣ и сталъ сообщать свое имя, фамилію, возрастъ и къ какому обществу онъ принадлежитъ.

Въ дверь вошелъ новый посѣтитель...

III.

Сюрпризъ.

I.

Въ первыхъ числахъ сентября, поздно вечеромъ, когда уже всякія работы и въ поляхъ и на гумнахъ прекратились, и люди большею частью забрались въ свои избы и приготовлялись къ ночному покою, за околицей деревни Труховки послышались звуки дорожнаго колокольчика.

Сначала эти звуки раздавались неясно и были скорѣе похожи на дальнее тявканье собаки. Но дальше—больше, они стали слышаться все отчетливѣй, и вскорѣ не было уже сомнѣнія, что въ деревню кто-то ѣхалъ, и ѣхалъ изъ людей власть имущихъ, потому что частные люди въ деревнѣ съ колокольчикомъ, за исключеніемъ такихъ торжественныхъ случаевъ, какъ свадьба, не разъѣзжаютъ. Труховскій староста, жившій на самомъ краю деревни, выйдя изъ избы на улицу, чтобы убрать сбрую изъ телѣги, заслышавъ эти звуки, мгновенно насторожился и съ замирающимъ сердцемъ сталъ прислушиваться. Ѣхалъ кто-нибудь изъ начальствующихъ, но кто—становой или земскій начальникъ? Старосту охватила боязнь. И чѣмъ ближе подъѣзжала повозка, тѣмъ тревожнѣе сжималось его сердце; онъ уже сталъ чувствовать, какъ по тѣлу его начала пробѣгать обычная, никогда не покидавшая его въ присутствіи начальства, дрожь, и какъ будто его кто-то подталкиваетъ подъ салазки.

„Батюшки, вышелъ ли ночной сторожъ?—промелькнуло вдругъ въ головѣ старосты.—Небось, нѣтъ, подлецъ! Очень просто: усталъ за день-то и не до сторожи. Да за кѣмъ чередъ-то? Вотъ грѣхъ-то, и изъ головы вонъ“.

И дрожь и страхъ все усиливались. Колокольчикъ слышался все ближе и ближе. Вотъ повозка въѣхала въ околицу, повернула ко двору старосты, и послышался возгласъ „тпру“. Староста подскочилъ къ повозкѣ и, преодолѣвъ

охватившій его страхъ, съ напряженіемъ сталъ вглядываться кто въ ней сидѣлъ.

— Ишь темень-то какая, хуже чѣмъ въ полѣ. Отъ огня что ли это? — послышался изъ тарантаса недовольный голосъ.

— Отъ огня... Въ деревнѣ всегда темнѣй, чѣмъ въ полѣ,—отвѣтилъ довольно развязнымъ тономъ кучеръ.

По этому разговору староста догадался, что пріѣзжій— не Богъ знаетъ какая особа, страхъ и робость въ немъ вдругъ исчезли, и онъ уже смѣло подступилъ къ самому тарантасу.

— Кого Богъ принесъ?—громко спросилъ онъ.

— Это староста? — послышался вмѣсто отвѣта вопросъ со стороны пріѣзжаго.—Ну, встрѣчай насъ.

И изъ тарантаса выскочилъ и вышелъ въ полосу свѣта, лившагося изъ избы старосты, пожилой одутловатый человѣкъ, въ осеннемъ пальто и фуражкѣ съ большимъ кожанымъ козырькомъ. Подъ мышкой былъ не то портфель, не то папка.

— Просимъ милости, просимъ милости, Тихонъ Логинычъ,—проговорилъ веселымъ голосомъ, и уже окончательно оправившись, староста, узнавшій въ пріѣзжемъ письмоводителя своего „барина“, какъ они звали земскаго начальника,—въ избу пойдете? Я сейчасъ посвѣчу.

И староста бросился было къ избѣ, но пріѣзжій остановилъ его.

— Нѣтъ, въ избу-то я не пойду, некогда, а вотъ на-ка, я тебѣ здѣсь передамъ.

И онъ открылъ свой портфель, вынулъ оттуда какую-то бумагу и передалъ старостѣ.

— Прочти ее на сходкѣ и скажи всѣмъ мужикамъ и бабамъ, чтобы они приходили въ Рождество Богородицы всѣ на барскій дворъ. Наряжайтесь всѣ получше, а ребята съ дѣвками, тѣ даже безплатно могутъ приходить, кто пѣсни пѣть умѣетъ.

Староста недоумѣвающе, во всѣ глаза глядѣлъ въ тем-

нотѣ на письмоводителя и ничего не могъ понять. Наконецъ у него развязался языкъ, и онъ спросилъ:

— Это зачѣмъ же приходить-то?

— Да тамъ увидишь, въ бумагѣ написано. Мнѣ некогда тебѣ объяснять-то: еще въ двѣ деревни ѣхать... Да постой, одного-то листа мало, на вотъ нѣсколько, другимъ отдашь кому!

И онъ вынулъ изъ папки еще нѣсколько листовъ и, подавъ старостѣ, добавилъ:

— Да смотрите, собирайтесь, не отлынивайте, а то „баринъ“ обидится: для васъ же онъ старается.

И, сказавъ это, письмоводитель влѣзъ опять въ тарантасъ, закурилъ папироску и велѣлъ кучеру трогать, а староста все стоялъ и не зналъ, ни что ему сказать, ни что спросить.

Пока письмоводитель останавливался и говорилъ со старостой, изъ ближнихъ избъ выскочили кое-кто изъ сосѣдей и стали прислушиваться. По отъѣздѣ письмоводителя, изъ сосѣдей два мужика да парень подошли къ старостѣ и съ любопытствомъ стали разспрашивать, что такое сообщилъ ему пріѣзжавшій.

— А шутъ его знаетъ что! Надо поглядѣть,—съ сердцемъ сказалъ староста и направился къ себѣ въ избу. Мужики и парень пошли вслѣдъ за нимъ.

2.

Войдя въ избу, староста сердито отогналъ отъ стола собиравшихъ ужинать бабъ, положилъ данные ему листки на столъ и полѣзъ было къ образамъ за очками, но паренекъ, вошедшій за нимъ въ избу, схватилъ листки и вызвался прочитать ихъ. Староста согласился.

Паренекъ подошелъ поближе къ привѣшенной къ потолку лампѣ, мужики и староста съ семейными окружили его.

— Ну-ка, прорѣжь намъ, что тутъ за штука?—сказалъ одинъ изъ мужиковъ.

Парень сталъ читать:

„Село Каменское. Имѣніе земскаго начальника Ѳедора Александровича Безукрасова. Съ дозволенія начальства 8 сентября, сего года, въ имѣніи устраивается народное гулянье. Во время гулянья будетъ хоръ пѣвцовъ, музыка, хороводы, бѣга и лазанье на столбъ съ призами. На открытой сценѣ имѣетъ быть спектакль. Представлено будетъ: *Посади свинью за столъ, она и ноги на столъ*. Деревенскія сцены въ двухъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Ѳ. А. Б. Послѣ спектакля будутъ горѣть бенгальскіе огни. Начало гулянья въ 4 часа вечера, окончаніе около 9 часовъ, цѣна за входъ 5 коп., особыя мѣста на спектакль по 1 рублю. Билеты можно получать въ волостномъ правленіи, въ канцеляріи земскаго начальника, а также на мѣстѣ, передъ началомъ гулянья“.

Староста, его семейные и мужики стояли, хлопая глазами, ясно не понимая, что же это значитъ; паренекъ же чуть не взвизгнулъ отъ восторга и захохоталъ:

— Вотъ такъ славно! Ай-да выдумалъ баринъ! Гулянье устраиваетъ, вотъ ловко-то!

— Какое такое гулянье? Что это, я не пойму,—спросилъ недоумѣвающій староста.

— Заправское, говорю, какъ въ городѣ устраиваютъ, молодецъ баринъ, хочетъ повеселить насъ. И какъ это онъ только догадался?

— Какъ же это онъ веселить-то будетъ?

— Да вотъ какъ тутъ написано: и бѣгъ будетъ, и хороводы, и хоры, и представленіе.

— Для кого же это?

— Да все для насъ, слышалъ—всѣмъ велѣлъ приходить, а ребятамъ съ дѣвками безплатно даже.

— А какое же это представленіе-то ты говоришь?

— Представленіе-то? А вотъ какое...

И паренекъ, видимо, видавшій виды, началъ объяснять, что такое представленіе, и что можетъ быть хорошаго на гуляньѣ. Мужики и бабы внимательно, съ серьезнымъ видомъ, слушали его, стараясь не проронить ни слова. Когда парень

кончилъ объясненія, всѣ они чуть не въ одинъ голосъ стали осуждать эту затѣю.

— И догадаетъ же его, прости Господи, что не дѣло выдумать!

— Нечего дѣлать-то, вотъ и затѣваетъ незнамо что, въ рабочую пору.

— Вѣрно, отъ нечего дѣлать.

И, высказавшись такъ, сосѣдніе мужики, а за ними и парень разошлись по своимъ избамъ. Староста велѣлъ своимъ бабамъ собирать ужинать.

3.

На другое утро собралась сходка. Староста, нѣсколько смущенный, долго мялся и не начиналъ объяснять, зачѣмъ онъ собралъ сходку, какъ будто поджидая, когда мужики соберутся всѣ. Наконецъ, мужики собрались, и нѣкоторые прямо потребовали, чтобы староста не задерживалъ ихъ, а поскорѣй говорилъ, зачѣмъ онъ собралъ сходку. Староста, заминаясь и какъ-то неловко, топчась на мѣстѣ, началъ:

— Да видите ли, вотъ, „баринъ“ гулянье затѣваетъ въ Рождество Богородицы, всѣмъ, значитъ, собираться велѣлъ, чтобы и ребета, и дѣвки шли, и мы всѣ.

— Какое гулянье? что за гулянье?—раздалось сразу больше десятка голосовъ.—До гулянья ли теперь, въ осеннее время?

— Стало-быть, что до гулянья, когда вотъ объявку привезли,—сказалъ староста и вынулъ изъ кармана свернутую въ трубку афишу и развернулъ ее.

Вся толпа тѣсно окружила старосту и начала читать ее.

— Форменное дѣло-то, ишь, даже отпечатано, значитъ, какъ слѣдуетъ,—сказали мужики въ нѣсколько голосовъ, прочитавъ афишу, и принялись обсуждать дѣло.

— Такъ по пятаку съ рыла готовить?

— Безпремѣнно, а то не пустятъ,—сказалъ староста.

— Ну, такъ мы не пойдемъ.

— Никакъ нельзя, самъ письмоводитель вчера привозилъ и говорилъ, чтобы безпремѣнно всѣ приходили.

— А выставка-то *) тамъ будетъ? — спросилъ молодой, бойкій мужикъ, Гаврюха Фертъ, большой любитель выпивки...

— Будетъ, если кто зашебаршитъ, того такъ выставятъ, что онъ сажени три носомъ пропашетъ, — сострилъ тотъ парень, который вчера въ избѣ старосты объяснялъ сущность гулянья.

— А безъ выставки какое жъ гулянье, ничуть и весело не будетъ, — рѣшилъ Гаврило съ ноткой унынія въ голосѣ.

— Не робѣй, воробей, почирикаемъ, — сказалъ въ утѣшеніе Гаврюхи его закадычный другъ, Павелъ Штыкъ: — тамъ не будетъ, съ собой захватимъ, да въ барскомъ саду-то и раздавимъ, славно будетъ.

— Только что, — сказалъ Гаврюха.

— А то что жъ, зѣвать будемъ, небось!

— А какъ же теперь овины-то, загодя сушить надо, въ этотъ день нельзя? — спросилъ одинъ мужикъ.

— Какое тутъ овины сушить, и думать не смѣй.

— А я хотѣлъ на мельницу въ этотъ праздникъ съѣздить, и этого нельзя? — спросилъ еще одинъ мужикъ.

— И что это у насъ за народъ несогласный! — вдругъ вспылилъ староста. — Сказано, чтобы на гулянье всѣ собрались, ну и дѣло съ концомъ, нечего и языкомъ трепать. Неужели мы ужъ одного праздника-то не можемъ безъ какого-нибудь дѣла пропустить?

— Да вѣдь одиночество, не растянуться же во всѣ концы въ будни-то, — пробовалъ возразить мужикъ, хотѣвшій ѣхать на мельницу.

— Ну, одиночество, одиночество. Кому до этого какое дѣло? Тутъ ни на что не смотрятъ, коли приказываютъ, такъ не супротивься.

---

*) Выставкой называется винный буфетъ, открываемый во время ярмарокъ и базаровъ.

На минуту всѣ пріумолкли, потомъ начали совѣщаться, какъ имъ съ этимъ дѣломъ поступить, и послѣ долгаго спора и шума труховцы постановили, чтобы мужикамъ на гулянье итти всѣмъ, а бабамъ—кто захочетъ, а такъ какъ деньги на плату за входъ не у всѣхъ были, то велѣли старостѣ выдавать взаймы, кому сколько нужно, изъ общественныхъ суммъ; въ виду же того, что расходиться домой по окончаніи гулянья придется поздно, что будетъ совсѣмъ неудобно, особенно молодежи, то нарядить для этого десять общественныхъ подводъ.

На этомъ кончили сходку и стали расходиться домой.

Такія же или приблизительно такія же распоряженія на счетъ гулянья происходили и въ сосѣднихъ селахъ и деревняхъ, окружающихъ село Каменское.

4.

Въ самомъ же селѣ Каменскомъ, на барскомъ дворѣ, по случаю предстоящаго гулянья шло необычайное оживленіе. Нѣсколько дней тамъ происходила суетня, бѣготня, кипѣла работа: утверждали столбъ для лазанья на призы, устраивали палатки для торговцевъ сластями и театръ. О театрѣ были заботы больше всѣхъ. Сначала было думали обратить въ театръ каретный сарай, но нашли, что сарая для всей публики мало, и рѣшили сараемъ воспользоваться лишь для сцены, а публика должна находиться на открытомъ воздухѣ, только передъ открытыми воротами сдѣлать нѣсколько особыхъ мѣстъ и обнести ихъ барьеромъ. Эта выдумка была очень хороша; но одно препятствіе было: а ну, какъ дождь пойдетъ? Посмотрѣли на барометръ; судя по нему, дождя не предполагалось, и всѣ знакомые Ѳедора Александровича рѣшили, что лучшаго театра и выдумать нельзя.

Самъ Безукрасовъ, молодой еще человѣкъ, полный, бѣлолицый, съ черными усами и слегка отвисшими, какъ у бульдога, щеками, сдвинутой на затылокъ фуражкой съ краснымъ околышемъ, хлопоталъ больше всѣхъ. Онъ цѣлый

день метался по двору, то слѣдилъ за устройствомъ столбовъ, то распоряжался о посылкѣ за матеріаломъ, то забѣгалъ въ садовую бесѣдку, гдѣ нѣсколько молодыхъ людей разучивали роли для спектакля, и объяснялъ имъ, какъ такое-то мѣсто нужно исполнять. Пьеса была на этотъ случай написана имъ самимъ, въ обличеніе крестьянскихъ нравовъ. И, конечно, какъ авторъ и устроитель гулянья, онъ руководилъ исполнителями и былъ увлеченъ этимъ до самозабвенія. Одинъ разъ къ нему подошелъ было приказчикъ и сказалъ:

— Ѳедоръ Александровичъ, пріѣхалъ прасолъ Ивушкинъ, спрашиваетъ, что будете продавать изъ скота, потрудитесь поговорить съ нимъ.

— Пошлите его къ чорту, — вспылилъ Ѳедоръ Александровичъ,—какіе переговоры о скотѣ, когда видите—во!..

Еще разъ къ нему ткнулся было письмоводитель по служебнымъ дѣламъ:

— Ѳедоръ Александровичъ, пятловскіе мужики, что землю у князя покупаютъ, пришли, просятъ бумаги посмотрѣть.

— Гоните ихъ къ дьяволу! Выбрали время теперь, гдѣ они раньше-то были?

А когда, однажды, за завтракомъ, противъ затѣи Ѳедора Александровича выступила его жена и сказала, что дѣло, которое теперь занимаетъ Ѳедора Александровича, болѣе прилично гимназистамъ въ каникулярное время, чѣмъ земскому начальнику и кандидату въ предводители, то онъ прочиталъ ей цѣлую нотацію.

— Ты, матушка моя, судишь очень односторонне, — сказалъ Ѳедоръ Александровичъ. — Видѣть дѣловыхъ людей только за будничными занятіями и только въ этомъ полагать обязанности ихъ,—очень узко. Вѣдь мы не удовлетворяемся одними утилитарными цѣлями; надо намъ заглянуть иногда въ иныя области? въ область — поэзіи, искусства и т. п.? Почему же у народа отрицать эти потребности? А разъ это такъ, то почему же за удовлетвореніе этихъ потребностей прилично браться только гимназистамъ? Напро-

тивъ, по-моему, чѣмъ солиднѣе лицо берется за проведенiе въ народѣ разумныхъ удовольствiй и развлеченiй, тѣмъ больше шансовъ на самое широкое развитiе ихъ. Народъ всегда имѣетъ и имѣлъ право на здоровый и прiятный отдыхъ. Онъ такъ много трудится, такъ много болѣетъ душой и тѣломъ, что простое участiе въ его судьбѣ можетъ быть сочтено за серьезную заслугу.

— Я согласна съ этимъ, — сказала было супруга Ѳедора Александровича. — Но участiе къ положенiю простыхъ людей, по-моему, должно бы выражаться прежде всего именно на почвѣ будничныхъ интересовъ, а потомъ ужъ...

— Во всемъ-съ, во всемъ-съ,—перебилъ ее Ѳедоръ Александровичъ, — и онъ началъ горячо доказывать, что пока вкусы народные такъ грубы и ему неизвѣстны искусство и эстетическiя наслажденiя, никакое матерiальное благоустройство не можетъ скрасить его жизни. А когда жена попробовала было заявить, что мы не знаемъ, насколько способенъ народъ къ пониманiю прекраснаго, что, можетъ-быть, у него на этотъ счетъ существуетъ болѣе опредѣленный взглядъ, то Ѳедоръ Александровичъ не сталъ и слушать дальнѣйшихъ ея соображенiй, а поспѣшно выпилъ свой кофе и убѣжалъ наблюдать за приготовленiями къ гулянью.

5.

Наконецъ наступилъ и самый день гулянья. Участвующiе въ спектаклѣ и распорядители съѣзжались въ Каменское съ самаго утра, и послѣ вкуснаго и обильнаго завтрака кто пошелъ на генеральную репетицiю пьесы, кто сталъ готовиться къ другимъ номерамъ гулянья: дѣлать спѣвку съ хоромъ, распредѣлять призы, подготовлять бенгальскiе огни и иллюминацiю; всѣ хлопотали чрезвычайно энергично, спорили, ругались и хохотали.

Съ полудня прiѣхалъ торговецъ, который долженъ былъ торговать въ палаткѣ сластями, начали собираться блюстители порядка: урядникъ, сотскiе и старшина съ писаремъ

изъ ближайшаго волостного правленія для продажи билетовъ; часовъ съ трехъ начали собираться и крестьяне.

— Молодежь-то, молодежь-то гдѣ у васъ? — спрашивалъ главный распорядитель гулянья, уѣздный членъ, метавшійся по двору изъ угла въ уголъ и распоряжавшійся, и тѣмъ, и другимъ, и третьимъ.

Молодежь выступала изъ прибывающихъ группъ и отводилась въ сторону; главный распорядитель разъяснялъ, гдѣ они должны становиться, по скольку въ кругъ и когда начинать хороводы.

— Вы того, подружнѣе начинайте-то, да знаете, повеселѣе пойте-то, а то вы, можетъ-быть, стѣсняться вздумаете,—наставлялъ онъ парней и дѣвокъ.

Тѣ слушали его, конфузливо улыбаясь и обѣщаясь „поддержать коммерцію“.

Часъ начала гулянья приближался. Участники хорового пѣнія собирались къ предназначенному для нихъ кругу и становились въ рядъ, музыка, вызванная изъ уѣзднаго города и состоявшая изъ пяти, подозрительнаго вида, человѣкъ, начинала налаживать свои инструменты. Народъ все прибывалъ и прибывалъ.

Изъ дальнихъ деревень собрались всѣхъ прежде; цѣлый рядъ подводъ настроился за чертой села и занялъ чуть не десятину мѣста.

Многіе подводчики, задавъ лошадямъ корма и привязавъ ихъ самихъ, входили въ барскій дворъ и, присоединившись къ своимъ односельцамъ, расхаживали съ ними по двору и приглядывались ко всѣмъ штукамъ, которыми баре вздумали развлекать крестьянъ.

Пожилые мужики и бабы ходили чинно, боязливо озираясь, и если мимо ихъ пробѣгалъ какой-нибудь распорядитель изъ „господъ“, то они торопливо сторонились. Мужики при этомъ не забывали снять шапки. Бабы, если вздумывали что замѣтить другъ другу, то дѣлали это шопотомъ. Нѣкоторыя изъ молодыхъ бабъ „отъ скуки ради“ запаслись у торговца подсолнушками, но еще опасались грызть ихъ

по обыкновенію и, если грызли, то не позволяли себѣ бросать шелуху, а бережно собирали ее въ горсть и освобождались отъ нея только тогда, когда горсть дѣлалась полная...

Труховскіе пришли на гулянье одни изъ первыхъ. Парень, который раньше объяснялъ у старосты, что такое представленіе, леталъ со своими товарищами по всему двору и объяснялъ имъ, что для чего устроено. Онъ отказался отъ участія въ хороводахъ и выразилъ желаніе лѣзть на столбъ за призомъ. Другой парень намѣревался перейти по вертящемуся бревну.

Гаврила Фертъ и Павелъ Штыкъ ходили по двору особливо отъ всѣхъ вдвоемъ.

Лица у нихъ были довольно румяныя, и глаза горѣли веселымъ огонькомъ, по всему было замѣтно, что они успѣли уже заложить въ себя кое-что, веселящее сердце человѣческое. Кромѣ того, у Гаврюхи какъ-то подозрительно топырились въ бокъ карманы у карусетовой поддевки, что, видимо, очень соблазняло Павла. Онъ нѣсколько разъ направлялъ глаза на правый карманъ пріятеля, наконецъ, не вытерпѣлъ и сказалъ:

— А не приложиться ли намъ къ этому?

— Ну, вотъ чудакъ, успѣешь, — говорилъ Гаврила.—Гулянье начнется, и мы его начнемъ, а то что безъ поры, безо времени, еще, пожалуй, замѣтитъ кто, ишь ихъ сколько здѣсь тонконогихъ-то шляется.

— Ну, ну,—соглашался Павелъ,—такъ, такъ, такъ обождемъ, когда начнется.

— Знамо, да и полштофъ плевое дѣло—приложился три раза, и духъ вонъ.

— Для двоихъ-то хватитъ.

Одинъ мужикъ, вздыхая, приговаривалъ:

— Эхъ, овинъ остался не высушенъ, завтра помолотки хотѣлъ справить, да другимъ дѣломъ заняться, анъ не успѣть.

— Ну, вотъ еще объ чемъ толкуетъ! Коли престольный

праздникъ подходитъ, то и не такія дѣла бросаешь и не тужишь, а тутъ изъ-за одного дня затужилъ,—уговаривалъ его пріятель.

— Къ празднику-то такъ и готовишься, а тутъ нежданно-негаданно.

Толстая попадья съ семью дочками терлась около сцены и, обращаясь къ сопровождавшему ее чиновнику съ почтовой станціи, кисло пеняла ему:

— Ну, какой же вы называетесь кавалеръ, когда не можете выхлопотать безплатные билеты на особыя мѣста.

— Честное слово, никакъ не могу,—увѣрялъ почтарь:—у меня никакой руки тутъ нѣту, какъ же я выхлопочу?

— А какъ же вонъ писарь выхлопоталъ дьячковой дочери?

— Да вѣдь писарь лицо, зависимое отъ господина Безукрасова, сплошь и рядомъ въ различныя отношенія съ нимъ входитъ, а я что жъ подѣлаю.

— Такъ теперь что жъ прикажете намъ вмѣстѣ съ мужиками и бабами торчать?

Чиновникъ пожалъ плечами, какъ бы говоря:

— Что жъ я теперь подѣлаю!..

6.

Наконецъ, посреди двора раздался звонокъ, возвѣщавшій въ обыкновенные дни начало и конецъ работъ, время завтрака и обѣда, а теперь открытіе гулянья... Минутъ пять спустя, въ одномъ углу завизжала музыка, и вся толпа бросилась къ кругу, гдѣ помѣщались музыканты, и плотнымъ кольцомъ окружила ихъ. Музыканты на разнокалиберныхъ инструментахъ пронзительно выводили звуки вальса „Дунайскія волны“. Мужики и бабы сначала молча прислушивались къ шипящей и визжащей музыкѣ, потомъ лица ихъ стали проясняться, и на нихъ ясно засвѣтилось удовольствіе, знакомые стали подмигивать другъ другу и кивать головами, какъ бы говоря: „а вѣдь это славная штука-то?“

Музыка сыграла одну пьесу и умолкла. Тогда запѣлъ хоръ пѣвцовъ, и толпа бросилась туда, гдѣ помѣщались пѣвцы. Хоръ былъ самый разношерстный: тутъ были и два учителя изъ ближайшихъ школъ, дьячокъ изъ Каменской церкви и еще какія-то лица. Пѣли „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ“ и пѣли довольно стройно и красиво, хотя дьячокъ, пѣвшій теноромъ, чтобы выжать изъ себя пріятные звуки, не стѣснялся сдавливать горло рукой. Когда кончили пѣніе, въ толпѣ уже послышались возгласы, выражавшіе удовольствіе по поводу пѣнія. По окончаніи пѣнія одинъ изъ сотскихъ, приставленный къ столбу съ призами, замахалъ руками и закричалъ: „Сюда, сюда ступайте, сейчасъ начинается!“ и толпа направилась къ столбамъ.

Охотники до призовъ, одни полѣзли на столбъ, другіе пошли по перекладинѣ, и толпа долго любовалась ими, при чемъ удачниковъ награждали криками восторговъ, а неудачниковъ—громкимъ насмѣшливымъ хохотомъ. Послѣ того, какъ у столбовъ стало дѣлать нечего и призы всѣ были разобраны, замахалъ руками сотскій, стоявшій у музыки, и сталъ зазывать народъ въ свою сторону... Толпа пошла опять къ музыкѣ, послѣ музыки опять запѣлъ хоръ. Народъ оживленно переходилъ съ мѣста на мѣсто, и чѣмъ дальше, тѣмъ его больше охватывало веселье и довольство. Будничные интересы должны были отойти на задній планъ, и всѣхъ, очевидно, занимало только настоящее. Даже у пожилыхъ людей съ лица сошла печать заботы, и мало кто уже сѣтовалъ теперь на то, что у того остался овинъ не сушенъ, у другого должна быть отложена поѣздка на мельницу. Ихъ, должно быть, помирило общее веселье, они переходили съ одного мѣста на другое и съ любопытствомъ присматривались и прислушивались, что тутъ происходитъ.

Распорядители гулянья, сновавшіе по двору между толпами, замѣчали это и при каждой встрѣчѣ съ Безукрасовымъ радостно докладывали ему:

— Народъ доволенъ, чрезвычайно доволенъ, вы посмо-

трите, какое выраженіе на лицахъ, вы прекрасную вещь выдумали.

— Я и раньше это предвидѣлъ, — тономъ, преисполненнымъ важности и достоинства, басилъ Безукрасовъ.

И онъ, распорядившись, чтобы собирались хороводы, направился къ сараю, замѣняющему театръ, и, пригласивъ другихъ участниковъ въ пьесѣ, объявилъ, что пора одѣваться и готовиться къ представленію.

Пьеса была въ двухъ дѣйствіяхъ. Содержаніе ея было таково: ничтожному мужиченкѣ случайно попали въ руки небольшія деньги. Конечно, онъ задумалъ ихъ пріумножить и бросился въ разные нечестивые обороты, началъ душить своихъ же мужиковъ, надувать помѣщиковъ и дошелъ до того, что напалъ на родного брата и кровно обидѣлъ его. Про это узнало начальство, осудило его поступки и при всей деревнѣ оконфузило.

Главную роль мужика - кулака взялъ на себя сочинитель пьесы, Ѳедоръ Александровичъ Безукрасовъ и, судя по репетиціямъ, долженъ былъ провести ее мастерски.

— Облачайтесь, облачайтесь, господа, поскорѣй! Не нужно затягивать представленіе: деревенскіе—не городскіе жители, они не привыкли поздно расходиться по домамъ,—говорилъ Ѳедоръ Александровичъ и началъ одѣваться и гримироваться для роли самъ. Остальные, участвующіе въ пьесѣ, не отставали отъ него.

7.

Гаврилѣ съ Павломъ не пришлось начать полштофъ какъ только начнется гулянье, потому что сейчасъ же за звонкомъ началась музыка, и имъ захотѣлось послушать ее, а потомъ они вмѣстѣ съ другими перешли къ пѣвцамъ, а тамъ не хотѣлось оторваться отъ столбовъ, и такъ дѣло начина полштофа оттянулось до тѣхъ поръ, когда затянули хороводы. Считая, что хороводы дѣло знакомое и смотрѣніе ихъ не особенно интересно, пріятели рѣшили, что можно приняться и за полштофъ и, удалившись въ сторонку къ

забору, отдѣляющему господскій дворъ отъ сада, подсѣли къ нему. Гаврюха досталъ изъ одного кармана полштофъ, а изъ другого—пирогъ съ морковью, и пріятели начали угощаться.

Когда они достаточно угостились, т.-е. выпили полштофъ и поѣли пирога, то времени прошло не мало, на дворѣ какъ-то притихло, и вся толпа сосредоточилась у каретнаго сарая, двери котораго были открыты, и, сбившись въ кучу вокругъ огороженныхъ мѣстъ, на которыхъ сидѣли кое-кто изъ гостей самого Безукрасова и нѣкоторые посторонніе, кто имѣлъ достатокъ заплатить за эту привилегію рубль, глядѣли въ освѣщенную пасть внутренности сарая, откуда доносились то ровный спокойный голосъ, то какое-то выкрикиванье.

Пріятели осмотрѣлись съ недоумѣніемъ, взглянули другъ на друга, и одинъ изъ нихъ спросилъ:

— Что это тамъ?

— А чортъ его знаетъ.

— Пойдемъ, поглядимъ?

— Знамо, пойдемъ, что они деньги платили, а мы щепки? Что они, что мы—чай, все равно.

И пріятели, пошатываясь, направились къ сараю, а такъ какъ посрединѣ, напротивъ открытыхъ воротъ сарая, народъ столпился очень тѣсно и черезъ головы ихъ ничего не было видно, то имъ пришлось пробиться къ стѣнѣ, гдѣ сбоку около самаго забора сарая было довольно просторно, такъ какъ оттуда было видно только то, что дѣлалось въ одномъ противоположномъ боку сарая. Гаврила съ Павломъ не обратили на это вниманія, рѣшили тутъ стать, а такъ какъ выпитый полштофъ прибавилъ имъ силы и храбрости, то они, благодаря этому, оттѣснили кое-кого, тутъ прежде стоявшихъ, и протискались къ самому барьеру.

На сценѣ въ это время шло уже второе дѣйствіе. Герой достигъ полнаго благополучія, онъ уже подбилъ себѣ партію, которая должна выбрать его въ старшины; къ нему пришелъ отдѣленный старшій братъ и сталъ просить у него

на похороны умершаго ребенка. Кулакъ началъ важничать передъ нимъ; тогда разгоряченный его безсердечіемъ братъ началъ осыпать его упреками и бранью, и когда, оскорбившійся этимъ, паукъ набросился на брата съ кулаками, то среди замершей въ молчаніи публики вдругъ раздался совсѣмъ неожиданный возгласъ:

— Братцы! что жъ вы глядите, ёнъ безобразничаетъ, а вы допущаете, нѣшто это можно!

Публика оторопѣла, заволновалась и устремила свои взоры туда, откуда послышался возгласъ. Но многіе не успѣли хорошенько разобрать въ чемъ дѣло, какъ съ лѣвой стороны изъ-подъ барьера вынырнулъ съ сверкающими глазами и весь красный Гаврила и въ три шага очутился на сценѣ, перегороженной отъ публики только одной вставленной подворотней, и вытянулся передъ кичащимся кулакомъ, на это время переставшимъ „измываться" надъ своимъ несчастнымъ братомъ и съ удивленіемъ уставившимся на совсѣмъ не по ремаркѣ выступившее на сцену дѣйствующее лицо...

— Ты чего это распѣтушился, — пересѣвшимъ голосомъ зыкнулъ пьяный Гаврила на кулака, — тутъ вся честная компанія, народъ гуляетъ, значитъ, а ты...

И онъ вдругъ вцѣпился въ воротъ кулака и рванулъ его къ себѣ; хватаясь за воротъ, онъ прихватилъ и кусокъ бороды кулака. Кулакъ рванулся отъ него, въ это время отъ этого движенія съ головы свалился надѣтый на него парикъ, борода осталась въ рукахъ Гаврилы, и передъ взорами многихъ изумленныхъ зрителей предсталъ совсѣмъ неожиданно самъ Ѳедоръ Александровичъ Безукрасовъ.

— Батюшки, баринъ!

— Самъ земскій начальникъ!

— Родные, что Гаврила-то надѣлалъ!—послышались возгласы въ толпѣ. Труховцы же просто позеленѣли отъ ужаса.

Ужаснулся и самъ Гаврила. Какъ ни былъ онъ пьянъ, но, увидя передъ собою земскаго начальника, онъ вдругъ сразу сообразилъ, что онъ сдѣлалъ что - то такое, чего не

слѣдовало дѣлать, и вдругъ точно его ударили по ногамъ палкой, онъ опустился на колѣна и пробормоталъ:

— Ваше благородіе, ваше...—но притупившійся языкъ сталъ у него коломъ и не дѣйствовалъ, и онъ не могъ ужъ дальше пошевелить имъ.

Изъ-за кулисъ выскочилъ суфлеръ, другіе, участвующіе въ пьесѣ, всѣ съ изумленіемъ глядѣли на происходившую сцену и не знали, что дѣлать.

— Занавѣсъ!—крикнулъ разсерженный Ѳедоръ Александровичъ, и передъ изумленными и испуганными зрителями опустился занавѣсъ, перервавшій какъ продолженіе пьесы, такъ и дальнѣйшую судьбу Гаврилы.

8.

Публикѣ объявили, что продолженіе пьесы отмѣняется до слѣдующаго раза. Слѣдующій разъ гулянье повторится, навѣрное, въ Покровъ. Но предупреждалось, что въ слѣдующій разъ никто бы не смѣлъ ни заявляться на гулянье пьянымъ, ни захватывать водки съ собой, такъ какъ всякій входящій будетъ освидѣтельствоваться. Выслушавши это объявленіе, публика стала расходиться.

— Все было хорошо, все хорошо, а подъ конецъ подгадилось дѣло!—говорилось среди расходившейся публики.

— Одинъ пьяница все дѣло испортилъ.

— Паршивая овца-то одна, а все стадо мутитъ.

— А какъ онъ былъ нарядившись, баринъ-то, кто бы это узналъ, что это онъ?

— Дивное дѣло, вотъ до чего доходятъ!

— А чей это мужикъ-то былъ?

— Говорятъ, труховскій.

— Ну, теперь онъ жди себѣ награды.

— Да, небось, достанется на орѣхи.

— И какъ его догадало броситься-то туда?

— Знать, думалъ не игра это, а въ самомъ дѣлѣ такъ.

— Должно быть что такъ...

Попадья съ дочерьми громко сѣтовала вслухъ:

— Эка жалость, не далъ до конца досмотрѣть, разбойникъ! Въ кой - то вѣкъ пришлось представленіе увидать и то не путемъ.

И, обратившись къ почтовому чиновнику, она проговорила:

— Смотрите, къ слѣдующему разу непремѣнно раздобудьте намъ билеты на особыя мѣста.

— Хорошо, постараюсь, можетъ-быть, достану, — уныло проговорилъ чиновникъ.

Но больше всѣхъ недовольны были происшедшимъ урядники, сотскіе и старшина съ писаремъ. Они обращались къ расходящейся публикѣ съ ѣдкимъ пренебреженіемъ и говорили:

— Эхъ вы, дурачье пустоголовое! вамъ же хорошаго желаютъ, а вы вонъ что выдѣлываете. По-настоящему бы вамъ не гулянье устраивать, а праздники-то справлять запретить.

Недовольны происшедшимъ были и соучастники Ѳедора Александровича. Они громко осуждали народное невѣжество, неразвитость, непониманіе самыхъ простыхъ вещей и думали, что на ихъ сторонѣ и самъ Безукрасовъ. Но Ѳедоръ Александровичъ хотя и былъ взволнованъ, но казался вовсе не сердитъ; раздѣваясь и освобождаясь отъ остатковъ гримировки, онъ пробовалъ насвистывать что-то веселое...

— Что это, васъ, кажется, ничуть не опечалилъ этотъ инцидентъ? — обратился къ Ѳедору Александровичу недоумѣвающій уѣздный членъ.

— Нисколько! Напротивъ, я очень радъ.

— Чему же вы радуетесь?

— Какъ чему? Такъ подѣйствовать на публику—до полнѣйшаго забвенія чувствъ, это кого угодно порадуетъ... А мнѣ, какъ неопытному автору и случайному актеру, такой сюрпризъ стоитъ лавроваго вѣнка. Вѣдь до такой иллюзіи довести зрителя можно только съ немалыми силами. А они, навѣрное, всѣ такъ же чувствовали, какъ этотъ каналья, только ни у кого не хватило духу выразить такъ своего чувства.

— Такъ что же теперь дѣлать съ нимъ?

— Конечно, отпустить домой, не ужинать же его приглашать съ собой. Я, пожалуй, накормилъ бы и ужиномъ, да онъ, подлецъ, еще что-нибудь такое отколетъ,—сказалъ Ѳедоръ Александровичъ и громко засмѣялся.

— А не то что... на счетъ горяченькихъ?..

— Что вы! Боже упаси! Да онъ, да онъ поощренія достоинъ, а не наказанія.

И Ѳедоръ Александровичъ еще веселѣе расхохотался.

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

У ПРОПАСТИ

и

ДРУГІЕ РАЗСКАЗЫ

С. Т. Семенова.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1900.

У ПРОПАСТИ.

У пропасти.

I.

Въ осенній пасмурный день однимъ изъ переулковъ Москвы, выходящимъ на Садовую, шли пожилая, невысокаго роста деревенская баба, въ черномъ платкѣ и сѣромъ пониткѣ, и миловидная дѣвочка лѣтъ 15-ти. Они шли медленно, то-и-дѣло оглядываясь по сторонамъ, желая кого-нибудь спросить о томъ, гдѣ находится нужный имъ домъ, но какъ на грѣхъ на встрѣчу не попадалось ни души. Пройдя уже большую половину переулка, они остановились, нерѣшительно топчась на мѣстѣ, когда изъ мелочной лавочки, находившейся на другой сторонѣ, вышелъ хозяинъ въ длиннополомъ сюртукѣ и бѣломъ фартукѣ и, увидѣвъ оглядывающуюся кругомъ „деревенщину“, окликнулъ ее:

— Эй, вы, кого тамъ смотрите?

Баба повернулась къ лавочнику и, отступивъ отъ забора на край тротуара, какъ-то несмѣло проговорила:

— Домъ Брюхова намъ нужно; въ этомъ переулкѣ онъ, сказали...

— Вонъ ворота-то,—кивнулъ лавочникъ на сосѣдній домъ,— онъ самый и будетъ; а въ домѣ-то кто вамъ родня?

— Въ домѣ-то?.. человѣкъ одинъ... горничная... Дарьей Павловой звать...—по-прежнему несмѣло заявила баба.

— Человѣкъ!—насмѣшливо проговорилъ лавочникъ,—какой же это человѣкъ, когда его Дарьей Павловной зовутъ! Вонъ ступайте, за звонокъ-то дерните, дворникъ выйдетъ и проведетъ васъ.

Баба и дѣвочка подошли къ указаннымъ воротамъ и недоумѣвающе взглянули на заборъ, отыскивая глазами звонокъ.

— Вонъ ручка-то торчитъ, черненькая-то,—наставлялъ лавочникъ,—берись за нее да и дергай...

Баба несмѣло подошла къ ручкѣ звонка и робѣя протянулась за ней.

— Берись смѣлѣй, не укуситъ,—поощрялъ ее лавочникъ.

Баба дернула за ручку, и вслѣдъ за этимъ гдѣ-то на дворѣ слабо звякнулъ колокольчикъ. Немного спустя послышались шаги, отворилась калитка и передъ бабой предсталъ немолодой коренастый дворникъ, который съ удивленіемъ и любопытствомъ смѣрилъ ихъ съ головы до ногъ пристальнымъ взглядомъ.

— Вамъ кого?—спросилъ онъ, нахмуривъ брови и видимо намѣреваясь держать себя какъ можно строже съ этимъ бабьемъ.

— Дарью Павлову бы намъ,—немного струсивъ, проговорила баба.—Горничная такая тутъ живетъ...

— Вы кто же ей будете?—не измѣняя тона, полюбопытствовалъ дворникъ.

— Мы изъ деревни. Я-то никто, а это вотъ дочка ея...—указала баба на дѣвочку.

— Дарьина дочка? — удивился дворникъ, — ишь какая ужъ! Къ матери погостить, что ли, пріѣхала? — болѣе миролюбиво спросилъ дворникъ.

— Совсѣмъ жить сюда привезла, — проговорила баба, — къ мѣсту мать хочетъ придѣлить.

— Ага... хорошее дѣло... Ну, пойдемте, я васъ провожу.

И онъ повернулся въ калиткѣ и пошелъ во дворъ; баба и дѣвочка послѣдовали за нимъ.

— Дочка! Вотъ тебѣ разъ!—вслухъ разсуждалъ дворникъ,—

въ пачпортѣ дѣвицей значится, а у ней ужъ дочь невѣста! Ну, дѣла!

Войдя во дворъ, дворникъ загнулъ за уголъ дома и повелъ пріѣзжихъ въ задній уголъ двора, гдѣ виднѣлось деревянное крыльцо.

— Аграфенѣ Дмитріевнѣ! — съ веселымъ днемъ! — привѣтствовалъ дворникъ, входя въ жарко натопленную кухню, высокую пожилую кухарку, хлопотавшую у топившейся плиты.— А гдѣ же Дарья Павловна?

— Наверху, на столъ готовитъ, — рѣзкимъ гнусливымъ голосомъ отвѣтила кухарка. — А ты что это, аль къ ней кого привелъ?

— Къ ней, гостей изъ деревни, — улыбаясь, сказалъ дворникъ.

— Это ужъ не дочка ли ея?—спросила кухарка, показывая на дѣвочку.

— Дочка, родимая, дочка,—съ поклономъ отвѣтила баба и вопросительно уставилась на кухарку.

— А-а!..—протянула кухарка,—ну, она давно васъ ждала, проходите вотъ сюда, садитесь на сундукъ-то.

— Ну, счастливо оставаться,—молвилъ дворникъ, надѣвая картузъ и выходя изъ кухни.

Кухарка сняла съ кипѣвшаго супа накипь, стряхнула ее въ лоханку и, обратившись къ бабѣ, спросила:

— Вы что жъ, прямо съ поѣзда?

— Съ поѣзда, родимая, съ поѣзда.

— Первый разъ въ Москвѣ-то?

— Я-то не въ первый, къ мужу ѣздила смолоду, а она-то въ первой…

— Не поплутали по Москвѣ-то?

— Нѣтъ, скоро дошли, дорога-то почти прямая.

— На какомъ вокзалѣ слѣзали-то?

— На рязанскомъ, матушка, на рязанскомъ.

— Та-акъ,—протянула кухарка и занялась опять чѣмъ-то на плитѣ.

На лѣстницѣ послышались легкіе, быстрые шаги.

— Ну, вотъ и она идетъ,—не отводя глазъ отъ кастрюли, проговорила кухарка.

Баба и дѣвочка встрепенулись. Въ кухню дѣйствительно входила невысокая, худощавая, съ блѣднымъ лицомъ и рѣдкими бѣлокурыми волосами горничная. Она была одѣта въ темное ситцевое платье и чистый бѣлый передникъ. Войдя въ кухню и увидѣвъ деревенскихъ, она на мгновеніе остановилась, съ удивленіемъ глядя на нихъ, потомъ вдругъ по измученному лицу ея промелькнула радостная улыбка; она со всѣхъ ногъ бросилась къ нимъ и начала цѣловаться прежде съ бабой, а потомъ съ дѣвочкой.

— Кидиновна! Поличка, голубушка! пріѣхали! Ахъ ты, мое золото!

Глаза ея блестѣли, руки тряслись, слабый голосъ дрожалъ отъ волненія.

— Собрались-таки... Голубушка моя, да какая ты большая то стала!—радовалась горничная на дочь.—Да раздѣвайтесь, чего же вы такъ сидите-то! Груша, голубушка,—обратилась горничная къ кухаркѣ, — давай скорѣй обѣдъ господамъ, да поставь тутъ самоварчикъ. Нонче самого-то нѣтъ, живо отобѣдаютъ, я и сойду тогда. Ахъ ты, моя золотая!

Дѣвочка раскраснѣлась и повеселѣла. Горничная торопливо разспрашивала, какъ онѣ доѣхали, все ли благополучно въ деревнѣ; забрала миску съ супомъ и, быстро отнеся ее вверхъ, сейчасъ же опять вернулась въ кухню.

— А я ждала-ждала васъ, — продолжала горничная сыпать словами, — и вчера, и третьяго дня; думаю, вотъ пріѣдутъ, вотъ пріѣдутъ... Хотѣла было еще письмо посылать.

— Все неуправка, то хлѣбъ домолачивали, то ленъ стлали, на-силу развязались; и то картошки еще не вырыты остались. Миронъ тамъ дорываетъ,—сказала Кидиновна.

— А хлѣбъ-то нонче хорошъ у васъ уродился?

— Хорошъ, нечего Бога гнѣвить.

Въ кухнѣ раздался звонокъ, звавшій горничную кверху. Она быстро вскочила и схватила огромное блюдо съ котлетами.

— Ты ступай ужъ, побудь тамъ, отправь обѣдъ-то, послѣ наговоришься,—замѣтила ей Груша.

— Сейчасъ, сейчасъ, — торопливо отвѣтила горничная и бѣгомъ побѣжала вверхъ.

II.

На другой день утромъ Даша, страшно робѣя, просила у господъ себѣ жалованья за этотъ мѣсяцъ да еще за мѣсяцъ впередъ и отпрашивалась на весь день со двора.

Господа дали ей денегъ и отпустили со двора. Даша пошла въ городъ и купила большой шерстяной платокъ Кидиновнѣ, кумачу на рубашку ея мужу, четвертку чаю и два фунта сахару. Отдавъ все это Кидиновнѣ, она вмѣстѣ съ Полей вызвалась ее проводить до вокзала.

Кидиновна при прощаньи съ Дарьей Павловной и своей питомицей растрогалась до слезъ. И въ пятый разъ ужъ обнимая и цѣлуя ихъ, говорила:

— Родимая ты моя, може, сохрани Господи, твоей дочкѣ незадача какая выйдетъ или не по душѣ придется ей московское житье, присылай ты ее опять къ намъ безо всякой опаски; зимой ли, лѣтомъ ли—примемъ мы ее безъ всякаго разговору.

— Хорошо, спасибо, спасибо вамъ за все, благодарствуйте,—говорила горничная.

Проводивъ Кидиновну, мать и дочь пошли домой. Поля была отчего-то грустна. Дарья Павловна замѣтила это, и чтобы поразсѣять грусть дѣвочки, пошла не спѣша и встрѣчая все, что Полѣ казалось диковиннымъ, разъясняла ей.

Поля глядѣла на все и дивилась: дивилась огромнымъ богатымъ домамъ Москвы, дивилась нарядамъ дамъ и мужчинъ, дивилась, глядя на блестящихъ лошадей и дорогіе экипажи проѣзжавшихъ по улицамъ, равно какъ и на удивительную

форму деревьевъ, растущихъ передъ домами, и на всю роскошь и блескъ, встрѣчавшіеся на каждомъ шагу.

— Что, здѣсь не такъ, какъ въ деревнѣ?—любуясь удивленіемъ и восхищеніемъ дочери, спросила Дарья Павловна.

— Не такъ,—прошептала Поля и растерянно улыбнулась.

— А погляди, что тутъ пьютъ, ѣдятъ,—проговорила Дарья Павловна и подвела дочь къ окнамъ богатаго колоніальнаго магазина.

За однимъ окномъ виднѣлись группой разставленныя разныхъ формъ разноцвѣтныя бутылки съ винами; за другимъ лежали различные заморскіе фрукты, которые назвать не знала какъ; за третьимъ лежала красиво расположенная копченая и жареная дичь, дорогая, вкусная рыба...

У Поли слюнки потекли, глядя на все это. „Эва, какъ тутъ живутъ то,—думалось дѣвочкѣ,—а мнѣ еще не хотѣлось изъ деревни ѣхать. И ей стало весело, и грусть, охватившая ее давеча на вокзалѣ при прощаньи съ Кидиновной, вдругъ исчезла; она бодро взглянула на мать и весело улыбнулась.

— Хорошо?—спросила Дарья Павловна.

— Хорошо,—молвила Поля.

— Поживешь въ Москвѣ—еще не то увидишь.

III.

Вернувшись съ Полей домой, Даша принялась за свои обычныя дѣла, но дѣлать ихъ по-прежнему спокойно она уже не могла. Забота окончательно не снялась еще съ нея. Правда, прежняя забота теперь миновалась, но явилась другая въ новой формѣ. Новая забота была о томъ, куда ей дѣвать свою дочь. Знакомства у ней не было, а безъ знакомства нельзя было надѣяться скоро найти мѣста, держать же у себя неудобно. Правда, господа ничѣмъ не стѣсняли ее за пріютъ у себя дѣвочки и охотно отпускали для пріисканія мѣста, но Даша все-таки чувствовала себя не ловко.

Поля мало-по-малу стала привыкать къ Москвѣ. Она помогала Аграфенѣ мыть посуду, чистила кастрюли, самовары, сапоги и калоши по утрамъ, выносила помои. Даша старалась, чтобы дѣвочка дѣлала какъ можно больше дѣла и не для помощи себѣ и кухаркѣ, а для „науки", какъ говорила она. Она брала ее по утрамъ, когда еще господа спали, наверхъ и заставляла подметать полъ и чистить платье.

Дѣла были нехитры и нетрудны; и Поля все дѣлала охотно и ловко; но иногда ей вдругъ почему-то становились страшно скучны всѣ эти дѣла, она съ радостью стала бы лучше заниматься какой-нибудь деревенской работой. „Зачѣмъ это,—думалось ей,—каждый разъ чистить сапоги, кастрюли, за обѣдомъ перемывать по два раза одну и ту же тарелку, на что это? только людей мытарятъ;" — и ей вдругъ дѣлалось такъ трудно и тошно, что ни на что руки не подымались.

И въ такія минуты ей было страшно жалко и мать, и Аграфену, и себя, страшно жалко своей деревенской жизни, деревенскихъ подругъ и свободы; при мысли, что ей придется постоянно жить въ этой проклятой Москвѣ, рыданія подступали къ ея горлу и сдавливали его, а слезы лились ручьемъ по щекамъ ея.

— И зачѣмъ только она вытребовала меня? — думала она про мать.—Зачѣмъ я ей понадобилась? Жила бы да жила я по-старому въ деревнѣ, а то вотъ майся здѣсь, какъ сама мается.

Но не всегда такъ думала Поля. „А, какъ здѣсь всѣ нарядно ходятъ-то, барыни, барышни, на что похоже! Маменька—прислуга, и то у ней шерстяныя платья есть съ оборками. Вотъ бы мнѣ нарядиться такъ да въ деревню показаться!"

И она мысленно представляла себѣ, какъ она поступитъ на мѣсто, наживетъ платья, пальто, полусапожки съ калошами и поѣдетъ въ деревню. „Подруги-то, подруги какъ будутъ завидовать мнѣ!"

И такія думы нѣсколько мирили ее съ Москвой и помогали забывать деревню.

На второй недѣлѣ по пріѣздѣ Поли Даша заявила ей:

— Ну, дочурка, нашла тебѣ мѣсто.

— Куда?

— Лавочникъ нашъ рекомендовалъ, въ нумера тутъ небольшіе, на кухню; пока будешь кухаркѣ помогать, а тамъ, попривыкнешь, въ горничныя поставятъ.

Поля обрадовалась.

— Только бы взяли, дай Богъ, а то мнѣ все равно.

Послѣ обѣда Даша повела дочь на мѣсто. Тамъ ее осмотрѣли, разспросили—сколько лѣтъ, будетъ ли дѣлать, что заставятъ—и сразу порѣшили принять. Хоть сначала положили и небольшое жалованье, но обѣщали къ праздникамъ подарки и прибавку современемъ. И мать и дочь были рады и этому.

На другой день утромъ Даша отвела дочку на мѣсто. Съ этого дня для обѣихъ началась новая жизнь.

IV.

Какъ чувствовала себя дочь въ своей новой жизни, Даша не знала, но для нея самой жизнь значительно измѣнилась. Теперь ужъ никакая забота не стала грызть ее, и она могла дышать гораздо свободнѣе, могла встряхнуться отъ постоянно душившей ее тяготы и взглянуть на жизнь иными глазами.

„Вотъ теперь я вольная птица—думала Даша,—какъ хочу, такъ и живу... Слава Богу, отмаялась... пятнадцать лѣтъ маялась въ нуждѣ да заботѣ, безъ отдыха, безъ останову. Когда я отдыхала? Когда въ деревню ѣздила; а часто ли это было?—Да и какой это отдыхъ? Пріѣдешь, поживешь недѣльку, глядь — деньги всѣ; опять надо ѣхать въ тьму кромѣшную, опять надо деньги заработывать... И какая это подлая должность—горничная! Господи Боже! мастеровщина, фабричные всякіе—праздники хоть знаютъ, въ церковь сходятъ, помолятся и отдохнутъ, а у насъ какъ праздникъ, такъ самая тебѣ погибель; то къ хозяевамъ твоимъ гости придутъ—встрѣчай да

провожай; то самихъ отправляй, иногда спать до коихъ поръ не ляжешь, или ляжешь не раздѣваясь, да такъ, какъ собака измученная и спишь. А теперь ужъ отдохну хоть маленько, а возьму свое. Вотъ пройдетъ мѣсяцъ, другой, обживется моя дочурка, прикоплю деньжонокъ, возьму да отойду отъ мѣста и хоть одинъ мѣсяцъ поживу на вольной волюшкѣ, хоть посплю спокойно".

Съ такими думами Даша носилась не одинъ день и въ самомъ дѣлѣ чувствовала себя много спокойнѣе, веселѣй и беззаботнѣй. Когда было свободное время или когда господа посылали ее куда-нибудь, она заходила навѣщать свою дочку. И видя, что Поля скоро привыкла къ свой должности, работала хорошо и не только не тосковала по деревнѣ, а за одинъ мѣсяцъ еще раздобрѣла и во многомъ измѣнилась, — лѣтній загаръ сошелъ съ ея лица, кожа становилась бѣлѣе и подъ подбородкомъ образовался порядочный подзобокъ, — мать радовалась и послѣ каждаго посѣщенія дочери дѣлалась веселѣе и беззаботнѣй.

„Скоро большая совсѣмъ будетъ и на настоящее жалованье пойдетъ, тогда и ей, и мнѣ житье будетъ".

Прошелъ другой и третій мѣсяцъ, какъ Поля пріѣхала въ Москву. Дашѣ не пришлось уже отсылать обычные три рубля въ деревню, и у ней появились деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилось желаніе развлеченій, завязались новыя знакомства. Ей казалось, что вотъ теперь только пришла ея молодость, теперь только она узнала сладость жизни. Къ дѣлу Даша была уже не такъ внимательна: сплошь и рядомъ она стала забывать, чтó надо дѣлать. Господа начали на нее покашиваться и говорили, что Даша портится.

Однажды, отпросившись со двора, пошла она съ прислугой изъ сосѣдняго дома гулять въ Сокольники, пробыла тамъ слишкомъ долго и возвратилась выпивши. Несмотря на свой не совсѣмъ обыденный видъ, она направилась прямо въ комнаты, но Аграфена, встрѣтившаяся на крыльцѣ съ ней, остановила ее:

— Куда ты прешь-то такая, лѣшая?

— А что?—удивившись, спросила Даша.

— Да вѣдь ты пьяная, какъ ты такая господамъ-то покажешься?

— А имъ что́ за дѣло? не на ихъ счетъ пила, — говорила расхрабрившаяся Даша.

— Неловко, они и то сердятся, что ты часто со двора ходишь да подолгу гуляешь.

— Пущай сердятся, эко добро; мнѣ съ ними не дѣтей крестить.

И Даша храбро направилась прямо въ комнаты.

На другой день ей сдѣлали строгій выговоръ и пригрозили прогнать, если она еще разъ явится въ такомъ видѣ. Даша выслушала выговоръ молча, съ опущенными глазами; ей было и стыдно и горько, что она довела себя до этого, но угрызеніе совѣсти продолжалось недолго; немного спустя послѣ выговора она ужъ думала:

— Плевать, не держите, эко я испугалась; откажете — я другое мѣсто найду, а какъ въ клѣткѣ сидѣть не буду. Довольно съ меня, насидѣлась.

И послѣ слѣдующей отлучки она опять вернулась нетрезвая.

V.

Прошелъ годъ, какъ Поля пріѣхала въ Москву. Она за это время совсѣмъ преобразилась: выросла на цѣлую голову, окончательно развилась изъ дѣвочки въ дѣвушку и уже служила не на кухнѣ, какъ сначала, а горничной,—убирала комнаты у немногочисленныхъ жильцовъ, чистила имъ обувь и платье. подавала самовары, бѣгала въ булочную. Кромѣ жалованья, которое ей хозяйка увеличила, она получала подарки на чай, и каждый мѣсяцъ, когда къ ней приходила мать, отдавала ей то пять, то шесть рублей, а иногда и больше. Даша все больше и больше втягивалась въ праздную жизнь, кото-

торою она вознаграждала себя за тѣ лишенія и заботы, которыя ей пришлось испытать во время воспитанія дочери.

На томъ мѣстѣ, на которомъ она встрѣтила пріѣхавшую изъ деревни дочку, она давно ужъ не жила. Ее разочли за нетрезвое поведеніе. Она поступила къ другимъ господамъ, не очень богатымъ, но простымъ, а этого только и нужно было Дашѣ; она разсчитывала, что на такомъ мѣстѣ скорѣй можно жить такъ, какъ хочется. Здѣсь она прежде всего завела новыхъ знакомыхъ, сблизилась съ прислугой другихъ жильцовъ и проводила время весело.

Однажды вечеромъ новые господа послали Дашу въ молочную, гдѣ она встрѣтила одну дѣвушку, жившую прежде по-сосѣдству; поздоровались, разговорились. Оказалось—дѣвушка живетъ неподалеку, у богатыхъ господъ, и живетъ хорошо. Она сразу же стала звать Дашу къ себѣ въ гости. Даша обѣщалась.

Въ праздникъ, въ который звала Дашу ея новая пріятельница, господа куда-то уѣзжали; поэтому Даша рѣшила пойти со двора не спросясь, такъ какъ тутъ недалеко. И, проводивши господъ, она накинула шаль на голову и пошла. У пріятельницы Даша застала цѣлую компанію. Тутъ была вся прислуга этого дома, два кучера со стороны и дворникъ. На столѣ были поставлены бутылки съ водкой и пивомъ и разныя закуски. Дашу угостили водкой; она выпила, но немного, и стала молча наблюдать гостей. Гости были подвыпивши, смѣялись, шутили, разсказывали различные анекдоты изъ своей и господской жизни. Всѣхъ больше забавлялъ разсказами дворникъ. Это былъ молодцоватый мужчина изъ солдатъ, плотный, съ жесткой, щетинистой бородой и бойкими глазами. Онъ разсказывалъ все больше про деревенскихъ людей и всячески глумился надъ ними. Всѣ смѣялись, слушая эти разсказы, но больше всѣхъ смѣялась Даша. Дворникъ взглянулъ на нее, крякнулъ, покрутилъ усы и продолжалъ разсказывать въ томъ же духѣ.

Прошло часа два. Даша вспомнила, что ушла не отпросив-

шись; она встала и начала благодарить за угощеніе и компанію. Дворникъ тоже всталъ и, сказавъ, что ему скоро нужно на дежурство идти, распростился и вышелъ изъ кухни вмѣстѣ съ Дашей.

— Приходите опять когда къ намъ, у насъ весело здѣсь,— говорилъ дворникъ Дашѣ, идя съ ней рядомъ по двору.

— Спасибо,—молвила Даша.

— А то ко мнѣ заходите, я вотъ здѣсь живу,—указалъ дворникъ на небольшую сторожку у воротъ.

— А вы съ кѣмъ живете?—робко спросила Даша.

— Одинъ.

Даша вопросительно взглянула на дворника; тотъ не смутился отъ ея взгляда, а какъ-то вызывающе улыбнулся.

Вся кровь бросилась въ голову Даши, руки и ноги у ней задрожали, она потеряла силу воли и, совсѣмъ не думая и не желая этого, почему-то остановилась. Дворникъ взялъ ее за руку.

— А то сейчасъ зайдемте, поглядимъ, какъ у меня; у меня хоть и тѣсно, а хорошо.

Даша хотѣла вырвать руку изъ его руки, но не могла.

VI.

Домой пришла Даша поздно.

Кухарка и прачка тотчасъ же бросились къ ней съ разспросами, гдѣ она была: господа давно уже воротились и спрашиваютъ ее.

Даша, страшно блѣдная, съ лихорадочно блестящими глазами, молча взглянула на нихъ и, сбросивъ съ себя шаль и проведя дрожащей рукой по волосамъ, пошла въ комнаты.

— Гдѣ вы были, почему вы безъ спросу ушли? Какъ вы смѣли это сдѣлать?—набросилась на Дашу при входѣ ея въ комнату барыня и приготовилась было прочитать ей хорошую нотацію, но Даша сразу дала ей отпоръ.

— Гдѣ была, тамъ нѣту,—глухимъ, прерывающимся голосомъ молвила она и, войдя въ свою комнатку, бросилась ничкомъ на постель.

Барыня, ошеломленная подобной дерзостью, съ минуту простояла неподвижно, какъ окаменѣлая, потомъ вдругъ, густо побагровѣвъ, сорвалась съ мѣста и со всѣхъ ногъ бросилась къ своему барину, чтобы передать о только-что полученномъ отъ прислуги оскорбленіи.

На утро Дашѣ вынесли паспортъ и деньги и приказали сейчасъ же убираться вонъ.

Даша молча взяла разсчетъ, молча одѣлась и вышла изъ комнаты; не заходя даже въ кухню, вышла на улицу и пошла, куда глаза глядятъ.

Долго Даша шла безъ цѣли, безъ направленія, сама не зная куда, и шла до тѣхъ поръ, пока такъ устала, что ноги ея съ трудомъ двигались. Въ изнеможеніи она опустилась на первую лавочку у чьихъ-то воротъ и задумалась,—что ей теперь дѣлать, куда идти?

Куда ей идти? Къ нему? О, *онъ*, конечно, приметъ ее, приласкаетъ и оставитъ у себя; но хватитъ ли у ней духа послѣ того, что она пережила, пойти къ нему? Она представила себѣ это и вдругъ, какъ вчера вечеромъ, задрожала отъ гадливости и отвращенія; лицо ея опять сдѣлалось безъ кровинки, и жгучія горькія слезы показались на щекахъ ея.

Такъ куда же идти? къ дочери? Какъ она явится передъ ея глазами, передъ ея невинной совѣстью,—она, гадкая, преступная мать, и скажетъ, что она безъ мѣста, ее разочли? Можетъ ли она, не кривя душой, сказать прямо ей, милому, чистому ребенку, ту причину, по которой ее разочли? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Пойти развѣ къ швейкамъ или къ другимъ подругамъ? но примутъ ли онѣ ее? Конечно, примутъ, но какъ? Будутъ разспрашивать, соболѣзновать и думать каждая: не навязалась бы намъ на шею. „Этакимъ товаркамъ вѣдь нужны мы лишь

тогда, когда при линіи и когда съ нами выгодно водить компанію, а въ такомъ видѣ кому мы нужны?“

Съ такими думами она просидѣла больше часу. Ноги ея нѣсколько отошли, но все-же усталость была такъ велика, что она не могла больше ходить, и только спрашивала себя: „Что же я буду дѣлать теперь?“

Вдругъ ей вспомнилось ея давнишнее желаніе снять для себя уголокъ и хоть немного пожить въ немъ. Она обрадовалась, что это пришло ей въ голову, и, поднявшись съ мѣста, встала и направилась къ той части города, гдѣ скорѣй и подешевле можно было пріискать нужную ей квартиру.

VII.

Два дня Даша пролежала на постели въ каморкѣ, которую наняла для себя, почти не вставая и никуда не выходя, и все передумывала о томъ, что съ ней случилось за эти дни. Правда, сознаніе страшной грѣховности поступка въ ней отчасти ослабѣло, и угрызенія совѣсти сдѣлались не такъ явственны и мучительны, но взамѣнъ этого ее охватило страшное равнодушіе ко всему и глухая ненависть къ людямъ—и ненависть слѣпая, безразсудная. Ей думалось, что вотъ она лежитъ одна, пришибленная, безпомощная, истерзанная внутренними мученіями, и никому до нея дѣла нѣтъ, никто ее не любитъ, никто не пожалѣетъ. „Для чего-жъ я на свѣтѣ живу?—думалось ей.—Значитъ никому не нужна, подохну—еще перекрестятся, скажутъ: одно мѣсто освободилось... И что я за несчастная такая, Господи Боже!..“

На третій день передъ вечеромъ Поля, извѣщенная матерью о перемѣнѣ въ ея судьбѣ, прибѣжала навѣстить ее. Она вбѣжала румяная, веселая, нарядная, въ темносиней жакеткѣ, бѣломъ кашемировомъ платкѣ на головѣ и шерстяномъ платьѣ. Въ ней никакъ нельзя было узнать той деревенской дѣвочки, которая съ небольшимъ годъ тому назадъ пріѣхала въ Москву

въ большихъ яловочныхъ полусапожкахъ и карусетовой поддевкѣ. При взглядѣ на дочь сердце у Даши почему-то болѣзненно сжалось.

— Что это вы, маменька, иль захворали?—защебетала Поля, бросаясь къ матери.—Съ мѣста ушли, квартиру сняли—что это вы?

— Захворала,—вспыхивая и стараясь не глядѣть на дочь, процѣдила Даша.—Отдохнуть захотѣла, измучилась какъ собака, въ людяхъ-то живши,—добавила она.

— Когда-жъ вы отошли?

— Третьяго дня.

Поля обвела взглядомъ новое жилище матери.

— Долго думаете прожить-то тутъ?

— Какъ поживется; поправлюсь, отдохну, а тамъ опять буду мѣста искать.

Поля сжала губы и не знала, чтó спрашивать больше.

— А ты какъ поживаешь?—въ свою очередь спросила Даша.

— Ничего, поживаю,—весело отвѣтила Поля, прямо уставляясь на мать.

— Нравится тебѣ жизнь-то?

— Ничего, только безпокойно очень; у меня семь комнатъ на рукахъ, такъ весь день на ногахъ: тому подай, этому сбѣгай, одного встрѣть, другаго проводи. Отъ утра до ночи покою не знаешь,—ну за-то денежно, и на чай часто попадаетъ, и подарки дарятъ.

— Кто-жъ даритъ?

— Да жильцы и гости ихніе. Ономнясь прихожу къ одному комнату убирать—студентъ онъ, и комнату, и харчи у насъ снимаетъ,—а онъ и говоритъ: „Зачѣмъ ты по-деревенски, въ платкѣ ходишь? пора тебѣ деревенщину-то оставлять“. Я и говорю: „По московски-то дорого стоитъ: надо голову-то убирать, шпильки покупать, гребенку да серьги хорошія“.—„А у тебя нѣтъ развѣ?“—„Нѣтъ“, говорю.—„Ну, подожди, я тебѣ подарю“. И въ этотъ же вечеръ принесъ мнѣ пачку шпилекъ, гребенку роговую, да серьги серебряныя—посмотри-ка!

Поля распахнула жакетку, стащила съ головы платокъ и показала матери подарокъ студента. Даша тревожно взглянула на нее, но ничего не сказала. Поля продолжала:

— А другіе все больше деньгами дарятъ: посылаютъ за пивомъ, за табакомъ и еще зачѣмъ, и то сдачу отдаютъ, то такъ. За этотъ мѣсяцъ, окромя жалованья, семь рублей накопила. Вамъ нужно теперь, возьмите.

Даша молча взяла деньги, спрятала ихъ и опять сѣла рядомъ съ дочерью. Она долго-долго глядѣла на нее, потомъ тяжко вздохнула и проговорила:

— Давай чайку попьемъ.

Разговоръ у нихъ не клеился, и, попивши чаю, Поля отправилась домой.

VIII.

По уходѣ дочери Даша опять легла на постель и долго лежала на ней не шевелясь. На душѣ у нея сдѣлалось немного полегче. Сознаніе, что она не одна, а есть существо, которое любитъ ее и жалѣетъ, слегка ободрило ее и прибавило внутренней силы. Тяжкая придавленность душевнаго состоянія стала проходить, и въ ея душѣ вдругъ пробудилась страстная нѣжность къ дочери, и она сразу какъ будто ожила, вскочила съ мѣста, сѣла, привалившись къ стѣнѣ, и замерла отъ наплыва этого почти новаго ей, хорошаго чувства.

— Милая, милая, — зашептала она, прижимаясь къ стѣнѣ, ежась и закрывая глаза.—Пришла навѣстить меня, провѣдать, вспомнила объ матери, пожалѣла ее! Слава Богу, что я не бросила тебя незнамо куда тогда, не отдала въ воспитательный. Тамъ или умерла бы давно, или завезли бы тебя куда-нибудь вдаль, и я не розыскала бы тебя; а теперь ты вотъ у меня на глазахъ, недалеко отъ меня, любишь меня, жалѣешь одна во всемъ свѣтѣ... Платишь за мои пятнадцатилѣтнія заботы о тебѣ, отдаешь долгъ. И какъ хорошо я сдѣлала, что вытребовала ее

сюда къ себѣ. Вотъ она пришла ко мнѣ, провѣдала и утѣшила, а если бы не она, кто бы разогналъ мою тоску-кручину?.. Хоть въ воду полѣзай или вѣшайся, и никому до тебя дѣла нѣтъ. Нѣтъ тутъ жалости къ человѣку. Пока ты живъ-здоровъ, работаешь, гнешься на нихъ,—цѣнятъ тебя, держатъ, кормятъ, нужнымъ считаютъ; а какъ задумалъ человѣкъ, что-нибудь для себя сдѣлать, или схватила тебя немочь, такъ и отворачиваются всѣ отъ тебя и ненуженъ ты никому. Мало того, что не дадутъ хлѣба или пріюта, а еще опозорятъ, если чуть проступишься, и послѣ этого на порогъ не пустятъ... А кто виноватъ, что человѣкъ позорному дѣлу отдается? Сами же они въ соблазнъ своей жизнью вводятъ, сами же они на грѣхъ наталкиваютъ! А потомъ отворачиваются отъ нашей сестры, презираютъ.

И Дашѣ вспомнилось, какъ въ теченіе ея жизни, послѣ родовъ ужъ, до ея послѣдняго паденія, сколькимъ соблазнамъ подвергалась она не отъ однихъ равныхъ людей, но даже отъ господъ или сынковъ господскихъ, и только страшное отвращеніе къ мужчинамъ послѣ того, какъ ее такъ коварно обманули, да мысль, что она должна жить не для себя, а для дочери, оберегали ее, а не то она давнымъ давно погибла бы, какъ погибаютъ тысячи подобныхъ ей существъ, не имѣющихъ никакой узды.

И вдругъ ей вспомнилась опять ея дочь, и ужасъ охватилъ ея душу.

— И зачѣмъ я привела ее сюда. Захотѣлось свою жизнь облегчить! Такъ вотъ оно до чего довело облегченіе-то. Чтобы погубить ее здѣсь. Чему она тутъ можетъ научиться? Чему набраться? Въ деревнѣ оно хоть и сѣро, а прожила бы честно-благородно дѣвичью жизнь, вышла бы замужъ, была бы хозяйкой, матерью, помощницей другимъ, а тутъ что она будетъ? Развѣ долго до грѣха—понравится какой-нибудь, развѣ долго это? Вонъ ужъ одинъ дарить ее началъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Конечно слопать хочетъ... Да какъ же это такъ? Да что же это такое? Господи Боже мой!

Даша опять вскочила съ подушки; все лицо ея горѣло; она схватилась за голову и прошептала:

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Потомъ она поспѣшно соскользнула съ постели, сорвала съ гвоздя пальто, надѣла его, накинула платокъ и быстро пошла вонъ изъ квартиры.

При проходѣ ея черезъ комнату хозяйки та спросила ее.

— Далеко-ль вы?

— Такъ, прогуляться,—уклончиво отвѣтила Даша и очутилась за дверью.

Она намѣревалась прямо пойти къ дочери. Почему, зачѣмъ—она не думала, только чувствовала, что ей непремѣнно нужно ее увидать. Что она скажетъ ей, чѣмъ объяснитъ свой приходъ—она не знала и не могла придумать.

Очутившись на улицѣ, гдѣ ее обдало свѣжимъ морознымъ воздухомъ (былъ ноябрь) и этимъ нѣсколько освѣжило ея разгоряченную голову, Даша остановилась. Мысли ея мало-помалу начали приходить въ порядокъ, и этотъ безотчетный порывъ, подъ вліяніемъ котораго она очутилась здѣсь на улицѣ, сталъ казаться ей дикимъ и страстное желаніе увидѣть сейчасъ дочь—безосновательнымъ. „Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ я къ ней приду? Она у меня сейчасъ была, говорила, что все хорошо, сама была такая веселая и здоровая. Что я тамъ забыла?“

И она, сдѣлавши нѣсколько шаговъ безъ всякаго направленія, опять остановилась, съ минуту подумала и, окончательно рѣшивъ сегодня не ходить къ дочери, тихимъ шагомъ дошла до лавочки, взяла въ ней кое-что съѣдобнаго и вернулась опять къ себѣ въ уголъ.

IX.

Утромъ Даша проснулась поздно съ сильно ноющимъ и часто бьющимся сердцемъ, съ холоднымъ потомъ на лицѣ и съ какимъ-то болѣзненнымъ изнеможеніемъ во всемъ тѣлѣ. Она подняла голову и стала соображать, почему это у нея такое состояніе. И ей вдругъ вспомнилось, что она видѣла страшный сонъ. Какого рода былъ случай, такъ испугавшій ее во снѣ, она не могла сразу припомнить, но чувствовала, что случай былъ страшный, тяжелый, мучительный. Одѣваясь, она стала припоминать его и мало-по-малу припомнила все и ужаснулась.

Ей видѣлось, что она была съ Полей, но Поля была еще маленькая, и были онѣ не то на Воробьевыхъ горахъ, не то на какой-то высокой-высокой крышѣ и расхаживали тамъ и любовались зеленью, цвѣтами и роскошнымъ видомъ на даль. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ онѣ ходили, былъ или крутой обрывъ или край крыши, и Дашѣ очень хотѣлось взглянуть внизъ этого обрыва и, оставивъ Полю на мѣстѣ и наказавъ ей не двигаться, она осторожно пошла къ краю обрыва и только было она хотѣла заглянуть внизъ, какъ услышала испуганный крикъ Поли. Даша обернулась. Какая-то огромная, еще невиданная ею птица схватила Полю когтями и поднимала вверхъ. Даша вскрикнула, сама бросилась было впередъ, но поскользнулась, упала и покатилась въ пропасть.

Прошло съ четверть часа, какъ проснулась Даша, но сердце ея усиленно билось, и какое-то тревожное чувство закрадывалось въ него. „Что это, къ чему это?"—спрашивала сама себя Даша и не находила отвѣта.

Вдругъ въ ней, какъ и вчера, загорѣлось страстное желаніе увидѣть дочь.—„Пойду, пойду, провѣдаю",—сказала она сама себѣ и, поспѣшно умывшись и наскоро напившись чаю, одѣлась и вышла на улицу.

Холодный вѣтеръ, какъ и вчера, пахнулъ ей въ лицо, но

нисколько не освѣжилъ ея головы; желаніе увидѣть дочь гвоздемъ засѣло въ ней и не проходило. Сердце не переставало колотиться какъ-то тревожно и причиняло Дашѣ внутреннюю боль. День стоялъ сѣрый, унылый, блѣднаго солнца нельзя было разглядѣть сквозь густую сѣть свинцовыхъ, быстро несущихся куда-то облаковъ. Вѣтеръ порывами метался по улицамъ, гремя вывѣсками, ударяя по фонарямъ и пронизывая насквозь и окутывая холодомъ прохожихъ и проѣзжихъ.

Всѣ встрѣчавшіеся Дашѣ люди имѣли пасмурный видъ, и видъ этихъ невеселыхъ людей нѣсколько ободрилъ Дашу. „А можетъ быть это отъ погоды у меня такъ скверно на душѣ? Вонъ вѣдь всѣ надувшись какъ мышь на крупу“.

Она прошла бульваромъ внизъ, поднялась вверхъ и свернула направо въ переулокъ. Пройдя дома два, она вошла въ ворота двора, гдѣ помѣщались меблированныя комнаты, въ которыхъ жила ея дочь, и по черной лѣстницѣ пошла вверхъ.

Войдя въ кухню, въ которой стояло нѣсколько самоваровъ, одни шипящіе, другіе уже успѣвшіе остыть, валялось нѣсколько паръ загрязненныхъ сапогъ, брюкъ и пальто,—она застала въ ней только одну кухарку.

Кухарка, пожилая, грубая женщина, чистила подолъ стараго суконнаго женскаго платья и сердито что-то ворчала. Даша поздоровалась съ ней и спросила про дочь.

— Тамъ убираетъ комнаты,—махнувъ рукой на стеклянную дверь, ведущую въ корридоръ, угрюмо пробурчала кухарка.

Даша присѣла на табуретъ и стала слѣдить за работой кухарки.

— Ишь, подлая, загваздала какъ—не ототрешь!—усиленно вытирая мослыгами рукъ грязь въ складкахъ платья, ворчала кухарка.

— Кто это?—спросила Даша.

— Жилица тутъ у насъ, шальная, такая чистоплюйка; обѣдъ или чай подать не потрафишь: то грязно, то нечисто, ворчитъ-ворчитъ всегда, а сама все грязнитъ, не накажи Господь, платье ли, обувь ли, а съ людей чистоту спрашиваетъ.

— Мало ли въ Москвѣ всякихъ,—сказала Даша.

Кухарка промолчала.

Прошло съ четверть часа. Поля все не показывалась; Дашу взяло нетерпѣніе.

— Что-то долго она тамъ ворочается,—проговорила она.

— Чай къ студенту зашла,—молвила кухарка,—а къ нему зайдешь—не скоро вырвешься.

Дашу точно что́ кольнуло. Она повернулась на мѣстѣ и невольно поблѣднѣла.

— Что-жъ онъ такое?—затаивъ дыханіе, спросила она.

— Зубоскалъ больно, только бы ему съ дѣвками лясы точить, то вотъ съ этой,—ткнула кухарка на платье,—начнетъ лопотать, то съ вдовушкой—живетъ у насъ одна такая—ба̄ланцы разводитъ, а то съ твоей дочкой... Охочій, собака.

Дашу покоробило. „И въ такомъ мѣстѣ живетъ моя дочь! Долго-ль тутъ до грѣха?"

И она почувствовала, какъ сердце въ ней опять тревожно забилось.

Изъ корридора послышался какой-то неопредѣленный звукъ,—не то взрывъ смѣха, не то плачъ. Даша узнала голосъ Поли.

— Вотъ ржутъ, слышишь? Чай возится, пристаетъ,—сказала кухарка.

— Слышу,—глухо проговорила Даша.

— Можно мнѣ пойти позвать Полю? мнѣ ее очень нужно,—спросила она кухарку.

— Ступай,—разрѣшила та.—Третья дверь на лѣвой рукѣ будетъ.

Даша встала съ мѣста, положила на табуретку бывшій у ней въ рукахъ теплый платокъ и съ трясущимися колѣнками пошла въ корридоръ. Ступивъ шага три по корридору, она опять услыхала изъ комнаты студента какіе-то звуки и возню. Она остановилась и прислушалась. Даша ясно различила испуганный голосъ Поли: „Да пустите, оставьте, какъ вамъ не

стыдно!“ Не помня себя, Даша бросилась къ двери, рвнула ее и растворила.

Въ комнатѣ, неподалеку отъ двери, молодой, красивый студентъ, полуодѣтый, держалъ Полю и не пускалъ. Дѣвушка тряслась отъ испуга, рвалась, но, боясь скандала, сдерживала свои крики; на глазахъ ея были слезы.

При видѣ матери Поля вскрикнула, рванулась изо всѣхъ силъ и, вырвавшись изъ рукъ студента, вылетѣла въ корридоръ. Бросившись на шею матери, она припала головой къ ея груди и горько зарыдала.

— Маменька, маменька, какъ это васъ Богъ надоумилъ придти-то сюда!—сквозь слезы пролепетала Поля.

Дня черезъ три на рязанскомъ вокзалѣ въ вагонъ третьяго класса усаживались Даша съ Полей. Онѣ сѣли у окна. Когда поѣздъ тронулся и вышелъ изъ подъ огромнаго навѣса наружу и покатился по рельсамъ на открытомъ мѣстѣ, Поля прилипла къ стеклу окна и стала любоваться виднѣющимися въ окно улицами Москвы.

— Прощай, Москва! Годикъ съ небольшимъ пожила въ тебѣ и будетъ,—проговорила она.

— Узнала, какова она есть, и ладно,—проговорила Даша, и глубокая горечь слышалась въ ея голосѣ. — Матушка Москва бьетъ съ носка, — немного повременивъ, тяжело вздохнувъ, продолжала она. — Въ ней жить — что около пропасти ходить; гляди да остерегайся, а чуть маленько — полетишь и очнуться не успѣешь.

Поля привалилась головой къ стѣнкѣ вагона и о чемъ-то задумалась, а Даша сняла съ полки узелокъ и, развязавъ его, стала разглядывать подарки, которые она купила для Кидиновны и Мирона.

Алексѣй заводчикъ.

РАЗСКАЗЪ.

Алексѣй заводчикъ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Первый разъ я увидѣлъ Алексѣя лѣтъ шесть тому назадъ.

Выйдя въ одинъ оссенній вечеръ на улицу нашей деревни, я замѣтилъ на нижнемъ концѣ ея, у двора сапожника Вавилы, толпу народа: кое-кто изъ мужиковъ, бабы и ребятишки собрались у избы сапожника, и между ними то-и-дѣло слышались взрывы веселаго смѣха. Меня затронуло любопытство, и я направился къ этой толпѣ. На вопросъ мой — что̀ тутъ дѣлается—мнѣ объяснили:

— Вавила себѣ работника привелъ; такой ухарь — отойди-пусти! Послушай-ка, что̀ онъ говоритъ.

Вавила и новый работникъ его сидѣли на завалинкѣ избы. Вавила былъ такъ пьянъ, что еле голову на плечахъ держалъ, но работникъ былъ трезвъ. Это былъ молодой еще паренекъ, лѣтъ 19-ти на видъ, худой, съ грязнымъ цвѣтомъ лица и одѣтый въ какія-то лохмотья не-деревенскаго происхожденія. Онъ держалъ себя довольно бодро, говорилъ развязно, хотя при внимательномъ взглядѣ на него и можно было замѣтить, что эта развязность, какъ будто неискренняя, на-

пускная. Когда я подошелъ туда, онъ свертывалъ себѣ изъ газетной бумаги папироску.

— Гдѣ онъ такого отыскалъ?—спросилъ я.

— Должно быть, чортъ нанесъ,—крикнула на мой вопросъ жена Вавилы, худая, забитая нуждой и заботой, женщина, стоявшая тутъ же и видимо крайне недовольная тѣмъ, что мужъ привелъ къ себѣ такого работника. — Яковлевскій бобыль,—добавила она.—Изъ Москвы по этапу пришелъ. Пропился тамъ, вотъ и пригнали сюда выхаживаться.

— Молчи! Тебѣ говорятъ—молчи!—бурчалъ, топая ногой на жену, Вавила.

— Была неволя молчать!—не унималась баба.—Тебѣ-то все равно, а мнѣ-то, небось, достанется: можетъ быть, онъ и работать-то ничего не умѣетъ, а я гоношись тутъ, стряпай на васъ да обшивай, обмывай васъ,—какая сласть, подумаешь!

— Ну, это ты, тетка, зря городишь,—проговорилъ вдругъ работникъ.—Какъ это такъ я работать не умѣю! Да ты такихъ мастеровъ-то сроду не видала. Мы отъ скуки—на всѣ руки: сапоги точать, головой качать, — мы все могòмъ, — и вдругъ умышленно упирая на букву *о*, работникъ добавилъ скороговоркой: — и избу срубимъ, и печку складемъ, трубу выведемъ,—только дымъ-то хоть мѣшкомъ выноси!

Въ толпѣ захохотали.—Ай-да мастеръ! Эти ужъ смастерятъ, что̀ надо! И гдѣ онъ только обучался?

— Дома; знамо, въ люди не отдавали, самъ до всего дошелъ,—серьезнымъ тономъ отвѣтилъ парень.

— А гдѣ у тебя домъ-то?

— Конечно, въ Москвѣ, а не въ Питерѣ. Просто дворецъ, а не домъ: три кола вбито, небомъ покрыто, свѣтомъ огорожено, да со всѣхъ сторонъ землей обложено.

Въ толпѣ опять раздался смѣхъ; потомъ послышался новый вопросъ:

— Что-жъ ты, та̀къ тамъ жилъ, али дѣломъ какимъ занимался?

— Дѣломъ занимался: заводъ велъ.

— Какой же заводъ?

— Перегонный: перегонялъ водку изъ бутылки въ глотку— дѣла хорошо шли.

При этихъ словахъ нѣкоторыя бабы завизжали отъ хохота; засмѣялась даже сердитая жена сапожника, и, плюнувъ, проговорила:

— Вотъ онъ какой нагрѣшникъ, и жди отъ него путнаго!

И сказавши это, баба повернулась и скрылась на крыльцѣ.

— Что же это ты въ такой жизни и не ужился, вѣдь вòна тамъ какъ хорошо?

— Такая линія подошла: оплошалъ — прохворалъ, Богъ обидѣлъ—пропился!—отвѣтилъ работникъ, и этимъ вызвалъ новый взрывъ хохота.

II.

Съ другого же дня парень сталъ сапожничать у Вавилы. Работать онъ умѣлъ и работалъ усердно. Гулялъ онъ только въ праздники, и очень скромно: выйдетъ на улицу, подойдетъ къ молодежи или мальчишекъ вокругъ себя соберетъ, споетъ имъ какую-нибудь пѣсню, разскажетъ чтò. На разсказы онъ былъ мастеръ. Онъ зналъ не мало сказокъ, исторіекъ, случаевъ изъ московской жизни, иногда правдивыхъ, иногда вымышленныхъ имъ; онъ и дѣлился со всѣми, кто только изъявлялъ желаніе его слушать. За это его, нельзя сказать, чтобъ полюбили, но всѣ встрѣчались съ нимъ съ удовольствіемъ, особенно молодежь. Она окрестила его прозвищемъ „заводчикъ", имѣющимъ двоякій смыслъ: во-первыхъ, оно намекало на то, что онъ всегда „заводилъ" что-нибудь интересное, т.-е. былъ шутникъ, затѣйникъ; во-вторыхъ, оно говорило и то, что онъ былъ, по его словамъ, содержателемъ завода, на которомъ перегоняли водку изъ бутылки въ глотку; и этимъ прозвищемъ всѣ стали звать его. Алексѣй на это

не обижался, и охотно отвѣчалъ, когда его звали только по одному прозвищу.

Однажды зимой, отъ нечего дѣлать, я зашелъ посидѣть къ Вавилѣ. Вавила съ заводчикомъ были заняты сапожною работой; жена Вавилы помѣщалась на конникѣ за пряжей. Всѣ были поглощены дѣломъ, но прилежнѣе всѣхъ занимался имъ заводчикъ. Онъ такъ-то усердно наколачивалъ каблукъ, что я не удержался, чтобъ не сказать женѣ Вавилы:

— Ну, вотъ, ты тогда безпокоилась, что онъ работать не будетъ,—гляди, какъ старается.

— Теперь-то сама вижу, что мастеръ,—проговорила баба, и усмѣхнулась.

— Небось, не подгадимъ!—весело воскликнулъ Алексѣй.— Коли что̀ умѣемъ, сдѣлаемъ за первый сортъ.

— А ты еще что̀ можешь дѣлать-то?—спросилъ я.

— Водку пить, табакъ курить—мало ли что̀,—по прежнему весело проговорилъ Алексѣй и, отшвырнувъ отъ себя законченный сапогъ, принялся за другой.

— А работы никакой еще не знаешь?

— Вотъ захотѣлъ, работы еще! Одну знаю, и то хорошо; слава Богу, что этой-то кой-какъ выучился.

Я замѣтилъ, что въ тонѣ, какимъ были произнесены эти слова, слышалась дѣловитось, и рѣшилъ воспользоваться этимъ—завести серьезный разговоръ. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ онъ росъ, чѣмъ занимался въ Москвѣ, словомъ, узнать его біографію, и не откладывая намѣренія, я сейчасъ же закинулъ вопросъ о томъ, гдѣ онъ родился.

— Въ Москвѣ я родился,—отвѣтилъ на мой вопросъ Алексѣй, и по лицу его пробѣжала какая-то тѣнь.— Старики-то мои смолода туда перебрались, я тамъ и родился.

— Зачѣмъ же старики-то перебрались въ Москву?—спросилъ я снова.

— На легкую работу да вольные хлѣба! Не понравилось имъ въ деревнѣ жить, вотъ они распродали все, да и отправились въ Москву. Сперва-то на мѣсто придѣлились, въ людяхъ

жили; а въ людяхъ жить—надо всякому служить. Пожили-пожили они—не понравилось имъ это, задумали они свое дѣло повести. Собрали деньжонокъ, переѣхали на Хитровъ; отецъ началъ тамъ квасомъ торговать, а мать фатеру сняла да жильцовъ пускать стала.

— И теперь они этимъ дѣломъ занимаются?

— Куда тутъ, и помину отъ этого не осталось.

— Отчего же они забросили дѣло — невыгодно?

— Куда тутъ, невыгодно, а видно не судьба Макару коровъ доить: ко всему нужна привычка — что торговать, что еще; а у нихъ откуда она возьмется? Тамъ прозѣвалъ, здѣсь проморгалъ, ну, все на шею да на шею, а тутъ стала полиція придираться да допекать: чистоту спрашиваетъ. Знамо, кто опытный-то, тому и полиція не страшна, онъ знаетъ, какъ ладить съ ней: сунетъ околоточному на штаны — и вся недолга; а нашимъ-то это невдомёкъ — ну, на нихъ, знамо, чуть чтò—сейчасъ штрафъ. Штрафъ да штрафъ, они съ горя-то на водочку стали налегать. Сегодня штрафъ, завтра торговать не пускаютъ, послѣ завтра пьяные, а тамъ какая-нибудь незакрутка, ну, дѣло-то въ упадокъ да въ упадокъ— и прогорѣли они; закрыли торговлю, и фатеру не по силамъ стало держать.

— Такъ чтò же они теперь тамъ дѣлаютъ?—продолжалъ я свои разспросы.

— Теперь живутъ двое въ одномъ углу. Мать-то еще нанимается куда-нибудь на поденщину — стирать, либо полы мыть, а отецъ совсѣмъ опустился,—только и знаетъ—христарадничаетъ.

— И ты все время съ ними жилъ?

— Годовъ до 12-ти съ ними; бѣгалъ, баловался, а когда и съ ручкой пройдешь. Потомъ захотѣли они меня къ дѣлу пристроить, и отдали въ трактиръ на томъ дворѣ, гдѣ наша фатера-то была. Придѣлили меня чашки перемывать. Пристроился я, было, — ничего, и къ дѣлу привыкъ, да изъ-за ихняго пьянства не удержался. Въ вино-то они къ этому вре-

мени втянулись, а взять-то ужъ негдѣ стало, ну и давай изъ меня тянуть. Придутъ, это, чай пить—и сейчасъ къ буфету, къ хозяину или, тамъ, къ приказчику: „У васъ нашъ сынокъ живетъ, давай намъ полбутылки“. Полбутылки за полбутылкой, — что̀ мнѣ за мѣсяцъ приходится, они за недѣлю заберутъ. А тамъ подошло время: нужно сапожишки справить, рубашонку, а имъ не на что. Ну, хозяинъ глядѣлъ, глядѣлъ, да и говоритъ: „Уходи съ Богомъ, ты для нашего мѣста не подходишь“.

— Ты и ушелъ?

— И ушелъ,—проговорилъ Алексѣй и остановился; передохнувъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Перешелъ я опять къ нимъ; стали они думать да гадать, что̀ со мной дѣлать теперь, и порѣшили въ сапожники отдать. Нашли такого хозяина, который на всемъ своемъ бы взялъ, и закабалили меня на семь годовъ. Сперва-то меня, вмѣсто мастерской, придѣлили на кухню: то за водой на бассейну бѣги, то въ лавочку ступай, то товаръ заказчикамъ неси; управишься, придешь въ мастерскую, а тамъ, глядишь, мастера̀ посылаютъ, кто за табакомъ, кто еще за чѣмъ.

— Это ужъ извѣстное дѣло,—вмѣшался въ разговоръ Вавила,—тамъ всегда такъ дѣлается: коль на долгій срокъ попалъ,—сколько годовъ на побѣгушкахъ пробѣгаешь!

— Вотъ и мнѣ пришлось такъ бѣгать; года четыре мнѣ и шила въ руки не давали,—опять продолжалъ разсказъ Алексѣй.—Только на пятомъ году посадили меня къ мѣсту, и дали дѣло въ руки. Мастеръ, къ которому я подъ началъ попалъ, хорошій такой былъ; другіе, тамъ, норовятъ съ ученика-то сорвать что̀, а этотъ ничего не хотѣлъ, а показывалъ что̀ надо, какъ слѣдуетъ... Проработалъ я годикъ, другой, стало у меня выходить кое-что, начали, это, меня похваливать и мастера и хозяинъ. Пронюхали про это наши; сейчасъ приходитъ отецъ: „Будетъ, говоритъ, тебѣ здѣсь жить, пойдемъ на фатеру“. — Зачѣмъ? спрашиваю. — „Отъ себя, говоритъ, будешь работать. Я, - это отецъ-то говоритъ,—буду старую

обувь покупать, а ты починишь ее, а я продамъ". Дѣлать нечего было, пришлось мнѣ покинуть хозяина.

— Ишь вѣдь какіе облоѣды! Не то что дать парню до дѣла дойти, а какъ бы только пососать его,—вмѣшалась въ разговоръ жена Вавилы.

— Какого-жъ тутъ еще дѣла дожидаться; видишь — водкой пахнетъ—нечего тутъ ждать!—насмѣшливо отозвался и самъ Вавила.

— Только того и нужно было,—замѣтилъ Алексѣй.—Еслибы не глотка-то ихняя, и такъ бы дѣло пошло. Худую-то обувь дешево можно купить, особливо на Хитровомъ: а какъ починишь ее, цѣна-то ей другая. Чуть не втрое, бывало выручалъ, да намъ-то не показывалъ; что̀ выручитъ, то и пропьетъ. Иной и разъ такъ приходилось: еще-молъ купить не на что, а намъ съ матерью ждать нечего—просто хоть зубы на полку клади, или воровать ступай.

— А что̀, теперь дѣло прошлое, — снова вмѣшалась въ разговоръ баба Вавилы,—небось при этакой жизни и воровать приходилось?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ,—сказалъ Алексѣй:—ни разу не доводилось.

— Ну, вотъ,—ни разу, это ты не сказываешь.

— Что-жъ мнѣ скрывать-то? Боюсь я, что-ль, тебя, вотъ чудна̀я-то!—необыкновеннос ерьезно проговорилъ Алексѣй.— Приходилось, когда въ мальчикахъ жилъ: когда кусокъ говядины на кухнѣ упрешь, когда калачъ стянешь или пятачекъ отъ сдачи утаишь. А чтобы по настоящиму воровать—Богъ миловалъ: должно руки толсты.—И проговоривши послѣднія слова, Алексѣй вдругъ разсмѣялся.

— Гдѣ-жъ-тамъ воровать-то: тамъ, вишь, и народъ-то жилъ яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего,—замѣтилъ Вавила.

— Ну, это ты не скажи!—воскликнулъ Алексѣй и, положивъ работу, вдругъ поднялся съ мѣста, отошелъ къ приступкѣ, сѣлъ на нее и сталъ дѣлать папироску. Сдѣлавши папироску и закуривъ ее, онъ опять заговорилъ.

III.

— Коли захочешь чего, и тамъ можно сдѣлать что̀ угодно.— сдѣлай милость! Самъ не выдумаешь — другіе научатъ, найдутся такіе.

И онъ затянулся папироской, выпустилъ клубы дыма изо рта и изъ носа и проговорилъ.

— Мнѣ разъ подходило такое дѣло, насилу какъ удержался,—можно сказать, на волоскѣ висѣлъ.

— Что̀-жъ это за дѣло?—съ загорѣвшимися отъ любопытства глазами спросилъ Вавила и, бросивъ работу, повернулся всѣмъ корпусомъ въ сторону Алексѣя.

— А вотъ что̀. Было это какъ разъ въ ту пору, когда сапожничалъ я у своихъ. Чай-то пить въ трактиръ ходилъ; ну, когда дѣло есть, скоро повернешься, а дѣла нѣтъ, сидишь, на народъ глядишь; а народу всегда въ этомъ мѣстѣ волна— и всякаго народу. Сижу я этакъ разъ за столомъ и подмѣчаю—приглядывается ко мнѣ одинъ паренекъ, на видъ шустрый такой, одѣтъ хорошо. Разъ прихожу въ трактиръ — онъ тутъ, другой — тутъ, и все на меня глаза пялитъ. А на третій разъ сижу я это такъ, курю вотъ какъ сейчасъ, подкатывается онъ ко мнѣ и говоритъ:—дай-ка, братъ, закурить. Я далъ. Закурилъ онъ и къ моему столу подсѣлъ и разговоръ это со мной затѣваетъ: „Гдѣ, говоритъ, живешь, что̀ дѣлаешь“? Я сказываю. „Плохо, должно быть, говоритъ, дѣла идутъ“.—Плохо.—„А не хошь, говоритъ, житья получше“?— Кто, говорю, себѣ врагъ и отъ хорошаго откажется!—„Такъ можно, говоритъ, хорошее житье устроить“.—Какъ же такъ? спрашиваю. — „А вотъ какъ... Пойдемъ-ка въ уголокъ отъ людей подальше“. Перешли мы за другой столъ, онъ и шепчетъ мнѣ: „Вотъ, говоритъ, какія дѣла: я поступаю въ приказчики въ магазинъ и буду тамъ жить; и есть у меня еще приказчики, товарищи, тоже на мѣстахъ живутъ: разскажемъ мы тебѣ всѣ эти магазины, а ты и ходи, говоритъ, по нимъ,

покупай, что тамъ тебѣ скажемъ. Справимъ, говоритъ мы тебя, денегъ дадимъ, а ты только знай этотъ товаръ-то на фатеру относи, а мы у тебя будемъ его принимать да къ мѣсту придѣлять".

— Чтò-жъ это такое за штука?..—спросилъ Вавила и недоумѣвающе уставился на Алексѣя.

— Штука очень простая,—объяснилъ Алексѣй:—вмѣстѣ съ этимъ товаромъ-то они положатъ кусочекъ еще какого, да побольше, да подороже, а деньги-то возьмутъ только за дешевый.

— Ишь ты вѣдь проклятые... одумаютъ тоже!—воскликнулъ Вавила и даже покраснѣлъ весь.—Однако, ловкачи!

— Вонъ тамъ какіе огарки водятся, — поддакнула ему и жена его.

— „Тебѣ, говоритъ, очень хорошо будетъ, живи беззаботно", — опять продолжалъ Алексѣй. — Разъѣло у меня губу. Неужели, думаю, вѣкъ на Хитровомъ болтаться, дай хоть маленько на свѣтъ погляжу.—Согласенъ, говорю. И только я это сказалъ, молодецъ-то этотъ сейчасъ мнѣ и водки, и пива, колбасы жареной принесъ. Погуляли это мы, и повелъ онъ меня къ себѣ на фатеру. Вотъ говоритъ, гдѣ жить будешь". Гляжу я: фатера хорошая, большая, видно — нѣсколько ихъ такихъ молодцовъ-то живетъ. „А вотъ, говоритъ, тебѣ будетъ обувь, одёжа", и показываетъ мнѣ сапоги новые выростковые, дипломатъ, пиджакъ съ брюками—всю тройку, какъ слѣдуетъ. „Вотъ, говоритъ, перебирайся завтра, обуешься, одѣнешься во все это". Побѣжалъ я отъ него домой и ногъ отъ радости подъ собой не слышу. Вотъ, думаю, поживу. Только пришелъ я это домой, легъ спать, и взяло меня раздумье. На чтò, думаю, я пускаюсь? И теперь-то я не полюдски живу, а тогда-то какова моя жизнь будетъ? Всякій живетъ—свое дѣло дѣлаетъ, а я буду мошенствомъ промышлять — значитъ, совсѣмъ отъ людей прочь, — и взяла меня тоска. Всю ночь я не спалъ. Поутру всталъ, приходитъ время на дѣло идти, а

у меня духу не хватаетъ. Мялся, мялся — плюнулъ да такъ и не пошелъ.

— Молодецъ!—воскликнулъ одобрительно Вавила.—Лучше по міру ходить, чѣмъ такимъ дѣломъ заниматься.

— Знамо такъ,—опять поддержала мужа баба:—а то еще попадешься да улетишь, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

— Объ этомъ я не думалъ,—сказалъ Алексѣй и, вставши съ приступка, бросилъ на полъ и затопталъ папироску, потомъ опять сѣлъ на прежнее мѣсто и взялъ въ руки работу.— Небось, и тамъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ — люди живутъ. А думалось мнѣ одно, что не людская это жизнь. Когда ты работаешь по чести-совѣсти, ты кусокъ хлѣба спокойно ѣшь; знаешь, что онъ твой; сегодня съѣшь,—Богъ здоровья дастъ—и завтра опять будетъ; а вотъ какъ если выпросишь или стянешь этотъ кусокъ, тогда другая статья. Тогда завсегда ты не спокоенъ: сегодня добылъ, а завтра удастся-ль? да гдѣ? да какъ? Наглядѣлся я на такихъ людей не мало, пока росъ да жилъ-то на Хитровомъ.

— Это-то вѣрно, про это что̀ говорить! — согласился съ Алексѣемъ Вавила.

— А какъ же ты на этапъ попалъ?—спросилъ я Алексѣя.

— А такъ. Побился, побился я у стариковъ-то своихъ, не въ мочь стало, и порѣшилъ я уйтить отъ нихъ. Подыскалъ себѣ мѣсто у одного хозяйчика и ушелъ. Ну, имъ это не понравилось. Пришли они къ хозяину, стали-было подъ жалованье мое подбиваться, а я отозвалъ хозяина-то въ сторону и говорю: я у тебя живу, я и получать, что̀ слѣдуетъ, буду, а имъ не давай. Ну, хозяинъ-то имъ отъ воротъ поворотъ да на улицу. Ихъ зло и взяло. Вышли наши паспорта̀, они и пишутъ въ волость: намъ, дескать, паспортъ высылайте, а ему не надо,—ну и остался я безъ паспорта, выправилъ отсрочку, пожилъ, пока она существовала, а потомъ меня и держать не стали. Получилъ разсчетъ, загулялъ съ горя. Такъ закрутилъ—отойди-пусти: пропился въ пухъ и прахъ. Пошелъ я къ старикамъ, сталъ съ ними ругаться, они меня

бить—въ часть насъ взяли; ну, а въ части, знамо, безъ виду назадъ не выпустятъ, а сейчасъ, добраго молодчика, въ кутузку да на Колымажный, да сюда: да и заставили, вмѣсто московскаго-то, деревенскій хлѣбъ ѣсть.

— Такъ какъ же тебѣ нравится деревенскій-то хлѣбъ? — спросилъ я.

— Чего-жъ не нравиться — хлѣбъ и хлѣбъ: голодъ пройметъ—набьешь брюхо за милую душу.

— Такъ може еще что̀ въ Москвѣ лучше?

— Много тамъ хорошаго, только для тѣхъ, у кого въ карманѣ есть. А у кого, сто̀итъ нашего: въ одномъ карманѣ вошь на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпи, — такъ тоже не очень сладко. Водочки-то выпьешь, а закусишь-то язычкомъ. Здѣсь, вотъ, нищенка ходитъ: ему и хлѣбца подадутъ, и на ночлегъ отведутъ, а тамъ иной разъ хлѣбъ-то да ночлегъ во что вогнутъ?

IV.

У Вавилы Алексѣй проработалъ всю зиму. Къ Пасхѣ обыкновенно Вавила кончалъ сапожную работу, такъ какъ велъ крестьянство, и послѣ Пасхи, какъ и всѣ крестьяне, брался за соху. Алексѣя онъ расчелъ, а тотъ, недолго думая, нанялся къ нашему пастуху въ подпаски. Подпасокъ изъ него вышелъ хорошій; за стадомъ онъ глядѣлъ какъ слѣдуетъ и на постояхъ никому не надоѣдалъ: былъ не требователенъ ни въ харчахъ, ни въ одеждѣ, и удивлялъ всѣхъ всегдашнимъ веселымъ настроеніемъ. При встрѣчѣ съ каждымъ онъ отпускалъ какую-нибудь штуку, заводилъ смѣхъ. „Экій ты беззабочій-то, живешь, какъ птица небесная, думать тебѣ не о чемъ, вотъ и разбираетъ тебя веселье“, — говорили ему на его насмѣшки. Алексѣй на это говорилъ, что у него заботы больше всякаго, только то его веселитъ, что лѣтомъ въ деревнѣ очень хорошо все:—„Лѣсъ, трава, воздухъ-то какой! А въ Москвѣ въ это

время что дѣлается, особливо на Хитровомъ, — не накажи Создатель"!.. Но это восхищеніе природой было мало понятно деревенскимъ жителямъ, зато располагала всѣхъ къ себѣ другая черта въ Алексѣѣ: это его тяготѣніе къ крестьянскимъ работамъ. Бывало, въ яровую, или въ паровую пахоту — идетъ ли обѣдать Алексѣй изъ стада или обратно, и если онъ замѣтитъ, кто недалеко пашетъ, то непремѣнно подойдетъ къ нему и начнетъ просить: дай, дяденька, попахать, — и когда ему дадутъ, онъ схватится за рожки плуга, склонитъ голову на бокъ и идетъ слѣдокъ въ слѣдокъ, ступая по бороздѣ и и всѣмъ существомъ своимъ углубляясь въ работу. Проведетъ борозду, другую, раскраснѣется весь, глаза загорятся; смѣнятъ его, побѣжитъ онъ въ стадо, а самъ чуть не прыгаетъ.

Но давалась ему пока изъ крестьянскихъ работъ одна пахота. Прибѣгалъ онъ, бывало, и на покосъ, бралъ у когонибудь косу, но у него ничего не выходило: разъ махнетъ, другой махнетъ, а тамъ глядишь, гребень нескошенный остался, то подъ валомъ недостанетъ; захочетъ поправиться — носомъ въ землю косу воткнетъ; два раза напалки ломалъ, а одинъ разъ совсѣмъ косу изъ пяты вышибъ; и уставиться онъ съ косой почему-то никогда, какъ слѣдуетъ, не могъ. Другой стоитъ прямо, развязно, а у этого ноги согнутся, спина выдастся, и руками машетъ такъ, какъ будто онѣ у него связаны въ плечахъ. Десяти шаговъ, бывало не пройдетъ, упрѣетъ весь, запышется, точно Богъ знаетъ, какую тяжесть ворочаетъ. Глядя на него, бывало, смѣхъ поднимутъ:

— Гдѣ тебѣ косить: не на томъ, братъ, ты замѣшанъ!

Алексѣй своей неудачи всегда очень конфузился. Глядя на него, бывало думаешь: ну, теперь шабашъ, не будетъ малый больше работы просить — отъучился; но не тутъ-то было: придетъ еще утро, глядишь, Алексѣй опять выскочитъ изъ кустовъ и опять у кого-нибудь косить проситъ.

Но еще труднѣе давалась парню молотьба. Осень для пастуховъ время болѣе свободное, въ особенности когда нач-

нутся утренники: скотину долго не выгоняютъ. Вотъ, бывало, въ такое время Алексѣй и начнетъ по овинамъ ходить, — то къ одному придетъ, то къ другому, выпроситъ цѣпъ и станетъ молотить. И какъ онъ ни старался, какъ, видимо, ему ни хотѣлось поскорѣй выучиться молотьбѣ, все-таки она ему не давалась. Должно быть, у него былъ плохой слухъ, не могъ онъ ладить; половины посада, бывало, не пройдетъ — и другихъ разстроитъ, и самъ до того извихляется, что на него жалко глядѣть: весь взмокнетъ, глаза осовѣютъ, едва отпышаться можетъ. Его, бывало, отговариваютъ:—оставь, Алексѣй, не мѣшай, ступай одинъ молоти, сколько хочешь. Отойдетъ онъ въ сторону, повозитъ, повозитъ цѣпомъ, опять въ артель хочется, станетъ въ артель—опять выходитъ то же. Такъ и не выучился онъ въ эту осень молотьбѣ.

На зиму Алексѣй опять-было нанялся къ Вавилѣ, но въ эту зиму у сапожника какъ-то случилось мало работы, и онъ дожилъ у него только до полъ-зимы, а потомъ къ Вавилѣ какъ-то заѣхалъ управляющій изъ сосѣдняго имѣнія, увидалъ парня и переманилъ его къ себѣ. Подговорилъ онъ его на годъ: зимой ходить за скотомъ и чинить сбрую, какъ можетъ, а лѣтомъ пасти стадо.

V.

Алексѣй скрылся изъ нашей деревни, и его понемногу стали-было забывать. Забылъ-было и я. Какъ вдругъ, совсѣмъ неожиданно, мнѣ пришлось съ нимъ снова встрѣтиться... Это было прошлой весной. Я ходилъ въ наше волостное правленіе справиться, нѣтъ ли мнѣ чего съ почты. Выйдя изъ конторы, я хотѣлъ-было уже спуститься съ мостенокъ крыльца, какъ справа меня кто-то окликнулъ.

Я оглянулся. Съ лавочки крыльца поднялся и подошелъ ко мнѣ молодой еще малый, лѣтъ 25-ти, въ потрепанной фуражкѣ, кафтанѣ, подпоясанномъ выцвѣтшимъ кушакомъ, за которымъ

былъ заткнутъ топоръ. Я вглядѣлся въ его лицо, опушенное молоденькой бѣлокурой бородкой, покрытое веснушками и слегка добродушно улыбающееся, и оно мнѣ показалось знакомымъ. Остановивши на полъ-минуты взглядъ на этомъ лицѣ, я окончательно припомнилъ, кто это: это былъ Алексѣй.

— Домой идешь? Пойдемъ вмѣстѣ,—проговорилъ Алексѣй.

— Пойдемъ, — сказалъ я, и еще разъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Алексѣя. Мнѣ было удивительно то, что парень имѣетъ такой степенный видъ: и кафтанъ и сапоги, и топоръ за поясомъ, — прежняго золоторотца въ немъ и слѣда не осталось.

— Ты какъ сюда попалъ?—спросилъ я Алексѣя.

— Да работаю здѣсь съ Качадыковымъ. По плотницкой части и орудую.

Такъ куда же ты идешь теперь?

— Домой; на праздникъ-то дома побывать захотѣлось.

— Гдѣ-жъ твой домъ?

— Въ Николаевкѣ. Мимо вашей деревни идти. Я въ трактирѣ услыхалъ, что ты тутъ, и думаю: побѣгу скорѣй, вдвоемъ-то охотнѣй, вечеръ ужъ.

— А ты развѣ вечеромъ боишься?

— Бояться не боюсь, а все-таки лучше вдвоемъ, веселѣй какъ будто.

— Какъ же ты говоришь—въ Николаевкѣ твой домъ, когда ты яковлевскій родомъ?—опять спросилъ я, вспоминая родословную Алексѣя.

— Былъ я яковлевскій, а теперь сталъ николаевскій.

— Какъ же это случилось?

— Въ домъ туда вошелъ, ну и приписался.

— Къ кому же?

— Ко вдовѣ одной молодой.

— Значитъ, ты теперь крестьяниномъ сталъ?

— Какъ есть, въ полной видимости; и домъ на меня числится, и въ бумагахъ вездѣ пишусь.

И сказавши это, Алексѣй расцвѣлъ широкой счастливой улыбкой.

VI.

Мы вышли изъ деревни, гдѣ было волостное правленіе, и очутились среди поля. Я спросилъ, когда Алексѣй вошелъ въ домъ—какъ это устроилось. Алексѣй сталъ разсказывать мнѣ все подробно.

— Такой случай подошелъ, все и устроилось. Я тогда у Ивана Ивановича жилъ (Иваномъ Иванычемъ звали того управляющаго, который переманилъ Алексѣя отъ Вавилы); второй годъ ужъ я у него жилъ. Ну, жизнь была мнѣ хорошая, нечего сказать, и Иванъ Иванычъ былъ мной доволенъ, и мнѣ пожалиться на него не на что было. Работу я, что полагалось мнѣ, справлялъ; пьянствовалъ рѣдко, развѣ когда въ праздникъ на рынокъ куда отпросишься, или еще какой случай выйдетъ. Денежки я зря не тратилъ, справилъ на нихъ одежонку, обувочку; Иванъ Иванычъ ужъ меньше на скотной-то меня держалъ, а все больше около себя: то куда поѣдетъ—за кучера съ собой возьметъ, то послать куда нужно—пошлетъ; ну меня, это, запримѣтили кругомъ; всякъ этакъ къ тебѣ: „Алексѣй, здорово“!.. Въ праздникъ въ гости зовутъ. Одинъ разъ зазвали меня въ Дубровку, въ кабакъ; тамошніе мужики и говорятъ:—Надо тебя, парень, женить. — Жените, говорю, только куда я жену приведу, гдѣ у меня уголъ? — Вотъ, говорятъ, бѣда! мы тебѣ такую отыщемъ — съ своимъ угломъ, да не съ однимъ, говорятъ, а съ четырьмя, коли хошь.—Дай Богъ часъ, говорю.—Вотъ и повели меня къ одному старику въ этой деревнѣ. Я думалъ, они въ шутку, анъ дѣло-то взаправду затѣяли. Гляжу, принимаютъ насъ честью и все показываютъ въ дому. Домъ исправный, и дѣтей у стариковъ только одна дочь, невѣста, на видъ ничего, толстомясая такая и обходительная. Старикъ говоритъ: Бей по рукамъ,

я на тебя полъ-дома подпишу.—Я говорю:—надо подумать. Такъ пока и оставили, не рѣшёмши, дѣло.

Ушелъ я къ себѣ. Хожу, это, думаю, что дѣлать? какъ быть? И такъ и этакъ разумъ шатается. Если вытти, знамо, будетъ хорошо: свой уголъ, свое хозяйство, жена — чего жъ еще хотѣть... А каковы они люди? Ну, какъ они какими нехорошими окажутся. Ихъ-то трое, они всѣ родные, а я-то одинъ: заклюютъ они меня, коли какая незакрутка. Хожу я этакъ, мозгами раскидываю; дѣло было осенью, въ стадѣ я въ это время находился. Вдругъ приходитъ ко мнѣ въ стадо бабочка одна съ обратью на рукѣ.—Не забѣгала-ль, говоритъ, къ тебѣ, молодчикъ, лошадь?—Нѣтъ, говорю, не забѣгала, а что? — спрашиваю. — Да лошадь, говоритъ, отъ сарая ушла, не знаемъ, куда и дѣвалась.—А откуда ты?—Изъ Николаевки. Только сказала она это слово, то мнѣ вдругъ и пришло въ голову: дай-ка я ее про свою невѣсту спрошу,—Дубровка-то вѣдь съ Николаевкой рядомъ,—не знаетъ ли она что про нее? Гляжу я, это, на нее и спрашиваю:—А что, голубушка, знаешь ты Савелья Максимова Дубровскаго?—Знаю, говоритъ.— И дѣвку его знаешь? — И дѣвку знаю. — Скажи, говорю, на милость, какіе они люди?—Люди, говоритъ, хорошіе, да жалко Богъ смерти не даетъ.—Отчего?—Да такъ, такой народъ.— Чѣмъ же они плохи-то — Поглядѣла на меня бабочка и говоритъ:—Вотъ что молодецъ, я догадываюсь, зачѣмъ ты спрашиваешь-то про нихъ; у насъ есть слушокъ, что они какого-то парня въ домъ принимаютъ, такъ это, должно быть, тебя; такъ я тебѣ по правдѣ истинной скажу. Лучше ты не губи своего вѣка, не связывайся съ этими людьми. — Да почему такъ?—А потому: не люди это, а идолы.—Чѣмъ же?—А тѣмъ: старикъ очень скупъ да строгъ, да дурашливъ, съ нимъ и сосѣди-то замаялись, жимши; а дѣвка-то, може, никуда не годится, она у насъ вотъ ужъ третій годъ какъ съ кабатчикомъ живетъ. — Какъ же, говорю, у строгаго отца, а такая слабость?—Онъ насчетъ этого-то не строгъ; кабатчикъ человѣкъ богатый, не задаромъ любитъ, а когда изъ наряду что купитъ,

когда деньгами подаритъ, а старику-то это на руку: на сторонѣ добудетъ — изъ дома меньше спрашиваетъ—молъ. Какъ услыхалъ я это, такъ сразу и порѣшилъ: ну, думаю, эта невѣста мнѣ не подходящая: къ такой въ домъ идти — лучше неженатому ходить.

— Одначе послѣ этого стали въ моей головѣ думки и насчетъ женитьбы похаживать; думаю, мнѣ жениться можно, за себя замужъ не возьмешь — въ домъ войдешь. Только одна бѣда въ такомъ дѣлѣ: нельзя подобрать по душѣ себѣ человѣка; не больно много такого народу, чтобы было изъ кого выбирать. Сталъ, было, я думать, какого мнѣ человѣка лучше бы хотѣлось подыскать, и на какую ни кину, какихъ я зналъ, ни одна не по душѣ, только и носится въ мысляхъ та бабочка, что мнѣ про дубровскую невѣсту разсказала. „Вотъ такая бы, думаю, ничего, а то лучше никакой не надо“. Днемъ ли, ночью задумаюсь, не идетъ она у меня изъ головы да и все тутъ.

Алексѣй остановился и шаговъ десять прошелъ совершенно молча. Я тоже молчалъ, но видя, что онъ долго не начинаетъ продолженія разсказа, не вытерпѣлъ и снова заговорилъ.

VII.

— Ну, такъ что̀ же дальше было?—спросилъ я.

— Дальше пришли-было ко мнѣ сваты изъ Дубровки насчетъ рѣшенья узнать, а я имъ отказъ какъ шестъ.—Не хочу, говорю, жениться, хочу холостымъ ходить.—Ну, говорятъ, вольному воля, а спасёному рай; поищемъ еще гдѣ-нибудь.— Съ Богомъ, говорю...

— Наступили филипповки. У насъ тогда лѣсъ на корню сталъ Иванъ Иванычъ продавать, кому десятину, кому полъдесятины, кому четвертку. Меня онъ сторожить приставилъ этотъ лѣсъ, то-есть не пускать на полосу того, кто денегъ не отдалъ. Я это ѣзжу туда, слѣжу: кто отдалъ деньги, тому полосу указываю; кто не отдалъ, того прочь гоню. Одинъ

разъ выѣхалъ я утромъ изъ имѣнія, подъѣзжаю къ лѣсу, слышу на одной полосѣ крикъ, галдежъ; я — туда. Смотрю: въ одномъ мѣстѣ куча народа такъ-то снуетъ и кричитъ, какъ ни попало.—Что такое?—спрашиваю.—Человѣка задавило.— Какъ такъ?—Пилили березку, онъ зазѣвался, березка-то упала—прямо на него, всю грудь расплюснуло. Гляжу я: правда, лежитъ человѣкъ, молодой еще, вытянулся, глаза подъ лобъ закатилъ, а у него изо рту и изъ носу кровь такъ и пѣнится, такъ и валитъ. — Чей, говорю, человѣкъ? — Николаевскій.— Подняли его, повезли домой. Объѣхалъ я лѣсъ, тоже домой поѣхалъ. Пріѣхалъ, докладываю Иванъ Иванычу: все, молъ, благополучно, только бѣда случилась: человѣка задавило. Потужилъ Иванъ Ивановичъ.—Ну, говоритъ, что же подѣлаешъ, самъ виноватъ, зачѣмъ подвернулся.—Вечеромъ, гляжу, въѣзжаетъ къ намъ на дворъ какая-то бабочка, закутанная, и сама плачетъ, рѣкой льется. Гляжу, а это та самая, что мнѣ осенью дубровскую невѣсту раскорила.—Что, говорю, иль опять какая бѣда случилась? Тогда, говорю, лошадь пропала, а теперь что вышло.—Бабочка какъ зальется.—Тогда, говоритъ, бѣда поправилась, лошадь нашлась, а теперешнему горю ничѣмъ не поможешь. — Что такое?—спрашиваю. — Мужа, говоритъ, въ лѣсу придавило.—Такъ это твой мужъ?—Мой, говоритъ.— Что же онъ? — Что, говоритъ,—померъ! Пріѣхала къ Ивану Иванычу отъ своей доли лѣсу отказываться да деньги назадъ просить: хоронить-то не на что.—Пошла она къ Ивану Иванычу, а я пошелъ въ конюшню лошадей убирать. Убралъ я лошадей, выхожу, вижу—и баба изъ флигеля, это, выходитъ и такъ-то плачетъ, чуть не навзрыдъ.—Что ты?—опять спрашиваю.—Да какъ же мнѣ, говоритъ, не плакать: не даетъ мнѣ Иванъ Иванычъ деньги, всѣ, говоритъ, барину отослалъ, а своихъ нѣту,—на что мнѣ теперь будетъ оправить его?— Легла это она на сани, а сама рыдаетъ. И такая-то меня взяла жалость къ ней: вотъ, кажется, что хошь, для нея сдѣлалъ бы. Стою я это, гляжу на нее, а сердце у меня—тукъ, тукъ, тукъ. Вдругъ и вспомни я, что у меня есть деньги.

Чего, думаю, мнѣ ихъ ей не отдать? Авось не зажилитъ, а поплатится, когда будетъ мочь. Подумалъ я это, подступилъ къ ней и говорю:—не плачь, поможемъ твоему горюшку,—и сейчасъ, это, я маршъ въ людскую, досталъ сундучекъ, отперъ, вытащилъ изъ него свою красненькую—и къ ней. Вотъ тебѣ, говорю, управляйся. Взяла это она деньги, развернула, поглядѣла на нихъ, и словно бы глазамъ не вѣритъ.—Это что жъ, говоритъ, въ честь чего?—Не толкуй, говорю, а завертывай, знай, да поѣзжай домой скорѣй, небось дома-то дѣловъ-дѣловъ...—А какія же это деньги-то? спрашиваетъ.—Взаймы тебѣ даю.—Поглядѣла этакъ она на меня:—Ну, спасибо, говоритъ, подвязала поводъ у лошади и поѣхала домой...

Ну, прошли филипповки, Рождество Христово, наступилъ мясоѣдъ, стало быть. Объ моей бабочкѣ никакого слуху. Мужика, слышно, похоронила, полосу лѣса ихнюю кто-то за себя изъ николаевскихъ взялъ. Вдругъ въ одно воскресенье, послѣ Крещенья ужъ, пріѣзжаетъ, это, къ намъ подвода, слѣзаетъ съ саней какая-то старуха и спрашиваетъ:—Гдѣ тутъ Алексѣй скотникъ?—Я, говорю, Алексѣй, что надо?—Поѣдемъ, говоритъ, со мной въ Николаевку, тебѣ одинъ человѣкъ велѣлъ.—Какой, говорю, такой человѣкъ?—А вотъ поѣдемъ, тамъ узнаешь.—Что жъ, думаю, отчего не съѣздить. Пошелъ къ Ивану Иванычу. — Отпусти, прошу, Иванъ Иванычъ!—Ступай, говоритъ.—Нарядился я маленько, сѣлъ въ сани, и поѣхали мы.

Подвозитъ меня старуха ко двору, дворикъ не ражій, изобка въ семь аршинъ, крыта соломой. Вхожу я въ избу, а на встрѣчу мнѣ энта бабочка, у которой мужа-то задавило. Ну, поздоровался я;—какъ поживаете? спрашиваю.—Живемъ, горитъ, по хозяинѣ тужимъ, вотъ сорокъ деньковъ справили, время-то незамѣтно какъ идетъ...

Сѣлъ я на лавку, молодуха, это, прямо начала самоваръ разводить, около ее мальчишка вертится, этакъ годковъ двухъ:—Мама, говоритъ, это тятька?—Нѣтъ, говоритъ, какой тятя, нашъ тятя далеко.—Гляжу я на нихъ, и такъ то у меня на

сердцѣ весело, то-есть такъ-то мнѣ хорошо глядѣть на нихъ, словно я въ какой рай попалъ...

Развела баба самоваръ, старуха въ избу вошла,—оказалась это мать этой бабочки: пріѣхала она навѣстить свою дочку. Раздѣлась старуха:—Что жъ, говоритъ, ты окутавшись сидишь, раздѣвайся и ты.—Нечего дѣлать, раздѣлся и я.

Повернулась, это, старуха, вышла изъ избы вонъ, гляжу, водки полштофъ тащитъ, на столъ ставитъ.—Ну-ка, Авдотья,—на дочь-то говоритъ, — достань-ка закусить намъ. — Полѣзла Авдотья въ печь, достала свинины, нарѣзала, подаетъ; коровашки достала.—Ну-ка, говоритъ, добрый молодецъ, двигайся подъ передній уголъ.

Двинулся я подъ передній уголъ.

Налила старуха стаканъ вина, подноситъ мнѣ и потчуетъ.

— Что же это, говорю, вы меня потчуете, кушайте сами.

— Нѣтъ, говорятъ, мы ужъ—съ дорогого гостя.

— Какой же я дорогой гость; я не знаю, за что вы меня угощаете-то.

— Какъ, говорятъ, за что, а кто жъ насъ изъ бѣды-то выручилъ? Еслибы не твоя милость, то что же бы намъ дѣлать-то?

— Вотъ, говорю, въ такомъ случаѣ кто не выручитъ; всякій, небось, понимаетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ Авдотья,—не всякій: кто понимаетъ-то, тому самому взять негдѣ, а у кого есть-то, тотъ не понимаетъ.

— Ну, говорю, что объ этомъ толковать, дѣло небольшое...

— Спасибо, спасибо тебѣ,—говорятъ,—вѣкъ твоего благодѣянія не забудемъ,—а сами-то мнѣ и вина подносятъ, и хлѣба подкладываютъ, запотчивали совсѣмъ...

Выпилъ это я, закусилъ, еще выпилъ, и онѣ выпили со мной, и опять стали меня благодарить...

— Лучше, говорю, не благодарите, не за что, нечего зря и языка трепать—велика важность!

Замолчали, это, онѣ; потомъ Авдотья и говоритъ:

— Поблагодарить-то намъ тебя хочется, а еще хочется намъ тебя попросить. Не притѣсняй ты насъ, ради Христа, этимъ долгомъ-то, не тревожь насъ сейчасъ; объизъянились мы съ похоронами-то такъ, что ничего взять негдѣ. Вотъ ко Святой, Богъ дастъ, може, кормку останется, продадимъ, тогда отдадимъ, а не то—корова отелится, теленочка выпоимъ. А сейчасъ, хоть голову долой, взять негдѣ и потянуть нечего.

— Да что вы, говорю, развѣ я съ васъ требую? Да, по мнѣ, хоть сколько хошь держите, мнѣ пока деньги не нужны: я человѣкъ одинокій, хлѣбъ-соль у меня готовая, обуть-одѣтъ я, чего-же мнѣ еще хотѣть?

Услыхали эти слова мать съ дочкой. Потомъ старуха и говоритъ:—А нравится тебѣ твое житье?

— А что-жъ, говорю, есть и хуже моего живутъ.

— А мы думаемъ, не согласишься ли ты его перемѣнить. Ты человѣкъ одинокій, вотъ и дочка моя осиротѣла,—не пойдешь ли къ ней въ хозяева.

Я не то что сказать, что не ждалъ этого, — подумакивалъ и раньше насчетъ этого дѣла,—а все-таки эти слова на этотъ разъ какъ будто врасплохъ меня застали. Не знаю я, что сказать; сидѣлъ, сидѣлъ я, потомъ глянулъ я на Авдотью, и вдругъ такъ-то она мнѣ полюбилась, вотъ, кажись, явись тутъ какая хошь царевна-королевна, и то мнѣ бы она ни по чемъ была. Подумалъ, подумалъ я и говорю:

— Что-жъ, это дѣло подходящее, говорю,—вотъ я съ разумомъ соберусь...

— Собирайся, да давай-ка Богу молиться, да по рукамъ бить.

Отвезли они опять меня домой. Выходился, это, я на другой день и на третій, думаю—подходящее дѣло. И все выходитъ подходящее. Правда, дворъ не Богъ знаетъ какой: да одна бабочка-то,—она да ребенокъ, и все тутъ,—и бабочка-то такая славная, пріятная. Ну, думаю, была не была! и далъ имъ слухъ, что согласенъ—въ домъ къ нимъ, выходитъ.

И стали тутъ хлопотать объ свадьбѣ, метрики выправлять.

Выправили метрики, хотѣли-было въ мясоѣдъ вѣнчаться, да священникъ не вѣнчаетъ такъ—я, видишь ли, почти съ роду родовъ не говѣлъ... Посовѣтовались мы съ Авдотьей, все равно. думаемъ, надъ нами не каплетъ, и порѣшили мы отложить свадьбу до весны. Я думаю, до той поры у Ивана Ивановича поживу, что-нибудь выживу, а потомъ-то и говѣть будетъ можно, а она зимней порой-то и одна по дому управится,—такъ и отложили дѣло до красной горки.

VIII.

— Ну, дождались мы красной горки — окрутились. Перебрался это я отъ Ивана-то Иваныча въ свой домъ. Съ женою, это, у насъ любовь и согласіе, въ дѣлахъ управка, какъ нельзя лучше; и спахалъ, и посѣялъ я, все самъ,—въ охотку-то и легко, и просто все казалось; въ покосъ и косы отбивать научился, и косить малость притрафился. Пришло жнитво, погода жаркая, рожь перезрѣла; стали жать—сыплется; надо спѣшить; а какъ никогда не жиналъ-то я,—у меня дѣло-то и не спорится. Я такъ и этакъ гнусь—ничего не выходитъ; одинъ разъ поторопился да руку серпомъ обрѣзалъ; стало совсѣмъ мнѣ нельзя и горсти набрать... Разстилается одна моя Авдотья по полосѣ, а я снопики таскаю да крестцы кладу; вижу — и трудно бабѣ, и на меня-то ей досадно, а ничего я не подѣлаю. Ну, кое-какъ сжали рожь, стали снопы возить; нужно въ копну класть ихъ; послала меня моя баба на копну, а я тутъ ничего не умѣю сдѣлать. Пошелъ, поглядѣлъ, какъ люди кладутъ, сталъ самъ такъ заводить; доклалъ до середины—она у меня какъ разъѣдется! Ржи сколько обмолотилось—страсть! Накинулась на меня моя баба, начала ругать. Сталъ я перекладывать копну, склалъ кое-какъ. Пошли мы овесъ косить—опять у меня не выходитъ дѣло: то осыпается,

то путается. Подойдетъ ко мнѣ баба, возьметъ сама косу: „Ты вотъ такъ-то, ты вотъ такъ-то“,—учитъ, у ней и не осыпается, и кладется какъ слѣдуетъ; а я возьму косу — опять ничего не выходитъ, просто хоть что хошь,—взяла меня досада на себя: какой ты—думаешь—человѣкъ, когда ты вотъ какихъ дѣловъ не можешь сдѣлать! И такъ послѣ этого мнѣ скучно стало, что въ глаза людямъ не хочется глядѣть. Ну, кое-какъ скосили овесъ, нужно было за сѣвъ приниматься, стали сѣмена готовить, подошли къ копнѣ-то, сунулись въ нее, а она срослась—мыканка-мыканкой, и не растащишь верхніе снопы-то; послѣ жнитва-то дождички прошли, ну, значитъ, копны-то и пролило. Какъ увидала это моя Авдотья, да какъ завоетъ въ голосъ: „какая я горькая, несчастная, приняла я къ себѣ человѣка, думала, онъ мнѣ будетъ кормильцемъ-работникомъ, а онъ, вмѣсто того, выходитъ моимъ разорителемъ; какъ мнѣ будетъ съ нимъ вѣкъ прожить?“

Она плачетъ, а я молчу; стою да думаю: ахъ ты золоторотецъ несчастный, куда ты сунулся съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ, что ты вздумалъ чужой вѣкъ заѣдать? И такое меня въ ту пору взяло уныніе, словно эти дѣла, какихъ я дѣлать-то не умѣлъ, заповѣдныя, будто ихъ и дѣлать нельзя было научиться.

Ну. опосля всего этого, гляжу, моя баба стала ужъ не та: нѣтъ отъ нея ни слова ласковаго, ни смѣшка, ходитъ — въ землю смотритъ, только мнѣ и утѣшенія дома—мальчишка. Полюбилъ, это, меня мальчишка пуще отца родного, такъ и виснетъ у меня на шеѣ, такъ и вьется вокругъ меня, какъ собачонка, а самъ все, это, „тятя да тятя, тятя миленькій, тятя хорошенькій“. Гляжу дальше: она и на ребенка-то стала коситься, когда онъ ластится-то ко мнѣ, да стала оттаскивать отъ меня.

Дошло дѣло до Михайлова дня. Въ Михайловъ день въ той деревнѣ, откуда моя Авдотья родомъ-то, праздникъ справляютъ; ну, мы раньше-то, когда еще въ ладу другъ съ дружкой жили, въ гости туда собирались, и теща, это,—когда у насъ была—

звала: „пріѣзжайте, пріѣзжайте — смотрите“. Ладно, говорю, пріѣдемъ. А тутъ, какъ пришло время ѣхать, гляжу, собирается моя Авдотья одна, а мнѣ и помину не дѣлаетъ. Вотъ такъ разъ, думаю, распрогнѣвалась моя баба совсѣмъ, ну да что-жъ дѣлать. Запрегъ, это, я имъ лошадь, усадилъ мальчонка—отправились они; остался домовничать.

Скучно мнѣ одному дома-то показалось. Убралъ я скотину, заперъ избушку и отправился въ Дубровку въ кабакъ. Прихожу, народу много, и николаевскіе кое-кто сидятъ; за однимъ столомъ, гляжу, Фильчакъ помѣщается,—парень такой у насъ есть тамъ, живетъ онъ въ Москвѣ въ разносчикахъ; лѣто тамъ торгуетъ всякой всячиной, а на зиму-то домой приходитъ. Съ молода-то онъ плохо жилъ, а года три хорошо у него дѣла пошли, рублей по четыреста въ лѣто-то добывалъ онъ и домой приносилъ, хозяйство поправилъ вотъ какъ! Ну, знамо, человѣкъ денежный, рисковой, сидитъ, это пиво пьетъ, разговоры разговариваетъ; увидалъ меня,—садись, говоритъ, со мной!—Съ какой стати? говорю. — Садись, познакомимся. Ну, сѣлъ я къ нему за столъ, онъ наливаетъ, это, мнѣ стаканъ пива,—пей, говоритъ. Я выпилъ.—Что-жъ ты, говоритъ, съ женой въ гости не поѣхалъ?—Такъ, говорю, не поѣхалъ.—Дуракъ, говоритъ, ты отъ такой бабы отбиваешься, она, говоритъ, золото, а не баба.—Ну, говорю, какое золото, тѣмъ же добромъ набита, какъ и всѣ люди. — Нѣтъ, говоритъ, ты ее раскусить не можешь; я, говоритъ, холостой былъ, съ ума по ней сходилъ.—Чего-жъ ты, говорю, замужъ ее не взялъ?—Сваталъ, говоритъ, да не пошла, бѣдностью моей побрезговала, согласилась лучше вотъ за Мишку, перваго-то своего мужа, пойти,—анъ не знаешь, гдѣ найдешь, а гдѣ потеряешь: отъ Мишкина-то добра ничего не осталось, а у насъ чего хочешь, того просишь. Выпилъ онъ тутъ еще и говоритъ: отчего это такого закона нѣтъ, чтобы можно было женами мѣняться; вотъ мы тогда помѣнялись бы съ тобой: ты бы мою взялъ, а я бы твою—согласился бы? — Не знаю, говорю, и думаю, все это шутитъ онъ, а онъ выпилъ еще да такъ разо-

шелся, что въ слезы ударился.—Что мы за несчастные такіе, говоритъ, не можемъ такъ сдѣлать, какъ хочется намъ: полюбилъ я, говоритъ, твою жену, а владѣть ей, говоритъ, не могу. — Стало мнѣ еще тоскливѣе. Пришелъ я домой, легъ спать, лежалъ, лежалъ, ворочался, ворочался и что́-то ни что́ передумалъ. Вспомнится, это, какъ Фильчакъ расхваливалъ Авдотью, словно лестно это мнѣ станетъ, а какъ представлю, какъ она со мной-то обходится, и обольется сердце кровью. И зачѣмъ я, думаю, только связался съ нею, зачѣмъ въ домъ пошелъ, промѣнялъ свою волюшку! И стало мнѣ думаться не знамо что. Думается, что она теперь ужъ не будетъ меня больше и любить, захочетъ, выгонитъ и изъ своего дома— имѣетъ она эту праву: я еще не приписанъ къ ней. И чую я, что бѣды въ этомъ большой нѣтъ, — пока голова на плечахъ, нигдѣ я не пропаду, — а ноетъ мое сердце; понялъ я, что очень ужъ я привязался къ бабѣ съ мальчикомъ. Чтобы утѣшить себя, представилъ я, что это временно баба разобидѣлась на меня, что она вовсе меня не разлюбила, — любила же она меня первое время. Вотъ, думаю, послѣ праздника пріѣдетъ, совсѣмъ другое повернетъ. Успокоилъ, это, я себя немножно и заснулъ.

IX.

— Прошелъ праздникъ, пріѣхала моя Авдотья; вышелъ я ее встрѣчать, думалъ я, она меня лаской встрѣтитъ, а она на меня почти не глядитъ. Снялъ я мальчишку съ саней, выпрягъ лошадь, поставилъ на мѣсто. — Весело ли погуляли? спрашиваю. — Весело, — отвѣчаетъ баба и какъ-то сквозь зубы.—Ты бы мнѣ хоть бражки кувшинчикъ привезла съ праздникомъ-то, говорю шутя.—Побоялась—замерзнетъ, говоритъ,— Ну, это дѣло другое, говорю, — а я тутъ московской бражки отвѣдалъ, и разсказалъ я, какъ Фильчакъ меня угощалъ и какъ ее все хвалилъ. Услыхала это моя баба да какъ распла-

чется. Я ее уговаривать, утѣшать:—что́ ты, говорю, что́ ты, а она мнѣ ни слова. Упало мое сердце и свѣтъ Божій не милъ сталъ.

Дальше-больше, дѣла наши не мѣняются. Баба все насупившись ходитъ, даже ребенокъ не такъ ластиться ко мнѣ сталъ. Потомъ по вечерамъ стала баба уходить куда-то. Разъ ушла, другой ушла,—на третій пошелъ я искать ее и нашелъ у Плотинкиныхъ. Есть такая тамъ семья у насъ, народъ обходительный, изба большая, всѣ, бывало, къ нимъ сходятся, кому дѣлать нечего. Вотъ и моя Авдотья стала туда ходить. Подошелъ я подъ окно,—сидитъ разнаго народу, этакъ, человѣкъ шесть, и моя баба тутъ, и Фильчакъ этотъ тамъ же сидитъ; треплются, должно быть, о чемъ-нибудь хохочутъ. Мою бабу и узнать нельзя, такая-то веселая, тоже смѣется, говоритъ что-то, глаза блестятъ. Позвалъ я ее домой. Пришла она въ свою избу, и опять съ нее все веселье свалилось, опять стала пасмурная такая да нелюдимая; заглодало мое сердце Богъ знаетъ какъ. Любитъ, думаю, и она этого Фильчака, а я-то ей противенъ сталъ. И какъ подумалъ я это, пуще прежняго задушила меня тоска;—что тутъ, думаю, дѣлать.

Думалъ, думалъ, — ничего не придумалъ, а тутъ еще одна непріятность вышла. Надумали наши мужики кусокъ земли дубровскому кабатчику сдать. Земля-то хорошая была, луговина невытрепанная, десятинъ 18,—онъ и наточилъ на нее зубы, подпоилъ кое-какихъ горлановъ и закинулъ крючокъ. Давалъ онъ по 2 рубля за десятину на девять лѣтъ, цѣна дешевая, только одно и лестно — за половину срока деньги впередъ отдавалъ; а все-таки не всѣмъ хотѣлось отдавать землю, и я тоже противъ былъ, потому зналъ, что подпоенный народъ на то клонитъ. Потомъ я слышалъ, когда у Ивана Иваныча жилъ, какъ онъ говорилъ, что цѣльная земля, для нашего мѣста, только дорогого и стоитъ,—потому съ нея можно и хорошіе урожаи получить, и мягкой землѣ за это время передышку дать. Ну и я кричу на сходу:—не нужно землю

сдавать. Эти горланы-то какъ услыхали, да какъ напустятся на меня:—Какую ты имѣешь праву голосъ подавать? Ты, говаритъ, не нашъ, и знать мы тебя не хотимъ. Староста, гони его со схода!—Пришлось мнѣ замолчать. И какъ понялъ я, что это за мое дѣло, и еще пуще разобрала меня тоска, думаю,—никуда я не гожусь, ни въ пиръ, ни въ міръ, ни въ добрые люди.

Подошла зимняя Микола; съ утра опять сходка собралась, стали сговариваться опять лѣсу, какъ лѣтось, деревней, у Ивана Иваныча покупать. Прихожу я къ своей Авдотьѣ.— Что жъ, говорю, баба, возьмемъ лѣсу полоску? Зимой-то дѣлать нечего, перевозимъ, а весной перепилимъ, крупные-то въ городъ на рынокъ свеземъ, а сучками сами протопимся— все польза будетъ.—Она мнѣ на это ни слова. „Ну, ни слова—ни слова, думаю,—шутъ съ тобой, надоѣло мнѣ тебѣ кланяться-то; ты отъ меня рыло воротишь, и я тобой не обязанъ очень“,—плюнулъ да и пошелъ вонъ изъ избы.

Послѣ обѣда, гляжу, это, теща пріѣзжаетъ. Сперва-то я подумалъ, не помиритъ ли она насъ, а какъ вошла она въ избу-то, поглядѣлъ я на нее—ну, вижу, не тѣмъ пахнетъ: жена на меня волкомъ глядитъ, а теща—совсѣмъ медвѣдемъ.

Попили чайку, это; пообогрѣлась теща; я наготовилъ корму скотинѣ къ вечеру; вхожу въ избу, а онѣ сидятъ, это, подъ середнимъ окномъ и разговариваютъ. Скинулъ, шапку, это, я, сѣлъ подъ конецъ стола, сижу, молчу. Поглядѣла на меня теща и говоритъ:

— Что жъ, милый человѣкъ, коли хозяйствовать нужно, такъ путемъ; ежели въ полѣ работать Богъ дару не далъ, надо на сторонѣ гдѣ промышлять: другіе мужики въ Москву на зиму-то ходятъ.

— Я, говорю, въ Москву не пойду.

— Отчего не пойдешь, чтó жъ тебѣ запретъ положенъ?

— Отъ бѣлыхъ грибовъ, говорю, не пойду. Я, говорю, затѣмъ въ домъ вышелъ, чтобы крестьяниномъ быть, въ деревнѣ

жить. А если бы мнѣ по Москвамъ-то шляться, мнѣ не зачѣмъ было бъ и въ домъ выходить.

— Въ домѣ жить, безъ помоги на сторонѣ,—трудно справиться: надо приработать на сторонѣ.

— И я говорю, что надо. Вотъ говорилъ ей, что нужно дровъ полоску взять, а она и ухомъ не пошевелила, развѣ такъ можно? Что я, говорю, хуже васъ, что-ли? Дешевле стóю? Если я работать въ полѣ какъ люди не могу, такъ я не научился еще; вотъ погодите, выучусь, такъ и васъ за поясъ заткну.

Схватилъ я шапку, хлопнулъ дверью, да вонъ изъ избы Пошелъ я въ Дубровку, въ кабакъ, посидѣлъ тамъ, поглядѣлъ на народъ; обошлось мое сердце, воротился я опять домой.

Вхожу я въ избу, гляжу: а у нихъ опять самоваръ на столѣ, селедки, баранки, и гость у нихъ сидитъ, Фильчакъ этотъ. Такъ меня и взорвало: этотъ зачѣмъ, думаю, какое ему дѣло тутъ.

Подошелъ я къ столу, „чай да сахаръ", говорю.

— Просимъ милости, — говорятъ мнѣ, а сами, это, словно не свои стали и на меня не глядятъ, и другъ дружкѣ въ глаза взглянуть не могутъ.

Оборотился это я къ Фильчаку и говорю:

— А ты, Филиппъ Степанычъ, въ родню, что-ли, къ намъ затесался или еще какъ—что пришелъ къ намъ?

— Я,—говоритъ Фильчакъ,—компанію раздѣлить пришелъ отъ нечего дѣлать.

— А теща, это, забѣгáетъ:

— А мы его, говоритъ, позвали посовѣтываться, какъ намъ быть, дѣло-то у насъ неладное, хозяйство-то у насъ не какъ слѣдуетъ идетъ.

— Плохому хозяйству, говорю, я причина, ко мнѣ нужно и на совѣтъ ходить, а не къ вамъ; меня учить надо, что дѣлать, а не васъ... А это, говорю, тутъ шмоны затѣваются; я, говорю, этого, не допущу, не хочу срамить свою голову. Эй, ты, говорю, хорошій человѣкъ, убирайся-ка вонъ, не

дожидаясь худого слова! А то мнѣ придется тебѣ дверь показать!

Засуетился, это, Фильчакъ, бѣсомъ сталъ извиваться. „Я, молъ, да ничего, молъ“, а я и слушать его не сталъ. Выпроводилъ, это, я его, подошелъ къ тещѣ.—А ты, говорю, вѣдьма старая, до сѣдыхъ волосъ дожила, а совѣсти не нажила; если ты будешь къ намъ ѣздить да бабу съ ума-разума сбивать, я и на порогъ тебя не пущу!—Заревѣли мои бабы, теща домой стала собираться; я говорю:—Съ Богомъ! Хорошо бы было, еслибъ ты и совсѣмъ къ намъ не пріѣзжала!—Проводила домой тещу, входитъ въ избу Авдотья.—Я, говоритъ, съ тобой ночевать не останусь, ты меня убьешъ тутъ.—Что жъ, говорю я, дрался я съ тобой когда?—А эва, говоритъ, ты сегодня какую прыть оказалъ, на тебя и глядѣть-то страшно.— А коли страшно—уходи, не держу. — Стала она, это, мальчонка справлять — одѣваетъ, обуваетъ его, я ей ни слова. Поворочалась, поворочалась, однако никуда не пошла, раздѣла опять мальчишку, сама раздѣлась, постелила на суденкѣ постель и легла спать.

Опять я долго не спалъ. Лежу я и думаю: „Разсчитывалъ я, когда въ домъ входилъ, что кончатся мои заботы да печали, анъ вышло, что только я ихъ женившись, узналъ. Такъ что же мнѣ, думаю, мучиться, себя терзать, бабу мытарить? Да пусть она какъ хочетъ живетъ, коли я ей въ тягость, пошли ей Богъ счастья, а я-то опять какъ-нибудь пробьюсь—одна голова не бѣдна, а коли и бѣдна, такъ одна. Мало-что мнѣ хотѣлось бы съ ними пожить всласть, да коли они этого не хотятъ. И только я это подумалъ, такъ такъ-то мнѣ хорошо и легко сдѣлалось, спала съ моего сердца вся печаль-кручина, будто переродился я. Сейчасъ же я заснулъ; проснулся утромъ, и опять таково-то легко и весело. Умылся я, позавтракалъ и подправился въ путь. Помолился, это, Богу и говорю:—Ну, простите меня Христа ради, не поминайте лихомъ! Не обезсудьте, коли чѣмъ какое горе причинилъ.

Поцѣловалъ я мальчишку. Глядитъ на меня Авдотья и спрашиваетъ:

— Ты куда?

— Пойду куда-нибудь себѣ хлѣба искать да тебѣ не мѣшать; живи, говорю, какъ тебѣ угодно, твори во всемъ свою волю.

Сѣла, это, Авдотья на лавку и ни слова ни сказала. Надѣлъ я шапку и вышелъ изъ избы.

И пошелъ я опять къ Ивану Иванычу. Прихожу—говорю:—Иванъ Иванычъ, возьмите меня къ себѣ. — Съ радостью, говоритъ.—Давайте, говорю, въ годъ рядиться.—Въ годъ такъ въ годъ!—И заложился я къ нему въ годъ; договорились совсѣмъ.—Ну, говорю, теперь дайте мнѣ три рубля на спрыски и отпустите меня на три дня, погуляю я, отведу душу, а потомъ приду служить вамъ вѣрой и правдой.

Получилъ я отъ Ивана Иваныча три рубля и отправился прямо въ Чередовое. Тамъ, думаю, село большое, трактировъ нѣсколько, и водка лучше, и простора больше. Зашагалъ прямо туда.

Прихожу, думаю: „товарища бы какого подыскать—одному гулять не весело“. Вхожу въ одинъ трактиръ, тамъ кабатчикъ дубровскій сидитъ, и съ нимъ та дѣвка, къ которой меня было, сперва-на̀-перво сватали въ домъ. Отецъ-то, вишь, у ней померъ, и она ужъ открыто стала съ кабатчикомъ гулять, и вотъ теперь съ нимъ сюда пріѣхала. Сидятъ это, вино пьютъ, рыбу жареную ѣдятъ. Подошелъ я къ нимъ.—Миръ, говорю, честной компаніи! — а они: — Просимъ милости! — и сажаютъ меня съ собою за столъ. Я не поломался—сѣлъ; они мнѣ вина—я выпилъ. Выпили бутылку, я бутылку заказываю,—пошло у насъ гулянье—разлюли-малина.

Подвыпили мы, разошелся это я, разсказалъ про свою судьбу, и стала мнѣ эта дѣвка-то пенять: отчего я ею тогда побрезговалъ.—Что жъ у насъ хуже, что-ли, было бы, говоритъ, отъ меня бы ты не ушелъ.—Я съ пьяна-то покаялся:—говорю:—И самъ жалѣю.—Услыхала это она, и сейчасъ стала

меня въ работники къ себѣ нанимать.—А то какъ-ни-какъ, а безъ мужика трудно обойтись,—говоритъ, и столько наобѣщала мнѣ, что̀ хошь. Отвернулся это кабатчикъ отъ стола, дѣвка повернулась ко мнѣ и ну цѣловать меня—въ задатокъ.

Не знаю, сколько мы тутъ гуляли, только вдругъ, гляжу, шасть въ трактиръ моя Авдотья. Подходитъ и говоритъ: Поѣдемъ домой! Я говорю, не поѣду, потому въ два мѣста въ работники нанялся и въ обоихъ мѣстахъ задатки получилъ.—Она не отстаетъ—поѣдемъ да поѣдемъ,—и чуть не силкомъ стащила въ сани и повезла домой.

Отъ Чередового до насъ-то верстъ 12 будетъ. Ну, пока ѣхали мы, дорогой я заснулъ, до двора-то проспался маленько, хмель-то вышелъ изъ головы. Пріѣхали мы домой, вошли въ избу, развязалась баба, гляжу—а у ней все лицо опухло, глаза какъ фонарями налились: видно, плакала шибко.—Ты объ чемъ это? спрашиваю. А она какъ бросится на шею да какъ заревѣтъ:—Прости ты меня Христа ради, говоритъ, и сама не знаю, что мнѣ втемяшилось такъ обходиться-то съ тобой. Сперва-то случилось это на работѣ, а потомъ въ Михайловъ день матушка меня разбила; ей бы, говоритъ, уговаривать меня, а она меня только растравляетъ: ты съ нимъ пропадешь, да онъ тебя замытаритъ; а тутъ этотъ Фильчакъ подвернулся, сбивалъ меня въ Москву итить: продай, говоритъ, все да пойдемъ въ Москву, я тебя тамъ торговать обучу. Насилу-то я, говоритъ, одумалась.

— Ну, говорю, слава Богу, что одумалась!—А самъ подъ собою мѣста не чую отъ радости.

Ну, помирились мы, и опять пошло у насъ все по хорошему. Въ люди я никуда не пошелъ, а собрался, купилъ коекакого струментишку сапожнаго и сталъ дома работать; кому валенки подошьешь, кому починочку сдѣлаешь, глядишь—копѣечка и копѣечка.

X.

— Ну. прошло время такъ до святокъ. На святкахъ случилось приговоръ намъ какой-то составлять, стали подписывать приговоръ и записываютъ мою Авдотью, а я то все еще ни при чемъ; глядимъ это мы съ бабой. Мужики которые, староста—всѣ думаемъ—дѣло не ладно. Староста и говоритъ:— Надо тебѣ хлопотать къ намъ приписываться; а то что же это—какъ будто не порядки.

— Примите, говорю, меня къ себѣ въ общество, все равно я теперь вашъ, припишите по закону.

— Давай, говоритъ, четвертной билетъ—припишемъ.

Посовѣтовался я съ Авдотьей, она говоритъ:—Четвертной такъ четвертной, попроси только не сразу деньги брать; сразу-то намъ не собраться.

Сталъ просить я міръ, согласились въ три срока деньги взять.—Ступай, говоритъ, въ волостную, спроси, съ чего дѣла начинать.

Пошелъ я въ волостную;—тамъ говорятъ—нужно увольнительный приговоръ изъ той деревни, откуда родомъ я. Поѣхалъ я въ Яковлевку, туда, гдѣ съ роду не былъ. Пріѣзжаю: такъ и такъ, говорю, я числюсь вашъ, отпустите меня изъ своего общества, я въ другое припишусь.

Согнали сходку. Стали совѣтоваться; кто кричитъ: „пусть идетъ съ Богомъ“, а кто кричитъ: „пусть за отпускъ заплатитъ“; галдѣли, галдѣли, порѣшили съ меня десять рублей взять и стали приговоръ составлять.

Составили приговоръ, поѣхали мы со старостой въ чередовскую волостную, Яковлевка-то туда принадлежитъ. Пріѣзжаемъ, писарь поглядѣлъ, поглядѣлъ на приговоръ,—„мы, говоритъ, его сейчасъ утвердить не можемъ“.

— Почему?—спрашиваемъ.

— А потому, намъ надо пріемный приговоръ представить, тогда мы увидимъ и подпишемъ.

— А пріемнаго не даютъ, говорю, оттого, что отпускного нѣтъ.

— Ну,—говоритъ, — это не можетъ быть; ты попроси хорошенько.

Нечего дѣлать, поѣхалъ я опять къ себѣ въ волость, подхожу къ писарю, говорю, въ чемъ дѣло; осердился на меня писарекъ.—Какъ же мы, говоритъ, тебѣ пріемный приговоръ выдадимъ, когда нѣтъ отпускного? Мы на это не имѣемъ праву!

Что тутъ будешь дѣлать-то? Пошелъ я въ трактиръ, сижу этакъ пригорюнившись, подходитъ ко мнѣ сторожъ конторскій:—А я, говоритъ, научу тебя, какъ горю пособить.

— Научи, говорю, сдѣлай милость!

— Дай, говоритъ, писарю-то пятерочку, дѣло-то складнѣй пойдетъ.

Еще пятерочку! Гдѣ ихъ набрать? Однако, дѣлать нечего, поѣхалъ домой, посовѣтовался съ Авдотьей. Продали мы овецъ вчетверомъ, выручили 12 рублей, положилъ ихъ въ карманъ, поѣхалъ опять въ волостную.

Выждалъ случая сунуть писарю пятерку, и пошло у насъ дѣло по другому. Сейчасъ мнѣ и приговоръ подписали, и печать приложили. „Погоняй, говоритъ, теперь въ Чередовое, да подходи-то такъ же, какъ къ намъ подходилъ, дѣло-то скорѣй пойдетъ“.

Поѣхалъ я въ Чередовое, далъ и тому писарю троечку; обѣщалъ и этотъ не задержать.

Прошло недѣли двѣ. Бумаги мои къ земскому пошли. Вдругъ вызываетъ меня къ себѣ земскій. Пріѣзжаю я.—Ты, спрашиваетъ, такой-то и такой-то?—Я говорю:—такъ точно.—Приговора, говоритъ, объ тебѣ утвердить нельзя: у тебя отецъ съ матерью живы; добудь, говоритъ, отъ нихъ подписку, что они тебя отпускаютъ, тогда можно будетъ ихъ на утвержденіе подать.

Услыхалъ я это, у меня, индо, въ горлѣ перехватило: ду-

малъ, кончается моя канитель, а она тутъ только начинается—что будешь дѣлать?

Пріѣзжаю домой, опять совѣтуюсь съ Авдотьей, какъ тутъ быть — бросить дѣло или продолжать? Посовѣтовались: бросать, думаемъ, жалко, много въ него положено, а дальше продолжать — очень ужъ трудно-то, вѣдь еще не мало станетъ. Подумали, подумали, рѣшили продолжать.

Пошелъ я къ старостѣ. Росъ у насъ жеребенокъ-третьякъ, заложилъ я его ему за 20 рублей, получилъ денежки, и поѣхалъ въ Москву у отца съ матерью отпуска просить, въ чужую деревню приписываться.

Пріѣхалъ, разыскалъ ихъ: все они на Хитровомъ живутъ, хуже прежняго оборвались, обрюзгли, постарѣли, просто глядѣть жалко на нихъ. Повелъ я ихъ въ трактиръ, спросилъ чаю, водки, закуски принесъ цѣлый ворохъ:—ѣшьте, говорю, отводите животы. Выпили они, поѣли, чередъ-чередомъ, говорю я имъ, зачѣмъ пріѣхалъ. Какъ устроился, разсказалъ. Они ничего мнѣ на это, посидѣли, посидѣли, потомъ, мать—толкъ отца въ бокъ:—Пойдемъ-ка, говоритъ, я тебѣ словечко скажу.

Пошли они въ другую залу, пошептались тамъ, приходятъ:—Мы, говоритъ, отпустить тебя согласны, только ты дай намъ сейчасъ за это четвертной билетъ.—Гдѣ-жъ, говорю, я вамъ такія деньги возьму?—Начали мы торговаться. Торговались, торговались, и сошлись на томъ, что я долженъ былъ поить три дня, то-есть чего они захочутъ, за то платить. Опричь этого они ни на что не соглашались.

Ну, спросили они сейчасъ себѣ еще водки, по пирогу заказали, потомъ пива напились, какъ стельки, и все требубуютъ еще.

Я ужъ тутъ не безъ грѣха шепнулъ половому, чтобы онъ не все, чтó требуютъ-то, ставилъ, а подавалъ, что похуже да подешевле. Налакались они до того, что заснули тутъ за столомъ, сволокъ я ихъ на фатеру, выспались они — опять въ трактиръ. И такъ три дня они пьянствовали безпробудно.

На четвертый день пошли мы росписку писать—опять незакрутка: въ участкѣ нельзя, у нотаріуса очень дорого,—пришлось въ волостное правленіе отправиться; по нашей дорогѣ, верстахъ въ четырехъ отъ заставы, есть Сесвятское село, ну тутъ волость,—туда и прибыли мы; пришли, да не въ урочный день—гражданскій праздникъ какой-то, опять пришлось взятку давать. Ну, написали это росписку—все какъ слѣдуетъ, отдали мнѣ ее на руки, вышелъ я съ своими стариками изъ конторы, они меня это опять:

— Ну, веди насъ, угости въ послѣдній, а тамъ и Богъ съ тобой.

А у меня и денегъ всего семь гривенъ осталось, съ ними мнѣ до двора итти, подводу нанять не на что будетъ, придется пѣшкомъ полтораста верстъ моздылять.—Нѣтъ, говорю, теперь погуляйте на свои, а мнѣ васъ угощать не на что.

— Какъ такъ?—говорятъ.

— Да такъ, очень просто.

— Ну, такъ давай на извозчика намъ.

— Ну, говорю, господа-то невелики, и пѣшкомъ пройдетесь. Побарствовали, говорю, четыре дня, да будетъ.—Грѣхъ, говорятъ, тебѣ будетъ,—ты-то вотъ по-людскому устраиваешься, а мы-то вотъ при чемъ остаемся,—дай хоть что-нибудь намъ.—Жалко мнѣ ихъ стало, далъ я имъ двугривенный, оставилъ себѣ полтинникъ; сталъ прощаться съ ними—какъ заплачутъ они! Не вытерпѣлъ я, и меня слеза прошибла; выкинулъ еще имъ пятиалтынный. Какъ-нибудь, думаю, и съ остатными доберусь,—и отправился домой...

XI.

Прихожу я домой, являюсь къ земскому. Поглядѣлъ онъ на нее. — Ну, это, говоритъ, ладно, теперь принеси ты мнѣ отъ яковлевскаго общества подписку, въ которой бы они обязались, въ случаѣ чего, сами отвѣчать за твоихъ родителей:

они тамъ могутъ въ больницу попасть, или еще какихъ убытковъ надѣлать, а за это вѣдь съ яковлевскихъ взыскивать будутъ.—Какъ услыхалъ я это, такъ меня даже одурь взяла. Сталъ я такъ и этакъ просить: нельзя ли какъ безъ этого? говоритъ: никакъ нельзя. — Ну, думаю, шабашъ, все пропало: да развѣ яковлевскіе согласятся такую обязанность на себя взять! И правда,—пріѣхалъ я къ нимъ, только заикнулся, какъ набросятся всѣ на меня: ишь ты, говоритъ, какихъ дураковъ нашелъ! И сейчасъ же всѣ со сходки долой.

Взяло меня горе, ударился я въ кабакъ, сталъ виномъ душу отводить—ничего не помогаетъ, все гложетъ сердце. Два дня пропьянствовалъ,—вижу, надо выхаживаться. Сталъ я выхаживаться, и послалъ мнѣ Богъ такого человѣка, который надоумилъ меня такъ сдѣлать: а ты, говоритъ, вотъ что́ сдѣлай: выдай яковлевскому обществу росписку отъ себя, что ты всѣ убытки, которые въ случаѣ твои старики надѣлаютъ, на себя принимаешь. Поѣхалъ я въ Яковлевку, объявилъ это, поставилъ еще вина ведерку,—согласились; переписали приговоръ, отвезъ я его земскому, и пошли мои бумаги куда слѣдуетъ. Полгода не прошло послѣ этого, вызываютъ меня въ волостную и говорятъ, что я совсѣмъ теперь утвердился. Утвердился я въ обществѣ, утвердился и съ бабой: Авдотья еще мнѣ сына родила; только одна бѣда: дома-то разстроилось. Пришло время долги платить: староста требуетъ деньги, что подъ жеребенка взяли; кабатчикъ велитъ одежу выкупать, что заложена была; еще одинъ мужикъ долгъ теребитъ—подъ землю у него занимали. Вѣдь больше полсотни долговъ-то накашляли, ну, а платить-то нечѣмъ. Хотѣлъ-было опять къ Ивану Иванычу заложиться,—не беретъ, осердился, что тогда его обманулъ. Закружились у насъ съ Авдотьей головы, хоть ложись да помирай. И что же вѣдь, какое дѣло, видно не даромъ пословица говорится: „голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ". Подошелъ случай—и тутъ выкарабкались. Старая-то лошадь у насъ кобыла была, ну, и вынесла она намъ жеребчика, да такого хорошаго, что рѣдко такіе и въ деревнѣ бы-

ваютъ. Гдѣ она его добыла—кто ее знаетъ, у насъ, словно, и жеребцовъ такихъ не было. Ну, ожеребилась, это, кобыла-то, пустили мы ее на усадьбу выгуливаться. И ѣдетъ мимо нашего сарая купецъ Рябцовъ, вотъ Савельевка-то чья. Увидалъ жеребенка. —Чей такой? — спрашиваетъ. — Алексѣевъ.— Позвать сюда Алексѣя. — Я подхожу. — Чей такой заводъ у тебя въ лошади? — А кто его, говорю, знаетъ, — въ стадѣ должно погулялась.—Не можетъ быть, у этого всѣ стати заводскія. Продай, говоритъ, вмѣстѣ съ маткой.—Побѣжалъ я къ женѣ: — какъ быть, говорю, Авдотья?—Что жъ, говоритъ, давай продадимъ, мы теперь на одномъ жеребенкѣ управимся— четыре года ужъ ему. — Ворочаюсь я къ купцу. — Извольте, говорю, продадимъ—50 цѣлковыхъ имъ цѣна.—Возьми 35. — Слово за слово—40 рублей онъ намъ и отвалилъ. Ну, получили мы денежки, кому должны 20—отдали 15, кому 15, тому 10, и осталось за нами всѣхъ долговъ меньше 20 рублей.

Ну, лѣто-то мы проработали въ полѣ, осенью да зимой я опять сапожничествомъ перебивался, а пришелъ постъ—встрѣтился я въ дубровскомъ кабакѣ съ Качадыковымъ; онъ тогда взялся у кабатчика три избы срубить, ну, а народу-то мало.— Наймись, говоритъ, ко мнѣ въ плотники.—Я думаю—онъ шутитъ: куда, говорю, мнѣ въ плотники наниматься, пожалуй вмѣсто дерева топоромъ-то по носу заѣдешь. — Не заѣдешь, говоритъ, навыкнешь — какъ разъ куда слѣдуетъ попадать будешь. — Подумалъ, подумалъ: постомъ и сапожнымъ ремесломъ можно бы было хорошо заработать, когда бы деньги были на товаръ, а такъ какъ денегъ-то у меня не было, — пойду, думаю, въ плотники: хоть небольшое жалованье полтора рубля въ недѣлю, ну, да дома хлѣба не ѣмъ, — и нанялся.

— И ничего, работаешь?—спросилъ я его.

— Сперва-то плохо дѣло шло, а потомъ понавыкъ, и ничего—пошло. До Пасхи проработалъ, а потомъ онъ пристаетъ: до Петрова дня возьмись; положилъ за все время двадцать-два цѣлковыхъ, вотъ я и работаю.

XII.

Алексѣй замолчалъ. Пока онъ разсказывалъ, мы прошли все разстояніе отъ волости до нашей деревни, и вскорѣ намъ нужно было расходиться.

Я не знаю, что думалъ Алексѣй, но во мнѣ поднялось множество самыхъ разнообразныхъ думъ и чувствъ. Разбираясь въ нихъ, я долго ничего не могъ сказать Алексѣю.

— Однако, ты молодецъ!—нашелся я наконецъ.—Какъ это у тебя хватило духу все это вытерпѣть? У другого бы, пожалуй, руки опустились.

— Богъ помогъ,—молвилъ Алексѣй.—Я не одинъ разъ подумывалъ,—особливо когда это водочки выпьешь,—наплюнуть на все да махнуть рукой. Чего мнѣ въ этотъ хомутъ-то лѣзть: проживу какъ-нибудь, все легче будетъ самому-то по себѣ,—что тутъ забота да тягота, и впереди сладости мало. Ну, а какъ это представишь, что все-таки ты будешь человѣкомъ жить на ряду съ людьми, будутъ у тебя думка на каждый день да забота; ты позаботишься объ нихъ, они объ тебѣ, ну и какъ-то лучше кажется. Думаешь, что въ такой жизни объ другихъ понимать можешь, и все такое.

— Такъ что же ты задумываешь на будущее время?

— Да вотъ, Богъ дастъ, до Петрова дня проработаю, послѣдніе долги уплачу, потомъ думаю своимъ хозяйствомъ заняться получше. Очень у насъ все плохо идетъ-то, никакого толку въ дѣлѣ нѣтъ.

— Отчего же это, по-твоему, такъ выходитъ?

— Да какъ сказать-то? Мало ли отчего. Иные не понимаютъ, отчего что лучше можетъ быть, а иные и понять могли бы, да нужда задавила. Некогда чего получше-то выдумать да испытать, а бери пока, что можно получить. Какъ вотъ деньги иной занимаетъ: три шкуры съ него за это содрать могутъ, а все лѣзетъ въ лапы, потому ничего не подѣлаешь.

— А у васъ плохо земля родитъ?

— Надо бы хуже, да нельзя. Рожь приходитъ сама другая, травы почти совсѣмъ нѣтъ, только ломаешь задаромъ. Я вонъ у Ивана Ивановича жилъ, тамъ рожь-то сама осьмнадцать приходила, а земля-то такая же, все одно. Попробую, поведу дѣло и я по-другому, а тамъ увидимъ, что Богъ дастъ.

— Ну, желаю тебѣ счастливаго успѣха!—сказалъ я, когда мы подошли къ перекрестку и намъ пришлось расходиться.— Авось теперь такихъ трудностей не встрѣтится, какія пришлось переживать.

— Какъ придется!—проговорилъ Алексѣй. — Наше дѣло — ко всему надо быть готовымъ; иной разъ не спишь, да выспишь. Такія дѣла бываютъ.

И онъ тихо засмѣялся, поправилъ картузъ на головѣ и, попрощавшись со мной, пошелъ по своей дорогѣ, а я пошелъ по своей.

Послѣ этого я Алексѣя больше не видалъ.

На ночлегѣ.

ОЧЕРКЪ.

На ночлегѣ.

Очеркъ.

I.

Въ концѣ чудеснаго майскаго дня крестьянинъ деревни Марковой, Павелъ Анисимычъ Шкаринъ, ѣхалъ на своемъ молодомъ буланкѣ, запряженномъ въ легкую самодѣльную телѣжку, по дорогѣ къ уѣздному городу, гдѣ была квартира пристава того стана, къ которому причислялась Маркова. Ѣхалъ туда Павелъ Анисимычъ по не совсѣмъ-то пріятному случаю: на-дняхъ его обокрали, и онъ, подозрѣвая, что это сдѣлалъ никто иной, какъ ихъ второй пастухъ Максимка, указалъ на него въ волостномъ правленіи и уряднику и попросилъ разыскать этого человѣка и взять подъ арестъ. Но его не послушали, сочли причину подозрѣній неважной и попросили какихъ-нибудь болѣе вѣскихъ доказательствъ. Это очень разобидѣло Павла Анисимыча, и онъ рѣшилъ отправиться къ самому становому и его попросить, чтобы онъ убралъ вреднаго человѣка. Увѣренность, что это сдѣлалъ Максимка, а никто другой, явилась у Павла Анисимыча вотъ по какому случаю. За послѣдніе годы Шкарину трудно стало жить на своемъ общественномъ надѣлѣ, и онъ, чтобы помочь себѣ немного, снялъ неподалеку у одного купца небольшую пустошь, раздѣлывалъ ее и получалъ уже нѣсколько лѣтъ хорошіе урожаи.

Года два тому назадъ, на раньше раздѣланныхъ десятинахъ въ пустоши, онъ посѣялъ клеверъ. Послѣ покоса на молодую отаву его какъ-то разъ зашла скотина, облакомилась и начала ходить туда. Изъ клевера скотина стала заходить въ хлѣбъ. Сначала Павелъ Анисимычъ, какъ человѣкъ неглупый, немного грамотный и религiозный, не хотѣлъ грѣшить съ людьми изъ-за этого, а просто сгонялъ сготину съ своего хлѣба. Скотина этимъ не пронималась и продолжала заходить въ хлѣбъ. Павелъ Анисимычъ не вытерпѣлъ, сталъ брать на дворъ скотину и требовать выкупъ. Изъ-за этого пришлось ссориться съ мiромъ и пастухомъ. Прошедшiй годъ онъ, заставъ скотину въ хлѣбѣ, бросился въ стадо и нашелъ Максимку, который былъ въ это время въ стадѣ, спокойно спавшимъ подъ кустомъ. Конечно, Шкаринъ заругался; на брань Павла Анисимыча Максимка, вмѣсто того, чтобы извиниться, самъ началъ браниться. Павелъ Анисимычъ сгоряча чуть не отколотилъ его, а нынче весной, когда старшiй пастухъ взялъ было Максимку опять во вторые пастухи, то Павелъ Анисимычъ настоялъ на-мiру, чтобы этого негодяя не нанимать; когда же старшiй пастухъ заявилъ, что онъ ужъ ему и задатку 3 рубля выдалъ, то Шкаринъ такъ распѣтушился, что выкинулъ пастуху свои три рубля и настоялъ, чтобы Максимкѣ отказали. Парень изъ-за этого остался безъ мѣста, такъ какъ всѣ мѣста уже были заняты. Онъ побожился, что чѣмъ-нибудь да докоритъ Шкарина, и дѣйствительно, докорилъ. Весны еще шести недѣль не прошло, а у Павла Анисимыча случилась кража.

Украли у Шкарина въ амбарѣ, сломавъ замокъ. И хотя украли немного, должно быть столько, сколько можно на себѣ унести, но вещи были все цѣнныя и нужныя: русское сукно, только-что выдѣланное, аршинъ тридцать, суконную шубочку дочери, ременныя вожжи и двое новыхъ гужей отъ хомута. Павлу Анисимычу очень жалко было своихъ вещей, и онъ три дня ходилъ по сосѣднимъ деревнямъ: выспрашивалъ, вынюхивалъ, но ничего не нашелъ. Отправился было со старо-

стой и понятыми на домъ къ Максимкѣ, но не только ничего не нашелъ у него, а самого-то его не засталъ дома. Это все увеличивало огорченіе Павла Анисимыча и натолкнуло его на мысль ѣхать къ становому и просить его помощи.

Ѣхалъ Шкаринъ съ безпокойнымъ сердцемъ: его тревожило и волновало и предстоящее свиданіе съ приставомъ, и жалоба его на низшее начальство, и забота о томъ, какъ встрѣтитъ его жалобу становой. Ну, а если и онъ отнесется къ его заявленію такъ же холодно и равнодушно, какъ и низшія власти? Къ головѣ Павла Анисимыча прилила кровь и всего его какъ-то передернуло.

„Это что жъ тогда? — сталъ думать Павелъ Анисимычъ.— Нашему брату жить будетъ нельзя: ты ломай, трудись, весь вѣкъ курицы стараешься не обидѣть, а на тебя налетитъ какой-нибудь сорванецъ, тебѣ и расправы на него искать негдѣ. Нѣтъ, это не порядки!“

II.

Воздухъ какъ будто сгущался и дѣлалось душно, облака начали стягиваться къ западу и сбираться въ темную тучу. Вотъ туча уже заслонила собой низко опустившееся солнце; сразу стало темнѣй, повѣяло холодкомъ. Павелъ Анисимычъ встрепенулся, взглянулъ на небо и, проговоривъ: „Э-э, гроза собирается!“ надвинулъ поглубже картузъ и подстегнулъ лошадь. Дѣйствительно, прошло только съ четверть часа, какъ туча сдѣлалась совсѣмъ темной, сверкнула блѣдная молнія и прогудѣлъ отдаленный раскатъ грома. Листочки на росшемъ по обѣимъ сторонамъ дороги кустарникѣ затрепетали, пронесся рѣзкій, порывистый вѣтерокъ, и съ минуты на минуту можно было ждать, что закапаетъ дождикъ.

„Не доѣхать, запоздалъ, поздно выѣхалъ“, проговорилъ Павелъ Анисимычъ, соображая, что до города еще около

десяти верстъ, а между тѣмъ ночь была близка и заходящая гроза того и гляди что сейчасъ разразится.

Шкаринъ стегнулъ лошадь. Телѣга загремѣла, подбрасывая сѣдока надъ канавкой и ямкой. Впереди, не больше какъ въ верстѣ, показалась деревня. Ужъ видна была ея улица и избушки, вытянутыя въ два ряда, какъ по ниточкѣ. Отъ этой деревни до города было верстъ девять, и хотя отъ нея дорога шла лучше, такъ какъ она стояла на большакѣ, но Павелъ Анисимычъ понялъ, что до города ему сегодня не добраться.

Когда онъ въѣхалъ въ деревню, то туча расползлась уже по всему западу и однимъ крыломъ осѣняла деревню. Чтобы не попасть подъ дождь, Шкаринъ поспѣшилъ поскорѣй куда-нибудь пристроиться и, увидавъ въ одной избѣ открытое окно и выглядывающую изъ него бабу, повернулъ туда лошадь и спросилъ:

— А что, родимая, нельзя ли ночевать у васъ?

— А куда ѣдешь-то? вмѣсто отвѣта спросила баба.

— Недалеко, да вишь гроза собирается, хочется убраться отъ ней, сказалъ Павелъ Анисимычъ.

— Большака-то дома нѣтъ... а ты вотъ что: поѣзжай-ка лучше къ Горкину, эна на томъ концѣ-то живетъ, вонъ ставни-то у оконъ зеленые; онъ пускаетъ. У него, коли-что, и водочки можно найти, и харчей какихъ.

— Чего мнѣ харчиться, я не дорожный, мнѣ бы гдѣ отъ дождя спрятаться да отъ темной ночи.

— Все равно, у него лучше, у него всѣ проѣзжіе ночуютъ.

— Ну, ладно, поѣдемъ хоть туда, сказалъ Шкаринъ и, дернувъ за вожжи, поѣхалъ дальше.

„Горкинъ, Горкинъ, вслухъ думалъ Павелъ Анисимычъ,— прозвище что-то знакомое! А, это не тотъ ли мошенникъ, что одного проѣзжаго обобралъ?“

И Павелъ Анисимычъ вспомнилъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходили слухи, какъ въ этой деревнѣ на ночлегѣ „обчистили“ одного проѣзжаго, а когда онъ поднялъ шумъ, то его такъ исколотили, что онъ еле со двора убрался. „Не-

ужели это тотъ?“ подумалъ Шкаринъ, и его охватила робость; но это чувство продолжалось не долго.

„Что я, капиталы, что ль, у меня какіе или добра много, чего мнѣ бояться-то? ободрилъ онъ себя.—Мнѣ онъ не страшенъ, еще може скорѣй что о пропажѣ своей въ такомъ мѣстѣ разузнаю“.

Вскорѣ онъ подкатилъ къ большой крѣпкой избѣ съ зелеными ставнями и, слѣзши съ телѣги, подошелъ подъ среднее окно и постучался въ него кнутовищемъ.

— Что надо? послышался громкій окликъ изъ избы.

— Ночевать нельзя ли?

— Подъѣзжай къ воротамъ.

Павелъ Анисимычъ повернулъ лошадь къ воротамъ; въ это время изнутри стукнули щеколдой и ворота отворились. Въ нихъ стоялъ толстый, приземистый мужикъ съ рыжей бородой, грязноватымъ цвѣтомъ лица и быстро бѣгающими небольшими сѣрыми глазами. По тому, что онъ былъ въ кумачевой рубашкѣ и двубортной, грязной и выцвѣтшей жилеткѣ, можно было подумать, что онъ самъ хозяинъ. Павелъ Анисимычъ поклонился ему.

— Здорово, небрежно кивнулъ ему хозяинъ, быстро окинувъ взглядомъ и подводу, и проѣзжаго, и видимо ничего не замѣчая особенно выгоднаго въ нихъ для себя.

Павелъ Анисимычъ взялъ лошадь подъ уздцы и ввелъ ее въ широкій и просторный, наглухо покрытый соломой дворъ.

На улицѣ въ это время прокатился гулкій раскатъ грома, и тотчасъ же закапалъ рѣдкій, но крупный дождикъ. Павелъ Анисимычъ перекрестился.

— Слава Богу, убрался до дождя, проговорилъ онъ и сталъ выпрягать лошадь.

— А куда ѣдешь-то? какъ-то сквозь зубы процѣдилъ хозяинъ.

— Ѣду-то? Въ городъ, сказалъ Павелъ Анисимычъ.

— По какимъ дѣламъ?

Шкаринъ запнулся. „Зачѣмъ ему говорить правду?“ мель-

кнула въ головѣ его мысль. И сейчасъ же онъ торопливо отвѣтилъ:

— За покупками кое-какими.

— Такъ, протянулъ Горкинъ.—Ну, убирайся тутъ да приходи въ избу.

И онъ поднялся на высокіе мостенки и скрылся въ сѣняхъ. Павелъ Анисимычъ отпрягъ лошадь, задалъ ей корму и, окинувъ взглядомъ надворныя постройки Горкина, отправился вслѣдъ за нимъ.

III.

Изба была просторная и неуютная: окна казались выѣхавшими на улицу, стекла грязныя, на стѣнахъ хотя и были прибиты нѣсколько картинъ, но небрежно; на лавкахъ было разбросано разное тряпье, на полу у печки лежала небольшая дощечка съ кормомъ, должно быть для цыплятъ, хотя цыплятъ въ избѣ уже не было, а только были замѣтны ихъ слѣды. Людей, кромѣ хозяина, въ избѣ еще было двое: высокая, худая, какъ будто забитая и запуганная баба, хозяйка, и молодая, краснощекая, съ надменнымъ лицомъ дѣвка, дочь хозяевъ, болѣе похожая на отца, особенно глазами. Хозяйка отвѣтила на привѣтствіе Шкарина обычнымъ „добро пожаловать", а дѣвка почти и не взглянула на него, а съ совершенно равнодушнымъ видомъ прошла въ чуланъ и осталась тамъ.

— Садись вонъ тамъ, сказалъ хозяинъ, показывая мѣсто Шкарину подъ среднимъ окномъ у чулана, а самъ сѣлъ къ боковому окну по конецъ стола. Шкаринъ сѣлъ на лавку и еще разъ окинулъ избу глазами. На улицѣ снова сверкнула молнія и раздался сильный раскатъ грома; вслѣдъ за этимъ дождь полилъ какъ изъ ведра. Шкаринъ перекрестился, а хозяинъ вскочилъ съ мѣста, подошелъ къ окнамъ и сталъ запирать ихъ; хозяйка, истово перекрестившись въ свою очередь, скрылась въ чуланѣ.

— Эка благодать-то, все теперь обмоетъ, оживитъ, отозвалась она ужъ изъ чулана, видимо выглядывая въ окно.

— А нельзя ли эту благодать-то чайкомъ вспрыснуть, проговорилъ хозяинъ.

— Куда тутъ, на ночь глядя, самоваръ ставить, да еще въ грозу, проговорила хозяйка.

— И въ грозу поставимъ, эка бѣда, строго проговорилъ Горкинъ.—Вотъ пройдетъ маленько и разведешь.

Хозяйка замолчала. Въ чуланѣ загремѣли самоваромъ, потомъ дѣвка съ пустымъ ведромъ прошла изъ чулана въ сѣни и воротилась оттуда съ наполненнымъ ведромъ. Дождь шелъ какъ изъ ведра и залилъ водою всю дорогу, наполнилъ канавки, а съ крышъ лился сплошною стѣной и, падая на землю, сразу же промывалъ себѣ ложбинки и по нимъ стекалъ въ ту сторону, куда велъ скатъ.

Громъ раскатился еще нѣсколько разъ и началъ затихать; новый раскатъ его послышался не ранѣе, какъ черезъ четверть часа, и ужъ глухо: видимо гроза ушла далеко. Хозяинъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ окну и, замѣтивъ, что и дождь идетъ уже мелкій и частый, опять обратился къ своимъ и проговорилъ:

— Ну, разводите самоваръ-то, гроза проходитъ, можно и чай пить.

Въ чуланѣ опять загремѣли. Хозяйка вышла со скатертью въ рукахъ и стала накрывать столъ. Потомъ подошла къ небольшому шкафчику, вдѣланному въ стѣнку чулана, и начала вынимать изъ него посуду. Хозяинъ молчалъ. Шкарину какъ-то неловко чувствовалось молчкомъ, ему очень хотѣлось завести такой разговоръ, съ какимъ бы легко можно было подойти къ тому, что его теперь такъ интересовало, т.-е. узнать, не проходило ль или не проѣзжало ль какого подозрительнаго человѣка съ вещами. Помявшись немного, онъ вдругъ откашлянулся и началъ:

— А мимо васъ небось много народу ѣздитъ?

— Да, ѣздятъ, какъ-то нехотя сказалъ хозяинъ. — Дорога большая, то-и-дѣло кому куда-нибудь нужно.

— И начальство проѣзжаетъ?

— Земскій часто катаетъ то туда, то сюда.

— Ничего онъ васъ не мучаетъ?

— Что жъ ему мучить, у насъ все исправно.

— Ну, это знать хорошій человѣкъ, сказалъ Павелъ Анисимычъ.—Эна въ томъ краю, говорятъ, такой... навязался, совсѣмъ замучилъ мужиковъ; то-есть какъ проѣдетъ мимо деревни, такъ штрафъ и штрафъ. То у двора не чисто, то улица не въ порядкѣ, и къ чему только не придерется!

— Безъ ума—голова шелбала, она никому спокою не дастъ, равнодушнымъ тономъ проговорилъ хозяинъ и, широко зѣвнувъ, откинулся къ стѣнѣ и потянулся.

IV.

Дождикъ дѣлался меньше и меньше. На западѣ уже прояснялось, и въ скоромъ времени оттуда брызнули огненные лучи заходящаго солнца и заиграли на капляхъ дождя, покрывавшихъ и листву деревьевъ, и ярко зазеленѣвшую придорожную траву.

Шкаринъ убѣдился, что ему нужнаго разговора, видимо, вызвать не удастся, и замолчалъ. Закусивши, онъ пилъ чай, чашку за чашкой.

Подъ боковымъ окномъ что-то мелькнуло; одна половинка его вдругъ отворилась съ улицы и въ немъ показалась человѣческая голова въ измятомъ и засаленномъ картузѣ, съ вострыми глазами, съ небольшой щетинистой бородкой. Шкаринъ привидѣ ея вдругъ замеръ, сердце его сильно дрогнуло, изъ рукъ чуть не выпрыгнуло блюдце. Онъ узналъ Максимку-пастуха.

„Что за чудо, не навожденіе ли?“ промелькнуло въ его умѣ, и онъ подался головой назадъ въ простѣнокъ, чтобы скрыть въ тѣни свое лицо, и сталъ ожидать, что будетъ.

— Чай да сахаръ, проговорилъ Максимка смѣло и самоувѣренно.

— Просимъ милости, проговорилъ Горкинъ:—иди въ избу, чего подъ окномъ-то всталъ?

— И въ избу приду, отопри-ка пойди мнѣ заднюю калитку, сказалъ спокойно Максимка и юркнулъ отъ окна внизъ.

Хозяинъ допилъ чашку, вылѣзъ изъ-за стола и пошелъ вонъ изъ избы.

Шкаринъ немного овладѣлъ собой, хотя сердце его продолжало сильно биться. Ему захотѣлось, не теряя времени, сдѣлать кое-какіе разспросы, и онъ, быстро допивъ блюдце и обратившись къ хозяйкѣ, спросилъ:

— Что жъ этотъ человѣкъ-то живетъ, что ль, у васъ?

— Нѣтъ, онъ не нашъ вовсе, а такъ прохожій.

— Знать, часто останавливается у васъ, хорошо васъ знаетъ-то?

— Кто насъ не знаетъ, насъ всѣ знаютъ.

— Что жъ это онъ не пошелъ, гдѣ люди-то ходятъ, а въ заднюю калитку? помолчавъ съ минуту, снова спросилъ Шкаринъ.

— А кто жъ его знаетъ, сказала хозяйка.

„Это что-нибудь да не такъ", подумалъ Павелъ Анисимычъ и почувствовалъ, какъ у него снова кровь ходуномъ заходила.

Вскорѣ послышался стукъ въ сѣняхъ, и въ избу вошли хозяинъ, а потомъ Максимка. Хозяинъ прошелъ прямо за столъ и сѣлъ на прежнее мѣсто, а Максимка, перекрестившись, сталъ было здороваться и вдругъ, взглянувъ на Павла Анисимыча, запнулся, въ лицѣ его что-то дрогнуло, и онъ на минуту потерялся. Павелъ Анисимычъ пристально глядѣлъ на него, стараясь сохранить спокойствіе, хотя въ душѣ его клокотала цѣлая буря.

Максимка видимо преодолѣлъ себя и съ дѣланной улыбкой проговорилъ:

— Ба, знакомому человѣку! Какъ это тебя Богъ занесъ сюда?

— А ты какъ попалъ?

— Я, знамо какъ, на своемъ двоемъ, на палочкѣ верхомъ.

— Ну, а я на лошади пріѣхалъ.

— Хорошее дѣло, сказалъ Максимка и сталъ скидывать съ себя кафтанъ.—Далеко ль пробираешься?

— Да куда лошадь повезетъ.

— Лошадь скотина, она идетъ, куда хозяинъ натрафитъ. Куда хозяинъ-то надумалъ?

— Далеко, отсюда не видать.

— Не хошь говорить, не надо, твое дѣло,—вдругъ набравшись смѣлости, грубо проговорилъ Максимка и, одернувъ въ подолѣ старую, выношенную самотканную рубашку, подошелъ къ рукомойнику и сталъ мыть руки.

— Вы, что жъ, знаете другъ дружку? проговорилъ хозяинъ, обращаясь къ Шкарину и стараясь прямо глядѣть на него; но будучи не въ состояніи удержать бойкихъ, безпокойныхъ глазъ, кидалъ ихъ то направо, то налѣво.

— Знаемъ, коротко сказалъ Шкаринъ.

— Знакомые, отозвался Максимка: — на одномъ солнышкѣ онучи сушили.

— Ну, такъ садитесь рядомъ, можетъ потолкуете по душѣ, съ ехидной улыбочкой на лицѣ сказалъ хозяинъ.

Максимка сѣлъ около Шкарина на скамейку. Хозяйская дочь Ѳедорка молча встала изъ-за стола и плавной походкой подошла къ шкафчику, взяла оттуда пустую чайную чашку и стала наливать ее чаемъ.

— Небось ѣсть хочешь? облокотившись на столъ и снова улыбаясь, но уже добродушно спросилъ Горкинъ, обращаясь къ Максимкѣ.

— Давай, коли есть что.

— Подай, Матрена, отрывисто приказалъ Горкинъ женѣ, и когда та подала свинину и хлѣбъ, снова спросилъ:

— Какъ же это тебя дождемъ не промочило?

— Въ овинѣ просидѣлъ.

— Ну, такъ развѣ.

Шкаринъ пристально глядѣлъ на Максимку и думалъ: онъ обокралъ его амбаръ или нѣтъ? И чѣмъ больше онъ приглядывался къ нему, тѣмъ увѣренность въ этомъ разрасталась въ немъ больше и больше; мало того, ему думалось, что Максимка и здѣсь-то очутился не иначе, какъ по этому дѣлу, и что въ этомъ дѣлѣ не безучастны хозяева этого дома, по крайней мѣрѣ самъ Горкинъ.—„И я здѣсь, среди нихъ! подумалъ Павелъ Анисимычъ: да они меня прикокошатъ, какъ пить дадутъ". И вдругъ по кожѣ Шкарина подрало морозомъ, и волосы на затылкѣ у него зашевелились. Но это продолжалось всего одну минуту, а потомъ этотъ страхъ самому Шкарину показался смѣшнымъ, и онъ сказалъ самъ себѣ: „Что я испугался-то? Неужели, правда, у нихъ на меня поднимутся руки, чего ради-то?"

И онъ быстро оправился, перевелъ глаза на Максимку и сталъ наблюдать и за нимъ и за хозяиномъ, и, наблюдая за ними, онъ чувствовалъ, какъ сердце его распалялось на нихъ нехорошими чувствами.

V.

Будучи самъ честнымъ и трудолюбивымъ и проводя жизнь почти не разгибая спины, Павелъ Анисимычъ понималъ и уважалъ только людей подобныхъ себѣ, къ людямъ же, смотрящимъ на жизнь по другому, онъ всегда относился съ глубокимъ презрѣніемъ. „Какіе же это люди, говорилъ онъ,— если они отъ дѣла какъ отъ медвѣдя сторонятся? Это ужъ не люди, а лодыри, а лодырь никакъ не можетъ прожить честно, благородно, а безпремѣнно долженъ на чужое добро глаза пялить, а это развѣ по-Божьи?" Онъ всю жизнь остерегался такихъ людей, и вдругъ ему пришлось дѣлить съ ними компанію и быть вотъ въ какой близости. Съ сильно бьющимся сердцемъ онъ привалился къ стѣнѣ и молча, задумчиво поглядывалъ то на Горкина, то на Максимку.

Максимка, наѣвшись, тоже принялся за чай, но пилъ его безъ видимаго удовольствія. Выпивъ чашки три, онъ бросилъ огрызокъ сахару въ сахарницу и перевернулъ чашку вверхъ дномъ. Какъ его ни уговаривали хозяинъ съ хозяйкой, онъ больше не захотѣлъ.

— Будетъ, спаси Христосъ, довольно и этого.

И сказавши это, онъ вылѣзъ изъ-за стола и, отошедши къ приступкѣ, сталъ доставать табакъ.

— Эхъ, покурить съ горя! сказалъ онъ, развязывая кисетъ и усаживаясь на приступку.—Говорится пословица: кто куритъ, тотъ въ телѣгѣ туритъ, а кто нюхаетъ, тотъ пѣшкомъ плюхаетъ. А все неправда это.

— Неправда, думаешь? снова слегка улыбаясь и щурясь какъ котъ, спросилъ Горкинъ.

— Однѣ враки. Я вотъ съ коихъ поръ курю, а все пѣшкомъ турю, а вотъ Павелъ Анисимычъ не куритъ, не выпиваетъ, а лучше насъ поживаетъ.

Павелъ Анисимычъ и по тону и по смыслу Максимкиныхъ рѣчей понялъ, что тотъ его хочетъ задѣть, и насторожился.

— Никому такъ жить не заказано, сказалъ онъ:—всякъ живетъ, какъ душа его желаетъ.

— Ну, ужъ это ты оставь! точно задѣтый чѣмъ проговорилъ Максимка.—Гдѣ это ты найдешь такихъ, чтобы жили какъ душа хочетъ? Я вотъ желалъ бы, чтобъ у меня всего было вдоволь, чтобы не заботиться ни о чемъ цѣлый вѣкъ, а выходитъ, что этого и во снѣ не снится, а не то что вьявь случится.

— Зачѣмъ же такого желать, что получить трудно? А ты доволенъ будь, что положено.

— Другому ничего не положено, а что самъ возьметъ, тѣмъ и сытъ будетъ, сказалъ вдругъ Горкинъ и засмѣялся.

— Вѣрно, что такъ, молвилъ Максимка, закуривая и вставая съ приступки и пріотворяя дверь, чтобы выпускать въ нее табачный дымъ:—что самъ возьмешь, тѣмъ и сытъ будешь.

Почти совсѣмъ смеркалось. На западѣ широко разливалась

туманно-огненная заря, а вверху неба изъ окна было видно, какъ плыли высокія облака, видимо остатки тучи. На улицѣ послышалось блеянье и мычанье скотины; напротивъ дома Горкина, на другой сторонѣ улицы, заскрипѣли, отворяясь, ворота. Ѳедорка бросила перемывать посуду, поправила обѣими руками платокъ на головѣ и, сказавши: „стадо идетъ, пойду собирать", направилась вонъ изъ избы. Горкинъ всталъ и тоже направился было вонъ, но его остановилъ Максимка:

— Ты куда?

— Лошадей въ ночномъ спутать.

— Погоди, ты куда меня на спанье-то положишь? Отведи, да я и лягу, а то и усталъ да и завтра рано вставать нужно.

Павелъ Анисимычъ тоже поднялся и проговорилъ:

— И мнѣ бы уголокъ отвелъ, и я улегся бы.

— Куда жъ мнѣ васъ дѣвать-то? Въ сарай если отвести? сказалъ Горкинъ и, остановившись посреди избы, задумался.— Или вотъ что: пойдемте въ шалашку за дворомъ, тамъ оба и помѣститесь, и у стороны будетъ, и не жарко, проспите какъ у Христа за пазухой.

Максимка взглянулъ на Павла Анисимыча, и по лицу его мелькнула какая-то тѣнь. Но Павелъ Анисимычъ былъ доволенъ. „Можетъ-быть, удастся тамъ хорошенько припереть этого головорѣза и узнать насчетъ пропавшихъ вещей", думалъ онъ.

Шалашка позади двора была построена для храненія корма въ зимнее время. Здѣсь еще сейчасъ лежала охапка сѣна и была густо натрушена яровая солома. Войдя въ шалашку, Павелъ Анисимычъ постелилъ свой халатъ и увидалъ, что постель будетъ прекрасная. Максимка тоже пристраивалъ свой кафтанъ.

— Ты смотри, только курить тутъ не вздумай, подожжешь еще, сохрани Богъ, предупредилъ Максимку Горкинъ.

— Ну, вотъ еще, неужели я не понимаю! воскликнулъ Максимка.

— То-то! Ну, спите съ Богомъ, да не поругайтесь, смотрите, вы что-то другъ на друга козыритесь, сказалъ Горкинъ и, засмѣявшись, скрылся за калиткой, ведущей во дворъ.

VI.

Послѣ грозы воздухъ былъ необыкновенно свѣжъ. Въ немъ разливался тонкій, непонятный сразу ароматъ. Съ одной стороны, изъ небольшого садика, куда выходила шалашка, несло запахомъ травъ и цвѣтущихъ деревьевъ. Павлу Анисимычу одинъ разъ показалось, что на него будто пахнуло запахомъ свѣжаго сырого сѣна, какой бываетъ въ покосѣ по вечерамъ. Съ другой стороны, отъ двора, ясно несло перепрѣлымъ навозомъ, но и то и другое было очень пріятно, и Павелъ Анисимычъ почувствовалъ приливъ такой свѣжести и бодрости, что позабылъ, гдѣ онъ и по какому случаю здѣсь очутился.

Прежде чѣмъ ложиться, Шкаринъ вышелъ вонъ изъ шалашки, помолился на востокъ, постоялъ съ минуту, втягивая въ себя воздухъ, и потомъ уже медленно, какъ бы съ неохотою снова вошелъ въ шалашку. Въ шалашкѣ было почти темно и совсѣмъ тихо, такъ тихо, что слышно было, какъ летаютъ въ воздухѣ шершни и какъ жуетъ за заборомъ лошадь Павла Анисимыча. Укладываясь на постель, Павелъ Анисимычъ опять вдругъ почувствовалъ, что ему предстоитъ тяжелое и непріятное дѣло, и это снова давило его сердце. Въ глубинѣ души своей онъ пожелалъ, чтобы этого ему совсѣмъ не предстояло.

Но это было мгновенное желаніе. Тотчасъ же онъ рѣшилъ, что дѣло нужно поскорѣе привести къ концу, что оно очень важно, что изъ-за этого онъ и здѣсь очутился и встрѣча съ этимъ человѣкомъ для него счастливый случай. Вытянувшись на своей постели и зажмуривъ глаза, съ забившимся сердцемъ, онъ набрался храбрости и спросилъ:

— А что жъ, парень, теперь, стало-быть, ты такъ и рѣшилъ жить тамъ, гдѣ что въ руки попадется?

Максимка, прежде чѣмъ отвѣчать, повернулся на мѣстѣ, зѣвнулъ и тогда уже лѣниво и видимо недовольнымъ голосомъ проговорилъ:

— Надо какъ-нибудь себѣ хлѣба-то добывать: ты меня съ мѣста-то протурилъ, а другого не вышло, — чѣмъ же кормиться-то?

— Не я тебя, а ты самъ себя съ мѣста прогналъ, пересѣвшимъ голосомъ проговорилъ Павелъ Анисимычъ.

— Что говорить, лиходѣй я самъ себѣ, что у себя хлѣбъ-то отбивать буду?

— Какъ же ты не лиходѣй, ты себѣ и людямъ лиходѣй, когда взялся за дѣло, а не исполняешь его какъ слѣдуетъ. Ты что жъ думаешь задаромъ деньги-то получать?

— Какъ такъ задаромъ? Что жъ я по болотамъ скакалъ да клюкву сбиралъ? Тоже, чай, пасъ, какъ и люди пасутъ.

— Пасъ, да не на положенномъ мѣстѣ, а въ чужой угодѣ; какая же это пастьба?

— Что же я со скотиной-то сдѣлаю? она тварь безпонятная, ужъ коли полѣзетъ куда, ее не скоро остановишь.

— А ты останавливай хорошенько! — вспоминая всѣ прошлогоднія обиды и отъ этого начиная мало-по-малу горячиться, воскликнулъ Павелъ Анисимычъ. — А то это какой же порядокъ: скотинѣ гдѣ понравилось, такъ и пускай туда ходитъ; вѣдь скотина-то всей деревни, а я одинъ, каково мнѣ ото всѣхъ терпѣть-то?

— А ты не отлучайся отъ деревни-то, чортъ тебя пихнулъ отъ людей-то на отлетъ, — еще разъ повертываясь и болѣе грубо, видимо уже не зная что сказать, проговорилъ Максимка.

— Ну, ужъ въ этомъ никто никому не указъ. Я самъ себѣ хозяинъ, что хочу, то и дѣлаю, это не твоего ума, братъ, дѣло! горячо и задорно проговорилъ Павелъ Анисимычъ.

— Ну, терпи и нападки хозяйскія.

— Потерплю, потерплю, да и будетъ скажу: одного обидчика отстранилъ, другой объявится—и другому то же будетъ.

— А они-то на тебя поглядятъ! Ты ихъ, а они тебя. У тебя, може, горло на нихъ широко, а у нихъ еще что-нибудь на это найдется.

Максимка проговорилъ это мѣрно, отчетливо и такимъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ, что Павелъ Анисимычъ закипѣлъ.

— И тамъ осѣкутся: разъ сдѣлаютъ, другой сдѣлаютъ, да попадутся.

Павелъ Анисимычъ придавалъ своимъ словамъ такое значеніе, какъ будто они невѣсть какъ были страшны; но Максимка, очевидно, принималъ это съ такимъ равнодушіемъ, какого Шкарину и представить себѣ было нельзя.

— Экъ нашелъ чѣмъ грозить! засмѣялся онъ. — Ну, посадятъ въ острогъ, а въ острогѣ развѣ хлѣбомъ не кормятъ? Или въ Сибирь сгонятъ— и въ Сибири солнце свѣтитъ, все одно, братъ. Зато ужъ натѣшишься надъ тѣмъ, какъ пожелаешь! Подберешься вотъ къ какому-нибудь пузану да чикнешь его такъ, что только стѣны останутся, а то и стѣнъ-то не будетъ, вотъ и пущай онъ тогда попляшетъ да локти погрызетъ: они близко, да не достанешь!

— А чего жъ ты у меня-то мало поработалъ? вдругъ спросилъ Шкаринъ и закрылъ глаза, какъ будто ожидая какого удара.

— На первый разъ будетъ и этого, опять невозмутимо спокойнымъ голосомъ сказалъ Максимка.

— Такъ это ты меня обокралъ!? съ визгомъ вскрикнулъ Павелъ Анисимычъ и даже привскочилъ на мѣстѣ.

— Кто тебѣ сказалъ? Что ты? со смѣхомъ воскликнулъ Максимка.

— Да ты самъ же сейчасъ сознался, подлецъ этакій!

— Мели, Емеля, ложись, спи знай, я не зналъ, что тебя и обокрали-то. Когда же это съ тобой случилось-то? А? Вотъ вѣдь дѣло-то! А я и не слыхалъ. И на много свиснули?

— Подлецъ ты, подлецъ! упавшимъ голосомъ проговорилъ Шкаринъ.—Никакой совѣсти въ тебѣ, въ мерзавцѣ, нѣту. Не чаялъ я отъ тебя этого!

Павелъ Анисимычъ такъ возмутился, что больше говорить не могъ. Онъ опять легъ на свое мѣсто и нѣсколько минутъ лежалъ тяжело дыша. Въ сердцѣ его кипѣло и озлобленіе на Максимку, и жуткость при сознаніи существованія такихъ отчаянныхъ головъ, и многое другое. Максимка тоже лежалъ молча и не шевелясь.

— Ну, ладно, немного спустя и нѣсколько успокоившись, но все еще пересѣвшимъ голосомъ сказалъ Павелъ Анисимычъ:—людской судъ тебѣ не страшенъ, а Божьяго суда ты не боишься? На томъ свѣтѣ вашего брата, ты думаешь, похвалятъ за это?

— Можетъ-быть и похвалятъ, почемъ мы знаемъ?

— То-есть какъ это почемъ мы знаемъ? Священное Писаніе-то что говоритъ? Заповѣди-то Божіи что гласятъ? Не убей, не укради, не пожелай дому ближняго твоего.

— Я этихъ заповѣдей не слыхалъ; знаю я одну заповѣдь: „не зѣвай", вотъ я ее и помню, а тѣ, знать, не для насъ писаны, коли намъ неизвѣстны.

— Такъ узнавай: самъ не можешь прочитать, другого, кто можетъ, попроси, а это озорство выходитъ, коли я чего не знаю, то и знать этого не хочу.

— Не озорство, а вольному воля, а спасенному рай.

— Какъ же это вольному воля? По-твоему, теперь значитъ всякъ для себя долженъ уставы уставлять: ты будешь жить какъ тебѣ вздумается, а я—какъ мнѣ вздумается?

— А то что же? Это мнѣ теперь по твоей дудкѣ плясать? На кой ты мнѣ, такой хорошій!

— И такъ хорошаго мало, если кто силенъ да смѣлъ, тотъ все и съѣлъ. Всякій человѣкъ для себя трудится, и въ закромъ къ нему забираться—не по-людски.

— Нѣтъ, должно быть, по-людски.

— Нѣтъ, не по-людски. Это волки такъ только дѣлаютъ,

зато имъ волчья и честь, а людямъ, братъ, другой законъ даденъ: трудись въ потѣ лица.

— Что ты поешь мнѣ барыню-то! чуть не вскрикнулъ Максимка и тоже, какъ Павелъ Анисимычъ давеча, вдругъ вскочилъ съ мѣста:—Трудись, въ потѣ лица ѣшь хлѣбъ! Да кто отъ трудовъ-то сытъ бываетъ? Можетъ, ты одинъ? Такъ каково тебѣ твоя сытость-то достается? Знаемъ, небось, какъ ты ломаешь-то! Да и сытость-то твоя — какая сытость? Ты вотъ не куришь, не пьешь, надъ каждымъ лишнимъ кускомъ трясешься какъ Іуда надъ кошелькомъ, а опусти рукава-то маленько, въ одинъ годъ все разсыплется и ты не плоше меня животъ подведешь, а то говоритъ — трудись! Не своими руками люди сыты-то бываютъ и въ довольствѣ-то живутъ, а чужими.

— Пожалуй, есть и такіе, такъ что же намъ на нихъ глядѣть?

— Какъ же на нихъ не глядѣть, когда они вездѣ, куда ни пойдешь, куда ни взглянешь? Какъ кто хорошо живетъ, такъ вѣрно чужую кровь пьетъ!

— Намъ такіе люди не указъ, они не по правдѣ дѣлаютъ, они за свои грѣхи передъ Богомъ отвѣтятъ.

— Ну, а мы за свои отвѣтимъ. Что жъ дѣлать-то, авось не больше ихняго нагрѣшимъ.

Максимка легъ на свое мѣсто, должно быть повернулся и замолчалъ. Шкарину стало слышно только его прерывистое, видимо сдерживаемое дыханіе. Павелъ Анисимычъ въ свою очередь повернулся и хотѣлъ было много, много сказать на это, но Максимка, замѣтивъ это, грубо прервалъ его:

— Ну, будетъ языкъ-то ломать, мнѣ спать хочется, спи и ты, а не хошь спать, ступай въ иное мѣсто, а другому не мѣшай!

И онъ, должно быть, завернулъ голову кафтаномъ, такъ какъ дыханья его стало совсѣмъ не слышно Павлу Анисимычу.

VII.

Послѣ всего этого Павлу Анисимычу было не до сна. Въ немъ вдругъ поднялось и забродило такое обиліе мыслей, какого, кажется, у него сроду не бывало. То ему вдругъ казалось, что Максимка такъ удивительно правъ въ каждомъ своемъ словѣ, что ему рѣдко когда такую правоту и встрѣчать приходилось, то въ немъ вдругъ вспыхивало сознаніе, что въ этомъ не только нѣтъ правоты, а что тутъ коренится страшная зловредная ложъ. То опять зарождалось что-нибудь въ оправданіе Максимкѣ, то снова это оправданіе уничтожалось. Павелъ Анисимычъ никакъ не могъ ни справиться съ мыслями, ни сдержать ихъ. Онъ рѣшилъ, что ему нужно успокоиться, и для этого онъ поднялся съ своего ложа, всталъ на ноги и, держась за заборъ, вышелъ изъ шалашки. Выйдя изъ нея, онъ не остановился около, а прошелъ дальше, прошелъ черезъ садъ и, дойдя до какой-то постройки, оказавшейся амбаромъ, замѣтилъ около нея валявшуюся лапу и сѣлъ на нее.

Давно уже смерклось. Небо было все усѣяно звѣздами, хотя не такими яркими, какъ бывало зимой или осенью, но все-таки замѣтными. За сараями надъ болотомъ густою бѣлою полосою стояла роса. Изрѣдка слышалось, какъ кто-то посвистывалъ, должно быть въ ночномъ, и поскрипывалъ коростель. Шершни все еще изрѣдка летали, жужжа въ воздухѣ, а къ востоку, на самомъ небосклонѣ то-и-дѣло сверкали фосфорическія вспышки, неизвѣстно отъ чего: блестѣла ли это молнія далеко ушедшей грозы, или же играли блѣдныя зарницы. Павелъ Анисимычъ дышалъ полной грудью, втягивалъ въ себя пріятный запахъ мокрой травы, но успокоиться все еще не могъ. Сердце въ немъ клокотало, въ вискахъ стучало, и вся кровь ходила ходуномъ.

„Ежели по его разсуждать, думалось Шкарину,—то что же тогда выйдетъ? Тогда значитъ ни въ какой неправдѣ грѣха

нѣтъ, все какъ будто такъ и надо, потому это не отъ себя мы дѣлаемъ, а съ другихъ примѣръ беремъ. А зачѣмъ намъ на другихъ глядѣть? На другихъ глядя жить—рѣшетомъ воду носить, а нужно свой законъ соблюдать, какъ тебѣ, значитъ, положено, такъ и дѣйствуй...“

Прошло съ полчаса, какъ Шкаринъ вышелъ изъ шалашки. Его охватилъ знобъ; холодъ со всѣхъ сторонъ окружалъ его, лѣзъ за шею, за пазуху, по тѣлу его выступили мурашки, и оно затрепетало отъ легкой дрожи. А онъ совсѣмъ не замѣчалъ этого, а все думалъ и думалъ. Многое передумалъ Павелъ Анисимычъ и сильно утомился. Голова его слегка закружилась.

„А я-то при чемъ, какое мое-то дѣло? подумалъ Шкаринъ.—Я ни у кого не ворую, чужой трудъ ничей не заѣдаю, развѣ я виноватъ чѣмъ? А эти головорѣзы-то и меня не обходятъ, когда на худое идутъ. Нѣтъ, это не годится, на этого щеголя-то нечего глядѣть, надо его прищучить“.

И только онъ подумалъ такъ, какъ тотчасъ же почувствовалъ, что теперь должно быть очень поздно и что ему стало холодно. Крякнувъ, онъ поднялся съ мѣста и, слегка пожимаясь, направился къ мѣсту своего ночлега.

Максимка должно быть еще не спалъ, такъ какъ Шкаринъ, когда пробрался въ шалашку и легъ на свое мѣсто, то вдругъ услышалъ, какъ тотъ шумно повернулся на мѣстѣ и громко вздохнулъ. Кромѣ того, около шалашки носился рѣзкій запахъ махорки, отъ свѣжаго воздуха еще болѣе чувствительный: видимо, малый недавно курилъ.

„И у него башка размышляетъ“, подумалъ Шкаринъ и, улегшись на свое мѣсто, продолжалъ обдумывать, что ему лучше сдѣлать съ Максимкой: по чести ль попросить его отдать ему его вещи, или объявить старостѣ, задержать его и попросить вмѣстѣ съ нимъ отправить Максимку въ станъ. „Запрется, ничего отъ него не выудишь, подумалось на это Павлу Анисимычу.—Такъ что же дѣлать?“

Утомленный непривычной работой мозгъ Шкарина шеве-

лился медленно, и чѣмъ дальше, поворачивался тупѣе; наконецъ онъ совсѣмъ пересталъ работать, и Павелъ Анисимычъ неожиданно для себя крѣпко заснулъ.

VIII.

Проснулся Шкаринъ совсѣмъ утромъ. Въ шалашкѣ было уже свѣтло. Павелъ Анисимычъ съ минуту не могъ сообразить, гдѣ онъ; сообразивши же и вспомнивъ все вчерашнее, онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста и оглядѣлся кругомъ. Въ томъ углу, гдѣ спалъ Максимка, было пустое мѣсто. У Павла Анисимыча какъ будто на мгновеніе остановилось биться сердце, но потомъ оно сразу забилось сильнѣе, и всего мужика охватило не то какое-то безпокойство, не то тоска.

Шкаринъ вышелъ изъ шалашки. Утро начинало разсвѣтать. Солнце пробивалось сквозь густую пелену, похожую на серебряную пыль росы, и обливало мягкимъ, теплымъ, красноватымъ свѣтомъ все окружающее. Яблони стояли всѣ мокрыя отъ росы и точно плакали. Кусты тоже были всѣ точно облитые, и отъ этого въ нихъ замѣчалось столько жизни, свѣжести и бодрости. Сотни мелкихъ пташекъ съ неугомоннымъ щебетаньемъ кишѣли въ вишенникѣ и звенѣли какъ серебряные колокольчики. Но Павла Анисимыча это нисколько не тронуло, онъ даже не остановился, а прямо пошелъ во дворъ. Подойдя къ своей лошади, онъ замѣтилъ, что у ней выѣденъ весь кормъ, несмотря на то, что запасъ его былъ довольно порядочный: очевидно, къ телѣгѣ пролѣзли ночью коровы и подобрали его, тѣмъ болѣе, что и лошадь-то была голодна: это Павелъ Анисимычъ узналъ по тому ржанью, которымъ встрѣтила его лошадь. У Павла Анисимыча сразу поднялось враждебное чувство къ хозяевамъ и ихъ скотинѣ: „Какіе должно сами хамы, такая и скотина“, подумалъ онъ. Потомъ онъ замѣтилъ, что съ лошади съѣхала уздечка, и та вбила ее въ навозъ; ворча, Шкаринъ поднялъ уздечку, сер-

дито хлестнулъ ею лошадь по носу и, сердитый и разстроенный, опять вышелъ за дворъ, чтобы обмыть себѣ руки о мокрую траву, росшую въ саду, и потомъ ужъ направился въ избу Горкина.

Вся семья Горкиныхъ тоже встала. Хозяинъ сидѣлъ у стола, хозяйка находилась въ чуланѣ и топила печку; легкій дымокъ, выбившійся изъ трубы, носился по избѣ и рѣзнулъ глаза Шкарину. Поздоровавшись, онъ обвелъ избу глазами и проговорилъ:

— А гдѣ жъ тотъ, что со мной ночевалъ-то?

— Эва хватился! Онъ, чай, верстъ 8 отхваталъ,—насмѣшливо поглядывая на Шкарина, сказалъ Горкинъ.

Шкаринъ опустился на лавку и, уставясь глазами на Горкина, съ минуту помолчалъ.

— А тебѣ онъ нуженъ былъ? съ лукавой усмѣшечкой спросилъ Горкинъ.

— Нуженъ, вотъ какъ нуженъ, сказалъ Павелъ Анисимычъ и вздохнулъ.

— И ты ему былъ нуженъ, только онъ тревожить-то тебя не захотѣлъ: спитъ, говоритъ, сладко; поклонъ велѣлъ тебѣ сказать да вотъ это передать.

И Горкинъ всталъ съ мѣста, вошелъ въ чуланъ и вытащилъ оттуда большой мѣшокъ, чѣмъ-то набитый и завязанный сверху веревочкой. Павелъ Анисимычъ съ изумленіемъ взглянулъ на Горкина, перевелъ глаза на мѣшокъ и, вскочивъ съ мѣста, сталъ быстро его развязывать.

Развязавъ мѣшокъ, Павелъ Анисимычъ увидѣлъ, что онъ набитъ тѣми вещами, которыя были у него украдены. Шкарина охватило такое волненіе, что онъ не удержался на ногахъ и снова опустился на лавку.

— Только не задаромъ онъ велѣлъ тебѣ это передать, съ прежней усмѣшечкой продолжалъ Горкинъ:—если, говоритъ, отдастъ онъ за это пять рублей, то пусть беретъ, а если нѣтъ, то и трогать нечего, такъ и наказывалъ.

Павелъ Анисимычъ глубоко вздохнулъ, полѣзъ въ карманъ,

вытащилъ оттуда кошелекъ и, доставъ изъ него синенькую, подалъ ее Горкину. Когда тотъ взялъ деньги, то Павелъ Анисимычъ спросилъ:

— А за ночлегъ-то тебѣ сколько?..

И разсчитавшись съ Горкинымъ, Павелъ Анисимычъ поднялъ на плечи мѣшокъ, оставленный ему Максимкой, и, выйдя изъ избы, направился къ своей телѣжкѣ. Пока онъ запрягалъ лошадь, выводилъ ее со двора и, усаживаясь, отъѣзжалъ отъ двора Горкина, все время его занималъ одинъ вопросъ: „Что же это такое? Что сдѣлалось съ малымъ, что онъ рѣшился вернуть вещи? Побоялся ли онъ того, что его теперь неминуемо притянутъ и ему ужъ не вывернуться, или въ немъ совѣсть заговорила“?

И какъ онъ ни ломалъ голову, все-таки ни на томъ, ни на другомъ рѣшительно не могъ остановиться. Только ужъ порядочно отъѣхавъ отъ деревни, онъ сказалъ самъ себѣ:

„Ну, да, ладно, какъ бы тамъ ни было, а все-таки хорошо. Если онъ побоялся, что я его притяну, рѣшился отдать мое добро,—и на томъ спасибо: и себя и меня отъ канители избавилъ. Если же по другому, тогда еще лучше, тогда...— И Павелъ Анисимычъ весь просіялъ и засмѣялся тихимъ, радостнымъ смѣхомъ:—Тогда, значитъ, у него совѣсть не совсѣмъ потеряна, и онъ кое-что понимать можетъ. Очень хорошо!“

И онъ, вполнѣ довольный и счастливый, стегнулъ вожжей буланку и пустилъ его по дорогѣ полной рысью.

Со ступеньки на ступеньку.

РАЗСКАЗЪ.

Со ступеньки на ступеньку.

Разсказъ.

I.

Была поздняя осень. Отъ лѣтней поры остались только кое-какія воспоминанія: на поляхъ торчало щетинистое жнитво, да на нѣкоторыхъ деревьяхъ трепались почему-то не слетѣвшіе одинокіе бурые листья. Въ деревняхъ уже и съ хлѣбомъ управились и многіе запаслись дровами и, защитивши завалинками жилища, приготовлялись къ встрѣчѣ зимы.

Въ деревнѣ Коптевѣ тоже почти всѣ были на управкахъ. И только одни Стрекачевы немного запоздали. Изба ихъ, старая, съ погнившими углами и съ худыми рамами, была еще ничѣмъ не огорожена, почему среди другихъ избъ она выдѣлялась, какъ выдѣляется оборванецъ среди хорошо одѣтыхъ и степенно окутанныхъ людей. Причиной этому было то, что самому Матвѣю, хозяину ея, еще некогда было заняться этимъ. Онъ хозяйствомъ не занимался и жилъ тѣмъ, что по лѣтамъ ходилъ въ пастухи. Это лѣто онъ пасъ въ одной деревнѣ неподалеку отъ своей и только недавно кончилъ пастьбу, но домой еще не перебирался, отчего еще и не могъ ничего сдѣлать, чтобы ухитить отъ наступившей стужи свою „хибарку“.

По правдѣ сказать, Матвѣй не очень и безпокоился объ

этомъ. „Ладно, сдѣлается,—говорилъ онъ, когда его жена Прасковья приставала къ нему съ тѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ то или другое для дома,—надъ нами не каплетъ“. Ему бы легко можно было хозяйствовать. На немъ лежало тягло земли, отецъ при раздѣлѣ „наградилъ“ его вполнѣ, но онъ добровольно промѣнялъ положеніе хозяина на мірского наймыша и вотъ уже лѣтъ пять ходилъ съ кнутомъ на плечѣ, жилъ по череду, одѣвался во что придется, не разбирая, годится или не годится ему одежда. И семья его поэтому не могла похвалиться своей долей. Правда, семья его была небольшая: кромѣ жены, у него былъ только одинъ сынишка Васька, мальчикъ лѣтъ 6, но зимою всѣмъ трудно было пробиться на всемъ покупномъ. Тѣмъ болѣе, и заработокъ Матвѣя былъ не равномѣрный. Въ иной годъ онъ приносилъ и все жалованье домой, но чаще случалось, что домой полностью попадала только „новь“, собираемая въ деревнѣ, гдѣ пасъ Матвѣй: мука, овесъ, конопля, жито, шерсть, жалованья же не попадало и половины. У Матвѣя была слабость: онъ любилъ выпить, а разъ онъ выпьетъ, то малымъ не ограничится, и тогда не одна бумажка быстро исчезала изъ его кармана. Нерѣдко у него случались потравы, за которыя вычитали изъ жалованья. И въ такіе годы имъ приходилось очень круто, хотя Прасковья тоже не гуляла,—она съ грѣхомъ пополамъ обрабатывала огородъ, ходила на поденщину, носила грибы, если годъ былъ грибной. Но и по дому нуждъ было не мало. Кромѣ харчей, нужно было справлять обувь, одежду, платить оброкъ, нанимать лошадь, обрабатывать огородъ и возить сѣно съ пустырей, которое Прасковья косила на кормъ бывшей у нихъ коровѣ.

Васька былъ ихъ единственный ребенокъ. До него у Прасковьи было еще двое ребятъ, когда они еще жили въ „семьѣ“, мальчикъ да дѣвочка. Но тѣ померли, одинъ шести недѣль—отъ цвѣта, другая къ годику—поносомъ. Васька же остался живъ, хотя сама Прасковья послѣ родовъ его чуть не умерла. У нея открылось сильное кровотеченіе, потомъ сдѣлалось воспаленіе въ животѣ. Ее возили въ больницу, и тамъ хотя

ей помогли, но сказали, что она навѣрное больше родить не будетъ, такъ какъ внутри ея произошла какая-то разстройка.

Въ этомъ году у Матвѣя выпала удача. Онъ не сдѣлалъ ни одной серьезной потравы и почти не пропилъ ничего изъ жалованья. Вчера утромъ онъ былъ дома и говорилъ, что ему придется около сорока рублей. Правда, эти деньги получитъ не сразу, за ними еще проходишь чуть не до заговинъ, но все-таки хоть надѣяться есть на что. У Прасковьи закружилась голова и она о многомъ-многомъ передумала, на многое загадала и, отправивъ мужа еще наканунѣ сбирать „новь", сегодня утромъ рано протопила печку, добыла подъ работу лошадь и отправилась за „новью", оставивъ дома одного Ваську, который еще не вставалъ.

II.

День стоялъ холодный. Землю какъ заковало ночнымъ морозомъ, такъ она и не отходила, несмотря на то, что по ней иногда скользили блѣдные, точно вылинявшіе солнечные лучи, прорывавшіеся сквозь горы слоистыхъ сѣро-синихъ облаковъ. Дулъ рѣзкій западный вѣтеръ, значительно усиливавшій холодъ и разносившій его по всѣмъ уголкамъ и закоулкамъ. По деревнѣ говорили, что такой стужи не бываетъ и зимой, хотя вѣрно она казалась такой потому, что къ ней еще не привыкли послѣ бывшаго тепла. Въ избу Стрекачевыхъ холоду набралось порядочно. Но въ ней пока стояла тишина, и эта тишина долго ничѣмъ не нарушалась.

Но вотъ въ сѣняхъ послышался шорохъ, въ дверь что-то заскребло и раздалось слабое мяуканье. За первымъ мяуканьемъ послышалось второе и третье. И чѣмъ дальше, тѣмъ мяуканье дѣлалось нетерпѣливѣе. Нѣжный голосъ кошки дѣлался грубѣе. Наконецъ, онъ сталъ совсѣмъ грубымъ и настойчивымъ.

На печкѣ вдругъ зашевелилось и тамъ показалась лохматая

бѣлокурая головка и заспанное блѣдное съ большими голубыми глазами личико мальчишки. Это былъ Васька. Личико Васьки нависло надъ грядкой и его глазенки метнулись по избѣ. Но такъ какъ въ избѣ никого не было видно, то голова Васьки на минуту скрылась на печкѣ и надъ грядкой показались его грязныя ножки, обтянутыя заплатанными холщевыми порченками, и на приступку стала спускаться вся фигура мальчишки. Очутившись на приступкѣ, мальчикъ быстро соскочилъ на полъ, толкнулся разъ-другой въ дверь и, какъ только дверь отворилась и въ нее вскочила худосочная бѣлая кошка, мальчикъ быстро захлопнулъ ее.

Кошка впрыгнула на приступку, потомъ на печку. Мальчикъ послѣдовалъ за нею.

— Что, озябла, дурочка?—проговорилъ Васька и, поймавъ кошку за шиворотъ, началъ гладить ее.

Ему самому было холодно. Онъ попробовалъ прижаться поплотнѣе къ печкѣ, но печка грѣла плохо. Онъ натащилъ на себя плохонькую дерюжонку одной рукой, а другой, не выпуская, держалъ за шиворотъ кошку.

— Ну, гдѣ ты была?—спрашивалъ онъ кошку.—Мышей ловила иль птичекъ?—И Васька повернулъ мордочку кошки къ своему лицу и притянулъ ее поближе. Но кошка только сморщила мордочку, зажмурила глаза, но ничего не сказала. Тогда мальчикъ выпустилъ изъ рукъ шиворотъ кошки, далъ ей легкаго подзатыльника и отпихнулъ ее отъ себя.

— Ну, и молчи, дура, — проворчалъ онъ недовольный и, повернувшись со спины на бокъ, поджалъ колѣнки къ животу, засунулъ между ними ручонки и остался такъ, стараясь согрѣться. А кошка впрыгнула на большой опрокинутый горшокъ, стоявшій тутъ же на печкѣ, и, подобравъ подъ себя ноги и зажмуривъ глаза, заворчала какую-то пѣсню.

„Отчего это кошки не говорятъ“?—подумалось Васькѣ, и онъ долго размышлялъ надъ этимъ вопросомъ. Но его мозжечекъ вмѣсто того, чтобы найти разрѣшеніе этому вопросу,

вдругъ перестал работать, и мальчикъ лежалъ какъ будто бы погруженный въ какую-то дремоту.

Прошло нѣсколько минутъ; внутри у мальчика что-то замутило, и онъ поднялъ голову и всталъ.

„Исть хотца"! — сказалъ онъ самъ себѣ. И, чувствуя, какой холодъ стоитъ въ избѣ, сталъ выбирать изъ валявшихся тутъ лохмотьевъ, во что ему одѣться. Найдя старую материнскую кофточку, онъ накинулъ ее на голову и полѣзъ долой съ печки.

Очутившись на полу, онъ, часто ступая босыми ножонками, подошелъ къ окну и, влѣзши на лавку, взглянулъ въ него. На улицѣ ничего привлекательнаго не было, но сквозь косяки и худую раму сильно дуло. Мальчикъ, съежившись, отошелъ отъ садившаго холода подальше и остановился среди избы.

„Гдѣ это мама? — задалъ онъ вопросъ себѣ. — Ленъ, что ли, у кого мнетъ или еще гдѣ"?

Постоявъ съ минуту, онъ, не сбрасывая кофты съ головы, подошелъ къ столу, открылъ ящикъ и увидалъ въ немъ горбушку хлѣба. Закрывши ящикъ, онъ сбросилъ съ себя кофту, подошелъ къ рукомойнику, умылся, утеръ мокрое лицо грязной утиркой, при чемъ только размазалъ грязь по щекамъ, и, взявши горбушку, сталъ ѣсть. Ѣлъ онъ медленно, жуя и подбирая крошки. Сидѣлъ онъ въ это время у окна и, снова закутавшись въ кофточку, глядѣлъ на улицу.

На улицѣ было какъ-то сѣро и скучно. Требыхалась солома на крышахъ и завалинкахъ, дрожали отъ вѣтра оголенныя березки. На дорогѣ копались въ просыпанной кѣмъ-то мякинѣ щипаные, недавно вылинявшіе пѣтухъ и двѣ курицы и съ десятокъ голубей. У одного двора подъ навѣсомъ молодая баба съ закутанной платкомъ головой трепала ленъ. Прошелъ, нахлобучивъ шапку и съежившись и запрятавъ руки одну въ карманъ, другую за пазуху, деревенскій староста, высокій, гнутый мужикъ; съ другого конца проѣхалъ верхомъ на лошади молодой парень, видимо, направляясь въ кузницу. Мальчикъ все смотрѣлъ и смотрѣлъ.

Горбушка была съѣдена. Ноги мальчика прозябли. Онъ поудобнѣе подправилъ ихъ подъ себя и все сидѣлъ, не отводя отъ окна глазъ.

III.

Вдругъ съ улицы донеслись звуки. Звуки эти были рѣзкiе и пронзительные. Васька насторожился, звуки повторились. Сначала эти звуки были похожи на зычный скрипъ немазаной телѣги, а потомъ они сдѣлались опредѣленнѣе и продолжительнѣе; Васька догадался о причинѣ ихъ.

— Поросенка колютъ! — воскликнулъ онъ и быстро вскочилъ съ мѣста. Онъ было бросился изъ избы глядѣть на то, привлекательное для него, зрѣлище въ чемъ былъ, но когда отворилъ дверь, то сразу подался назадъ и поспѣшилъ прихлопнуть ее.

— Холодно! — проговорилъ онъ и живо полѣзъ опять на печку и началъ шарить тамъ. Пошаривши нѣсколько, онъ отыскалъ на печкѣ старые материны валенки. Эти валенки были настолько плохи, что у нихъ сохранили свою форму только однѣ головы и то потому только, что подошвы ихъ были подковыряны пеньковыми сучилками, голенища же были такъ изъѣдены молью и истерты, что на нихъ была, какъ говорится, дыра на дырѣ. Мальчикъ же радъ былъ и этой обуви. Своей у него никакой не было: лѣтомъ онъ обходился безъ нея, а на зиму ему отецъ плелъ чуньки; но такъ какъ отецъ еще не пришелъ домой изъ пастьбы, то чуньковъ у него покамѣстъ не было.

Надѣвши на ноги валенки и накинувъ поудобнѣе кофту на голову, онъ направился изъ избы. Хоть итти въ большихъ валенкахъ было неудобно: ноги выскакивали изъ нихъ и Васькѣ, чтобы избѣжать этого, приходилось двигать ихъ движкомъ, однако онъ подвигался быстро. Выйдя изъ избы, онъ почувствовалъ, что вѣтеръ такъ ударилъ въ него, что чуть было

не сбилъ съ ногъ, при чемъ онъ сразу окуталъ холодомъ всего мальчишку, забрался и въ сапоги и за рубашку; но Васька не смутился этимъ; холодомъ его какъ будто освѣжило и придало бодрости, и онъ, оправившись и закутавшись хорошенько въ свою кофточку, посеменилъ къ тому мѣсту, откуда слышались звуки.

Звуки исходили изъ глубины двора Малютиныхъ, стоявшаго на той сторонѣ улицы, наискось отъ Стрекачевыхъ. Теперь они уже замолкли, и въ воротахъ этого двора толпилась кучка мужиковъ, бабъ и ребятишекъ. Взрослые что-то хлопотали тамъ, ребятишки же стояли глазѣя.

Когда Васька подбѣжалъ туда, то увидѣлъ, какъ подъ навѣсомъ на свѣже постланной соломѣ лежала, вытянувшись, большая жирная свинья. Между переднихъ ногъ у ней зіяла рана и оттуда сочилась густая алая кровь. Маленькіе глазки свиньи были полузакрыты, зубы оскалены и на одну сторону рта выглядывалъ прикушенный кончикъ языка. Тутъ же валялся длинный узкій ножъ съ окровавленнымъ лезвіемъ. Одинъ изъ мужиковъ, въ большой шапкѣ, съ сѣдою бородой и краснымъ носомъ, нагнувшись, гладилъ свинью по боку и приговаривалъ: „Вотъ такъ штучка, вотъ такъ штучка"! Другой, коренастый, съ русой окладистой бородой, съ засученными рукавами кафтана, окровавленными сучилками связывалъ свиньѣ ноги.

— Вотъ тебѣ и свинья пестра, моей женѣ сестра, не шелохнется лежитъ, — сказалъ, продолжая гладить свинью по боку, сѣдой мужикъ.

— А какъ она меня повезла-то! — отозвался мужикъ, вязавшій ноги:—такъ и проволокла по всему двору.

И, сказавши это, русобородый поднялся на ноги и поправилъ рукой шапку. Шапка сдвинулась на затылокъ и обнаружила потный красный лобъ.

— Ну, теперь ужъ намъ ее везть придется,—сказалъ сѣдой и засмѣялся.

— Да. Гдѣ шестъ-то? Готово все на огородѣ-то?—обратился русобородый къ заговорившимся о чемъ-то бабамъ.

— Готово, готово!—поспѣшно отвѣтила одна изъ бабъ.

— И лучина со спичками есть?

— Все есть, тащите!

Мужики просунули крѣпкій сырой березовый шестъ между связанныхъ ногъ свиньи и стали поднимать ее. Поднявши тушу на плечи, мужики вышли изъ-подъ навѣса и, обогнувъ дворъ, направились въ проулокъ и скрылись на огородахъ. Бабы — одна неся ведро съ водой, другая лучину, третья охапку соломы — шли за ними. Ребятишки, шумя и подпрыгивая, бѣжали и впереди и позади. Сзади всѣхъ двигался Васька; онъ радъ былъ бы тоже побѣжать впереди, но сапоги ему мѣшали. Онъ сначала попробовалъ было бѣжать пошибче, но споткнулся, упалъ и ушибъ о мерзлую землю колѣнки.

Процессія вскорѣ очутилась на огородахъ. Тамъ между пустыхъ грядъ лежали два толстыхъ гнилыхъ чурака, на нихъ, какъ мостовины на переводахъ, лежало нѣсколько кольевъ, подъ кольями была натрушена костра. Мужики положили на перекладины тушу, раструсили поравномѣрнѣй костру и подожгли ее. Костра загорѣлась, короткое пламя ея лизнуло бокъ свиньи, послышался легкій частый трескъ, какъ будто бы на огонь кинули вѣтвь можжевельника, ѣдкій бѣлый дымъ понесся по землѣ въ сторону. Бабы стали подсыпать костры побольше. Ребятишки со всѣхъ сторонъ лѣзли поближе къ огню. Потянуло туда и Ваську. Ему хотѣлось у огня погрѣться. Вѣтеръ его пронизывалъ насквозь и тѣльце его мѣстами нѣмѣло отъ холода, но любопытство брало верхъ и онъ торчалъ вмѣстѣ съ ребятишками и глядѣлъ, что дѣлаютъ со свиньей.

— Ребятишки, подите прочь, что вы мѣшаетесь-то тутъ!— кричали на ребятъ мужики. Ребята отскакивали съ одной стороны и лѣзли съ другой. Васька не отставалъ отъ другихъ.

Одинъ бокъ у свиньи опалили и перевернули на другой. Бабы начали опаленный бокъ поливать водой и тереть руками.

Мужики скребли тѣ мѣста, гдѣ кожа пригорѣла, ножами. Мальчишки, съ горящими отъ любопытства очами, глазѣли на эту процедуру.

IV.

Между тѣмъ Прасковья, мать Васьки, пріѣхала отъ мужа. Она привезла всю „новь", но была злая-презлая. Дѣло въ томъ, что ея любезный муженекъ, собравши „новь" и взявши у старосты денегъ въ счетъ жалованья, вчера вечеромъ загулялъ. Выпивши водочки, онъ схлестнулся съ какими-то забулдыгами играть въ карты и проигралъ три рубля. Баба, какъ узнала это, изъ себя вышла; но когда она напустилась на мужа съ руганью, онъ вмѣсто того, чтобы сознать себя виноватымъ, ощетинился, отколотилъ жену и ушелъ опять въ кабакъ. Бабѣ пришлось ѣхать домой одной.

Дорогой баба и наплакалась досыта, и много передумала горькихъ думъ. Ей припомнилась вся ея жизнь, ея молодость, когда она за плечами отца и матери не знала ни заботъ, ни нуждъ.

Она думала, что такая судьба ожидаетъ ее и замужемъ за Матвѣемъ. Домъ ихъ былъ зажиточный, стройка, скотъ,—какъ нельзя лучше. Старики его были „обстоятельные люди". Кромѣ Матвѣя, у нихъ еще было два сына—одинъ женатый, другой подростокъ. Работы во всемъ у нихъ шли дружно. Отъ Матвѣя первый годъ она была тоже безъ ума. Бойкій, веселый, остроумный, онъ ее прямо приводилъ въ восхищеніе. Но прошло два года послѣ свадьбы, Матвѣя взяли въ солдаты. Отслужилъ онъ, вернулся домой и сдѣлался совсѣмъ не тотъ. На гулянкахъ, въ праздникъ, онъ попрежнему былъ веселый, шустрый, когда же наступала работа, то совершенно перемѣнялся. Куда его веселость дѣвалась. За пахотой онъ бывалъ такой злой, какимъ Прасковья и не представляла его себѣ никогда. На все онъ ругался, лошадь безъ толку хлесталъ кнутомъ и

проклиналъ свою долю. То же въ покосъ и въ молотьбу. Прасковья въ удобную минуту спрашивала его, что съ нимъ сдѣлалось, что онъ измѣнился такъ. Матвѣй объяснялъ это тѣмъ, что онъ въ этой работѣ не видитъ никакого толку, такъ какъ работаешь изо всѣхъ силъ, а получаешь мало. Напрасно отецъ душитъ ихъ всѣхъ на землѣ, лучше бы распустилъ на сторону и самъ бы безъ заботы жилъ и они бы свѣтъ увидали. Сначала Матвѣй говорилъ это только женѣ, но потомъ онъ сталъ говорить это и отцу съ матерью. Дальше—больше, онъ прямо началъ проситься отпустить его куда-нибудь на сторону. Отецъ согласился, выправилъ ему годовой паспортъ и отправилъ въ городъ. Отпуская, онъ наказалъ ему, чтобы онъ высылалъ домой въ годъ сорокъ рублей; если вышлетъ эту сумму, тогда ему дадутъ новый паспортъ, а не вышлетъ—не прогнѣвайся—воротитъ назадъ. Прошелъ годъ, Матвѣй не только сорока рублей, а и сорока копеекъ не далъ. Отецъ потребовалъ его домой. Матвѣю еще труднѣе стало работать. Въ покосъ или молотьбу онъ иногда прямо уходилъ домой, заваливался въ пологъ и лежалъ тамъ. Братья на это ворчали, отецъ съ матерью ругались, а ему точно горя мало. „Что ты завалился,—скажутъ ему:—время ли теперь на боку лежать?"—„У меня на нутрѣ болитъ", отговаривался Матвѣй, хотя эта боль нисколько не мѣшала ему и за столъ садиться своимъ чередомъ и имѣть такой молодецкій видъ, какому бы многіе здоровые позавидовали. Однажды разсерженный отецъ попытался было прогнать его „нутряную боль" вожжами, но это нисколько не помогло. Парень завылъ, какъ ребенокъ, и убѣжалъ изъ дома; на другой день онъ вернулся пьяный и набросился на отца съ бранью: „Какъ ты смѣлъ меня трогать, я по службѣ отъ тѣлеснаго наказанія избавленъ". Отецъ плюнулъ на него и оставилъ пока въ покоѣ.

Подросъ и женился младшій братъ. На Матвѣя стали больше ворчать и коситься. Прасковьѣ невѣстки всѣ уши прожужжали, попрекали, что ея мужъ дармоѣдъ. Тогда отецъ въ

одинъ праздникъ, когда всѣ были дома, объявилъ Матвѣю, что онъ держать его въ домѣ больше не можетъ, что онъ только разстраиваетъ семью, поэтому онъ рѣшилъ его отдѣлить. Онъ ему покупаетъ усадьбу и стройку послѣ одной обмершей семьи, даетъ лошадь, корову и овецъ и всю сбрую; пусть онъ живетъ какъ хочетъ: старается ли, не старается— все для себя. Матвѣй все это выслушалъ молча и какъ будто равнодушно. Прасковья же грохнулась на лавку и долго горько рыдала; плакала и мать ихъ, но старикъ остался непреклоненъ. Онъ созвалъ сходъ, сдѣлалъ приговоръ и перевелъ Матвѣя на свое хозяйство. Очутившись самъ хозяиномъ, Матвѣй сейчасъ же продалъ лошадь и овецъ, оставилъ одну корову. „Мы на полѣ ломать не будемъ,—говорилъ онъ женѣ.— Ты живи дома, а я пойду въ городъ; устроюсь тамъ, на всѣ нужды тебѣ присылать буду, живи не тужи!“

И онъ выправилъ паспортъ и ушелъ въ городъ. Прасковья осталась дома и стала ждать, что будетъ отъ мужа, но отъ него ничего не было. Обѣщанья такъ и остались обѣщаньями. Года два онъ пошлялся въ городѣ, потомъ вернулся домой оборванный, худой и нанялся было въ работники на мельницу, но тамъ его не стали держать; тогда онъ пошелъ въ пастухи, „приболтался“ къ этому дѣлу и пасъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ.

Прасковьѣ послѣ раздѣла жить было очень плохо: ничего у ней не было — „за что ни хватись, все въ люди катись“. У родныхъ, отца съ матерью, дѣла пошли хуже. Свекры, пока были живы, выручали ее иногда, послѣ смерти ихъ не оставляли ее кое-когда и деверья, но Матвѣй, вернувшись изъ города, перессорился съ ними. Онъ напалъ на какого-то „облаката“ въ кабакѣ и тотъ подбилъ его судиться съ братьями. Матвѣй послушался и сталъ искать равнаго наслѣдства послѣ отца. Онъ указалъ на судѣ, что тѣмъ братьямъ больше досталось, но, конечно, высудить онъ не высудилъ ничего, но братьевъ онъ отъ себя оттолкнулъ окончательно: послѣ этого

они уже не стали имѣть никакой жалости и къ его женѣ съ ребенкомъ.

Когда Прасковья вспомнила все это, то худое, съ большими темными кругами подъ глазами, но еще красивое лицо ея выразило такую бездну тоски и отчаянія, грудь ея такъ придавило, точно внутри ея хотѣло разорваться что-нибудь. У нея явилось желаніе разрыдаться, но она не могла; отъ этого внутренняя боль ея только усилилась.

V.

Въ такомъ состояніи она подъѣхала ко двору. Въ ней все какъ-то одеревянѣло. Ей постыло было все: постылъ домъ, ребенокъ, самая жизнь. Она съ радостью бы теперь куда-нибудь исчезла: умерла, сквозь землю провалилась; ей было все равно. Когда она слѣзла съ воза и вошла въ избу, то и холодная изба, пустота, ея голыя стѣны усилили въ ней ея чувства: „Господи, да что же это такое?“ — испустила она мучительный вопль и, положивъ голову на столъ, осталась было такъ.

Но такъ она пролежала не долго. За окномъ скрипнуло и загромыхало. Прасковья схватилась съ мѣста и выбѣжала изъ избы. Чужая лошадь, на которой она привезла „новь“, остановленная у чужого двора, не захотѣла стоять тутъ, а пошла къ своему двору.

— Тпру, тпру, подлая! куда тебя понесло-то?—закричала Прасковья и бросилась догонять лошадь.—Что ты, лѣшманъ, не хочешь постоять минуты, аль тебѣ не милъ чужой дворъ-то?—И она схватила лошадь подъ уздцы и повернула ее опять къ своему двору. — Надо бы подержать ее. Гдѣ это Васька-пострѣлъ? Никакъ въ избѣ-то его нѣту!—И она взвязала лошадь, т. е. прикрутила ей морду вожжей къ оглоблѣ, и вошла въ избу.—Васька, Васька!—окликнула она.—Гдѣ ты, песъ?—Она заглянула на печку,—тамъ его не было и слѣда.—Убѣ-

жалъ кобель! Куда его шутъ унесъ въ такую погодку? Остудится, околѣвать будетъ, а тамъ ходи за нимъ. Ахъ онъ, сокрушитель мой! — И сердце ея наполнилось такою яростью, что у нея помутилось въ глазахъ. Она тотчасъ же вышла изъ избы и, остановившись у калитки, закричала во всю мочь:—Васька, Васька, Ва-а-ська!

— У Малютиныхъ твой Васька, на огородѣ, поросенка палятъ,—крикнула Прасковьѣ баба, трепавшая ленъ у двора напротивъ ихъ избы.

Прасковья молча направилась на огородъ Малютиныхъ.

Увидавши парнишку въ толпѣ ребятишекъ, сгрудившейся около палящейся свиньи, баба, не доходя нѣсколько шаговъ, остановилась и крикнула:

— Васька! ты куда, шутенокъ, ушелъ-то? Не сидится тебѣ дома-то, расхвати тебя поперекъ-то!

Васька, услышавъ необычайно сердитый голосъ матери, вышелъ изъ толпы и, повернувшись къ ней, уставился на нее во всѣ глаза.

— Домой иди, я тебя по ножкѣ разорву, мерзавца!

Баба даже топнула ногой, мальчишка не двигался.

— Ты что же, будешь слушаться-то или нѣтъ? — крикнула она и двинулась было къ мальчишкѣ.

Васька замѣтилъ, что ему добра ждать нечего отъ матери, вдругъ повернулся и во всю прыть побѣжалъ взадъ огорода за овины.

— Куда, куда тебя нечистый-то понесъ? — заблажила Прасковья и со всѣхъ ногъ бросилась было за нимъ.

Васька улепетывалъ, какъ только могли ноги двигаться. Онъ ужъ поровнялся съ овинами. Прасковья остановилась.

— Ну, песъ съ тобой, бѣги, дальше дома никуда не убѣжишь!

И она повернулась на мѣстѣ и пошла обратно ко двору. Когда она проходила мимо кучки, хлопотавшей около свиньи, ребятишки уставились на нее во всѣ глаза, а одна баба сказала:

— Что жъ ты его загнала-то, забѣжитъ еще куда.

— Песъ съ нимъ, пущай бѣжитъ!—пробурчала Прасковья и, не останавливаясь, прошла дальше.

VI.

Прасковья стаскала мѣшки съ новью въ избу, отвела къ сосѣдямъ лошадь, выпрягла, убрала ее и вернулась домой. Дома она нѣкоторые мѣшки выпорожнила, другіе поставила такъ въ горенкѣ и хотѣла было уже раздѣваться, какъ вспомнила о Васькѣ; она остановилась посреди избы и проговорила:—А вѣдь Васька-то не идетъ домой, пострѣленокъ! Гдѣ же это онъ тамъ пропадаетъ?—И она вышла изъ избы и направилась опять на огородъ Малютиныхъ. Но на огородѣ уже никого не было. На томъ мѣстѣ, гдѣ палили свинью, только лежали съ обгорѣлыми боками чураки, чернѣла куча пепла послѣ сожженной костры. Пепелъ этотъ виднѣлся и дальше на огородѣ, его разносило вѣтромъ. Кругомъ было сѣро и скучно и холодно; душу Прасковьи защемила тоска, и она, не останавливаясь, шла по огороду и кричала:

— Васька, Васька, Васька-а!

Но никто не откликался ей. Она пошла дальше, дошла до овиновъ и все кричала. Поровнявшись съ линіей овиновъ, она остановилась, оглянулась на всѣ стороны, какъ бы соображая, куда ей итти, и опять кликнула Ваську.

Опять никто не откликнулся. Она осмотрѣла одинъ овинъ, поглядѣла сзади его—тамъ никого не было; она опять кликнула и пошла было къ другому овину. Проходя мимо кучи дровъ, лежавшей за первымъ овиномъ, Прасковьѣ послышалось, какъ въ серединѣ кучи что-то хрустнуло; она заглянула туда и сейчасъ же закричала:

— Ахъ ты, песъ! ахъ ты, сокрушитель мой! Чего ты только забрался-то сюда, окаянный?—И она протянула руку, хотѣла выдернуть мальчишку изъ кучи, но въ это время ея взглядъ

остановился на личикѣ мальчишки, и сердце ея внезапно охватила жалость.

Мальчикъ сидѣлъ въ дровахъ весь скорчившись, но это не уберегло его отъ холода. Онъ весь посинѣлъ, зубы его стучали, на глазахъ стояли слезы, и онъ сейчасъ еще всхлипывалъ.

— Присуха моя безотвязная! — уже со слезами въ голосѣ закричала Прасковья. — Чего ты здѣсь торчишь-то только? Вѣдь замерзъ совсѣмъ, мучитель ты мой!

Она взяла Ваську на руки; тѣльце его все подергивалось. Она разстегнула свой перешивокъ, обернула его одной полой и пошла съ нимъ домой.

— Чего ты тутъ сидѣлъ-то, вѣдь окоченѣлъ совсѣмъ, постылый мой! Что жъ ты домой-то не шелъ?

Васька только всхлипывалъ.

— Вѣдь все какъ ледъ, и ножонки и брюшонко. Развѣ можно въ такой холодъ раздѣвшись ходить,—простудишься въ одну минуту, скрутитъ и помрешь. Ахъ ты, безопасный этакій!

Она ужъ говорила это безъ всякаго сердца. Гнѣвъ ея прошелъ, въ голосѣ ея слышалось что-то новое, сердечное.

Она внесла мальчика въ избу, посадила его на приступку и стала раздѣваться. Мальчикъ еще чаще заколотилъ зубами и вдругъ громко заплакалъ.

— Ну, чего ты, чего, дуракъ этакій?

— Меня на печку,—пролепеталъ Васька и заревѣлъ совсѣмъ.

— Ну, иди, иди!—проговорила Прасковья, сбросила съ него кофту, стащила сапоги, пощупала ножонки. — Это что!.. ноги-то какъ у гуся, полѣзай скорѣй!

И она помогла ему взобраться на печку, постелила тамъ ему худенькую дерюжонку, накрыла его валявшимся тамъ тряпьемъ и прилегла сама съ нимъ, положивши на него одну руку.

— И зачѣмъ ты только убѣжалъ, куда не слѣдуетъ?—говорила она ему. — Куда такой холодъ бѣгать! Это у кого

хорошая обувка-одежка, да и то только стерпи; ишь вѣдь какая знобь: въ избѣ-то и то сугрѣву нѣтъ.—Но Васька ничего не отвѣчалъ. Онъ лежалъ, весь скорчившись, и только изрѣдка глубоко и прерывисто взрыдывалъ.

— Захвораешь и будешь вотъ такъ валяться, развѣ хорошо?—продолжала причитать Прасковья.—Эхъ ты, глупый, право, глупый!

Васька продолжалъ молчать. Дрожь его мало-по-малу стала униматься, онъ видимо начиналъ отогрѣваться; вскорѣ его охватила глубокая дремота и онъ заснулъ.

VII.

Прасковья слѣзла съ печки и сѣла къ столу. Она перевязала платокъ на головѣ, вздохнула и вспомнила, что она еще сегодня ничего не ѣла. Она встала съ лавки, достала съ бруса хлѣба и положила его на столъ. Потомъ подошла къ печкѣ, вытащила оттуда сковородку съ нечищеннымъ картофелемъ и принялась обѣдать.

Ѣла она проворно, съ большимъ аппетитомъ, и въ это время ея голова была точно пустая, бродили въ ней какіе-то обрывки мыслей, но яснаго и цѣльнаго ничего не было. Послѣ картошки она налила изъ кринки немного молочка и быстро выхлебала его. Послѣ этого ее взяла дрожь. Она только теперь почувствовала, какъ холодно у нихъ въ избѣ. Убравши со стола, она усиленно дыхнула,—изо рта пошелъ паръ. Она подошла къ косяку окна, приставила руку и ясно почувствовала, какъ несетъ холодъ. Потомъ она сунулась въ уголъ— и тамъ дуло очень ощутительно. Она сѣла на лавку и какъ-то опустилась вся, лицо ея точно потемнѣло и изъ груди вырвался глубокій вздохъ.

„Изба разваливается, надо новую ставить,—подумала она,— а гдѣ намъ что взять? Вонъ онъ какой добышникъ-то: свою утробу никогда набить не можетъ, а не то что, что...“

И цѣлый рой печальныхъ думъ поднялся у нея въ головѣ. Ей представилось, какъ у нихъ развалится изба, на что имъ будетъ „сгоношить“ новую. Одинъ срубъ купить и то денегъ много нужно: лѣсъ съ каждымъ годомъ дорожаетъ, и плотники поднимаютъ себѣ цѣну; а чего стоитъ ихъ прокормить! „Вѣдь вотъ если бы онъ путный былъ, — подумала она на мужа,— то, что пропивалъ-то, каждый годъ откладывалъ бы на избу: по десяти рублей въ годъ—и то сколько денегъ-то! А съ этими деньгами можно было бы и къ стройкѣ приступить, было бы съ чѣмъ затѣять; тогда, видя его старанье, и въ долгъ бы лучше дали: тотъ маленько, другой немножко, а то теперь куда итти?“

И жгучая злоба на своего безталаннаго мужа охватила все ея существо. У нея сперло дыханіе, глаза ея какъ-то расширились и изъ груди ея вырвался глухой стонъ.

„Куда съ нимъ пойдешь? Куда дѣнешься? Чего отъ него можно ожидать? Разнесчастный онъ человѣкъ, загубилъ онъ мою голову, заѣлъ мой вѣкъ!

„Если уйти отъ него?.. Взять вотъ мальчишку да уйти въ свой городъ, въ губернію, а не то въ Москву. Бѣлый свѣтъ не клиномъ сошелся. Уходятъ другія, да какъ еще живутъ-то, за милую душу. Эна Марья Пискарева пріѣхала и на деревенскую-то не похожа — купчиха купчихой. Мужъ-то какой храбрый, а приступить боится: заплатила за него недоимку, ея руку и староста и старшина держатъ“.

Она прижалась къ стѣнѣ и неподвижно сидѣла нѣсколько минутъ. Мысли ея все вертѣлись въ одномъ направленіи и текли быстро, неудержимо.

„Наймусь въ кухарки или въ няньки... неужели меня не возьмутъ?.. Ну, сперва жалованья поменьше положатъ, а тамъ—попривыкну—прибавятъ. Мальчишку пока около себя подержу, а подрастетъ, тоже къ дѣлу пристрою. Что жъ дѣлать? не у чего дома-то привиться, нужно въ чужихъ людяхъ привыкать жить; дастъ Богъ умъ да талантъ, выраститъ самъ себя, на ноги поставитъ.

„Ну, а то — что жъ тутъ жить? чего ждать? — продолжала думать она. — Самой если въ работницы на лѣто наниматься, значитъ домъ заколотить, послѣднюю коровенку продать и огородъ забросить, а на зиму все нужно покупать. На поденщину обоимъ ходить, много ли этимъ заработаешь!“

И ее начала охватывать страшная, мучительная тоска. Ей стало такъ трудно, что точно у нея внутри что разорвалось. Вдругъ она завыла, и на голову ея мужа посыпались новыя ругательства:

„Песъ, мучитель, сокрушитель онъ мой! Да хоть бы онъ издохъ, окаянный! Война бы поднялась, подстрѣлили бы его тамъ. Развязалъ бы мою голову. Ну, что мнѣ теперь дѣлать? что? что? — Она завыла еще пуще и сорвалась съ мѣста. Остановившись посреди избы, она заговорила сама съ собой:

„Уйду, уйду, ни за что съ нимъ жить не стану! Будетъ, помучилась довольно!“

И она рѣшительно сдернула съ полатей свой перешивокъ и стала надѣвать его.

„Сейчасъ пойду къ старостѣ, — разсуждала она, — и буду просить пачпортъ; староста не дастъ, къ старшинѣ пойду, къ земскому, а ужъ вырвусь. Будетъ, будетъ!“

Вдругъ ей вспомнилось, что она не первый разъ уже на это рѣшается. Не первый разъ говоритъ эти слова и все-таки живетъ, мучится и не трогается съ мѣста. Сейчасъ же за этимъ воспоминаніемъ родился вопросъ: а куда ты пойдешь? Ничего не знающая, ничего не видавшая, куда она направитъ путь, да еще съ ребенкомъ. Въ городъ?.. Это легко только сказать или подумать, а какъ это на дѣлѣ выполнить? И все это показалось ей такъ резонно и вразумительно, что она сразу опѣшила. Рѣшительность ея исчезла и ее охватила робость и малодушіе. Еще съ минуту она постояла на мѣстѣ, потомъ опустилась на лавку и испустила громкій вопль. Некуда тебѣ итти. Корпи весь вѣкъ, мыкай горе!

И горькія неудержимыя рыданія подступили къ ней къ горлу, и она вся затряслась отъ нихъ и закрыла лицо руками.

И долго-долго плакала она. Вѣтеръ на улицѣ все завывалъ, окна дрожали отъ напора его, дребезжа разбитыми стеклами. На дворѣ нѣсколько разъ слышалось мычанье коровы, видимо просившей либо пить, либо ѣсть, а она какъ будто не слыхала этого.

VIII.

Время подходило къ вечеру. Вѣтеръ на улицѣ не унимался. Избу Стрекачевыхъ такъ выдуло, что въ ней было, какъ говорится, „хоть волковъ мори", стекла стало запушать узорнымъ налетомъ. Прасковья немного успокоилась. Она задала корму коровѣ, приготовила ей къ утру. Сходила къ одной сосѣдкѣ отвести душу жалобой на свою долю и вернулась опять въ избу. Васька все спалъ. Прасковью взяла тревога. „Что это онъ дрыхнетъ столько времени,—подумала она,—или назябся очень?" И она встала на приступку и заглянула на печку. Васька лежалъ на самой серединѣ печки разметавшись, дыханье у него было прерывистое и онъ часто шевелилъ губами. Прасковья прислушалась, протянула руку и дотронулась до головы мальчика. Васька тотчасъ же зашевелился и забормоталъ скороговоркой:

— Не трожь, не трожь, укушу! не трожь!

Прасковья отдернула руку. Вслѣдъ за этимъ Васька поднялся съ мѣста, затеръ глаза руками и захныкалъ.

— Что ты, родимый мой, чего?—ласково проговорила Прасковья и обняла его рукой.

Но мальчикъ опять ткнулся лицомъ въ изголовье и опять заснулъ.

„Что это онъ разоспался", съ еще большей тревогой подумала Прасковья и, накрывъ мальчика дерюгой, слѣзла съ приступки и опять сѣла на лавку.

Она хотѣла думать о мальчикѣ, но мысли ея какъ на грѣхъ шли въ другую сторону: ей больше думалось о Матвѣѣ.

„Придетъ ли домой сегодня мой разудалый?“ невольно задала она себѣ вопросъ, и опять мысли ея полетѣли въ этомъ направленіи, опять ея лобъ сморщился и на лбу налегли слѣды заботы.

„Ну-ко опять онъ не придетъ... загуляетъ и прогуляетъ денегъ еще больше. Староста говорилъ, онъ ему отдалъ восемь рублей; ну-ко всѣмъ имъ онъ свернетъ голову“.

Опять ея сердце похолодѣло и жгучая тоска снова овладѣла имъ. „Что жъ это за безсердечный человѣкъ зародится! Вѣдь на эти деньги сколько добра для дома можно сдѣлать. Вонъ я въ Успеньевъ день на два рубля грибовъ продала и то что накупила“. Она стала перечислять, что она накупила, и оказалось очень много: мальчику на рубашку, себѣ на фартукъ, мыла, два горшка, заслонку новую къ печкѣ, соли, ложекъ, кружку для питья, стекло къ лампѣ и еще что-то; а что бы теперь эти восемь рублей потратить, что бы на нихъ можно сдѣлать?

И Прасковья стала было перечислять, что теперь имъ нужно въ домъ и сколько на это нужно денегъ, какъ вдругъ на печкѣ опять зашевелилось, и Васька опять вскочилъ и забормоталъ что-то.

Прасковья бросилась къ нему. Васька сидѣлъ весь опустившійся, еле держа голову на плечахъ, и хныкалъ. Прасковья осыпала его вопросами:

— Что ты, милый, что ты, голубчикъ?.. Поди слѣзь долой, небось, поѣсть хочешь?..

Васька покрутилъ головой.

— Не хошь? Такъ чего же ты хочешь-то? А? Скажи, родименькій?

— Ничего не хочу!—пролепеталъ Васька.

— Такъ, може, долой хочешь? Поди подъ окошко вонъ сядь. На улицу поглядишь, вонъ накинь кофточку.

Но Васька опять повалился на изголовье и простоналъ. Прасковья взялась ему за голову, голова была горячая-горячая и отъ всего тѣльца его пышало нестерпимымъ жаромъ.

— Эва какъ ты разгасился! Знать, остылъ очень; экій дурачокъ, ничего ты не бережешь себя. Попить не хошь ли?

— Хочу,—слабымъ голосомъ проговорилъ Васька и повернулся на мѣстѣ. Дыханье въ немъ становилось все учащеннѣе, онъ лежалъ закрывши глаза; когда мать поднесла ему воды, онъ опять приподнялся, но, глотнувъ раза два, снова повалился и снова же закрылъ глаза.

— Часъ отъ часу не легче! Этотъ никакъ захворалъ; пойдетъ бѣда, отворяй ворота,—проговорила Прасковья и глубоко вздохнула.

Черезъ нѣсколько минутъ Васька опять попросилъ пить; потомъ онъ снова захныкалъ и запросился долой. Прасковья ссадила его съ печки. Онъ было шагнулъ по избѣ, вдругъ его стало рвать какою-то зеленью. Онъ расплакался и зашатался. Прасковья поддержала его и подвела къ столу.

— Что ты, Христосъ съ тобой!—говорила она, а Васька опустился какъ плеть. Его мучило и мутило. Онъ немощнымъ голосомъ плакалъ и медленно качалъ головой.

Прасковья уложила его за столъ, завернувши въ шубу. Для пойла ему сходила къ старостѣ и выпросила кувшинъ квасу и взяла въ долгъ фунтъ баранокъ (староста кое-чѣмъ приторговывалъ) и вернулась домой. Васька квасъ пилъ охотно, но баранокъ ѣсть не сталъ. Баба опять перетащила его на печку и сама легла около него.

IX.

Матвѣй домой не приходилъ. Васька ночью спалъ тревожно. У него появился сильный кашель. Жаръ въ немъ то усиливался, то ослабѣвалъ. Онъ просилъ пить, его опять мутило и нѣсколько разъ рвало. Послѣ вторыхъ пѣтуховъ въ окно постучались: пришла баба изъ того двора, гдѣ Прасковья вчера брала лошадь, звать ленъ мять за это. Прасковья, боясь оставить хвораго мальчика одного, отказалась, обѣщая

притти на другой овинъ; баба заругалась на это. Прасковья слышала, какъ она, отходя отъ окна, отчитывала ее: „Не выдрыхлась, должно быть, вотъ и не хочется итти; всѣ вы бобыли такіе, толстогузые: какъ у тебя что—выпросятъ, не отстанутъ, а къ нимъ походи да покланяйся“. Прасковью эти слова задѣли за живое, она хотѣла было уже оставить Ваську и итти на толоку, какъ вдругъ Васька громко закричалъ и вскочилъ съ мѣста. Прасковья бросилась къ нему.

— Что ты, что ты, соколикъ мой? Чего ты?

— Стращаютъ, стращаютъ меня, мамушка, о-о-о!

— Кто тебя стращаетъ, что ты, голубчикъ?—сказала Прасковья и поспѣшно засвѣтила огонь.

— Страшные!—протянулъ Васька:—съ рогами вотъ такъ!— И мальчикъ приставилъ кулаченки къ вискамъ и вытянулъ вверхъ указательные пальчики.

Прасковью взяла оторопь.

— Что жъ такое, Господи Іисусе, кому тебя стращать, это тебѣ сгрезилось.

Мальчикъ громко плакалъ и весь дрожалъ. Прасковья опять влѣзла къ нему на печку, уложила его, одѣла и сама прилегла къ нему. Васька все еще дрожалъ, хотя плакать пересталъ. Черезъ нѣсколько минутъ Прасковья спросила:— Вася, ты спишь?

Вася отвѣтилъ слабымъ голосомъ, не открывая глазъ:

— Нѣтъ.

Черезъ минуту опять онъ вздрогнулъ и порывался вскочить съ мѣста, но Прасковья стала гладить его и уговаривать:

— Не бойся, не бойся, миленькій, ничего не бойся, я съ тобой.

Сначала она было хотѣла загасить огонь, но потомъ раздумала; такъ прошло время до самаго свѣта.

Съ разсвѣтомъ Прасковья затопила печку. На улицѣ вѣтеръ ослабъ и сверху сыпалась „крупа“, но холодъ почти не ослабѣвалъ; поэтому Прасковья рѣшилась побольше сжечь дровъ въ печкѣ, чтобы хорошенько нагрѣть избу. Протопивши

печку, она опять полѣзла провѣдать Ваську. Тотъ лежалъ съ полуоткрытыми глазами и тяжко, прерывисто дышалъ. Жара въ немъ не было, но и все тѣльце его было сухо. Прасковья спросила, что у него болитъ, и онъ отвѣтилъ слабымъ-слабымъ голосомъ, что „все больно".

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вдругъ опять впалъ въ забытье, началъ бредить и въ немъ снова открылся сильный жаръ. Прасковья почувствовала, какъ на сердце ея налегла новая тяжесть, и она стала думать:

„Ну, какъ онъ помретъ? Сдѣлается ему еще хуже, онъ и не вынесетъ". И когда эта мысль ясно обрисовалась въ ея головѣ, то у нея вдругъ вся внутренняя всколыхнулась и помутилось въ глазахъ. Она вся поблѣднѣла и поблекшими устами прошептала:

— Нѣтъ, нѣтъ, Господи, сохрани!

Моментально она все забыла: и свою горевую судьбу, и безталаннаго мужа, и всѣ напасти, которыя ей пришлось вынести за время ея замужества, — все это ей показалось мелкимъ и незначительнымъ, а важнымъ ей казалось теперь одно, чтобы ея Васька не умиралъ. Зачѣмъ ему умирать? Развѣ кто этого хочетъ? Пусть живетъ.

„Да мнѣ имъ только и свѣтъ красенъ. Что мнѣ безъ него дѣлать? Мужъ мой неудалый, ни родимаго батюшки, ни родимой матушки, съ кѣмъ мнѣ тогда будетъ душу отвести? на кого глядя порадоваться? Да неужели я такъ прогнѣвала Бога, что Онъ и послѣднюю мою утѣху хочетъ отнять?.. за какія-такія прегрѣшенія?..

И она вдругъ горько-горько расплакалась и забыла все въ слезахъ. Ее точно пришибло чѣмъ, и когда она оправилась, то лицо ея еще болѣе потемнѣло и въ глазахъ появилось какое-то новое выраженіе.

X.

Матвѣй не приходилъ домой и въ этотъ день. Уже передъ обѣдомъ третьяго дня сквозь запушенныя морозомъ окна своей избушки Прасковья замѣтила, какъ по улицѣ замелькали какія-то тѣни. Она подошла къ окошку и, найдя въ немъ небольшой уголокъ, не захваченный морозомъ, взглянула въ него. Тѣни мелькали въ одномъ направленіи: съ верхняго конца деревни внизъ бѣжали ребятишки и кое-кто изъ взрослыхъ. Прасковья встревожилась: что это тамъ, не пожаръ ли? И поспѣшно накинувъ на себя одежину, вышла изъ избы. Но никакого пожара не было. А видно было, какъ по дорогѣ съ нижняго конца деревни въѣзжали двѣ подводы, запряженныя парами лошадей. Съ боку этихъ подводъ шла кучка людей и подъ залихватскіе звуки гармоники, жужжаніе бубна и пронзительный звонъ трензеля выводила пѣсню; до Прасковьи отчетливо доносились слова:

Погуляемъ и попьемъ,
Во солдатушки пойдемъ,
Во солдатушки пойдемъ,
Мы и тамъ не пропадемъ.

Она догадалась, что это везутъ рекрутъ въ городъ, и ихъ-то глядѣть и бѣжалъ народъ, который столпился у крайней избы и глазѣлъ на нихъ во всѣ глаза. И она уже хотѣла было вернуться въ избу, какъ ей почудилось, что одинъ изъ голосовъ, выкрикивающихъ пѣсню, какъ будто бы былъ знакомъ ей. Она остановилась. Рекруты вошли уже въ деревню. Лошади, вытягивая шеи, съ напряженіемъ тащили въ гору. Колеса постукивали по мерзлой землѣ. На телѣгахъ помѣщалось нѣсколько бабъ, молодыхъ и старыхъ, женъ и матерей будущихъ солдатиковъ, съ печальными заплаканными лицами. Съ одного бока шли два мужика: одинъ опираясь

кнутомъ, какъ тросточкою, другой безо всего, въ новыхъ рукавицахъ. Они о чемъ-то разговаривали между собой. Рекруты шли съ другого бока, ничего не замѣчая, съ одеждою нараспашку, съ красными возбужденными лицами и во всю глотку выкрикивали пѣсню. Когда Прасковья вглядѣлась въ кучу рекрутъ, она узнала, кто распѣвалъ знакомымъ голосомъ, и сердце у нея облилось кровью.

Въ серединѣ кучки рекрутъ шагалъ Матвѣй. Его кафтанъ былъ туго перетянутъ кушакомъ. Онъ заправилъ за него пальцы рукъ и, поднявъ кверху раскраснѣвшееся лицо, опушенное рѣдкой бѣлокурой растительностью, со сдвинутой набекрень старенькой шапченкою, высокимъ заносистымъ теноркомъ выводилъ слова пѣсни. Его красивый, немного разбитый голосъ выдѣлялся изъ всѣхъ и покрывалъ весь хоръ. Онъ это видимо чувствовалъ и видимо упивался этимъ. Лицо его выражало собой полное блаженство.

— Песъ, песъ страмной, что онъ дѣлаетъ-то!—ахнула Прасковья и чуть не присѣла на мѣстѣ. — Дома парнишка умираетъ, а онъ съ некрутами ватажится. Да что же это такое, батюшки мои!

Неподалеку отъ двора Стрекачевыхъ пѣсня была кончена. Гармоника, трензель и бубенъ замолчали. Пѣсельники стали откашливаться и отплевываться. Одинъ изъ нихъ, возвышая голосъ, крикнулъ:

— У попа восемь коровъ, у дьякона девята, закуривай, ребята!

Одинъ парень вынулъ изъ кармана бумагу и сталъ дѣлать большого „гусара“.

Матвѣй немного отдѣлился отъ нихъ, остановился и проговорилъ:

— Ну, други, вамъ счастливый путь, а намъ оставаться тутъ; вонъ моя казарма, а вонъ и мой дядька стоитъ, унтеръофицеръ Прасковей... Видите?

Онъ показалъ на свою хату и на свою жену и засмѣялся. Рекруты одинъ за другимъ стали его за что-то благодарить

и пожимать за руку. Простившись съ нимъ, они торопливо побѣгли догонять уѣхавшія впередъ подводы.

Прасковьи не было уже у двора. Она ушла въ избу. Когда Матвѣй отворилъ въ избу дверь, то замѣтилъ, что баба сидитъ на передней лавкѣ, какъ-то вся опустившаяся. Она встрѣтила его такимъ взглядомъ, отъ котораго, несмотря на бывшій въ его головѣ хмель и еще не выдохшееся веселье, въ сердце его что-то кольнуло. Но онъ не обратилъ на это вниманія, а остановился посреди избы, заправивъ руки опять за кушакъ, и запѣлъ.

Прасковья, какъ на пружинѣ, подскочила съ мѣста и съ страшно исказившимся отъ испуга и гнѣва лицомъ бросилась къ мужу.

— Песъ! Васька умираетъ!..чего ты распустилъ пропасть-то?

Въ голосѣ ея было столько тоски и отчаянія, что Матвѣя это даже ошарашило, и онъ прикусилъ языкъ. Онъ вытаращилъ свои небольшіе, похожіе на оловянные, глазки и сдвинулъ брови.

— Что ты говоришь?—почти не раскрывая глазъ, промолвилъ онъ.

— Васька умираетъ! Гуляка ты безпутный, совѣсти-то у тебя нѣтъ.

И она вдругъ горько-горько, прерывисто зарыдала. Рыданія ея были глухія, но видимо исходили изъ самой глубины души. Матвѣй оторопѣлъ и съ глупымъ выраженіемъ лица снялъ шапку, положилъ ее на столъ и самъ усѣлся на концѣ стола. Онъ молча пристально съ минуту глядѣлъ на жену, потомъ отвелъ глаза отъ нея и обвелъ ими всю избу. Потомъ онъ поднялся съ мѣста, пошатываясь подошелъ къ приступкѣ, держась за грядку, вступилъ на нее и взглянулъ на печку. Васька лежалъ навзничь съ разметавшимися ручонками и запекшимися губами и тяжело, прерывисто дышалъ. Когда Матвѣй вглядѣлся въ его лицо, то онъ почти не узналъ его: до того оно измѣнилось. Обыкновенно пухлое, рыхлое, какъ это бываетъ у большинства недоѣдающихъ ребятишекъ, оно

теперь страшно осунулось. Маленькій носъ его сдѣлался большимъ, глаза ввалились въ ямы, шея казалась такой тонкой-тонкой и ручонки необыкновенно быстро похудѣвшими. Матвѣй съ минуту поглядѣлъ на него, потомъ спустился на полъ и порывисто началъ раздѣваться. Вдругъ онъ заплакалъ мужицкими пьяными слезами и забормоталъ страннымъ, точно чужимъ, голосомъ:

— Что же это такое, Господи Боже! Ты думаешь какъ лучше, а выходитъ какъ хуже! Мой милый Вася, мой драгоцѣнный сынокъ хочетъ умирать! Что же это такое, Господи!

И онъ свернулъ свою одежину въ комокъ, положилъ ее за столъ и продвинулъ въ самый уголъ, потомъ ткнулся на нее ничкомъ и продолжалъ плакать. Но ни его слезы, ни его причитанія не растрогали сердца Прасковьи. Она перестала рыдать, испустила глубокій вздохъ и взглядомъ, полнымъ ненависти, окинула его. Вскорѣ она замѣтила, что Матвѣй пересталъ плакать, потомъ послышалось его громкое сопѣніе, а черезъ нѣсколько минутъ раздался громкій храпъ. Матвѣй заснулъ какъ убитый. Прасковья еще разъ вздохнула и пошла на печку провѣдать своего больного сынишку.

XI.

Васькѣ дѣлалось хуже и хуже. За все время, какъ заболѣлъ, онъ ничего не ѣлъ и только просилъ пить. Вчера онъ еще кое-что говорилъ, но сегодня и говорить сталъ рѣже и какимъ-то сиплымъ голосомъ. Ему захватывало глотку. Наступалъ вечеръ. Матвѣй все спалъ на лавкѣ и почти безъ просыпа. Одинъ разъ онъ только перевернулся и почесался, и опять захрапѣлъ, задравъ носъ къ верху. Къ вечеру Васькѣ очевидно стало хуже: онъ опять заметался, забредилъ и поминутно впадалъ въ забытье. Прасковья расталкала мужа, прогнала его долой съ лавки и стала на его мѣстѣ стелить мальчику постельку, чтобы ей удобнѣе было сидѣть около

больного и наблюдать за нимъ. Постеливши постельку, она засвѣтила лампу и перетащила Ваську сюда.

Матвѣй, проснувшись, долго сидѣлъ на конникѣ и почесывался и кряхтѣлъ. Голова его была взлохмачена, глаза покраснѣвшіе и какіе-то осовѣлые. Посидѣвши немного, онъ вышелъ изъ избы, опять вошелъ, напился холодной воды и пересѣлъ на другое мѣсто къ переднему окну. Облокотившись на столъ и глядя на Ваську, онъ спросилъ:

— Что же это такое съ нимъ сдѣлалось-то? А?

Прасковья сидѣла за столомъ наискось отъ мужа, въ ногахъ у Васьки, и, не отводя отъ личика мальчика глазъ, проговорила:

— Третьяго дня доспѣлось. Простудился должно, на улицу убѣгъ, а холодъ-то какой былъ!

— Зачѣмъ же ты его пускала?

— Кто его пускалъ? Самъ убѣгъ, когда меня дома не было. Я пошла за нимъ, а онъ убѣжалъ отъ меня, да въ дрова за овиномъ и спрятался. Я пошла его искать, а онъ ужъ тамъ какъ котелина синяя сдѣлался.

— Дура, дубовая голова!—сердито проговорилъ Матвѣй:— не могла ужъ во-время домой его залучить!

— Ты уменъ!—воскликнула, задѣтая за живое, Прасковья.— Приходилъ бы да залучалъ. Онъ тамъ по кабакамъ шляется, а я тутъ все догляди да доспѣй.

— Тебѣ нечего на мое безумство глядѣть, ты свои порядки веди!

— Я свои порядки и веду. Онъ пропадаетъ не отъ моихъ непорядковъ, а отъ твоихъ. Если бы у тебя глотка-то поуже была, неужели бы это сдѣлалось? Была бы у него обувочка съ одежиной, онъ и не такой холодъ перенесъ бы. Бѣгаютъ другіе ребятишки, да не простуживаются! А то у насъ ни на ногахъ, ни на плечахъ—поневолѣ захвораешь.

— Такъ вотъ онъ отъ этого и захворалъ, что раздѣмши, разумши былъ?

— Ну, а то отъ чего же, разумная твоя голова? Ну, отъ

чего же? Будь онъ по-людски обутъ, одѣтъ, когда бы еще его прознобило-то! А то вѣдь онъ почти весь голый былъ.

— Видно такая планида ужъ нашла!—вздохнувъ проговорилъ Матвѣй и, почувствовавъ, что онъ сказалъ глупость, вдругъ покраснѣлъ и какъ-то безпокойно моргнулъ глазами.

— Планида!—подхватила Прасковья. — Та и планида, что вотъ ты утробу свою никогда не набьешь. Всю ты жизнь, всю ты жизнь только и заботишься о своемъ мамонѣ! Ни о комъ ты, ни о чемъ ты никогда не думаешь. Есть ли у тебя семья, нѣтъ ли, тебѣ и горя мало! Ну, я-то какъ-нибудь обойдусь. А кому же о ребенкѣ-то думать, какъ не тебѣ? Другіе отцы-то не надышатся на своихъ дѣтей-то, себя обрываютъ, дѣтей-то ублажаютъ! А ты?.. Ты когда позаботился ли о ребенкѣ-то хоть одинъ разъ во всю свою жизнь? Подумалъ ли о своей семьѣ, какъ, молъ, имъ нужду переносить, безпутная твоя голова?

Прасковья горько-отчаянно завыла, видимо стараясь вылить всю накопившуюся въ ней горечь. Матвѣй долго сидѣлъ молча и неподвижно, опустивъ голову. Потомъ онъ рѣшительно всталъ, натянулъ на себя кафтанъ и, нахлобучивъ шапку, вышелъ изъ избы. Но не надолго. Черезъ минуту онъ опять вернулся, снялъ шапку, раздѣлся и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Что жъ, ступай опять въ кабакъ,—тамъ веселѣй! Чего жъ тебѣ дома торчать, здѣсь ни вина, ни пріятелей! — визгливо выкрикнула Прасковья.

— Давай денегъ, пойду!—грубо проговорилъ Матвѣй.

— Какъ денегъ?!. Да развѣ у тебя нѣту?—всплескивая руками, воскликнула Прасковья.

— Были, да сплыли!

— Царица моя Небесная! Да что жъ мнѣ будетъ теперь дѣлать-то? Головушка моя разнесчастная, да когда только громъ-то соберется надъ тобой!—И Прасковья грохнулась на столъ и, причитая и всхлипывая, затряслась надъ нимъ. Матвѣй сидѣлъ блѣдный-блѣдный и по лицу его пробѣгали судороги.

— Нѣтъ, это Богъ взыщетъ меня милостью своей, если

приберетъ мальчишку! Развяжетъ онъ тогда и руки и ноги! Дня одного не останусь съ тобой! Уйду, куда глаза глядятъ уйду! Пачпорта не дашь, безъ пачпорта уйду, бродягой объявлюсь, пускай меня загонятъ куда хочутъ, а ужъ не останусь я съ тобой!

— Замолчи, тебѣ говорятъ!—заревѣлъ Матвѣй и, вскочивъ съ мѣста, топнулъ ногой.—Все сердце вынудила, змѣя! Я те прикушу языкъ-то!

Прасковья, захлебнувшись въ слезахъ, мгновенно умолкла. Васька, испуганный крикомъ отца, вдругъ проснулся и горько заплакалъ. Прасковья проворно подняла голову и бросилась къ нему.

— Что ты, что ты, болѣзный мой, Богъ съ тобою?—глотая слезы и съ трясущейся головой спросила его она.

— Боюсь!—пролепеталъ Васька, не переставая плакать.—Мнѣ страшно.

— Ничего, Христосъ съ тобою; это тятька крикнулъ; видишь, онъ стоитъ.

— Я тятьки боюсь!

Матвѣй сразу присмирѣлъ какъ овечка. Онъ робко подошелъ къ больному и, наклонясь надъ нимъ, совершенно измѣнившимся голосомъ проговорилъ:

— Что жъ ты меня боишься, вѣдь я тебя жалѣю, сынокъ.

Васька поглядѣлъ на него полуоткрытыми глазами и успокоился. Онъ долго лежалъ не шевелясь, потомъ мотнулъ головой и проговорилъ:

— Тятька, а ты мнѣ жалейку сдѣлаешь?

— Сдѣлаю, сдѣлаю, соколикъ ты мой!—поспѣшно воскликнулъ и растроганный и обрадованный Матвѣй.—Завтра сдѣлаю, поправляйся только.—Онъ сѣлъ было въ ногахъ мальчика, но потомъ вдругъ всталъ, отошелъ къ двери и закрылъ лицо правой рукой.

Прасковья услышала какой-то звукъ и, обернувшись, поняла, что́ это за звукъ.

Матвѣй тихо и глухо всхлипывалъ.

XII.

Черезъ минуту мальчикъ опять вздрогнулъ и что-то забредилъ. Потомъ онъ очнулся и запросилъ пить. Прасковья подала ему водицы, но мальчикъ ужъ и головы поднять не могъ. Прасковья подняла ему одной рукой голову, другою поднесла чашечку съ водой; мальчикъ пилъ жадно, но ему, видно, было трудно глотать. Прасковья проговорила:

— Господи! И помочь не знаешь чѣмъ ему. Коли бы зналъ теперь, что ему пользительно будетъ, чего хошь бы раздобылъ.

— Спросить у кого-нибудь,—проговорилъ Матвѣй.

— У кого спросить?

— Пошла бъ къ Мироновымъ. Они все-таки кое-что знаютъ; свои ребятишки есть, тоже, небось, хворали.

Мироновы были степенное, умное семейство. Большакъ ихъ Иванъ былъ ровесникъ Матвѣю, но совсѣмъ другого сорта человѣкъ; онъ былъ грамотный, разсудительный и хотя жилъ на одномъ крестьянствѣ, но жилъ такъ, какъ мало кто живетъ въ деревнѣ. У него такъ было поставлено дѣло, что та же полоса, что у другихъ, больше родила, лошадь лучше везла, корова больше давала молока. Прасковья подумала нѣсколько, и когда Васька опять впалъ въ забытье, она отошла отъ него, набросила перешивокъ и вышла вонъ изъ избы.

Хотя смерклось недавно, но на улицѣ было темно-темно, Небо было заволочено густыми облаками, сквозь которыя не было видно ни одной звѣздочки. Только изъ избъ лился сквозь окна свѣтъ длинными желтыми холстами. Чувствовалось както жутко. Тишина на улицѣ была полная, только изъ сосѣдней деревни доносились по вѣтру звуки хороводной пѣсни, да вдругъ по серединѣ улицы раздался громкій дѣвичій смѣхъ, и какой-то голосъ воскликнулъ: „Ахъ, подлая! да что она только знаетъ-то!“ Смѣхъ повторился. Голоса были такіе

веселые и беззаботные. Очевидно, тутъ стояла артель дѣвокъ, кончившихъ гдѣ-нибудь мять ленъ и передъ расходомъ по домамъ остановившихся въ кучкѣ покалякать. Прасковью что-то рѣзнуло по сердцу. Это было непріятное чувство. Она вообразила себѣ то горе, какимъ была переполнена ея душа, и почувствовала, что это горе таится только въ ней одной и никого другого не задѣваетъ. И когда она сообразила это, то ей сдѣлалось такъ обидно и такъ тяжело, какъ будто бы тяжесть ея горя увеличилась до безконечности.

Ей стало жутко и страшно. Въ самомъ дѣлѣ, она живетъ среди людей, люди эти ежедневно мелькаютъ у нея передъ глазами и она проходитъ мимо нихъ, всѣ они знаютъ другъ дружку, видятъ каждый день, но интересы ихъ вовсе не въ комъ-нибудь другомъ, а у каждаго только въ себѣ самомъ. Чѣмъ кто живетъ, у кого что на нутрѣ происходитъ, никто не знаетъ, да и не хочетъ знать. У одного, можетъ-быть, душа на части разрывается, у другого, можетъ-быть, цѣлая буря таится внутри, а человѣкъ, можетъ быть и близкій, проходитъ мимо совершенно равнодушно, погруженный только въ свои интересы и думы, и ему ни до кого нѣтъ дѣла. И всѣ ѣздятъ на одинаковыхъ полозкахъ и всѣ смотрятъ на это сквозь пальцы. Что же это значитъ? Законъ судьбы или люди настолько извратили свою жизнь, что по уши погрязли въ грубомъ безчувственномъ самолюбіи и весь міръ считаютъ сосредоточеннымъ только каждый въ себѣ самомъ? Да вѣдь такъ понимать жизнь,—никогда свѣта Божьяго не видать.

Прасковья стояла какъ пришибленная, боясь двинуться съ мѣста. „Какъ я пойду, къ кому,—думала она;—какъ скажу о своемъ горѣ, когда каждому только самому до себя. Кому до другихъ какое дѣло?“ И вдругъ ей подумалось, что стоитъ ли хлопотать о томъ, чтобы мальчикъ поправился; не лучше ли будетъ, если мальчикъ помретъ? Смерть не сладка, что говорить. Но вѣдь, все равно, помирать придется—рано или поздно, а каково жить-то? Но такая мысль въ ней только промелькнула, она тотчасъ же отрезвилась и ужаснулась,

какъ это она только могла подумать это. „Что я дѣлаю, развѣ можно такъ разсуждать?“ И она рѣшительно сдвинулась съ мѣста и быстро-быстро, какъ только можно въ темнотѣ пройти, направилась ко двору Мироновыхъ.

Очутившись подъ окнами, Прасковья замѣтила, что Мироновы всѣ дома. Бабы что-то расхаживали по избѣ. Иванъ сидѣлъ на лавкѣ и „татушкалъ“ маленькаго ребенка; двое другихъ ребятишекъ, мальчикъ и дѣвочка, сидѣли за столомъ и чѣмъ-то играли. Прасковьѣ полегчало, какъ только она взглянула на эту семью, и она уже съ меньшей душевной тяготой подступила къ дверямъ ихней избы.

Войдя въ избу Мироновыхъ, она поклонилась имъ и робко проговорила:

— Родимые мои, не поможете ли вы моему горюшку, не научите ль чѣмъ мнѣ мальчика своего попользовать?

— А что такое съ нимъ? — участливо мягкимъ голосомъ спросилъ ее самъ Иванъ, молодой еще, полный, добродушнаго вида мужикъ, съ красивой русой окладистой бородой.

— Да вотъ что... — И Прасковья разсказала, какъ боленъ ея Васька. Иванъ внимательно выслушалъ ее и проговорилъ:

— Что же вы въ больницу не съѣздите? Ребенокъ умираетъ, а вы и полѣчить не хотите?

— Родимый мой, кабы мы крестьяне были, а то на чемъ намъ ѣхать—ни лошади, ни сбруи, да и закутать-то путемъ не во что. Погодка вишь какая, до костей прохвачитъ.

— Ну, тутъ хорошенько поухаживайте, — немного подумавъ, сказалъ Иванъ. — Кислаго ничего нельзя давать, грубаго чего-нибудь. Поите чаемъ, кормите молокомъ да баранками. А грудку на ночь хорошо бы свинымъ саломъ вымазать.

Прасковья заплакала.

— Если бы мы на ряду съ другими жили-то, — заговорила она,—а то нѣтъ у насъ ничего, ни сала... Господи, да когда же это мое мученье кончится?

Она вдругъ совсѣмъ расплакалась и опустилась на лавку.

— Погоди, не плачь,—сказала Катерина, высокая худощавая женщина, жена Ивана, — мы сала-то тебѣ найдемъ. Матушка,—обратилась она къ свекрови, маленькой, подслѣповатой старушкѣ,—у насъ, кажется, было нутряное сало-то?

— Было, было, какъ же, въ амбарѣ должно быть; вотъ погоди, я схожу.

— Я сама схожу, вотъ уложу маленькаго да схожу; давайка мнѣ ее.

И Катерина взяла отъ мужа ребенка и стала укладывать его въ люльку. Иванъ всталъ и, остановившись посреди избы, проговорилъ:

— Да и чайку-то мы тебѣ принесемъ; вотъ будемъ самоваръ ставить, тогда и принесемъ. Ступай съ Богомъ!

Прасковья, глубоко вздохнувъ, направилась домой, ей было много легче. Прежнія отчаянныя мысли уже не приходили къ ней въ голову, и она удивлялась, какъ она могла дойти до того.

XIII.

Не болѣе какъ черезъ полчаса къ Стрекачевымъ пришла сама старуха Мироновыхъ, бабушка Марѳа, и передала Прасковьѣ большой чайникъ, два куска сахара и кусочекъ нутряного сала. Прасковья, принимая отъ нея это, разсыпала слова благодарности и между тѣмъ поглядывала на мужа, какъ бы говоря: чувствуй, мы бы въ этомъ могли не имѣть нужды, а ты доводишь.

Старуха осталась въ избѣ Стрекачевыхъ посидѣть. Она поглядѣла на больного и стала разсказывать, какъ у нихъ хворалъ весной старшій ребенокъ и какъ они его выхаживали. Вскорѣ Васька очнулся. Прасковья попотчевала его чаемъ. Васька не отказался, но пилъ его одинаково что воду, видимо уже не имѣя возможности сдѣлать различки. Прасковья еще не отпоила мальчика чаемъ, какъ въ избу вошла другая посѣтительница, тоже уже немолодая, но крѣпкая и

жилистая баба, Алена Спирина, ходившая по своей и по сосѣднимъ деревнямъ повитухой. Она истово помолилась, поклонилась всѣмъ бывшимъ въ избѣ и проговорила тихимъ голосомъ:

— Здорово живете!

— Добро жаловать, бабушка,—съ прерывистымъ вздохомъ молвила Прасковья.

Матвѣй откинулся къ косяку окна и сидѣлъ, сцѣпивши руки и опустивши ихъ между колѣнъ и понуривъ голову. Заспанное лицо его уже давно разгладилось и въ мутноватыхъ глазахъ просвѣчивалась мысль.

— Ишь какая моя рука-то легкая,—проговорила Мароа:—я еще не ушла, другая пришла.

— Услыхала, что мой внученочекъ захворалъ. Правда это?—спросила Алена.

— Какъ же, третій день лежитъ, да такъ-то плотно,—снова вздыхая, проговорила Прасковья.

Алена подступила къ столу, Прасковья уступила ей свое мѣсто, баба сѣла и нагнулась къ Васькѣ.

— Экъ вѣдь какъ сварился, и не узнаешь, — проговорила Алена;—сохрани Богъ помретъ, жалко будетъ.

Прасковья стояла у стола и, подперши одну щеку рукой, подавила глубокій вздохъ. Матвѣй же слегка вздрогнулъ головой и въ глазахъ его сверкнула тревога, но оба они ничего не сказали.

— Легко сказать, — отозвалась на слова Алены Мароа: — растили, растили да хоронить.

— Все же только одинъ онъ у нихъ,—продолжала Алена;—Богъ знаетъ, може, кормилецъ будетъ.

— Да развѣ мы желаемъ его смерти, — заговорила Прасковья.—У насъ только и радости, что онъ. Въ немъ одномъ все утѣшеніе мое. Бывало худо ль тебѣ, трудно ль тебѣ, горе тебя разберетъ, а какъ поглядишь на него, все пройдетъ, какъ рукой сниметъ. Думаешь: тебѣ Богъ счастья не далъ, ну, ему, може, таланъ выпадетъ. Анъ оно вонъ какой таланъ-то!

И, проговоривши это, Прасковья заплакала.

— Ну, не плачь, Божья воля, може, еще и выздоровѣетъ; на-ко вотъ разогрѣй въ печи, а то испеки, да и дай ему, оно кисленькимъ-то все освѣжитъ горлышко-то.

И Алена полѣзла въ карманъ своего полушубка и, доставъ оттуда два небольшихъ мерзлыхъ яблока, подала ихъ Прасковьѣ.

Прасковья взяла яблоки, положила ихъ на сковородку и поставила на брусъ; потомъ она опять подошла къ столу и сѣла на скамью напротивъ Алены.

Алена поглядѣла на нее, потомъ на Матвѣя. Матвѣй тоже взглянулъ было на нее, но, встрѣтившись съ ея взглядомъ, отвернулъ глаза въ сторону. Алена ничего не сказала и, уставившись на мальчика, долго молча глядѣла на него.

— Жалко съ ними разставаться-то, вотъ какъ жалко!—заговорила вдругъ она.—Я сама двоихъ такихъ похоронила, а какъ вспомнишь, что у нихъ душки-то ангельскія, грѣха еще у нихъ никакого нѣтъ, словно какъ бы и ничего. Пойдутъ они ко Христу подъ крылышко, будутъ съ ангелами да архангелами и за родителей еще Бога помолятъ. А живъ останется, души не спасетъ, — трудно по нонѣшнимъ временамъ душу-то соблюсти.

— Богъ ее знаетъ-то какъ!—вздохнувъ молвила Прасковья.

— Что тутъ знать, это всякому видно, — проговорила бабушка Марѳа. — Мы живемъ на этомъ свѣтѣ, въ смолѣ кипимъ, надо говорить дѣло. Развѣ такъ надо жить-то, какъ мы-то живемъ. По нашей жизни лучше на свѣтъ-то не надо бы родиться!

— Правда, истинная правда это! — вздохнувъ проговорила Алена.—Ребенка еще нужно воспитывать, а какъ мы его воспитывать будемъ, когда мы иной разъ сами какъ щенки слѣпые. Принимала я разъ въ Куликовѣ. Они прихожи-то въ Горшанское. Священникомъ въ то время былъ тамъ батюшка Сидоръ—вы-то, чай, его никто не знаете — старенькій былъ такой, выпить очень любилъ, а разсудокъ хорошій имѣлъ.

Бывало разговорится, разговорится о чемъ, расплачешься индо. Ну, пріѣхалъ онъ на крестины въ этотъ домъ, а отецъ-то радуется такъ, что у него ребенокъ родился; а онъ ему: чему радуешься, чего веселишься? Не радоваться, говоритъ, тутъ нужно, а рыдать горькими слезами, потому легко дитя родить, а каково на свѣтъ вывести. Нужно намъ изъ дити-то, чтобы Божьи работники вышли, а какъ мы на истинный путь-то наставимъ ихъ, когда мы своего пути хорошо не видимъ.

— Что?—проговорила бабушка Марѳа и вздохнула.—Куда мы годимся на путь наставлять, когда мы и сами-то иной весь вѣкъ безъ пути живемъ.

— Безъ пути, охъ, безъ пути!—вздыхая молвила Алена.— И сколько грѣха изъ-за этого мы принимаемъ. Дано намъ знать, а мы знать не хотимъ. Человѣческая жизнь — великое дѣло, и неужели мы затѣмъ живемъ, чтобы день да ночь и сутки прочь? Придетъ, говорятъ, смерть и пойметъ тогда человѣкъ, какъ онъ на свѣтѣ прожилъ. И увидитъ онъ, что не то онъ дѣлалъ, что нужно дѣлать, и возьметъ его тогда тоска и возмолится онъ передъ смертушкой: смертушка-матушка, отпусти меня на одинъ годокъ, я одинъ годокъ поживу и хоть маленько свои дѣла исправлю; а смерть ему скажетъ: не только на одинъ годокъ, а не отпущу тебя и на одинъ мѣсяцъ. Тогда возмолится онъ: смертушка-матушка, отпусти меня на одинъ мѣсяцъ. А она ему скажетъ: не только на одинъ мѣсяцъ, а нельзя тебя отпустить и на одну недѣльку. Тогда онъ запросится на одну недѣльку, а она скажетъ: нельзя и на одинъ денекъ. Нельзя ли на одинъ денекъ? Нельзя и на одинъ часокъ. И заплачетъ человѣкъ горькими слезами: погубилъ я, скажетъ, чего дороже быть не можетъ, а ни за что.

Матвѣй вдругъ поднялся съ мѣста и, вздохнувъ, медленно подошелъ къ приступкѣ и полѣзъ на полати. Полати заскрипѣли, когда онъ легъ на нихъ, но онъ видимо не улегся сразу, а нѣсколько разъ перевертывался съ боку на бокъ, и когда улегся хорошенько, опять глубоко вздохнулъ.

Прасковья, облокотившись на столъ и повернувъ лицо къ свѣту, сидѣла совсѣмъ неподвижно, но замѣтно было, какъ ея тощая грудь колебалась, ноздри раздувались отъ сильнаго дыханія и въ глазахъ горѣлъ какой-то огонекъ. Бабушка Мароа глубоко вздохнула и проговорила, обращаясь къ Аленѣ:

— А не пора ли намъ съ тобой по домамъ итти?

— Пойдемъ, пойдемъ!—сказала Алена и поднялась съ мѣста. Нагнувшись къ Васькѣ, она осторожно натянула на него съѣхавшую съ него одежину, которой онъ былъ укрытъ вмѣсто одѣяльца, и тоже поднялась съ мѣста.

— Не горюй же шибко-то,—обратилась она къ Прасковьѣ.— Божья воля, Богъ знаетъ, что лучше-то!

— А саломъ-то вы его сейчасъ вымажьте,—сказала бабушка Мароа.—Вытрите, вытрите грудочку-то хорошенько, или на печку снесите, или здѣсь хорошенько укройте.

— Ладно, спаси васъ Христосъ, что навѣстили; дай Богъ вамъ добраго здоровья.

Старухи пошли вонъ изъ избы. Прасковья, проводивъ ихъ, вернулась опять въ избу. Матвѣй въ это время опять перевернулся такъ, что полати заскрипѣли.

Прасковья принялась натирать мальчику грудь саломъ.

XIV.

Было ужъ довольно поздно. Огни по деревнѣ загасли и на улицѣ сдѣлалась полная темнота. И у Стрекачевыхъ убавилось свѣту. Прасковья загасила лампу и зажгла лампадку передъ образомъ. Она сидѣла около больного и то подавала пить, то натаскивала на него покрывала, то еще чѣмъ-нибудь помогала. Васька минуты не лежалъ спокойно. Онъ метался, бредилъ, кашлялъ труднымъ сухимъ кашлемъ, и то стоналъ, то хныкалъ. Матвѣй тоже видимо не спалъ, такъ какъ доски полатей довольно-таки часто поскрипывали. Пропѣли первые пѣтухи. Прасковья встала, отодвинула столъ, приставила скамейку къ лавкѣ, гдѣ лежалъ больной, и хотѣла

было прилечь, какъ полати снова заскрипѣли, и съ нихъ показались сначала ноги, потомъ туловище и голова. Матвѣй, слѣзши, подошелъ къ столу и, обращаясь къ Прасковьѣ, проговорилъ:

— Полѣзай на печку, лягъ, а я тутъ посижу. Что ему давать-то?

— Я тутъ лягу. Я спать не хочу, а такъ полежу.

— Какъ не хочешь? Тѣ ночи, чай, плохо спала, да эту-то не поспишь... Авось, я управлюсь съ нимъ.

Прасковья помялась съ минуту, потомъ проговорила:

— Ну, вотъ чайку ему въ случаѣ дай, да не давай ему раздѣваться-то, да тряпку-то, какъ высохнетъ, опять намочи. Ахъ Ты, Господи, Никола угодникъ, спаси и помилуй насъ грѣшныхъ.

И, глубоко вздохнувъ, Прасковья полѣзла на печку и улеглась тамъ. Въ избѣ наступила полная тишина, ничѣмъ не нарушаемая. Васька лежалъ какъ будто уснувшій; съ печки доносилось ровное и спокойное дыханье Прасковьи; видимо она тоже спала. Матвѣй сидѣлъ, облокотясь на столъ, и глядѣлъ то на сына, то на лампадку, горѣвшую передъ старымъ закоптѣлымъ образомъ, на которомъ только и можно было различить легкій свѣтлый значокъ, похожій на опрокинутый костылекъ и видимо изображавшій носъ святого. Онъ долго сидѣлъ молча, неподвижно; вдругъ изъ груди его вырвался глубокій прерывистый вздохъ. Опнувшись на столъ, онъ поднялся на ноги, боязливо оглянулся на печку и вдругъ опустился на колѣни, вперилъ глаза въ закоптѣлую икону и, истово крестясь, громкимъ шопотомъ, исходящимъ изъ самой глубины его души, забормоталъ:

— Господи!.. спаси и помилуй... насъ грѣшныхъ... Помоги поправиться моему Васенькѣ... Господи, поддержи меня... укрѣпи меня... Уставь на путь истинный... Господи...—Но дальше у него не нашлось словъ и онъ только молча трясъ головой. Вдругъ онъ уткнулся головой въ полъ и глухо зарыдалъ...

Прошло съ полчаса. Васька отъ чего-то испуганно вскрик-

нулъ и поднялъ голову. Матвѣй торопливо подскочилъ къ нему и сталъ спрашивать, что такое съ нимъ и что ему надо. Васька плакалъ и ничего не говорилъ. Матвѣй съ тоскливымъ выраженіемъ на лицѣ глядѣлъ на него и, подбирая самыя ласковыя слова, уговаривалъ его не плакать. Васька, наконецъ, отмахнулся отъ него рукой и сталъ звать мать. Матвѣй убѣдительно говорилъ ему, что мама спитъ, ее не нужно тревожить, она очень устала, но Васька ничего знать не хотѣлъ и только повторялъ:

— Мама, мама, мама!

Матвѣй, наконецъ, подошелъ къ печкѣ и, тихо толкая жену, сказалъ:

— Прасковья! а, Прасковья! иди, онъ тебя зоветъ.

Прасковья торопливо вскочила съ мѣста и слѣзла съ печки. Она подошла къ мальчику и стала уговаривать его, чтобы онъ не плакалъ.

Мальчикъ пересталъ плакать и попросилъ пить. Прасковья напоила его, оправила ему изголовье и онъ опять впалъ въ забытье. Теперь онъ сдѣлался спокойнѣй. Прасковья, замѣтивъ это, прилегла къ нему на его изголовье, а Матвѣй, кряхтя, полѣзъ на полати.

XV.

Наступилъ опять день. Прасковья поднялась и начала топить печку. Матвѣй принесъ воды и корму коровѣ. Тогда только Васька проснулся. Проснулся онъ тихо, открылъ глаза и долго лежалъ неподвижно. Жаръ у него опалъ, но весь онъ былъ такой слабый и истомленный; Прасковья подсѣла къ нему, пощупала головку, грудочку и спросила:

— Сынокъ, что у тебя болитъ-то теперь?

Васька медленно разомкнулъ ссохшіяся уста и хотѣлъ что-то сказать, но только промычалъ и повелъ головой изъ стороны въ сторону.

— Не хошь ли чего, андилъ мой?

— По-и-сь!—слабо проговорилъ Васька.

— Поись? Ахъ ты, мой соколикъ! — обрадованно воскликнула Прасковья и сорвалась съ мѣста. — Сейчасъ, сейчасъ, мой ненаглядный!

И она подскочила къ суденкѣ, достала съ полки небольшую деревянную чашечку и, накрошивъ въ нее баранокъ, залила ихъ молокомъ. Потомъ, мѣшая это ложкой, подошла къ столу и проговорила:

— Мнѣ тебя покормить иль самъ встанешь поѣшь?

Васька потянулъ кверху голову. Прасковья чуть не кинула чашку, бросилась къ нему помогать. Она посадила его къ столу, обложила кругомъ одеждой и дала въ руку ложку.

— Ну, ѣшь, ѣшь, касатикъ! Поѣшь, може, совсѣмъ полегчаетъ, Богъ дастъ.

И она погладила его по головѣ и съ сильно бьющимся отъ радости сердцемъ глядѣла, какъ Васька потянулся къ чашкѣ, поймалъ тамъ кусокъ размокшей въ молокѣ баранки и взялъ ее въ ротъ. Долго и медленно онъ жевалъ ее и, наконецъ, проглотилъ. Онъ потянулся было другой разъ, но вдругъ бросилъ ложку и проговорилъ:

— Положь меня, мамка.

— Что жъ ты, князекъ мой, съѣшь еще? — сказала Прасковья.

— Не хочу, — молвилъ Васька и повалился опять на постель.

Прасковья съ глубокимъ вздохомъ и потемнѣвшимъ лицомъ опять накрыла его одежиной, потомъ достала съ бруса вчерашнее бабушкино яблоко и подала ему.

— Ну, на яблочко, може, укусишь.

Васька взялъ яблоко, но не сталъ его ѣсть, а такъ держалъ въ рукѣ. Онъ лежалъ, открывши глаза, и не плакалъ. Прасковья еще разъ вздохнула и отошла къ печкѣ.

Въ избу вошелъ Матвѣй. Замѣтивъ чашку съ ѣдой передъ мальчикомъ и яблоко въ рукѣ и его самого, лежащаго спокойно съ открытыми глазами, его глаза загорѣлись, и на лицѣ

появилась самая живѣйшая радость. Онъ проворно скинулъ съ себя кафтанъ и подошелъ къ столу.

— Что это, никакъ моему соколику полегче?

— Немножко полегче. Поѣсть попросилъ, только почти ничего не ѣлъ: всталъ было, да опять завалился,—сказала Прасковья.

— Еще мочи нѣтъ. Вотъ, Богъ дастъ, полежитъ маленько, еще поѣстъ. Такъ, что ли?—обратился Матвѣй къ сынишкѣ и усѣлся у него въ ногахъ.

Мальчикъ ничего не сказалъ. Матвѣй продолжалъ:

— Поправишься, я тебѣ чуни сплету, да скамейку сдѣлаю, да сошьемъ тебѣ шубенку и будешь ты зимой кататься на горѣ, какъ снѣгъ нападетъ... Будешь?

— Буду,—прошепталъ Васька.

— А глоточка у тебя не болитъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ и ладно! Ахъ ты, миленькій!.. — И Матвѣй взялъ въ свою большую заскорузлую руку тонкую ручку мальчика и нѣжно ее поцѣловалъ. Потомъ онъ обратился къ Прасковьѣ и проговорилъ: — А ты знаешь, что я надумалъ: наймусь-ко я въ Неждановскую экономію въ работники на зиму. Ты-то тутъ тѣмъ, что есть, проживешь съ нимъ, а я тамъ прокормлюсь; а что выживу, на то весной лошадь купимъ.

— И ужить тебѣ въ работникахъ? Нанимался не одинъ разъ, и въ городу жилъ, и на мельницѣ, развѣ тебѣ удержаться?

— Вина пить не буду,—удержусь.

— Развѣ тебѣ ротъ зашьютъ, ты не будешь его пить-то а то кто тебѣ закажет !

— Самъ себѣ закажу. Обѣщанье дамъ. Капли въ ротъ не возьму,—твердо и серьезно проговорилъ Матвѣй.

Прасковья оперлась на ухватъ и, опустивъ глаза книзу, глубоко задумалась.

— Купимъ лошадь, поднимемъ пустыри, засѣемъ хоть

льномъ. Авось, Богъ дастъ, уродится, вотъ и крестьянами станемъ,—продолжалъ Матвѣй;—будетъ по пастухамъ-то таскаться, може, дѣло-то лучше выйдетъ.

— Какъ же не лучше-то,—горячо заговорила Прасковья:—у насъ дѣтей не охапка, работать-то никто не помѣшаетъ, да на троихъ-то немного и нужно. Что ни уродится, все больше, чѣмъ отъ пастуховъ останется. Полосы они какія ни на есть, а перегульныя. На первыхъ порахъ хоть и навоза не хватитъ—хлѣбъ дадутъ, а тамъ пойдетъ дѣло, скотинки прибавлять будемъ.

— Какъ, Богъ дастъ, задастся, чего жъ? А вино пить я ни за что не буду. Довольно, подурилъ, пора и чередъ знать, надо, правда, и на линію находить, да по-людски маленько пожить.

И онъ откинулся спиной къ стѣнѣ и замолчалъ. Прасковья тоже ничего не сказала. Все въ ней какъ-то трепетало и волновалось, въ глазахъ вертѣлись какіе-то круги и въ головѣ какъ будто прошла легкая зыбь. Глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди, но ей было вовсе не тяжело.

— Мама! а, мама! на, испеки мнѣ яблочко, я его съѣмъ,—проговорилъ Васька.

— Давай, давай, касатикъ ты мой!—сказала Прасковья, и въ голосѣ ея зазвучала такая радость и счастіе, что ей самой стало дивно, и она прислушалась къ своему голосу съ изумленіемъ. Давно она не ощущала въ себѣ того, что теперь чувствовала.

НЕДРУГИ.

РАЗСКАЗЪ.

Недруги.

(РАЗСКАЗЪ).

I.

Парамонъ Арсеньевъ спалъ очень крѣпко и видѣлъ во снѣ, какъ будто бы теперь не начало зимы, а лѣто, и онъ въ барскомъ лѣсу собираетъ бѣлые грибы. Ему попалась грибовъ цѣлая станица. Торчатъ во мху: свѣжіе, черноголовые, и такъ ихъ много-много. Онъ наклалъ цѣлый приполокъ, а грибы все еще торчатъ. Изъ приполка валится, а онъ собираетъ и радуется: вотъ то-то принесу добра домой. Вдругъ гдѣ-то невдалекѣ послышалось: тукъ, тукъ, тукъ — точно дятелъ. Парамонъ поднялъ голову и сталъ глядѣть на деревья. Стукъ повторился. Парамону стало почему-то досадно. „Экъ тебя лѣшій разбираетъ", — проговорилъ Парамонъ. Стукъ послышался еще. Парамонъ взялъ съ земли еловую шишку и хотѣлъ было кинуть въ дятла, какъ загнутая пола кафтана выскользнула у него изъ руки и грибы посыпались на землю. Парамонъ ахнулъ, хотѣлъ выругаться и... проснулся.

Въ окно стучали. Въ избѣ было темно-темно. Только окна — мутными пятнами виднѣлись въ передней стѣнѣ. Парамонъ бросился къ окну и какъ-то торопливо крикнулъ:

— Кто тамъ?

— Милый фишъ, ты все спишь?—послышалось изъ-за окна. Пора вставать. Евдокимъ ужъ съ своими справились.

— А-а! — протянулъ Парамонъ.—Ну, ладно: иди въ избу, сейчасъ и мы справляться будемъ.

И онъ подошелъ къ постели и, зѣвая и почесываясь, сталъ будить свою жену:

— Баба! а, баба! — слышь, чтоль? Вставай, дуй огонь.

— А? Что?—послышался заспанный голосъ бабы.

— Огонь, говорю, засвѣти. Сазонъ пришелъ, сейчасъ справляться будемъ.

— Господи Іисусе! Пресвятая Богородица! Достойно есть яко воистину...—забормотала спросонья баба, — и Парамонъ услышалъ, какъ она поднялась на постели и, пошатываясь, пошла къ печкѣ, чтобы вздуть огонь. Парамонъ вышелъ изъ избы и пошелъ отпирать калитку. Очутившись на холоду, онъ окончательно проснулся. Сонный туманъ исчезъ изъ его головы, мысли сдѣлались совсѣмъ ясными, онъ вошелъ въ дѣйствительную жизнь и вдругъ крякнулъ. Онъ вспомнилъ, что сегодняшній день для него важный день, и, крякнувъ еще разъ, торопливо отодвинулъ засовъ калитки и впустилъ въ сѣни Сазона.

Крякнулъ Парамонъ оттого, что ему сегодня предстояло очень непріятное дѣло: нужно было ѣхать въ ихъ городъ на уѣздный съѣздъ. Дѣло на съѣздѣ было его личное. Еще въ началѣ осени, въ одинъ праздничный день, когда у нихъ въ деревнѣ была сходка, онъ поссорился съ однимъ своимъ односельчаниномъ, Евдокимомъ Кувшинчикомъ. Ссора вышла изъ-за ничего. Одна семья дѣлилась. Обѣ дѣлившіяся стороны имѣли на сходѣ своихъ сторонниковъ. Кувшинчикъ защищалъ одну сторону, Парамонъ другую. Когда Кувшинчикъ упрекнулъ чѣмъ-то Парамонову сторону, то Парамонъ выступилъ защищать ее и ругнулъ противника. Онъ выразился довольно рѣзко и сказалъ Кувшинчику: „Тоже говоритъ, молчалъ бы, стоитъ кого другого“. Евдокиму это не понравилось: „Что мнѣ молчать, что у меня языка, что ли, нѣтъ или я чѣмъ связанъ? слава Богу, обѣдать въ люди не хожу и обутъ, одѣтъ не хуже другихъ“. Парамонъ на это ядовито замѣтилъ: „Щеголь собака, что ни годъ, то рубаха, а порткамъ смѣны нѣтъ“. — „Ты богатъ какъ вошь рогатъ,—воскликнулъ разобиженный Евдо

кимъ,—а самъ изъ чужой полѣнницы печку топитъ!“ Парамона это взорвало. Онъ понялъ, на что намекалъ мужикъ. Онъ какъ-то у одного изъ сосѣдей взялъ безъ спроса полѣно на топорище. Его увидала какая-то баба и распустила молву, что онъ воровалъ дрова. Онъ объяснилъ сосѣду, что онъ взялъ у него изъ полѣнницы, и сосѣдъ противъ этого ничего не имѣлъ, а вотъ незнамо кто попрекаетъ его кражей дровъ, да еще гдѣ, на сходѣ при всемъ при „обчествѣ“. У Парамона закипѣло на сердцѣ, и онъ, не могши стерпѣть, подскочилъ къ Евдокиму и закатилъ ему плюху. Евдокимъ далъ ему сдачи. Парамонъ озлобился и ударилъ его еще. Ихъ розняли, драться имъ больше не дали, но Евдокимъ рѣшилъ такъ дѣла не оставлять, а пошелъ въ волостную и потребовалъ Парамона на судъ. На судѣ онъ представилъ двухъ свидѣтелей, подтвердившихъ, что Парамонъ ударилъ Евдокима, но смолчавшихъ, что тотъ упрекнулъ его чужими дровами. Парамона приговорили къ высидкѣ на 15 дней. Онъ остался недоволенъ судомъ, взялъ копію, съѣздилъ въ городъ, написалъ прошеніе въ съѣздъ и, въ свою очередь, выставилъ свидѣтеля, который хоть подъ присягой былъ готовъ показать, что Евдокимъ обозвалъ Парамона воромъ и видѣлъ, какъ свидѣтели Кувшинчика передъ судомъ пили у Евдокима чай и водку и сговаривались о чемъ-то молчать. „Аблакатъ“, писавшій прошеніе, увѣрялъ, что Парамоново дѣло выгоритъ и свидѣтелямъ еще какъ разъ попухнетъ за незаконное умолчаніе и за прочее. Въ такой надеждѣ Парамонъ отправилъ прошеніе земскому для передачи его въ съѣздъ, и нѣсколько дней тому назадъ имъ всѣмъ прислали повѣстки, приглашающія ихъ на съѣздъ. Вызывали и свидѣтеля Парамона, Сазона Кашлюна, который и пришелъ теперь къ нему.

II.

Когда Парамонъ и Сазонъ вошли въ избу, то баба Парамона уже зажгла висѣвшую надъ столомъ лампу. Лампа освѣтила всю избу, довольно просторную, но уже порядочно постоявшую и закоптѣвшую, и ихнюю постель въ углу, и самое бабу, щурившуюся отъ свѣта съ заспаннымъ морщинистымъ лицомъ, съ сбитымъ платкомъ на головѣ, изъ-подъ котораго торчали всклокоченные волосы. Съ полатей виднѣлись двѣ бѣлокурыя головки внучатъ Парамона. У Парамона былъ сынъ, который жилъ въ Москвѣ въ дворникахъ, къ нему, покончивши работы, уѣхала гостить и жена его, оставивъ дома старыхъ да малыхъ. Парамонъ былъ уже пожилой мужикъ, коренастый и жилистый, одѣтый въ синюю рубаху и домотканные портки. Сазонъ казался немного помоложе его. Онъ былъ бѣлокурый, высокій, съ какими-то безцвѣтными глазами и синими губами. Одѣтъ онъ былъ въ полушубокъ, крѣпко подпоясанъ кушакомъ; къ кушаку былъ привязанъ небольшой узелокъ съ хлѣбомъ. Войдя въ избу и помолившись, Сазонъ проговорилъ:

— Что это вы разоспались и заботушки у васъ нѣтъ, — сколько время-то?

Онъ взглянулъ на тикавшіе на стѣнѣ маленькіе часы объ одной гирѣ. Стрѣлки показывали начало третьяго.

— Вонъ ужъ сколько! — воскликнулъ Сазонъ. Пока спраляешься-то, четвертый пойдетъ, а до города-то 25 верстъ.

— Все къ свѣту-то доѣдемъ,—сказалъ Парамонъ и началъ умываться.

— Пожалуй, и нѣтъ,—проговорилъ Сазонъ, усаживаясь на приступку.—Съ вечера-то снѣжокъ былъ, такъ дорога-то, чай, не ахти какая: потянешь нога за ногу.

— Вѣтра-то нѣтъ?

— Въ деревнѣ-то словно не чуешь, развѣ въ полѣ что.

Парамонъ началъ молиться, а баба межъ тѣмъ доставала

ему портянки и новые валенки. Подавши это ему, она отрѣзала хлѣба и хотѣла принести огурцовъ (дѣло было въ Филипповки), но Парамонъ отъ огурцовъ отказался, сказавъ, что ежели что, то можно будетъ въ городѣ и селедочку взять, а велѣлъ зажигать фонарь. Обувшись и облачившись въ полушубокъ, Парамонъ взялъ фонарь и вышелъ запрягать лошадь. Сазонъ послѣдовалъ за нимъ. Вдвоемъ они живо запрягли лошадь въ сани, положили сѣна, торбочку съ овсомъ, покрыли все дерюжкой, и Сазонъ остался на улицѣ покараулить лошадь, а Парамонъ отправился опять въ избу одѣваться въ халатъ и взять денегъ.

— Бери больше денегъ-то,—проговорила его жена, а то ну какъ сразу посадятъ, вѣдь пить-ѣсть нужно будетъ.

— У, дура!—обругалъ бабу бывшій не въ духѣ Парамонъ.— Такъ-таки сразу и посадятъ: было бы за что! А ты гляди, какъ бы не посадили кого другого.

— Дай-то Богъ! — вздохнувъ, проговорила баба и потомъ добавила:—А е сли въ случаѣ оставятъ-то тебя, накажи ты хорошенько Сазону, чтобы онъ лошадь-то непотерялъ.

Парамона взяло зло.—Вотъ подлинно, что баба дура, дура и есть. Хоть колъ ей на головѣ затеши, а она все свое!

И онъ, сердито перекрестившись, какъ-то медленно надѣлъ шапку, натянулъ рукавицы и, взявши въ руки узелокъ съ хлѣбомъ вышелъ изъ избы.

Сазонъ стоялъ около саней. Увидавъ выходящаго Парамона, онъ проговорилъ:

— Готово?

— Готово, садись,—сказалъ Парамонъ и, взявши возжи въ руки и подбирая халатъ, шагнулъ въ сани и медленно плюхнулся на дерюжку. Когда они усѣлись, то Парамонъ проговорилъ, дергая вожжами лошадь: — Ну, ты! Господи благослови!

Лошадь дернула, и сани заскрипѣли по свѣжему, только вчера подпавшему снѣгу. Выбравшись на дорогу, лошадь по-

бѣжала трусцой. Такъ она пробѣжала всю деревню. Было темно. На небѣ не было видно ни луны, ни звѣздъ. Все оно было затянуто сѣрыми облаками. Въ деревнѣ всѣ спали. Огней не было видно ни у кого. Было тихо. Только и слышался шелестъ полозьевъ да поскрипыванье въ головяшкахъ саней. Вдругъ на какомъ-то дворѣ прокричалъ пѣтухъ, вслѣдъ за этимъ запѣли другіе пѣтухи.

— Это что жъ, вторые—спросилъ Парамонъ.

— Небось третьи,—молвилъ Сазонъ.

Проѣзжая мимо Евдокимова двора, мужики замѣтили, что и тамъ тихо и въ избѣ темно.

— Знать уѣхали,—сказалъ Парамонъ.

— Эва! Небось уже версты двѣ отъѣхали, — молвилъ Сазонъ:—лошадь у нихъ бойкая.

— Ну, и мы не отстанемъ,—проговорилъ Парамонъ и слегка стегнулъ свою вздрагивающую задомъ отъ бѣга, какъ будто пляшущую, такъ казалось въ темнотѣ, лошадку.

Вскорѣ они выѣхали изъ деревни и окунулись въ сѣрую однообразную мглу. Оба они молча вглядывались въ окутанное ночной пеленой пространство и оба старались различить встрѣчавшіеся въ сторонѣ предметы. Но это имъ не удавалось. Они все ошибались. Какая-нибудь вѣшка казалась имъ идущимъ на встрѣчу человѣкомъ. Встрѣчавшійся лѣсокъ они принимали за огорокъ, группу какихъ-нибудь кустовъ — за тянувшійся обозъ. Лошадка версты двѣ пробѣжала бойко, но потомъ стала приставать и отъ нея запахло потомъ. Парамонъ взглянулъ подъ полозья саней и проговорилъ:

— А дорога-то кашеватая.

— Да, дорога не хвали,—отозвался Сазонъ.

Парамонъ опять хлестнулъ лошаденку кнутомъ.

III.

Проѣхали одну деревню, протянулись землями, принадлежащими къ одному барскому имѣнію и тянущимися верстъ на шесть. Оставили за собой и барскій дворъ и въѣхали въ большую лощину, называвшуюся Лужки. Лощина эта раскинулась версты на четыре и была ровная и гладкая. Дорога по ней пролегала только въ зимнее время. Настоящая дорога шла другими мѣстами, поэтому вѣшекъ по ней не ставили. Отъ этого и оттого, что лощина была гладкая, дорогу нерѣдко заносило, и путники по ночамъ часто сбивались съ нея и плутали. Мужики объясняли это тѣмъ, что тутъ ихъ лѣшій водитъ, и не любили ночью ѣздить Лужками. Проѣхавъ барское поле и очутившись совсѣмъ на открытой мѣстности, Парамонъ съ Сазономъ почувствовали, что начинается вѣтерокъ-ползунокъ, и Парамона взяло безпокойство.

— Пожалуй, заметать будетъ,—сказалъ онъ съ досадой въ голосѣ.

— Ужъ сейчасъ заметаетъ,—проговорилъ Сазонъ.

— Дѣло не хвали,—молвилъ Парамонъ, крякнулъ и замолчалъ. Онъ то и дѣло вглядывался впередъ, стараясь не упустить изъ виду дорогу, но это было очень трудно. Слѣды дороги почти невозможно было разглядѣть въ темнотѣ. Вскорѣ онъ почувствовалъ, что лошадь начала упираться и то и дѣло сбиваться то направо, то налѣво. Она теперь ужъ чуть трусила и часто переходила съ рыси на шагъ.

Парамонъ то и дѣло постегивалъ ее кнутомъ и все заглядывалъ ей подъ ноги.

А кругомъ стояла мгла. Теперь ужъ не было видно ни лѣсовъ, ни огорковъ, а висѣла густая дымчатая пелена. Бѣло было внизу, бѣло по сторонамъ, бѣло вверху. Вѣтерокъ дѣлался больше и больше. Онъ дулъ имъ справа, и катившійся отъ него снѣгъ тихо шелестѣлъ. Вдругъ по вѣтру донеслось пѣнье пѣтуховъ. Видно, они сравнялись съ деревней Высокой, стоявшей отъ дороги въ верстѣ. Сазонъ проговорилъ:

— Пѣтухи поютъ, знать свѣтъ скоро.

— Небось что; часа два, чай, ѣдемъ,—сказалъ Парамонъ.

Лошадь вдругъ пошла шагомъ. Парамонъ стегнулъ ее, но она только хвостомъ вильнула. — Но, дурашка! — крикнулъ Парамонъ и изо всей силы вытянулъ ее кнутомъ вдоль боку.

Лошадь трухнула нѣсколько шаговъ и опять перешла на шагъ. Вдругъ она стала забирать вправо. Парамонъ дернулъ за лѣвую вожжу, она пошла налѣво.

— Что ты вертишься, чортъ!—крикнулъ Парамонъ и еще разъ вытянулъ по ней кнутомъ.

— Съ дороги не сбились ли?—сказалъ Сазонъ и выскочилъ изъ саней. Очутившись на снѣгу, онъ почувствовалъ, что ноги его попали не на твердое мѣсто. Сазонъ метнулся направо и налѣво,—вездѣ былъ рыхлый снѣгъ и нога тонула.

— Стой!—крикнулъ Сазонъ, мы вѣдь не по дорогѣ ѣдемъ.

Парамонъ остановилъ лошадь.

— Какъ не по дорогѣ, гдѣ жъ она?

— Должно, потеряли.

Сазонъ подошелъ къ санямъ и сталъ оглядываться кругомъ.

— Гдѣ жъ это мы сбились-то?

— Гдѣ-нибудь недалече,—сказалъ Парамонъ:—вѣдь я, кажись, все глядѣлъ.

— Глядѣлъ, да не углядѣлъ,—сказалъ Сазонъ.—Ну, постой тутъ, я пойду поищу.

Онъ пошелъ назадъ по слѣду. Парамонъ крякнулъ и сердито нахлобучилъ шапку. Досада, разбиравшая его съ тѣхъ еще поръ, какъ онъ только поднялся съ постели, усилилась. „Вѣдь вотъ несетъ же чортъ незнамо куда, думалось ему; сидѣть бы да сидѣть дома. Спалъ бы теперь за милую душу, всталъ бы, скотину убралъ, да чайку попилъ, а на мѣсто этого плутай вотъ тутъ“.

Не ѣздѣть бы, подумалъ дальше Парамонъ; но только онъ это подумалъ, какъ сейчасъ же рѣшилъ, что это нелѣпо. Какъ же такъ не ѣздить: значитъ, оставить въ силѣ постановленіе волостного суда? Значитъ, сидѣть 15 дней? „Мнѣ сидѣть?“ —

вслухъ проговорилъ Парамонъ и почувствовалъ, какъ по его тѣлу точно что пробѣжало и стало подниматься то непріятное знакомое ощущеніе, которое онъ испытывалъ, когда еще шелъ на волостной судъ и которое было такъ мучительно. Къ горлу его точно что подкатилось и слегка сдавило его.

— Нѣтъ, ужъ это подождемъ! Пусть онъ объ этомъ не думаетъ, а то онъ меня первый обидѣлъ и я долженъ сидѣть?

И Парамонъ вдругъ проникся злобнымъ чувствомъ къ своему сопернику и сталъ думать, что онъ будетъ говорить на судѣ, какъ онъ разъяснитъ, что онъ не только никакихъ дровъ не воровалъ, но и соломинкой чужой не пользовался, что онъ всякое пользованіе чужимъ добромъ считаетъ грѣхомъ, да и не имѣетъ въ этомъ никакой нужды. Онъ, слава Богу, не какой-нибудь, а обстоятельный крестьянинъ. У него все заведено. Оброкъ онъ платитъ исправно и недоимокъ за нимъ никакихъ нѣтъ.

Онъ уже видѣлъ, какъ судьи проникаются къ нему сочувствіемъ, признаютъ приговоръ волостного суда несправедливымъ. Они не только отмѣняютъ его, но рѣшаютъ сдѣлать выговоръ волостному суду за то, что они очень неразборчиво осуждаютъ, и постановляютъ осудить другую сторону. Насколько? На 15 дней. Парамонъ былъ этимъ даже ошеломленъ. „Нѣтъ это много,—подумалъ онъ.—На недѣльку, вотъ это въ самый разъ, и этого будетъ довольно. И это онъ будетъ долго помнить“.

И нехорошія чувства исчезли изъ души Парамона, и на сердцѣ его сдѣлалось тепло и покойно. Вдругъ съ лѣвой стороны изъ окружавшей его мглы послышался крикъ:

— Ге-гей!

— Ого!—отозвался Парамонъ.

— Гдѣ ты?—кричалъ Сазонъ.

— Здѣ-ся!—отвѣчалъ Парамонъ.

Парамонъ сталъ глядѣть въ сторону, откуда послышался крикъ, и черезъ минуту различилъ надвигавшуюся на него фигуру Сазона.

— Ну, что?—спросилъ Парамонъ.

— Надо въ сторону пойти,—сказалъ Сазонъ:—сзади дороги давно нѣту, поле и поле.

— Фу ты, шутъ возьми! Ты спѣшишь себѣ, а тутъ выходитъ себѣ, — сердито проворчалъ Парамонъ и вылѣзъ изъ саней.

— Такое мѣсто,—проговорилъ Сазонъ:—тутъ всѣ блудятъ.

Вдругъ издали донесся протяжный крикъ, мужики прислушались, крикъ повторился.

— Кто это тамъ?

— Знать, еще кто-нибудь плутаетъ.

— Поѣдемъ наудачу впередъ.

— Пожалуй, поѣдемъ.

Они сѣли опять въ сани, и лошадь потащилась, шурша полозьями. Она шла медленно. Парамона брало нетерпѣнье и онъ подстегивалъ ее кнутомъ. Но это уже на лошадь не дѣйствовало. Мужики оба надулись и сидѣли въ саняхъ молча.

IV.

Дороги все не встрѣчалось; но проѣхавъ около версты, наши путники вдругъ совсѣмъ невдалекѣ услышали новый крикъ.

— Эй, гдѣ вы?—кричалъ кто-то, скрытый темнотой.

— Кто ты?—крикнулъ Сазонъ.

— А ты кто?—послышался голосъ.

— Человѣкъ!—отвѣтилъ Сазонъ.

Голосъ умолкъ, и черезъ минуту передъ ними выросъ человѣкъ. Подойдя къ санямъ, онъ проговорилъ:

— Никакъ это не наши?

— Кирило!—проговорилъ Сазонъ.

Кирило былъ свидѣтель со стороны Евдокима. Приблизившись вплотную, онъ плюхнулся къ нимъ на дровни и, отпыхиваясь, проговорилъ:

— Фу ты, Боже мой, усталъ какъ! Здорово живете! А гдѣ жъ наши-то?

— А ты гдѣ жъ ихъ потерялъ?

— Вотъ тутъ отлучился: съ дороги сбились, плутали, плу-

тали, сперва голосъ подавали, а потомъ словно провалились куда.

— Мы сами потеряли дорогу. Давно вы тутъ плутаете?

— Да, пожалуй, около часу.

— Что за шутъ! Что жъ теперь дѣлать-то?

— Не миновать дня дожидаться.

— Была неволя,—сказалъ Парамонъ,—все надо ѣхать!

— Да куда ты поѣдешь-то?

— Куда ни поѣдемъ, а стоять нечего,—дорога тебя искать не будетъ, а приходится намъ ее искать.

— Гдѣ ты ее разыщешь-то впотьмахъ: заѣдешь къ чертямъ на кулички и днемъ-то не сразу поймешь, гдѣ находишься.

— Ну, что ни будетъ,—сказалъ Парамонъ и опять тронулъ лошадь.

Кирило хотѣлъ было соскользнуть съ саней, но Парамонъ, замѣтивъ это, проговорилъ:

— Куда жъ ты слѣзаешь-то, сиди.

— Куда ни выѣдемъ, а все тебѣ съ нами не миновать быть,—сказалъ Сазонъ.

Кирило промолчалъ. Проѣхавъ нѣсколько, Кирило проговорилъ:

— Ну, чѣмъ-то ваше дѣло кончится, а то слѣдуетъ съ васъ четверть водки да двѣ селедки за такое безпокойство. Эва, мы теперь какую неволю видимъ.

— А мы-то развѣ не видимъ?

— Вы-то по охотѣ, а насъ неволя тянетъ.

— Вольно же вамъ было неправо показывать. Показали бъ какъ слѣдуетъ, може тогда бы все покончили.

— Мы показывали, что знали. Если бы мы эту канитель предвидѣли, мы бы совсѣмъ отъ всего отказались,—мы, молъ, ничего не знаемъ, и вся недолга.

— Ишь ты, знать заслабила сударыня-то, — съ усмѣшкой проговорилъ Парамонъ и вспомнилъ увѣренія „аблаката“, что его оправдаютъ, а ихъ оставятъ съ носомъ; ему стало какъ-то весело.—Нѣтъ, вамъ слѣдуетъ городской судъ поглядѣть, это

не изъ нашего брата мужиковъ,—тамъ васъ по другому разговаривать заставятъ. Тамъ, братъ, все выспросятъ, все разберутъ.

— Да что тутъ разбирать-то,—подрались и подрались, какое дѣло-то?

— Дѣло-то неважное, а вотъ до чего довело, да може еще дальше пойдетъ.

— Неужели дальше пойдетъ?

— А то что жъ, — проговорилъ Парамонъ, но какъ-то неувѣренно. При мысли о дальнѣйшемъ судьбищѣ у него стало скверно на душѣ. Неужели ему придется переживать то, что ему пришлось пережить первый разъ? Ахъ, какъ много нехорошаго тогда онъ испыталъ! Очень просто и придется. И Парамонъ замолчалъ и нахмурился. Онъ началъ помахивать на лошадь кнутомъ. Лошадь тянула сани, шурша полозьями. Дороги вовсе не было и кругомъ ничего нельзя было различить.

— Го-го!—крикнулъ вдругъ Кирило изо всей глотки.

— А-у!—отозвались черезъ минуту на это гдѣ-то впереди.

— Слышите, откликаются,—проговорилъ Кирило.

— Да,—сказалъ Сазонъ,—мы на нихъ ѣдемъ.

— Кирило, ступай сюда!—послышался крикъ.

— Должно, на дорогу выѣхали,—сказалъ Кирило.

— Пошелъ, пошелъ, дурашка!—проговорилъ Парамонъ и подстегнулъ свою лошадь.

Кирило опять крикнулъ, ему опять откликнулись. Голоса все слышались ближе и ближе. Вотъ впереди что-то затемнѣло и черезъ минуту они уперлись въ какую-то движущуюся кучу. Кирило соскочилъ съ саней и бросился туда.

— Съ кѣмъ это ты пріѣхалъ?—спросили его.

— Съ земляками нашими.

— Здорово!—крикнули изъ кучи.

— Здорово, корова, быкъ кланяться приказалъ,—отвѣтилъ Сазонъ.

— Идите нашей бѣдѣ помогать!

— Какой бѣдѣ?—молвилъ Сазонъ, соскальзывая съ саней.— А мы думали вы на дорогу напали.

Парамонъ тоже слѣзъ съ саней и подошелъ къ кучѣ. Мужики раскланялись.

— Вотъ какая наша бѣда!

Парамонъ съ Сазономъ приглядѣлись и замѣтили, что лошадь противной стороны попала въ сугробъ, наметенный между кустиками, и такъ застряла въ немъ, что ни взадъ, ни впередъ подвинуться не могла. Она легла головою на снѣгъ и лежала, тяжело вздымая боками.

— Какъ это васъ угораздило въѣхать сюда? — разглядѣвъ это, молвилъ Парамонъ.

— Да развѣ въ темнотѣ-то разберешь?

— Нужно выпрягать.

— Да, надо.

Мужики всей компаніей окружили лошадь и начали кто отвязывать черезсѣдельникъ, кто разсупонивать, кто вытаскивать дугу. Распрягли лошадь, стегнули ее, но она и не подумала вставать, очевидно, она увязла глубоко. Пришлось отаптывать кругомъ нея снѣгъ, оттаскивать сани. Отоптавши снѣгъ, Евдокимъ, хозяинъ лошади, опять стегнулъ ее кнутомъ.

— Но-о! околѣвать, что ль, вздумала?—крикнулъ онъ.

Лошадь опять не вставала.

— Давайте поможемъ ей, ребята,—сказалъ Сазонъ.

Мужики взялись кто за поводъ, кто за хвостъ и стали вытаскивать лошадь. Она, наконецъ, понатужилась и выскочила. Ей дали отряхнуться и повели впередъ.

Обведя вокругъ сугроба, лошадь подвели опять къ санямъ и стали ее запрягать.

— Вотъ, видишь ли, артельно-то и выправили, — проговорилъ одинъ мужикъ, а вдвоемъ-то досыта бы наплясались.

— Не даромъ говорится—артельно-то и батьку бить хорошо,—сказалъ другой.

— Вѣрно что!

Послышался смѣхъ.

— Гдѣ же это дорога?—проговорилъ подвязывая, черезсѣдельникъ, Евдокимъ.

— Дорога все на своемъ мѣстѣ, куда жъ ей дѣваться?— сострилъ кто-то.

Опять послышался смѣхъ.

Запрягши совсѣмъ лошадь, начали обсуждать, что имъ теперь дѣлать. Другой свидѣтель со стороны Евдокима—Никонъ предложилъ повернуть направо. Ему думалось, что дорога въ этой сторонѣ; его послушались, размѣстились каждый по своимъ санямъ и поѣхали.

Вѣтеръ забиралъ все сильнѣй. Снѣгъ, подгоняемый имъ, шелестѣлъ безпрерывно. Мужики переговаривались между собой.

— Хорошо еще сугробы нечастые, а то втесались бы раза по три вотъ такъ,—узнали бы Кузькину мать съ горбинкой.

— Къ чему тутъ сугробовъ-то надуть, вишь, какъ ладонь.

Вдругъ опять послышалось пѣнье пѣтуховъ.

— Братцы, деревня близко.

— Только какая, вотъ въ чемъ дѣло.

— Вѣрно Курьяново.

— Почему жъ Курьяново, аль потому, что тамъ трактиръ?

— Знамо дѣло, а то почему же больше.

Опять раздался смѣхъ.

Мелькнули какіе-то кустики, попался ручеекъ. Вотъ передняя лошадь какъ-то поднялась, какъ будто сдѣлалась выше и пошла скорѣй, Сазонъ соскочилъ съ саней, нагнулся и крикнулъ:

— Братцы, дорога!

— Ну, и славу Богу.

— Пошелъ, гнѣдко!

— Скорѣй, замерзли!

Лошади побѣжали трусцой.

V.

Въ курьяновскомъ трактирѣ было пусто, тихо и холодно. Большая грязная комната его освѣщалась только небольшой лампочкой, стоявшей на буфетѣ. Въ немъ не было ни души постороннихъ. Только одинъ хозяинъ его кипятилъ кубъ. Подложивши подъ кубъ свѣжихъ дровъ, трактирщикъ остановился посреди комнаты и, почесывая правой рукой подъ лѣвой мышкой, раздумывалъ: зажигать или не зажигать ему большую лампу. Подумавши, онъ рѣшилъ, что зажигать не стоитъ, скоро свѣтъ, посѣтителей никого нѣту, семейные всѣ еще спятъ, а для него одного-то достаточно и этой лампочки.

Вдругъ въ дверь постучались. Трактирщикъ подошелъ къ двери и отперъ ее. Дверь распахнулась, и въ нее вкатились огромные клубы холоднаго пара и одинъ за однимъ вошли пятеро мужиковъ. Они поздоровались съ трактирщикомъ и начали разминаться. Кто потиралъ руки, кто поколачивалъ нога объ ногу, кто обтаивалъ сосульки на бородѣ и усахъ. Трактирщикъ понялъ, что ему приходится зажигать большую лампу, и принялся засвѣчать ее.

Пока трактирщикъ возился съ лампой, мужики расправились и прошли въ переднюю часть трактира. Первымъ прошелъ Парамонъ, а за нимъ направился Евдокимъ. Евдокимъ былъ приземистый мужикъ, съ широкой лопатообразной бородой, идущей отъ самыхъ ушей, и съ маленькими вострыми глазками. За ними потянулись и ихъ спутники. Спутники бойко разговаривали между собой. Парамонъ съ Евдокимомъ хотя и молчали, но по лицамъ ихъ было замѣтно, что они находились въ благодушномъ настроеніи. Имъ было пріятно и отъ этого тепла трактира, и отъ мысли о предстоящемъ чаепитіи, и отъ того, что имъ теперь уже не придется плутать такъ, какъ плутали сейчасъ. Они хотя и не старались встрѣчаться другъ съ другомъ глазами, но злобы другъ къ другу не чувствовали.

— Откуда вы?—спросилъ трактирщикъ.

Мужики сказали.

— Куда жъ васъ Богъ несетъ?

— Въ городъ.

При словѣ „въ городъ" Парамонъ и Евдокимъ вспомнили, зачѣмъ они туда ѣдутъ, и вдругъ благодушное выраженіе на ихъ лицахъ исчезло, и они оба какъ будто бы потемнѣли. Перекинувшись сердитыми взглядами, они стали помѣщаться за разными столами. Къ нимъ присоединились и ихъ свидѣтели.

— Чайку,—спросили они.

— Такъ коли вы съ одной деревни, что жъ вы врозь садитесь-то,—сказалъ трактирщикъ;—садитесь вмѣстѣ, я вамъ въ одномъ чайникѣ и заварю.

Мужики какъ-то пріумолкли, свидѣтели переглянулись межъ собой, Парамонъ съ Евдокимомъ сильно смутились и почувствовали себя очень неловко.

— Что жъ, пожалуй бы и вмѣстѣ, какъ-то робко проговорилъ Никонъ и оглянулся на всѣхъ. Евдокимъ вдругъ вспылилъ и, моргая на трактирщика своими вострыми глазками, проговорилъ:

— Давай какъ спрашиваютъ-то, чего тутъ, вмѣстѣ мы, може, не хотимъ.

И выпаливши это, онъ быстро повернулъ голову и уставился въ окно. Никто послѣ этого не сказалъ ни слова.

— Мнѣ какъ хотите,—проговорилъ трактирщикъ и сталъ собирать чай. Подавши чай на столы, онъ опять спросилъ: — По какимъ же дѣламъ вы въ городъ-то ѣдете?

Опять всѣхъ охватило смущеніе. Всѣмъ сдѣлалось крайне неловко. Но больше всѣхъ неловко было Парамону съ Евдокимомъ. Что онъ пристаетъ, думалось имъ обоимъ,—какое ему до этого дѣло? И Евдокиму уже хотѣлось осадить трактирщика такого рода вопросомъ, какъ одинъ изъ свидѣтелей опередилъ его и удовлетворилъ любопытство трактирщика. Трактирщикъ, узнавши въ чемъ дѣло, не сталъ больше приставать къ проѣзжимъ, а молча удалился къ себѣ за стойку.

— Ну, что жъ, хозяинъ, передъ чаемъ-то надо бы водочки выпить?—проговорилъ Кирило, обращаясь къ Евдокиму.

— По стаканчику, знамо, надо бы,—поддержалъ его и Нико

— Ну, что жъ, водочки, такъ водочки,—сквозь зубы г говорилъ Евдокимъ.

— По чемъ полбутылки?—спросилъ Никонъ у трактирщи

— Простой или запечатанной?

— Запечатанной.

— Четвертакъ.

— А бутылка?

— Сорокъ пять.

— И намъ бы надо пропустить,—молвилъ Парамонъ.

— Гляди, какъ хочешь,—сказалъ Сазонъ.

— Давай, и мы полбутылки возьмемъ.

— Ну, вотъ это-то ужъ и не выгодно,—сказалъ Кирило лучше бы вмѣстѣ бутылку взять, пятачекъ выгадаемъ, а с на селедку годится.

— Ну, ужъ коли судиться ѣдемъ, за выгодой гнаться чего,—шутливо молвилъ Никонъ.—Тутъ не одинъ пятач упускаемъ. Если все-то подсчесть, не пятачкомъ запахне

— Да, потомъ, какъ же это вы вмѣстѣ пить-то будете смѣясь замѣтилъ трактирщикъ.—Недруги и вдругъ изъ одн стакана.

— Вѣрно-что. Ха-ха-ха!

— Никакъ невозможно. Хо-хо-хо!

Смѣхъ поднялся общій и заразительный.

Евдокимъ съ Парамономъ какъ ни старались удержать отъ улыбки, но не могли.

Трактирщикъ, замѣтившій улыбки на ихъ лицахъ и, видим любившій посмѣяться, рѣшилъ поддержать смѣхъ.

— Хорошіе недруги-то по одной дорожкѣ стараются не дить, а не то что вмѣстѣ водку пить. У насъ вотъ есть оди мужикъ, такъ тотъ, какъ поругается съ женой, такъ и одного горшка щи не хочетъ хлебать; вари ему особливо, вся недолга. Вотъ какъ выдерживаетъ характеръ.

— Ловко! Ха-ха-ха!

— Этотъ выдерживаетъ!

— Ну, а у насъ характеръ послабѣй,—вдругъ весело проговорилъ Евдокимъ:—мы не побрезгуемъ и изъ одного стакана выпьемъ. Подавай-ка намъ бутылку.

— Вотъ это ловко! — сказалъ одобрительно Сазонъ: — что другъ на друга сердиться, еще на судѣ сердце понадобится.

— Э, э, братецъ мой!—вдругъ горячо заговорилъ Евдокимъ.—Что намъ сердиться то? Посердились и будетъ. Я, братъ, такой человѣкъ, такъ, такъ, такъ, а не такъ, такъ и по другому, я, братъ, на все согласенъ.

— Ишь ты, какой ходкій,—сказалъ Кирило, принимая отъ трактирщика бутылку водки и стаканъ;—а не поднеси-ка тебѣ вотъ этого, небось и носъ сморщишь.

Никонъ засмѣялся.

— Водка другое дѣло, это, значитъ, для тепла.

Между тѣмъ бутылку раскупорили и Кирило налилъ водку въ стаканъ. Онъ обвелъ всѣхъ глазами и проговорилъ:

— Ну, кому же первому?

— Ну вотъ, словно не знаешь, — молвилъ Парамонъ: — у кого въ рукахъ, у того и въ устахъ.

— Ну, будьте здоровы!

— Кушай на здоровье.

Стаканъ перешелъ къ сосѣднему мужику, отъ него къ слѣдующему. Вскорѣ онъ обошелъ всѣхъ, но водки въ бутылкѣ немного осталось.

— Надо добавить.

— Сколько же добавлять полбутылки?

— Къ чему полбутылки, давай что выгоднѣй, опять бутылку.

Изъ другой бутылки пришлось уже всѣмъ по два стакана. Выпивши, всѣ раскраснѣлись. Языки развязались у всѣхъ. Смѣхъ сдѣлался звончѣй. Шутки посыпались одна за другой, и всѣ принимали ихъ весело, беззаботно, какъ будто бы это были не двѣ враждующія стороны, ѣхавшія затѣмъ, чтобы однимъ другихъ подвести подъ отвѣтственность и втоптать въ грязь, а одна братская и дружеская семья.

VI.

Наконецъ, пробило 8 часовъ. Мужики вдругъ спохватились и быстро стали допивать чай.

— Надо ѣхать,—проговорилъ Парамонъ.

— Да, ребятушки, поскорѣй,—молвилъ Евдокимъ.

— Мы однимъ духомъ,—молвилъ Кирило.

— Гулять гуляй, а дѣла не забывай!—сказалъ Сазонъ.

— Да, дѣла забывать не нужно,—проговорилъ Парамонъ.

— А то давай забудемъ?—проговорилъ Евдокимъ, вылѣзая изъ-за стола и подходя къ Парамону.—Бросимъ мы всю эту канитель и баста, чего намъ нужно?

Парамонъ почувствовалъ, что въ горлѣ у него пробѣжали судороги и въ глазахъ какъ-то закололо, въ груди же его сдѣлалось тепло, тепло.

— Я не знаю, что тебѣ нужно, а мнѣ ничего,—сказалъ онъ, и голосъ его былъ какъ-то не особенно твердъ.

— Ну, и прикончимъ все; что было, то прошло, а вновь поднимать ничего не будемъ. Такъ что ли?

— Давай руку,- сказалъ Парамонъ.

— Евдокимъ шлепнулъ руку Парамона.

— Ура-а!—крикнулъ Кирило.

— А ѣхать все-таки надо,—сказалъ Сазонъ,—потому надо объявить...

— Надо, надо!

Черезъ полчаса мужики шумно выходили изъ трактира и, подправивъ лошадей и усѣвшись въ сани кто какъ попало, тронулись по дорогѣ къ городу. А черезъ три часа они толпились въ прихожей уѣзднаго съѣзда между другими тяжущимися. Парамонъ и Сазонъ стояли у самыхъ дверей присутствія и съ нетерпѣніемъ ждали, когда ихъ позовутъ. Наконецъ, изъ залы послышались ихъ имена, и стоявшій у дверей полицейскій распахнулъ передъ ними двери.

Парамонъ и Евдокимъ вошли въ залу, нетвердыми шагами подошли къ возвышенію, на которомъ стоялъ большой столъ

и гдѣ торжественно возсѣдалъ съѣздъ, и оба дружно поклонились судьямъ.

— Вы Парамонъ Арсеньевъ и Евдокимъ Кувшинчикъ?—спросилъ у нихъ предсѣдатель, мѣстный предводитель, не старый еще человѣкъ, съ бѣлымъ пухлымъ лицомъ, съ усами и орденомъ на шеѣ.

— Помирились!—вмѣсто отвѣта проговорилъ Парамонъ и уставился на предсѣдателя.

— Такъ точно... значитъ помирились,—проговорилъ Евдокимъ и развелъ руками, какъ бы говоря: вотъ какія дѣла.

— Да вы кто такіе?—нахмуривъ брови и дрогнувъ мускулами на немного отвисшихъ щекахъ, спросилъ сурово предсѣдатель.

— Я, значитъ, Парамонъ.

— А я Евдокимъ.

— Такъ вы прежде должны отвѣчать на вопросы, а потомъ ужъ дѣлать заявленія,—строго проговорилъ предсѣдатель.

— Да мы вотъ помирились,—опять сказалъ Парамонъ.

— Окончательно, значитъ,—добавилъ Евдокимъ.

Предсѣдатель повернулъ голову въ сторону товарища прокурора и взглянулъ на него, тотъ кивнулъ ему на это, и предсѣдатель обратился къ секретарю и коротко сказалъ ему:

— Отмѣтьте.

— Такъ какая же ваша милость будетъ?—сказалъ опять, уставившись на предсѣдателя, Парамонъ.

— Чѣмъ вы, значитъ, насъ взыщете?—добавилъ Евдокимъ.

У предсѣдателя мелькнула на лицѣ улыбка. Членъ суда и земскіе начальники съ тихимъ смѣхомъ перешептывались между собой. Предсѣдатель проговорилъ:

— Можете итти.

— Покорниче васъ благодаримъ,—сказалъ Парамонъ.

— Отъ всей души, значитъ,—добавилъ Евдокимъ.

И оба они попрежнему низко поклонились съѣзду и, повернувшись, слегка пошатываясь, пошли вонъ изъ залы.

НАПАСТЬ.

НАПАСТЬ.

I.

Осипъ высушилъ послѣдній овинъ. Завтра онъ съ Домной его обмолотитъ и хлѣбныя работы всѣ будутъ кончены. Тогда останется только огородить избу, наготовить дровъ и — хоть зима наступай!

Зимы онъ не боялся: хлѣба у него было вдоволь, было съ чѣмъ пирогъ загнуть, имѣлась убоинка. Отгуливайся послѣ рабочей поры, запасай силы!

Это было очень хорошо, и Осипъ только недавно испытывалъ такое довольство. Когда онъ жилъ въ семьѣ съ отцомъ и братьями, у нихъ ничего подобнаго и въ поминѣ не было. Работалъ онъ такъ же старательно и всегда такъ же велъ себя трезво и степенно, но изъ этого выходило мало проку. Отецъ часто запивалъ, старшій братъ, жившій на сторонѣ, заботился больше о своемъ карманѣ, младшій, бывшій еще холостымъ, больше тянулся къ гулянью. Всѣ его труды расплывались ни во что, и они испытывали много непріятностей и нужды.

Осипа это очень тяготило, и онъ сталъ подумывать объ отдѣлѣ и какъ только освободился отъ солдатчины, по случаю дальняго жеребья, онъ началъ требовать этого.

Добившись раздѣла, онъ сѣлъ на отдѣльное гнѣздо, и у него все пошло по другому. Отъ работы его въ полѣ выходило больше толку, отъ зимняго заработка (онъ ѣздилъ въ извозъ) даже получались кое-какіе излишки; и мало того, что

онъ скоро обставилъ свое гнѣздо какъ нельзя лучше, но въ третьемъ году онъ на эти излишки завелъ себѣ хорошую сбрую и прошлую зиму купилъ никкелевый самоваръ.

Такому „спѣху въ дѣлахъ Осипа не мало способствовало и то обстоятельство, что у Осипа не было дѣтей, и его Домна была баба первый сортъ. Она была умная, хозяйственная, расторопная. Все у ней кипѣло въ рукахъ, все выходило какъ нельзя лучше и въ домашнихъ дѣлахъ и въ полѣ. Кромѣ того, несмотря на то, что она была большуха, которой приходилось исполнять всякія мелкія и грязныя работы въ избѣ и по двору, она всегда была такая опрятная, аккуратная, далеко не чета другимъ бабамъ. На нее было пріятно взглянуть, пріятно обмолвиться словомъ. И характеръ у ней былъ хорошъ, легкій, спокойный. Осипъ былъ вспыльчивъ, но она такъ приноровилась къ нему, что всегда очень скоро охлаждала его вспышки и мало-по-малу отучила его отъ нихъ. Осипу по деревнѣ начали завидовать и, когда онъ это увидалъ, то началъ этимъ гордиться. „Вотъ, какое мнѣ счастье, думалъ онъ, во всемъ... и слава Тебѣ Господи. Значитъ, мнѣ такая выпала доля знать, я стою того“.

II.

Высушивши овинъ и закрывши его, Осипъ отправился домой. Былъ уже вечеръ. Съ сѣвера несло холодкомъ, по небу низко ползли мутныя облака. Еще не совсѣмъ смерклось, а ужъ скотину пригнали изъ стада, и, когда Осипъ входилъ въ улицу, съ верхняго конца деревни неслись гладкія, покрытыя новой, густой шерстью, отгулявшіяся за осень лошади, бѣжали грузныя коровы и мохнатыя тонконогія овцы. Старые и малые высыпали встрѣчать скотъ и кто бѣжалъ напререрѣзъ разыгравшимся лошадямъ, кто закликалъ овецъ.

Осипъ замѣтилъ, какъ его высокая, худощавая бабенка, съ правильнымъ симпатичнымъ лицомъ и веселымъ взглядомъ, ловила у двора ягненка. И только было схватила его за гус-

тую шерсть, какъ ягненокъ рванулся отъ нея изо всѣхъ силъ; она не удержалась на ногахъ, поскользнулась и чуть не упала на землю.

— Ахъ ты, шутенокъ!—крикнула Домна и засмѣялась. Ея смѣхъ, ея ловкость, какую она проявила, чтобы удержаться на ногахъ, когда ягненокъ вырвался, показались ему очень пріятны, и онъ, широко улыбнувшись, пошелъ помогать ей.

Когда ягненокъ былъ пойманъ и загнанъ къ другимъ овцамъ въ овшаникъ, Домна отправилась доить корову, а Осипъ пошелъ въ избу. Когда онъ отворилъ дверь въ избу, Домна крикнула ему съ надворья:

— Тамъ тебѣ староста бумажку какую-то принесъ, я ее на божницу положила.

Осипа взяло любопытство, какую такую бумажку, къ чему? зачѣмъ?

И онъ, войдя въ избу, поспѣшно скинулъ шапку и, не раздѣваясь, подошелъ къ божницѣ. Тамъ онъ, дѣйствительно, нашелъ какую-то бумажку. Подойдя къ окну, онъ взглянулъ на нее и увидалъ, что это почтовая повѣстка. На одной сторонѣ повѣстки было написано: Осипу Яковлеву, крестьянину деревни Грядокъ, а на другой: N—ское почтово-телеграфное учрежденіе извѣщаетъ адресата о полученіи на его имя денежнаго пакета на 25 руб.

Осипъ какъ-то остолбенѣлъ, до того это было для него неожиданно. Ему прислали 25 рублей! Да кто же? У него нигдѣ не было такихъ ни родныхъ, ни знакомыхъ, которые могли бы прислать ему деньги. Откуда же онѣ? Онъ долго стоялъ, глядя на повѣстку; пять разъ перечелъ написанное на ней, а все-таки не могъ разрѣшить своего недоумѣнія.

Въ избу вошла Домна съ подойникомъ въ рукахъ. Осипъ тотчасъ же обратился къ ней и сказалъ:

— Ну, баба, ты что сегодня во снѣ видѣла?

Домна остановилась посреди избы, уставилась на мужа изумленнымъ взглядомъ и проговорила:

— Ничего, а что такое?

— Да, вотъ, денегъ намъ кто-то шлетъ двадцать пять цѣлковыхъ! Я и не придумаю, кто это только?

— Да намъ ли? Може, кому еще,—проговорила Домна, ставя подойникъ на лавку.

— Ну, вотъ, чудачка! Словно я не вижу,—слушай сама.

И Осипъ еще разъ прочиталъ повѣстку, но уже вслухъ. Баба ничего не сказала, а бросила дѣло и опустилась на лавку.

— Кто же это только?—черезъ минуту проговорила она.

— Я и самъ думаю: кто бы это могъ?—сказалъ Осипъ и тоже сѣлъ на лавку.

Они стали раскидывать мыслями, стараясь разгадать, откуда это къ нимъ свалилась такая неожиданность, и никакъ не могли остановиться ни на чемъ. Наконецъ, они додумались до того, что это вѣрно кто-нибудь изъ знающихъ Осипа въ Москвѣ прислалъ ему деньги, поручая что-нибудь купить въ деревнѣ: или грибовъ, или масла коровьяго, или масла постнаго. Это могло быть, такъ какъ подобные заказы Осипу бывали и прежде, хотя и не по почтѣ. На этомъ пока остановились, и Осипъ, взявъ повѣстку, пошелъ по деревнѣ справляться: не поѣдетъ ли кто завтра въ городъ, чтобы поручить тому получить пакетъ. На деревнѣ онъ узналъ, что одинъ изъ мужиковъ ѣдетъ въ городъ за овсомъ. Онъ засвидѣтельствовалъ у старосты повѣстку и передалъ ему, прося его получить деньги. Мужикъ согласился. Осипъ былъ очень радъ. Онъ теперь немного успокоился, такъ какъ имѣлъ увѣренность, что заданная ему задача завтра разрѣшится и онъ можетъ спать спокойно.

III.

Но это только такъ казалось. На самомъ же дѣлѣ успокоиться было нелегко. Какъ онъ ни подавлялъ въ себѣ мысли о присланныхъ деньгахъ, но онѣ нѣтъ-нѣтъ да и поднимутся и закопошатся.

То онъ въ тысячный разъ закидывалъ себѣ вопросъ, отъ кого деньги, то, рѣшивши, что отъ кого бы то ни было, а деньги присланы ему, онъ начиналъ мысленно распредѣлять ихъ. Онъ думалъ, что деньги эти теперь будутъ очень кстати. Онъ не станетъ ничего продавать изъ хлѣба до весны и ими покроетъ всѣ теперешнія нужды, а хлѣбъ продастъ весной, когда цѣны на него будутъ дороже и тогда на вырученныя деньги можно будетъ купить парочку бычковъ и пустить ихъ на приволье. Къ осени бычки нагуляютъ на себѣ, на плохой конецъ, красненькую, и онъ опять будетъ осенью съ деньгами и будетъ опять имѣть возможность удержать весь урожай до весны. Онъ уже видѣлъ, какъ его благосостояніе все увеличивается и увеличивается, и при одной мысли объ этомъ онъ чувствовалъ себя такъ, какъ будто бы онъ очень плотно наѣлся масляныхъ блиновъ.

И что только ни передумалъ Осипъ, покамѣстъ заснулъ! Когда же онъ заснулъ, то и во снѣ эти деньги не давали ему покоя. Ему снились разнообразные сны. То онъ видѣлъ, что мужикъ, которому онъ поручилъ получить деньги, привезъ ему цѣлый возъ мѣшковъ, и въ мѣшкахъ этихъ все было серебро, и онъ былъ въ большомъ затрудненіи, не зная, куда ему ихъ положить, такъ какъ всѣ его помѣщенія были неподходящи для сбереженія такого количества денегъ. То ему снилось, что вмѣсто денежнаго письма онъ получилъ какой-то ящикъ, и когда онъ открылъ ящикъ, то изъ него что-то выпорхнуло и улетѣло. Сердце Осипа облилось кровью. Онъ почувствовалъ, что того, что улетѣло, онъ никогда больше не увидитъ и не вернетъ, а между тѣмъ это ему было такъ нужно и дорого, какъ ничто въ жизни.

И долгая безсонница и эти тревожные, безпокойные сны такъ измучили Осипа, что онъ долго не могъ проснуться, и когда онъ проснулся утромъ, то было уже свѣтло свѣтло: по деревнѣ навѣрное всѣ были на ногахъ.

Онъ поднялъ голову и увидалъ, что и Домна еще не вставала. Онъ разбудилъ ее, она вскочила какъ мячикъ.

— Господи Боже, что же это такое!—заговорила она, оправляя себя.—Никогда со мной этого не случалось, чтобы такъ просыпать; говорятъ, передъ бѣдой такъ спится.

У Осипа почему-то защемило сердце.

— Какая тутъ бѣда!—сердито проговорилъ онъ,—а вотъ съ овиномъ-то, пожалуй, не управимся сегодня. Люди, небось, половину обмолотили.

— Да, да! ахъ ты, батюшки мои! вотъ случай-то! Вчера и легли-то не поздно, а до коихъ поръ продули.

Жена начала быстро одѣваться, умываться и бросилась доить коровъ. Осипъ, одѣвшись, направился въ овинъ. Часа черезъ два, истопивши печку, къ нему пришла Домна. Они позавтракали и вдвоемъ ужъ стали остегивать рожь.

IV.

Они работали до темной ночи. И только-что Осипъ перебрался въ избу и зажегъ огонь, пришелъ тотъ мужикъ, что ѣздилъ въ городъ, и принесъ Осипу пакетъ. Осипъ поблагодарилъ его за трудъ, и когда мужикъ ушелъ, онъ подошелъ съ пакетомъ ближе къ столу, надъ которымъ висѣла лампа, и сталъ разглядывать адресъ.

На письмѣ, запечатанномъ пятью печатями, было написано: Осипу Яковлеву, а подъ этимъ прибавлено мелкими буквами: а васъ прошу передать Домнѣ Матвѣевнѣ; а дальше опять крупно: податель Ермолай Воробьевъ, живущій въ Москвѣ, тамъ-то.

Прочитавши имя подателя, Осипъ все-таки не разсѣялъ своего недоумѣнія, хотя онъ зналъ, кто такой этотъ податель. Это былъ дальній родственникъ его тестя, не то братъ, не то племянникъ; словомъ, нашему сараю двоюродный плетень,—какъ говорятъ про такую родню. Онъ жилъ въ Москвѣ лакеемъ въ богатой зазаставной гостиницѣ и жилъ тамъ съ мальчиковъ, откуда онъ уходилъ на военную службу. Вернувшись со службы, онъ опять поступилъ туда; перетащилъ

въ Москву свою мать и другого брата. Мать онъ опредѣлилъ въ богадѣльню, а брату нашелъ мѣсто. Дома они все прикончили и распродали. На своей должности Ермолай добывалъ большія деньги и сорилъ ими какъ ни попало. Говорили, что онъ бывалъ слугою только по ночамъ, а днемъ самъ разыгрывалъ барина: ѣздилъ на извозчикахъ, кутилъ въ дешевенькихъ трактирахъ. Однажды Осипъ самъ видалъ, какого „рискуна" онъ разыгрывалъ. Пріѣхавъ за кладью въ Москву и зайдя въ призаставный трактиръ попить чайку, онъ увидалъ тамъ Ермолая. Тотъ сидѣлъ за столомъ, установленномъ бутылками съ пивомъ и водкой, и находился въ порядочномъ куражѣ. Около его стола толпились призаставные жители, золоторотцы обоего пола, и глядѣли на него какъ голодныя собаченки на обѣдающаго. Онъ подзывалъ ихъ къ себѣ по череду, и кому подносилъ водки, кому пива, кому давалъ папиросъ и за это что-нибудь продѣлывалъ надъ ними. Мужчинъ онъ заставлялъ лаять по-собачьи, брать стаканъ ртомъ и выпивать его, не дотрогиваясь руками; женщинамъ онъ рисовалъ пепломъ отъ папиросъ усы, мазалъ горчицей, награждалъ щипками и пинками.

Оборванная ватага ничуть этимъ не возмущалась, а всякую выходку Ермолая поощряла или громкимъ хохотомъ или крикомъ „ура".

Осипъ его не очень любилъ. Да и Ермолай къ нему, какъ къ мужику, относился довольно пренебрежительно. Они почти не имѣли никакихъ сношеній и, за исключеніемъ случайныхъ встрѣчъ, никогда и не видались.

Нынче въ началѣ осени Ермолай пріѣзжалъ въ деревню. Его, какъ запаснаго солдата, требовали на учебный сборъ. И онъ долженъ былъ явиться въ свой уѣздный городъ. Передъ этимъ онъ надумалъ побывать въ деревнѣ, а такъ какъ у него своего дома не было, то онъ заявился къ своей роднѣ, тестю Осипа. Но его родни не было дома. Они уѣзжали въ гости въ одно село, гдѣ былъ престольный праздникъ. Дома оставались только старуха, мать тестя Осипа, ихъ маленькая

внучка, да Домна, пришедшая къ нимъ домовничать. Однако, Ермолай ночевалъ у нихъ, весь вечеръ прображничалъ и на утро уѣхалъ въ уѣздный городъ.

V.

„Къ чему же онъ Домнѣ деньги шлетъ?“ подумалъ Осипъ и взглянулъ на Домну. Та стояла около печки и глазами, горящими любопытствомъ, глядѣла на него.

— Деньги тебѣ,—какъ-то сквозь зубы сказалъ Осипъ,—отъ этой родни твоей, вотъ, отъ Ермолая-то...

Домна дрогнула въ лицѣ, во взглядѣ ея мелькнуло безпокойство.

— Мнѣ?—сказала она.—Вотъ такъ—такъ! За что же это такое?

— А вотъ сейчасъ узнаемъ—сказалъ Осипъ и, разорвавъ конвертъ, вытащилъ изъ него письмо и мятую двадцатипятирублевку. Положивъ деньги опять въ конвертъ, онъ развернулъ письмо и сталъ читать его.

Въ письмѣ было написано:

„Милостивая государыня, Домна Матвѣвна. Примите отъ насъ презентъ за вашу ласку и пріятство.

Ермолай Иванычъ Воробьевъ“.

Прочитавши письмо, Осипъ опустился на лавку и поднялъ безумно загорѣвшіеся глаза на жену,—письмо выпало изъ его рукъ, и лицо его сдѣлалось блѣдно, блѣдно. Домна стояла попрежнему около печки, но, казалось, была ни жива, ни мертва.

„Такъ вотъ онѣ какія деньги!.. вотъ за что!..—завертѣлось въ мысляхъ Осипа.—Такъ, стало-быть, его Домна... Господи, Боже, неужли!.. Неужли это можетъ быть?

Онъ лихорадочно схватилъ письмо и прочиталъ его еще разъ. Конечно! нѣтъ никакого сомнѣнія... Все ясно, какъ Божій день.

И у Осипа вдругъ завертѣлось въ глазахъ, сердце его сдавило больно, больно. Онъ почувствовалъ, что ему на грудь какъ будто что-то навалилось тяжелое, тяжелое, и ему стало

трудно дышать. „А я, дуракъ, думалъ, что она честная, вѣрная, преданная мнѣ одному!—промелькнуло у него въ головѣ.—Я еще поднималъ голову и, какъ пѣтухъ, топорщился, думалъ, что я одинъ ей господинъ. Ахъ, я дуракъ, растрепай! съ чего только я взялъ это?“

Онъ вдругъ какъ-то весь съежился и привалился спиной къ стѣнѣ. Въ его умѣ начала рисоваться картина того вечера, когда Домна домовничала у отца. Онъ отчетливо представлялъ себѣ франтоватаго Ермолая, выстриженнаго, выбритаго, съ бѣлыми руками и масляными глазами. Онъ видѣлъ рядомъ съ нимъ и жену, которая, вѣроятно, подтянулась, прибралась и моталась у него передъ глазами, стараясь обратить на себя вниманіе. „Небось, растаяла, какъ увидала такого гуся, думалось Осипу. Мужъ-то, небось, чѣмъ показался, и въ голову, чай, не пришелъ, какъ юлила-то передъ нимъ; чай, захотѣлось отличиться... Ну, и отличилась! Эва онъ что пишетъ теперь!“

И Осипа всего скорчило отъ внутренней боли. Вдругъ въ его груди заклокотала такая буря, какой онъ никогда, кажется, не испытывалъ. Онъ опять взглянулъ на жену. Та опустилась на лавку и сидѣла блѣдная, неподвижная, съ помертвѣвшими губами. Осипа вдругъ охватила страшная ярость, онъ почувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, горло его сдавило, и онъ сердито стукнулъ кулакомъ по столу.

Домна вдругъ воскликнула дрожащимъ голосомъ:

— И что онъ за песъ этакій! что онъ выдумалъ только!

— Нѣтъ,—не проговорилъ, а какъ-то прохрипѣлъ Осипъ:—что ты надъ моей головой дѣлаешь?

— Ничего я не дѣлаю,—сказала Домна.

— Какъ ничего? Какъ ничего?—взвизгнулъ Осипъ не своимъ голосомъ и вскочилъ съ мѣста.—Какъ ничего? А это что?—воскликнулъ онъ, бросивъ письмо въ жену.—Что же это по-твоему, зря? Отпереться хочешь, проклятая!

Осипа всего вдругъ точно заломало, и онъ, какъ кошка на мышь, бросился на жену и вцѣпился ей въ волосы.

— Осипъ, постой!—что есть мочи крикнула Домна.—Послушай, что я тебѣ скажу. Осипъ! Осипъ!

Но Осипъ ничего не слыхалъ, онъ окончательно остервенѣлъ и изо всей силы началъ бить Домну кулаками. Домна, стараясь отстраниться отъ ударовъ, извивалась какъ змѣя. Это еще болѣе раздражало Осипа. Изловчившись, наконецъ, онъ сбилъ жену съ ногъ и, навалившись на нее, сталъ изо всей мочи, по чему ни попало, наносить ей удары. Продолжалось это до того, пока Осипъ не исколотилъ кулаки въ кровь и не обезсилѣлъ.

— Злодѣй! злодѣй! что ты только сдѣлалъ со мной?—стонала Домна, растрепанная, окровавленная.

— Нѣтъ, ты что со мной сдѣлала, падаль несчастная? убить тебя мало!—прорычалъ Осипъ, тяжело дыша и дрожа сильнѣе, чѣмъ передъ этимъ.

— Что жъ, убей, благо сила есть; ишь, въ тебѣ дьяволъ-то расходился.

— Ты этому причина.

— Ничѣмъ я не причинна!—воскликнула, еле сдерживая рыданія, Домна и, поднявшись, грохнулась на лавку, у суденки, и, положивъ на руки голову, вся затряслась отъ приступившихъ слезъ.

— Опять отпираться!—вспыхнувъ снова, вскрикнулъ Осипъ.

— Взвалить что хошь можно, тутъ свидѣтелей не было, и мнѣ оправдаться нечѣмъ,—лепетала Домна.—Только вотъ тебѣ Царица небесная,—и Домна подняла голову и взглянула въ уголъ съ образами,—вотъ тебѣ Самъ Христосъ-Батюшка, пусть разразятъ меня всѣ небесныя силы, если я тутъ хоть что-нибудь виновата!

Осипъ опѣшилъ. Онъ взглянулъ на жену, и по ея лицу, омоченному слезами, по ея глазамъ и по сердечности тона, какимъ были произнесены эти слова, ему хотѣлось вѣрить ей. А какъ ему хотѣлось вѣрить въ душѣ этому!.. Чтобы, если на ея сторонѣ была правда? О, оо!

Онъ молчалъ нѣсколько минутъ, потомъ произнесъ:

— Тогда что жъ ему было писать такъ, зачѣмъ такими деньгами бросаться?

И голосъ Осипа снова задрожалъ отъ прихлынувшаго къ горлу бѣшенства.

— Въ отместку это онъ мнѣ.

— Чѣмъ же это ты передъ нимъ провинилась?

— Тѣмъ, что желанья его не исполнила.

VI.

Осипъ отошелъ къ столу и оперся на него. Домна нѣсколько разъ всхлипнула, потомъ подавила въ себѣ слезы, отерла лицо и проговорила:

— Онъ тогда мнѣ еще пригрозилъ, да я не побоялась, подумала: что онъ мнѣ сдѣлаетъ!? Анъ онъ вонъ что сдѣлалъ!

Рыданья опять подступили къ ея горлу, и она опять заплакала.

— Будетъ нюни-то распускать, ты говори, какъ дѣло было!— строго сказалъ Осипъ.

— Какъ дѣло было?—нѣсколько оправившись, проговорила Домна.—Дѣло было очень просто. Пріѣхалъ онъ къ нашимъ, нашихъ не было, ему скучно стало со мной да съ бабушкой, пошелъ онъ по деревнѣ молодежь собирать. Привелъ всѣхъ ребятъ, которые нонче были въ солдаты записаны. Вы, говоритъ, будущіе солдаты, а я бывшій, мы, говоритъ, одного поля ягода, поэтому примите отъ меня угощенье. Выставилъ онъ это имъ вина, закусокъ, стали они бражничать, потомъ самоваръ потребовали. Я имъ самоваръ поставила, того и другого подавала. Нагулялись они, пошли ребята домой, а онъ пошелъ провожать ихъ...

Домна остановилась, сдѣлала глубокій, прерывистый вздохъ, потомъ утерла невольно выступившія на глазахъ слезы и опять продолжала:

— Пока онъ ходилъ-то, я все убрала въ избѣ, постелила ему постель на конникѣ, бабушка съ Любкой на печи легли,

а я пристроилась около суденки. Ходилъ онъ съ пріятелями долго, бабушка съ Любкой уснула, только я не спала; ужъ пѣтухи запѣли, слышу, онъ стучитъ въ окно: „Проводи-ка меня сѣнями, а то я, пожалуй, въ потемкахъ-то лобъ расшибу". Пошла я, отворила ему калитку, онъ какъ щипнетъ меня, я треснула его по рукѣ.—Что это ты? говорю. А онъ: „Ничего, это, говоритъ, я любя."—Ты, говорю, любя-то щипай себя, а меня не замай.—„Что-же такъ?" говоритъ.—А такъ.

Вошли мы въ избу. Вотъ, говорю, тебѣ постель—ложись.— „А ты-то, говоритъ, не ляжешь?"—Изъ чего, говорю, ты это только выдумалъ.—Загасила я огонь, сталъ онъ ложиться; я легла у себя въ углу. И только было я вздремнула, вдругъ, слышу, кто-то ступаетъ; повернула голову, открыла глаза, а это онъ и прямо ко мнѣ. Я говорю: „Ты что?" А онъ—молчитъ. Я его отпихнула, онъ меня за руки схватилъ. „Лучше, говорю, пусти, а то закричу". Онъ мнѣ тутъ разныя слова— награжу, говоритъ, тебя, чѣмъ хошь. Я вскочила, вырвала руки да на печку.

„Ну, на печку-то онъ не полѣзъ, а какъ-то присмирѣлъ, нигдѣ его не слыхать стало; вглядѣлась я въ темноту и вижу: сѣлъ онъ на мою постель и сидитъ. Ну, думаю, шутъ съ тобой, сиди, а я съ печки никуда не пойду, да такъ и осталась тамъ. Сидѣлъ, сидѣлъ онъ, слышу—шагаетъ опять въ свой уголъ. Только сталъ онъ ложиться, повернулся это въ мою сторону и шепчетъ: „Смотри, говоритъ, помни это, да не забудь!" Ладно, думаю, что ты мнѣ сдѣлаешь-то! А онъ вотъ и сдѣлалъ!

И Домна вдругъ опять опустила голову и горько зарыдала.

— Что жъ ты тогда мнѣ про это не сказала?—спросилъ Осипъ глухимъ голосомъ.

— Хотѣла было я тогда тебѣ про это разсказать, да духу не хватило, стыдно показалось.

Осипъ ничего больше не сказалъ, а сѣлъ на лавку, облокотился руками на столъ и положилъ на нихъ свою голову.

VII.

И долго, долго онъ сидѣлъ такъ. Ему хотѣлось вѣрить женѣ, хотѣлось вѣрить каждому ея слову, но все-таки сердце его щемило тяжелой тоской и въ головѣ его бродили черныя мысли. Ему представлялось, что все, что говорила Домна, можетъ-быть. вѣрно, все это очень похоже на правду, а ну, какъ это она выдумала, чтобы оправдать себя, избавиться отъ его нападокъ? Правда, она такъ сердечно побожилась, ну, да вѣдь и своя шкура-то всякому близка. И, чтобы защитить эту шкуру, можно и не такъ побожиться. О, о! да развѣ это не можетъ быть, развѣ это трудное дѣло? Нѣтъ, нѣтъ! Это вѣрно, она все выдумала. Господи, Господи! да что же это за напасть на меня свалилась?! Что же это за несчастье такое?!

И ему представилось, какъ еще онъ недавно считалъ себя счастливымъ человѣкомъ, и онъ въ душѣ горько разсмѣялся надъ этимъ. Какъ онъ былъ глупъ, считая себя счастливымъ? Развѣ можно человѣку быть увѣреннымъ въ своемъ счастьи? Онъ поднялъ голову, откинулъ ее къ стѣнѣ, изъ груди его вырвался мучительный вопль. Вдругъ онъ опять положилъ голову на руки и горько зарыдалъ.

Дѣдъ Аверьянъ.

Дѣдъ Аверьянъ.

I.

Прошлой осенью у насъ въ деревнѣ совершенно неожиданно свалился одинъ изъ стариковъ, дѣдъ Аверьянъ. Свалился онъ совсѣмъ отъ незначительной причины. Дѣло было въ ржаной сѣвъ, Аверьянъ пахалъ послѣднюю полосу въ заднемъ ярусѣ у лѣса, какъ вдругъ пошелъ дождикъ и съ сѣвера потянулъ вѣтерокъ; по примѣтамъ дождикъ долженъ былъ скоро пройти и Аверьяну не хотѣлось ѣхать домой, не кончивши пахоту. „Таскайся тутъ еще", —думалъ онъ,—„ближній свѣтъ", и онъ пустилъ лошадь на траву, забрался къ лѣсу, усѣлся подъ кустъ и сталъ пережидать дождикъ. Онъ прилегъ къ землѣ, пригрѣлся, вздремнулъ и заснулъ. Долго ли спалъ онъ,—Аверьянъ не могъ припомнить, но проснулся отъ того, что ему вдругъ показалось, что его что-то кольнуло въ лѣвый бокъ. Прогнавши сонъ, Аверьянъ почувствовалъ, что бывшій подъ дождемъ и вѣтромъ лѣвый бокъ его сильно прозябъ, правый же отъ земли очень нагрѣлся, и ему отъ этого сдѣлалось такъ неловко, что, несмотря на то, что дождь перемежался, онъ не сталъ дожидаться, когда онъ перестанетъ, и допахивать уже запаханную полосу, а взялъ лошадь и, шагая точно разбитый, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ холода, потащился домой.

Пріѣхавъ домой, онъ забрался на печь и до ночи пролежалъ на ней. Вечеромъ хозяйничавшая у него въ домѣ его сноха вдова Анисья заварила ему сушеной малины, и онъ, напившись ея, забился на ночь опять на печку и тамъ проспалъ до утра.

Утромъ на другой день Аверьянъ всталъ „чередомъ", правда, въ лѣвомъ боку у него было нѣсколько неловко, но неловкость эта была незначительная, и Аверьянъ, не обращая на нее вниманія, принялся за работу.

Однако съ каждымъ днемъ эта неловкость дѣлалась чувствительнѣй. Бокъ началъ прежде какъ будто мѣшать ему, потомъ ныть. Прежде Аверьянъ большое удовольствіе чувствовалъ, когда онъ, управившись съ работой, залѣзалъ на печку и, прислонившись больнымъ мѣстомъ къ теплымъ кирпичамъ, лежалъ такъ, но дальше-больше этого дѣлать стало нельзя; да еще мало того, что нельзя было ложиться на больной бокъ, дѣлалось больно, когда нечаянно дотронешься до него.

Тогда Аверьянъ вздумалъ полѣчиться и поѣхалъ въ больницу. Въ больницѣ Аверьянъ провелъ часа три и за это время въ немъ произошла удивительная перемѣна. Оттого ли, что Аверьянъ потрясся на телѣгѣ, ѣдучи въ больницу, или оттого, что его больное мѣсто трогалъ докторъ, боль въ немъ настолько усилилась, что онъ почувствовалъ въ себѣ страшную слабость. Онъ впервые ясно и отчетливо подумалъ о возможности скорой смерти и поѣхалъ домой весь разбитый.

Застоявшаяся у больницы молодая доморощенная лошадка бѣжала быстро, телѣга слегка погромыхивала по бѣлой, сухой, совершенно безпыльной дорогѣ. Кругомъ разстилалась темноватая зелень хорошо распустившейся озими, желтѣли пестрые лѣса. въ воздухѣ летали дымчатыя нити паутинника, солнце свѣтило хотя и не очень тепло, но ярко. На небѣ только кое-гдѣ клубились темныя облачка, въ деревняхъ тамъ и сямъ дымились овины, изъ нихъ вкусно пахло поджаренной соломой. Аверьянъ все это видѣлъ и чувствовалъ, но эта знакомая картина, всегда прежде такъ веселившая его душу, теперь только навѣвала на него тяжкую грусть. Богъ знаетъ, можетъ-быть, скоро и очень скоро его понесутъ вотъ по этой дорожкѣ вытянувшагося, недвижимаго, похолодѣвшаго. Потомъ опустятъ въ глубокую яму, закопаютъ и уйдутъ, а онъ останется одинъ въ этой темной могилѣ подъ несносной тяжестью

сѣрой земли, а кругомъ все будетъ такъ же, какъ будто ничего не случилось.

Пріѣхавъ домой, онъ кое-какъ выбрался изъ телѣги и, не выпрягая лошади, прямо пошелъ въ избу.

— Поди, выпряги лошадь-то, — слабымъ голосомъ сказалъ онъ невѣсткѣ и, не раздѣваясь, усѣлся на конникъ.

Анисья, смирная баба лѣтъ подъ сорокъ, худая и некрасивая, поднялась съ лавки, на которой сидѣла съ шитьемъ, и тревожно взглянула на старика.

— Что это ты, батюшка?—спросила Анисья.

— Помирать хочу,—невнятно проговорилъ старикъ и тяжко вздохнулъ.

— Что ты, родимый, аль тебѣ въ больницѣ что сказали?— спросила перепуганная Анисья.

— Ничего мнѣ въ больницѣ не говорили, а видно, пришло мое время.

— Да что же, неужели никакого лѣкарства не дали?

— Дали, какъ не дать, только все это пустое, видно хитрѣе Бога не будешь... Раздѣнь-ка меня.

II.

Въ деревнѣ никто не ожидалъ, что Аверьяна такъ быстро скрутитъ болѣзнь, но болѣе всего не ждалъ онъ этого самъ. Ему еще хотѣлось пожить, попользоваться отъ жизни чѣмъ-нибудь хорошимъ. Онъ такъ мало видѣлъ этого хорошаго. Аверьянъ родился и выросъ тогда, когда еще на Руси были другіе порядки, въ бѣдной крѣпостной семьѣ. Дѣтство его прошло очень не завидно; бѣдность, нужда и безпрерывная работа то дома, то на барщинѣ не давали заботиться о немъ, какъ слѣдуетъ, отцу съ матерью. И онъ часто терпѣлъ и холодъ и голодъ. Не лучше его жизнь пошла и тогда, когда онъ подросъ. Женился онъ не по своей волѣ. Его насильно заставили взять одну дворовую, на которую разгнѣвались за то,

что къ ней привязался молодой барчукъ, пріѣзжавшій на лѣто погостить изъ города, гдѣ онъ учился.

Бывшая горничная мужа-мужика не взлюбила, не взлюбила, конечно, и жизнь въ ихнемъ домѣ. Она больше плакала, чѣмъ смѣялась. Думали было, что она нѣсколько утѣшится, когда она на третій годъ замужества забеременѣла и родила Аверьяну сынишку Исайку, но эти надежды не оправдались; напротивъ, молодымъ отъ этого стало какъ будто тяжелѣе, и она возненавидѣла своего первенца и, когда онъ подросъ, вдругъ покинула и мужа и ребенка, скрылась неизвѣстно куда. Послѣ ухода жены жизнь Аверьяна пошла какъ нельзя хуже. Старики были плохи, Исайка малъ, пришлось ему всюду одному развертываться. И только когда подошла воля да подросъ Исайка, Аверьяну стало немного полегче; когда же Исайка выросъ совсѣмъ и его женили, то тутъ жизнь Аверьяна совсѣмъ было пошла на ладъ.

III.

Изъ Исайки вышелъ очень удачный малый, смирный, заботливый и способный на всѣ руки. Кромѣ полевыхъ работъ, его потянуло къ плотничеству, и онъ все время возился съ топоромъ. Онъ дѣлалъ и поправлялъ всякую деревенскую вещь по хозяйству: станки для боронъ, ясли, телѣги, мялки, скамейки. А когда онъ возмужалъ какъ слѣдуетъ, то принялся и за болѣе крупныя работы. Домъ у Аверьяна сталъ заводиться на настоящій ладъ: поправилась стройка, завелась лишняя скотина, подати хоть и большія въ то время, но уплачивались въ срокъ; стало чувствоваться нѣкоторое довольство. Анисья на восьмомъ году послѣ женитьбы Исая родила ему сына Гаврюшку; хоть ребенокъ въ домѣ и принесъ всѣмъ не мало заботъ и хлопотъ, но довольство всѣхъ отъ этого только увеличилось. Мальчикъ Гаврюша былъ здоровенькій и бойкій. Родители и дѣдъ такъ его любили, что нерѣдко ревновали другъ къ другу. Но такимъ счастьемъ Аверьяну не суждено

было долго пользоваться. Вскорѣ для него наступили опять горькіе дни. Гаврюшѣ шелъ уже пятый годъ, какъ въ ихней мѣстности вышелъ плохой урожай всего. На другой годъ неурожай былъ еще больше. Семейство Аверьяна, как и другія семьи, которыя жили не отъ одной земли, отъ этого мало потерпѣли, но другіе крестьяне страшно забѣдствовали. Хлѣба ничего не было, на рынкѣ цѣна ему была очень дорогая, пришлось продавать имущество. Овчины, сбруя, холсты, одежда и шерсть двинулись изъ крестьянскихъ дворовъ и клѣтей и пошли въ сараи и амбары торговому люду: или въ обмѣнъ на муку, или за чистыя деньги, конечно, за очень малыя. Торговцы, у кого были свободныя деньги, или кто умѣлъ сдѣлать оборотъ, хорошо нажились тогда, но больше всѣхъ нажился трактирщикъ изъ сосѣдняго села. Онъ цѣлыми вагонами покупалъ рожь въ степныхъ краяхъ; мѣстные мужики за дешевую цѣну, вмѣсто которой часто получали дорогую рожь, перевозили ему товаръ со станціи, и онъ бойко торговалъ ею. Батюшка изъ этого села, видя такой удачный оборотъ трактирщика, сталъ уговаривать его пожертвовать что-нибудь на домъ Божій, трактирщикъ согласился возобновить кресты на церкви и колокольнѣ, и съ слѣдующей же весны было приступлено къ этой работѣ.

На старинной колокольнѣ шпицъ былъ высокій и тонкій. Чтобы снимать и ставить кресты, нужно было обгородить шпицъ лѣсами, и вотъ для этого и подрядили Исая. Исай взялъ себѣ на помощь трехъ человѣкъ и началъ возводить лѣса. Черезъ недолгое время лѣса были готовы, и Исай былъ на самомъ верху ихъ, около верхняго шара, въ который былъ водруженъ крестъ. Исай никогда не бывалъ на такой высотѣ. Ему было тутъ и жутко и радостно. Усѣвшись на доскѣ и обнявши рукой крестъ, Исай сталъ оглядывать окрестности, и сердце его затрепетало какъ голубь. Какъ хорошо было кругомъ! Солнце заливало луга и поля, одѣтые молодой зеленью. По лугамъ кое-гдѣ искрились ранніе весенніе цвѣты. Темный лѣсъ, такъ недавно еще торчавшій къ верху бурымъ

одноцвѣтнымъ гребнемъ, вздымался теперь пышною ярко-зеленой горой. Вдали возвышались тоже подобные холмы и холмики, подернутые легкой синевой. Птицы сновали взадъ и впередъ и разливали безъ умолку по дрожащему и точно гонимому куда легкимъ вѣтеркомъ воздуху свои пѣсни. Душу Исая переполнило такимъ рѣдкимъ восторгомъ и счастьемъ, что онъ забылъ все на свѣтѣ. Забылъ, что онъ, гдѣ онъ и невольно разогнулъ руку, обнимавшую крестъ, и выпустилъ изъ груди глубокій радостный вздохъ. Все тѣло его отъ этого встрепенулось. Онъ вдругъ понялъ, какъ онъ неосторожно поступилъ, отнявъ руку отъ креста, но въ головѣ его еще не успѣло пронестись ни одной мысли, какъ онъ потянулся опять къ кресту, но должно быть очень быстро, доски подъ нимъ всколыхнулись еще болѣе, онъ потерялъ равновѣсіе, рука не успѣла снова обвиться вокругъ креста, и Исай полетѣлъ внизъ.

Сначала онъ ударился о желѣзную крышу купола. Ударился онъ плашмя и такъ сильно, что желѣзо издало оглушительный лязгъ; потомъ послышался отрывистый звукъ — это Исай стремительно поѣхалъ внизъ и, въ одно мгновеніе кувыркнувшись въ воздухѣ, шлепнулся на землю.

На землю онъ упалъ неподалеку отъ входа въ церковь. И въ одну минуту изъ стройной человѣческой фигуры получилась уродливая безформенная масса.

Хоронили Исая съ большой честью. Народу собралось со всего прихода. Плакали въ десятки голосовъ. Растрогался даже священникъ и въ словѣ передъ погребеніемъ хотѣлъ было сказать насчетъ трактирщика, что жертва отъ неправеднаго богатства не можетъ быть въ чистотѣ принесена Господу, но остановился и только во все время погребальной службы тяжко вздыхалъ и служилъ необычайно усердно.

IV.

Аверьянъ съ большимъ трудомъ перенесъ смерть своего сына. Много времени у него при одной мысли о сынѣ навертывались на глазахъ слезы. Но время шло, и это горе стало забываться. Но только оно немного поизгладилось, нагрянуло новое горе.

На четвертый годъ послѣ смерти Исая лѣто вышло очень урожайное. Уродились хорошо травы и всѣ хлѣба, и многіе мужики набили полнымъ - полно въ сараи и амбары. Мужики отъ этого очень повеселѣли и въ престольный праздникъ, бывшій у нихъ въ осеннюю Казанскую, рѣшились погулять, какъ слѣдуетъ. Въ деревню наѣхало гостей, нашло постороннихъ гулякъ, которые просто пришли за тѣмъ, чтобы „посбирать стаканчики". Одного такого гуляку чѣмъ-то не ублаготворили у старосты, и онъ, озлобясь на это, пошелъ и подпалилъ его амбаръ. Амбаръ вспыхнулъ. Пламя перебросило съ амбара на сараи и спалило четыре сарая. Между прочимъ сгорѣлъ сарай и Аверьяна; въ немъ былъ сложенъ весь кормъ, сѣно, солома, мякина, стояла телѣга съ сбруей, лежали груды досокъ и различнаго другого матеріала, запасеннаго во много лѣтъ, и отъ всего этого осталась куча пеплу. Аверьянъ, какъ увидѣлъ пожаръ, побѣжалъ къ сараю, вцѣпился себѣ въ волосы да такъ и грохнулся наземь.

— Пропало все,—хрипѣлъ онъ со стономъ и отчаяніемъ,— все погибло, всѣ труды прахомъ пошли!

Послѣ пожара Аверьянъ въ отчаяніи махнулъ рукой на свое хозяйство, продалъ лошадь и корову, перерѣзалъ овецъ, оставилъ только двухлѣтка жеребенка да телку, надѣясь коекакъ прокормить ихъ зиму хотя „сбирнымъ" на погорѣлое мѣсто кормомъ и рѣшилъ отложить ужъ все попеченіе о хозяйствѣ. Силы его очень ослабли, и онъ сразу постарѣлъ, кажется, на нѣсколько лѣтъ.

Гаврюшу онъ рѣшилъ отправить въ городъ и отдалъ тамъ

его въ одну пивную за небольшое жалованье. Внукъ въ городѣ, должно быть, прижился. Къ Пасхѣ онъ прислалъ дѣду пять рублей, а къ Петрову дню—три, и хотя эти деньги были небольшія, но старикъ этому былъ очень радъ. На второй годъ хотя Гаврюша и больше получалъ жалованья, но домой прислалъ меньше, а на третій годъ совсѣмъ ничего. Старика это встревожило, и онъ хотѣлъ было отправиться въ городъ и провѣдать, какъ живетъ тамъ внукъ, но его не пустила Анисья. Той самой захотѣлось посмотрѣть на житье сына и отправилась къ нему сама.

Изъ города Анисья вернулась довольная: она узнала, что сынъ не присылалъ денегъ не почему-нибудь, а потому, что себя справилъ. Онъ завелъ себѣ хорошіе сапоги, пальто и часы.

— И какой онъ молодецъ сталъ въ этомъ нарядѣ,—говорила она:—большой такой, лицомъ чистый, сразу и не узнаешь!

— Ну и слава Богу,—сказалъ Аверьянъ;—на новъ годъ женить можно,—приведемъ себѣ помощницу, а ему обузу: женится, позаботливѣй будетъ, а то, небось, вѣтеръ въ головѣ.

Отъ женитьбы внука онъ ожидалъ многаго: ему уже трудно было самому во всякій слѣдъ соваться и хотѣлось облегченья, а приведя молодую въ домъ, можно было разсчитывать на облегченье, а въ этомъ теперь для него было бы все; хоть годика два бы подъ послѣдки на спокоѣ пожить,—думалъ онъ и уже сталъ разсчитывать, когда имъ лучше свадьбу играть, гдѣ невѣсту брать, да какъ бы еще не ошибиться невѣстой-то.

V.

По пріѣздѣ изъ больницы Аверьянъ съ часъ лежалъ недвижимо; потомъ онъ намазалъ себѣ больной бокъ данной ему въ больницѣ мазью. Успокоился и вскорѣ почувствовалъ, что ему сдѣлалось нѣсколько полегче. Тяжелыя думы понемногу поразсѣялись у него изъ головы, на душѣ затеплилась надежда, что онъ выздоровѣетъ, еще поживетъ нѣсколько, и

мало-по-малу онъ перешелъ опять къ своимъ любимымъ за послѣднее время мечтамъ:

„Если поправлюсь, безпремѣнно нужно въ мясоѣдъ свадьбу играть. Какъ-нибудь справимся: хорошая одежда у парня есть, хлѣбушка нонче хватитъ, а на вино-то да на говядину можно продать что иль заложить: теперь есть на что впереди надѣяться, выросъ помощникъ. Женимъ парня, устроимся, какъ надо, и отдохнемъ маленько“.

И онъ сталъ представлять себѣ, какъ они тогда заживутъ. Онъ уже не желалъ той жизни, какую испыталъ, когда живъ былъ Исай; онъ чувствовалъ, что она не повторится, а теперь одно желалъ Аверьянъ, чтобы не метаться ему самому во всякій слѣдъ, не заботиться обо всемъ и хоть подъ старость отдохнуть маленько и пожить безъ заботъ и треволненій.

И онъ, позабывши про всю свою боль, набралъ въ себя воздуху и глубоко вздохнулъ. Въ больномъ боку его отъ этого страшно кольнуло, опять изъ головы Аверьяна вылетѣли всѣ думы и въ глазахъ пошли темные круги. Онъ снова почувствовалъ, что ему уже не поправиться, и снова глухая тоска защемила ему сердце. Онъ громко, протяжно простоналъ. Анисья подскочила къ нему и пласкивымъ голосомъ стала спрашивать, что съ нимъ такое.

— А вотъ что,—задыхаясь и растягивая слова, заговорилъ Аверьянъ:—пошли-ка ты телеграммъ Гаврюшѣ, не придетъ ли онъ домой, хоть поглядѣть на него „да проститься“... На вотъ тебѣ деньги... попроси кого-нибудь въ село съѣздить...

И онъ полѣзъ въ карманъ, вынулъ оттуда старый кожаный кошелекъ наподобіе мѣшечка, стягиваемый ремешкомъ наверху, и подалъ его Анисьѣ. Анисья хотѣла что-то сказать, но только всхлипнула, высморкалась, накинула на плечи одежину и вышла изъ избы.

VI.

Телеграмму отправили скоро, въ этотъ же вечеръ, и на другой день стали поджидать Гаврюшу, но Гаврюши не было. Прошелъ весь день, наступила ночь, по всей деревнѣ улеглись спать, заснула и Анисья. Не спалъ только одинъ Аверьянъ. Его бокъ мало того, что не переставалъ ныть, но въ немъ что-то начинало пухнуть, и у него стало закладывать дыханіе. Глухая, сильно ноющая боль чувствовалась въ томъ мѣстѣ, въ которомъ пухло, и по всему тѣлу все болѣе и болѣе расходилась слабость. Онъ уже не могъ подняться и пройтись по избѣ, едва-едва онъ могъ самъ поворотиться на мѣстѣ. Смерть подходила къ нему быстрыми шагами.

Аверьянъ уже не думалъ о томъ, чтобы ему еще пожить, онъ вѣрилъ, что это ему уже не придется, а желалъ одного—дождаться Гаврюши, и страшно боялся, ну какъ онъ его не дождется, ну какъ не пріѣдетъ внукъ: или не отпустятъ его,—нельзя почему-нибудь, или телеграмма дома не застанетъ и онъ опоздаетъ. И его душу охватывалъ страхъ. Ну, какъ это правда случится, и онъ не только передъ смертью не полюбуется своимъ кровнымъ, но не успѣетъ передать ему своего благословенія! Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ это случится?

Но страхъ тотчасъ же смѣнялся надеждой. Аверьяну думалось, что быть этого не можетъ, неужели судьба будетъ такъ жестока къ нему, что лишитъ его послѣдней отрады передъ смертью. Нѣтъ, внукъ пріѣдетъ къ нему, выкажетъ ему свою любовь и сожалѣніе. Онъ привезетъ ему цѣлый коробъ гостинцевъ: мягкихъ душистыхъ саекъ, крупныхъ и сочныхъ яблокъ; онъ уже глоталъ слюнки отъ одного представленія, какъ онъ будетъ жевать размоченную въ горячемъ чаю сайку и какъ освѣжитъ покрытое горькимъ, противнымъ налетомъ пересохшее горло кисло-сладкимъ сокомъ печенаго яблока.

Послѣ пѣтуховъ въ окно избы Аверьяна раздался стукъ. Аверьянъ мгновенно встрепенулся. Сердце въ немъ тревожно

заколотилось. Онъ даже приподнялся на мѣстѣ и бодрымъ голосомъ прокричалъ, обращаясь къ спящей невѣсткѣ.

— Анисья, Анисья! проснись, стучитъ кто-то.

— А? что?—встрепенувшись, спросила Анисья и, поднявши голову съ подушки, стала оправлять свалившійся платокъ.

— Стучитъ, говорю, кто-то, не Гаврюша ли пріѣхалъ, встрѣчай поди!

— Неужто! — радостно воскликнула Анисья и горошкомъ вскочила на ноги и бросилась изъ избы.

Черезъ минуту она возвратилась въ избу, но безъ Гаврюши. За ней шелъ высокій пожилой мужикъ—разсыльный съ телеграфа. Войдя въ избу и поздоровавшись, мужикъ вынулъ изъ кармана небольшой конвертъ и проговорилъ:

— Вѣсточку вамъ изъ города принесъ.

— Что за вѣсточка, прочитай-ка,—мгновенно ослабѣвшимъ голосомъ проговорилъ Аверьянъ и уставился на разсыльнаго.

Разсыльный разорвалъ конвертъ, вытащилъ оттуда небольшой лоскутокъ бумажки, развернулъ его и прочиталъ всего четыре слова:

„Пріѣхать не могу, хозяинъ не пускаетъ“.

Аверьянъ, услыхавъ это, простоналъ и опустилъ голову на изголовье. Анисья всхлипнула и стала роптать на подневольное положеніе человѣка.

— Что жъ дѣлать,—сказалъ разсыльный:—въ людяхъ жить не свою вольку творить; дозволятъ, такъ поѣдешь, а не дозволятъ, такъ...

И онъ сѣлъ на приступку, досталъ кисетъ съ табакомъ и сталъ набивать трубку.

Аверьянъ шевельнулся, снова тяжко и продолжительно простоналъ, потомъ закрылъ глаза и впалъ какъ будто въ забытье. Анисья подошла къ нему и молча, тревожно уставилась на него.

VII.

Но Аверьянъ не забывался. Ему бы и хотѣлось забыться, но онъ не могъ; хотя онъ лежалъ не шевельнувшись, но въ немъ все кипѣло и волновалось, и душу заполняла такая ѣдкая горесть, что замирало все.

..И тутъ незадача! И тутъ не исполнилось его желаніе, не вышло такъ, какъ ему хотѣлось. Да что же это такое? Что это за напасть на него во всей жизни? И это вѣдь не ему одному, а почти каждому изъ ихняго брата.

..Думается вотъ такъ, вотъ желается того-то, да такъ и надобно бы, кажись, а судьба, какъ на смѣхъ, все воротитъ по другому... Неужто все это зависитъ отъ судьбы?.. Такъ что же это за судьба такая и почему она поворачиваетъ такъ, а не этакъ? Отчего она однихъ людей награждаетъ довольствомъ и счастіемъ, а другихъ заставляетъ всю жизнь страдать и мучиться?.. Развѣ не мука была вся его жизнь? И въ возбужденной памяти Аверьяна пронеслась вся его жизнь съ молодости до старости. Онъ останавливался надъ каждымъ событіемъ ея и видѣлъ, что каждое событіе причиняло ему только одну муку. Начать съ дѣтскихъ лѣтъ, какія онъ видѣлъ въ теченіе его радости? А юношеская пора что дала ему утѣшительнаго? А дальнѣйшая жизнь?.. Да онъ бы покоя цѣлой жизни не взялъ за одно это несчастье. Развѣ легко было перенести это горе? Развѣ не молилъ онъ послѣ этого на себя смерти? И смерти ему не далъ Богъ... А пожаръ?.. Онъ думалъ, что подъ старость ему суждены радостные дни и надѣялся, что эти радости будутъ ему, когда выростетъ внукъ, возьметъ на себя хозяйственную обузу и успокоитъ его. Онъ вѣрилъ въ это, но вотъ внукъ еще не выросъ, а жизнь его кончается, да если бы и не кончалась, пришли ли они? Очень просто, что и нѣтъ,—такъ что же это значитъ? Или мой умъ затуманился и я ничего понять не могу, такъ помоги же мнѣ, Боже!..“

Къ глазамъ Аверьяна приступили жгучія слезы, и онъ громко всхлипнулъ.

„Если сказать, что такая судьба,—Божье наказанье, то за что оно? Онъ никакихъ большихъ грѣховъ не дѣлалъ. Другіе явно грѣшили и грѣшатъ и пользуются лучшей жизнью, а онъ отъ всего воздерживался и такъ мучался. Если же это наказаніе за грѣхи родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ, такъ какіе же это грѣхи? Хорошо бы было знать, знать вину—легче мука... Да и справедливо ли это: за вину предковъ страдать потомкамъ?

„И неужели это правда кипѣть въ смолѣ на томъ свѣтѣ? Боже правый! гдѣ Твоя правда, гдѣ милосердіе, гдѣ любовь? Не жестокая ли насмѣшка надъ человѣкомъ такой Твой законъ?"

И Аверьянъ заметался по постели и глухо, тяжко застоналъ.

Опять было уснувшая Анисья проснулась, разбуженная его стонами, и подскочила къ старику...

— Что ты, батюшка? Что ты, родимый? худо тебѣ?—спросила она.

Аверьянъ ничего не сказалъ, а только скользнулъ по ней возбужденнымъ взоромъ и продолжалъ стонать.

— За священникомъ надо ѣхать,—сказала сама себѣ Анисья.— Господи Батюшка, никакъ дня еще не переживетъ!

И она засуетилась по избѣ, отыскала одежину, накинула ее кое-какъ на плечи и побѣгла къ сосѣдямъ за помощью.

VIII.

Передъ образами горѣла лампада. Запахъ ладона еще не выдохся отъ утренней поры, когда Аверьяна пріобщали. Въ избу началъ находить народъ, всѣ они подходили къ Аверьяну, кланялись въ ноги и говорили: „Прости Христа ради!" и называли его: кто—„Аверьянъ Максимычъ", кто—„дядя Аверьянъ", кто—„дѣдушка". Аверьянъ на это неизмѣнно чуть слышно лепеталъ: „Богъ проститъ, — меня простите, грѣшнаго", но лепеталъ это совершенно равнодушно, безъ всякаго чувства.

Внутри его, очевидно, что-то отвлекало отъ этого, онъ все свое вниманіе перенесъ на то. Дыханіе его становилось чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе. Въ горлѣ его ужъ что-то клокотало, и онъ нѣсколько минутъ безпрерывно стоналъ. Къ нему то и дѣло подходила опухшая отъ слезъ Анисья и опять уходила; стояли, устремивъ на него грустный взглядъ, нѣкоторые изъ сосѣдей. Аверьянъ видѣлъ Анисью, видѣлъ сосѣдей, но ни до кого уже ему не было никакого дѣла; очевидно, ему было только самому до себя.

Передъ вечеромъ въ избу вошелъ одинъ старикъ, давній пріятель Аверьяна. Подойдя къ Аверьяну, онъ опустился около него на полъ и сейчасъ же залился слезами и забормоталъ.

— Пріятель мой вѣрный, что жъ ты мнѣ теперь измѣняешь? Мы ли съ тобой не товарищи были, а ты одинъ уходишь въ дальній путь? захвати меня съ собою для компаніи.

Аверьянъ заморгалъ глазами, шевельнулъ языкомъ, но уже никакого слова сказать не могъ. Изъ глазъ его покатились крупныя слезы и провели двѣ мокрыя полосы наискось всего лица, и сейчасъ же зрачки глазъ его зашли какъ-то подъ лобъ и на народъ устремились одни бѣлыя яблоки.

— Отходитъ, отходитъ! — пронеслось по избѣ. Къ Аверьяну подскочила Анисья и завыла въ голосъ, двѣ сосѣдки подовторили ей.

Но Аверьянъ еще не отходилъ.

Зрачки его опять выкатились изъ-подо лба, по тѣлу пробѣжала судорога, изъ груди вырвался хриплый стонъ, и послѣ этого самая грудь стала вздыматься все выше и выше, хотя дыханье стало рѣже. Вдругъ все тѣло Аверьяна закачало съ боку на бокъ, онъ откинулъ назадъ голову, изо рта его вылетѣли какіе-то страшные непонятные звуки, глаза его опять закатились подъ лобъ, лѣвая рука изо всѣхъ силъ ударилась объ стѣну; послѣ этого онъ сталъ отходить

Въ сумерки тѣло Аверьяна омыли, одѣли въ саванъ и положили въ гробъ. У головы покойника зажгли двѣ свѣчи и позвали читалку читать псалтырь. И умершій, омытый и одѣтый въ саванъ Аверьянъ хотя лежалъ смирно, но на лицѣ его можно было ясно прочитать, что такъ мучившій его вопросъ остался не разрѣшенъ, и всѣмъ своимъ видомъ онъ какъ будто бы еще спрашивалъ: „Что же это?“ „Какъ же это?“ „Да отчего же это такъ?“

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.